К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Отдел первый

Публицистика - Философия - История

Отдел второй

Экономические исследования

Капитал

Теории прибавочной стоимости

Отдел третий

Переписка

Отдел четвертый

Указатель предметный и именной

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ТОМ
VIII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
ПАМФЛЕТЫ

1850—1853

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

После закрытия «Новой рейнской газеты» Маркс и Энгельс направились в Баден. Они прибыли в Маннгейм 20 или 21 мая, а затем уехали в Карлсруэ. По их мнению, «без решительных ударов в Венгрии или без новой революции в Париже» все революционное движение было осуждено на поражение. После Карлсруэ Маркс и Энгельс направились в Пфальц и прежде всего в Шпейер, где должны были находиться д'Эстер и временное правительство. Но оказалось, что последнее переселилось уже в Кайзерслаутерн.

«На следующее утро, — пишет Энгельс, — мы вместе с Виллихом поехали в Кайзерслаутерн, где встретили д'Эстера, временное правительство и вообще цвет немецкой демократии. Об официальном участии в движении, которое было совершенно чуждо нашей партии, не могло быть речи, разумеется, и здесь. Ввиду этого мы через несколько дней вернулись обратно в Бинген; по пути, в обществе нескольких друзей, мы были арестованы гессенскими солдатами по подозрению в участии в восстании, отправлены в Дармштадт и оттуда во Франкфурт, где были, наконец, освобождены. Вскоре после этого мы покинули Бинген, и Маркс уехал с мандатом Центрального демократического комитета в Париж, где предстояли тогда решающие события, чтобы представлять германскую революционную партию у французских социал-демократов. Я же вернулся назад в Кайзерслаутерн, с намерением жить там первое время в качестве простого политического эмигранта, а впоследствии, быть может, если представится удобный случай и вспыхнет борьба, занять то единственное место, которое «Новая рейнская газета» могла занимать в этом движении: место солдата».

Первого июня Маркс был еще в Бингене, а уже 7 июня 1849 г. он пишет первое письмо Энгельсу из Парижа. Энгельс в это время оставался в Кайзерслаутерне, но 13 июня переехал в Оффенбах, чтобы вместе с Виллихом, в качестве его адъютанта, проделать «кампанию в защиту имперской конституции».

«Здесь господствует, — писал ему Маркс из Парижа, — роялистская реакция, более бесстыдная, чем во времена Гизо; ее можно сравнить лишь с периодом после 1815 г. Париж — мрачен. К тому же

холера, которая свирепствует чрезвычайно. И несмотря на это, колоссальный взрыв революционного кратера никогда еще не был столь близок, как теперь в Париже. О подробностях позже. Я встречаюсь со всей революционной партией и через несколько дней буду иметь в своем распоряжении *все* революционные журналы».

Через несколько дней — 13 июня 1849 г. — действительно произошел «взрыв», но он кончился полным крахом мелкобуржуазной демократии во главе с Ледрю-Ролленом. Во время массовых арестов особенно сильно пострадала немецкая эмиграция. Арестованы были оба посланника баденско-пфальцского временного правительства, Блинд и Шюц. Кроме них, взяты были Эвербек, Зейлер, Петцлер и другие коммунисты. Маркс, приехавший за несколько дней до 13 июня,[1] попал только после в «поле наблюдения» парижской полиции. Уже очень скоро после приезда его семьи он получил — 19 июля — приказ оставить Париж. Ему предложено было переехать в департамент Морбиган.

«Высылка твоя в провинцию, — писал ему Фрейлиграт 29 июля 1849 г., — является гнусностью из гнусностей. Доктор Даниэльс уверяет, что Морбиган — самая нездоровая полоса Франции, болотистая и зараженная лихорадкой: Понтийские болота Бретани. Если бы ты теперь, в августе, туда отправился, не миновать бы тебе перемежающейся лихорадки. Поэтому, если только возможно, он советует тебе отправиться лучше в Англию».

Марксу сначала «удалось ускользнуть от этой экзекуции». А тем временем получилось, наконец, известие от Энгельса из Швейцарии. В письме к жене Маркса (25 июля 1849 г.), которого он считал арестованным в Париже, он сообщал о всех своих приключениях и злоключениях со времени отъезда из Кайзерслаутерна вплоть до перехода через швейцарскую границу. Пока он основался в Веве. Маркс сейчас же ответил ему. Уже в этом письме он сообщает Энгельсу, что начал переговоры о «создании в Берлине периодического (ежемесячного) политико-экономического журнала, который должен составляться главным образом нами обоими». Маркс все еще думал, что

[1] «Во-вторых, приехал в Париж Карл Маркс, главный редактор «Новой рейнской газеты» и лидер немецких коммунистов с мандатом от пфальцского демократического центрального комитета, чтобы вступить в тесные сношения с наиболее влиятельными членами революционно-коммунистической партии во Франции, — поручение, которое, в силу своей деликатной натуры, сохранялось в большой тайне и потому ускользнуло от рысьих глаз бандитов Карлье» (начальника парижской полиции) (*S. Seiler*, Der Complot vom 13. Juni 1849 oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Hamburg 1850) («Заговор 13 июня 1849 г., или последняя победа буржуазии во Франции»). Книжка посвящена «моему другу Карлу Марксу, главному редактору «Новой рейнской газеты».

ему удастся отбояриться от высылки из Парижа, но уже 23 августа 1849 г. он пишет Энгельсу, что вынужден уехать из Франции.

«Меня высылают в департамент Морбиган, в Понтийские болота Бретани. Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Я поэтому покидаю Францию. В Швейцарию мне не дают паспорта, я должен, таким образом, ехать в Лондон, и не позже, чем завтра... Кроме того, в Лондоне у меня имеются *положительные* виды на создание немецкого журнала. Часть денег мне *обеспечена*. Ты должен поэтому немедленно отправиться в Лондон... Я *положительно* рассчитываю на это. Ты *не можешь* оставаться в Швейцарии. В Лондоне мы будем делать дела».

А Энгельс сидел в это время в Лозанне и писал свои мемуары, которые он собирался издать у Шабелица в Базеле. Настоятельные требования Маркса побудили его, однако, поторопиться с переездом в Лондон. Так как он не получил разрешения проехать через Францию, то он направился в Геную, чтобы устроиться на какомнибудь английском корабле. После долгих хлопот ему это удалось. На парусном судне «Cornish Diamond» он отправился в Лондон в начале октября 1849 г. и попал туда через пять недель, в середине ноября.

К этому времени переговоры о возобновлении «Новой рейнской газеты» привели уже к определенному результату. Из писем Теодора Гагена, члена Союза коммунистов, жившего тогда в Гамбурге, мы узнаем целый ряд подробностей об организации нового ежемесячника. Распространение журнала взяла на себя, в качестве торгового комиссионера, фирма Шуберт, набор и печатание журнала — типография Келера в Гамбурге, которую после сменила типография Фойгта в Вандсбеке (около Гамбурга). Ответственным редактором был Конрад Шрамм, на котором лежали главные обязанности по сношениям с типографией и комиссионером.

Сохранилось подписанное им и датированное 1 января 1850 г., — но написанное, вероятнее всего, Энгельсом, — предложение, обращенное к друзьям «Новой рейнской газеты», принять участие в подписке на акции нового литературного предприятия.

Оно начиналось историческим экскурсом.

«Новая рейнская газета», как известно, выходила с 1 июня 1848 г. до 15 мая[1] под редакцией Карла Маркса, как ежедневный орган в Кельне на Рейне. Она представляла самое радикальное течение среди демократии в Германии, и так удачно, что, несмотря на всякие приостановки и осадное положение, несмотря на процессы

[1] Вероятно описка, вместо 19 мая.

печати и гонения, несмотря на величайшие трудности, преследования и препятствия всякого рода, она, после всего лишь одиннадцати месяцев существования, насчитывала 5 000 абонентов. После того как редакция была два раза оправдана присяжными, в распоряжении прусского правительства оставался только акт грубого насилия, чтобы покончить с этой неудобной газетой. Когда частичные восстания в мае прошлого года в Рейнской Пруссии были подавлены, воцарившееся господство сабли было использовано для того, чтобы насильственно изгнать из Пруссии редакцию и таким образом сделать невозможным дальнейшее появление «Новой рейнской газеты».

«Редакторы «Новой рейнской газеты», — сказано было в «предложении подписки на акции», — которые принимали участие в революционных движениях последнего лета в южной Германии и в Париже, в большинстве своем опять собрались в Лондоне и решили там продолжать издавать газету. Вначале она может выходить только раз в месяц в виде обозрения, книжками приблизительно в пять печатных листов, но предприятие это лишь тогда вполне достигнет своей цели — оказывать не прекращающееся и глубокое влияние на общественное мнение, — а также и в финансовом отношении будет иметь настоящие перспективы, если редакция окажется в состоянии чаще выпускать отдельные номера. Она намерена поэтому, как только позволят средства, выпускать «Новую рейнскую газету» каждые две недели книжками в пять печатных листов или, если возможно, в виде большой еженедельной газеты, наподобие американских и английских еженедельных газет, и, как только обстоятельства позволят возвратиться в Германию, тотчас же превратить еженедельную газету в ежедневную. Предварительный расчет показывает, что при выходе только раз в две недели и при тираже в 3 000 экземпляров она может дать ежегодный доход в 1 900 талеров. Чтобы обеспечить предприятие и сделать возможным выход обозрения раз в две недели или раз в неделю, необходим капитал в 500 ф. ст. Именно с этой целью открывается подписка на акции на следующих условиях:

1) Каждая акция составляет 50 франков и оплачивается сейчас же по получении предварительной квитанции, которая после обменивается на оригинальную акцию.

2) Каждый акционер отвечает только в размере принадлежащей ему акции.

3) Акционеры имеют право чрез посредство своих представителей в Лондоне проверять все делопроизводство.

4) Каждую четверть года собирается общее собрание, которое заслушивает отчет о ходе всего предприятия и о его финансовом положении, а также принимает решения по поводу дальнейшего кон-

троля над ведением дела. Отдельным акционерам рассылается литографированный деловой отчет.

5) Прибыль, которую будет приносить предприятие, до тех пор будет причисляться к капиталу, пока «Новая рейнская газета» не получит возможности выходить еженедельно. Когда предприятие настолько окрепнет, прибыль будет делиться на три равные части: одна треть пойдет в резервный фонд, другая, как дивиденд, в пользу акционеров, а третья — в пользу редакции».

Мы не знаем, был ли этот циркуляр действительно разослан. Аманд Гегг, немецкий демократ, который вместе с Блиндом еще поддерживал тогда сношения с Марксом и Энгельсом, послал 100 франков еще до этого циркуляра. Фрейлиграт, Лассаль и Вейдемейер, которые в Германии поддерживали новое предприятие, говорят в своих письмах только о подписчиках, которых они старались завербовать. Шуберт оказался не совсем удачным комиссионером. Кроме того, он все время находился под страхом возможных репрессий. Выпуск первых номеров был недостаточно обеспечен и в финансовом отношении. Хуже всего, однако, было то, что и редакционная подготовка не находилась на должной высоте. Марксу и Энгельсу пришлось заполнять почти весь журнал.

В конце декабря 1849 г. разослан был в газеты следующий проспект, написанный несомненно Марксом:

«Журнал носит название газеты, продолжением которой он в действительности и является. Одной из его задач является дать ретроспективный обзор того периода, который истек со времени закрытия «Новой рейнской газеты». Огромный интерес к газете: постоянное вмешательство, изо дня в день, в движение и возможность служить непосредственным голосом этого движения, отражение текущей истории во всей ее полноте, непрерывное и тесное взаимодействие между народом и текущей историей этого народа — этот интерес необходимо теряется по отношению к журналу. Зато журнал дает то преимущество, что позволяет охватывать более крупные контуры и останавливаться только на более важном. Журнал допускает детальное научное исследование *экономических* условий, которые образуют основу всего политического движения. Такая эпоха видимого застоя, как настоящая, должна быть использована, чтобы разъяснить прожитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обусловливают существование и борьбу этих партий».

Посылая этот проспект Шабелицу (в письме от 22 декабря 1849 г.; он был напечатан в «Berner Zeitung» уже 27 декабря), Энгельс сообщает ему следующие сведения о предполагаемом содержании первой

книжки. «Кроме общего введения (написанного Марксом), она будет содержать мою статью о кампании в защиту имперской конституции, статью маленького Вольфа о последних днях франкфуртского и штутгартского парламента, обзор событий, написанный мною и Марксом, и, если будет возможно, первую из лекций по экономии, которые Маркс читает в здешнем рабочем союзе. Затем всякая смесь — быть может, кое-что даст еще Красный Вольф. Последний, Маркс, Веерт и я собрались уже здесь, и возможно, что скоро приедет и Лупус». [1]

Первая книжка датирована январем 1850 г. Но в действительности она вышла только в первых числах марта. Статья Вольфа не была доставлена к сроку, Красный Вольф и Веерт не дали ни одной статьи. Зато в номер попала статья Блинда об «австрийских и прусских партиях в Бадене», вызвавшая весьма нелестный, но справедливый отзыв Лассаля. Вместо общего введения и главы из лекций по политической экономии Маркс дал первую из статей о «1848 — 1849 гг.», а Энгельс — первые две главы своей «Кампании в защиту имперской конституции». За недостатком места пришлось исключить уже набранные и вошедшие в напечатанное оглавление обзор статей и корреспонденцию из Южной Германии.

Вторая книжка, помеченная февралем, вышла в конце марта. Она состоит целиком из статей Маркса и Энгельса. Кроме продолжения прежних статей, даны три больших рецензии (о Даумере — Маркса, о Людвиге Симоне — Энгельса, о Гизо — Маркса) и обзор событий, написанный Марксом и Энгельсом.

Третья книжка — мартовская — вышла в конце апреля. Хотя еще в первой книге значится, что там будут помещены статья Маркса «Что такое буржуазная собственность? II. Земельная собственность — лекции, читанные в немецком Рабочем союзе в Лондоне», статья Вильгельма Вольфа «Последние дни немецкого парламента», статья «Финансовое положение Пруссии», — третья книжка составлена была только из двух статей Маркса и Энгельса — окончания начатых еще в первой книжке работ.

Четвертая — апрельская — книжка вышла во второй половине мая. Она содержит «Ямбы» Менара, автора «Пролога революции» (Фрейлиграт обещал перевести их на немецкий язык, но так и не успел справиться с этой работой), и статью Энгельса об «Английском десятичасовом билле». Почти вся книжка, за исключением этой маленькой статьи, состоит из рецензий и обзора событий. Рецензий три: о Карлейле — Маркса и Энгельса, о де-ла-Одде и Шеню — Маркса и Энгельса, о Жирардене — Маркса. Обзор и смесь, кото-

[1] Вильгельм Вольф, или маленький Вольф, в отличие от Фердинанда Вольфа.

рая также дает отклики на текущие события, написаны Марксом и Энгельсом. Кроме того, имеется отрывок — недостаточная замена все еще недоставленной статьи — из письма Вильгельма Вольфа, посвященный кратковременному регентству Карла Фогта.

Правда, среди заметок, вошедших в этот обзор, есть и заметка о Кинкеле, которой пришлось сыграть решающую роль не только в судьбах нового журнала, но и в истории отношений между коммунистической партией и мелкобуржуазной демократией.

После апрельской книжки дела пошли еще хуже. Гаген, наиболее доверенное лицо редакции в Гамбурге, уже в июне жаловался на отсутствие материалов. Шуберт, в начале августа, все еще просит присылки статей для следующей книги. Подписчики, которых удалось навербовать,—правда, не в очень большом числе,— Науту, Фрейлиграту, Вейдемейеру, Лассалю, требовали удовлетворения. Но финансовые средства к этому времени окончательно истощились. Надежда на поддержку «беспартийных» элементов исчезала все больше и больше. Коммунисты попадали во все более изолированное положение. А вслед за этим началась фракционная борьба в самом Союзе коммунистов. Энгельс и в значительно большей степени Маркс были заняты этой борьбой. Мы сейчас увидим, какие фазы проходила эта борьба начиная с марта 1850 г.

Решено было удовлетворить подписчиков выпуском двойной книжки. Она вышла в декабре 1850 г. Из 180 страниц свыше половины (99) заняла работа Энгельса о «Крестьянской войне в Германии». Затем следовала перепечатка главы о «социалистической и коммунистической литературе» из «Коммунистического манифеста». Из новых сотрудников приходится отметить Эккариуса, который дал специальную работу о «Портняжном промысле в Лондоне».[1]

Марксу принадлежит только обзор событий за полугодие от мая до октября 1850 г. Значительная часть его занята анализом вновь создавшегося экономического положения.

В третьем томе литературного наследства Маркса и Энгельса Меринг воспроизвел главные статьи журнала. Он опустил только те из них, которые были уже напечатаны отдельными изданиями, как «Классовая борьба во Франции» и «Крестьянская война в Германии». Мы сейчас увидим, что он сделал и другие сокращения,— правда, на этот раз оговорив их.

---

[1] Редакция сопроводила эту статью большим примечанием. Оно, наверное, написано Энгельсом, который редактировал этот первый литературный опыт Эккариуса. «Автор этой статьи сам — *рабочий* в одной из лондонских портняжных мастерских. Мы спрашиваем немецких буржуа, сколько писателей они насчитывают, которые были бы в состоянии подобным образом охватить дей-

Настоящий том открывается статьями Маркса о 1848 — 1849 гг. Именно эти статьи известны под названием «Классовая борьба во Франции». Но Маркс вовсе не хотел ограничиваться одной только Францией. В его план входили и другие европейские страны. После третьей главы, которая в напечатанном — в первом выпуске «Новой рейнской газеты» — объявлении названа была «Воздействие 13 июня на континент», должна была следовать четвертая глава под названием *«Современное положение. Англия»*. Маркс после отказался от этого плана: написанный им для пятой и шестой книг обзор по своему содержанию соответствует первоначальному плану.

Меринг не заметил, что изданный после Энгельсом сборник статей Маркса под названием «Классовая борьба во Франции» включает не только три статьи Маркса: 1) «Июньское поражение 1848 г.», 2) «13 июня 1849 г.», 3) «Последствия 13 июня 1849 г.», но и часть обзора, помещенного в пятой и шестой книгах (в настоящем томе стр. 236 — 239 и 245 — 255),[1] из которой Энгельс сделал четвертую главу.

Мы решили напечатать статьи Маркса в первоначальном виде. Введение Энгельса к ним будет напечатано вместе с другими работами последнего периода его литературной деятельности.

Непосредственно за статьями Маркса о Франции мы даем его же статейку «Луи-Наполеон и Фульд», которая была напечатана в четвертой книжке. Она примыкает непосредственно к третьей статье.

Статьи Энгельса о «Кампании в защиту имперской конституции» выделены нами и помещены в седьмом томе. К статье Энгельса «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» мы прибавили его же статью на ту же самую тему. Она была напечатана в выхо-

---

ствительное движение? Еще до того как пролетариат завоевывает свои победы на баррикадах и на полях сражений, он возвещает наступление своего господства рядом интеллектуальных побед. Читатель заметит, как на место сантиментальной, моральной и психологической критики, которую развивают против существующих условий *Вейтлинг* и другие литераторствующие рабочие, здесь буржуазному обществу и его движению противостоит чисто материалистическое и более свободное понимание, не смущаемое никакими капризами настроения. В то время как, в особенности в Германии и в значительной степени также и во Франции, ремесленники стараются задержать упадок их полусредневекового состояния и хотели бы объединиться как *ремесленники*, в этой работе поражение ремесла в борьбе с крупной промышленностью рассматривается и провозглашается как прогресс, и в то же время в результатах и созданиях крупной промышленности познаются и разоблачаются порожденные самой историей и ежедневно вновь создаваемые реальные условия пролетарской революции.

[1] В своей перепечатке этого обзора Меринг сохранил только одну часть, вошедшую в последнюю главу «Классовой борьбы во Франции» — в нашем издании стр. 236 — 239.

дившем под редакцией Джорджа-Джулиана Гарни «Демократическом обозрении» («Democratic Review»), но несколько раньше — в марте 1850 года.

Меринг в своем комментарии посвящает очень много места статье Энгельса. «Он видит в законе в том виде, в каком он прошел в 1847 г., — пишет он, — реакционную махинацию; он предназначался для того, чтобы наложить оковы на крупную промышленность, а рабочих подчинить опеке общественных классов, еще более отсталых, чем крупные промышленники. Для этого он, по мнению Энгельса, не только предназначен, но также и пригоден... Поэтому Энгельс видит в решении Court of Exchequer от 8 февраля 1850 г., старавшегося посредством юридического крючкотворства уничтожить закон, совершенно последовательный, логический и — ввиду положения вещей — неотвратимый факт. Частичными мероприятиями вроде законного рабочего дня нельзя остановить промышленное развитие; рабочим может помочь только завоевание политической власти».

Меринг делает, вслед за Бернштейном, вывод, что Энгельс в 1850 г. был против законодательного ограничения рабочего дня, а следовательно и Маркс, и что только в «Учредительном адресе» и в «Капитале» Маркс, а следовательно и Энгельс, поняли значение фабричного законодательства.

Не подлежит никакому сомнению, что Маркс и Энгельс только в 60-х годах, и именно на основе новых экономических исследований Маркса, могли вполне оценить все значение фабричного законодательства. Но из этого еще нисколько не следует, что Маркс и даже Энгельс были в 1850 г. против законодательного ограничения рабочего дня. В разбираемой Мерингом статье Энгельса подвергается критике — и весьма справедливой — определенная новелла к существовавшему уже рабочему законодательству. Задачи и содержание не закона о десятичасовом рабочем дне, а именно этой новеллы к нему, были *глубоко реакционными*.

Энгельс говорит, что «для рабочих было счастьем, что в смутную эпоху 1847 г.... прошел, наконец, билль о десятичасовом рабочем дне». Он прекрасно знает, — и это сказано еще в «Коммунистическом манифесте», — что закон «прошел в виде отместки со стороны аристократии, части пилитов и вигов за одержанную фабрикантами отменой хлебных законов крупную победу». [1]

---

[1] «Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она [организация пролетариев] добивается признания некоторых интересов рабочих в форме закона. Так было с десятичасовым биллем в Англии». А Меринг, вслед за Бернштейном, говорит о «заблуждении Маркса и Энгельса» в эпоху написания «Коммунистического манифеста»!

Энгельс указывает не только на экономическое, но и на политическое значение этого билля. Он «дал рабочим не только удовлетворение необходимых физических потребностей, до некоторой степени ограждая их здоровье от бешеной эксплоатации фабрикантов, — он освободил рабочих также от сообщества сантиментальных мечтателей, от солидарности со всеми реакционными классами Англии».

Правда, «при том способе, каким он применялся, он является решительно реакционной мерой». Но одно и то же требование получает неодинаковый смысл при различных условиях времени и места.

«И все же для рабочих билль о десятичасовом рабочем дне необходим. Он составляет для них физическую потребность. Без билля о десятичасовом рабочем дне все английское молодое рабочее поколение физически погибнет. Но существует громадная разница между биллем о десятичасовом рабочем дне, которого в настоящее время требуют рабочие, и тем, который пропагандировали Садлер, Остлер и Эшли».

Энгельс ошибся, но не потому, что он *недооценил* билль о десятичасовом рабочем дне, а потому, что он *переоценил* силу революционного подъема, революционную энергию английских рабочих, которые сумели бы превратить этот билль в «одно из звеньев в длинной цепи мер, которые совершенно изменят физиономию общества и постепенно уничтожат прежние классовые противоречия».

Статья, написанная для «Демократического обозрения», преследовала именно эту агитационную цель. Она призывала английских рабочих укрепить свою революционную организацию, приступить «к немедленной борьбе за политическое и социальное господство пролетариата, которое даст вам возможность охранять самим свой труд».

Но и в этой агитационной статье Энгельс пишет: «Значит ли это, что мы против закона о десятичасовом рабочем дне, что мы за сохранение этой отвратительной системы выкачивания денег из крови и пота женщин и детей? Нет, конечно. Мы не только не против, но мы думаем даже, что в первый же день своего прихода к политической власти рабочий класс примет для охраны женского и детского труда еще гораздо более решительные меры, чем закон о десятичасовом или даже восьмичасовом рабочем дне».

Маркс, описывая в «Капитале» поход фабрикантов в 1848—1850 гг. против десятичасового рабочего дня, цитирует именно Энгельса, чтобы показать, что он верно оценил значение приговора, вынесенного Court of Exchequer — одним из четырех верховных судов Англии — 8 февраля 1850 г. «Это решение уничтожало закон».

Но если английские рабочие, вопреки надежде Энгельса, не овладели политической властью, то постановление верховного суда

послужило достаточно сильным стимулом, чтобы чисто пассивное сопротивление рабочих сменилось более активным.

«С этой минуты, — пишет Маркс, — протесты рабочих на митингах, происходивших в Ланкашире и Иоркшире, стали раздаваться громче и приняли угрожающий характер. Итак, мнимый десятичасовой закон есть просто «humbug», простое парламентское плутовство! Итак, в действительности закон этот никогда не существовал! Фабричные инспектора, с своей стороны, предостерегали правительство самым настойчивым образом против антагонизма между общественными классами, который, по их донесениям, возрос в это время до невероятных размеров».

Добавочный фабричный акт от 5 августа 1850 г. положил конец той практике фабрикантов, которая аннулировала закон о десятичасовом рабочем дне. Только со времени этого закона, завершенного в 1853 г. новым дополнением, билль о десятичасовом рабочем дне вошел в жизнь и вызвал уже в следующем десятилетии все хорошие последствия сокращения рабочего дня. Чартистское движение в это время переживало новый подъем, который был сорван промышленным расцветом и Крымской войной.

Самой крупной работой, — и по размерам, и по своему теоретическому значению, — которую Энгельс написал для нового журнала, является «Крестьянская война в Германии».

Маркс и Энгельс, не преувеличивавшие роли крестьянства в осуществлении *социальной* революции, не питавшие на этот счет никаких иллюзий, в то же время никогда не преуменьшали его роль как революционного фактора в борьбе с крупными землевладельцами, феодалами и помещиками. Они прекрасно знали, что крестьянство тем более способно к общеполитическим действиям, чем более оно подчиняется руководству объединяющих его революционных классов. Руководимое революционным пролетариатом, поддерживая его борьбу против капитализма в селе и городе, крестьянство является весьма важным союзником в деле осуществления основных задач пролетариата.

Вот почему Маркс и Энгельс во время революции 1848—1849 гг. беспощадно разоблачают трусливое поведение немецкой буржуазии, в угоду юнкерам и из страха пред пролетариатом отказавшейся от защиты интересов крестьянства. Не лучше вели себя и революционные демократы, с которыми Энгельс проводил «кампанию в защиту имперской конституции» в Бадене и Пфальце. Он требовал уже в начале восстания прямого нападения на частную собственность капиталистов, вложенную в ипотеки и ипотечное ростовщичество, чтоб освободить от задолженности эксплоатируемых ростовщиками крестьян.

Именно в поучение немецкой буржуазной демократии Энгельс, опираясь на фактический материал, собранный в известной работе Циммермана,[1] вышедшей в 1840 — 1844 гг., написал свой блестящий очерк немецкой крестьянской войны. Сначала он дает картину экономического положения и классового строения тогдашней Германии. Затем он указывает, как на этой почве возникали и развивались различные оппозиционные группировки и их программы, заканчивая эту главу яркими характеристиками Лютера и Мюнцера. В третьей главе Энгельс излагает в кратких чертах историю крестьянских восстаний в германской империи от 1476 г. до 1517 г., т. е. до начала реформации. В четвертой главе он дает историю восстания рыцарей под предводительством Франца фон-Зиккингена и Ульриха фон-Гуттена. Пятая и шестая главы представляют непосредственное изложение событий крестьянской войны, причем Энгельс подробно анализирует главные причины поражения крестьян. В седьмой и последней главе выясняются значение крестьянской войны и ее последствия в истории Германии.

Через все изложение Энгельса красной нитью проходит резкое подчеркивание необходимости беспощадной борьбы с феодалами, с помещиками. Только радикальное уничтожение всяких следов помещичьего господства может создать наиболее благоприятные условия для успеха пролетарской революции. В этом отношении Энгельс был вполне солидарен с Марксом, который писал ему позже (16 августа 1856 г.): «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело пойдет прекрасно».

Работа Энгельса была переиздана им самим два раза: в 1870 и в 1875 г., каждый раз с новым предисловием. Написанные под впечатлением совершенно новых событий, они не только хронологически выпадают из рамок настоящего тома. Мы опубликуем их в том томе литературного наследства Маркса и Энгельса, который охватывает эпоху I Интернационала.

Последние годы своей жизни Энгельс много работал над историей крестьянской войны и собирался основательн переделать свою старую работу. 31 декабря 1884 г. он пишет Зорге: «Я в корне перерабатываю свою «Крестьянскую войну». Она превращается в краеугольный камень всей немецкой истории. Это большой труд, но все предварительные работы к нему почти готовы».[2] Подготовка к печати литературного наследства Маркса помешала выполнить это намерение.

[1] Имеется в русском переводе.

[2] *Ф. Энгельс*, Крестьянская война в Германии. С предисловием Д. Рязанова. Библиотека марксиста, вып. III, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Обзоры международных событий мы, в отличие от Меринга, воспроизводим целиком. Конечно, обзор, помещенный в февральской книжке, содержит ряд «ошибок» или не оправдавшихся предположений. Но в нем мы находим и много верного. Энгельс, которого мы считаем автором значительной части этого обзора, предсказал в нем будущую русско-турецкую войну. «Война с Турцией по необходимости явится европейской войной». Не менее интересны и соображения о роли Англии в этой войне. Великолепный конец этого обзора, с его блестящим прогнозом будущей роли Америки и Тихого океана, с его экскурсом в историю Китая, уже давно известен из напечатанного Мерингом отрывка.

Меринг выпустил целиком обзор, напечатанный в четвертой (апрельской) книжке. Из него видно, что Маркс и Энгельс еще в апреле 1850 г. ожидали наступления нового торгового кризиса. Это была действительно крупная ошибка, которую Маркс и Энгельс признали в следующем обзоре, сделав из этого соответствующие политические выводы. Несомненно, что этот обзор событий «от мая до октября» в значительнейшей своей части написан Марксом.

Подробный анализ экономического положения, с предпосланным ему описанием промышленного цикла 1843 — 1847 гг., завершившегося кризисом, который породил февральскую революцию, приводит Маркса к заключению, что следующий кризис может вспыхнуть не раньше 1852 г. А пока «демиург буржуазного космоса», Англия, переживает период процветания. «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление последнего».

Мы знаем теперь, что Маркс ошибся. Кризис наступил значительно позднее. Оказалось, что промышленный цикл, переживаемый развивающимся капиталистическим порядком, при новых условиях мирового рынка был гораздо продолжительнее, чем его определяли Маркс и Энгельс.

Мы восстановили все сокращения, которые Меринг сделал в политической части этого обзора. Она доводит изложение истории контр-революции до ноября 1850 г.

Вслед за обзорами мы печатаем литературные рецензии, написанные Марксом и Энгельсом. Мы можем только предположительно установить принадлежность каждой этой рецензии.

Первая из них — о книге Даумера — несомненно принадлежит Марксу. Мы уже писали в предисловии к пятому тому, что Маркс в 1847 г. сделал в лондонской общине доклад о книге Даумера «Тайны христианской древности». В протоколах союза сохранилось изложение этого доклада, к сожалению не особенно грамотное. В своей

новой книге Даумер связывал культ Христа с культом Молоха и серьезно, опираясь на богатый фактический материал, доказывал, что первые христиане действительно убивали и пожирали детей, что во время христианской тайной вечери действительно ели человеческую плоть и пили человеческую кровь. Маркс, вероятно, воспользовался этой гипотезой, чтобы провести параллель с христолюбивыми капиталистами, которые тоже положили человеческое жертвоприношение в основу всей капиталистической эксплоатации.

В главе о «рабочем дне» и в других местах «Капитала» Маркс для характеристики капиталистической жадности ссылается на культ Молоха. В одном месте он непосредственно упоминает Даумера.

«Природа капитала остается тою же самою как в его развитых, так и в его неразвитых формах... Деньги, данные римскими патрициями взаймы их должникам-плебеям, при помощи средств продовольствия превратились в плоть и кровь этих должников. Поэтому «плоть и кровь» представляла «их деньги». Отсюда поистине шейлоковские законы Десяти таблиц. Но что касается гипотезы Ленгэ, будто бы патриции-кредиторы от времени до времени устраивали на той стороне Тибра праздничные пиршества из вареного и жареного мяса своих должников-плебеев, то эта гипотеза остается столь же нерешенной, как и гипотеза Даумера относительно христианской тайной вечери».

Книга Даумера была одним из самых радикальных продуктов тогдашней антирелигиозной литературы. Эвербек, член Союза коммунистов, весьма путаная голова, но большой специалист по части борьбы с «боженькой», познакомил с ней и французских безбожников. Но Даумер, уже очень скоро, сильно напуганный революцией, которая грозила поставить у власти «непросвещенную чернь», отрекся от своего безбожия и сделал попытку, вместо христианства, создать новую религию любви и мира. Именно эту книгу, в которой изложена была «религия нового мира», Маркс подверг беспощадной критике как одно из самых ярких проявлений духовной контр-революции. Рецензия не потеряла и до сих пор привкуса современности— до того сильно напоминает Даумер, так быстро сменявший свои вехи, наших отечественных богоедов и материалистов «на час». Даумер кончил свою литературную карьеру в лоне католицизма и ультрамонтанства.

Рецензия на книгу Симона написана, вероятно, Энгельсом и представляет продолжение его критики франкфуртской левой и их попыток осуществить имперскую конституцию не при помощи «фактической борьбы», а новых соглашений.

Меринг пишет, что в критике Гизо Маркс и Энгельс критически

разделывались с французской историографией, которая принадлежала к числу «повивальных бабок» исторического материализма. Но это значит приписывать рецензии на один из неудачнейших памфлетов Гизо, которому «ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте», значение, которого она не имеет. Написанная, вероятно, Марксом и Энгельсом, она представляет интерес не только как экскурс в историю английской революции, но и как свидетельство того, что Энгельс, а вместе с ним и Маркс, еще весной 1850 г. переоценивали шансы социальной революции в Англии.

Марксом же и Энгельсом написана, несомненно, и большая рецензия на памфлеты Карлейля. Статья примыкает непосредственно к старой работе Энгельса в «Немецко-французских летописях», в которой, несмотря на в общем очень одобрительное отношение к талантливому критику английской буржуазии, он уже отметил «шуйцу» Карлейля. Теперь он констатирует «упадок литературного гения, столкнувшегося с обострившейся исторической борьбой» и все более превращающегося в заядлого реакционера, которому «культ героев» служит прологом для оправдания всякой исторической мерзости. «Культ гения, который Карлейль разделяет со Штраусом, в рассматриваемых брошюрах покинут гением. Остался один культ». Именно эту фразу цитирует, — как мы увидим сейчас, не совсем точно, — Маркс, когда в «Капитале» показывает, как капиталисты своих «белых рабов» заставляют работать до истощения сил. Для английскихториев эти факты послужили в 1863 г., во время гражданской войны в Америке, поводом взять под защиту американских рабовладельцев.

«Наконец заговорил и оракул, господин Томас Карлейль, о котором я уже в 1850 г. дал напечатать:[1] «К чорту гений, культ остался». В коротенькой притче он сводит единственное великое событие современной истории, американскую гражданскую войну, к тому, что Петр с Севера горит страстным желанием раскроить череп Павлу с Юга только потому, что Петр нанимает своих рабочих «поденно», тогда как Павел нанимает их «пожизненно». Так, в конце концов, лопнул мыльный пузырь торийской симпатии к городскому — ни в коем случае не к сельскому — рабочему! Корень всей этой симпатии — рабство!»

Большая статья о книгах Шеню и де-ла-Одда, двух французских провокаторов и шпионов, была перепечатана в 1886 г. в «Neue Zeit» еще при жизни Энгельса. В редакционном примечании сказано:

---

[1] Маркс как будто хочет дать понять, что статья, которую он цитирует, написана не только им или написана с его согласия, с его помощью. В оригинале сказано «ich liess drucken», т. е. дал напечатать, а не schrieb, т. е. писал.

«Рецензия не подписана. Она написана сообща Марксом и Энгельсом, как и некоторые другие большие работы». Это указание сделано было Каутским несомненно со слов Энгельса.

Рецензия дает не только яркую характеристику французских заговорщиков, воспитавшихся в старой школе времен империи и реставрации, но и важное дополнение к истории февральской революции.

Обстоятельная рецензия на книгу Жирардена «Социализм и налог» принадлежит несомненно Марксу. Она представляет первое систематическое изложение взглядов Маркса на систему налогов и ее возможные реформы. Жирарден был ярким выразителем тех демократических мелких буржуа, которые «прежде всего требуют сокращения государственных расходов посредством ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и буржуа». Рецензия Маркса является прекрасным дополнением к «Классовой борьбе во Франции», давая новый материал для характеристики некоторых течений «буржуазного социализма».

* * *

Мы уже видели, что после четвертой (апрельской) книжки «Новой рейнской газеты» прошел большой промежуток времени — от мая до ноября 1850 г., — пока вышла последняя, двойная книжка журнала. Заминка эта объяснялась различного рода затруднениями — финансовыми и политическими. К сожалению, у нас за это время нет почти никаких писем Маркса и Энгельса. Некоторый свет бросает на этот период большое письмо жены Маркса к Вейдемейеру от 20 мая 1850 г. Она просит выслать как можно скорее поступившие деньги. Она жалуется, что журнал небрежно и беспорядочно распространялся. «Неизвестно, что более всего повредило — неаккуратность ли книгопродавца или доверенных и знакомых в Кельне, или же поведение демократии вообще».

Жена Маркса описывает затем материальную нужду, под гнетом которой они находились уже с начала 1850 г. Первую квартиру пришлось оставить, после того как все вещи были описаны. Только с большим трудом удалось найти убежище в гостинице, так как не было охотников сдавать комнаты семье с четырьмя детьми. В июле 1850 г. Маркс с семьей переселился в тогдашний лондонский Уайтчепель, в квартал Сохо, чтобы прожить там до 1856 г. В таких условиях Маркс писал свои статьи для нового журнала. В ноябре 1850 г. умер его младший сын Гвидо. Дела Энгельса шли не лучше, и в ноябре месяце он вынужден был переехать в Манчестер.

Политическая атмосфера была не более благоприятна. В Лон-

доне со второй половины 1849 г. собрались представители самых разнообразных революционных течений — эмигранты из Италии, Франции, Венгрии и Германии. Если демократическим элементам этой эмиграции приходилось туго, то еще хуже было положение коммунистов, в особенности немцев.

Очень скоро после приезда Маркса в Лондон, 18 сентября 1849 г., был организован членами старого немецкого рабочего союза и представителями левых демократов комитет помощи немецким политическим беженцам. Ни один член комитета не имел права на получение пособия.

Под воззванием этого комитета мы находим вместе с подписью Маркса и подпись Карла Блинда, статья которого, как мы видели выше, была помещена в первой книжке журнала. [1]

Следующее воззвание, вышедшее в начале марта, появилось уже от имени «социал-демократического комитета немецких беженцев», хотя апеллирует еще ко всем демократам. Подписи Блинда и другого демократа, Фюстера, исчезли.[2] Но кроме прежних подписей—Маркса, Бауэра и Пфендера—мы читаем уже подписи Энгельса и Виллиха.

К этому времени члены старого Союза коммунистов, вновь собравшиеся в Лондоне, пополнили свой состав новыми силами и под руководством Маркса начали дело реорганизации Союза. В марте месяце было написано — Марксом — первое обращение Центрального комитета к членам Союза коммунистов.

Маркс и Энгельс были еще убеждены, что «предстоит новая революция», что «рабочая партия должна выступать возможно более организованно, едино и самостоятельно, если она не хочет опять подвергнуться эксплоатации буржуазии, не хочет тащиться на буксире за ней, как это было в 1848 г.».

Маркс и Энгельс были убеждены, что революция будет вызвана или самостоятельным восстанием французского пролетариата, или вторжением Священного союза в революционный Вавилон, т. е. интервенцией тогдашних «европейских» держав, направленной против красного Парижа.

Если во время революции 1848 г. предательскую роль по отношению к народу играли немецкие либеральные буржуа, то во время предстоящей революции эту роль возьмут на себя демократические мелкие буржуа. Обращение дает анализ состава этой демократической партии, которая для рабочих гораздо опаснее прежней либеральной партии.

---

[1] Воззвание напечатано в приложениях к этому тому, стр. 585 — 586.

[2] Приложения, стр. 587 — 588.

«Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: рабочая партия идет вместе с мелкобуржуазной демократией против той Франции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех тех случаях, когда она сама хочет упрочиться».

Вслед за перечислением главных политических и социальных требований мелкобуржуазной демократии Маркс и Энгельс дают классическую формулировку задач коммунистической партии.

«В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы революция была перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти и пока объединение пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что прекратится конкуренция пролетариев в этих странах, и пока, по крайней мере, самые главные производительные силы не будут концентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового».

Маркс и Энгельс нисколько не сомневаются, что «в период дальнейшего развития революции на один момент получит преобладающее влияние в Германии мелкобуржуазная демократия».

Маркс и Энгельс отвечают подробно на вопрос, какова будет позиция пролетариата, и в особенности коммунистов, по отношению к мелкобуржуазной демократии: 1) при настоящих условиях, когда мелкобуржуазная демократия также подвергается преследованиям; 2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст ей перевес, и 3) по окончании этой борьбы, когда она получит перевес над низвергнутыми классами и пролетариатом?

В ответе на первый вопрос дается критика «коалиционной» тактики и подчеркивается необходимость «создать самостоятельную, тайную и открытую, организацию рабочей партии и сделать каждую общину (коммунистов) центром и ядром рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата обсуждаются независимо от буржуазных влияний». В случае победоносной революции она, «рядом с новыми официальными правительствами, должна создавать свои собственные революционные рабочие правительства, в форме ли правлений общин, общинных советов, или в форме рабочих клубов или рабочих комитетов».

В ответе на второй вопрос рекомендуется немедленное вооружение всего пролетариата. «Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленная самостоятельная и вооруженная организация рабочих и проведение возможно тяжелых и компрометирующих условий для временного и неизбежного господства буржуазной демократии, — вот те главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз, должны иметь в виду во время и по окончании предстоящего восстания».

В ответ на третий вопрос рекомендуется немедленное создание централизованной партийной организации. В случае выборов национального представительства придется позаботиться, чтобы буржуазным демократическим кандидатам были противопоставлены рабочие кандидаты даже там, где нет никаких шансов на их проведение. «Успехи, которых должна достигнуть пролетарская партия благодаря такому независимому выступлению, бесконечно важнее того вреда, который принесет присутствие нескольких реакционеров в представительном собрании».

Маркс и Энгельс подчеркивают, что первым пунктом, по которому буржуазные демократы вступят в конфликт с рабочими, будет уничтожение феодализма, т. е. крестьянский вопрос. Они выступают против подражания примеру первой французской революции, т. е. против передачи феодальных поместий крестьянам в виде свободной собственности, так как это привело бы к созданию мелкобуржуазного класса крестьян, который пройдет тот же самый круговорот обнищания и задолженности, в котором находится французский крестьянин. Рабочие должны требовать, чтобы конфискованное имущество осталось собственностью государства и было превращено в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциациями сельского пролетариата, но с использованием всех преимуществ крупного земледелия. «Принцип общественной собственности этим самым приобретает прочный фундамент среди шатающихся буржуазных отношений собственности». Именно с этой точки зрения Маркс и Энгельс высказываются против увековечения общинной собственности. Подобно тому как демократы вступают в союз с крестьянами, рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом.

Маркс и Энгельс отстаивают самую решительную централизацию власти в руках государства. «Проведение самой строгой централизации является в настоящее время в Германии задачей действительно революционной партии, подобно тому как это было во Франции в 1793 г.».

Перепечатывая этот документ в своем издании «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов», Энгельс в 1885 г. сделал к этому

месту большое примечание, которое мы сохранили, хотя оно выходит за хронологические рамки настоящего тома.

По мнению Энгельса, «это место основано на недоразумении». Он ссылается на новые исторические исследования, которые показали, что «в продолжение всей революции вплоть до 18 брюмера все управление департаментов, округов и общин состояло из властей, избиравшихся самим населением, которое пользовалось полной свободой в пределах общегосударственных законов», что только Наполеон заменил это провинциальное и местное самоуправление сохранившимся еще до настоящего времени хозяйничаньем префектов.

Из этого примечания Энгельса не следует, однако, делать вывод, что он после высказался как раз за то, против чего он и Маркс возражали в 1850 г., т. е. за «предоставление возможно большей самостоятельности и независимости отдельным общинам и провинциям». Он сам говорит и в 1885 г. о полной свободе «*в пределах общегосударственных законов*» и прибавляет в заключение, что «местное и провинциальное самоуправление *не противоречит политической и национальной централизации*».

Маркс и Энгельс в мартовском обращении не выставляют точно формулированную программу-минимум. Они рекомендуют ряд требований, позволяющих сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т. д. Где демократы требуют выкупа, рабочие настаивают на конфискации. На требование регулирования государственных долгов рабочие отвечают требованием их аннулирования.[1]

Обращение заканчивается призывом к немецким рабочим в первую очередь выяснить себе свои классовые интересы, занять самостоятельную партийную позицию и не давать лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. «*Их боевым лозунгом должна быть перманентная революция*».

Этот замечательный документ, в котором Маркс и Энгельс подытожили опыт 1848 — 1849 гг. и формулировали стратегию и тактику пролетариата в эпоху грядущей революции, очень быстро стал известен и в тех демократических кругах, которые соприкасались с коммунистами и только недавно еще боролись в общих рядах. Это, конечно, не могло не отразиться на взаимных отношениях. Даже в области помощи беженцам всякая совместная работа становилась невозможной. О финансовой поддержке демократией лите-

[1] Последнее требование выставлено Энгельсом в написанной одновременно с этим обращением статье для «Демократического обозрения» о десятичасовом рабочем дне.

ратурных предприятий коммунистов, конечно, теперь и речи не могло быть. А когда в четвертой книжке «Новой рейнской газеты» напечатана была статья Маркса и Энгельса о Кинкеле, то разрыв стал неизбежен. Можно сказать, что именно эта статья, — в большей степени, чем халатность комиссионеров или недостаточное усердие друзей, — повредила сильнее всего новому предприятию.

Поводом к статье послужило опубликование в апреле 1850 г. защитительной речи, которую Кинкель произнес перед военным судом еще в августе 1849 г. До того времени она оставалась неизвестной. Вместе с Энгельсом Кинкель принимал участие в баденско-пфальцском восстании и, раненый, взят был в плен. В Рейнской провинции он пользовался огромной популярностью, которая возросла еще более, когда, уже осужденный на пожизненное заключение, он был привлечен в первых числах мая 1850 г. по делу о нападении на зпгбургский цейхгауз, но оправдан.

Из писем Фрейлиграта Маркс и Энгельс знали, что даже их сторонники вроде Красного Беккера, издателя «Westdeutsche Zeitung» («Западно-германской газеты»), поддерживают культ Кинкеля. Тем более резкой критике они подвергли речь весьма второстепенного поэта и историка искусства, которого захватил водоворот революции.

«Мы знаем заранее, — писали они, — что вызовем всеобщее негодование сантиментальных обманщиков и демократических декламаторов разоблачением перед нашей партией речи «плененного» Кинкеля. Это нам совершенно безразлично. Нашей задачей является беспощадная критика, притом в значительно большей мере направленная против так называемых «друзей», чем открытых врагов; поступая так, мы охотно отказываемся от дешевой демократической популярности».

Действительно, негодование не знало пределов. «Все эти ослы,— писал 2 июня 1850 г. Марксу Веерт, — возмущены статьей против Кинкеля. Повидимому только Даниэльс, Фрейлиграт и я приветствовали эту статью».

В Лондоне к тому времени уже были окончательно порваны всякие отношения с другими революционными фракциями немецкой эмиграции. Что касается других национальностей, то Маркс и Энгельс поддерживали связь только с частью венгерцев и французов. Во втором обращении Центрального комитета, составленном в июне 1850 г., сказано, что «из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем которой состоит Бланки».

Свидетельством этого тесного сближения с бланкистами является сохранившийся договор (см. факсимиле, стр. XXXII), целью которого

была организация «Всемирного общества коммунистов-революционеров». Под ним имеются подписи Виллиха, Маркса и Энгельса со стороны немцев, Гарни — англичан, Видиля и Адама — представителей французских бланкистов.

Статья первая гласила: «Целью Общества является низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации человеческого рода».

Статья вторая: «Для содействия осуществлению этой цели Общество завязывает узы солидарности между всеми фракциями партии коммунистов-революционеров, уничтожая, согласно принципу республиканского братства, национальные разделения».

Но этот прямой союз с французскими бланкистами оказался недолговечным. Очень скоро возникли разногласия в среде немецких коммунистов, а в связи с ними и разногласия среди французских бланкистов.

Поскольку это позволяют установить известные нам документы, еще в середине июня 1850 г. Маркс и Энгельс, с одной стороны, и Виллих — с другой, выступали вполне солидарно против всей остальной демократической и либеральной эмиграции.[1] Помещенные нами в приложениях письма в редакции английских газет — «Прусские шпионы в Лондоне» и «Немецкие беженцы в Лондоне» — подписаны Марксом, Энгельсом и Виллихом.[2]

Зато письмо в редакцию «Везерской газеты» от 2 июля 1850 г. написано только от имени Маркса и Энгельса. Мы считаем возможным, что уже в июле месяце начались разногласия между Марксом и Энгельсом с одной стороны и Виллихом — с другой. Хотя последний упорно старается во всех своих писаниях доказать, что эти разногласия носили только личный характер, что он был жертвой направленных против него злостных интриг Маркса и Энгельса, легко заметить, что Виллих уже летом 1850 г. выявлял «коалиционные поползновения», что он тяготился тем изолированным положением,

---

[1] Исключение бывшего венского корреспондента «Новой рейнской газеты» Теллеринга из рабочего союза в марте 1850 г. состоялось при самом деятельном участии Виллиха. Теллеринг, вслед за Гейнценом, является автором наиболее злобных памфлетов против Маркса и Энгельса. В 1850 г. он опубликовал брошюру, одно заглавие которой характеризует ее содержание: «Vorgeschmack in die künftige deutsche Diktatur von Marx und Engels», Cöln 1850 («Предвкушение будущей немецкой диктатуры Маркса и Энгельса»).

[2] Сохранившееся в рукописи — написано рукой Энгельса — заявление, датированное 20 апреля 1850 г., направленное против Струве и Рудольфа Шрамма, тоже подписано Марксом, Энгельсом и Виллихом.

которое коммунисты занимают в лондонской эмиграции. Он уже тогда доказывал, что необходимо больше сплотить немецкую эмиграцию в Лондоне, чтобы поднять ее авторитет и в первую очередь кредит среди «беспартийных» элементов и в «общественном мнении». Есть основание думать, что он был недоволен и резким обличением Кинкеля. Были также разногласия и в связи с событиями в Гессене и с конфликтом между Пруссией и Австрией. [1]

Виллих предлагал использовать эту ситуацию для немедленного вооруженного восстания и самостоятельно разработал и разослал проект для образования специальных комиссий, чтобы поднять мобилизуемый Пруссией ландвер. Не подлежит сомнению, что критика эмиграции, которую мы находим в цитированном обзоре, направлена в значительной степени и против Виллиха, тоже увлекавшегося примером Центрального европейского комитета.

«Под предлогом борьбы против доктринеров они [авторы манифеста европейской демократии] устраняют всякое определенное содержание, всякий определенный, партийный взгляд, отрицают за отдельными классами право формулировать свои интересы и требования в противовес другим классам... Революция для них вообще состоит в ниспровержении существующего правительства: если эта цель достигнута, то этим «победа» уже одержана.

«....Народ не должен заботиться о завтрашнем дне и может выбросить из головы всякие мысли: когда настанет этот великий решительный день, народ от одного прикосновения будет наэлектризован, и загадка будущего чудесным образом раскроется ему. Это апеллирование к отказу от мышления есть прямая попытка обмануть именно самые угнетенные классы народа».

Отношения внутри лондонской организации обострились, когда Шаппер, один из главных основателей старого Союза коммунистов, тоже эмигрировал из Германии и в июле 1850 г. приехал в Лондон. Старый революционер принял сторону Виллиха.

В начале сентября 1850 г. на собрании Рабочего союза произошло такое резкое столкновение, что молодой Шрамм вызвал Виллиха на дуэль. Это был тогда в среде французской эмиграции обычный способ ликвидации различных конфликтов. Так Бартелеми убил на дуэли Курнэ, и тот же Бартелеми, вместе с Виллихом, поехал в Бельгию, где одновременно с дуэлью Виллиха и Шрамма должна была произойти дуэль Бартелеми и Сонжона, которая, однако, не состоялась. Виллих легко ранил Шрамма в голову. Дуэль состоялась

---

[1] Ср. обзор событий от мая до октября 1850 г. из «Новой рейнской газеты», стр. 255 — 258.

между 10 и 12 сентября, а 15 сентября произошел окончательный раскол в Центральном комитете Союза коммунистов. Большинство — «партия Маркса» — перенесло место пребывания Центрального комитета в Кельн. Меньшинство—«партия Виллиха-Шаппера»,— исключенное позднее кельнцами из Союза, — организовалось в самостоятельный центральный комитет в Лондоне и основало отдельный союз. В свою очередь они исключили Маркса и Энгельса из Рабочего союза, в котором они имели большинство.

В мотивировке своего предложения о расколе Маркс, между прочим, говорил буквально следующее: «На место критических воззрений меньшинство ставит догматические, на место материалистических — идеалистические. Движущей силой революции для него становится *просто воля* вместо действительных отношений. Между тем как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству»,—вы говорите наоборот: «Мы должны сейчас же достигнуть господства, или нам не остается ничего делать». В то время как мы специально указываем германским рабочим на неразвитое состояние германского пролетариата, вы самым грубым образом льстите его национальному чувству и сословным предрассудкам германских ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* во что-то святое, так вы проделываете это со словом *пролетариат*. Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции и т. д., и т. д.»

Маркс приводит из протокола и речь Шаппера: «Я высказал взгляд, подвергшийся здесь нападению, потому что я вообще являюсь в этом деле энтузиастом. Дело идет о том, мы ли начнем рубить головы, или нам будут рубить головы. Во Франции рабочие придут к этому, а затем и мы в Германии. Если бы дело было не так, то я, конечно, ушел бы на покой, и тогда я мог бы занять другое материальное положение. Если мы до этого дойдем, то мы можем принять такие меры, которые обеспечат господство пролетариата. Я являюсь фанатическим сторонником этого взгляда, но Центральный комитет хотел противоположного, и т. д.»

Маркс был прав, когда в другом месте говорил, что фракция Виллиха-Шаппера требовала если не действительных заговоров, то хотя бы *видимости* заговоров, и поэтому стремилась к союзу с демократическими героями дня. Действительно, как только после организованного Карлом Шурцем побега Кинкеля последний приехал в Лондон — в ноябре 1850 г., — Виллих немедленно соединился с ним.

Закончив вместе с Марксом работу для последнего номера «Новой рейнской газеты», Энгельс переехал в Манчестер. Попытки найти постоянную литературную работу окончились неудачей.

Маркс остался в Лондоне.[1] Терзаемый нуждой — в ноябре умер его младший сын, — он пока усердно работал над своей Экономией в надежде, что ему удастся ее пристроить в Германии. Как раз в это время Беккер взялся за издание старых статей Маркса. Ему удалось опубликовать только один выпуск.

10 мая 1851 г. в Лейпциге был арестован эмиссар Союза коммунистов Нотъюнг. Вслед за ним были арестованы виднейшие члены Союза коммунистов: Бюргерс, Резер, Даниэльс, а также Беккер.

Фрейлиграту удалось избежать ареста, так как 12 мая 1851 г. он успел, еще до разбора найденных у Нотъюнга и Бюргерса бумаг, уехать в Лондон. Таким образом одна связь обрывалась за другой. В июле эмигрировал в Швейцарию Вейдемейер. Скоро выяснилось, что нет никакой надежды не только поставить новый журнал, но даже найти издателя для Экономии, над которой Маркс продолжал упорно работать, несмотря на все дрязги и передряги эмигрантской жизни.[2]

Энгельс в Манчестере взялся серьезно за изучение военных наук. Знания, приобретенные на военной службе, внимательное изучение венгерской кампании, о которой он написал ряд статей уже в «Новой рейнской газете», новый опыт, приобретенный во время кампании за имперскую конституцию, желание укрепить свою позицию в спорах с революционными офицерами, вроде Виллиха, Техова, Шиммельпфеннига, и иметь возможность вполне самостоятельно и с знанием дела высказываться по всем вопросам, связанным с военной стороной грядущей революции, — все это вместе стимулировало военные занятия Энгельса.

«Нет никакого сомнения, — писал он 3 апреля 1851 г. Марксу, — что если в течение ближайшего года во Франции вспыхнет революция, то Священный союз дойдет, *по крайней мере*, до стен Парижа». Он думал, что единственная мера, которая «может быть предпринята против того, чтобы хоть ослабить вторжение, это — оккупация французами бельгийских крепостей и захват рейнских крепостей

[1] Мы не можем останавливаться здесь на всех перипетиях той эмиграционной склоки, которую, в первую очередь, приходилось теперь расхлебывать Марксу. В приложениях мы даем заявление Маркса и Энгельса, которое показывает, на какие обвинения им приходилось отвечать. Мы пропускаем также всю историю банкета 24 февраля 1851 г. и связанный с ним инцидент с тостом Бланки. Ср. письма Маркса к Энгельсу за первую половину 1851 г. и в настоящем томе стр. 579 — 582.

[2] См. в приложениях его заявление от 4 октября 1851 г.

путем очень сомнительного повстанческого переворота». Он собирался написать специальный стратегический очерк.

Скоро представился случай сделать это более систематически. В письме от 23 сентября 1851 г. Маркс послал Энгельсу резюме работы Техова «Очерки грядущей войны», которая напечатана была в нью-иоркской «Staatszeitung». Политически Техов стоял на точке зрения Виллиха. Революция может победить лишь тогда, когда она становится всеобщей, т. е. когда она разгорается в больших центрах движения и когда она не является выражением одной какой-нибудь оппозиционной фракции (пример: июньское восстание 1848 г.). Не следует терять время на вопросы внутренней политики, для разрешения которых время наступит лишь после победы. Какие бы национальные или принципиальные различия ни раскалывали большую партию революции, для борьбы всех этих различных взглядов между собой время настанет лишь после победы.

Грядущая война — это по природе своей война на уничтожение: народов или государей. Отсюда вытекает признание политической и военной солидарности всех народов, т. е. интервенции. Территория грядущей революции совпадает пространственно с границами побежденной революции (Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша). Вопрос о будущей революции равнозначащ с вопросом о грядущей европейской войне. Основной мотив войны: быть ли Европе казацкой или республиканской? Арена войны — старая: Верхняя Италия и Германия. Техов подсчитывает в заключение боевые силы контр-революции (Россия, Австрия, Пруссия, германская союзная армия, Италия — все вместе 500 000 человек) и боевые силы революции (Франция, немецкая революционная армия, Италия и Венгрия — всего 650 000 человек).

«Политическая тенденция этой статьи, — пишет Маркс, — сводится к следующему. Вообще не будет никакого революционного взрыва, т. е. никакой партийной борьбы, никакой гражданской войны, никаких классовых раздоров до *окончания войны* и поражения России. Но, чтобы организовать эту армию для войны, нужна *сила*. А откуда эта *сила возьмется*? От генерала Кавеньяка или подобного военного диктатора во Франции, который имеет своих генералов в Германии и в Верхней Италии. Вот решение вопроса, которое недалеко уходит от идей Виллиха. Мировая война означает, согласно теории революционного прусского лейтенанта, господство, хотя бы временное, военщины над штатскими. Но каким образом какой-нибудь генерал, — даже если бы восстал из гроба сам старый Наполеон, — сможет получить не только эти средства, но и это влияние без предшествующей и вместе с тем *внутренней* борьбы,

Société universelle des com...

Art. 1. — Le but de l'association est la déchéance de toutes les classes privilégiées de soumettre ces classes à la dictature des prolétaires en maintenant la révolution en permanence jusqu'à la réalisation du communisme, qui doit être la dernière forme de constitution de la famille humaine.

Art. 2 — Pour contribuer à la réalisation de ce but l'association formera des liens de solidarité entre toutes les fractions du parti communiste révolutionnaire en faisant disparaître conformément au principe de la fraternité républicaine les diversions de nationalité.

Art. 3 — Le comité fondateur de l'association est constitué en comité central, il établira partout où besoin sera pour l'accomplissement de l'œuvre des comités, qui correspondront avec le comité central.

Art. 4. — Le nombre des membres de l'association est illimité, mais aucun membre ne pourra être admis, s'il n'a pas réuni l'unanimité des suffrages.
Dans aucun cas l'élection ne pourra avoir lieu au scrutin secret.

Art. 5. — Tous les membre de l'association s'engagent par serment de maintenir dans ces termes absolus l'article premier du présent réglement. Une modification pouvant avoir pour conséquence l'affaiblissement des intentions exprimées dans l'article premier délie les membres de l'association de leur engagement.

Art. 6. — Toutes les décisions de la société sont prises à la majorité de deux tiers des votants.

Ch. Marx
F. Engels
Auguste Willich
G. Julian Harney

без проклятой «внутренней политики», — об этом оракул молчит. По крайней мере, здесь явно высказано благочестивое пожелание будущего мирового вояки, который находит свое соответствующее политическое выражение как раз во внеклассовых политиках и демократах как таковых».

Энгельс ответил Марксу большим письмом (от 26 сентября 1851 г.). Но он не удовольствовался этим. Он написал подробный ответ, предназначенный для печати. Нам удалось найти эту рукопись,[1] которая, наверное, составляет главную часть этой работы. В этом томе она помещена под названием «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.».

Рукопись осталась фрагментом. Она обрывается как раз на таком разделе, который в военном отношении составляет одну из наиболее интересных частей этой работы. Совершонный Наполеоном 2 декабря 1851 г. государственный переворот так основательно разбил все иллюзии буржуазной эмиграции и перечеркнул все вычисления и расчеты Техова, что ответ Энгельса являлся уже лишним.

Но рукопись эта и до сих пор не потеряла интереса. Если не считать статей Энгельса о венгерской и итальянской войне в «Новой рейнской газете», то она в сущности представляет первый результат его военных занятий. Можно было заранее ожидать, что выработанный им и Марксом новый метод, будучи применен к военной истории, приведет к совершенно новым выводам. Если сравнить экскурсы Энгельса в область военной истории Великой французской революции с современным состоянием наших знаний в этой области, то сейчас же можно заметить, как основательно Энгельс «теоретически потребил» имевшийся тогда в его распоряжении материал и какие новые перспективы открывала ему новая точка зрения.

Как бы ни был резок отзыв Энгельса о Карно, в одном отношении он совершенно прав. Карно не отличался ни гением, ни крупным характером. Как это часто случается в истории, он пожал плоды трудов своих предшественников.

Весьма поучительны соображения Энгельса о силах коалиции. Они указывают не только на способность правильно оценивать, в отличие от Техова, силы противника, но и на правильное понимание отдельных составных частей коалиции, которые и позже еще не поддавались нивелирующей тенденции капиталистического развития.

Весьма интересен оригинальностью своих выводов третий раздел работы Энгельса, в которой он рассматривает вопрос, в какой степени новая революция, подобно французской революции, в со-

[1] Впервые опубликована мною в «Neue Zeit» 4 и 11 декабря 1914 г.

стоянии будет породить новые орудия войны и новые методы ее ведения. Он делает блестящие замечания по вопросу о той зависимости, которая существует между организацией силы и данными производственными отношениями. В этом отношении старая работа Энгельса представляет важное дополнение к соответствующей части «Анти-Дюринга».

Пятый раздел должен был исследовать действительный метод ведения войны, но он, к сожалению, остался незаконченным. Географические условия, из которых исходит Энгельс, остались, по существу, без изменения, и Энгельс в высшей степени ясно рисует все выгоды, доставляемые благоприятным географическим положением для активной обороны, которая умеет использовать все преимущества «внутренней линии».

В августе 1851 г. Маркс получил предложение от редактора «Нью-иоркской трибуны» Дана, который познакомился с ним еще в Кельне, писать корреспонденции. По просьбе Маркса, который был занят обработкой своей Экономии, Энгельс начал серию статей о «Революции и контр-революции в Германии».[1]

А вместе с этим, казалось, открылась перспектива получить собственный партийный орган в Нью-Иорке. Вейдемейер, после кратковременного пребывания в Швейцарии, вынужден был в сентябре 1851 г. переселиться в Соединенные Штаты. Он сейчас же начал хлопотать о создании нового органа. Средства на издание еженедельной газеты обещал дать один старый приятель Вильгельма Вольфа, Рейхгельм. Вейдемейер рассчитывал выпустить свой еженедельник уже 1 января 1852 г. Это известие было получено Энгельсом в середине декабря 1851 г., т. е. уже после государственного переворота во Франции.

«При сем — письмо от Вейдемейера, которое я получил сегодня днем. Известия пока что очень хорошие, газета Гейнцена при последнем издыхании, и Вейдемейер уже теперь в состоянии выступить с еженедельной газетой. Но его требование — доставить ему до пятницы вечером статью — несколько преувеличенно, особенно при теперешних обстоятельствах. И все же как раз теперь люди жаждут там анализа и ориентировки по поводу французской истории, и если бы можно было сказать что-нибудь особенно интересное по поводу ситуации, то этим можно было бы обеспечить успех предприятия начиная с первого номера. Но в том-то как раз и трудности, и мне, как всегда, опять приходится взваливать на тебя всю тяжесть; что касается меня, то я готов писать о чем угодно, только

[1] Мы, в отступление от хронологического плана, поместили эти статьи в шестом томе.

не о перевороте Крапулинского. Ты сумеешь, во всяком случае, написать об этом статью дипломатическую, «не отрезывающую отступления» и в то же время делающую эпоху. Чтò я напишу, я еще не знаю, во всяком случае что-нибудь попытаюсь».

Маркс сейчас же ухватился за это предложение и в письме к Вейдемейеру (19 декабря 1851 г.) предлагает ему отложить на несколько дней печатание первого номера, обещая уже первым пароходом выслать ему начало «18 брюмера Луи Бонапарта» и статьи Фердинанда Вольфа, Вильгельма Вольфа и Энгельса. Он предлагает ему также анонсировать серию статей под названием «Новейшие откровения социализма, или Idée générale de la révolution au XIX siècle (Главная идея революции в XIX столетии). Критика К. М.»

Маркс, как видно из переписки с Энгельсом за 1851 г., много работал над этой книгой и хотел даже издать свою критику отдельной брошюрой.

План Вейдемейера, однако, скоро рухнул. Он успел издать всего два номера своей еженедельной газеты «Die Revolution», не дожидаясь присылки статей из Лондона. Ответ Маркса получился, когда первый номер уже был набран, и Вейдемейер успел только написать заметку, в которой перечислял обещанные ему Марксом статьи. А пока он в первом номере (6 января 1852 г.) и во втором и последнем (13 января 1852 г.) напечатал — по Марксу — статью под названием «История торгового кризиса 1845 — 1847 гг.»[1] и одну главу из «Коммунистического манифеста».

Маркс запоздал. Он заболел довольно серьезно сейчас же после отправки письма. Обещанное начало «18 брюмера» было отправлено только 1 января 1852 г. Продолжение последовало только 13 февраля. И хотя от Вейдемейера получилось известие, что еженедельник пришлось прекратить, Маркс продолжал свою сильно разросшуюся работу. Заключение было отослано Вейдемейеру только в конце марта.

В начале апреля пришло письмо от Вейдемейера, в котором он писал, что нет никакой надежды напечатать «18 брюмера». Это был период, когда Маркс с своей семьей испытывал самую острую нужду. Пришлось заложить все вещи, даже платье, так что Маркс некоторое время не мог даже выходить из дому. Вслед за ним самим переболела вся семья. Когда умерла в апреле маленькая дочь, ее не на что было похоронить.

Счастливый случай все же помог Вейдемейеру издать работу Маркса. Один рабочий из Франкфурта, эмигрировавший незадолго

[1] Международный обзор в 5-й и 6-й книжках «Новой рейнской газеты».

перед этим в Америку, отдал ему свои маленькие сбережения. Таким образом он мог получить необходимый ему кредит и напечатать «18 брюмера Луи-Наполеона», как он ошибочно назвал брошюру Маркса, как первый выпуск непериодического издания под старым названием «Die Revolution».

Первое издание кишит опечатками, начиная, как мы видели, с самого заглавия брошюры. Одних только важнейших опечаток насчитывается на 62 страницах не меньше 114! Напечатано было всего 1 000 экземпляров, из которых в Европу попало не больше трети. При таких условиях увидела свет гениальная работа Маркса.

Мы видели, что Энгельс категорически отказался писать о перевороте Луи-Наполеона. Но из той же переписки с Марксом мы знаем теперь, что он является и в этой работе «невидимым» сотрудником, мысли которого давали толчок Марксу, иногда буквально повторяющему удачные формулировки Энгельса.

Уже на другой день после переворота Энгельс спешит поделиться с Марксом своими соображениями по поводу события, шансы которого они уже прежде обсуждали в переписке и личных беседах. В этом письме много субъективного, но оно затрагивает ряд пунктов, на которых сосредоточился после Маркс. Читатель сейчас же заметит, что некоторые обороты повторяются буквально в изложении Маркса.

«Représentants de la France, délibérez en paix! (Представители Франции, обсуждайте спокойно!)

«В самом деле, где же эти господа могут спокойнее заниматься обсуждением, как не в Орсейской казарме, под охраной батальона chasseurs de Vincennes! (венсеннских стрелков).

«История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Можно ли представить себе что-нибудь более смешное, чем эта пародия на 18 брюмера, проведенная в мирное время, при помощи недовольных солдат, самым незначительным человеком во всем свете, без всякого сопротивления, поскольку можно судить до настоящего момента. И как ловко все эти старые ослы были захвачены! Самая хитрая лисица во всей Франции, старый Тьер, и самый тертый адвокат из всего адвокатского сословия, господин Дюпен, попали в западню, которую им расставил самый признанный болван нынешнего столетия, — попали столь же легко, как это воплощение глупой республиканской добродетели — господин Кавеньяк и как жалкий болтун Шарнгарнье! И чтобы довершить картину, — охвостье парламента с Одилоном Барро в роли «Леве-фон-Кальбе», и этот самый Одилон требует, чтобы его, ввиду такого нарушения конституции, арестовали, и ни за что не может добиться

того, чтобы его потащили в Венсенн! Вся эта история придумана специально для Красного Вольфа; он один может отныне писать историю Франции. Был ли когда-нибудь в мире произведен переворот при помощи более вздорных прокламаций, чем этот? И затем этот смешной наполеоновский аппарат, годовщина коронования и Аустерлица, ссылка на конституцию консульства и т. д. Тот факт, что это могло удаться хотя бы на один день, действительно низводит господ французов до уровня ребячества, не имеющего себе равного.

«Великолепен захват великих говорунов «порядка», прямо превосходен захват маленького Тьера и храброго Шангарнье. Великолепно заседание парламентского охвостья в 10-м округе с господином Берье, который до тех пор кричал через окно: «Vive la République!» (Да здравствует республика!), пока, наконец, весь этот сброд не был захвачен и заперт среди солдат во дворе одной казармы. А затем этот глупый Наполеон, который начинает немедленно укладывать свои вещи, чтобы перебраться в Тюльери. Если бы над этим промучились целый год, не могли бы придумать более великолепной комедии.

«А вечером, когда глупый Наполеон, наконец-то, бросился в давно желанную кровать в Тюльери, этот баран тогда еще, наверное, не знал толком, в каком он положении. Le consulat sans le premier consul! (Консульство без первого консула!) Никаких внутренних трудностей, более серьезных, чем вообще за последние три года, никаких чрезвычайных финансовых затруднений даже в его собственном кошельке, никакой коалиции на границах, никакой необходимости переходить через Сен-Бернар, никакой надобности одерживать победы при Маренго! От этого действительно можно прийти в отчаяние. К тому же теперь нет Национального собрания, которое расстраивало бы великие планы «Непризнанного»; нет, сейчас, по крайней мере, этот осел так же свободен, так же не связан, обладает такой же абсолютной властью, как первый Наполеон вечером 18 брюмера, и он настолько не стесняется, что не может обойтись без того, чтобы не обнаружить свою ослиную природу во всех направлениях. Ужасная перспектива: отсутствие противоречий!

«Кажется, будто историей на самом деле руководит старый Гегель из гроба в качестве «мирового духа», с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: раз — в качестве великой трагедии и второй раз — в качестве жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Бартелеми вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и недоносок с дюжиной задолжавшихся офицеров вместо маленького капрала и его рыцарст-

венных маршалов. До «18 брюмера» мы, стало быть, уже добрались».

Маркс взял у Энгельса не только мысль изобразить государственный переворот 2 декабря как пародию на 18 брюмера первого Наполеона. Он взял у него также почти буквально все начало своей работы, которое составляет такой великолепный вступительный аккорд к изображению мелодрамы 2 декабря. Это бросается в глаза, если сравнить письмо Энгельса с началом «18 брюмера» в первом издании.

«Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз — как великая трагедия, второй раз — как пошлый фарс. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848 — 1851 гг. вместо Горы 1789 — 1795 гг. и лондонский констэбль с дюжиной задолжавшихся офицеров вместо маленького капрала с его свитой маршалов! 18 брюмера идиота вместо 18 брюмера гения! И та же карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание 18 брюмера. Первый раз Франция у преддверия банкротства, второй раз Бонапарт у преддверия долговой тюрьмы; тогда коалиция великих держав на границе, теперь коалиция Руге-Дараша в Англии, Кинкеля-Брентано в Америке; тогда необходимость перейти через Сен-Бернар; теперь только послать отряд жандармов через Юру; тогда — выиграть сражение при Маренго, теперь заслужить орден Андрея Первозванного и потерять уважение «Берлинской национальной газеты».

Но использовав письмо Энгельса, Маркс дальше дает совершенно самостоятельный по существу и яркий по форме анализ данного исторического отрезка.

«Непосредственно после события, поразившего весь политический мир, — пишет Энгельс, — точно гром из ясного неба, встреченного одними с громким криком нравственного негодования, принятого другими как спасительный выход из революции и как кара за ее заблуждения, после события, которое во всех только вызвало изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, как эпиграмма, произведением, в котором он изложил в его внутренней связи весь ход французской истории со времени февральских дней и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой истории, не имея при этом никакой надобности относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. И картина была набросана Марксом так мастерски, что все дальнейшие разоблачения доставляли каждый раз только новые доказательства того, как верно отражалась действительность в этой картине. Такое исклю-

чительное понимание животрепещущей истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент их совершения поистине беспримерно».

Переиздавая в 1869 г. свою книжку, Маркс отказался от переработки ее. Он ограничился, говорит он в своем предисловии,[1] только «исправлением опечаток и устранением ставших уже непонятными намеков».

Это не совсем точно. Не прибавив ни одного нового факта, ограничиваясь почти исключительно редакционными поправками, Маркс выпустил несколько мест, представляющих большой интерес. Больше всего таких сокращений в последней, седьмой, главе.

Мы поэтому, придерживаясь всюду текста второго издания, прибавили из первого издания наиболее существенные места, опущенные Марксом.

Так, на стр. 401 — 402 от «Ближайшей целью» до «ореол святости» читатель найдет характеристику июльской монархии в ее отношении в парламентской республике.

На стр. 408 мы восстановили интересное указание, что вновь созданное французской революцией крестьянство представляло «всестороннее продолжение буржуазного режима за ворота городов, его проведение в национальном масштабе».

На стр. 410 большая вставка указывает, каким образом при первом Наполеоне поддерживалась экономическая связь между городом и деревней. «Государственные налоги были необходимым принудительным средством, чтобы поддерживать обмен между городом и деревней. Иначе мелкий земельный собственник в своей крестьянской автаркии (самодовлении) оборвал бы, как в Норвегии, как в некоторых частях Швейцарии, всякую связь с городом».

На стр. 411 — 412 читатель найдет большую вставку, в которой Маркс доказывает, что «разрушение государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию». Наоборот, «бюрократия есть только низкая и грубая централизация, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом. Отчаявшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свой земельный участок, рухнет и все построенное на крестьянском землевладении государственное здание, и пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь».

На той же странице мы восстановили саркастические замечания Маркса по поводу всеобщего избирательного права. Демократическое

[1] Мы поместим его в том томе, в котором будут собраны все статьи Маркса и Энгельса в эпоху I Интернационала.

идолопоклонство перед этим лозунгом забывало, что без определенных социальных и политических предпосылок оно превращается в орудие цезаризма.

Другие изменения слишком незначительны, чтобы их стоило оговаривать. Большинство редакционных исправлений, сделанных Марксом, вообще исчезают в русском переводе.

В связи с переворотом естественно возникал вопрос: почему парижский пролетариат не восстал, почему «народ молчал», предоставляя Наполеону бесцеремонно издеваться над его «представителями»?

«Если инсургенты были разбиты, то это объясняется тем, что это был не «настоящий народ»; «настоящий народ» не может быть разбит; а если «настоящий народ» не сражался, то это объясняется тем, что он не хотел сражаться за Национальное собрание; отсюда можно было бы заключить, что раз «настоящий народ» победил, он стал бы диктатором, но об этом он второпях не успел подумать, да к тому же его так часто обманывали».

Так старались объяснить бездеятельность парижского пролетариата буржуазные демократы вроде Луи Блана. Эти банальные фразы вызывают со стороны Энгельса следующие замечания:

«Это — старая пошлая логика демократов, которые еще больше пыжатся после каждого поражения революционной партии. По-моему, если на этот раз пролетариат в массе своей не бился, le fait est (то это потому), что он вполне отдавал себе отчет в собственной спячке и бессилии, и с фаталистической покорностью так долго будет отдаваться кругообороту республики, империи, реставрации и новой революции, пока он, благодаря ряду лет бедствий, под господством возможно большего «порядка», опять не наберется новых сил. Я не говорю, что это так будет, но мне кажется, что это было инстинктивным основным воззрением, преобладавшим у парижского народа во вторник и в среду, а также после восстановления тайного голосования и последовавшего за этим отступления буржуазии в пятницу. Бессмысленно говорить, что для народа это не было подходящим моментом. Если пролетариат станет ждать, пока правительство поставит перед ним его собственный вопрос или пока наступит коллизия, которая выявит конфликт острее и определеннее, чем в июне 1848 г.,— то он может долго прождать. Последним случаем, когда вопрос о взаимоотношении между пролетариатом и буржуазией был поставлен совершенно ясно, был избирательный закон 1850 г., и тут народ предпочел не сражаться. Эта история, как и постоянные ссылки на 1852 г., уже были сами по себе доказательством слабости, вполне для нас достаточным для того, чтобы устанавливать и для 1852 г. очень плохой прогноз, исключая случай торгового кризиса. Со вре-

мени отмены всеобщего избирательного права, со времени устранения пролетариата с политической арены, трудно себе представить, что официальные партии смогут вопрос поставить так, чтобы его решение удовлетворило пролетариат. А как же обстояло дело в феврале? Тогда народ был также hors de cause (сброшен со счетов), как и теперь. И совершенно нельзя отрицать того, что, если бы революционная партия стала упускать в революционном развитии решающие поворотные моменты, не вмешиваясь в них ни словом, или если бы она вмешивалась, не одержав победы, она все равно с полной уверенностью могла бы считаться на некоторое время похороненной. Witness (доказательство): восстания после термидора и после 1830 года, и господа, так громко теперь возглашающие, что «настоящий народ» выжидает настоящего случая, подвергаются опасности постепенно быть сваленными в одну кучу с бессильными якобинцами периода 1795 — 1799 годов и с республиканцами периода 1831 — 1839 годов и сильно оскандалиться».

Энгельс имел случай развить свои взгляды в печати. Вместе с Марксом он усердно поддерживал близкую им чартистскую печать. Мы уже видели, что для органа Гарни («Демократическое обозрение»), который стоял к ним тогда ближе, чем другие чартисты и подпись которого мы встретили на договоре, заключенном с бланкистами, Энгельс написал статью о десятичасовом рабочем дне. Нам не удалось еще установить все статьи, которые он, как видно из различных писем, обещал послать для другого органа, «Friend of the People» («Друг народа»). В связи с расколом в Союзе коммунистов, а также и с расколом в демократической эмиграции, Маркс и Энгельс скоро разошлись с Гарни, который надеялся укрепить свое пошатнувшееся положение, маневрируя между различными течениями французской и немецкой эмиграции.

В 1851 г. Маркс и Энгельс все больше сближаются с Эрнестом Джонсом, который с тех пор начинает играть все более решающую роль в чартистском движении. Они усердно поддерживают его новый орган — «Notes to the People» («Заметки для народа»). Маркс помогает Джонсу больше редакционным трудом и организацией для него снабжения литературным материалом.[1] Энгельс посылает из Манчестера статьи. Именно в «Notes to the People» он поместил три статьи, посвященные *«Действительным причинам относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого* [1851] *года»*.

---

[1] Эта сторона деятельности Маркса и его литературное сотрудничество в «Notes» могут быть освещены только в академическом издании.

Пусть читатель сравнит с письмами Энгельса и его статьями те части «18 брюмера», в которых Маркс дает ответ на тот же вопрос, в которых он беспощадно разоблачает все иллюзии буржуазной и социальной демократии. Мысль обоих друзей работает в одном и том же направлении, но у Маркса она облекается всегда в более сжатую и более глубокую форму.

«18 брюмера племянника-идиота» напомнило англичанам «18 брюмера дяди-гения», который наносил такие сильные удары «владычице морей». Английскую буржуазию охватила очередная «паника», боязнь внезапного вторжения французов. Дипломатический трюк, которым Пальмерстон, идол континентальных либеральных кретинов и революционных «государственных мужей» вроде Кошута, хотел успокоить «патриотическую тревогу» английской буржуазии, наоборот, оскорбил «национальную гордость». Безоговорочное признание вождя банды авантюристов, так бесцеремонно расправившегося с такими респектабельными партиями, как легитимисты и орлеанисты, возмутило даже «Times», и Пальмерстон вынужден был подать в отставку.

Именно этому злободневному тогда для Англии вопросу — отставке Пальмерстона и обсуждению шансов французского нашествия — посвящена первая статья Энгельса об Англии, написанная им для Вейдемейера. Вторая, которая тоже осталась неопубликованной, посвящена обсуждению вопроса об *избирательной реформе.*

Характерно, что и в этой статье Энгельс наибольшие надежды возлагает на очередной торгово-промышленный кризис, взрыв которого он, вместе с Марксом, тогда считал наиболее вероятным в 1853 г.

В другом месте, в связи с книгой Маркса, направленной против Фогта, мы еще вернемся к истории лондонской эмиграции в 1852 г. В связи с процессом кельнских коммунистов, который назначен был первоначально на 28 июля 1852 г., отношения между «партией Маркса», с одной стороны, и «партией Виллиха-Шаппера», а также демократической эмиграцией, во главе с Кинкелем, с другой, дошли до крайней степени ожесточения и взаимного озлобления.

Маркса и Энгельса обвиняли во всевозможных политических и даже уголовных преступлениях. Они решили ответить всем своим противникам в памфлете под названием «Великие мужи эмиграции». Первоначальное наше намерение опубликовать его в настоящем томе пришлось изменить. В связи с ним оказалось необходимым сделать еще ряд дополнительных исследований, и мы предпочитаем опубликовать его вместе с другим памфлетом Маркса — «Господин Фогт».

* * *

4 октября 1852 г., после новой отсрочки в интересах государственной полиции, открыл, наконец, свои заседания, продолжавшиеся до 2 ноября, кельнский суд по делу арестованных за полтора года перед этим членов Союза коммунистов.[1]

Уже во время процесса Маркс старался всяческими мерами помочь арестованным товарищам путем разоблачения всех полицейских махинаций пресловутого Штибера, не останавливавшегося ни пред какими подлогами и клеветами. В английских и немецких газетах Маркс и Энгельс выступили с резкими заявлениями против «Times'a» и «Daily News», взявших на себя «роль единомышленников самых подлых и низких правительственных шпионов», и против Штибера.[2]

В переписке Маркса и Энгельса (письма за октябрь-декабрь 1852 г.), а также в их письмах к Вейдемейеру за это время, имеется много данных о той лихорадочной работе, которую развернули в это время Маркс и Энгельс, в особенности первый. Положение затруднялось тем, что Герман Беккер, один из главных обвиняемых, вел себя без всякого революционного достоинства, заботясь только о том, чтобы по возможности выгородить себя, а Бюргерс оказался не на высоте положения. Несмотря на все старания Маркса, доставившего защите убийственный материал против Штибера, подсудимые были осуждены на большие сроки: Резер, Бюргерс, Нотъюнг — на 6 лет, Рейф, Отто, Беккер — на 5 лет, Лесснер на 3 года заключения в крепости. Даниэльс, Якоби, Клейн и Эрхардт были оправданы.

Еще до окончания процесса Маркс писал Энгельсу: «Как только процесс закончится и каков бы ни был его результат, мы оба должны напечатать «Разъяснение для публики» в один или два печатных листа. Более благоприятный момент говорить к нации в широком смысле слова не повторится. Кроме того, мы должны во что бы то ни стало рассеять смешное впечатление от этого процесса, от которого не могли нас избавить моральное достоинство и научная глубина кроткого Генриха [Бюргерса]».

Энгельс написал статью о «процессе коммунистов в Кельне» для «Нью-иоркской трибуны», а Маркс взял на себя составление брошюры для Германии.

---

[1] 1) Резер — рабочий, табачник, 2) Бюргерс — бывший член редакции «Новой рейнской газеты», 3) Нотъюнг — портной, 4) Рейф, 5) Герман Беккер, 6) Даниэльс — врач, 7) Карл Отто — химик, 8) Авраам Якоби — врач, 9) Клейн — врач, 10) Эрхардт — приказчик, 11) Лесснер — портной; Фрейлиграт, привлеченный по этому же делу, находился тогда уже в Лондоне.

[2] Два таких заявления напечатаны в приложениях.

19 ноября 1852 г. Маркс сообщил Энгельсу следующие решения лондонских товарищей.

«В прошлую среду Союз, по моему предложению, *распустил себя*, а также *объявил несвоевременным* дальнейшее существование Союза на континенте. Вообще, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргерса и Резера. При сем заявление для английских газет и т. д. Кроме того, я пишу литографированную корреспонденцию с подробным изложением *политических безобразий*, а для Америки воззвание о пожертвованиях в пользу арестованных и их семейств. Казначеем является Фрейлиграт. Подписано всеми нашими».

Издателя для брошюры удалось найти в Швейцарии. Это был известный уже нам Шабелиц, который отделился от своего отца и основал собственное издательство. 11 декабря 1852 г. он уже писал Марксу, что рукопись пришла к нему благополучно и что она уже набирается.

Таким образом памфлет Маркса «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» был написан в конце ноября или в начале декабря 1852 г. В первом немецком издании, вышедшем анонимно в Базеле у Шабелица, он содержит 92 страницы маленького формата.

Брошюра была отпечатана уже в середине января 1853 г. Шабелиц, который хотел направить ее в Рейнскую провинцию, совершил, однако, огромную оплошность, и почти весь тираж направил чрез швейцарско-баденскую границу, где он через шесть недель был захвачен. Сам Маркс получил один экземпляр только в середине марта 1853 г.

При помощи американских друзей брошюру удалось перепечатать в Бостоне. Набранная более убористым шрифтом, она заключает в себе всего 75 страниц. Но и первое издание не пропало целиком, как уверял в своем письме Шабелиц. По обычаю многих издателей, он напечатал большее количество экземпляров, чем обещал автору.

Брошюра Маркса искусно обходит слабые стороны процесса с точки зрения партии. Все свои удары Маркс направляет против прусской политической полиции и суда.

Пострадала, однако, и фракция Виллиха-Шаппера. Так как прокуратура и полиция упорно смешивали обе фракции и записывали в счет обвиняемых ряд промахов, совершонных агентами Виллиха и Шаппера, то Маркс вынужден был, в интересах обвиняемых, снять с них ряд возводившихся на них поклепов. Больше всего досталось Виллиху.

Вот почему, когда «разоблачения» напечатаны были в Бостоне, Виллих ответил в «New-Yorker Criminal-Zeitung» — октябрь и ноябрь 1853 г. — статьей «Доктор Карл Маркс и его разоблачения».

«Одновременно, — пишет Маркс Энгельсу 21 ноября 1853 г., — прилагаю в высшей степени жалкую стряпню Виллиха. Ты и Дронке должны прислать мне не позже *пятницы заявление* по поводу нападок, относящихся ко мне. Я их включу в свой общий ответ в форме *заявлений*. Мы должны быть столь же стремительны в своем ответе, сколь медлителен был благородный Виллих в своем нападении. Постарайся только написать свое заявление как можно более юмористически».

Несколько дней ушло на различные розыски и поиски в связи с «фактами», которые выдвигал Виллих, и, несмотря на это, уже 2 декабря 1853 г. Маркс пишет Энгельсу:

«Во вторник отослал свой ответ: «Рыцарь благородного сознания». Он будет удивлен. Включил, в качестве интересного материала, твое письмо и другие письма от Стеффена, Мисковского (со свидетельством Кошута) и т. д., разумеется — за вашими подписями».

«Рыцарь благородного сознания» вышел в Нью-Иорке уже в январе 1854 г., как видно из письма Маркса к Энгельсу от 9 февраля 1854 г., в котором он извещает его о посылке нескольких экземпляров в Манчестер.

Этим ядовитым памфлетом закончилась полемика, вызванная расколом в Союзе коммунистов. Шаппер в это время уже разошелся с Виллихом.

Когда в 1875 г. немецкие социал-демократы переиздали, с разрешения Маркса, его «Разоблачения», он написал к ним «Послесловие». По его словам, он сначала думал, что следует выпустить главу о фракции Виллиха-Шаппера, но после отказался от этой мысли, чтобы путем такой урезки не «фальсифицировать исторический документ». Вместо этого Маркс делает несколько дополнительных замечаний, чтобы исторически «извинить» ошибки Виллиха и Шаппера.

«Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, особенно тех, которые были выброшены с родины в изгнание, такое сильное потрясение, что даже сильные личности в течение более короткого или более длительного времени становятся так сказать невменяемыми. Они не умеют приспособиться к ходу истории, они не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в заговоры и революции, одинаково компрометирующая их и то дело, которому они служат. Отсюда также ошибки

Виллиха и Шаппера. Виллих показал в северо-американской гражданской войне, что он больше чем только фантазер, а Шаппер, всю свою жизнь бывший пионером рабочего движения, понял и признал очень скоро после окончания кельнского процесса свое временное заблуждение. Много лет спустя, на смертном одре, за день до своей смерти, он говорил мне с едкой иронией о старом периоде «эмигрантских глупостей». А с другой стороны, условия, в которых написаны «Разоблачения», объясняют горечь нападения на недобровольных пособников общего врага. В момент кризиса растерянность становится по отношению к партии преступлением, которое требует публичного наказания».

Послесловие Маркса будет напечатано нами целиком только в томе, посвященном эпохе I Интернационала.

Если мы при композиции этого тома опять вышли из рамок хронологического плана, то лишь постольку, поскольку мы из работ Маркса и Энгельса за 1850 — 1853 гг. выделили ряд статей, тематически связанных с другими томами. По существу настоящий том подводит итоги революции 1848 — 1849 гг. Только историк, который усвоит себе огромное идейное богатство, заключенное в литературном наследстве Маркса и Энгельса за 1850 — 1853 гг., сумеет разобраться в вопросе о том, под какими влияниями складывались стратегия и тактика того пролетарского движения, которое, под руководством Ленина, привело через революции 1905 и 1917 гг. к торжеству Октябрьской революции.

Незаменимым дополнением, пособием и комментарием к настоящему тому является переписка Маркса и Энгельса за 1851 — 1853 гг. — в нашем издании том XXI.

* * *

В подготовке этого тома для печати главное участие принимал А. Удальцов. Указатель составлен сотрудниками французского и немецкого кабинетов Института. Корректурой руководил О. Румер. Ценные указания сделаны были А. Бергером.

Март 1930 г. *Д. Рязанов.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ПАМФЛЕТЫ

1850 — 1853

К. МАРКС

1848—1849

[КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ]

За исключением лишь немногих глав каждый значительный отдел революционной летописи от 1848 до 1849 г. носит заглавие *поражение революции!*

Но в этих поражениях побеждена была не революция. Побеждены были пережитки дореволюционного времени, результаты общественных отношений, не заострившихся еще в резкие классовые противоречия, — лица, иллюзии, взгляды, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд *поражений*.

Одним словом, революция прокладывала себе дорогу не в своих непосредственных трагикомических завоеваниях, а, напротив, создавая сплоченную, могучую контр-революцию, создавая врага, в борьбе с которым партия бунта только и выросла в настоящую революционную партию.

Доказать это и составляет нашу дальнейшую задачу.

I. ИЮНЬСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ 1848 г.

После июльской революции либеральный банкир Лафитт, провожая своего кума, герцога Орлеанского, в его триумфальном шествии к Hôtel de Ville, заметил: «*Отныне настанет царство банкиров*». Лафитт выдал тайну революции.

При Луи-Филиппе господствовала не вся французская буржуазия, а лишь одна ее *фракция:* банкиры, биржевые и железнодорожные короли, собственники угольных копей и железных рудников, лесовладельцы и часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая *финансовая аристократия.* Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая табачным бюро.

Собственно *промышленная буржуазия* составляла часть официальной оппозиции, т. е. была представлена в палатах меньшинством. Ее оппозиция становилась тем решительнее, чем яснее развивалось самодержавие финансовой аристократии и чем более сама она воображала, что после подавленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 гг. ее господство над рабочим классом упрочено. Руанский фабрикант Гранден, наиболее ярый фанатик буржуазной реакции в Учредительном и Законодательном национальном собрании, был в палате депутатов самым горячим противником Гизо. Леон Фоше, впоследствии прославившийся своими бессильными попытками подняться до роли Гизо французской контр-революции, вел в конце царствования Луи-Филиппа чернильную войну в защиту промышленности и против спекуляции и ее прихвостня — правительства. Бастиа агитировал против господствующей системы от имени Бордо и всех французских виноделов.

Мелкая буржуазия во всех ее разновидностях, а также *крестьянство* были совершенно устранены от участия в политической власти. Наконец, в рядах официальной оппозиции или совсем вне pays légal стояли *идеологические* представители и защитники перечисленных классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д., — короче, их так называемая *интеллигенция*.

Финансовая нужда с самого начала поставила июльскую монархию в зависимость от крупной буржуазии, а ее зависимость от крупной буржуазии, в свою очередь, стала для нее неисчерпаемым источником все растущей финансовой нужды. Нельзя подчинить государственное управление интересам национального производства, пока не восстановлено равновесие в бюджете, равновесие между государственными расходами и доходами. А как восстановить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т. е. не нарушая интересов столпов господствующего режима и не изменяя налоговой системы, т. е. не сваливая значительной части податного бремени на плечи крупной буржуазии?

Задолженность государства была, напротив, в *прямых интересах* той фракции буржуазии, которая господствовала и издавала законы в палатах. *Государственный дефицит* как раз был главным предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. После каждых четырех и пяти лет — новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый случай обирать государство; искусственно поддерживаемое на пороге банкротства, оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того, каждый новый заем давал возможность грабить публику, помещающую свои капиталы в государственной ренте, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и большинство в палатах. Вообще, непрочное положение государственного кредита и обладание государственными тайнами давали банкирам и их сообщникам в палатах и на троне возможность вызывать внезапные, чрезвычайные колебания в курсе государственных бумаг, которые постоянно влекли за собой разорение множества мелких капиталистов и баснословно быстрое обогащение крупных игроков. Тем, что государственный дефицит был в прямых интересах господствующей фракции буржуазии, объясняется, почему *чрезвычайные* государственные расходы в последние годы царствования Луи-Филиппа более чем вдвое превысили чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне; они поглощали ежегодно около 400 млн. фр., тогда как весь вывоз Франции, в среднем, редко достигал 750 млн. фр. в год. Огромные суммы, проходившие таким образом через руки государства, давали сверх того повод к мошенническим подрядам, к подкупам, хищениям и плутовству всякого рода. Обкрадывание государства, происходившее при займах в крупных размерах, повторялось в малом при казенных подрядах. То, что проделывалось между палатой и правительством, стократно воспроизводилось в

сделках между отдельными ведомствами и отдельными частными предпринимателями.

Точно так же, как государственные расходы вообще и государственные займы, господствующий класс эксплоатировал *постройку железных дорог*. Палаты сваливали главное бремя издержек на государство, а спекулирующей финансовой аристократии они обеспечивали золотые плоды. Всем памятны скандалы в палате депутатов, когда случайно обнаруживалось, что все депутаты большинства, включая и часть министров, были заинтересованы в качестве акционеров в тех самых железнодорожных постройках, которые они в качестве законодателей заставили произвести на государственный счет.

Напротив, малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров. Так, напр., *почтовая реформа*. Ротшильд протестовал. Разве посмело бы государство сокращать те свои источники дохода, из которых уплачивались проценты по все растущим долгам?

Июльская монархия была ничем иным, как акционерной компанией для эксплоатации французского национального богатства: дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240 000 избирателей и их присными. Луи-Филипп был директором этой компании, Робером Макэром на троне. Эта система постоянно подвергала опасности и вредила интересам торговли, промышленности, земледелия, судоходства, интересам промышленной буржуазии, которая в июльские дни написала на своем знамени: «дешевое правительство» (gouvernement à bon marché).

Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всеми организованными отраслями государственной власти, в силу фактического положения вещей и с помощью прессы держала в своих руках общественное мнение, то во всех сферах, начиная от королевского двора и кончая Café Borgne, царил один и тот же разврат, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикарманивания имеющегося уже чужого богатства; и именно на верхах буржуазного общества проявлялись необузданные, на каждом шагу сталкивающиеся с самими буржуазными законами, нездоровые и распутные вожделения, в которых нажитое спекуляцией богатство естественно ищет себе удовлетворения, где наслаждение становится распутством, где сливаются вместе золото, грязь и кровь. По способу своего обогащения, как и по своим наслаждениям, финансовая аристократия есть не что иное, как *возрождение люмпенпролетариата на верхах буржуазного общества*.

Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: «разврат!», а народ кричал: «долой крупных воров! долой убийц!», — когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно толкают люмпенпролетариат в дома призрения, богадельни и желтые дома, приводят его на скамью подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу ее интересам, мелкая буржуазия была нравственно возмущена, народная фантазия негодовала. Париж был наводнен памфлетами: «La dynastie Rothschild», «Les juifs—rois de l'époque» («Династия Ротшильдов», «Евреи — короли нашего времени») и т. д., которые с бо́льшим или меньшим остроумием разоблачали и клеймили господство финансовой аристократии.

Rien pour la gloire! (Ни гроша для славы!) Слава не приносит никакой прибыли! La paix partout et toujours! (Мир во что бы то ни стало!) Война понижает курс трех-и четырехпроцентных бумаг! Вот что написала на своем знамени Франция евреев-биржевиков. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду оскорблений французского национального чувства. Особенно сильно было оно возмущено присоединением Кракова к Австрии, которое завершило разграбление Польши, и тем, что Гизо активно стал на сторону Священного союза в сепаратистской войне католических кантонов Швейцарии (Sonderbundskrieg). Победа швейцарских либералов в этой мнимой войне подняла чувство собственного достоинства буржуазной оппозиции во Франции; кровавое народное восстание в Палермо подействовало на парализованную народную массу, как электрический удар, и пробудило ее великие революционные воспоминания и страсти. [1]

Наконец, взрыв всеобщего недовольства был ускорен, ропот вырос в восстание, благодаря *двум мировым экономическим событиям.*

Картофельная болезнь и неурожаи 1845 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе. В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всем континенте, кровавые столкновения. Рядом с бесстыдными оргиями финансовой аристократии — борьба народа за необходимейшие средства существования! В Бюзансэ казнены участники голодных бунтов, а в Париже королевская семья вырывает из рук суда пресыщенных мошенников!

[1] Присоединение Кракова к Австрии, с согласия России и Пруссии, 11 ноября 1846 г. — Sonderbundskrieg в Швейцарии от 4 до 28 ноября 1847 г. — Восстание в Палермо 12 января 1848 г.; в конце января неаполитанцы девять дней бомбардируют город. — *Ф. Э.*

Вторым великим экономическим событием, ускорившим взрыв революции, был всеобщий *торговый и промышленный кризис* в Англии. Он был возвещен уже осенью 1845 г. массовым крахом спекулянтов железнодорожными акциями, в 1846 г. его задержал ряд случайных обстоятельств, как предстоявшая отмена хлебных пошлин, — наконец, осенью 1847 г. он разразился в банкротствах крупных лондонских торговцев колониальными товарами, за которыми немедленно последовали крахи земельных банков и закрытие фабрик в промышленных округах Англии. Не успели еще на континенте отразиться все последствия этого кризиса, как вспыхнула февральская революция.

Экономическая эпидемия, поразившая торговлю и промышленность, сделала еще невыносимее самодержавие финансовой аристократии. Оппозиционная буржуазия поднимает по всей Франции кампанию банкетов в пользу *избирательной реформы*, которая должна была доставить ей большинство в палате и свергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис повлек за собой еще один, особенный результат: он бросил на внутренний рынок массу фабрикантов и крупных торговцев, которые при сложившихся условиях не в состоянии были вести свои дела на заграничном рынке. Они основали крупные фирмы, конкуренция которых массами разоряла мелких бакалейщиков и лавочников. Этим объясняются многочисленные банкротства в этой части парижской буржуазии и революционное поведение ее в февральские дни. Известно, как Гизо и палаты ответили на требования реформ недвусмысленным вызовом, как Луи-Филипп решился назначить министерство Барро, когда было уже слишком поздно, как дошло до стычки между народом и армией, как армия была обезоружена пассивным поведением национальной гвардии — и июльская монархия должна была уступить место временному правительству.

По своему составу *временное правительство*, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собою плоды победы. Оно не могло быть ничем иным, как *компромиссом между различными классами*, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. *Огромное большинство* его состояло из представителей буржуазии. Ледрю-Роллен и Флокон были представителями республиканской мелкой буржуазии, республиканская буржуазия была представлена людьми из редакции «National», династическая оппозиция — Кремье, Дюпоном де л'Эр и т. д. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи

Блана и Альбера. Наконец, Ламартин во временном правительстве не был, собственно, выразителем какого-либо реального интереса, какого-либо определенного класса; он был сама февральская революция, всеобщее восстание с его поэзией, его иллюзорным содержанием и его фразами. Впрочем, по своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежал к *буржуазии.*

Если Париж, благодаря политической централизации, господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции. Ламартин оспаривал у бойцов баррикад право провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации, надо выждать ее голоса, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только *одну* узурпацию — узурпацию борьбы.

В полдень 25 февраля республика еще не была провозглашена, зато все министерские портфели были уже распределены между буржуазными элементами временного правительства и генералами, банкирами и адвокатами «National'я». Но рабочие решили не допустить на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 г. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия. С этой вестью Распайль отправился в Hôtel de Ville. От имени парижского пролетариата он приказал временному правительству провозгласить республику; если это требование народа не будет исполнено в течение двух часов, он вернется во главе 200 000 человек. Трупы павших борцов еще не успели остыть, баррикады еще не были убраны, рабочие еще не были обезоружены, и единственная сила, которую можно было им противопоставить, была национальная гвардия. При этих обстоятельствах внезапно исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Еще до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исполинские исторические слова: République Française! Liberté, Egalité, Fraternité! (Французская республика! Свобода, Равенство, Братство!)

С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание о тех ограниченных целях и мотивах, которые ввергли буржуазию в февральскую революцию. Вместо некоторых только фракций буржуазии все классы французского общества получили доступ к политической власти.

принуждены были оставить ложи, партер и галлерею и в качестве действующих лиц выступить на революционную сцену. Вместе с конституционной монархией исчезла и фиктивная противоположность между самостоятельным государством и буржуазным обществом, а с нею целый ряд второстепенных столкновений, вызываемых этой фикцией.

Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельный фактор, но, в то же время, он вызвал на борьбу против себя всю буржуазную Францию. Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а а отнюдь не само это освобождение.

Напротив, февральская республика прежде всего должна была лишь *завершить господство буржуазии:* рядом с финансовой аристократией получили доступ к политической власти *все имущие классы*. Она избавила большинство крупных землевладельцев, легитимистов, от политического ничтожества, на которое их осудила июльская монархия. Недаром «Gazette de France» агитировала вместе с газетами оппозиции, недаром Ларошжаклен в заседании палаты депутатов 24 февраля стал на сторону революции. Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского народа, — в руки *крестьян*. Наконец, февральская республика разбила корону, за которой прятался капитал, так что господство буржуазии выступило теперь открыто.

В июльские дни рабочие завоевали *буржуазную монархию*, в февральские дни они завоевали *буржуазную республику*. Подобно тому, как июльская монархия принуждена была объявить себя *монархией, обставленной республиканскими учреждениями*, февральская республика принуждена была объявить себя *республикой, обставленной социальными учреждениями*. Парижский пролетариат *добился* и этой уступки.

Марш, рабочий, продиктовал декрет, в котором только что образованное временное правительство обязывалось обеспечить рабочим существование трудами рук своих, дать каждому работу и т. д. Когда же через несколько дней оно забыло свои обещания и, казалось, совсем упустило из виду пролетариат, толпа в 20 000 рабочих двинулась к Hôtel de Ville с криками: *Организация труда! Образование особого министерства труда!* Против воли, после долгих прений, временное правительство назначило специальную постоянную комиссию с поручением *изыскивать* средства к улучше-

нию положения трудящихся классов. Эта комиссия состояла из делегатов парижских ремесленных корпораций под председательством Луи Блана и Альбера. Местом заседаний был для нее отведен Люксембургский дворец. Таким образом представители рабочего класса были изгнаны из места заседаний временного правительства, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления. *Рядом* с министерствами финансов, торговли и общественных работ, *рядом* с банком и биржей учреждена была *социалистическая синагога*, первосвященники которой Луи Блан и Альбер имели своей задачей открыть обетованную страну, возвестить новое евангелие и отвлечь внимание парижского пролетариата. В отличие от всякой обыкновенной государственной власти они не располагали никаким бюджетом, никакой исполнительной властью. Они должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя. В то время, как в Люксембурге занимались изысканием философского камня, в Hôtel de Ville чеканили ходовую монету.

И, однако, нужно сказать, что требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, действительно не могли реализоваться иначе, как в туманной форме Люксембурга.

Рабочие сделали февральскую революцию сообща с буржуазией, теперь они старались отстаивать свои интересы *рядом* с буржуазией, ведь посадили же они во временном правительстве рабочего рядом с буржуазным большинством! *Организация труда!* Но наемный труд, это — уже существующая буржуазная организация труда! Без него нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества. *Собственное министерство труда!* Но разве министерства финансов, торговли, общественных работ не являются *буржуазными* министерствами труда? *Рядом* с ними *рабочее* министерство труда было бы министерством бессилия, министерством благих пожеланий, Люксембургской комиссией. Веря в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, рабочие надеялись также осуществить свою рабочую революцию в национальных границах Франции, бок о бок с прочими буржуазными нациями. Но производственные отношения Франции обусловливаются внешней торговлей, ее положением на всемирном рынке и законами этого рынка. Разве Франция могла бы их нарушить без европейской революционной войны, которая отразилась бы на Англии, властительнице мирового рынка?

Когда восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, он находит непосредственно в своем

собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, и последствия его собственных действий толкают его дальше. Такой класс не занимается теоретическими исследованиями своих собственных задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою революцию.

Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь под ее господством впервые приобретает он широкое национальное существование, которое только и может придать его революции национальные размеры, лишь под ее господством он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает с корнем остатки феодального строя и выравнивает почву, на которой единственно возможна рабочая революция. Франция—самая промышленная страна на всем континенте, а ее буржуазия—самая революционная. Но разве февральская революция не была направлена непосредственно против финансовой аристократии? Факт этот показывает, что промышленная буржуазия не господствовала во Франции. Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразует по-своему все имущественные отношения; а этой силы она может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала всемирный рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития. Французская же промышленность на самом деле даже внутренний рынок удерживает за собой только благодаря более или менее модифицированной системе запретительных пошлин. Хотя французский пролетариат в момент революции в Париже и обладает фактически силой и влиянием, толкающими его дальше, чем то соответствует его средствам, но в провинции он сосредоточен лишь в отдельных, разбросанных промышленных центрах, почти исчезая в подавляющем большинстве крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее кульминационной фазе, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции частичным фактом. После февральских дней она тем менее могла послужить национальным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплоатации, — борьба крестьянина против ростовщичества и ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства — была еще скрыта под оболочкой общего вос-

стания против общего гнета финансовой аристократии. Не удивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *бок о бок* с буржуазными интересами, вместо того чтобы проводить их в жизнь в качестве революционного интереса самого общества; не удивительно, что он склонил *красное* знамя перед *трехцветным*. Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли тронуть ни одного волоска буржуазного строя, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариату, признав в нем своего передового борца. Только ценою страшного июньского поражения рабочие могли купить эту победу.

За Люксембургской комиссией, этим детищем парижских рабочих, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны провозгласила тайну революции XIX столетия: *освобождение пролетариата*. «Moniteur» (правительственная газета) приходил в ярость, когда он должен был официально пропагандировать «дикие бредни», до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до ушей буржуазии в виде каких-то отдаленных легенд, наполовину страшных, наполовину смешных. Изумленная Европа очнулась от своей буржуазной дремоты. Итак, в мысли пролетариев, которые отожествляли финансовую аристократию с буржуазией вообще, в воображении республиканских простаков, которые отрицали самое существование классов или, в лучшем случае, считали их следствием конституционной монархии, в лицемерных фразах тех слоев буржуазии, которые раньше были устранены от власти,— *господство буржуазии* было отменено вместе с введением республики. В то время все роялисты превратились в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих. Фраза, соответствовавшая этому воображаемому уничтожению классовых отношений, была Fraternité — всеобщее братание и братство. Это добродушное отвлечение от классовых противоречей, это сантиментальное примирение противоположных классовых интересов, это фантазерское воспарение над классовой борьбой, Fraternité,— вот что было истинным лозунгом февральской революции. Простое *недоразумение* раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правительство так: «правительство, которое прекращает *страшное недоразумение, существующее между различными классами*». Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

С своей стороны, раз временное правительство было вынуждено

провозгласить республику, оно всеми силами старалось примирить с нею буржуазию и провинции. Оно отреклось от кровавых ужасов первой французской республики, отменив смертную казнь за политические преступления; пресса была свободно открыта для всех мнений; армия, суд, администрация, за немногими исключениями, остались в руках старых сановников, ни один из крупных преступников июльской монархии не был привлечен к ответу. Буржуазные республиканцы «National'я» забавлялись переменой монархических имен и костюмов на старо-республиканские. Для них республика была лишь новым бальным костюмом для старого буржуазного общества. Главную свою заслугу молодая республика полагала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью да беззащитностью отстоять свое существование и обезоружить врагов. Она громко заявила о своем миролюбии привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам во-вне. Живи и жить давай другим — таков был ее лозунг. Как раз в это время, немедленно вслед за февральской революцией, восстали немцы, поляки, австрийцы, венгерцы, итальянцы — каждый народ сообразно с особыми условиями своего положения. Россия и Англия, последняя — сама захваченная движением, первая — запуганная им, не были подготовлены к вмешательству. Таким образом, республика не встретила на своем пути ни одного *национального* врага. Не оказалось, значит, тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить национальную энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед временное правительство или выбросить его за борт. Парижский пролетариат, который видел в республике свое собственное детище, приветствовал, разумеется, всякий шаг временного правительства, помогавший последнему укрепить свое положение в буржуазном обществе. Он охотно оказывал Коссидьеру полицейские услуги для охраны собственности в Париже и предоставлял Луи Блану улаживать споры между рабочими и хозяевами по поводу заработной платы. Он считал вопросом чести для себя сохранить в глазах Европы незапятнанной буржуазную честь республики.

Республика не встретила никакого сопротивления ни извне, ни внутри. Это ее обезоружило. Ее задачей было теперь не революционное переустройство мира, а свое собственное приспособление к условиям буржуазного строя. С каким фанатизмом временное правительство принялось за выполнение этой задачи, лучше всего доказывают его *финансовые мероприятия*.

Государственный и частный кредит был, конечно, потрясен.

Государственный кредит покоится на уверенности в том, что государство дает себя эксплоатировать евреям-финансистам. Но старое государство пало, а революция была направлена прежде всего против финансовой аристократии. Судороги последнего европейского торгового кризиса еще не прекратились. Одно банкротство еще следовало за другим.

Частный кредит был, таким образом, парализован, обращение товаров затруднено, а производство остановилось еще до взрыва февральской революции. Революционный кризис усилил кризис коммерческий. Частный кредит покоится на уверенности, что весь комплекс условий буржуазного производства, весь буржуазный строй остаются нетронутыми и неприкосновенными; как же должна была подействовать на него революция, которая угрожала самой основе буржуазного производства, экономическому рабству пролетариата, — революция, которая воздвигала против биржи загадочный Люксембургский сфинкс? Освобождение пролетариата равносильно уничтожению буржуазного кредита, потому что оно означает уничтожение буржуазного производства и буржуазного строя. Государственный и частный кредит, это — экономический термометр, показывающий интенсивность революции. *В той самой мере, в какой падает кредит, повышается температура революции и растет ее творческая сила.*

Временное правительство хотело сбросить с республики ее антибуржуазную личину. Для этого нужно было прежде всего обеспечить *меновую стоимость* новой государственной формы, ее биржевой *курс*.

Вместе с биржевым прейскурантом республики необходимо должен был подняться частный кредит.

Чтобы устранить даже *подозрение*, будто республика не хочет или не может выполнить обязательств, полученных ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платежеспособности республики, — временное правительство прибегло к столь же недостойному, как и ребяческому хвастовству. Еще *до* законного срока оно уплатило государственным кредиторам проценты по 5-, $4^1/_2$-и 4-процентным бумагам. К капиталистам сразу вернулся весь их буржуазный апломб и самоуверенность, когда они увидели, с какой боязливой поспешностью стараются купить их доверие.

Конечно, денежные затруднения временного правительства не уменьшились от этой театральной выходки, лишившей его всего запаса наличных денег. Нельзя было дольше скрывать денежную нужду, и *мелкой буржуазии* и *рабочим* пришлось из собственного

кармана расплачиваться за приятный сюрприз, устроенный государственным кредиторам.

Правительство объявило, что *сберегательные кассы* не будут более возвращать денег по книжкам на сумму свыше 100 франков. Вложенные в сберегательные кассы суммы были конфискованы и декретом правительства превращены в государственный долг, не подлежащий уплате. Это еще более озлобило против республики *мелкую буржуазию*, и без того находившуюся в стесненном положении. Получив вместо сберегательных книжек государственные векселя, она была вынуждена продавать их на бирже и таким образом отдавать себя в руки тех самых евреев-биржевиков, против которых была направлена февральская революция.

Банк был храмом финансовой аристократии, царившей в июльской монархии. Как биржа держит в своих руках государственный кредит, так банк управляет *торговым кредитом*.

Февральская революция угрожала не только господству банка, но и самому его существованию; поэтому он с самого начала старался дискредитировать республику, делая некредитоспособность всеобщей. Он внезапно прекратил кредит банкирам, фабрикантам и купцам. Не вызвав немедленной контр-революции, этот маневр неизбежно пал всей своей тяжестью обратно на банк. Капиталисты взяли назад свои деньги, хранившиеся в подвалах банка. Владельцы банковых билетов бросились к кассе банка, чтобы обменять их на золото и серебро.

Временное правительство могло бы совершенно легально, без насильственного вмешательства, принудить банк к *банкротству*; ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе. *Банкротство банка*, это — поток, который в один миг очистил бы французскую почву от финансовой аристократии, самого могучего и опасного врага республики, этого золотого пьедестала июльской монархии. А раз банк обанкротился, то сама буржуазия отнеслась бы к созданию правительством национального банка и к подчинению национального кредита контролю нации как к последней отчаянной попытке к спасению.

Но вместо этого правительство установило *принудительный курс* для билетов банка. Оно сделало более. Оно превратило все провинциальные банки в филиальные отделения Banque de France (Французского банка) и таким образом дало ему раскинуть свою сеть по всей Франции. Позднее оно сделало у банка заем и в качестве гарантии заложило ему *государственные леса*. Таким образом, февральская революция непосредственно укрепила и расши-

рила ту самую банкократию, которую она должна была свергнуть.

Между тем временное правительство все больше сгибалось под тяжестью все растущего дефицита. Тщетно выпрашивало оно патриотические подаяния. Только рабочие бросили ему милостыню. Пришлось прибегнуть к героическому средству, к введению *нового налога*. Но кого обложить? Биржевых волков, банковых королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Таким путем республика не приобрела бы их расположения. Это значило бы одной рукой подрывать государственный и торговый кредит, в то время как другой рукой приносились для него такие унизительные жертвы. Но кто-нибудь должен же был платить. Кто же был принесен в жертву буржуазному кредиту? Jacques le bonhomme, *крестьянин*.

Временное правительство ввело дополнительный налог, увеличивающий на 45 сантимов каждый франк четырех прямых налогов. Правительственная печать ложно уверяла парижский пролетариат, что этот налог падает, главным образом, на крупное землевладение, на владельцев пожалованного реставрацией миллиарда. В действительности же он падал прежде всего на *крестьянство*, т. е. на огромное большинство французского народа. *Крестьянам пришлось нести издержки февральской революции*, — и они составили главную армию контр-революции. Новый налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики. С этого момента в глазах французского крестьянина республику олицетворял добавочный налог в 45 сантимов, а парижский пролетариат представлялся ему расточителем, который роскошествовал на его счет.

Тогда как революция 1789 г. начала с того, что освободила крестьян от бремени феодальных повинностей, революция 1848 г., чтобы не повредить капиталу и обеспечить ход его государственной машины, первым делом преподнесла сельскому населению новый налог.

Только одним путем временное правительство могло устранить все эти затруднения и выбить государство из старой колеи, а именно *объявлением государственного банкротства*. Известно, что Ледрю-Роллен впоследствии гордился перед Национальным собранием, что он с негодованием отверг подобное предложение еврейского биржевика Фульда, теперешнего министра финансов. Фульд предлагал ему яблоко от древа познания.

Признав векселя, предъявленные старым буржуазным обществом государству, временное правительство подпало под его власть.

Оно попало в положение запутавшегося должника буржуазного общества, вместо того чтобы явиться к нему в роли грозного кредитора, взыскивающего старые революционные долги. Оно должно было укрепить пошатнувшийся буржуазный строй, чтобы выполнить обязательства, выполнимые только в рамках этого строя. Кредит становится необходимым условием его существования, а уступки пролетариату и данные ему обещания — *оковами*, которые во что бы то ни стало *должны* быть разбиты. Освобождение рабочих — даже сама эта *фраза* — сделалось невыносимой опасностью для новой республики, так как это была постоянная помеха к восстановлению кредита, который покоится на прочном и непоколебимом признании существующих классовых отношений. Поэтому, надо было *покончить с рабочими*.

Февральская революция выбросила армию вон из Парижа. Национальная гвардия, т. е. буржуазия всех разновидностей, составляла единственную военную силу. Но она не чувствовала себя в силах одна справиться с пролетариатом, тем более что ей пришлось, хотя и после упорнейшего сопротивления, после сотни всяческих помех, мало-по-малу, по частям, открыть доступ в свои ряды вооруженным пролетариям. Таким образом, оставался только один исход: *противопоставить одну часть пролетариев другой*.

С этой целью временное правительство образовало 24 батальона *мобильной гвардии* из молодых людей от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большею частью к *люмпенпролетариату*, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой — гнездо воров и преступников всякого рода, элементы, живущие отбросами с общественного стола, люди без определенных занятий, бродяги, gens sans feu et sans aveu; они различаются в зависимости от культурного уровня нации, к которой они принадлежат, но везде и всегда они сохраняют характерные черты лаццарони. Крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Временное правительство платило им 1 франк 50 сантимов в день, т. е. купило их. Оно одело их в особый мундир, так что они внешним видом отличались от блузников. В вожди им отчасти дали офицеров регулярного войска, отчасти они сами выбирали молодых буржуазных сынков, которые пленяли их громкими речами о смерти за отечество и преданности республике.

Таким образом, против парижского пролетариата стояла набранная из его же среды армия в 24 000 молодых, крепких головорезов. Пролетариат приветствовал мобильную гвардию на улицах Парижа громкими криками «ура». Он узнал в ней своих передовых борцов на баррикадах. Он считал ее *рабочей* гвардией в отличие от буржуазной национальной гвардии. Это была простительная ошибка с его стороны.

Рядом с мобильной гвардией правительство решило собрать вокруг себя также армию промышленных рабочих. В так называемых Национальных мастерских министр Мари дал занятие ста тысячам рабочих, выброшенных на мостовую кризисом и революцией. Под этим громким именем скрывалось не что иное, как употребление рабочих на скучные, однообразные, непроизводительные *земляные работы* с заработной платою в 23 су. *Английские «рабочие дома» под открытым небом*, — вот чем были эти Национальные мастерские. Правительство думало, что нашло в них *вторую рабочую армию против самих же рабочих*. На этот раз буржуазия ошиблась в Национальных мастерских точно так же, как ошиблись рабочие в мобильной гвардии. Она создала *армию мятежа*.

Но одна цель была достигнута.

Ateliers nationaux — так назывались Национальные мастерские, которые проповедывал Луи Блан в Люксембурге. Мастерские Мари созданы были по плану, прямо *противоположному* плану Луи Блана, но, благодаря одинаковому ярлыку, они давали повод к интриге ошибок, достойной испанской комедии. Временное правительство само тайком распускало слух, что эти Национальные мастерские — изобретение Луи Блана, и это казалось тем более правдоподобным, что Луи Блан, апостол Национальных мастерских, был членом временного правительства. Парижской буржуазии, полунаивно и полунамеренно смешивавшей обе вещи, искусственно обрабатываемому общественному мнению Франции и Европы эти рабочие дома представлялись первым шагом в осуществлении социализма, который и выставлялся таким образом у позорного столба.

Не по своему содержанию, но зато по своему названию Национальные мастерские были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики. Поэтому на них обрушилась вся ненависть буржуазии; на этот пункт она могла направить свое нападение, как только она достаточно окрепла, чтобы открыто порвать с февральскими иллюзиями. *Мелкая буржуазия* тоже обратила все свое недовольство, всю свою досаду против Национальных мастерских,

которые стали общей мишенью. Со скрежетом зубовным она высчитывала, сколько денег поглощали дармоеды-рабочие, тогда как ее собственное положение с каждым днем становилось все более невыносимым. Государственная пенсия за подобие работы — вот что̀ такое социализм! ворчала она про себя. В Национальных мастерских, в люксембургских словопрениях, в уличных шествиях парижских рабочих она видела причину своего бедственного положения. И никто не горячился так против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, который без всякой надежды на спасение стоял на краю банкротства.

Таким образом, в предстоявшей схватке между буржуазией и пролетариатом все преимущества, все важнейшие позиции, все средние слои общества были в руках буржуазии. А в это самое время волны февральской революции высоко вздымались над континентом, каждая почта приносила революционные вести то из Италии, то из Германии, то с крайнего юго-востока Европы и поддерживала упоение народа, непрерывно принося ему новые доказательства его победы, плоды которой уже ускользнули из его рук.

17-е марта и *16-е апреля* были первыми стычками в великой классовой борьбе, таившейся в недрах буржуазной республики.

17 марта обнаружилось двусмысленное положение пролетариата, не допускавшее никаких решительных действий. Первоначальной целью его демонстрации было вернуть временное правительство на путь революции, заставить его в случае надобности исключить из своей среды буржуазных членов и отложить день выборов в Национальное собрание и в национальную гвардию. Но 16 марта буржуазия, представленная в национальной гвардии, устроила демонстрацию против временного правительства. С криками: «*Долой Ледрю-Роллена!*» она двинулась к Hôtel de Ville. Это заставило народ кричать 17 марта: «Да здравствует Ледрю-Роллен, да здравствует временное правительство!» Чтобы дать отпор буржуазии, ему пришлось стать на сторону буржуазной республики, которая казалась ему в опасности. Он укрепил положение временного правительства, вместо того чтобы подчинить его себе. 17-е марта разрешилось мелодраматической сценой. Правда, в этот день парижский пролетариат еще раз показал свое исполинское тело, но это лишь укрепило буржуазию — внутри временного правительства и вне его — в решении сломить пролетариат.

16-е апреля было *недоразумением*, созданным временным правительством в союзе с буржуазией. На Марсовом поле и в Ипподроме собрались в большом числе рабочие, чтобы обсудить предстоящие

выборы в генеральный штаб национальной гвардии. Вдруг с быстротой молнии по всему Парижу, с одного конца до другого, распространяется слух, будто на Марсовом поле под предводительством Луи Блана, Бланки, Кабе и Распайля собрались вооруженные толпы рабочих с намерением двинуться на Hôtel de Ville, свергнуть временное правительство и провозгласить коммунистическое правительство. Бьют генеральный марш, — впоследствии Ледрю-Ролен, Марраст и Ламартин оспаривали друг у друга честь этой инициативы, — и через час 100 000 человек стоят под ружьем, Hôtel de Ville занят национальной гвардией, по всему Парижу гремит крик: «Долой коммунистов! Долой Луи Блана, долой Бланки, Распайля и Кабе!» К временному правительству являются с выражением преданности бесчисленные депутации, готовые спасать отечество и общество. Когда, наконец, рабочие появляются перед Hôtel de Ville, чтобы вручить временному правительству патриотический денежный сбор, устроенный на Марсовом поле, они к своему удивлению узнают, что буржуазный Париж только что одержал в фиктивной борьбе, ведшейся с величайшими предосторожностями, победу над их тенью. Ужасное покушение 16 апреля послужило предлогом для *возвращения армии в Париж*, — что собственно и было целью грубой комедии, — и для реакционных федералистических демонстраций в провинции.

4 мая собралось вышедшее из *прямых и всеобщих выборов Национальное собрание*. Всеобщее избирательное право не обладало той магической силой, которую приписывали ему республиканцы старого покроя. Во всей Франции, или, по крайней мере, в большинстве французов, они видели citoyens (граждан) с одинаковыми интересами, одинаковыми взглядами и т. д. Это был своего рода *культ народа*. Но выборы, вместо их *воображаемого* народа, обнаружили *действительный* народ, т. е. различные классы, на которые он распадается. Мы уже знаем, почему крестьяне и мелкая буржуазия шли на выборах за воинствующей буржуазией и жаждавшими реставрации крупными землевладельцами. Однако если всеобщее избирательное право и не было тем волшебным жезлом, каким его считали простаки-республиканцы, то оно обладало другим, несравненно более высоким достоинством: оно обостряло классовую борьбу, оно заставляло различные средние классы буржуазного общества быстро изживать свои иллюзии; оно сразу подняло на вершину государства все фракции эксплоатирующего класса, таким образом срывая с них их лживую маску, тогда как монархия со своим цензом компрометировала только определенные фракции буржуазии, давая другим

прятаться за кулисами и окружать себя общим ореолом оппозиции.

В Учредительном национальном собрании, открывшемся 4 мая, преобладали *буржуазные республиканцы*, республиканцы «National'я». Даже легитимисты и орлеанисты сначала осмеливались выступать лишь под маской буржуазного республиканизма. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата.

С 4 мая, а не с 25 февраля надо считать начало республики, т. е. республики, признанной французским народом; это не та республика, которую парижский пролетариат навязал временному правительству, не республика с социальными учреждениями, не та мечта, которая носилась перед бойцами баррикад. Провозглашенная Национальным собранием, единственно законная республика была не революционным оружием против буржуазного строя, а, напротив, его политической реставрацией, заново укреплявшей буржуазное общество, — одним словом, *буржуазной республикой*. Это утверждение раздалось с трибуны Национального собрания и нашло себе отклик во всей республиканской и антиреспубликанской буржуазной прессе.

Мы видели, что февральская республика действительно не была и не могла быть ничем иным, как *буржуазной* республикой; что только под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить ее *республикой, обставленной социальными учреждениями;* что парижский пролетариат не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе как в своих мечтаниях, *в воображении*, — в действительности же он всей своей деятельностью всегда служил ей; что данные ему обещания сделались невыносимой опасностью для новой республики и все существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе с требованиями пролетариата.

В лице Национального собрания вся Франция явилась судьей парижского пролетариата. Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило *буржуазную республику* и только буржуазную республику. Оно поспешило исключить из выбранной им комиссии представителей пролетариата Луи Блана и Альбера; оно отклонило предложение учредить особое министерство труда и встретило бурными одобрениями слова министра Трела: «*Теперь речь идет только о том, чтобы вернуть труд в его прежние условия*».

Но всего этого было еще недостаточно. Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли высокомерные требования по-

бедителя. Надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение, как только они сражаются не *в союзе* с буржуазией, а *против* нее. В свое время для февральской республики с ее уступками социализму понадобилась битва соединенного с буржуазией пролетариата против монархии; теперь нужна была вторая битва, чтобы освободить республику от сделанных ею уступок социализму, чтобы официально утвердить господство *буржуазной республики*. С оружием в руках буржуазия должна была отвергнуть требования пролетариата. Настоящая колыбель буржуазной республики — не *февральская победа*, а *июньское поражение*.

Пролетариат ускорил развязку, ворвавшись 15 мая в Национальное собрание, сделав безуспешную попытку вернуть себе свое прежнее революционное влияние, — он достиг лишь того, что его энергичные вожди попали в руки тюремщиков буржуазии. Il faut en finir! Надо положить конец этому! В этом возгласе выразилось твердое решение Национального собрания принудить пролетариат к решительной битве. Исполнительная комиссия издала ряд вызывающих декретов, как, напр., запрещение народных скопищ и т. д. С трибуны Учредительного национального собрания раздавались открытые вызовы, издевательство и брань по адресу рабочих. Но главным пунктом для нападения были, как мы видели, *Национальные мастерские*. На них Учредительное собрание повелительно указало Исполнительной комиссии, которая только и ждала, чтобы Национальное собрание в форме приказа подтвердило ее собственный план.

Исполнительная комиссия начала с того, что затруднила доступ в Национальные мастерские, заменила поденную плату сдельной и, под предлогом земляных работ в Солони, удалила из парижских мастерских всех пришлых рабочих. Эти работы, — как объявили своим товарищам вернувшиеся оттуда разочарованные рабочие, — были только фразой, которая должна была скрасить их изгнание. Наконец, 21 июня в «Moniteur'e» появился декрет, приказывавший силой удалить из Национальных мастерских всех холостых рабочих или же зачислить их в армию.

Рабочим оставалось на выбор или умереть с голоду, или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием. Это была первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано.

Известно, с каким беспримерным мужеством и с какой гениальностью рабочие, без предводителей, без общего плана действий,

без средств и большей частью без оружия целых пять дней держались против армии, мобилей, парижской национальной гвардии и прибывших из провинции национальных гвардейцев. Известно, что буржуазия отомстила за пережитый ею смертельный страх неслыханными жестокостями и предала избиению более 3 000 пленных.

Официальные представители французской демократии находились под таким сильным влиянием республиканской идеологии, что лишь через несколько недель после июньской битвы стали догадываться о ее значении. Они были как бы ошеломлены пороховым дымом, в котором рассеялась их фантастическая республика.

Читатель позволит нам передать словами «Новой рейнской газеты» непосредственное впечатление, произведенное на нас июньским поражением:

«Последний официальный пережиток февральской революции,— Исполнительная комиссия, — разлетелся, как призрак, перед серьезностью события; блестящий фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка. «Fraternité», братство противоположных классов, из которых один эксплоатирует другой, это братство, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на лбу Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, — где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является *гражданская война*, гражданская война в своем самом страшном обличии, — война труда и капитала. Это братство пылало пред всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию в то время, как Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, испускал стоны. Братство продолжалось до того момента, покуда интересы буржуазии совпадали с интересами пролетариата. Педанты старых революционных преданий 1793 г.; социалистические доктринеры, которые просили для народа милостыню у буржуазии и которым дозволено было читать длинные проповеди, компрометировать себя, пока им не удастся убаюкать пролетарского льва; республиканцы, домогавшиеся старого буржуазного порядка, но только без коронованного главы; династические оппозиционеры, которым случай преподнес вместо смены министерства крушение династии; легитимисты, стремившиеся не сбросить ливрею, а только изменить ее покрой, — таковы были союзники, с которыми народ совершил свой февраль. То, что народ инстинктивно ненавидел в *Луи-Филиппе*, был не Луи-Филипп как таковой, а коронованное господство класса, — капитал на троне. Но великодушный, как всегда, он считал, что уничтожил своего врага, когда свергнул лишь врага своего врага — общего врага. *Февральская революция* была пре-

красная революция, революция всеобщих симпатий, ибо противоречия, которые вспыхнули в ней против королевской власти, еще дремали согласно, рядышком, в *неразвернувшемся* виде, ибо социальная борьба, составлявшая их подкладку, вела пока лишь призрачное существование, существование фразы, слова. *Июньская революция*, напротив, революция *отвратительная*, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила голову чудовища, сбив с него замаскировывавшую и скрывавшую его корону. *Порядок!* — таков был боевой клич Гизо. *Порядок!* — вопил гизотист Себастиани, когда Варшава стала русской. *Порядок!* — вопит Кавеньяк — это грубое эхо французского Национального собрания и республиканской буржуазии. *Порядок!* — гремит его картечь, разрывая тело пролетариата. Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок*, так как они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок*, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покусился на этот *порядок*. Горе Июню!»

(«Новая рейнская газета», 29 июня 1848 г.)

Горе — Июню! — отвечает европейское эхо.

Буржуазия *принудила* парижский пролетариат к июньскому восстанию. Это обстоятельство уже осуждало его на неудачу. Не непосредственная, осознанная потребность толкнула пролетариат на этот шаг, заставила его стремиться к насильственному низвержению буржуазии, — да он еще и не был в силах справиться с этой задачей: «Moniteur» должен был официально заявить ему, что прошло время, когда республика находила нужным кокетничать с его иллюзиями. Только тогда поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в *пределах* буржуазной республики остается *утопией* и что эта утопия становится *преступлением* при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, предъявленных пролетариатом февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу, выступает смелый революционный боевой лозунг: *Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*

Превратив свою могилу в место рождения буржуазной республики, пролетариат заставил ее в то же время выступить в своем чистом виде, как государство, признанной задачей которого является увековечение господства капитала и рабства труда. Имея всегда перед глазами покрытого рубцами, непримиримого, непобедимого

врага,— непобедимого потому, что его существование является жизненной потребностью самой буржуазии, — господство буржуазии, освобожденное от всех оков, должно было непременно обратиться в *терроризм буржуазии*. С другой стороны, после того как пролетариат на время сошел со сцены и официально была провозглашена диктатура буржуазии, средние слои в массе должны были все теснее примыкать к пролетариату, по мере того как ухудшалось их положение и обострялся антагонизм между ними и буржуазией. Если раньше они видели причину своих бедствий в усилении пролетариата, то теперь они должны были ее видеть в его поражении.

Июньское восстание подняло повсюду на континенте самосознание буржуазии и побудило ее вступить в открытый союз с феодальной монархией против народа. Кто же был первой жертвой этого союза? Сама же континентальная буржуазия. Июньское поражение помешало ей укрепить свое господство и оставить народ полуудовлетворенным, полуразочарованным, на низшей ступени буржуазной революции.

Июньское поражение открыло деспотическим державам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни стало сохранять внешний мир для того, чтобы вести гражданскую войну у себя дома. Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы рабочей революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!

Наконец, победы Священного союза так перекроили Европу, что всякая новая рабочая революция во Франции неминуемо повлечет за собой *мировую войну*. Новая французская революция принуждена будет сейчас же оставить национальную почву и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может быть осуществлена социальная революция XIX столетия.

Итак, только июньское поражение создало те условия, при которых Франция может взять на себя *инициативу* европейской революции. Только окунувшись в кровь *июньских инсургентов*, трехцветное знамя превратилось в знамя европейской революции — *красное знамя*.

И мы восклицаем: *Революция умерла! Да здравствует революция!*

II. 13 ИЮНЯ 1849 г.

25 февраля дало Франции *республику*, 25 июня навязало ей *революцию*. А после июня революция могла означать лишь *переворот буржуазного общества*, тогда как до февраля она означала лишь *переворот государственной формы*.

Июньскую борьбу вела *республиканская* фракция буржуазии, победа естественно отдала власть в ее руки. Осадное положение положило к ее стопам связанный по рукам и ногам, неспособный к сопротивлению Париж, а в провинциях царила нравственная атмосфера осадного положения, грозный и грубый задор торжествующей победы буржуазии и разнуздаккый собственнический эгоизм крестьян. Итак, *снизу* не угрожало никакой опасности!

Вместе с революционной силой рабочих было сокрушено политическое влияние *демократических*, *т. е. мелкобуржуазных*, республиканцев, представителями которых в Исполнительной комиссии был Ледрю-Роллен, в Учредительном собрании — партия Горы, в прессе — «Réforme». Они вместе с буржуазными республиканцами конспирировали 16 апреля против пролетариата, вместе с ними сражались против него в июньские дни. Таким образом, они сами подорвали ту основу, на которой покоилась сила их партии, так как мелкая буржуазия может только до тех пор выступать революционно против буржуазии, пока она опирается на пролетариат. Они получили отставку. Буржуазные республиканцы открыто порвали тот фиктивный союз, который они заключили с ними против воли и с задней мыслью в эпоху временного правительства и Исполнительной комиссии. Презрительно отвергнутые как союзники, демократические республиканцы опустились до роли телохранителей трехцветных республиканцев, причем они не могли добиться от них ни единой уступки, но должны были защищать их господство каждый раз, когда ему, а вместе с тем и республике, будто бы грозила опасность со стороны антиреспубликанских фракций буржуазии. Наконец, эти фракции, орлеанисты и легитимисты, с самого начала находились в Учредительном собрании в меньшинстве. До июньских дней они даже не осмеливались выступать иначе, как под маской буржуазного

республиканизма; июньская победа на мгновение объединила всю буржуазную Францию вокруг Кавеньяка, в котором она приветствовала своего спасителя; а когда вскоре после июньских дней антиреспубликанская партия снова выступила самостоятельно, военная диктатура и осадное положение в Париже позволили ей лишь робко и осторожно выпускать свои щупальца.

С 1830 г. фракция *буржуазных республиканцев* группируется, в лице своих писателей, ораторов и талантов, в лице своих честолюбцев, депутатов, генералов, банкиров и адвокатов, вокруг парижской газеты «National». В провинции «National» имел свои филиальные газеты. Клика «National'я» была *династией трехцветной республики*. Она сейчас же овладела всеми министерствами, полицейской префектурой, дирекцией почт, префектурами и сделавшимися вакантными высшими офицерскими постами в армии. Во главе исполнительной власти стоял ее генерал *Кавеньяк;* ее редактор en chef Марраст сделался бессменным президентом Учредительного собрания. На своих приемах он, в качестве церемониймейстера, исполнял заодно долг гостеприимства и от лица добропорядочной республики.

Даже революционные французские писатели, под влиянием своего рода благоговения перед республиканской традицией, укрепили ложное мнение, будто в Учредительном собрании господствовали роялисты. Напротив, с июньских дней Учредительное собрание оставалось *исключительно представителем буржуазного республиканизма* и тем решительнее выставляло свой республиканизм, чем ниже падало влияние трехцветных республиканцев вне Собрания. Когда дело шло о поддержке республиканской *формы*, оно располагало голосами демократических республиканцев; когда же речь шла о *содержании*, то даже по своим речам это Собрание не отличалось от роялистских фракций буржуазии, потому что именно интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплоатации составляют содержание буржуазной республики.

Итак, не роялизм, а буржуазный республиканизм воплотился в жизни и деятельности этого Собрания, которое в конце концов не умерло и не было убито, а просто сгнило.

Во все время господства Учредительного собрания, пока оно разыгрывало на авансцене парадную государственную пьесу, на заднем плане происходил непрерывный праздник жертвоприношения — постоянные обвинительные приговоры пленным июньским инсургентам или ссылка их без суда. Учредительное собрание имело такт признаться, что в июньских инсургентах оно не судит преступников, а уничтожает врагов.

Первым делом Учредительного собрания было учреждение *следственной комиссии* о событиях июньских дней и 15-го мая и об участии, которое прикимали в них вожди социалистической и демократической партий. Следствие было прямо направлено против Луи Блана, Ледрю-Роллена и Коссидьера. Буржуазные республиканцы горели нетерпением освободиться от этих соперников. Для приведения в исполнение своей мести они не могли найти более подходящего субъекта, чем г-на *Одилона Барро*, бывшего вождя династической оппозиции. Этому воплощению либерализма, этому напыщенному ничтожеству (nullité grave), этому величайшему верхогляду хотелось не только отомстить за династию, но кроме того привлечь революционеров к ответу за ускользнувшее от него место первого министра: надежная гарантия его беспощадности! Этот-то Барро и был назначен председателем следственной комиссии и создал настоящий процесс против февральской революции, которая сводилась у него к следующему: 17 марта — *манифестация*, 16 апреля — *заговор*, 15 мая — *покушение*, 23 июня — *междоусобная война!* Отчего он не довел своих ученых криминалистических изысканий до 24 февраля? «Journal des Débats» дал ответ на это: 24 февраля — *основание Рима*. Происхождение государств теряется в области мифов, которые надо принимать на веру, нельзя обсуждать. Луи Блан и Коссидьер были преданы суду. Национальное собрание завершило дело своего собственного очищения, начатое им 15 мая.

Намеченный временным правительством и принятый затем Гудшо план обложения капитала — в форме налога на ипотеки — был отвергнут Учредительным собранием; закон, ограничивающий рабочий день десятью часами, отменен; снова введено тюремное заключение за долги; неграмотные, составлявшие значительную часть населения Франции, устранены из состава присяжных. Отчего бы заодно не лишить их также избирательного права? Залог снова был введен для газет, право союзов было ограничено.

Но в своей торопливости вернуть старым буржуазным отношениям их старые гарантии и уничтожить все следы, оставленные революционными волнами, буржуазные республиканцы натолкнулись на сопротивление, которое грозило им неожиданной опасностью.

В июньские дни никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия — содержатели кафе и ресторанов, кабатчики, мелкие купцы, лавочники, ремесленники и пр. Лавочка всполошилась и двинулась против баррикады, чтобы восстановить движение, ведущее из улицы в лавочку. Но за баррикадой находились покупатели и

должники лавочника, перед ней — его кредиторы. И когда баррикады были разрушены, рабочие разбиты, когда лавочники в опьянении победы бросились назад к своим лавкам, вход туда оказался забаррикадированным спасителем собственности, официальным агентом кредита, который встретил их с грозными требованиями: Вексель просрочен! Просрочена плата за квартиру! Просрочена долговая расписка!.. Пропала лавочка! Пропал лавочник!

Спасение собственности! Но дом, в котором они жили, не был их собственностью; лавки, в которых они торговали, не были их собственностью; товары, которые они сбывали, не были их собственностью. Ни лавка их, ни тарелка, из которой они ели, ни кровать, на которой они спали, уже не принадлежали им. Именно против них самих надлежало спасти эту собственность, — для домовладельца, который отдал им в наем свой дом, для банкира, который учел их векселя, для капиталиста, который ссудил их наличными, для фабриканта, который доверил лавочникам свои товары для продажи, для оптового торговца, который отпустил ремесленникам в кредит сырой материал. *Восстановление кредита!* Но снова окрепший кредит проявил себя как живое и ретивое божество прежде всего тем, что выгнал несостоятельного должника из его жилища, выгнал его вместе с женой и детьми, отдавая его иллюзорное имущество капиталу, а его самого бросил в долговую тюрьму, которая снова грозно поднялась над трупами июньских инсургентов.

Мелкая буржуазия в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она беспрекословно предала себя в руки своих кредиторов. Банкротство, хронически тянувшееся с февраля и с виду игнорировавшееся, теперь, после июня, было официально объявлено.

Ее *номинальную собственность* оставляли в покое до тех пор, пока надо было гнать ее на борьбу *во имя собственности*. Теперь, когда крупное дело с пролетариатом было урегулировано, можно было свести и мелкие счеты с лавочником. В Париже просроченных векселей было на сумму свыше 21 млн. фр., в провинциях — свыше 11 миллионов. Владельцы более 7 000 торговых заведений в Париже не уплатили за наем помещений с февраля.

Раз Национальное собрание назначило следствие о *политических преступлениях*, начиная с февраля, то мелкая буржуазия, с своей стороны, потребовала следствия о *гражданских долгах* до 24 февраля.[1] Мелкие буржуа собрались в большом числе в зале биржи и с угрозами заявили свои требования: каждый купец, до-

[1] [Игра слов: politische Schuld — bürgerliche Schulden.]

казавший, что он стал банкротом только вследствие вызванного революцией застоя в делах и что к 24-му февраля его дела находились в хорошем положении, получает через посредство коммерческого суда отсрочку своего долга, а кредитор обязан ликвидировать свой иск за уплату умеренных процентов. Этот вопрос обсуждался в Национальном собрании в форме законопроекта о так называемых concordats à l'amiable (полюбовных сделках). Собрание колебалось; вдруг оно узнает, что у ворот Сен-Дени тысячи жен и детей инсургентов приготовляют петицию об амнистии.

В присутствии воскресшего июньского призрака мелкая буржуазия затрепетала, и Собрание снова стало неумолимым. Полюбовные сделки между кредитором и должником были отвергнуты в существеннейших пунктах.

Республиканские представители буржуазии в Национальном собрании давно уже оттолкнули от себя демократических представителей мелкой буржуазии. Теперь этот парламентский разрыв получил буржуазный, реально-экономический смысл: мелкие буржуа-должники отданы были на произвол буржуа-кредиторов. Бо̀льшая часть этих должников совершенно разорилась, остальным дозволено было продолжать свои дела при условиях, которые делали их безусловными рабами капитала. 22 августа 1848 г. Национальное собрание отвергло concordats à l'amiable, 19 сентября 1848 г., во время осадного положения, принц Луи Бонапарт и венсеннский узник, коммунист Распайль, были выбраны представителями Парижа. Буржуазия выбрала еврейского менялу и орлеаниста Фульда. Итак, со всех сторон сразу была объявлена открытая война Учредительному собранию, буржуазному республиканизму и Кавеньяку.

Само собой понятно, что массовые банкротства парижского мещанства должны были распространить свое влияние далеко за пределы непосредственно потерпевших и снова потрясти буржуазный обмен, между тем как издержки по июньскому восстанию еще более увеличили государственный дефицит, а государственные доходы все падали вследствие застоя в производстве, сокращения потребления и ввоза. Кавеньяк и Национальное собрание могли искать выхода только в новом займе, который еще крепче стягивал над ними ярмо финансовой аристократии.

Если мелкой буржуазии достались от июньской победы только банкротство и продажа с молотка, то мобильная гвардия, янычары Кавеньяка, нашли свое вознаграждение в нежных объятиях лореток и в приветствиях, которыми осыпали «юных спасителей общества» в салонах Марраста, этого джентельмена трехцветного знамени,

игравшего роль амфитриона и трубадура добропорядочной республики. Это предпочтение со стороны общества к мобилям и их несоразмерно высокое жалованье озлобляли *армию;* в то же время исчезали все национальные иллюзии, которыми буржуазный республиканизм, при помощи своей газеты «National», сумел привязать к себе при Луи-Филиппе часть армии и крестьянства. Посредническая роль, которую сыграли Кавеньяк и Национальное собрание в *Северной Италии*, — предав ее сообща с Англией Австрии, — этот один день господства уничтожил результаты 18 лет оппозиции «National'я». Ни одно правительство не было так мало национально, как правительство «National'я», ни одно не зависело в такой степени от Англии, — а между тем при Луи-Филиппе «National» жил пережевыванием изо дня в день катоновского Carthaginem esse delendam; ни одно правительство не пресмыкалось так низко перед Священным союзом, тогда как от какого-нибудь Гизо «National» требовал разрыва венских трактатов. Ирония истории сделала Бастида, экс-редактора иностранного отдела в «National'е», министром иностранных дел Франции для того, чтобы он каждую свою статью опровергал каждой своей депешой.

Один момент армия и крестьянство верили, что военная диктатура поставит в порядок дня для Франции внешнюю войну и «gloire» (славу). Но Кавеньяк олицетворял собою не диктатуру сабли над буржуазным обществом, а диктатуру буржуазии при помощи сабли. Солдат нужен был теперь только в роли жандарма. Под строгой маской древне-республиканской скромности Кавеньяк скрывал пошлое подчинение унизительным условиям своей буржуазной должности. L'argent n'a pas de maître! (Деньги не знают господина!) Кавеньяк и Учредительное собрание идеализировали этот старый девиз третьего сословия, переводя его на язык политики словами: буржуазия не знает короля, истинная форма ее господства есть республика.

В выработке этой *формы*, в выработке республиканской *конституции* должна была заключаться «великая органическая работа» Учредительного собрания. Если перекрестить христианский календарь на республиканский, святого Варфоломея в святого Робеспьера, то погода от этого не переменится. Столь же мало эта конституция изменила или должна была изменить буржуазное общество. Где дело шло дальше перемены костюма, она просто запротоколировала *уже существующие* факты. Так, она торжественно зарегистрировала факт установления республики, факт всеобщего избирательного права, факт единого суверенного Национального собрания вместо

двух ограниченных конституционных палат. Так, она зарегистрировала и урегулировала факт диктатуры Кавеньяка, заменив постоянную, неответственную, наследственную власть преходящей, ответственной и избирательной королевской властью, — четырехлетним президентством. Далее, она не преминула возвести в степень основного закона ту чрезвычайную власть, которою после ужасов 15 мая и 25 июня Национальное собрание предусмотрительно наделило своего председателя в интересах своей собственной безопасности. Остальное в конституции было дело терминологии. С механизма старой монархии были сорваны роялистские ярлычки, и на их место приклеены республиканские. Марраст, бывший главный редактор «National'я», а теперь главный редактор конституции, не без таланта справился с этой академической задачей.

Учредительное собрание напоминало чилийского чиновника, собравшегося межевать землю, для разграничения поземельной собственности, в то самое мгновение, когда подземный гул возвестил вулканическое извержение, которое должно было вырвать из-под ног его эту землю. В то время как в теории оно вырабатывало точные формы для республиканского выражения господства буржуазии, в действительности оно держалось только отрицанием всяких формул, простой силой sans phrase, помощью *осадного положения*. За два дня перед тем, как начать выработку конституции, оно продлило срок осадного положения. В прежнее время конституции составлялись и вотировались тогда, когда процесс общественного переворота приходил в равновесие, когда окончательно установлялись новые классовые отношения и борющиеся фракции господствующего класса прибегали к компромиссу, который позволял им продолжать между собой борьбу и, вместе с тем, устранить от нее уставшую народную массу. Эта же конституция не санкционировала никакой социальной революции; напротив, она санкционировала временную победу старого общества над революцией.

В первом проекте конституции, составленном до июньских дней, еще упоминается *право на труд*, «droit au travail», эта первая беспомощная формула революционных требований пролетариата. Теперь оно превратилось в droit à l'assistance, право на общественную благотворительность, — но какое же современное государство не прикармливает так или иначе своих нищих? Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание. В действительности право на труд означает власть над капиталом, а власть над капиталом означает *экспроприацию* средств

производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, стало быть — уничтожение наемного труда и капитала и их взаимоотношения. За *«правом на труд»* стояло июньское восстание. Учредительное собрание, которое фактически поставило революционный пролетариат hors la loi (вне закона), должно было принципиально выкинуть *его* формулу из конституции, из этого закона законов, и предать анафеме «право на труд». Но на этом оно не остановилось. Как Платон изгнал из своей республики поэтов, так оно на вечные времена изгнало из своей республики *прогрессивный налог*. А между тем этот налог не только является вполне буржуазной мерой, выполнимой в большем или меньшем масштабе в рамках существующих буржуазных отношений, — он был единственным средством привязать средние слои буржуазного общества к «порядочной» республике, уменьшить государственный долг и дать отпор антиреспубликанскому большинству буржуазии.

Отвергнув concordats à l'amiable, трехцветные республиканцы пожертвовали мелкой буржуазией в угоду крупной. Этот единичный факт они возвели в принцип, проведя в законодательной форме запрещение прогрессивного налога. Они поставили буржуазную реформу на одну доску с рабочей революцией. Какой же общественный класс оставался после этого опорой их республики? Крупная буржуазия. Но большинство ее было антиреспубликанским. Если она пользовалась республиканцами «National'я», чтобы снова упрочить старые экономические отношения, то, с другой стороны, она собиралась воспользоваться упрочением старых общественных отношений, чтобы восстановить соответствующие им политические формы. Уже в начале октября Кавеньяк увидел себя вынужденным назначить министрами республики Дюфора и Вивьена, бывших министров Луи-Филиппа, несмотря на весь гром и шум, поднятый безмозглыми пуританами его собственной партии.

Отвергнув всякий компромисс с мелкой буржуазией и не сумев привязать к новой государственной форме никаких новых общественных элементов, трехцветная конституция зато поспешила возвратить традиционную неприкосновенность корпорации, которая была самым заклятым и самым фанатическим защитником старого строя. Она сделала основным законом конституции *несменяемость судей*, на которую покусилось-было временное правительство. Один король, которого она низвергла, многократно воскрес в этих несомненных инквизиторах законности.

Французская пресса указала на многие противоречия конституции г-на Марраста, напр. на одновременное существование двух

суверенов, — Национального собрания и президента, — и т. д., и т. д.

Но главное противоречие этой конституции заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она отдает политическую власть в руки тех самых классов, социальное рабство которых она должна увековечить, — в руки пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую власть она санкционирует, — буржуазию, она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые ведут к победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного строя. От одних она требует, чтобы от политического освобождения они не шли вперед к социальному, от других — чтобы от социальной реставрации они не шли назад к политической.

Буржуазным республиканцам было мало дела до этих противоречий. По мере того как они становились *излишними*, — а в них нуждались лишь как в авангарде старого общества против революционного пролетариата, — через несколько недель после своей победы они с положения *партии* пали до положения *клики*. Конституция была для них большой *интригой*. Она должна была прежде всего закрепить господство их клики. Президентом должен был оставаться Кавеньяк. Законодательное собрание должно было быть продолжением Учредительного. Политическую мощь народных масс они надеялись свести к фикции; они рассчитывали даже, что смогут легко играть ими и постоянно держать в страхе буржуазное большинство, поставив перед ней дилемму июньских дней: *царство «National'я» или царство анархии*.

Начатая 4 сентября учредительная работа была окончена 23 октября. 2 сентября Конституанта решила заседать до тех пор, пока не будут изданы органические, дополняющие конституцию законы. Тем не менее она решилась призвать к жизни свое собственное детище, президента, уже с 10 декабря, задолго до конца своего собственного жизненного поприща. Так была она уверена в том, что будет приветствовать в лице гомункула конституции сына его матери. Из предосторожности было решено, что, если ни один из кандидатов не получит двух миллионов голосов, право выборов переходит от нации к Конституанте.

Напрасная заботливость! Первый день применения конституции был последним днем Конституанты. В глубине избирательной урны лежал ее смертный приговор. Она искала «сына своей матери», а нашла «племянника своего дяди». Саул-Кавеньяк получил один

миллион голосов, Давид-Наполеон — шесть миллионов. Шесть раз был разбит Саул-Кавеньяк.

10-е декабря 1848 г. было днем *крестьянского восстания*. Лишь с этого дня начинается февраль для французских крестьян. Этот символ, возвещавший их вступление в революционное движение, беспомощный и коварный, плутовской и наивный, дурацкий и величественный, это расчетливое суеверие, этот патетический фарс, гениально-глупый анахронизм, пошлая шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизованного ума, — этот символ носил несомненную печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика предстала перед ним в лице *сборщика податей*, он явился перед республикой в лице *императора*. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе полное выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронтоне республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательной урне, восклицая: «Plus d'impôts, à bas les riches, à bas la république! Vive l'Empereur!» (Не надо податей, долой богачей, долой республику! Да здравствует император!) За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была республика богачей.

10-е декабря было крестьянским coup d'état, свергнувшим существующее правительство. С этого дня, с того момента, когда крестьяне отняли у Франции одно правительство и дали ей другое, их взоры постоянно направлены были на Париж. Они были на миг действующими лицами революционной драмы; после этого им нельзя было более навязывать пассивную и бездеятельную роль хора.

Остальные классы помогли довершить победу крестьянства. *Пролетариат* видел в выборе Наполеона прежде всего конец Кавеньяка и Конституанты, конец буржуазного республиканизма, — это была для него кассация июньской победы. Для *мелкой буржуазии* выбор Наполеона означал торжество должников над кредиторами. Для большинства *крупной буржуазии* он был открытым разрывом с той фракцией, которая на время послужила ему орудием против революции, но стала ему в тягость, с тех пор как захотела закрепить временное положение конституцией. Наполеон вместо Кавеньяка — это означало для большинства крупной буржуазии монархию вместо республики, начало роялистской реставрации, робкий кивок в сто-

рону герцога Орлеанского, спрятанную между фиалками лилию. Наконец, армия, выбирая Наполеона, голосовала против мобильной гвардии, против идиллии мира, за войну.

Таким образом, самый простоватый человек Франции, как выразилась «Новая рейнская газета», получил самое многостороннее значение. Именно потому, что он был ничем, он мог означать все, только не самого себя. Однако, хотя имя Наполеона имело различный смысл в устах различных классов, все они написали вместе с этим именем на своей избирательной записке: долой партию «National'я», долой Кавеньяка, долой Конституанту, долой буржуазную республику! Министр Дюфор открыто заявил это в Учредительном собрании: 10-е декабря есть второе 24-е февраля.

Мелкая буржуазия и пролетариат голосовали en bloc *за* Наполеона для того, чтобы голосовать *против* Кавеньяка и, сосредоточивая все голоса на одном кандидате, не дать Конституанте возможность окончательного решения. Однако наиболее передовая часть обоих этих классов выставила собственных кандидатов. Наполеон был *нарицательным именем* всех партий, соединившихся против республики; *Ледрю-Роллен* и *Распайль* были *имена собственные:* одно было имя демократического мещанства, другое—имя революционного пролетариата. Голоса за Распайля — объявили во всеуслышание рабочие и их социалистические вожди — были лишь демонстративным, массовым протестом против всякого президентства вообще, т. е. против самой конституции; вместе с тем это было голосованием против Ледрю-Роллена; это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата, как самостоятельной политической партии, от демократической партии. Напротив, эта последняя партия — демократическое мещанство и его представительница в парламенте, Гора — отнеслась к кандидатуре Ледрю-Роллена со всей серьезностью, с какой имеет она торжественное обыкновение дурачить самое себя. Это, впрочем, была ее последняя попытка выступить самостоятельно на ряду с пролетариатом. Не только партия республиканской буржуазии, но и демократическое мещанство с его Горой было разбито 10 декабря.

Рядом с *Горой* Франция имела теперь *Наполеона*, — доказательство, что и та, и другой были лишь безжизненными карикатурами великих оригиналов, имена которых они носили. Луи-Наполеон со своим императорским орлом и треуголкой был такой же жалкой пародией на старого Наполеона, как Гора со своими демократическими позами и заимствованными у 1793 года фразами пародией на старую Гору. Таким образом, традиционному преклонению перед

1793 годом был положен конец одновременно с крахом традиционного преклонения перед Наполеоном. Революция стала самой собой лишь тогда, когда получила свое *собственное*, *оригинальное* имя, а это стало возможным лишь тогда, когда на первый план ее властно выступил новый революционный класс, фабричный пролетариат. Можно сказать, что 10-е декабря было сюрпризом для партии Горы и сбило ее с толку уже потому, что в этот день грубая крестьянская шутка со смехом оборвала классическую аналогию со старой революцией.

20 декабря Кавеньяк сложил с себя свою должность, и Учредительное собрание провозгласило Луи-Наполеона президентом республики. 19 декабря, в последний день своего единодержавия, оно отвергло предложение об амнистии для июньских инсургентов. Аннулировать декрет 27 июня, которым оно без суда приговорило к ссылке 15 000 инсургентов, — не значило ли это аннулировать самое июньскую бойню?

Одилон Барро, последний министр Луи-Филиппа, стал первым министром Луи-Наполеона. Луи-Наполеон считал начало своей власти не с 10 декабря, а с сенатского постановления 1806 г.; он нашел себе подходящего первого министра: тот тоже считал начало своего министерства не с 20 декабря, а с королевского декрета 24 февраля. Законный наследник Луи-Филиппа, Луи-Наполеон смягчил перемену правительства, сохранив старое министерство, которое к тому же не имело еще времени износиться, так как оно не успело еще появиться на свет.

Этот выбор внушили ему вожди роялистских фракций буржуазии. Глава старой династической оппозиции, Барро, бессознательно служивший переходной ступенью к республиканцам «National'я», еще более подходил к тому, чтобы с полной сознательностью послужить мостом от буржуазной республики к монархии.

Одилон Барро был вождем единственной старой оппозиционной партии, которая, безуспешно добиваясь все время министерского портфеля, не успела еще окончательно себя скомпрометировать. В быстром ходе событий революция поднимала на вершину государства одну за другой все старые оппозиционные партии для того, чтобы они не только на деле, но и на словах отреклись от своих старых фраз и в конце концов были бы брошены народом все вместе, в виде сплошной отвратительной окрошки, в живодерню истории. И Барро, это воплощение буржуазного либерализма, восемнадцать лет подряд скрывавший свою внутреннюю подлость и пустоту под внешним важничанием, не избег ни одной ступени ренегатства. Если

временами его самого пугал слишком уж резкий контраст между терниями настоящего и лаврами прошлого, ему стоило только посмотреть в зеркало, — и к нему снова возвращались его министерское самообладание и человеческое самопоклонение. В зеркале сияла ему навстречу физиономия Гизо, — Гизо, которому он всегда завидовал, который постоянно третировал его как школьника, самого Гизо, но с олимпийским лбом Одилона. Одного только он не замечал на себе — ушей Мидаса.

Барро 24-го февраля сказался лишь в Барро 20-го декабря; к нему, орлеанисту и вольтерьянцу, присоединился в качестве министра вероисповеданий — легитимист и иезуит Фаллу.

Несколько дней спустя министерство внутренних дел было отдано мальтузианцу Леону Фоше. Право, религия, политическая экономия! Все уже имелось в министерстве Барро; кроме того, оно соединило легитимистов с орлеанистами. Недоставало только бонапартиста. Бонапарт не считал еще удобным раскрыть свои карты, не разыгрывал еще роли Наполеона, так как Сулук не играл еще роли Туссэна Лувертюра.

Партия «National'я» тотчас же была устранена со всех высших постов, куда она успела забраться. Полицейская префектура, дирекция почт, должность генерального прокурора, мэрия Парижа,—все досталось старым креатурам монархии. Легитимист Шангарнье стал общим главнокомандующим национальной гвардии Сенского департамента, мобильной гвардии и линейных войск первой армейской дивизии; орлеанист Бюжо был назначен главнокомандующим альпийской армии. Эта смена должностных лиц продолжалась без перерыва во все время министерства Барро. Первым делом его министерства была реставрация старой роялистской администрации. В один миг преобразилась вся официальная сцена — кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, мотивы драмы, содержание завязки, вся обстановка. Только предшествовавшее мирозданию Учредительное собрание оставалось еще на своем месте. Но с того момента, когда Национальное собрание водворило на посту Бонапарта, Бонапарт — Барро, а Барро — Шангарнье, Франция вышла из периода республиканского устроения в период республиканского строя. И к чему было это Учредительное собрание в уже устроенной республике? Когда сотворена была земля, ее творцу не осталось ничего другого, как удалиться на небо. Учредительное собрание твердо решилось не следовать его примеру; оно было последним убежищем партии буржуазных республиканцев. У него отняли органы исполнительной власти; но не оставалось ли в его

руках учредительное всемогущество? Первой мыслью Собрания было во что бы то ни стало удержать за собой свой державный пост и с его помощью вернуть себе потерянные позиции. Стоит только свергнуть министерство Барро и заменить его министерством «National'я», и тогда роялистские чиновники немедленно должны будут очистить присутственные места, а трехцветный персонал с триумфом вернуться обратно. Собрание решило свергнуть министерство, и министерство само дало ему случай для нападения, удобнее которого Конституанта не могла бы и придумать.

Вспомним, что́ означало имя Бонапарта для крестьян: долой подати! Шесть дней сидел он на президентском кресле, а на седьмой, 27 декабря, его министерство предложило *сохранить налог на соль*, отмененный декретом временного правительства. Налог на соль вместе с налогом на вино обладают привилегией быть козлом отпущения старой финансовой системы Франции, в особенности в глазах сельского населения. Крестьянскому избраннику министерство Барро не могло подсказать более едкой эпиграммы на его избирателей, чем слова: *восстановление налога на соль!* С налогом на соль Бонапарт потерял свою революционную соль, — Наполеон крестьянского восстания расплылся как туманный призрак, остался только незнакомец интриги роялистской буржуазии. И не без намерения министерство Барро сделало этот бестактный акт грубого разочарования первым правительственным актом президента.

С своей стороны Конституанта с радостью ухватилась за двойную возможность — свергнуть министерство и выступить против крестьянского избранника в роли защитницы крестьянских интересов. Она отвергла предложение министра финансов, уменьшила соляной налог до одной трети его прежней величины, увеличила таким образом на 60 миллионов государственный дефицит в 560 миллионов и спокойно ожидала после этого *вотума недоверия* отставки министерства. Вот как мало понимала она окружающий ее новый мир и свое собственное изменившееся положение. За министерством стоял президент, за президентом—шесть миллионов избирателей, каждый из которых положил в избирательную урну вотум недоверия Конституанте. Конституанта обменивалась с нацией вотумом недоверия. Смешной обмен! Конституанта забыла, что ее вотумы потеряли принудительный курс. Отвергнув налог на соль, она лишь укрепила решение Бонапарта и его министров *«покончить»* с нею. Начался долгий поединок, который заполняет собой всю последнюю половину ее существования. 29-е января, 21-е марта, 3-е мая были великими днями этого кризиса, провозвестниками *13-го июня*.

Французы,—напр. Луи Блан,—видели в 29-м января проявление конституционного противоречия между державным, нераспускаемым, Национальным собранием, порожденным всеобщим избирательным правом, и президентом, который на бумаге ответственен перед Собранием, а на самом деле, точно так же как Собрание, санкционирован всеобщей подачей голосов,—даже более: соединяет на себе одном все те голоса, которые распределены и стократно раздроблены между отдельными членами Собрания; к тому же в руках президента находилась вся исполнительная власть, над которой Национальное собрание витает лишь в качестве моральной силы. Это толкование событий 29-го января смешивает язык борьбы в парламенте, в прессе, в клубах с ее действительным содержанием. Луи Бонапарт и Учредительное собрание вовсе не были отдельными органами одной и той же конституции, ее исполнительной и законодательной властью. Бонапарт — это была сама уже установленная буржуазная республика, тогда как Учредительное собрание было лишь орудием ее установления. В лице Бонапарта эта буржуазная республика противостояла честолюбивым интригам и идеологическим требованиям революционной фракции буржуазии, которая основала республику, а теперь к удивлению своему нашла, что основанная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия, и которая захотела теперь насильно продлить учредительный период с его особыми условиями, его иллюзиями, его языком и его личностями и помешать созревшей уже буржуазной республике выступить в ее вполне законченном и характерном виде. Если Учредительное собрание стало на место вновь свалившегося в ее среду Кавеньяка, то Бонапарт воплощал собою еще не отделившееся от него Законодательное собрание уже установленной буржуазной республики.

Избрание Бонапарта могло получить свое истолкование лишь вместе с подстановкой на место одного имени — его многозначного смысла, вместе со своим повторением в выборах нового Национального собрания. Мандат старого был кассирован 10 декабря. Таким образом, 29 января пришли в столкновение не две власти *одной и той же* республики, а, с одной стороны, Национальное собрание возникающей республики, с другой — президент уже осуществленной республики, две власти, которые воплощали два совершенно различных периода в жизненном процессе республики. В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии, — только она могла провозгласить республику, с помощью уличной борьбы и террора вырвать ее из рук пролетариата и придать конституции основные черты своей идеологии; в другом — вся роялистская масса

буржуазии, — только она могла господствовать в осуществившейся буржуазной республике, сбросить с конституции ее идеологический наряд и держать в подчинении пролетариат с помощью своего законодательства и своей администрации.

Гроза, разразившаяся 29 января, подготовлялась в продолжение всего месяца. Конституанта думала, что, вотируя недоверие министерству Барро, она заставит его подать в отставку. Но в ответ на это министерство Барро, с своей стороны, предложило Конституанте выразить себе самой окончательное недоверие, декретировать свой *собственный роспуск*, приговорить себя к самоубийству. По наущению министерства, Рато, один из самых неизвестных депутатов Конституанты, предложил 6 января этот проект Конституанте, — Конституанте, которая уже в августе постановила не распускать себя, пока не издаст целого ряда органических, дополняющих конституцию законов. Сторонник министерства, Фульд заявил ей без обиняков, что ее роспуск необходим *«для восстановления потрясенного кредита»*. В самом деле, разве она не подрывала кредит, затягивая временное положение и вновь ставя под вопрос в лице Барро — Бонапарта, а в лице Бонапарта — уже конституированную республику? Олимпиец Барро превратился в Неистового Орландо от мысли, что у него вновь вырвут наконец-то добытый им пост премьер-министра, не дав ему насладиться им и двух-трех недель, тот самый пост, которого республиканцы однажды уже заставили его дожидаться целый децениум, т. е. десять месяцев. И вот Барро в обращении с этим жалким Собранием превзошел в тирании самого тирана. Самое мягкое выражение его было: «с ним невозможна никакая будущность». И действительно, оно представляло теперь лишь прошедшее. «Оно неспособно, — иронически добавлял он, — окружить республику такими учреждениями, которые необходимы для ее упрочения». И в самом деле! Вместе с исключительным антагонизмом Собрания по отношению к пролетариату сломилась его буржуазная энергия, а с его антагонизмом по отношению к роялистам снова ожил его республиканский пафос. Таким образом, оно было вдвойне неспособно укрепить соответствующими учреждениями буржуазную республику, которой оно больше не понимало.

Одновременно с предложением Рато министерство вызвало во всей стране целую *бурю петиций*; ежедневно из всех уголков Франции летели Конституанте на голову тюки этих billets-doux (любовных посланий), в которых ее, более или менее категорически, просили *распустить себя* и составить свое духовное завещание. Конституанта, с своей стороны, вызвала контр-петиции, в которых от

нее требовали оставаться в живых. Избирательная борьба между Наполеоном и Кавеньяком возобновилась в борьбе путем петиций — за и против распущения Национального собрания. Петиции явились дополнительными комментариями к 10-му декабря. Эта агитация продолжалась в течение всего января.

В своем конфликте с президентом Конституанта не могла ссылаться на то, что она является представительницей всеобщего избирательного права, так как противники апеллировали против нее именно к всеобщему избирательному праву. Она не могла опереться ни на какую правомерную власть, так как дело шло о борьбе против законной власти. Она не могла свергнуть министерство вотумами недоверия, как она пыталась это сделать 6 и 26 января, потому что министерство и не требовало ее доверия. Ей оставался лишь один исход: *восстание*. Боевую силу восстания составляли *республиканская часть национальной гвардии*, *мобильная гвардия* и центры революционного пролетариата — *клубы*. Мобили, герои июньских дней, составляли в декабре организованную боевую силу республиканской буржуазии точно так же, как до июня *Национальные мастерские* были организованной боевой силой революционного пролетариата. Подобно тому как Исполнительная комиссия Конституанты, решившись покончить со ставшими невыносимыми для нее требованиями пролетариата, грубо обрушилась на Национальные мастерские, так министерство Бонапарта, решившись покончить со ставшими невыносимыми требованиями республиканских фракций буржуазии, обрушилось на мобильную гвардию. Оно постановило *распустить ее*. Одна половина ее была уволена и выброшена на мостовую, другая — получила новую организацию, монархическую, взамен демократической, а жалованье ее было понижено до уровня обыкновенного жалованья линейных войск. Мобильная гвардия очутилась в положении июньских инсургентов, и в газетах ежедневно стали появляться публичные покаяния мобилей, в которых они признавали свою вину в июне и умоляли пролетариат о прощении.

А клубы? С того мгновения, как Учредительное собрание напало в лице Барро на президента, в лице президента поставило на карту наличную буржуазную республику, а вместе с ней буржуазную республику вообще, — вокруг Собрания неизбежно сплотились все учредительные элементы февральской республики, все партии, которые желали свергнуть существующую республику и насильственно вернуть ее в прежнее состояние, превратить ее в республику, выражающую их собственные классовые интересы и принципы. Случившееся было вычеркнуто из жизни, то, что выкристаллизовалось

из различных элементов революционного движения, растворилось, снова возникла борьба за неопределенную республику февральских дней, которую каждая партия понимала по-своему. На мгновение партии опять заняли свои старые февральские позиции, не разделяя, однако, февральских иллюзий. Трехцветные республиканцы «National'я» снова опирались на демократических республиканцев «Réforme», снова выдвинули их в качестве застрельщиков на авансцену парламентской борьбы. Демократические республиканцы снова опирались на социалистических республиканцев (27 января публичный манифест возвестил их примирение и соединение) и подготовили в клубах почву для восстания. Министерская пресса справедливо видела в трехцветных республиканцах «National'я» воскресших июньских инсургентов. Чтобы удержаться во главе буржуазной республики, они поставили под вопрос самое буржуазную республику. 26 января министр Фоше внес закон о праве союзов, первый параграф которого гласил: *«клубы воспрещаются»*. Он предложил немедленно же начать обсуждение этого законопроекта, как не терпящего отлагательства. Конституанта отвергла вопрос о неотложности, а 27 января Ледрю-Роллен внес подписанное 230 депутатами предложение о предании министерства суду за нарушение конституции. Предать министерство суду в данный момент — это означало одно из двух: либо бестактно обнаружить бессилие судьи, т. е. большинства палаты, либо заявить бессильный протест обвинителя против самого большинства. Таков-то великий революционный козырь, который это повторение Горы с тех пор пускает в ход во всякий решительный момент кризиса. Бедная Гора, падающая под бременем своего собственного имени!

Бланки, Барбэс, Распайль и др. пытались 15 мая разогнать Учредительное собрание, ворвавшись во главе парижского пролетариата в зал его заседаний. Барро готовил тому же Собранию моральное повторение 15-го мая, намереваясь продиктовать его саморaспущение и запереть зал его заседаний. Это самое Собрание поручило Барро начать следствие против виновников майских событий, а теперь, когда Барро играет по отношению к нему роль роялистского Бланки, а оно ищет союзников против него в клубах, у революционного пролетариата, у партии Бланки, — теперь беспощадный Барро пытает его своим предложением изъять майских пленников из суда присяжных и предать их изобретенному партией «National'я» верховному суду — «Haute Cour». Замечательно, как боязнь за министерский портфель могла извлечь из головы нашего Барро фортели, достойные Бомарше! После долгого колебания Национальное собра-

ние приняло его предложение. По отношению к майским инсургентам к нему вернулся его нормальный характер.

Если президент и министры толкали Конституанту на путь *восстания*, то, в свою очередь, Конституанта толкала их на путь государственного переворота, так как у них не было никакой законной возможности распустить ее. Но Конституанта была матерью конституции, а конституция — матерью президента. Путем государственного переворота президент упразднял конституцию, а вместе с ней свою республиканскую правовую основу. Ему оставалось тогда выдвинуть свои императорские права, но императорские права вызывали к жизни орлеанистские, а те и другие бледнели перед легитимистскими. Падение законной республики и могло лишь ускорить торжество ее антипода, легитимной монархии, так как в этот момент орлеанисты были только побежденными февральских дней, а Бонапарт был только победителем 10 декабря и обе партии могли противопоставить республиканской узурпации лишь свои точно так же узурпированные монархические права. Легитимисты сознавали, что положение дел им благоприятствует; они конспирировали среди белого дня. Они могли надеяться найти в генерале Шангарнье своего *Монка*. Скорое наступление *белой монархии* так же открыто возвещалось в их клубах, как в клубах пролетариев — наступление *красной республики*.

Благополучное подавление восстания избавило бы министерство от всех затруднений. «Законность нас убивает», — воскликнул Одилон Барро. Восстание позволило бы распустить Конституанту под предлогом общественного спасения, нарушить конституцию ради самой же конституции. Грубое выступление Барро в Национальном собрании, предложение о закрытии клубов, нашумевшая отставка 50 трехцветных префектов и их замещение роялистами, распущение мобильной гвардии, дурное обращение Шангарнье с ее начальниками, возвращение кафедры профессору Лерминье, ставшему невозможным уже при Гизо, терпимость по отношению к выходкам легитимистов, — все это имело целью вызвать восстание. Но восстание безмолвствовало. Оно ожидало сигнала от Конституанты, а не от министерства.

Наконец, настало 29-е января, день, в который должно было обсуждаться предложение Матье (из Дромского департамента) о безусловном отклонении проекта Рато. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, мобильная гвардия, Гора, клубы, — все конспирировали в этот день, конспирировали столько же против своего мнимого врага, сколько и против своего мнимого союзника. Бонапарт, верхом на лошади, производил смотр части войск на площади

Согласия, Шангарнье актерствовал, производя эффектные стратегические маневры, Конституанта нашла здание своих заседаний занятым войсками. Центр всех перекрещивающихся надежд, опасений, ожиданий, брожений, напряжений, заговоров, храброе, как лев, Собрание не колебалось ни минуты в этот всемирно-исторический момент. Оно поступило, как тот, который не только боялся употребить в дело свое собственное оружие, но чувствовал себя обязанным сохранить в целости оружие своего противника. С презрением к смерти подписало оно свой собственный смертный приговор и отказалось от безусловного отклонения проекта Рато. Очутившись само в осадном положении, оно положило предел своей учредительной деятельности, необходимым обрамлением которой было осадное положение Парижа. Его месть была достойна его: на другой день оно назначило следствие по поводу страха, который нагнало на него министерство 29 января. Гора обнаружила недостаток революционной энергии и политического смысла, позволив партии «National'я» употребить себя в качестве застрельщика в этой великой комедии интриг. Партия «National'я» сделала последнюю попытку удержать за собой в конституированной уже буржуазной республике монополию власти, которою она обладала в период возникновения республики. Она потерпела фиаско.

Если в январском кризисе дело шло о существовании Конституанты, то в кризисе 21 марта стоял вопрос о существовании конституции; в первом случае дело шло о персонале партии «National'я», во втором — об ее идеале. Разумеется «добропорядочные» республиканцы дешевле продали свою заоблачную идеологию, чем земное наслаждение правительственной властью.

21 марта стоял в порядке дня Национального собрания законопроект Фоше, направленный против права союзов: *упразднение клубов*. 8-я статья конституции гарантирует всем французам право союзов. Запрещение клубов было, следовательно, явным нарушением конституции, и самой Конституанте предстояло освятить осквернение своей святыни. Но ведь клубы были сборными пунктами революционного пролетариата, его конспиративными квартирами. Само Национальное собрание воспретило коалиции рабочих против их буржуа. А что же такое были клубы, как не коалиция всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не организация особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства? Разве это не были учредительные собрания пролетариата, готовые к бою отряды армии восстания? Конституция первым делом должна была установить господство буржуазии; очевидно, стало быть,

что она подразумевала под правом союзов только те союзы, которые совместимы с господством буржуазии, т. е. с буржуазным строем. Если конституция из теоретических приличий применила общее выражение, то разве не было правительства и Национального собрания, чтобы толковать ее и применять в отдельных случаях? И если уже в первобытном периоде республики клубы фактически были воспрещены благодаря осадному положению, то неужели их нельзя будет воспретить на законном основании в упорядоченной, установившейся республике? Трехцветные республиканцы могли выдвинуть против такого прозаического толкования конституции только напыщенную фразу конституции. Часть их, Паньерр, Дюклерк и др., голосовала за министерство и таким образом доставила ему большинство. Другая часть, с архангелом Кавеньяком и отцом церкви Маррастом во главе, после принятия статьи о воспрещении клубов удалилась вместе с Ледрю-Ролленом и Горой в помещение одной из комиссий и там... «держали совет». Национальное собрание было парализовано, оно не насчитывало более узаконенного числа депутатов, без которого нельзя было принимать никаких решений. Тут г. Кремье во-время вспомнил в помещении комиссии, что дорога отсюда ведет прямо на улицу и что теперь уже не февраль 1848 г., а март 1849 г. Партия «National'я», внезапно прозрев, вернулась в зал заседаний, а за ней — снова одураченная Гора. Гору постоянно мучили революционные потуги, но с таким же постоянством она всегда искала конституционного исхода; она все еще чувствовала себя лучше на своем месте за спиной буржуазных республиканцев, чем впереди революционного пролетариата. Так была разыграна эта комедия. Сама Конституанта постановила, что нарушение текста конституции является единственно верным текстуальным ее толкованием.

Осталось упорядочить еще один пункт — отношение конституированной республики к европейской революции, ее *внешнюю политику*. 8 мая 1849 г. в Конституанте, доживавшей свои последние дни, царило необычайное возбуждение. В порядке дня стояло нападение французской армии на Рим, отражение ее римлянами, ее политический позор и военное фиаско, предательское убийство, совершенное над римской республикой французской республикой, первый итальянский поход второго Бонапарта. Гора еще раз пустила в ход свой великий козырь. Ледрю-Роллен опять положил на стол президента вечный обвинительный акт против министерства, на этот раз направленный также против Бонапарта, по делу о нарушении конституции.

Мотивы 8 мая повторяются позднее, в мотивах 13 июня. Посмотрим, что такое была эта римская экспедиция.

Кавеньяк уже в середине ноября 1848 г. отправил военный флот в Чивита-Веккию с поручением защищать папу, взять его на борт и перевезти во Францию. Папа должен был дать свое благословение «добропорядочной республике» и обеспечить выбор Кавеньяка в президенты. В лице папы Кавеньяк хотел поймать на удочку попов, вместе с попами — крестьян, а с крестьянами — президентство. По своей ближайшей цели — избирательная реклама, экспедиция Кавеньяка в то же время была протестом и угрозой против римской революции. В ней в зародыше заключалось вмешательство Франции в пользу папы.

Такое вмешательство в пользу папы и против римской республики, в союзе с Австрией и Неаполем, было решено 23 декабря на первом заседании совета министров Бонапарта. Фаллу в министерстве — это был папа в Риме, и притом в папском Риме. Бонапарт не нуждался более в папе, чтобы стать крестьянским президентом, но он нуждался в сохранении папской власти для того, чтобы сохранить за собой своих крестьян. Их легковерие сделало его президентом. Вместе с верой они теряли легковерие, а с папой — веру. Что же касается объединенных орлеанистов и легитимистов, господствовавших именем Бонапарта, то ведь прежде чем восстановить короля, надо было восстановить власть, которая освящает королей; не говоря уже об их роялизме, — без старого Рима, подчиненного светской власти папы, нет католицизма, без католицизма нет французской религии, а без религии что̀ стало бы со старым французским обществом? Ипотека, которую религия дает крестьянину на небесные блага, служит гарантией для ипотеки буржуа на крестьянские земли. Римская революция была, следовательно, таким же страшным покушением на собственность, на буржуазный порядок, как и июньская революция. Восстановление господства буржуазии во Франции требовало реставрации папской власти в Риме. Наконец, в лице римских революционеров терпели поражение союзники французских революционеров; союз контр-революционных классов в конституированной французской республике нашел свое естественное дополнение в союзе французской республики с Священным союзом, с Неаполем и Австрией. Решение совета министров от 23 декабря не было тайной для Конституанты. Уже 8 января Ледрю-Роллен интерпеллировал об этом министерство, министерство отреклось, и Собрание перешло к очередным делам. Доверяло ли оно словам министерства? Мы знаем, что весь январь оно только и делает, что вотирует ему свое недоверие. Но если лгать входило в роль министерства, то ролью Собрания была притворная вера в эту ложь, спасавшую республиканские приличия.

А в это время Пьемонт был уже разбит, Карл-Альбер отрекся от престола, австрийская армия стучалась в ворота Франции, Ледрю-Роллен неистово интерпеллировал. Но министерство доказало, что оно лишь продолжало в Северной Италии политику Кавеньяка, который в свою очередь продолжал политику временного правительства, т.-е. Ледрю-Роллена. На этот раз оно даже пожало у Национального собрания вотум доверия и было уполномочено временно занять подходящий пункт в Северной Италии, это должно было поддержать мирные переговоры с Австрией о нераздельности Сардинских владений и римском вопросе. Известно, что судьбу Италии решают сражения на полях Северной Италии. Поэтому надо было или допустить, чтобы вслед за Ломбардией и Пьемонтом пал и Рим, или же объявить войну Австрии, а вместе с ней европейской контр-революции. Неужели Национальное собрание приняло вдруг министерство Барро за старый Комитет общественного спасения? Или самое себя за Конвент? Для чего же, в таком случае, надо было занимать французским войскам удобный пункт в Северной Италии? За этим прозрачным покровом таилась римская экспедиция.

14 апреля 14 000 человек под начальством Удино отплыли в Чивита-Веккию, 16 апреля Национальное собрание вотировало министерству кредит в 1 200 000 фр. для того, чтобы в течение трех месяцев держать наготове в водах Средиземного моря французскую эскадру. Таким образом, оно дало в руки министерству все средства для вмешательства против Рима, делая вид, будто заставляет его действовать против Австрии. Оно не видело, что делало министерство, но лишь слушало то, что говорило министерство. Такой веры нельзя было найти и в Израиле. Конституанта попала в такое положение, что не смела знать, что̀ надо было делать в ею же конституированной республике.

Наконец, 8 мая была разыграна последняя сцена комедии. Конституанта требовала от министерства немедленных мероприятий, чтобы вернуть итальянскую экспедицию к ее скрытой цели. Бонапарт в тот же вечер поместил в «Moniteur'е» письмо, в котором высказывал величайшую признательность Удино. 11 мая Национальное собрание отвергло обвинительный акт против Бонапарта и его министров. А Гора, вместо того чтобы разорвать это сплетение обмана, делает трагедию из парламентской комедии, желает и здесь играть роль Фукье-Тенвиля, но, под взятой напрокат львиной шкурой Конвента, обнаруживает свою собственную мелкобуржуазную овечью шерсть!

Последняя половина жизни Конституанты сводится к следую-

щему: 29 января она соглашается с тем, что роялистские фракции буржуазии являются естественными хозяевами в установленной ею республике, 21 марта — с тем, что нарушение конституции есть ее осуществление, 11 мая — с тем, что высокопарно провозглашенный пассивный союз республики с борющимися за свое освобождение европейскими народами означает активный союз с европейской контр-революцией.

Прежде чем сойти со сцены, это жалкое Собрание доставило себе то удовольствие, что еще за два дня до годовщины своего рождения, 4 мая, отвергло проект амнистии для июньских инсургентов. Потерявшая всю свою власть, смертельно ненавидимая народом, оттолкнутая, презираемая буржуазией, орудием которой она была, принужденная во вторую половину своего существования отрекаться от первой, лишенная своих республиканских иллюзий, без великих дел в прошедшем, без надежды в будущем, сгнивая заживо часть за частью, Конституанта умела только гальванизировать свой собственный труп, постоянно вызывая перед собой призрак июньской победы, снова переживая и смакуя ее, снова осуждая уже осужденных и удостоверяясь таким образом в своем существовании. Вампир, живший кровью июньских инсургентов!

Она оставила после себя прежний государственный дефицит, увеличенный издержками июньских дней, отменой соляного налога, вознаграждениями, которые получили плантаторы за отмену рабства негров, издержками по римской экспедиции, наконец, уничтожением налогов на вино; этот налог Конституанта отменила перед самой своей кончиной, как злорадный старик, который рад навязать своему счастливому наследнику компрометирующий долг чести.

В первых числах марта началась избирательная кампания для выборов в *Законодательное национальное собрание*. Две основные группы выступали друг против друга: *партия порядка и демократически-социалистическая*, или *красная*, *партия;* между ними стояли *«друзья конституции»*, — под этим именем трехцветные республиканцы «National'я» пытались представить особую партию. *Партия порядка* образовалась сейчас же после июньских дней, но только после 10 декабря, когда она развязалась с буржуазными республиканцами, с кликой «National'я», открылась тайна ее существования: *коалиция орлеанистов и легитимистов*. Буржуазный класс распадался на две большие фракции, которые попеременно обладали монополией власти: *крупное землевладение в эпоху реставрации*, *финансовая аристократия и промышленная буржуазия — в эпоху июльской монархии*. *Бурбон* был королевским девизом для преобладания

интересов одной фракции, *Орлеан* был королевским девизом для преобладания интересов другой фракции; только в *безыменном царстве республики* обе фракции, одинаково стоя у власти, могли преследовать свои общие классовые интересы, не прекращая в то же время своего соперничества. Буржуазная республика не могла быть ничем иным, как чистой и законченной формой господства всего буржуазного класса, другими словами, она была царством орлеанистов в союзе с легитимистами и легитимистов в союзе с орлеанистами, была *синтезом реставрации и июльской монархии*. Буржуазные республиканцы «National'я» не представляли собой никакой крупной фракции своего класса, покоящейся на экономической почве. Их значение и их исторический смысл заключались лишь в том, что в эпоху монархии, в противоположность обеим буржуазным фракциям, которые знали каждая лишь свой *особый* режим, они выдвинули общий режим буржуазного класса, *безыменное царство республики*, идеализировав и украсив его античными арабесками; но прежде всего они в нем приветствовали, конечно, господство своей клики. Партия «National'я» была сбита с толку, когда во главе ее республики оказались вдруг соединенные роялисты, но и эти последние ошибались насчет факта их совместного господства. Они не понимали, что если каждая из их фракций, взятая отдельно, была роялистична, то продукт их химического соединения необходимо должен был быть *республиканским;* они не понимали, что белая и голубая монархия должны были нейтрализироваться в трехцветной республике. Антагонизм с революционным пролетариатом и все более и более тяготеющими к нему переходными классами объединил различные фракции партии порядка в одно целое для совместной борьбы против общего врага; каждая из них должна была против реставрационных и исключительных стремлений других выдвигать совместное господство, т. е. республиканскую форму господства буржуазии. Таким образом мы видим, что вначале роялисты верят еще в немедленную реставрацию, а потом с пеной у рта, с проклятиями на устах стоят за республику и, наконец, признают, что могут ужиться только в республике, и откладывают реставрацию на неопределенное время. Совместное господство усиливало каждую из обеих фракций и делало еще менее склонными подчиниться одна другой, т. е. реставрировать монархию.

Партия порядка открыто провозгласила в своей избирательной программе господство буржуазного класса, т. е. сохранение жизненных условий его господства: *собственности*, *семьи*, *религии*, *порядка!* Конечно, если верить ей, господство буржуазии и условия этого

господства означали господство цивилизации и были лишь необходимыми условиями материального производства и вытекающих отсюда общественных отношений. Партия порядка располагала неимоверными денежными средствами, она организовала во всей Франции свои отделения, она содержала на жаловании всех идеологов старого строя, пользовалась всем влиянием существующей администрации, имела даровое вассальное войско во всей массе мещан и крестьян, которые оставались еще вдали от революционного движения и видели в сановных представителях собственности естественных представителей своей мелкой собственности и ее мелких предрассудков. Представленная по всей стране бесчисленным множеством маленьких королей, партия порядка могла наказать, как бунтовщиков, всех, кто отверг бы ее кандидатов, уволить мятежных рабочих, непослушных батраков, прислугу, приказчиков, железнодорожных чиновников, писарей, всех подчиненных ей в гражданской жизни служащих. Наконец, местами партия порядка могла поддерживать басню, будто республиканская Конституанта помешала Бонапарту 10 декабря обнаружить его чудодейственные силы. Говоря о партии порядка, мы не упомянули о бонапартистах. Они не были серьезной фракцией буржуазного класса,—это была помесь старых суеверных инвалидов и молодых неверующих авантюристов. Партия порядка победила на выборах и послала огромное большинство в Законодательное собрание.

Лицом к лицу с коалицией контр-революционной буржуазии, все уже революционизированные элементы мелкой буржуазии и крестьянства, естественно, должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом. Мы видели, как парламентские поражения толкали демократических вождей мелкой буржуазии в парламенте, т. е. Гору, к союзу с социалистическими вождями пролетариата и как вне парламента отклонение concordats à l'amiable, грубое отстаивание буржуазных интересов и банкротство толкали самое мелкую буржуазию на сближение с самими пролетариями; 27 января Гора и социалисты праздновали свое примирение; на большом февральском банкете 1849 г. они вновь подтвердили акт объединения. Социальная и демократическая партии, партия рабочих и партия мелких буржуа, соединились в *социал-демократическую*, т. е. в *красную*, *партию*.

На мгновение парализованная следовавшей за июньскими днями агонией, французская республика переживает со времени прекращения осадного положения, с 14 октября, беспрерывный ряд лихорадочных возбуждений. Во-первых, борьба за президентство, затем

борьба президента с Конституантой; борьба из-за клубов; Буржский процесс, в котором, рядом с мелкими фигурами президента, объединившихся роялистов, «добропорядочных» республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата, настоящие революционеры выступили первобытными чудовищами, остатками социального потопа или его предвестниками; выборная агитация, казнь убийц Бреа; беспрерывные процессы по делам печати; насильственные полицейские вмешательства правительства в банкеты; дерзкие провокации роялистов; портреты Луи Блапа и Коссидьера у позорного столба; неустанная борьба между Учредительным собранием и установленной им республикой, всякий раз возвращавшая революцию к ее исходному пункту, всякий раз превращавшая победителя в побежденного, побежденного в победителя, в мгновение ока менявшая положение партий и классов, их разрывы и соединения; быстрый ход европейской контр-революции; славная борьба венгров, немецкие восстания, римская экспедиция, позорное поражение французской армии у ворот Рима,—в этом бурном водовороте движения, в этих муках исторического волнения, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями эпохи своего развития, которые ранее исчислялись полустолетиями. Значительная часть крестьян и провинций была революционизирована. Они не только разочаровывались в Наполеоне,—партия красных давала им вместо имени содержание, вместо иллюзорной свободы от податей возвращение уплаченного легитимистам миллиарда, упорядочение ипотек и уничтожение ростовщичества.

Сама армия была заражена революционной лихорадкой. В лице Бонапарта она голосовала за победу, а он принес ей поражение. Она голосовала в его лице за маленького капрала, за которым скрывался великий полководец революции, а он снова дал ей великих генералов, за которыми скрывался заурядный капрал. Бесспорно, красная партия, т. е. соединенная демократическая партия, должна была добиться, если не победы, то все же великих успехов: Париж, армия, бо́льшая часть провинций стали бы голосовать за нее. *Ледрю-Роллен*, вождь Горы, был избран пятью департаментами; ни один вождь партии порядка не одержал такой победы, ни одно имя из рядов собственно рабочей партии. Это избрание открывает нам тайну демократически-социалистической партии. С одной стороны, Гора, этот парламентский авангард демократического мещанства, принуждена была соединиться с социалистическими доктринерами пролетариата, а пролетариат, потерпев в июне материальное поражение, искал утешения

в моральных победах: он не был еще способен к революционной диктатуре, другие классы не были еще вполне развиты для этого; поэтому он должен был броситься в объятия к доктринерам его освобождения, основателям социалистических сект. С другой стороны, революционные крестьяне, армия, провинции стали на сторону Горы. К Горе, таким образом, перешло командование над соединенными революционными силами, а ее соглашение с социалистами устранило всякий раскол в революционном лагере. В последнюю половину существования Учредительного собрания Гора представляла собою ее республиканский пафос и заставила забыть свои грехи за время временного правительства, Исполнительной комиссии и июньских дней. Тогда как партия «National'я» соответственно своей половинчатой природе позволяла угнетать себя роялистскому министерству, партия Горы, устраненная со сцены во время всемогущества партии «National'я», теперь подымалась, являясь единственной представительницей революции в парламенте. В самом деле, партия «National'я» ничего не могла противопоставить другим роялистским фракциям кроме честолюбивых личностей и идеалистической болтовни. Партия Горы, напротив, представляла массу нации, колеблющуюся между буржуазиею и пролетариатом, материальные интересы которой требовали демократических учреждений. Рядом с Кавеньяком и Маррастом, Ледрю-Роллен и Гора представлялись истинной революцией, и сознание этой важной роли придавало им тем бо̀льшую храбрость, что проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышениями голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фраз. Крестьяне находились приблизительно в таком же положении, как и мелкие буржуа, их социальные требования были приблизительно те же. Поэтому все средние слои общества, поскольку их захватило революционное движение, должны были видеть в Ледрю-Роллене своего героя. Ледрю-Роллен был главным персонажем демократической мелкой буржуазии. В борьбе с партией порядка должны были выдвинуться прежде всего полуконсервативные, полуреволюционные и всецело утопические реформаторы этого рода.

Партия «National'я», «друзья конституции quand même» (во что бы то ни стало), républicains purs et simples (подлинные республиканцы) были совершенно разбиты на выборах. Ничтожное меньшинство их попало в Законодательное собрание; их признанные вожди исчезли с трибуны, даже Марраст, редактор en chef и Орфей «добропорядочной» республики.

29 мая собралось Законодательное собрание, 11 июня возобновилось столкновение 8 мая. Ледрю-Роллен от имени Горы представил обвинительный акт против президента и министерства, которые обвинялись в нарушении конституции, в бомбардировке Рима. 12 июня Законодательное собрание отклонило этот обвинительный акт, как отклонило его Учредительное собрание 11 мая, но на этот раз пролетариат заставил Гору выйти на улицу, — правда, не для уличной борьбы, а для уличной процессии. Достаточно сказать, что Гора стояла во главе этого движения, чтобы знать, что это движение было подавлено и что июнь 1849 г. был столь же смешной, как и недостойной карикатурой на июнь 1848 г. Великое отступление 13 июня затмил разве еще более великий отчет о самом сражении, представленный Шангарнье, которого партия порядка произвела в великие люди. Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях, и если их нет, она их изобретает, как говорит Гельвеций.

20 декабря существовала лишь одна половина слагающейся буржуазной республики — *президент*; 29 мая она была дополнена другой половиной, — *Законодательным собранием*. В июне 1848 г. слагающаяся буржуазная республика отметила свое имя в метрической книге истории беспримерной битвой против пролетариата; в июне 1849 г. сложившаяся буржуазная республика проявила себя невыразимой комедией, разыгранной в отношении мелкой буржуазии. Июнь 1849 г. отомстил за июнь 1848 г. В июне 1849 г. были побеждены не рабочие, а мелкие буржуа, стоявшие между ними и революцией. Июнь 1849 г. не был кровавой трагедией, разыгравшейся между капиталом и наемным трудом, а плачевным, чреватым тюрьмой спектаклем, разыгранным должником и кредитором. Партия порядка победила, она была всемогуща, — она должна была показать теперь свою сущность.

III. ПОСЛЕДСТВИЯ 13 ИЮНЯ 1849 г.

20 декабря янусова голова конституционной республики показала только одно свое лицо, *исполнительное* лицо, с расплывающимися плоскими чертами Луи Бонапарта. 29 мая она показывает другое свое лицо, *законодательное*, усеянное рубцами, которые оставили после себя оргии реставрации июльской монархии. Законодательное национальное собрание завершило собою создание *конституционной республики*, т. е. республиканской формы правления, в которой нашло себе выражение господство буржуазного класса, стало быть совместное господство обеих больших роялистских фракций, образующих французскую буржуазию, легитимистов и орлеанистов, *партию порядка*. В то время как французская республика сделалась, таким образом, собственностью коалиции роялистских партий, европейская коалиция контр-революционных держав предприняла всеобщий крестовый поход против последних убежищ мартовских революций. Россия вторглась в Венгрию, прусские войска двигались против сторонников имперской конституции, а Удино бомбардировал Рим. Европейский кризис явно приближался к решительному поворотному пункту, взоры всей Европы были устремлены на Париж, а взоры всего Парижа на *Законодательное собрание*.

11 июня Ледрю-Роллен взошел на его трибуну. Он не произнес речи, он лишь формулировал обвинение против министров, голое, без прикрас, фактическое, сжатое, могучее обвинение.

Нападение на Рим есть нападение на конституцию, нападение на римскую республику есть нападение на французскую республику. 5-я статья конституции гласит: «Французская республика никогда не употребит своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа», а президент обращает французские войска против римской свободы. 4-я статья конституции запрещает исполнительной власти объявлять какую бы то ни было войну без согласия Национального собрания. Постановление Конституанты от 8 мая категорически приказывает министрам как можно скорее вернуть римскую экспедицию к ее первоначальной цели, оно, стало быть, не менее катего-

рически воспрещает войну против Рима, а Удино бомбардирует Рим. Ледрю-Роллен призвал таким образом самое конституцию в свидетели против Бонапарта и его министров. Роялистскому большинству Собрания он, трибун конституции, бросил в лицо грозное заявление: «Республиканцы сумеют заставить уважать конституцию всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!» «*Силой оружия!*» — повторило стократное эхо Горы. Большинство ответило шумом; президент Национального собрания призвал Ледрю-Роллена к порядку. Ледрю-Роллен повторил свое вызывающее заявление и в заключение положил на стол президента предложение предать суду Бонапарта и его министров. Национальное собрание большинством 361 против 203 голосов по вопросу о бомбардировке Рима вотировало простой переход к очередным делам.

Неужели Ледрю-Роллен надеялся победить Национальное собрание с помощью конституции, а президента — с помощью Национального собрания?

Конституция, конечно, запрещала всякое нападение на свободу чужеземных народов, но в глазах министерства французская армия нападала в Риме не на «свободу», а на «деспотизм анархии». Разве Гора, наперекор всему своему опыту в Учредительном собрании, все еще не поняла, что толкование конституции принадлежит не тем, кто ее составил, а тем, кто ее принял, что ее текст надо было толковать в его жизненном смысле и что буржуазный смысл и был единственный жизненный смысл ее, что Бонапарт и роялистское большинство Национального собрания были подлинными толкователями конституции, точно так же, как поп есть подлинный толкователь Библии, а судья — подлинный толкователь закона? Разве Национальное собрание, только что вышедшее из лона всеобщих выборов, должно было чувствовать себя связанным завещанием мертвой Конституанты, когда еще при жизни ее какой-нибудь Одилон Барро нарушал ее волю? Ссылаясь на решение Конституанты 8 мая, Ледрю-Роллен забыл, что эта же Конституанта 11 мая отвергла его первое предложение о предании суду Бонапарта и его министров, что она оправдала президента и министров и таким образом санкционировала «антиконституционную» бомбардировку Рима; что сам он апеллировал против уже произнесенного приговора, апеллировал от республиканской Конституанты к роялистской Легислативе. Конституция сама обращается к помощи восстания, призывая в особой статье каждого гражданина охранять ее. Ледрю-Роллен опирался на эту статью. Но разве не для защиты конституции учреждены общественные власти, и разве нарушение конституции не начинается

лишь с того момента, когда одна из конституционных властей восстает против другой? Между тем президент республики, министры республики, Национальное собрание республики находились между собой в гармоническом согласии.

То, что пыталась устроить Гора 11 июня, было *«восстанием в пределах чистого разума»*, т. е. чисто *парламентским восстанием*. Большинство Собрания, испуганное перспективой вооруженного восстания народных масс, должно было в лице Бонапарта и его министров уничтожить свою собственную власть и значение своего собственного избрания. Разве Конституанта не пыталась уже подобным путем кассировать избрание Бонапарта, так упорно настаивая на отставке министерства Барро-Фаллу?

Разве не было примеров из эпохи Конвента, когда парламентские восстания внезапно производили коренной переворот в отношениях большинства и меньшинства, — почему же не удастся молодой Горе то, что удавалось старой? Обстоятельства данного момента не казались неблагоприятными для такого предприятия. Народное возбуждение в Париже дошло до опасной степени; судя по голосованию, на выборах армия не была расположена к правительству, большинство Законодательного собрания было еще слишком молодо, чтобы сорганизоваться, к тому же оно состояло из людей старых. Если бы Горе удалось парламентское восстание, кормило правления перешло бы непосредственно в ее руки. Демократическое мещанство, с своей стороны, как всегда, ничего так страстно не желало, как того, чтобы борьба произошла над его головой, в облаках, между парламентскими тенями усопших. Наконец, путем парламентского восстания демократическое мещанство и его представительница, Гора, обе достигали своей великой цели: сокрушить мощь буржуазии, не развязывая рук пролетариату или показывая его только в перспективе; пролетариат был бы использован, не угрожая никакой опасностью.

После вотума Национального собрания 11 июня произошло свидание нескольких членов Горы с делегатами тайных рабочих обществ. Последние настаивали на том, чтобы начать восстание в тот же вечер. Гора решительно отвергла этот план. Она ни за что не хотела выпускать из своих рук руководства движением; к своим союзникам она относилась с таким же подозрением, как и к своим врагам, и она была права. Воспоминание о июне 1848 г. никогда еще так живо не волновало ряды парижского пролетариата. Тем не менее он был связан союзом с Горой. Она представляла в парламенте большинство департаментов, она преувеличивала свое влияние в армии,

она располагала демократической частью национальной гвардии, наконец, на ее стороне был моральный авторитет лавки. Начать восстание против воли Горы, это значило для пролетариата, ряды которого к тому же поредели от холеры и от безработицы, разогнавшей значительную массу его из Парижа, — бесполезно повторить июньские дни 1848 г., но уже вне тех условий, которые толкали его тогда на отчаянную борьбу. Рабочие делегаты сделали единственно разумное. Они обязали Гору *скомпрометировать себя*, т. е. выступить из границ парламентской борьбы, если ее обвинительный акт будет отвергнут Собранием. В продолжение всего 13 июня пролетариат занимает то же скептически-наблюдательное положение и выжидает серьезной, бесповоротной схватки между демократической национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели. На случай победы уже была организована рабочая коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством. Парижских рабочих научила кровавая июньская школа 1848 года.

12 июня министр Лакросс сам внес в Законодательное собрание предложение перейти к немедленному обсуждению обвинительного акта. За ночь правительство приняло все меры для защиты и нападения; большинство Национального собрания решилось заставить выйти на улицу мятежное меньшинство, меньшинство не могло уже отступить, жребий был брошен; 377 голосов против 8 отвергли обвинительный акт; Гора, воздержавшаяся от голосования, вне себя от негодования бросается в залы пропаганды «мирной демократии», в бюро газеты «Démocratie pacifique».

Удаление из здания парламента обессиливало Гору, как обессиливался гигант Антей, теряя соприкосновение с землею, его матерью. Самсон в стенах Законодательного собрания, Гора была простым филистером в залах «мирной демократии». Возгорелись долгие, шумные и пустые дебаты. Гора решилась заставить уважать конституцию, не останавливаясь ни перед какими средствами, «*исключая только силу оружия*». В этом решении ее поддержали манифест и депутация «друзей конституции». «Друзьями конституции» называли себя остатки клики «National'я», партии буржуазных республиканцев. В то время как из уцелевших представителей ее в парламенте все, кроме шести, подали голос *за* отклонение обвинительного акта, в то время как *Кавеньяк* предоставил саблю в распоряжение партии порядка, — более или менее значительная внепарламентская часть клики жадно ухватилась за представившийся ей случай выйти из

своего положения политических париев и протесниться в ряды демократической партии. В самом деле, разве они не являлись естественными щитоносцами этой партии, прятавшейся за их щит, за их *принцип*, за *конституцию*?

С наступлением дня Гора разрешилась от бремени. Она родила «*прокламацию к народу*», которая появилась утром 13 июня в укромном уголку двух социалистических газет. Она объявила «*вне конституции*» президента, министров и большинство Законодательного собрания и призывала «подняться» национальную гвардию, армию, а также народ. «*Да здравствует конституция!*» было ее паролем, — паролем, который значил не что иное, как «*долой революцию!*»

Конституционной прокламации Горы соответствовала так называемая *мирная демонстрация*, устроенная 13 июня мелкими буржуа. Это была уличная процессия от Château d'Eau через бульвары; 30 000 человек, большей частью национальные гвардейцы, без оружия, вперемежку с членами тайных рабочих секций, шли по бульварам при криках: «*да здравствует конституция!*». В устах самих демонстрантов эти крики звучали механически, холодно, озлобленно, и, вместо того чтобы усиливаться до громовых раскатов, они лишь иронически отражались эхом народа, толпившегося на тротуарах. Многоголосому пению недоставало грудного голоса. Когда шествие поровнялось с зданием заседаний «друзей конституции», на фронтоне его появился наемный герольд конституции; размахивая изо всех сил своей клакерской шляпой, он надрывал свои неимоверные легкие и бросал на голову пилигримов целый град кликов: «Да здравствует конституция!» В этот момент, казалось, сами участники процессии поддались комизму положения. Известно, какой вовсе не парламентский прием приготовили процессии у конца rue de la Paix, на бульварах, драгуны и егеря Шангарнье, как она в один миг разбежалась во все стороны и лишь на бегу издавала жидкие крики: «к оружию», как ответ на парламентский призыв 11 июня к восстанию.

Большинство собравшихся на rue du Hasard членов Горы разбежалось в этот решительный момент, когда насильственный разгон мирной процессии, глухие слухи об убийстве безоружных граждан на бульварах, все растущее уличное движение, — все, казалось, возвещало приближение восстания. *Ледрю-Роллен*, во главе небольшой группы депутатов, спас честь Горы. Под защитой парижской артилерии, которая заняла Palais National, они отправились в Conservatoire des arts et métiers, куда должны были прибыть 5-й и 6-й легионы национальной гвардии. Но монтаньяры напрасно ждали 5-й

и 6-й легионы; эти осторожные гвардейцы оставили на произвол судьбы своих представителей, парижская артиллерия сама же помешала народу построить баррикады, хаос и суматоха сделали невозможным какое-либо решение, линейные войска надвигались со штыками наперевес, часть депутатов была взята в плен, часть скрылась. Так кончилось 13 июня.

Если 23-е июня 1848 г. было днем восстания революционного пролетариата, то 13-е июня 1849 г. было днем восстания демократического мещанства; каждое из этих восстаний было *классически-чистым* проявлением того класса, который его поднял.

Только в Лионе дело дошло до упорного, кровавого столкновения. Здесь промышленная буржуазия и фабричный пролетариат стоят непосредственно лицом к лицу; рабочее движение не включено, как в Париже, в рамки всеобщего движения и им не определяется; поэтому отзвук 13-го июня потерял здесь свой первоначальный характер. В остальных местах провинции этот удар, поскольку он там отозвался, нигде не вызвал пожара, — это была *холодная молния*.

13 июня кончается *первый период жизни конституционной республики*, которая 29 мая 1849 г. с открытием Законодательного собрания начала свое нормальное существование. Весь этот пролог заполнен шумной борьбой между партией порядка и Горой, между крупной и мелкой буржуазией; мелкая буржуазия тщетно сопротивляется установлению буржуазной республики, хотя сама же беспрерывно конспирировала в ее пользу во временном правительстве и в Исполнительной комиссии, сама же с ожесточением билась за нее против пролетариата в июньские дни. День 13 июня сломил ее сопротивление и сделал *законодательную диктатуру* соединенных роялистов совершившимся фактом. С этого момента Национальное собрание является лишь *комитетом общественного спасения партии порядка*.

Париж поставил президента, министров и большинство Национального собрания в «положение обвиняемых»; последние объявили Париж в «осадном положении». Гора объявила большинство Законодательного собрания «*вне конституции*», большинство в свою очередь предало Гору верховному суду за нарушение конституции и подвергло проскрипции все, что было в ней наиболее жизненного. От нее осталось лишь одно туловище без головы и сердца. Меньшинство дошло до попытки *парламентского восстания*, большинство возвело свой *парламентский деспотизм* в степень закона. Оно декретировало новый парламентский регламент, уничтоживший свободу

трибуны и давший президенту Национального собрания право наказывать депутатов за нарушение порядка лишением слова, денежными штрафами, лишением жалованья, временным исключением из заседаний, карцером. Над туловищем Горы повесило оно вместо меча розгу. Долг чести требовал бы от уцелевших депутатов Горы демонстративно сложить полномочия. Этот акт ускорил бы распадение партии порядка. Она должна была бы распасться на свои первоначальные составные части в тот момент, когда ее перестала бы объединять хотя бы тень противодействия.

Одновременно с ее *парламентской силой* у демократической мелкой буржуазии отнята была также ее *вооруженная сила;* были распущены парижская артиллерия и 8-й, 9-й и 12-й легионы национальной гвардии. Напротив, легион финансовой аристократии, который 13 июня напал на типографию Блуэ и Ру, разбил типографские станки, разгромил редакции республиканских газет и произвольно арестовал их редакторов, наборщиков, печатников, экспедиторов, рассыльных, получил поощрение с трибуны Национального собрания. По всему лицу Франции повторилось это распущение заподозренных в республиканизме национальных гвардейцев.

Новый *закон о печати*, новый *закон о союзах*, новый *закон об осадном положении*, переполнение парижских тюрем, изгнание политических эмигрантов, приостановка всех газет, идущих дальше «National'я», подчинение Лиона и пяти соседних департаментов грубому деспотизму солдатчины, новая чистка столько раз уже вычищенной армии чиновников, — вот неизбежные, постоянно повторяющиеся *общие места* победоносной реакции, достойные упоминания после июньской бойни и ссылок только потому, что на этот раз они были направлены не только против Парижа, но также против департаментов, не только против пролетариата, но прежде всего против средних классов.

Вся законодательная деятельность Национального собрания в продолжение июня, июля и августа была заполнена репрессивными законами, которые предоставляли правительству право объявления осадного положения, подвергали прессу еще бо́льшим стеснениям и уничтожали право союзов.

Однако эту эпоху характеризует не *фактическое*, а *принципиальное* использование победы, не решения Национального собрания, а мотивировка этих решений, не дело, а фраза, не фраза, а акцент и жесты, оживлявшие фразу. Безудержно-наглое обнаруживание *роялистских тенденций*, презрительное отношение к республике, кокетливое, фривольное выбалтывание реставрационных целей, —

словом, циническое нарушение *республиканских приличий*,—вот что придало этому периоду особый тон и отпечаток. «Да здравствует конституция!» — таков был боевой клич *побежденных* 13 июня. Это избавило *победителей* от лицемерия конституционного, т. е. республиканского, языка. Контр-революция победила Венгрию, Италию и Германию, и они уже видели реставрацию у ворот Франции. Между вождями фракции порядка завязалась настоящая конкуренция; они наперерыв старались доказать документально, через посредство «Moniteur'a», свой роялизм, исповедаться, покаяться в кой-каких либеральных грехах, совершенных ими во время монархии, испросить за них прощение перед богом и людьми. Не проходило дня без того, чтобы с трибуны Национального собрания не объявляли февральскую республику общественным бедствием, без того, чтобы какой-нибудь легитимистский помещик из провинции не заявлял торжественно, что он никогда не признавал республики, без того, чтобы один из трусливых перебежчиков и предателей июльской монархии не рассказывал о своих запоздавших подвигах, исполнению которых помешали только человеколюбие Луи-Филиппа или другие недоразумения. По их словам, в февральские дни заслуживало удивления не великодушие победоносного народа, а самопожертвование и умеренность роялистов, которые позволили ему победить себя. Один народный представитель предложил выдать часть денег, назначенных для вспомоществования раненым в февральские дни, *муниципальным гвардейцам*, которые одни оказали в те дни услугу отечеству. Другой предлагал воздвигнуть конную статую герцога Орлеанского на площади Карусели. Тьер назвал конституцию лоскутом грязной бумаги. Поочереди на трибуне появлялись орлеанисты, чтобы раскаяться в своих кознях против легитимной монархии,—легитимисты, которые упрекали себя в том, что их сопротивление против незаконной монархии ускорило падение монархии вообще; Тьер каялся в том, что интриговал против Моле, Моле каялся в своих интригах против Гизо, Барро — против всех троих. Возглас: «да здравствует социал-демократическая республика!» был объявлен антиконституционным, возглас: «да здравствует республика!» преследовался в качестве социал-демократического. В годовщину битвы при Ватерлоо один из депутатов объявил: «Я не так боюсь вторжения пруссаков, как вступления революционных эмигрантов во Францию». В ответ на жалобы на террор, организованный в Лионе и соседних департаментах, Барагэ д'Иллье сказал: «Я предпочитаю белый террор красному» (J'aime mieux la terreur blanche, que la terreur rouge), и Собрание неистово аплодировало каждый раз, когда из

уст ее оратора исходила эпиграмма против республики, против революции, против конституции, за монархию, за Священный союз. Всякое нарушение малейших республиканских формальностей, например обращение к депутатам не со словом «citoyens» (граждане), приводило в восторг рыцарей порядка.

Парижские дополнительные выборы 8 июля, произведенные под влиянием осадного положения и воздержания значительной части пролетариата от голосования, занятие Рима французской армией, вступление в Рим красных преподобий, а в их свите—инквизиции и терроризма монахов, — все это присоединило новые победы к июньской победе, все усиливало упоение партии порядка.

Наконец, в середине августа, роялисты декретируют двухмесячный перерыв заседаний Национального собрания — частью для присутствия в только-что собравшихся департаментских советах, частью утомившись после многомесячной оргии своего роялизма. С нескрываемой иронией они оставили в качестве заместителей Национального собрания, в качестве *стражей республики*, комиссию из двадцати пяти депутатов, сливок легитимистской и орлеанистской партий, как Моле, Шангарнье и пр. Ирония была глубже, чем они подозревали. Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели.

С перерывом заседаний Законодательного собрания *кончается второй период в жизни конституционной республики*, период роялистского неистовства.

Осадное положение в Париже было опять отменено, пресса снова начала функционировать. Во время приостановки социал-демократических газет, в период репрессивных мер и роялистского разгула, «Siècle», бывший прежде литературным представителем *монархически-конституционной мелкой буржуазии*, стал *республиканским;* «Presse», старый орган *буржуазных реформаторов*, стала демократической, а «National», старый классический орган *буржуазных республиканцев*, — *социалистическим*.

С запрещением открытых *клубов* приобретают все большее значение *тайные общества*. Производительные товарищества рабочих, терпимые как чисто торговые компании, не имея экономического значения, становятся политическими центрами пролетариата. 13-е июня снесло официальную верхушку у различных полуреволюционных партий, зато у уцелевших масс выросла своя голова на плечах. Рыцари порядка пугали ужасами красной республики, но подлые зверства и гиперборейские ужасы победоносной контр-революции

в Венгрии, в Бадене, в Риме, добела омыли *«красную республику»*. И недовольные промежуточные классы французского общества начали предпочитать обещания красной республики с ее проблематическими ужасами ужасам красной монархии с ее фактической безнадежностью. Ни один социалист не сделал во Франции большего для революционной пропаганды, чем *Гайнау*. A chaque capacité selon ses oeuvres! (Каждой способности по ее делам!).

Между тем, Луи Бонапарт пользовался каникулами Национального собрания для августейших поездок по провинции; самые горячие из легитимистов отправились на поклонение в Эмс к потомку святого Людовика, а масса депутатов из партии порядка интриговала в только что собравшихся департаментских советах. Надо было заставить эти последние высказать то, чего не осмеливалось еще произнести большинство Национального собрания, надо было, чтобы они потребовали *немедленного пересмотра конституции*. Согласно конституции, этот пересмотр мог состояться лишь в 1852 г. в особо созванном для этой цели Национальном собрании. Но если бы большинство департаментских советов высказалось за пересмотр, — неужели Собрание могло бы не пожертвовать голосу Франции девственностью конституции? Национальное собрание ожидало от этих провинциальных собраний того самого, чего ожидали в «Генриаде» Вольтера монахини от пандуров. Но, за немногими исключениями, Пентефрии Национального собрания натолкнулись в провинции на неменьшее число Иосифов. Громадное большинство не хотело понимать навязчивой инсинуации. Пересмотру конституции помешало то самое орудие, которое должно было вызвать его к жизни: голосование департаментских советов. Голос Франции, притом буржуазной Франции высказался, и высказался против пересмотра.

В начале октября Законодательное собрание снова открыло свои заседания,— tantum mutatus ab illo! (но как оно изменилось!) Его физиономия совершенно преобразилась. Неожиданное отклонение пересмотра конституции со стороны департаментских советов вернуло его в пределы конституции и напомнило ему о пределах его собственного существования. Орлеанистам внушали подозрения поездки легитимистов в Эмс, легитимистов тревожили сношения орлеанистов с Лондоном, газеты обеих фракций раздували огонь и взвешивали взаимные притязания своих претендентов. Орлеанисты вместе с легитимистами злились на происки бонапартистов, проявившиеся в августейших поездках президента, в его более или менее прозрачных попытках сбросить с себя всякую конституционную узду, в заносчивом языке бонапартистских газет; Луи Бонапарт, с своей стороны,

злился на Национальное собрание, которое признавало право на конспирацию только за легитимистами и орлеанистами, на свое же министерство, которое постоянно изменяло ему в пользу Собрания. В самом министерстве, наконец, произошел раскол по поводу римской политики и предложенного министром Пасси *подоходного налога*, который консерваторы резко порицали как социалистический.

Одним из первых предложений министерства Барро во вновь собравшемся Законодательном собрании было требование кредита в 300 000 франков для уплаты вдовьей пенсии *герцогине Орлеанской*. Национальное собрание согласилось на это и прибавило, таким образом, к реестру долгов французской нации сумму в семь миллионов франков. Между тем как Луи-Филипп продолжал с успехом играть роль «pauvre honteux» (стыдливого нищего), министерство не решалось предложить собранию увеличить содержание Бонапарта, а Собрание не казалось склонным разрешить эту надбавку, и Луи Бонапарт, как всегда, стоял перед дилеммой: «Aut Caesar, aut Clichy!» (Либо Цезарь, либо долговая тюрьма).

Второе требование кредита в девять миллионов франков для покрытия *издержек по римской экспедиции* еще более усилило натянутые отношения между Бонапартом, с одной стороны, министрами и Национальным собранием, — с другой. Луи Бонапарт обнародовал в «Moniteur'e» письмо к своему адъютанту Эдгару Нею, в котором он связывал папское правительство конституционными гарантиями. Папа, с своей стороны, издал энциклику «motu proprio», в которой отвергал всякое ограничение своей восстановленной власти. Письмо Бонапарта с умышленной нескромностью приподымало занавес над его же собственным кабинетом, чтобы выставить его самого перед взорами галлереи в качестве благосклонного, но непризнанного даже в собственном доме и скованного гения. Он не в первый раз кокетничал «затаенными взмахами крыльев свободной души». *Тьер*, докладчик комиссии, совершенно игнорировал взмахи крыльев Бонапарта и ограничился тем, что перевел папскую энциклику на французский язык. Не министерство, а *Виктор Гюго* сделал попытку выручить президента, предложив Национальному собранию высказать свое одобрение письму Наполеона. Allons donc! Allons donc! (что вы! что вы!) — таким непочтительно-легкомысленным междометием похоронило большинство предложение Гюго. Политика президента? Письмо президента? Сам президент? Allons donc! Allons donc! Кто же принимает monsieur Бонапарта всерьез? Думаете ли вы, monsieur Виктор Гюго, что мы верим вам, будто вы верите президенту? Allons donc! Allons donc!

Наконец, разрыв между Бонапартом и Национальным собранием ускорили прения по поводу проекта *призвать обратно в страну Орлеанов и Бурбонов*. В отсутствие министерства кузен президента, сын экс-короля Вестфалии, внес в палату это предложение. Оно имело целью не что иное, как поставить легитимистских и орлеанистских претендентов на одну доску с бонапартистским претендентом, или вернее — *ниже* его, так как он, по крайней мере, фактически стоял на вершине государственной власти.

Наполеон Бонапарт был достаточно непочтителен, чтобы соединить в одно предложение *возвращение прогнанных королевских фамилий и амнистию июньских инсургентов*. Негодование большинства тотчас же заставило его взять назад это преступное смешение святого и проклятого, королевских рас и исчадья пролетариата, неподвижных звезд общества и его блуждающих болотных огоньков и отвести должное место каждому из двух предложений. Большинство энергически отвергло проект обратного призвания в страну королевских фамилий, и *Беррье*, Демосфен легитимистов, не оставил никакого сомнения насчет значения этого голосования. Разжалование претендентов в простые граждане,— вот цель Бонапарта! Их хотят лишить ореола святых, последнего уцелевшего у них величия, *величия изгнания!* Что̀ подумали бы о том из претендентов, — воскликнул Беррье,— который, забыв свое высокое происхождение, вернулся бы во Францию, чтобы жить простым частным лицом? Бонапарт должен был как нельзя более ясно понять из этого, что он ничего не выиграл своим присутствием: он нужен был соединенным роялистам здесь, на президентском кресле, в качестве *нейтрального человека*, но настоящие претенденты на корону должны оставаться скрытыми от взоров профанов туманом изгнания.

1 ноября Луи Бонапарт ответил Законодательному собранию посланием, в котором он в довольно резких выражениях извещал об увольнении министерства Барро и образовании нового министерства. Министерство Барро-Фаллу было министерством роялистской коалиции, министерство д'Опуля было министерством Бонапарта, орудием президента против Законодательного собрания, *министерством приказчиков*.

Бонапарт не был теперь уже только *нейтральной личностью* 10-го декабря 1848 г. Как глава исполнительной власти, он стал центром известных интересов; борьба с анархией заставила самое партию порядка увеличить его влияние, и, если он *более не был* популярен, то зато она была *не*популярна. Разве он не мог надеяться, что соперничество орлеанистов и легитимистов, с одной стороны, и

необходимость какой бы то ни было монархической реставрации — с другой, заставят обе эти фракции признать его как *нейтрального претендента*?

С 1 ноября 1849 г. начинается третий период в жизни конституционной республики, заканчивающийся 10 марта 1850 г. Начинается правильная игра конституционных учреждений, которой так восхищается Гизо, т. е. раздоры между исполнительной и законодательной властью. Против реставрационных вожделений объединенных легитимистов и орлеанистов Бонапарт защищает основу своей фактической силы — республику; против реставрационных вожделений Бонапарта защищает партия порядка основу своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вожделениям своих соперников общее господство буржуазии, государственную форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и охраняются, — республику.

У Канта республика, как единственный разумный государственный строй, является постулатом практического разума: мы никогда не достигнем его полного осуществления, но всегда должны стремиться к нему, всегда иметь его в своих мыслях. Точно так же смотрели роялисты на *монархию*.

Таким образом конституционная республика, вышедшая из рук буржуазных республиканцев пустой идеологической формулой, в руках соединенных роялистов стала полной содержания, живой государственной формой. Тьер и не подозревал, какая правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики».

Падение министерства роялистской коалиции, выступление на сцену министерства приказчиков имеет еще другое значение. Министром финансов в новом кабинете был назначен *Фульд*. Сделать Фульда министром финансов значило не более, не менее, как официально предоставить французское национальное богатство в руки биржи, управлять государственным имуществом через посредство биржи и в интересах биржи. Вместе с назначением Фульда финансовая аристократия объявила в «Moniteur'е» свою реставрацию. Эта реставрация необходимо дополняла собой все остальные реставрации и, вместе с ними, являлась звеном в цепи конституционной республики.

Луи-Филипп ни разу не осмелился сделать министром финансов настоящего loup-cervier (биржевого волка). Его монархия была идеальным названием для господства крупной буржуазии; в его министерствах привилегированные интересы замаскированы были под идеологически-нейтральными именами. В буржуазной республике выступает на авансцену то, что̀ различные монархии, легитимистская и орлеанистская, прятали за кулисами. Она низвела на землю то, что они возносили на небеса. Имена святых она заменила буржуазными собственными именами господствующих классовых интересов.

Все наше изложение показало, что республика с первого же дня своего существования не только не уничтожила господства финансовой аристократии, а, напротив, укрепляла его. Но она делала эти уступки против воли, подчиняясь року. С Фульдом же правительственная инициатива вернулась в руки финансовой аристократии.

Спросят, каким образом вся буржуазия в совокупности могла сносить и терпеть господство финансовой аристократии, которое при Луи-Филиппе покоилось на устранении от власти или на подчинении остальных слоев буржуазии?

Ответ простой.

Прежде всего, финансовая аристократия сама образует важную руководящую группу внутри роялистской коалиции, которая объединенно правит в республике. Разве ораторы и вожди орлеанистов не были старыми союзниками и сообщниками финансовой аристократии? Разве она сама не является золотой фалангой орлеанистов? Что касается легитимистов, то они уже при Луи-Филиппе принимали фактическое участие во всех оргиях биржевых, горных и железнодорожных спекуляций. Вообще союз крупного землевладения с финансовой аристократией есть *нормальное явление*. Пример — *Англия*, пример — даже *Австрия*.

В такой стране, как Франция, где национальное производство стоит на непропорционально низкой ступени сравнительно с размером государственного долга, где государственная рента является важнейшим предметом спекуляции и биржа составляет главный рынок для непроизводительного приложения капиталов, — в такой стране бесчисленное множество лиц из всех буржуазных и полубуржуазных классов необходимо должно быть заинтересовано в государственном долге, в биржевой игре, в финансах. А разве все эти второстепенные участники биржи не находят свою естественную опору и главу в той фракции, которая является представителем тех же интересов, но в колоссальных размерах, во всей их полноте и целостности?

Что̀ служит причиной перехода государственного имущества

в руки финансовой аристократии? Постоянно растущая задолженность государства. А причина этой задолженности государства? Постоянный перевес его расходов над доходами, который, в свою очередь, является и следствием, и причиной системы государственных займов.

Чтобы избегнуть этой задолженности, государство должно ограничить свои расходы, т. е. упростить, сократить правительственный организм, управлять возможно меньше, держать как можно меньший персонал чиновников, как можно меньше связывать себя с буржуазным обществом. Партия порядка не могла пойти этим путем; она должна была усиливать свои репрессивные средства, свое официальное вмешательство от лица государства, свою вездесущность в лице государственных органов, поскольку со всех сторон ее господству и условиям существования ее класса угрожали новые опасности. Нельзя уменьшать состав жандармерии в то время, когда учащаются преступления против личности и собственности.

Есть другой выход: государство должно обойтись без долгов, установить на данный момент, хотя и скоропреходящее, равновесие в бюджете путем переложения *чрезвычайных налогов* на состоятельнейшие классы населения. Но неужели для избавления национального богатства от биржевой эксплоатации партия порядка должна была принести в жертву свое собственное богатство на алтарь отечества?

Pas si bête! (Она не так глупа!)

Итак, без коренного переворота во французском государстве немыслим переворот в государственном хозяйстве Франции. А с этим государственным хозяйством необходимо связана задолженность государства, с задолженностью государства — спекуляции на государственных долгах, господство государственного кредитора, банкира, торговца деньгами, «биржевого волка». Только одна фракция партии порядка была прямо заинтересована в падении финансовой аристократии — *фабриканты*. Мы говорим не о средних, не о мелких промышленниках, но о командирах промышленности, составлявших при Луи-Филиппе кадры династической оппозиции. Их интересы несомненно требовали уменьшения издержек производства, стало быть, уменьшения налогов, которые входят в издержки производства, уменьшения государственных долгов, проценты с которых входят в эти налоги, — другими словами, они требовали падения финансовой аристократии.

В Англии, — а крупнейшие французские фабриканты являются мелкими буржуа в сравнении со своими английскими сопер-

никами, — мы, действительно, видим фабрикантов, какого-нибудь Кобдена или Брайта, во главе крестового похода против банка и биржевой аристократии. Отчего же нет этого во Франции? В Англии преобладает промышленность, во Франции земледелие. В Англии промышленность нуждается в free trade (свободе торговли), во Франции — в покровительственных пошлинах, в национальной монополии, наряду с другими монополиями. Французская промышленность не господствует над французским производством, поэтому французские фабриканты не господствуют над французской буржуазией. Чтобы отстоять свои интересы от других фракций буржуазии, они не могут, как англичане, стать во главе движения и тем самым выдвинуть свои классовые интересы на первое место: они должны итти в хвосте революции и служить интересам, противоположным общим интересам их класса. В феврале они не поняли своего положения, но февраль научил их уму-разуму. И кому ближе всего грозит опасность со стороны рабочих, как не работодателю, промышленному капиталисту? Фабрикант необходимо примкнул поэтому к наиболее ярым фанатикам партии порядка. Правда, биржевики урезывают его прибыль, но что это *в сравнении с полным уничтожением ее пролетариатом?*

Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа, рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа: кто же разрешит задачу рабочего? Никто. Она разрешается не во Франции, она здесь только возвещается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; борьба классов внутри французского общества превращается в мировую войну между всеми нациями. Разрешение впервые начинается лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе народа, господствующего над мировым рынком, во главе Англии. Однако и тогда революция не придет еще к своему концу, она найдет лишь свое организационное начало. Это не будет мимолетная революция. Нынешнее поколение напоминает евреев, которых Моисей ведет через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира.

Возвратимся к Фульду.

14 ноября 1849 г. Фульд взошел на трибуну Национального собрания и изложил свою финансовую систему: апология старой податной системы, сохранение налога на вино, отказ от подоходного налога Пасси!

Пасси тоже не был революционером: он был старым министром

Луи-Филиппа. Он принадлежал к пуританам вроде Дюфора и к самым интимным друзьям Теста, этого козла отпущения июльской монархии! [1] И Пасси был сторонником старой податной системы, он тоже желал сохранить налог на вино, но в то же время он сорвал завесу с государственного дефицита. Он объявил, что избежать государственного банкротства можно только с помощью нового налога, подоходного. Фульд, предлагавший некогда Ледрю-Роллену государственное банкротство, предложил Законодательному собранию государственный дефицит. Он обещал сбережения, тайна которых обнаружилась впоследствии: например, расходы уменьшились на 60 миллионов, а текущий долг увеличился на 200 миллионов, — подозрительные фокусы в группировке цифр, в сведении счетов, что в конце концов сводилось к новым займам.

При Фульде финансовая аристократия рядом с остальными соперничающими фракциями буржуазии конечно выступала не с таким беззастенчивым цинизмом, как при Луи-Филиппе. Но система оставалась та же: тот же постоянный рост государственных долгов, тот же замаскированный дефицит. А с течением времени старое биржевое плутовство выступило откровеннее. Доказательство: закон об Авиньонской железной дороге, таинственные колебания государственных бумаг, ставшие одно время злобой дня во всем Париже, наконец, неудавшиеся спекуляции Фульда и Бонапарта на выборах 10 марта.

После официальной реставрации финансовой аристократии французский народ ждал новое 24-е февраля.

Конституанта, в пику своей преемнице, отменила винный налог с 1850 г. Отмена старых податей не давала средств для уплаты новых долгов. Кретон, кретин партии порядка, предложил еще до перерыва заседаний Законодательного собрания сохранить налог на вино. Фульд принял это предложение от имени бонапартистского министерства, и 20 декабря 1849 г., в годовщину вступления в должность Бонапарта, Национальное собрание декретировало *реставрацию налога на вино*.

Адвокатом этой реставрации был не финансист, а шеф иезуитов *Монталамбер*. Его аргументация была поражающе проста. Налог,

[1] 8 июня 1847 г. [в оригинале опечатка: 1849 г.] в палате пэров начался процесс против Пармантье и генерала Кюбьера — они обвинялись в подкупе чиновников с целью получить соляную концессию — и против тогдашнего министра общественных работ Теста, обвинявшегося в том, что он принимал от них взятки. Последний во время процесса покушался на самоубийство. Все были приговорены к крупным денежным штрафам; Тест кроме того — к трехгодичному тюремному заключению. — *Ф. Э.*

это — материнская грудь, кормящая правительство; правительство, это — орудие репрессий, это — органы авторитета, это — армия, это — полиция, это — чиновники, судьи, министры, это — *священники*. Покушение на налог есть покушение анархистов на стражей порядка, охраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от покушений пролетарских вандалов. Налог, это — пятый бог, рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. А налог на вино есть бесспорно налог, и притом не обыкновенный, а стародавний, проникнутый монархизмом, почтенный налог. Vive l'impôt des boissons! Three cheers and one cheer more! (Да здравствует налог на вино! Троекратное ура и еще раз ура!)

Когда французский крестьянин малюет на стене чорта, он изображает его в виде сборщика податей. С того момента, как Монталамбер объявил налог богом, крестьянин стал безбожником, атеистом и бросился в объятия к чорту — *социализму*. Религия порядка легкомысленно потеряла его, иезуиты легкомысленно его потеряли, Бонапарт легкомысленно его потерял. 20 декабря 1849 г. навсегда скомпрометировало 20 декабря 1848 г. «Племянник своего дяди» не был в своей семье первым, которого побил налог на вино, налог, который, по словам Монталамбера, пахнет революционной грозой. Настоящий, великий Наполеон высказался на острове св. Елены в том смысле, что восстановление налога на вино более, чем что-либо другое, было причиной его падения, так как восстановило против него крестьян южной Франции. Уже при Людовике XIV этот налог был главным предметом народной ненависти (смотри сочинения Буагильбера и Вобана), Великая революция отменила его, а Наполеон снова ввел в 1808 г. в несколько измененном виде. Когда Бурбоны возвратились во Францию, в их авангарде скакали не только казаки, вместе с ними шли также обещания отменить налог на вино. Gentilhommerie (дворянство), конечно, не обязано было сдерживать слово, данное gent taillable à merci et miséricorde (бесправным низшим сословиям). 1830 год обещал отмену налога на вино. Не в его характере было делать то, что он говорил, и говорить то, что делал. 1848 год обещал отмену налога на вино так же, как он обещал все. Конституанта, наконец, которая ничего не обещала, распорядилась, как упомянуто, в своем завещании, чтобы налог на вино был отменен с 1 января 1850 г. Но как раз за 10 дней перед 1-м января 1850 г. его снова вводит Законодательное собрание. Таким образом, французский народ тщетно гоняется за этим налогом, но когда он выбрасывает его за дверь, налог снова входит через окно.

Налог на вино недаром служил предметом народной ненависти:

в нем соединились все ненавистные стороны французской податной системы. Способ его взимания вызывает ненависть, способ обложения аристократичен, так как он падает в одинаковой степени на самые обыкновенные и на самые дорогие вина: он, стало быть, увеличивается в геометрической прогрессии, по мере того как уменьшается имущество потребителя, прогрессивный налог навыворот. Он является премией на фальсифицированные и поддельные вина и, таким образом, вызывает систематическое отравление трудящихся классов. Он сокращает потребление, воздвигая у ворот каждого города, с населением свыше 4 000 человек, акцизные заставы (octrois) и превращая каждый такой город в чужую страну, защищенную от французского вина покровительственными пошлинами. Крупные виноторговцы и еще в большей степени мелкие marchands de vins, трактирщики, которые всецело живут продажей вина, все — заклятые враги налога на вино. И наконец, сокращая потребление, налог на вино суживает производству рынок сбыта. Лишая городских рабочих возможности покупать вино, он лишает крестьян-виноделов возможности продавать его. А Франция насчитывает приблизительно 12 миллионов виноделов. Понятна поэтому ненависть всего народа против налога на вино, понятно в особенности фанатическое ожесточение крестьян. К тому же в восстановлении налога на вино они видели не единичное, более или менее случайное событие. Крестьяне имеют свои особые исторические традиции, которые переходят от отца к сыну, — в этой исторической школе шептались между собой, что всякое правительство, когда хочет обмануть крестьян, обещает им отмену налога на вино, а как только обмануло их, сохраняет его в силе или восстанавливает его. На налоге на вино крестьянин пробует букет правительства, его тенденцию. Реставрация налога на вино 20 декабря говорила: *Луи Бонапарт — такой же, как другие.* Но он не был такой, как другие, он был ставленником *крестьянства*, и в покрытых миллионами подписей петициях против налога крестьянство взяло назад свои голоса, которые оно год тому назад дало «племяннику своего дяди».

Сельское население, слишком две трети всего французского населения, состоит большею частью из так называемых свободных *землевладельцев*. Первое поколение их, безвозмездно освобожденное революцией 1789 г. от феодальных повинностей, получило свою землю даром. Но последующие поколения под видом покупной цены земли уплачивали то, что их полукрепостные предки уплачивали в форме ренты, десятины, барщины и т. д. Чем более, с одной стороны, росло народонаселение, а с другой — увеличивалось дробление земель, тем

дороже становилась цена мелкого земельного участка, так как, по мере того как мельчали эти парцеллы, рос спрос на них. Но вместе с ростом цены крестьянских парцелл росла *задолженность крестьянина*, т. е. *ипотека*,— все равно, покупал ли он парцеллу прямо, или она засчитывалась ему другими наследниками как капитал. Долг, тяготеющий на земле, и называется *ипотекой*, закладной на землю. На средневековых участках тяготели *привилегии*, на новейших парцеллах — *ипотеки*. С другой стороны, при режиме мелких участков земля является для крестьянина простым *орудием производства*. В той же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к обработке почвы, разделение труда, крупные мелиорационные предприятия, как-то: устройство отводных и оросительных каналов и т. д.,— все это делается все более и более недоступным, а *непроизводительные издержки* на обработку земли растут в той же пропорции, как и дробление самого средства производства. Все это независимо от того, обладает ли собственник парцеллы капиталом, или нет. Но чем дальше идет процесс дробления земли, тем все более земельный участок с самым жалким инвентарем становится единственным капиталом карликового хозяйства, тем меньшим становится приложение капитала к земле, тем больше недостаток у коттера в земле, деньгах и образовании, необходимых для пользования успехами агрономии, тем скорее обработка земли идет назад. Наконец, *чистый доход* уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается *валовое потребление*, а всю семью крестьянина удерживает от других занятий ее собственность, которая, однако, не обеспечивает ее существования.

Итак, с ростом народонаселения и увеличивающимся дроблением земли *дорожает средство производства*, земля, *уменьшается ее плодородие*, *падает земледелие*, *и растут крестьянские долги*. И то, что было следствием, в свою очередь становится причиной. Каждое поколение оставляет все больше долгов следующему, каждое новое поколение начинает свою жизнь при все более тяжелых и неблагоприятных условиях, задолженность рождает задолженность, и, когда крестьянин не может уже перезакладывать свой клочок земли, т. е. обременять его новыми ипотеками, он прямо попадает в лапы ростовщика, и тем огромнее становятся ростовщические проценты.

Таким образом, французский крестьянин в виде *процентов* на тяготеющие на земле *ипотеки*, в виде процентов на *неипотезированные ссуды у ростовщика*, отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, не только *весь чистый доход*, но даже *часть своей заработной платы;* он

опустился до уровня *ирландского арендатора* — и все это ради своей фиктивной *собственности*.

Этот процесс был ускорен во Франции все растущим *бременем податей* и *судебными издержками;* эти издержки частью вызывались непосредственно самими формальностями, которыми обставляет французское законодательство поземельную собственность, частью бесчисленными конфликтами между владельцами всюду соприкасающихся и перекрещивающихся парцелл, частью же страстью к тяжбам крестьян, для которых все наслажденье собственностью сводится к фанатическому обнаружению воображаемой собственности, — права собственности.

По статистическим вычислениям 1840 г., валовой продукт французского земледелия составлял 5 237 178 000 фр. Из этой суммы надо вычесть 3 552 000 000 фр. на издержки по обработке, включая сюда потребление земледельцев. Остается чистый продукт в 1 685 178 000 фр., из которых 550 млн. надо скинуть на проценты по ипотекам, 100 млн. на судебных чиновников, 350 млн. на налоги и 107 млн. на нотариальный сбор, гербовый сбор, на пошлины с ипотек и т. д. Остается третья часть чистого продукта, 538 млн. На душу населения не приходится и 25 фр. чистого дохода. В этом вычислении, конечно, не приняты во внимание ни внеипотечное ростовщичество, ни расходы на адвокатов и т. д.

Теперь понятно положение французских крестьян, когда республика прибавила к их старому бремени еще новые. Ясно, что эксплоатация крестьянства отличается от эксплоатации фабричного пролетариата лишь своей *формой*. Эксплоататор — тот же самый, — *капитал*. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян с помощью *ипотек* и *ростовщичества*, класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством *государственных налогов*. Право крестьянской собственности является талисманом, который отдавал до сих пор крестьян во власть капитала; во имя этой собственности капитал натравливал их против промышленного пролетариата. Только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое, рабочее правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации. *Конституционная республика*, это — диктатура его объединенных эксплоататоров; *социал-демократическая*, *красная* республика, это — диктатура его союзников, и весы падают или поднимаются, смотря по тем голосам, которые крестьянин бросает в избирательную урну. Он сам решает свою судьбу. Так говорили социалисты в памфлетах, в альманахах, в календарях, во всевозможных брошюрах. Этот язык стал еще

понятнее крестьянину, благодаря полемическим сочинениям партии порядка; она тоже обращалась к нему и своими неуклюжими преувеличениями, своим грубым искажением социалистических идей и намерений как раз попадала в настоящий крестьянский тон и разжигала жадность крестьянина к запретному плоду. Но понятнее всего говорил и сам опыт, приобретенный классом крестьян при применении избирательного права, и те разочарования, которые удар за ударом обрушивались на него в стремительном развитии революции. *Революции, это — локомотивы истории.*

Постепенный переворот в настроении крестьянства проявлялся в различных симптомах. Он сказался уже на выборах в Законодательное собрание, в осадном положении, объявленном в пяти департаментах вокруг Лиона, сказался спустя несколько месяцев после 13 июня в выборе департаментом Жиронды монтаньяра на место бывшего президента chambre introuvable (бесподобной палаты), сказался 20 декабря 1849 г. в выборе красного на место умершего легитимистского депутата Гардского департамента, этой обетованной страны легитимистов, страны кровавых роялистских ужасов против республиканцев в 1794 и 1795 гг., очага белого террора 1815 г., где открыто убивали либералов и протестантов. Это революционизирование самого консервативного класса ярче всего сказалось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы за январь и февраль 1850 г. направлены почти исключительно против *департаментов и крестьян*, — самое убедительное доказательство их пробуждения.

Циркуляр д'Опуля, производивший жандарма в инквизиторы над префектом, супрефектом и, прежде всего, над мэром, организовавший систему шпионства вплоть до глухих углов самых захолустных деревень; *закон против школьных учителей*, подчинявший их, духовных вождей, воспитателей и идеологов крестьянского класса, произволу префекта, гонявший их, пролетариев ученого класса, словно затравленную дичь, из одной деревни в другую; *законопроект против мэров*, повесивший над их головой дамоклов меч отставки и каждый момент противопоставлявший их, президентов крестьянских общин, президенту республики и партии порядка; *указ*, превративший 17 военных округов Франции в четыре пашалыка и сделавший казарму и бивуак национальным салоном французов; *закон о народном образовании*, которым партия порядка объявила невежество и насильственное затемнение Франции необходимым условием своего существования при режиме всеобщего избирательного права, — что̀ представляли собою все эти законы и мероприятия?

Отчаянные попытки партии порядка снова подчинить себе департаменты и крестьянство департаментов.

Как *репрессии*, это были жалкие средства, бившие мимо цели. Крупные меры, как сохранение налога на вино и 45-сантимного налога, издевательское отклонение крестьянских петиций о возвращении миллиарда и т. д. — все эти законодательные перуны поразили крестьянский класс только один раз, оптом, из правительственного центра. Приведенные же законы и мероприятия сделали нападение и сопротивление общей темой разговоров в каждой хижине, они прививали революцию каждой деревне, они *локализировали и омужичивали революцию*.

С другой стороны, не доказывают ли эти проекты Бонапарта и принятие их Национальным собранием единогласие обеих властей конституционной республики там, где дело идет о подавлении анархии, т. е. всех тех классов, которые восстают против диктатуры буржуазии? Разве Сулук тотчас после своего грубого послания не уверил Законодательное собрание в своей преданности делу порядка в непосредственно затем последовавшем докладе Карлье, этой грязной и низкой карикатуры на Фуше, подобно тому как и сам Луи-Бонапарт был плоской карикатурой на Наполеона?

Закон о народном образовании показывает нам союз молодых католиков и старых вольтерьянцев. Господство соединенной буржуазии, могло ли оно быть чем-либо иным, как не объединенным деспотизмом дружественной иезуитам реставрации и вольнодумничающей июльской монархии? Оружие, которым снабжали народ буржуазные фракции в их взаимной борьбе за верховную власть, — разве не должны были они снова исторгнуть это оружие из рук народа, раз он противостоит их объединенной диктатуре? Ничто, даже отклонение concordats à l'amiable, не возмутило так парижского лавочника, как это кокетничение с *иезуитизмом*.

Между тем столкновения между различными фракциями партии порядка, так же как между Национальным собранием и Бонапартом, продолжались своим чередом. Не понравилось Собранию, что Бонапарт непосредственно после своего coup d'état, после назначения собственного бонапартистского министерства, призвал к себе вновь произведенных в префекты инвалидов монархии и поставил условием их службы запрещенную конституцией агитацию в пользу вторичного избрания его президентом; не понравилось, что Карлье ознаменовал свое назначение закрытием одного легитимистского клуба; не понравилось, что Бонапарт основал собственную газету «Le Napoléon», которая открывала публике тайные вожделения пре-

зидента, в то время как министры должны были отрекаться от них на подмостках Законодательного собрания; не понравилось Собранию, что Бонапарт, несмотря на все его вотумы недоверия, упорно не увольнял своих министров; не понравилась попытка приобресть расположение унтер-офицеров прибавкой четырех су к их ежедневному жалованью и расположение пролетариата посредством плагиата из «Парижских тайн» Эжена Сю — почетного ссудного банка; наконец, не понравилось бесстыдство, с которым заставили министров Бонапарта предложить сослать в Алжир уцелевших июньских инсургентов, чтобы сделать Законодательное собрание непопулярным en gros (оптом), тогда как себе самому президент предоставлял популярность en détail (в розницу), через отдельные акты помилования. *Тьер* произнес зловещие слова о «coups d'état» и «coups de tête», и Законодательное собрание мстило за себя Бонапарту тем, что отвергало всякий законопроект, который он вносил в собственных интересах, с шумным подозрением исследовало всякий проект, который он вносил в общих интересах, — не играет ли он на руку личной власти Бонапарта под предлогом усиления исполнительной власти. Одним словом, оно *мстило заговором презрения.*

Партию легитимистов, в свою очередь, озлобляло, что более способные орлеанисты снова захватили в свои руки почти все государственные должности; их огорчал рост *централизации*, так как они ожидали успеха своего дела от *децентрализации.* И действительно, контр-революция насильственно *проводила централизацию*, т. е. подготовляла механизм революции. Установив обязательный курс для банковых билетов, она централизовала даже золото и серебро Франции в Парижском банке и создала, таким образом, *готовую военную казну* для революции.

Наконец, орлеанистов раздражало, что их принципу побочной династии противопоставляется принцип легитимизма, что их самих постоянно осаживают и оскорбляют, подобно тому как дворянин оскорбляет свою супругу буржуазного происхождения.

Мы шаг за шагом проследили, как крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества, становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, третировались ею как враги. Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократических и республиканских учреждений как орудий этого преобразования, *группировка вокруг пролетариата как решающей революционной силы*, — вот общие черты, характеризующие *так называемую партию социальной демократии, партию красной*

республики. Эта *партия анархии*, как окрестили ее противники, точно так же как *партия порядка*, является коалицией различных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до свержения старого общественного порядка, от буржуазного либерализма до революционного терроризма, — так далеко расходятся между собой крайности, составляющие исходный и конечный пункт партии «анархии».

Отмена покровительственных пошлин — социализм! потому что она покушается на монополию *промышленной* фракции партии порядка. Приведение в порядок государственного хозяйства — социализм! потому что оно затрагивает монополию *финансовой* фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса — социализм! потому что он нарушает монополию третьей фракции партии порядка, *крупного* земледелия. Требования фритредеров, передовой партии английской буржуазии, во Франции оказываются социализмом. Вольтерьянство—социализм! потому что оно нападает на четвертую фракцию партии порядка, *католическую* фракцию. Свобода печати, свобода союзов, всеобщее народное образование — социализм, социализм! Ведь все это — покушения на общую монополию партии порядка!

Ход революции быстро приводил к тому, что друзья реформы всех оттенков самые скромные требования средних классов принуждены были группировать вокруг знамени самой крайней партии переворота, вокруг *красного знамени*.

Но как ни различен был *социализм* главных составных элементов партии анархии, смотря по экономическим условиям и вытекающим из них общим революционным потребностям того или другого класса и фракции, — в одном пункте он оставался один и тот же: он объявлял себя *средством освобождения пролетариата* и провозглашал это освобождение своей *целью*. Сознательный обман — у одних, самообман — у других, которые убеждены, что мир, переустроенный сообразно их потребностям, есть лучший из миров для всех, что он осуществляет все революционные требования и устраняет все революционные конфликты.

Под более или менее одинаково звучащими, *общими* социалистическими фразами «партии анархии» скрывается, во-первых, *социализм газет* «National», «Presse», «Siècle», который более или менее последовательно стремится свергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и торговлю от старых пут. Это — социализм промышленности, торговли и земледелия. Объясняется он тем, что входящие в партию порядка заправилы промыш-

ленности, торговли и земледелия жертвуют этими интересами, поскольку они не совпадают с их частными монополиями. От этого *буржуазного социализма*, который, как всякая другая разновидность социализма, привлекает известную часть рабочих и мелких буржуа, отличается собственно *мелкобуржуазный социализм*, социализм par excellence. Капитал обирает этот класс главным образом в качестве *кредитора*, поэтому он требует *кредитных учреждений;* капитал давит его своей *конкуренцией*, поэтому он требует *ассоциаций*, поддерживаемых государством; капитал побеждает его *концентрацией*, поэтому он требует *прогрессивных налогов*, ограничений наследства, исполнения крупных работ государством и других мер, *насильственно задерживающих рост капитала*. Так как он мечтает о мирном осуществлении своего социализма, исключая разве лишь непродолжительную новую февральскую революцию, он естественно представляет себе грядущий исторический процесс в виде *осуществления систем*, которые выдумывают или уже выдумали социальные теоретики, будь это компаниями или в одиночку. Таким образом, этих социалисты становятся эклектиками или сторонниками наличных социалистических *систем*, сторонникамо *доктринерского социализма*, который был теоретическим выражениим пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат не дорос до своего собственного свободного исторического движения.

Эта *утопия*, этот *доктринерский социализм* подчиняет все историческое движение одному из его моментов, заменяет коллективное, общественное производство мозговой деятельностью отдельного педанта, а, главное, устраняет в своей фантазии революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунштюков или крупного сантиментальничанья. В сущности этот доктринерский социализм лишь идеализирует существующее общество, является призрачным сколком с него и старается осуществить свой идеал наперекор действительности этого же общества. И вот, в то время как этот социализм переходит от пролетариата к мелкой буржуазии, в то время как борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим, — *пролетариат* все более группируется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм и есть не что иное, как *перманентная революция*, *классовая диктатура* пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене *всяких классовых различий*, отмене

производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственым отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений.

Рамки нашего изложения не позволяют нам подробнее остановиться на этом предмете.

Мы видели: подобно тому как в партии *порядка* неизбежно получила главенство *финансовая аристократия*, так в партии «*анархии*» главная роль выпала *пролетариату*. В то время как революционная лига различных классов группировалась вокруг пролетариата, в то время как департаменты становились все менее надежными и само Национальное собрание все сердитее ворчало против притязаний французского Сулука, — подошли долго откладывавшиеся и задержавшиеся дополнительные выборы на место изгнанных монтаньяров 13-го июня.

Правительство, презираемое своими врагами, оскорбляемое и унижаемое на каждом шагу своими мнимыми друзьями, видело лишь одно средство выйти из этого невыносимого и шаткого положения — *мятеж*. Мятеж в Париже дал бы предлог объявить осадное положение в Париже и департаментах и таким образом распоряжаться выборами. С другой стороны, друзья порядка должны были бы делать уступки правительству, одержавшему победу над анархией, иначе они сами явились бы в роли анархистов.

Правительство взялось за работу. В начале февраля 1850 г. оно провоцирует народ, срубая деревья свободы. Напрасно! Если деревья свободы и потеряли свое место, оно само потеряло голову и в испуге отступило перед своей собственной провокацией. Национальное собрание встретило эту неуклюжую попытку Бонапарта эмансипироваться — ледяным недоверием. Не больший успех имело и удаление с июльской колонны венков иммортелей. Это вызвало в одной части армии революционные демонстрации и дало Национальному собранию повод к более или менее скрытому вотуму недоверия против министерства. Напрасно правительственная пресса грозила отменой всеобщего избирательного права и вторжением казаков; напрасно д'Опуль бросил в Законодательном собрании прямой вызов членам левой, напрасно звал он их на улицу и заявил, что правительство приготовилось встретить их, как следует. Д'Опуль не добился ничего, кроме призыва к порядку со стороны президента, и партия порядка с молчаливым злорадством позволила одному депутату левой осмеять узурпационные вожделения Бонапарта. Напрасно, наконец, правительство предсказывало революцию на 24-е

февраля. Благодаря этому предсказанию, народ игнорировал 24-е февраля.

Пролетариат не дал спровоцировать себя к *бунту:* он намеревался произвести *революцию.*

Провокации правительства, лишь усилив всеобщее недовольство существующим порядком, не помешали избирательному комитету выставить, всецело под давлением рабочих, следующих трех кандидатов для Парижа: *Дефлотта, Видаля и Карно.* Дефлотт был сослан в июне и амнистирован благодаря одной из бьющих на популярность бонапартовских выходок; он был другом Бланки и принимал участие в деле 15-го мая. Видаль был известен как коммунистический писатель, как автор книги «О распределении богатства»; он был секретарем Луи Блана в Люксембургской комиссии. Карно, сын организовавшего победу члена Конвента, наименее скомпрометированный член партии «National'я», министр просвещения во временном правительстве и Исполнительной комиссии, был, благодаря своему демократическому законопроекту о народном образовании, живым протестом против школьного закона иезуитов. Эти три кандидата представляли собою три соединившихся класса: во главе — июньский инсургент, представитель революционного пролетариата, рядом с ним — доктринер-социалист, представитель социалистической мелкой буржуазии, наконец, третий кандидат — представитель республиканской буржуазии, демократические формулы которой в столкновении с партией порядка приобрели социалистический смысл и давно утратили свое собственное значение. Это была *всеобщая коалиция против буржуазии и правительства, как и в феврале.* Но на этот раз *пролетариат стоял во главе революционной лиги.*

Наперекор всем усилиям противников, победили социалистические кандидаты. Сама армия голосовала за июньского инсургента и против своего же военного министра Лаитта. Партия порядка была поражена, как громом. Департаментские выборы не утешили ее: они дали большинство монтаньярам.

Выборы 10 марта 1850 г.! Они кассировали июнь 1848 г.: виновники ссылок и избиения июньских инсургентов вернулись в Национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. *Выборы 10-го марта кассировали 13-е июня 1849 г.* Гора, которую Национальное собрание изгнало, вернулась в Национальное собрание, но она вернулась уже не как командир революции, а как ее передовой трубач. *Выборы 10-го марта кассировали 10-е декабря:* Наполеон провалился в лице своего министра Лаитта. Парламентская история Франции знает лишь одну аналогию с этим:

провал д'Осси, министра Карла X, в 1830 г. Наконец, *выборы 10-го марта 1850 г. кассировали выборы 13-го мая*, которые дали большинство партии порядка. Выборы 10-го марта были протестом против большинства 13-го мая. 10-е марта было революцией. За избирательными записками скрываются булыжники мостовой.

«Голосование 10-го марта объявляет нам войну», воскликнул Сегюр д'Агессо, один из прогрессивнейших членов партии порядка.

С 10 марта 1850 г. конституционная республика вступает в новую фазу, *в фазу своего разложения*. Различные фракции большинства снова объединены друг с другом и с Бонапартом, они снова спасают порядок. Бонапарт снова их *нейтральная личность*. Если они вспоминают о своем роялизме, то лишь потому, что отчаялись в возможности буржуазной республики; если он вспоминает, что он — президент, то только потому, что отчаивается в возможности остаться президентом.

На выборы июньского инсургента Дефлотта Бонапарт, по команде партии порядка, отвечает назначением на пост министра внутренних дел Бароша, — Бароша, который был обвинителем Бланки и Барбеса, Ледрю-Роллена и Гинара. На выборы Карно Законодательное собрание отвечает принятием закона о народном образовании, на выборы Видаля — репрессалиями против социалистической прессы. Трубными звуками своей прессы партия порядка пытается заглушить свой собственный страх. «Меч свят», восклицает один из ее органов; «защитники порядка должны выступить в атаку против партии красных», заявляет другой орган; «между социализмом и обществом идет борьба на жизнь и на смерть, безустанная, беспощадная война: в этой отчаянной войне один из них должен погибнуть. Если общество не уничтожит социализма, социализм уничтожит общество», кричит третий петух порядка. Воздвигайте баррикады порядка, баррикады религии, баррикады семьи! Надо покончить со 127 000 парижских избирателей! Варфоломеевская ночь для социалистов! И партия порядка одно мгновение действительно верит в истинность своей победы.

Неистовее всего ее органы обрушиваются на *«парижских лавочников»*. Лавочники Парижа избрали июньского инсургента своим представителем! Это значит: второй июнь 1848 г. невозможен; это значит: второе 13-е июня 1849 г. невозможно; это значит: моральное влияние капитала сломлено, буржуазный парламент представляет только буржуазию! Это значит: крупная собственность погибла, так как вассал ее, мелкая собственность, ищет себе спасения в лагере неимущих.

Партия порядка прибегает, разумеется, к своему неизбежному *общему месту:* «больше репрессалий, в десять раз больше репрессалий!» Но ее репрессивная сила уменьшилась в десять раз, тогда как сопротивление увеличилось в сто раз. Разве само главное орудие репрессии, армия, не нуждается в репрессии? И партия порядка говорит свое последнее слово: «Надо сломать железное кольцо душащей нас легальности. *Конституционная республика невозможна*, мы должны бороться своим настоящим оружием. С февраля 1848 года мы боролись с революцией *ее же* оружием и на *ее же* почве, мы приняли *ее* учреждения; конституция — крепость, которая защищает осаждающих, а не осажденных! В брюхе троянского коня мы прокрались в священный Илион, но — не в пример нашим предкам, *грекам*,[1] мы не завоевали вражеского народа, а сами попали в плен».

В основе конституции лежит *всеобщее избирательное право. Отмена всеобщего избирательного права* — вот последнее слово партии порядка, последнее слово буржуазной диктатуры.

Всеобщее избирательное право признало их право на эту диктатуру 24 мая 1848 г., 20 декабря 1848 г., 13 мая 1849 г., 8 июля 1849 г. Оно само высказалось против себя 10 марта 1850 г. Господство буржуазии, как результат всеобщего избирательного права, как категорический акт державной воли народа, — вот смысл буржуазной конституции. Но что̀ за смысл имеет конституция с того момента, как содержание этого избирательного права, этой державной воли народа, не сводится более к господству буржуазии? Разве не прямая обязанность буржуазии — регулировать избирательное право так, чтобы оно хотело разумного, ее господства? Всеобщее избирательное право каждый раз упраздняет существующую государственную власть и каждый раз снова воссоздает ее из себя; таким образом оно уничтожает всякую устойчивость, ежеминутно ставит на карту все существующие власти, подрывает авторитет, грозит возвести самое анархию в авторитет, — кто еще станет сомневаться в этом после 10 марта 1850 г.?

Отвергая всеобщее избирательное право, в которое она драпировалась до сих пор, из которого она черпала свое всемогущество, буржуазия открыто признается: «*Наша диктатура до сих пор существовала по воле народа, отныне она будет упрочена против воли народа*». И она вполне последовательно ищет себе теперь опоры не во *Франции*, а вне ее, за границей, в *нашествии*.

Вместе с призывом к нашествию, этот второй Кобленц, основав-

[1] [Игра слов: grecs — значит греки, а также шулеры.]

ший свою резиденцию в самой Франции, возбуждает против себя все национальные страсти. Нападая на всеобщее избирательное право, он дает *всеобщий предлог* для новой революции, а революции нужен именно такой предлог. Всякий *частный* предлог разъединил бы фракции революционной лиги, выявил бы их частные различия. Но *всеобщий* предлог оглушает полуреволюционные классы, он позволяет им обманывать себя насчет *особенного характера* грядущей революции, насчет последствий их собственных поступков. Всякая революция нуждается в банкетном вопросе. Всеобщее избирательное право — вот банкетный вопрос новой революции.

Но, отказываясь от единственно возможной формы своей *соединенной власти*, от самой могучей и самой полной формы своего *классового господства*, от *конституционной республики*, и бросаясь назад, к низшей, неполной, более слабой, *монархической форме*, — соединенные буржуазные фракции сами себя осудили на поражение. Они напоминают того старика, который, желая вернуть себе юношескую свежесть, собрал свои детские платья и пытался напялить их на свои дряхлые члены. За их республикой была лишь та заслуга, что она была *парником для новой революции*.

Девизом 10-го марта 1850 г. было: Après moi le déluge! (После меня хоть потоп!).

К. МАРКС

ЛУИ-НАПОЛЕОН и ФУЛЬД

Наши читатели помнят, что в предыдущем номере [см. выше, стр. 68] мы говорили о том, как финансовая аристократия во Франции опять пришла к власти. Мы указывали по этому поводу на союз Луи-Наполеона и Фульда для проведения выгодных биржевых афер. Бросалось уже в глаза, что со времени вступления Фульда в министерство вдруг прекратились беспрестанные требования Луи-Наполеона денег от Законодательного собрания. Но со времени последних выборов обнаружились факты, которые проливают очень яркий свет на источники дохода президента Бонапарта. Приведем только один пример.

В нашем сообщении мы, главным образом, ссылаемся на «Patrie», благородный орган Union électorale, владелец которой, банкир Деламарр, сам является одним из виднейших парижских биржевых дельцов.

Вокруг выборов 10 марта была организована большая спекуляция à la hausse (на повышение). Господин Фульд стоял во главе интриги, первые друзья порядка принимали в этом участие, камарилья господина Бонапарта и он сам вложили в это дело большие суммы.

7 марта трехпроцентные бумаги поднялись на 5 сантимов, а пятипроцентные на 15 сантимов. «Patrie» сообщила о результате предварительного избрания друзей порядка. Но это повышение казалось, однако, слишком ничтожным нашим спекулянтам; надо было «поддать жару». И «Patrie» от 8 марта, вышедшая накануне вечером, в своем биржевом бюллетене говорит, что не может быть ни малейшего сомнения в победе партии порядка. «Мы не станем, конечно, отрицать сдержанность капиталистов; однако, если при каких-нибудь обстоятельствах недопустимо сомнение, то это именно в данном случае, после полученного на предварительных выборах результата», говорит она между прочим. Чтобы вполне оценить влияние биржевого бюллетеня и всего сообщения «Patrie» на биржу, надо знать, что она является действительным вестником теперешнего правительства и получает официальные сведения раньше «Вестника» («Moniteur»). Однако афера на этот раз не удалась.

8 марта становятся известными некоторые благоприятные для

красных вотумы армии, и тотчас же курс падает. Панический страх охватывает спекулянтов. В ход пускаются всякие средства. Биржевой бюллетень «Patrie» держится твердо. Все газеты Union électorale участвуют в кампании; некоторые неточности в не имеющих значения вотумах дебатируются с жаром; одна газета на видном месте помещает голосование одного полка, который избрал монархистов; наконец, республиканские газеты принуждены были привести несколько официальных опровержений, лживость которых обнаруживается через несколько дней.

Благодаря всем этим попыткам удалось 9 марта, при открытии биржи, добиться некоторого повышения государственных бумаг, которое, однако, продержалось недолго. Курс был довольно низок до $2^1/_4$ часов; с этого момента он все повышался до закрытия биржи. О причинах этой внезапной перемены разболтала сама «Patrie»: «Утверждают, что некоторые заинтересованные в повышениях спекулянты незадолго до закрытия биржи сделали значительные закупки, чтобы к моменту выборов поднять настроение в провинции и, благодаря охватившему провинцию доверию, вызвать новые закупки, которые должны содействовать еще большему повышению курса». Эта операция обошлась во много миллионов; успех ее заключался в том, что трехпроцентные бумаги увеличились в цене на 40 сантимов а пятипроценные на 60 сантимов.

Таким образом, ясно, что были спекулянты, которые были заинтересованы в повышении и которые поэтому в решающий момент произвели значительные закупки, чтобы вызвать новое повышение. Кто были эти спекулянты? На это отвечают факты.

11 марта на бирже произошло падение бумаг. Все попытки спекуляции оказались бессильными пред колеблющимися результатами выборов.

12 марта — новое значительное падение курса. так как результаты выборов уже почти известны и почти установлено, что три социалистических кандидата получили значительное большинство. Спекулянты à la hausse (на повышение) делают отчаянную попытку. «Patrie» и «Moniteur du Soir» публикуют, в виде официальных телеграмм, чисто вымышленные результаты выборов в провинции. Маневр удался. Вечером у Тортони наблюдалось маленькое повышение курса. Поэтому надо было еще «поддать жару». «Patrie» печатает следующее известие: «Согласно известным до сих пор результатам голосования, гражданин Дефлотт получил только большинство в 341 голос против гражданина Ж. Фуа. Этот результат голосования может еще измениться в пользу нашего кандидата, благодаря голосованию лег-

кой жандармерии (gendarmerie mobile). Утверждают, что правительство *завтра* предложит Собранию два закона, о печати и об избирательных собраниях, и потребует признания их спешности». Второе известие было неверно; только после долгих откладываний и продолжительных совещаний с главарями партии порядка и после перемены министерства правительство решилось предложить эти законы. Первое известие представляет еще более беззастенчивую ложь: в тот самый момент, когда оно было напечатано в «Patrie», правительство послало телеграфное сообщение в департаменты об избрании Дефлотта.

Но пока что афера удалась: бумаги поднялись на 1 фр. 35 сант., и господа спекулянты получили от 3 до 4 миллионов. Нельзя, конечно, осуждать «друзей собственности» за то, что они стараются в возможно большей мере завладеть своим фетишем в интересах порядка и общества.

В результате этой удачной dodge (проделки) господа спекулянты так обнаглели, что они тотчас же произвели в огромном масштабе новые закупки и этим побудили также к закупкам массу других капиталистов. Прибавка была так значительна, что даже самые умеренные барыши от этой сделки опять обсуждались на бирже. Но вот 15-го числа получился ошеломляющий удар — объявление Карно, Дефлотта и Видаля народными представителями. Курс вдруг стал неудержимо падать, и уже никакими лживыми известиями и телеграфными измышлениями нельзя было предотвратить поражения наших спекулянтов.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕСЯТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

ВОПРОС О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

Борцы за интересы трудящихся классов отвечали обыкновенно на аргументы фритредерской средней буржуазии, так называемой «манчестерской школы», одним лишь негодующим разоблачением безнравственного и бесстыдно своекорыстного характера ее теорий. Рабочий, стертый в порошок, раздавленный, физически надорванный и психически истощенный высокомерно-надменным классом сребролюбивых фабрикантов, — этот рабочий был бы, конечно, вполне достоин своей судьбы, если бы кровь не бросалась ему в голову всякий раз, когда ему хладнокровно заявляют, что он навеки обречен быть придатком к машине, быть безвольным рабом своего господина для вящшей славы и быстрейшего накопления капитала и что только при этом условии может быть обеспечено «могущество его страны» и дальнейшее существование самого рабочего класса. Если бы не это чувство страстного, революционного негодования, пришлось бы отказаться от всякой надежды на освобождение пролетариата. Но одно дело — поддерживать мужественное оппозиционное настроение среди рабочих, и другое — возражать их врагам в публичных спорах. Тут с одним негодованием, с одними излияниями возмущенного чувства, как бы законны они ни были, далеко не уедешь: тут нужны аргументы. И не подлежит ни малейшему сомнению, что даже в холодной теоретической дискуссии, даже в излюбленной ею области политической экономии, манчестерская школа может быть без труда побита защитниками пролетарских интересов.

Что касается нагло бесстыдного утверждения фритредерских промышленников, что существование современного общества зависит от того, смогут ли они и впредь создавать себе богатства из крови и пота трудящихся, то в этом пункте мы ограничимся двумя—тремя словами. Во все периоды истории огромное большинство народа служило, в той или другой форме, простым орудием для обогащения привилегированной кучки. Однако во все прошлые эпохи этот построенный на крови порядок прикрывался разными моральными, религиозными и политическими масками; священники, философы,

юристы и государственные деятели говорили народу, что он обречен на нищету и голод ради своего собственного блага и что так уж это устроено богом. Теперь же, наоборот, фритредеры дерзко заявляют: «Вы, трудящиеся, наши рабы и рабами останетесь, потому что только при этом условии мы можем увеличивать наше богатство и нашу роскошь, потому что мы, господствующий класс этой страны, не можем сохранить своего господства без вашего рабства». Стало быть, теперь тайна угнетения вышла, наконец, наружу; теперь, благодаря фритредерам, народ может, наконец, ясно осознать свое положение; теперь вопрос поставлен, наконец, прямо и недвусмысленно: *или мы, или вы!* И как фальшивому другу мы предпочитаем открытого врага, так и ханжески филантропическому аристократу мы предпочитаем меднолобого фритредера, лорду Эшли — квакера Брайта.

Билль о десятичасовом рабочем дне прошел после долгой и жестокой борьбы, тянувшейся до сорока лет в парламенте, в избирательных кампаниях, в печати, на каждой фабрике и на каждом заводе в промышленных районах. С одной стороны рисовали потрясающие картины: рассказывали о детях, задержанных в своем росте и медленно убиваемых; о матерях, оторванных от своих семей и малолетних детей; о заражении целых поколений хроническими болезнями; о распродаже оптом человеческой жизни и разрушении человеческого счастья в масштабе целой страны, — все ради обогащения ничтожной кучки лиц, и без того уже чрезмерно богатых. И в этом не было ни капли вымысла; все это были факты, упрямые факты. Тем не менее никто не решался потребовать уничтожения этого гнусного порядка; речь шла только о том, чтобы до некоторой степени ограничить его. А с противоположной стороны выступал холодный, бессердечный экономист, платный слуга тех, кто нагревал себе руки на этом порядке, и доказывал посредством цепи умозаключений, столь же неопровержимых и принудительных, как тройное правило, что под страхом «гибели страны» существующий порядок должен остаться неизменным.

Надо признать, что заступники фабричных рабочих совершенно не умели справляться с аргументами экономистов и даже очень редко решались пускаться в споры с ними. Объясняется это тем, что при существующем социальном строе, когда капитал сосредоточен в руках немногих, которым большинство вынуждено продавать свой труд, каждый из этих политико-экономических аргументов действительно является фактом, столь же неоспоримым, как факты, приводимые противной стороной. Да, при существующем социальном строе Англия, со всеми классами ее населения, целиком зависит

Neue

Rheinische Zeitung.

Politisch-ökonomische Revue,

redigirt von

Karl Marx.

1850.

Hamburg und New-York.

bei Schuberth & Co.

Abgeschnittene und beschmutzte Exemplare werden nicht zurückgenommen.

Обложка «Обозрения Новой рейнской газеты».

от процветания ее промышленников; а это процветание целиком зависит, при существующем строе, от ничем не ограниченной свободы торговли, от извлечения максимальной прибыли из всех ресурсов страны.

Да, единственное средство обеспечить этот вид промышленного процветания, от которого теперь зависит самое существование империи, заключается при нынешнем строе в том, чтобы с каждым годом увеличивать продукцию, сокращая издержки производства. А как увеличить продукцию, сокращая издержки? Для этого нужно, во-первых, заставлять орудие производства — машину и рабочего — работать в каждом следующем году больше, чем в предыдущем; во-вторых, заменять принятый до сих пор способ производства новым и лучшим, т. е. заменять людей усовершенствованными машинами; в-третьих, снижать стоимость рабочей силы, снижая стоимость ее содержания (свободная торговля хлебом и т. д.) или просто снижая заработную плату до предельно низкого уровня. Значит, во всех случаях теряет рабочий; значит, спасение Англии может быть куплено только ценою постепенной гибели ее рабочего населения! Таково положение, таков тупик, в который привели Англию успехи машинной техники, накопление капитала и вытекающая отсюда внутренняя и внешняя конкуренция.

Билль о десятичасовом рабочем дне, рассматриваемый сам по себе и как окончательная мера, был, таким образом, несомненно ложным шагом, нецелесообразным и даже реакционным мероприятием, носящим в себе зародыш своего собственного уничтожения. Он, с одной стороны, не уничтожает существующий социальный порядок, а, с другой, не благоприятствует его развитию. Вместо того, чтобы довести этот порядок до крайних пределов, до той точки, когда все ресурсы господствующего класса будут исчерпаны и когда переход господства к другому классу, когда социальная революция станет неизбежной, — вместо этого билль о десятичасовом рабочем дне поставил себе целью насильно вернуть общество к его прошлому состоянию, давно превзойденному современным строем. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на те группы, которые провели билль через парламент вопреки оппозиции фритредеров. Уж не трудящиеся ли добились этого закона своими волнениями и своим угрожающим настроением? Нет, конечно. Если бы это было так, рабочие давно уже могли бы завоевать себе хартию. К тому же те лица из рабочей среды, которые стали во главе движения за сокращение рабочего дня, были меньше всего страшными революционерами. Это были по большей части умеренные и респектабельные люди,

преданные церкви и престолу. Они держались в стороне от чартизма и склонялись в большинстве случаев к своего рода сантиментальному торизму. Они никогда не внушали страха ни одному правительству. Билль о десятичасовом рабочем дне был проведен представителями земледельцев и финансистов, колониальных и судоходных компаний, объединенными силами аристократии и тех частей буржуазии, которые сами боялись господства фритредерских промышленников. Провели ли они этот закон из сочувствия к народу? Нисколько. Они жили и живут грабежом народа. Они так же плохи, хотя менее наглы и более сантиментальны, чем промышленники. Но они не хотели уступить последним, и из ненависти к ним они провели закон, который должен был привлечь к ним народные симпатии и заодно приостановить быстрый рост социального и политического могущества промышленников. Принятие билля о десятичасовом рабочем дне доказало не силу рабочего класса, а только то, что промышленники были еще недостаточно сильны, чтобы действовать по своему усмотрению.

С тех пор промышленники фактически обеспечили себе господствующее положение, добившись парламентского признания фритредерских принципов в области хлебной торговли и мореплавания. Интересы землевладельцев и судоходных компаний были принесены в жертву их восходящей звезде. И чем сильней они становились, тем все больше тяготили их оковы десятичасового рабочего дня. Они стали открыто нарушать его; они восстановили систему смен, они заставили министра внутренних дел издавать циркуляры, предписывающие фабричным инспекторам игнорировать это нарушение закона; когда же, ввиду возрастающего спроса на их товары, требования некоторых докучливых инспекторов стали для них слишком несносны, они перенесли вопрос в Court of Exchequer, который одним росчерком пера целиком аннулировал действие закона о десятичасовом рабочем дне.

Так плоды сорокалетней агитации были уничтожены в один день благодаря возросшей силе промышленников, которым стоило только сослаться на «процветание» и «повышение спроса»; а английские судьи доказали, что они в такой же мере, как служители культа, казенные стряпчие, государственные деятели и экономисты, только платные слуги господствующего класса, будет ли то класс землевладельцев, финансистов или фабрикантов.

Значит ли это, что мы против закона о десятичасовом рабочем дне, что мы за сохранение этой отвратительной системы выкачивания денег из крови и пота женщин и детей? Нет, конечно. Мы не только не против, но мы думаем даже, что в первый же день своего

прихода к политической власти рабочий класс примет для охраны женского и детского труда еще гораздо более решительные меры, чем закон о десятичасовом или даже восьмичасовом рабочем дне. Но мы утверждаем, что билль, проведенный в 1847 г., был проведен не рабочими, а их временными союзниками, реакционными классами общества, и что, не будучи связан ни с какой дальнейшей мерой по коренной ломке отношений между капиталом и трудом, он явился несвоевременным, несостоятельным и даже реакционным шагом.

Но хотя десятичасовой рабочий день и потерян, все же рабочий класс останется победителем в этом деле. Пусть рабочие не смущаются минутным ликованием фабрикантов: в конечном счете они будут ликовать, а фабриканты будут плакать. И вот почему.

Во-первых. Время и усилия, тратившиеся столько лет на агитацию за десятичасовой рабочий день, не пропали даром, хотя их непосредственные результаты сведены на-нет. Трудящиеся нашли в этой агитации могущественное средство для ознакомления друг с другом, для уразумения своего социального положения и своих интересов, для самоорганизации и для осознания своей силы. Рабочий, прошедший через эту агитацию, уж не тот, каким он был до того; и весь рабочий класс в целом, пройдя через нее, сделался в сто раз более сильным, более просвещенным и лучше организованным, чем он был раньше. Он представлял собою собрание отдельных единиц, не знающих друг друга, не связанных никакими общими узами; теперь он стал могущественной и сознающей свою силу группой, которую уже признали четвертым сословием», а вскоре признают *первым*.

Во-вторых. Рабочий класс убедился на опыте, что *никакое прочное улучшение его участи не может быть достигнуто для него другими, но что он должен достигнуть его сам и прежде всего посредством завоевания политической власти*. Рабочие должны теперь понять, что *им никогда не будет обеспечено улучшение их социального положения, пока они не добьются всеобщего избирательного права*, которое даст им возможность провести *рабочее большинство* в палату общин. С этой точки зрения отмена закона о десятичасовом рабочем дне принесет огромную пользу демократическому движению.

В-третьих. Фактическая отмена закона 1847 г. вовлечет промышленников в такую лихорадку усиленного производства, что кризисы посыплются один за другим, так что очень скоро все средства и ресурсы современной системы будут исчерпаны и неизбежно разразится *революция*, которая перевернет общество еще гораздо радикальнее, чем революция 1793 и 1848 гг., и быстро приведет к политическому и социальному господству пролетариев. Мы уже

видели, что существующий социальный порядок покоится на господстве промышленных капиталистов и что это господство покоится в свою очередь на возможности непрерывного расширения производства, при одновременном снижении его издержек. Но это расширение производства имеет известный предел: оно не может выйти из рамок существующих рынков. Когда оно выходит из них, возникает кризис с последующим разорением, крахами и обнищанием. Мы пережили много таких кризисов, с которыми до сих пор справлялись благодаря открытию новых рынков (китайского в 1842 г.) или лучшему исследованию старых и посредством снижения издержек производства (напр., посредством введения свободной торговли хлебом). Но и это имеет свой предел. Новых рынков теперь уже не откроешь; а для дальнейшего снижения заработной платы остается только одно средство — радикальная финансовая реформа и сокращение налогов путем *аннулирования национального долга*. Побоятся ли фритредерские фабриканты пойти до конца по этому пути или же используют в конце концов эту единовременную меру, они все равно умрут от апоплексии. Ведь ясно, что без возможности дальнейшего расширения рынков, при системе, вынужденной расширять производство с каждым днем, *господству фабриканта наступает конец. Что же будет дальше?* «Всеобщая гибель и хаос», говорят фритредеры. — *Социальная революция и господство пролетариата*, — утверждаем мы.

Рабочие Англии! Если вас, ваших жен и детей снова ждет капкан тринадцатичасового рабочего дня, не приходите в отчаяние. Эту чашу нужно испить, как она ни горька. Чем скорее вы пройдете через это, тем лучше. Ваши надменные хозяева, будьте в этом уверены, сами вырыли себе могилу своей «победой» над вами. Фактическая отмена десятичасового рабочего дня значительно ускорит наступление часа вашего избавления. Ваши братья, французские и немецкие рабочие, никогда не довольствовались законами о десятичасовом рабочем дне. Они добиваются *полного освобождения от тирании капитала*. И вы, которые в смысле машин, трудовой квалификации и сравнительной численности располагаете еще гораздо большими средствами, чтобы добиться своего избавления и производить достаточное количество благ для всех вас, — *вы, конечно, тоже не удовлетворитесь мелкими подачками*. Не требуйте же дольше «охраны труда», но смело приступайте к немедленной борьбе за *политическое и социальное господство пролетариата, которое даст вам возможность охранять самим свой труд*.

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

Английские рабочие потерпели тяжелое поражение, притом с той стороны, с которой они менее всего этого ожидали. Court of Exchequer, один из четырех верховных судов Англии, несколько недель тому назад вынес решение, которым фактически отменяются главные постановления изданного в 1847 г. билля о десятичасовом рабочем дне.

История билля о десятичасовом рабочем дне представляет блестящий пример своеобразного способа развития классовых противоречий в Англии и заслуживает поэтому особенного внимания.

Известно, как с возникновением крупной промышленности началась совершенно новая, безграничная и беззастенчивая эксплоатация рабочего класса фабрикантами. Новые машины сделали излишней работу взрослых мужчин; для присмотра за машинами требовались женщины и дети, которые были гораздо более пригодны для этого и вместе с тем обходились дешевле мужчин. Промышленная эксплоатация, таким образом, тотчас же завладела всей семьей рабочего и заперла ее на фабрике; женщины и дети должны были беспрерывно работать день и ночь, пока они не падали от физического истощения. Дети бедняков из работных домов (workhouses) при росте спроса на детей стали настоящим предметом торговли. Начиная с четырех- и даже трехлетнего возраста, их десятками продавали с торгов, под видом заключения договоров об обучении, тем фабрикантам, которые больше давали. Воспоминание об этой беззастенчивой и жестокой эксплоатации детей и женщин, которая не прекращалась до тех пор, пока у них оставалась еще капля крови в жилах, пока еще действовали у них мускулы, — воспоминание это до сих пор живо среди старшего поколения рабочих Англии, и некоторые из них сохранили это воспоминание в виде искривления позвоночника или изувеченных членов. Все они получили в наследство от того времени окончательно расстроенное здоровье. Судьба рабов на американских плантациях была еще счастьем в сравнении с судьбой английских рабочих того времени.

Уже довольно рано государство должно было принять меры для обуздания совершенно ни пред чем не останавливающейся эксплоатации со стороны фабрикантов, попиравших ногами все требования цивилизованного общества. Эти первые законодательные ограничения были, тем не менее, в высшей степени неудовлетворительны, и их вскоре стали обходить. Только пятьдесят лет спустя после введения крупной промышленности, когда промышленное развитие вошло в постоянное русло, только в 1833 г. стало возможно провести действительный закон, сдерживавший по крайней мере наиболее вопиющие эксцессы.

Уже с начала этого столетия под руководством нескольких филантропов образовалась партия, требовавшая законодательного ограничения рабочего времени десятью часами в день. Эта партия, которая в двадцатых годах вела свою агитацию под руководством Садлера, а после его смерти — лорда Эшли и Р. Остлера, продолжала ее до действительного проведения билля о десятичасовом рабочем дне и постепенно объединила под своим знаменем, кроме самих рабочих, аристократию и все враждебные фабрикантам фракции буржуазии. Эта коалиция рабочих с самыми разнородными и реакционными элементами английского общества привела к тому, что агитация за десятичасовой рабочий день велась совершенно вне революционной рабочей агитации. Хотя чартисты все до одного были за билль о десятичасовом рабочем дне; хотя они составляли подавляющее большинство участников всех митингов по поводу десятичасового рабочего дня; хотя они предоставляли свою прессу в распоряжение комитета десятичасового рабочего дня, — но ни один чартист не агитировал официально вместе с аристократическими и буржуазными сторонниками десятичасового рабочего дня и не заседал в комитете десятичасового рабочего дня (Short-time Committee) в Манчестере. Этот комитет состоял исключительно из фабричных рабочих и фабричных мастеров, но рабочие, входившие в состав его, были совершенно разбитыми, надломленными от непосильного труда, тихими, богобоязненными и почтенными людьми, питавшими благочестивое отвращение к чартизму и социализму, относившимися с подобающим почтением к престолу и к церкви и слишком утомленными, чтобы ненавидеть буржуазию; они только способны были к подобострастному почитанию аристократии, которая, по крайней мере, снизошла до интереса к их нужде. Рабочий торизм этих сторонников десятичасового рабочего дня был еще отзвуком первой оппозиции рабочих против промышленного прогресса, которая старалась восстановить старое патриархальное со-

стояние; проявление ими энергии и жизни не шло дальше разрушения машин. Так же реакционны, как эти рабочие, были буржуазные и аристократические главари партии десятичасового рабочего дня. Они все без исключения были сантиментальными ториями, по большей части мечтательными идеологами, которые жили воспоминаниями о погибшей патриархальной, скрытой эксплоатации, с сопутствующими ей благочестием, семейными инстинктами, добродетелью и ограниченностью, с прочным, унаследованным, традиционным состоянием. Их маленькие головы охватывало головокружение при одном виде водоворота промышленной революции. Их мелкобуржуазная душа возмущалась новыми, как бы по волшебству выросшими производительными силами, которые в несколько лет смели с лица земли самые почтенные, неприкосновенные, важнейшие классы прежнего общества и заменили их новыми, до того не известными классами,—классами, интересы, симпатии, весь образ жизни и мыслей которых находились в резком противоречии с учреждениями старого английского общества. Эти мягкосердечные идеологи не упускали случая протестовать с точки зрения морали, гуманности и сострадания против беспощадной жестокости и черствости, с какой совершался процесс революционизирования общества, противопоставляя ему прочность, мирное благополучие и благонравие исчезающего патриархального строя.

К этим элементам присоединились в то время, когда вопрос о десятичасовом рабочем дне стал привлекать к себе общее внимание, все те фракции общества, интересы которых были задеты промышленным переворотом, угрожавшим их существованию. Банкиры, биржевики, судовладельцы и купцы, земельная аристократия, крупные вест-индские землевладельцы, мелкая буржуазия,—все они тогда все более и более объединялись под руководством агитаторов в пользу десятичасового рабочего дня.

Билль о десятичасовом рабочем дне представлял прекрасную почву для объединения этих реакционных классов и фракций с пролетариатом против промышленной буржуазии. Значительно стесняя быстрый рост богатства, влияния, общественной и политической власти фабрикантов, он доставлял рабочим только материальные, даже исключительно физические выгоды. Он ограждал их от слишком быстрого разрушения их здоровья. Но он не давал им ничего, чем они могли бы стать опасными для своих реакционных союзников. Он не давал им политической власти и не изменял их общественного положения как наемных рабочих. Наоборот, агитация в пользу десятичасового дня постоянно держала рабочих под влиянием и

отчасти даже под руководством этих имущих союзников, из-под которого они, со времени билля о реформе и возникновения чартистской агитации, стремились уйти. Было совершенно естественно, в особенности в начале промышленного переворота, что рабочие, которые вели непосредственную борьбу только с промышленной буржуазией, соединялись с аристократией и другими фракциями буржуазии, не эксплоатировавшими их непосредственно и точно так же боровшимися против промышленной буржуазии. Но этот союз фальсифицировал рабочее движение сильной реакционной примесью, которая исчезла только постепенно; он значительно усиливал реакционный элемент рабочего движения, так как давал перевес тем рабочим, труд которых еще относился к эпохе мануфактуры и которым также угрожал промышленный прогресс, как, например, ручным ткачам.

Поэтому для рабочих было счастьем, что в ту смутную эпоху 1847 г., когда все старые парламентские партии разложились, а новые еще не сформировались, прошел, наконец, билль о десятичасовом рабочем дне. Он прошел в целом ряде беспорядочных, очевидно чисто случайных голосований, когда, за исключением завзятых фритредерских фабрикантов, с одной стороны, и чрезмерно протекционистских землевладельцев — с другой, ни одна партия не голосовала единодушно и последовательно. Он прошел в виде отместки со стороны аристократии, части пилитов и вигов за одержанную фабрикантами отменой хлебных законов крупную победу.

Билль о десятичасовом рабочем дне дал рабочим не только удовлетворение необходимых физических потребностей, до некоторой степени ограждая их здоровье от бешеной эксплоатации фабрикантов, — он освободил рабочих также от сообщества сантиментальных мечтателей, от солидарности со всеми реакционными классами Англии. Патриархальная болтовня Остлеров, трогательные уверения в сочувствии лорда Эшли не находили больше слушателей, с тех пор как билль о десятичасовом рабочем дне перестал быть центральным содержанием этих тирад. Рабочее движение только теперь начало концентрироваться на достижении пролетариатом политической власти, как первого средства преобразования всего существующего общества. А в этом вопросе аристократия и реакционные фракции буржуазии, недавние союзники рабочих, были их заклятыми врагами, являясь в этом отношении союзниками промышленной буржуазии.

Вследствие индустриальной революции промышленность, благодаря которой Англия завоевала мировой рынок и держала его

в своих руках, стала решающей отраслью производства для Англии. Благосостояние Англии всецело зависело от ее промышленности: оно подымалось и падало вместе с ее колебаниями. Благодаря решающему влиянию индустрии промышленная буржуазия, фабриканты, стала решающим классом в английском обществе; политическое господство промышленников, устранение всех общественных и политических учреждений, мешавших развитию крупной промышленности, стали необходимостью. Промышленная буржуазия приступила к делу, — история Англии, начиная с 1830 года до наших дней, есть история побед, которые эта буржуазия одну за другой одерживала над своими объединенными реакционными противниками.

Между тем как во Франции июльская революция привела к господству финансовой аристократии, в Англии билль о парламентской реформе, прошедший вскоре после того, в 1832 г., привел как раз к падению финансовой аристократии. Банк, национальные кредиторы и биржевые спекулянты, одним словом торговцы деньгами, которым аристократия сильно задолжала, до того времени под пестрым покровом избирательной монополии почти безраздельно властвовали над Англией. Чем дальше шло развитие крупной промышленности и мировой торговли, тем невыносимее становилось, несмотря на отдельные уступки, их господство. Союз всех остальных фракций буржуазии с английским пролетариатом и ирландскими крестьянами привел к падению финансовых групп. Народ угрожал революцией, буржуазия массами возвращала банку его билеты и привела его на край банкротства. Финансовая аристократия во-время уступила; ее уступчивость избавила Англию от февральской революции.

Билль о реформе дал всем имущим классам страны, вплоть до самого мелкого лавочника, возможность принимать участие во власти. Эти фракции буржуазии получили законную почву, где они могли предъявлять свои требования и проявлять свою власть. Та же самая борьба между отдельными фракциями буржуазии, которая ведется во Франции при республике со времени июньской победы 1848 г., в Англии со времени билля о реформе ведется в парламенте. Само собою разумеется, что при совершенно различных условиях и результаты в обеих странах совершенно различны.

Однажды завоевав себе почву для парламентской борьбы посредством билля о реформе, промышленная буржуазия должна была одерживать одну победу за другой. Ограничением синекур ей были принесены в жертву аристократические прихвостни финансистов;

законом о бедных 1833 г. — пауперы; понижением тарифа и введением подоходного налога — свобода финансистов и землевладельцев от налогов. С победами промышленников стало расти число их вассалов. Крупная и мелкая торговля стали платить им дань. Лондон и Ливерпуль подчинились свободной торговле, этому Мессии промышленников. Но вместе с их победами стали расти их потребности, их претензии.

Современная крупная промышленность может существовать только при условии постоянного расширения, постоянного завоевания новых рынков. К этому принуждает ее бесконечная легкость самого массового производства, беспрестанное дальнейшее развитие и создание машин и обусловленное этим беспрерывное вытеснение капиталов и рабочей силы. Здесь всякий застой является только началом разорения. Но расширение промышленности обусловлено расширением рынков. А так как промышленность на современной ступени своего развития несравненно быстрее увеличивает свои производительные силы, нежели она в состоянии расширять свои рынки, то возникают те периодические кризисы, во время которых, благодаря излишку средств производства и продуктов, в коммерческом организме вдруг останавливается обращение и промышленность и торговля почти совершенно приостанавливаются до тех пор, пока избыток продуктов не разойдется по новым каналам. Англия составляет центр этих кризисов, парализующее влияние которых неминуемо достигает самых отдаленных, самых глухих уголков мирового рынка и везде ведет к разорению значительной части промышленной и коммерческой буржуазии. От таких кризисов, которые, впрочем, самым очевидным образом показывают всем частям английского общества их зависимость от фабрикантов, есть только одно средство спасения: расширение сбыта либо посредством завоевания новых рынков, либо посредством более основательной эксплоатации старых. Кроме тех немногих исключительных случаев, в которых, как в 1842 г. в Китае, силою оружия был открыт упорно остававшийся до того времени замкнутым рынок, есть только одно средство промышленным путем открывать себе новые рынки и основательнее эксплоатировать старые: удешевление цен, т. е. уменьшение издержек производства. Но издержки производства могут быть уменьшены посредством новых, более совершенных способов производства, посредством уменьшения прибыли или посредством уменьшения заработной платы. Введение более усовершенствованных способов производства не может спасти от кризиса, потому что оно увеличивает производство и таким образом само вызывает необходимость

в новых рынках. О понижении прибыли во время кризиса не может быть речи, так как каждый рад продавать даже в убыток. Точно так же обстоит дело с заработной платой, которая к тому же, подобно прибыли, определяется законами, не зависящими от воли и намерений фабрикантов. И все же заработная плата составляет главную составную часть издержек производства, и ее постоянное понижение является единственным средством расширения рынков и предотвращения кризиса. Но заработная плата может падать лишь с удешевлением средств существования рабочего. А стоимость средств существования рабочего в Англии была увеличена покровительственными пошлинами на хлеб, на английские колониальные продукты и т. д. и косвенными налогами.

Этим объясняется упорная и сильная всеобщая агитация промышленников в пользу свободы торговли и в особенности в пользу отмены хлебных пошлин. Этим объясняется тот замечательный факт, что с 1842 г. каждый торговый и промышленный кризис приносил им новую победу. Отменой хлебных пошлин им были принесены в жертву английские землевладельцы, отменой диференциальных пошлин на сахар и т. д. — землевладельцы в колониях, отменой законов о судоходстве — судовладельцы. В данный момент они ведут агитацию за ограничение государственных расходов и уменьшение налогов, а также за предоставление избирательного права той части рабочих, которая является наиболее благонадежною. Они хотят привлечь в парламент новых союзников, чтобы скорее завоевать себе политическую власть, так как только с ее помощью они могут покончить с потерявшими всякий смысл, но очень дорого стоящими традиционными придатками английской государственной машины, с аристократией, церковью, синекурами, полуфеодальной юриспруденцией. Не подлежит сомнению, что предстоящий именно теперь, в недалеком будущем новый торговый кризис, который по всем видимостям совпадет с новыми крупными коллизиями на континенте, приведет, по крайней мере, к такого рода прогрессу в развитии Англии.

Но реакционным фракциям удалось навязать промышленной буржуазии, среди ее беспрерывных побед, оковы билля о десятичасовом рабочем дне. Билль этот прошел в такой момент, который не был ни моментом благосостояния, ни моментом кризиса, в одну из тех эпох, когда промышленность еще сильно страдала от последствий перепроизводства и могла привести в движение только часть своих ресурсов, в одну из таких эпох, когда фабриканты сами не работали полное время. Лишь в такой момент, когда билль о десятичасовом

рабочем дне ограничивал конкуренцию между самими фабрикантами, лишь в такой момент он был приемлем. Но этот момент скоро уступил место новому периоду благосостояния. Опустевшие рынки требовали нового подвоза; спекуляция опять поднялась и удвоила спрос; у фабрикантов нехватало рабочих рук. Теперь билль о десятичасовом рабочем дне для них, более чем когда-либо нуждавшихся в полной независимости и возможности неограниченно распоряжаться всеми ресурсами промышленности, превратился в нестерпимые оковы. Что сталось бы с промышленниками во время следующего кризиса, если бы им не позволили изо всех сил эксплоатировать короткий период благосостояния? Билль о десятичасовом рабочем дне должен был пасть. Если в распоряжении промышленников не было достаточной силы, чтобы отменить его в парламенте, надо было постараться его обойти.

Билль о десятичасовом рабочем дне ограничивал рабочее время подростков моложе 18 лет и женщин десятью часами в день. Так как женщины, подростки и дети составляют бо̀льшую часть работающих на фабриках, то необходимым результатом этого было то, что фабрики вообще могли работать только десять часов в сутки. Но когда период благосостояния вызвал необходимость увеличить число часов труда, фабриканты нашли выход. Как это делалось раньше, когда речь шла о детях моложе 14 лет, рабочее время которых еще более ограничено, они наняли несколько лишних женщин и подростков для помощи и для смены. Таким образом они могли заставить работать свои фабрики и своих взрослых рабочих тринадцать, четырнадцать, пятнадцать часов, причем никто из тех, которые подчинены закону о десятичасовом рабочем дне, не работал больше десяти часов в день. Но это противоречило отчасти букве и целиком самому духу закона и намерению законодателя. Фабричные инспектора жаловались, среди мировых судей не было единства, и они выносили противоречивые решения. Чем больше росло благосостояние, тем громче протестовали промышленники против билля о десятичасовом рабочем дне и против вмешательства фабричных инспекторов. Министр внутренних дел, сэр Дж. Грэй, отдал инспекторам приказ терпимо относиться к системе смен (relay или shift system). Но многие из них, опираясь на закон, не считались с этим. Наконец, один особенно показательный случай был доведен до Court of Exchequer, и последний высказался в пользу фабрикантов. Этим решением десятичасовой день фактически был отменен, и фабриканты опять стали полными господами своих фабрик. Во время кризисов они могут работать два, три или шесть часов, во время же подъема — тринадцать и даже

пятнадцать часов, и фабричный инспектор не имеет больше права вмешиваться.

Если билль о десятичасовом рабочем дне защищали главным образом реакционеры (а проведен он был только реакционными классами), то теперь мы видим, что при том способе, каким он применялся, он является решительно реакционной мерой.

Все общественное развитие Англии связано с развитием и прогрессом промышленности. Все учреждения, которые мешают этому прогрессу, которые хотят его ограничить или регулировать вне его лежащими мерами и распоряжаться им, реакционны, несостоятельны и должны быть уничтожены. Революционная сила, которая так легко справилась со всем патриархальным обществом старой Англии, с аристократией и финансовой буржуазией, конечно, не даст уложить себя в прокрустово ложе билля о десятичасовом рабочем дне. Все попытки лорда Эшли и его товарищей восстановить отмененный билль аутентичным толкованием останутся бесплодными или в самом благоприятном случае будут иметь лишь эфемерный, кажущийся результат.

И все же для рабочих билль о десятичасовом рабочем дне необходим. Он составляет для них физическую потребность. Без билля о десятичасовом рабочем дне все английское молодое рабочее поколение физически погибнет. Но существует громадная разница между биллем о десятичасовом рабочем дне, которого в настоящее время требуют рабочие, и тем, который пропагандировали Садлер, Остлер и Эшли. Рабочие из недолговечности билля, из его легкого уничтожения, — достаточно было для этого простого судебного решения, не понадобилось даже парламентского акта для отмены его, — из позднейшего выступления своих прежних реакционных союзников узнали, какую цену имеет союз с реакцией. Они узнали, какую пользу может для них иметь проведение отдельных мелких мер против промышленной буржуазии. Они узнали, что промышленная буржуазия является пока тем единственным классом, который в состоянии в настоящий момент стать во главе движения, и что было бы бесцельно противодействовать ей в выполнении ее прогрессивной миссии. Вот почему, несмотря на их прямую и ни на единый момент не утихнувшую вражду к промышленникам, рабочие теперь гораздо более склонны поддерживать их в их агитации за полное проведение свободы торговли, финансовой реформы и за расширение избирательного права, чем опять дать заманить себя филантропическим обманом под знамя объединенных реакционеров. Они чувствуют, что их час придет лишь тогда, когда промышленники сыграют

свою роль, и поэтому верный инстинкт подсказывает им ускорить тот процесс развития, который должен дать промышленникам власть и тем самым подготовить их падение. Но из-за этого они не забывают, что они в лице промышленников содействуют господству своих заклятых и прямых врагов и что они могут достигнуть своего собственного освобождения только путем низвержения промышленников, завоевания политической власти для самих себя. Отмена билля о десятичасовом рабочем дне еще раз самым блестящим образом доказала им это. Восстановление этого билля теперь имеет еще смысл только при господстве всеобщего избирательного права, а всеобщее избирательное право в населенной на две трети промышленными пролетариями Англии является исключительным политическим господством рабочего класса со всеми неразрывно с этим связанными революционными переменами в общественном отношении. Билль о десятичасовом рабочем дне, которого в настоящее время добиваются рабочие, поэтому существенно отличается от только что отмененного Court of Exchequer. Это уже не отдельная попытка парализовать промышленное развитие, это одно из звеньев в длинной цепи мер, которые совершенно изменят физиономию общества и постепенно уничтожат прежние классовые противоречия; это не реакционная, а революционная мера.

Фактическая отмена билля о десятичасовом рабочем дне сперва самими фабрикантами на свой собственный страх и риск, а затем через Court of Exchequer прежде всего содействовала сокращению периода благосостояния и ускорению наступления кризиса. Но то, что ускоряет кризисы, ускоряет в то же самое время ход развития английского общества и его ближайшую цель — низвержение промышленной буржуазии промышленным пролетариатом. Средства, которыми располагают промышленники для расширения рынков и для устранения кризисов, очень ограниченны. Кобденское сокращение государственных расходов либо представляет простую болтовню вигов, либо же оно равносильно настоящей революции, даже если оно и может принести временное облегчение. А если оно будет произведено самым широким, самым революционным способом, — поскольку английские промышленники могут быть революционерами, — то как предотвратить следующий кризис? Очевидно, что английские промышленники, средства производства которых обладают несравненно большей силой расширения, чем их рынки сбыта, быстрыми шагами приближаются к тому моменту, когда их средства будут истощены, когда период благосостояния, который теперь еще отделяет один кризис от следующего, под давлением непомерно возрос-

ших производительных сил совершенно исчезнет, когда кризисы будут отделяться друг от друга только короткими периодами оживления слабой, полузастывшей промышленной деятельности и когда промышленность, торговля и все современное общество должны были бы погибнуть от избытка не находящей применения жизненной энергии, с одной стороны, и от совершенного истощения — с другой, если бы это ненормальное состояние не носило в себе своего собственного средства исцеления и если бы промышленное развитие не вызывало в то же время к жизни тот класс, который один только и сможет взять на себя руководительство обществом, — пролетариат. Пролетарская революция тогда будет неизбежна, а победа ее несомненна.

Таково правильное, нормальное развитие событий, как оно с неотвратимой необходимостью вытекает из всего современного общественного положения Англии. Насколько это нормальное развитие может быть сокращено континентальными коллизиями и революционными переворотами в Англии, покажет ближайшее будущее.

А билль о десятичасовом рабочем дне?

С того момента, как границы мирового рынка становятся слишком тесными для полного развития всех ресурсов современной промышленности, когда ей необходима общественная революция, чтобы силы ее могли свободно развернуться, — с того момента ограничение рабочего времени не является уже реакционным, оно уже не является стеснением развития промышленности. Оно, наоборот, устанавливается само собой. Первым результатом пролетарской революции в Англии будет централизация крупной промышленности в руках государства, т. е. господствующего пролетариата, а с централизацией промышленности отпадают все условия конкуренции, которые в настоящее время ведут к конфликту между регулированием рабочего времени и прогрессом промышленности. И, таким образом, единственное разрешение вопроса о десятичасовом рабочем дне, как и всех вопросов, основанных на противоречиях между капиталом и наемным трудом, лежит в пролетарской революции.

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала характеры, которые можно поставить рядом с лучшими революционерами других стран, когда немецкий народ развивал такую энергию и выдержку, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда немецкие крестьяне и плебеи носились с идеями и планами, которые довольно часто приводили в содрогание и ужас их противников.

В противовес временному утомлению, наступившему почти повсюду после двух лет борьбы, своевременно поэтому снова показать немецкому народу плохо скроенные, но крепкие и сильные фигуры великой крестьянской войны. С того времени протекло три столетия, и многое изменилось; и все же крестьянская война вовсе не так далека от современной борьбы, и противники, с которыми приходится вести борьбу, большею частью остались теми же самыми. Те классы и части классов, которые всюду предавали революцию в 1848 и 1849 гг., мы встречаем в качестве предателей уже в 1525 г., хотя и на более низкой ступени развития. И если грубый вандализм крестьянской войны проявился в движении последних лет лишь местами, в Оденвальде, Шварцвальде и Силезии, то это отнюдь не является преимуществом современного восстания.

I.

Рассмотрим сначала в кратких чертах положение Германии в начале XVI столетия.

В XIV и XV веках немецкая промышленность переживала значительный подъем. Место феодальной, сельской местной промышленности заняло городское цеховое ремесло, производившее на более широкие круги потребителей и даже на отдаленные рынки. Изготовление грубых шерстяных сукон и полотна становится постоянной, широко распространенной отраслью промышленности, а в Аугсбурге производятся даже более тонкие шерстяные и льняные ткани, а также и шелковые материи. Наряду с ткачеством широкое развитие

получает и та соприкасающаяся с искусством отрасль промышленности, которую питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: производство золотых и серебряных изделий, скульптура, резьба по дереву, медная и деревянная гравюра, оружейное дело, изготовление медалей, токарное производство и т. д. Подъему ремесла оказал значительное содействие ряд более или менее важных изобретений, наиболее блестящими из которых является изобретение пороха и книгопечатания. Рука об руку с промышленностью развивалась и торговля. Благодаря своей вековой морской монополии, Ганза вывела из состояния средневекового варварства всю северную Германию, и если с конца XV века она начала быстро приходить в упадок вследствие конкуренции англичан и голландцев, то все же великий торговый путь из Индии на север проходил еще, несмотря на открытия Васко-да-Гама, через Германию, и Аугсбург попрежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта. Верхне-немецкие города, в особенности Аугсбург и Нюрнберг, являлись средоточиями весьма значительного для того времени богатства и роскоши. Добыча сырья также возросла весьма значительно. Немецкие рудокопы являлись в XV веке самыми искусными в мире, и земледелие также вышло, благодаря расцвету городов, из своего примитивного средневекового состояния. Были распаханы обширные пространства нови, начали возделывать красильные травы и другие ввезенные из чужих стран растения, более тщательная культура которых оказала благотворное влияние и на земледелие в целом.

Однако подъем национального производства Германии все еще отставал от развития производства других стран. Немецкое земледелие значительно уступало английскому и нидерландскому; немецкая промышленность стояла гораздо ниже итальянской, фламандской и английской, а в морской торговле англичане и особенно голландцы начали все более и более вытеснять немцев. Население все еще оставалось очень редким. Цивилизация в Германии существовала лишь спорадически, сосредоточиваясь вокруг единичных промышленных и торговых центров; интересы даже этих единичных центров далеко расходились, имея лишь немногочисленные точки соприкосновения. Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не было обмена. Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым средоточием страны, каким для Англии был уже Лондон. Все внутренние сношения ограничивались почти исключительно береговым и речным судоходством и несколькими большими сухопутными торговыми дорогами, которые

вели от Аугсбурга и Нюрнберга через Кельн в Нидерланды и через Эрфурт на север. В стороне от рек и торговых дорог лежало множество более мелких городов, которые, не принимая участия в обмене, продолжали спокойно прозябать в условиях позднего средневековья, не нуждаясь в большом количестве чужих товаров и мало работая на вывоз. Из сельского населения лишь дворянство входило в соприкосновение с более широкими кругами и новыми потребностями. Крестьянская же масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений, и потому ее интересы ограничивались узким местным горизонтом. В то время как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности привело к сцеплению интересов всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг местных центров и поэтому к политической раздробленности, раздробленности, которая вскоре должна была окончательно закрепиться, благодаря выключению Германии из мировой торговли. По мере того как распадалась чисто феодальная империя, стала разрываться и связь между отдельными частями империи; крупные имперские владетели стали превращаться в почти независимых государей, а имперские города, с одной стороны, и имперские рыцари, с другой, начали заключать союзы то друг против друга, то против князей или императора. Имперское правительство, само не понимавшее своего положения, беспомощно колебалось между различными элементами, составлявшими империю, все более теряя при этом свой авторитет; его попытка централизовать государство в стиле Людовика XI не пошла, несмотря на все интриги и насилия, дальше укрепления связи между австрийскими наследственными землями. Если в этой путанице, в этих бесчисленных взаимно перекрещивающихся столкновениях кто-нибудь в конечном счете выиграл и должен был выиграть, то это были представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации, *князья*, рядом с которыми сам император все более и более становился таким же князем, как и все остальные.

В этих условиях положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось, и рядом со старыми классами образовались новые.

Из среды высшей знати выделились *князья*. Они были уже почти независимыми от императора и обладали большею частью верховных прав. Они на свой собственный страх вели войны и заключали мир, держали постоянное войско, созывали ландтаги, назначали налоги. Значительная часть низшего дворянства и городов была уже

подчинена их власти, и они не переставали употреблять все средства к тому, чтобы присоединить к своим владениям все остальные города и баронства, еще сохранившие свою непосредственную связь с империей. По отношению к этим последним они вели централизующую политику в такой же мере, в какой они стояли на враждебной централизму точке зрения в своих отношениях к имперским властям. Во внутренних делах их правление отличалось уже очень значительным произволом. Они созывали сословия большею частью лишь тогда, когда они не могли найти другого выхода. Они вводили налоги и собирали деньги, когда им это было угодно; право сословий разрешать налоги редко признавалось и еще реже осуществлялось на деле. И даже тогда князь получал обычно большинство при помощи двух свободных от налогов, но принимавших участие в их потреблении сословий, рыцарства и духовенства. Потребность князей в деньгах росла вместе с развитием роскоши, ростом придворной жизни, появлением постоянного войска и все увеличивающимися расходами по управлению. Налоги становились все более тяжелыми. Города были в большинстве случаев защищены от их гнета своими привилегиями, и вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьянство как на домениальных крестьян самих князей, так и на крепостных и зависимых крестьян обязанных ленною службою рыцарей. Там, где недостаточно было прямого обложения, выступало на сцену косвенное; чтобы заполнить дырявый фиск, применялись самые утонченные маневры финансового искусства. Если же все это не помогало, если уже нечего было закладывать и ни один вольный имперский город не давал более в долг, прибегали к монетным операциям самого сомнительного свойства: чеканили плохие деньги, устанавливали то высокие, то низкие принудительные курсы, в зависимости от того, как было выгоднее казне. Торговля городскими и всякими иными привилегиями, которые потом насильственно отнимали, чтобы снова продать их за дорогую цену, использование всякой попытки оппозиции в целях взыскания контрибуций и всякого рода грабежей и т. д. и т. д. также представляли из себя весьма прибыльные и повседневные источники дохода для князей того времени. Весьма немаловажным и постоянным предметом торговли было в руках князей и правосудие. Словом, подданным того времени, которые сверх того должны были удовлетворять еще и частную алчность княжеских фогтов и чиновников, полностью приходилось вкушать все прелести «отеческой» системы управления.

Из феодальной иерархии средневековья среднее дворянство

исчезло почти совершенно; одна его часть возвысилась до положения независимых мелких князей, другая — опустилась в ряды низшего дворянства. *Низшее дворянство*, *рыцарство*, быстрыми шагами шло навстречу своей гибели. Значительная часть его совершенно разорилась и жила службой у князей, занимая военные или гражданские должности; другая часть находилась в ленной зависимости и подчинении у князей; наконец, третья, самая маленькая, была непосредственно подчинена имперским властям. Развитие военного дела, возрастающее значение пехоты, усовершенствование огнестрельного оружия подорвали важность военной службы рыцарей в качестве тяжеловооруженной кавалерии и в то же время уничтожили неприступность их замков. Прогресс промышленности сделал рыцарей ненужными в той же мере, как и нюрнбергских ремесленников. Потребность рыцарства в деньгах оказала значительное содействие его разорению и гибели. Роскошь в замках, соперничание в великолепии во время турниров и празднеств, цены на оружие и коней росли вместе с прогрессом цивилизации, в то время как источники дохода рыцарей и баронов увеличивались в очень малой степени или даже оставались неизменными. Распри феодалов с их обязательными грабежами и контрибуциями, разбои на больших дорогах и другие подобные же благородные занятия становились современем слишком опасным делом. Взносы и повинности зависимого населения едва ли давали больший доход, чем прежде. Чтобы удовлетворить свои возрастающие потребности, благородные рыцари должны были обращаться к тем же средствам, как и князья. Эксплоатация крестьянства дворянством с каждым годом возрастала все более и более. Из крепостных высасывалась последняя капля крови, зависимых людей облагали новыми взносами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщины, чинши, оброки, пошлины с продажи земель, пошлины, взимавшиеся после смерти держателей, и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные соглашения. В суде отказывали, или он был продажным, а если рыцарь не мог получить деньги от крестьянина никакими другими способами, то он просто бросал его в тюрьму и требовал от него выкупа.

Отношения низшего дворянства к другим сословиям также не отличались дружественным характером. Дворянство, обязанное ленной службой князьям, стремилось освободиться от нее; имперское рыцарство старалось сохранить свою независимость; отсюда непрерывные столкновения с князьями. Сильно распухшее в те времена духовенство казалось рыцарю совершенно лишним сословием, и он завидовал его обширным имениям и собранным, благодаря безбрачию

и церковной организации, богатствам. С городами он жил в вечных раздорах; он находился в сильной задолженности у них, кормился грабежом их территорий, ограблением их купцов, получением выкупа с пленников, взятых в войнах с ними. И борьба рыцарства со всеми этими сословиями становилась тем более ожесточенной, чем более денежный вопрос и для него становился вопросом жизни и смерти.

Духовенство, являвшееся представителем идеологии средневекового феодализма, не менее чувствовало на себе влияние исторического перелома. Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишили его монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование. Разделение труда наступило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов вытеснило духовенство из ряда влиятельных должностей. Оно также начало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своею все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами.

Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. Духовная феодальная иерархия составляла *аристократический класс:* епископов, архиепископов, аббатов, приоров и прочих прелатов. Эти высокие сановники церкви или сами были имперскими князьями, или владели в качестве феодалов, находившихся под верховной властью других князей, обширными пространствами земли с многочисленным крепостным и зависимым населением. Они эксплоатировали своих подданных не только так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно. Для того, чтобы вырвать у подданных последний пфенниг и умножить владения церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки — все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным средством мошенничества. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и цензов они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы вырвать у народа еще большее количество денег, прибегали к изготовлению чудотворных икон и мощей, устройству благочестивых паломничеств, торговле индульгенциями, долгое время имея в этом большой успех.

Ненависть не только народа, но и дворянства сосредоточивалась главным образом на прелатах и их бесчисленной, все более возраставшей с усилением политических и религиозных гонений, жандар-

мерии монахов. Поскольку они зависели непосредственно от империи, они мешали князьям. Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их монашествующей армии вызывала зависть дворянства и негодование у народа, который должен был расплачиваться за нее, и это негодование было тем сильнее, чем более противоречила эта жизнь их проповедям.

Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. Их работа менее контролировалась и, несмотря на всю свою важность для церкви, была в данный момент гораздо менее необходимой, чем полицейская служба монахов. Поэтому они оплачивались гораздо хуже, и их бенефиции были большею частью очень скудны. Будучи выходцами из рядов бюргерства и плебейства, они стояли, несмотря на свою принадлежность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии. Участие в движениях того времени, бывшее для монахов исключением, у них являлось общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них окончили свою жизнь на эшафоте в качестве представителей плебеев и крестьян. Народная ненависть к попам обращалась на них лишь в единичных случаях.

Как над князьями и дворянством стоял император, так над высшим и низшим духовенством стоял *папа*. Как императору платили «сотую деньгу» (gemeiner Pfennig), имперские налоги, так и папе уплачивали общие церковные налоги, которыми оплачивалась роскошь римской курии. Ни в одной стране эти церковные налоги не взыскивались — благодаря могуществу и многочисленности попов — с большей добросовестностью и строгостью, чем в Германии. Особенно строго собирались аннаты при освобождении епископских кафедр. С ростом потребностей изобретались новые средства для добывания денег: торговля реликвиями, продажа индульгенций, юбилейные сборы и т. д. Таким образом из Германии ежегодно текли в Рим огромные суммы денег, и возраставший, благодаря этому, гнет не только увеличивал ненависть к попам, но возбуждал и национальное чувство, особенно среди дворянства, наиболее националистически настроенного тогда сословия.

Из первоначальной массы горожан средневековых городов с расцветом торговли и ремесла развились три резко обособившихся друг от друга группы.

Во главе городского общества стояли *патрицианские роды*, так называемая «Ehrbarkeit». Это были наиболее богатые семьи. Они одни

заседали в совете и занимали все городские должности. Поэтому они не только ведали доходами города, но и потребляли их. Сильные своим богатством, своим традиционным, признанным императором и империей положением аристократов, они всеми способами эксплоатировали как городскую общину, так и подвластных городу крестьян. Они занимались ростовщическими операциями хлебом и деньгами, присваивали себе всякого рода монополии, отбирали у общины одно за другим все права пользования городскими лесами и лугами, пользуясь ими исключительно в интересах своей частной выгоды, налагали произвольные дорожные, мостовые и воротные пошлины и всякие иные поборы, торговали цеховыми привилегиями, званием мастера, правами гражданства и правосудием. С крестьянами городской округи они обращались не менее беспощадно, чем дворяне и попы; мало того,— городские фогты и должностные лица в деревнях, бывшие исключительно патрициями, в собирание поборов к аристократической жестокости и алчности привносили еще и известную бюрократическую точность. В управлении собранными таким образом городскими доходами господствовал величайший произвол; запись в городских книгах, представлявшая из себя чистую формальность, велась чрезвычайно небрежно и запутанно; растраты и кассовые недочеты были обычным явлением. Насколько легко было немногочисленной, окружившей себя всяческими привилегиями и тесно сплоченной узами родства и общими интересами касте обогащать себя за счет городских доходов, легко себе представить, если вспомнить о многочисленных обманах и растратах, обнаружившихся в 1848 г. в столь многих городских управлениях.

Патриции позаботились о том, чтобы права городских общин, особенно в финансовых делах, всюду пришли в забвение. Лишь позднее, когда мошенничества этих господ превзошли всякую меру, общины снова пришли в движение, чтобы добиться, по крайней мере, контроля над городским управлением. В большинстве городов они действительно восстановили свои права. Но при вечных раздорах, царивших среди цехов, при упорстве патрициев и той защите, которую они находили у империи и правительств союзных с ними городов, патрицианские члены совета скоро восстанавливали фактически свое прежнее господство в советах частью хитростью, частью насилием. В начале XVI столетия во всех городах община опять находилась в оппозиции.

Городская оппозиция патрициату делилась на две части, которые весьма определенно выступают во время крестьянской войны.

Бюргерская оппозиция, предтеча наших современных либералов,

обнимала богатых и средних горожан, а также, в зависимости от местных условий, и бо́льшую или меньшую часть мелких горожан. Ее требования носили чисто конституционный характер. Она требовала контроля над городским управлением и участия в законодательной власти, через посредство ли собрания самой общины, или через ее представителей (большой совет); далее—ограничения бесконтрольного хозяйничания нескольких патрицианских фамилий, той олигархии, которая все более открыто выступала внутри самого патрициата. В лучшем случае она, кроме того, требовала замещения нескольких мест в совете гражданами из их собственной среды. Эта партия, к которой кое-где присоединялась недовольная и опустившаяся часть патрициата, имела за собой значительное большинство во всех регулярных собраниях общин и в цехах. Сторонники совета и более радикальная оппозиция составляли среди *действительных горожан* незначительное меньшинство.

Мы ниже увидим, что эта «умеренная», «лойяльная», «зажиточная» и «интеллигентная» оппозиция играет в крестьянской войне ту же самую роль и с таким же успехом, как и ее наследница, конституционная партия, в движении 1848 и 1849 гг.

Сверх того, бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, ленивая и легкая жизнь и развращенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование. Она требовала решительных мер против скандального образа жизни этих почтенных мужей, настаивала на отмене их собственной юрисдикции и налоговой свободы и на ограничении численности монахов вообще.

Плебейская оппозиция состояла из разорившихся граждан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных зачатков люмпен-пролетариата, встречающихся уже на низших ступенях городского развития. Вообще люмпен-пролетариат представляет из себя явление, встречающееся в более или менее развитом виде почти во всех бывших до сих пор фазах общественного развития. Как раз в то время, благодаря распадению феодализма в обществе, где каждая профессия, каждая сфера жизни была еще ограждена бесчисленными привилегиями, значительно увеличилась масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного местожительства. Число бродяг во всех развитых странах никогда не было так велико, как в первой половине XVI века. Часть их в военные времена служила в войсках, другая бродила по деревням, занимаясь попрошайничеством, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к

какому-либо цеху. Все эти три элемента сыграли свою роль в крестьянской войне: первый — в победивших крестьян княжеских войсках, второй — в крестьянских заговорах и отрядах, где каждую минуту выступало их деморализирующее влияние, третий — в борьбе городских партий. Впрочем, не следует забывать, что бо́льшая часть этого класса, именно та, которая жила в городах, в то время еще обладала в значительной степени здоровой крестьянской природой и была еще очень далека от продажности и испорченности современного цивилизованного люмпен-пролетариата.

Как мы видим, городская плебейская оппозиция того времени состояла из очень смешанных элементов. Она соединяла в себе разложившиеся элементы старого, феодального и цехового общества с еще неразложившимся, едва намечающимся пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества: обедневшими членами цехов, все еще связанными своими привилегиями с существующим гражданским строем, с одной стороны; выброшенными из своих насиженных мест крестьянами и отпущенными слугами, которые еще не могли стать пролетариями,— с другой. Между обеими этими группами находились подмастерья, временно стоявшие вне официального общества и по условиям жизни настолько приближавшиеся к пролетариату, насколько это было вообще возможно при тогдашнем строе промышленности и господстве цеховых привилегий, но в то же время почти все — будущие мастера в силу тех же цеховых привилегий. Партийная ориентация этой смеси, состоявшей из столь разнообразных элементов, была поэтому неизбежно в высшей степени неустойчивой и разнообразилась в зависимости от местных условий. До крестьянской войны плебейская оппозиция не выступает в политической борьбе в качестве партии, а представляет из себя шумную, жадную до грабежей, продающую себя за несколько бочек вина толпу, плетущуюся в хвосте бюргерской оппозиции. В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, и даже тогда она находится, в своих требованиях и выступлениях, в зависимости от крестьян, — замечательное доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни. Поскольку же она выступает самостоятельно, она требует восстановления промышленной монополии города в деревне, не желает уменьшения городских доходов в результате отмены феодальных повинностей в городской округе и т. д.; словом, постольку она реакционна и подчиняется своим собственным мелкобуржуазным элементам, давая вместе с тем характерную прелюдию к той трагикомедии, которую уже в течение трех лет разыгрывает современная мелкая буржуазия под фирмой демократии.

Лишь в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и в некоторых других местах под влиянием его учеников плебейская часть городов была увлечена общей революционной бурей настолько, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней на время перевес над всеми остальными факторами движения. Этот эпизод, образующий кульминационный пункт всей крестьянской войны и разыгравшийся вокруг самой величественной ее фигуры, вокруг *Томаса Мюнцера*, является в то же время и самым коротким. Ясно, что плебейская оппозиция должна была быстрее всего потерпеть поражение, что в то же время ее движение должно было носить особенно фантастический отпечаток и что ее требования должны были отличаться в высшей степени неопределенным характером, ибо она менее всего имела под собой твердую почву в отношениях того времени.

Под всеми этими классами, за исключением последнего, находилась громадная эксплоатируемая масса народа — *крестьяне*. На крестьянина ложилась своею тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры. Принадлежал ли он князю, вольному имперскому рыцарю, монастырю или городу, с ним всюду обращались, как с вещью или вьючным животным или же еще хуже. Если он был крепостным (Leibeigener), он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым (Höriger), то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина; а из того, что̀ ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, цензы, оброки, военные подати (Bede, Reisegeld), местные и общеимперские подати. Он не мог ни вступать в брак, ни умереть, не заплатив своему господину. Помимо обычной барщины, он должен был собирать для своего повелителя солому, землянику, чернику, улиток, загонять во время охоты дичь, рубить дрова и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать на то, как дичь разоряет его урожай. Общинные выпасы и леса крестьян были почти везде насильственно отобраны господами, и произвольная власть господина простиралась не только на собственность крестьянина, но и на его личность и личность его жены и дочерей. Он пользовался правом первой ночи. Он в любой момент мог бросить крестьянина в башню, где его тогда ждали пытки с тою же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он бил его до смерти

и, если хотел, мог приказать обезглавить его. Из тех поучительных глав «Каролины», которые говорят об «обрезывании ушей», «обрезывании носа», «выкалывании глаз», «обрубливании пальцев и рук», «сжигании», «пытке раскаленными щипцами», «колесовании», «четвертовании», нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял к своим крестьянам по усмотрению. И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ибо все официальные сословия империи жили за счет эксплоатации крестьян.

Как ни тяжел был гнет, под которым приходилось стонать крестьянам, толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения. Долгая привычка к подчинению, переходившая от поколения к поколению; отвычка во многих местностях от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабевающая, в зависимости от личности господина, жестокость эксплоатации, — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными. Поэтому в средние века мы встречаемся с большим количеством местных восстаний крестьян, но, — по крайней мере, в Германии, — мы до крестьянской войны не находим ни одного общенационального крестьянского восстания. Кроме того, крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и тесно сплоченная организованная сила князей, дворянства и городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями; но как могли они вступить в союз с остальными сословиями, если они равномерно эксплоатировались ими всеми?

Итак, мы видим, что в начале XVI века разные сословия империи, — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне, — образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой, борьбе со всеми остальными. Тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции и который имеет место теперь на более высокой ступени развития в наиболее передовых странах, был при тогдашних условиях совершенно невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплоатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи. Сложный переплет интересов, взглядов и стремлений того времени легче будет понять, если вспом-

нить о той путанице, которую вызвал в последние два года современный, гораздо менее сложный состав немецкой нации, распадающийся на феодальное дворянство, буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство и пролетариат.

II.

Группировка столь многообразных в то время сословий в более крупные единицы была почти невозможна уже в силу децентрализации, местной и провинциальной самостоятельности, промышленного и торгового отчуждения провинций друг от друга и плохого состояния путей сообщения. Эта группировка возникает лишь с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в эпоху реформации. Различные сословия, примкнувшие к этим идеям или выступившие против них, объединили, правда с большим трудом и лишь приблизительно, германский народ в три больших лагеря: в католический, или реакционный, лютеровский — бюргерско-реформаторский, и революционный. Если в этом великом расколе нации мы открываем мало последовательности, если в двух первых лагерях мы отчасти находим одни и те же элементы, то это объясняется тем состоянием распада, в котором находилось большинство унаследованных от средневековья официальных сословий, и той децентрализацией, благодаря которой одни и те же сословия в различных местах могли примыкать временно к противоположным течениям. В течение последних лет мы так часто имели случай наблюдать в Германии аналогичные явления, что нас не должно поражать столь, повидимому, пестрое переплетение сословий и классов при гораздо более сложных отношениях XVI столетия.

Немецкая идеология, несмотря на опыт последнего времени, все еще продолжает видеть в борьбе, положившей конец средневековью, не что иное, как одни только яростные теологические раздоры. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столковаться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел. Эти идеологи достаточно легковерны для того, чтобы принимать за чистую монету все иллюзии, создаваемые эпохой или идеологами этой эпохи относительно нее самой. Этот сорт людей видит, например, в революции 1789 г. лишь несколько чрезмерно горячие дебаты относительно преимуществ конституционной монархии сравнительно с абсолютной, в июльской революции — практический спор на тему о несостоятельности права божией милостью, в февральской революции — попытку разрешить

вопрос: монархия или республика? и т. д. О классовой борьбе, которая развертывается во время этих потрясений, и о том, что начертанная на знамени политическая фраза является всегда лишь ее простым выражением, обо всем этом наши идеологи даже и теперь не имеют ни малейшего понятия, хотя об этом достаточно громко говорят не только те сведения, которые доходят из-за границы, но и гневный ропот многих тысяч немецких пролетариев.

И во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шел прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах; в основе этих войн также лежала борьба классов, как и в более поздних внутренних кризисах в Англии и Франции. Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени.

Средневековье развилось из совершенно примитивного состояния. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию и начало во всем с самого начала. Единственное, что средневековье взяло от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утерявших всю свою прежнюю цивилизацию городов. Следствием этого было то, что, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополию на интеллектуальное образование получили попы и что само образование приняло преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, превратились в простые отрасли богословия, и в основу их были положены те же принципы, которые господствовали и в нем. Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости.

Революционная оппозиция против феодализма проходит через

все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается до мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет из себя хорошо известный факт; многое взял из нее также Мюнцер. Ереси представляли из себя отчасти выражение реакции патриархальных альпийских пастухов против проникающего к ним феодализма (вальденсы); частью оппозицию феодализму со стороны выросших из его рамок городов (альбигойцы, Арнольд Брешианский и т. д.); частью открытые восстания крестьян (Джон Болл, венгерский мастер в Пикардии и т. д.). Патриархальную ересь вальденсов, так же как и восстание швейцарцев, мы можем здесь оставить в стороне как реакционную, по форме и содержанию, попытку отгородить себя от исторического развития, имевшую к тому же только местное значение. В двух других формах средневековой ереси мы уже в XII веке находим ранних представителей того великого противоречия между плебейской, бюргерской и крестьянской оппозицией, которое привело к гибели крестьянскую войну. Это противоречие тянется через все позднее средневековье.

Ересь городов, — а она является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует дешевого правительства, gouvernement à bon marché, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви, église à bon marché. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию, словом, все, что̀ стоило в церкви дорого. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под покровительством монархов, своими нападками на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика. Вражда их против ряда церковных догматов и законов находит свое объяснение отчасти в вышесказанном, отчасти в остальных условиях их жизни. Например, их яростные нападки на безбрачие духовенства лучше всего объясняет Боккачио. Арнольд Брешианский в Италии и Германии, альбигойцы в Южной Франции, Джон Виклеф в Англии, Гус и каликстинцы в Богемии были главными представителями этого направления. То обстоятельство, что оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь

в виде оппозиции против *церковного* феодализма, весьма просто объясняется тем, что города были уже повсеместно признанным сословием и могли в достаточной мере бороться со светским феодализмом с помощью своих привилегий, оружия или сословных собраний.

Как в южной Франции, так и в Англии и Богемии мы видим уже, что бо̀льшая часть низшего дворянства присоединяется в городах к борьбе против попов и к ересям, — явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов и общностью интересов их обоих по отношению к князьям и прелатам и с которым мы снова встретимся в крестьянской войне.

Совершенно иной характер носила ересь, являвшаяся прямым выражением крестьянских и плебейских потребностей и почти всегда соединявшаяся с восстанием. Разделяя все требования бюргерской ереси по отношению к попам, папству и восстановлению ранне-христианского церковного строя, она в то же время шла бесконечно дальше. Она требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божиих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, поземельных цензов, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий, — вот те требования, которые выставлялись, с большею или меньшею определенностью, как необходимые выводы из учения раннего христианства. Эта крестьянско-плебейская ересь, которую в расцвет феодализма, например у альбигойцев, едва ли еще можно отделять от бюргерской, развивается в резко обособленное партийное воззрение в XIV и XV веках, когда она обычно выступает уже совершенно самостоятельно рядом с бюргерской ересью. Таковы, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера в Англии, рядом с движением Виклефа, и табориты рядом с каликстинцами в Богемии. У таборитов под теократической оболочкой выступает даже республиканизм, получивший дальнейшее развитие в конце XV и начале XVI века у представителей плебейства в Германии.

К этой форме ереси примыкает экстатика мистических сект, флагеллантов, лоллардов и т. д., во времена реакции продолжавших революционную традицию.

Плебеи в это время были единственными классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они стояли вне как феодаль-

ных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их жизни даже не соприкасались с существующими учреждениями, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехового городского общества и в то же время предшественниками современного буржуазного общества.

Это положение плебеев объясняет нам, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти за пределы едва зарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, воззрения и представления, общие всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам. Хилиастические мечтания раннего христианства представляли для этого удобный опорный пункт. Но в то же время полет мечты за пределы не только настоящего, но и будущего, мог быть только насильственным и фантастическим и должен был при первой же попытке практического применения снова оказаться в узких пределах, которые одни только и были возможны в условиях того времени. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в грубую организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в форму гражданского равенства перед законом; упразднение всякой власти превратилось, в конце концов, в установление избираемых народом республиканских правительств. Предвосхищение коммунизма фантазией стало в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений.

Это насильственное, но вполне объясняющееся из условий жизни плебеев, предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в Германии у *Томаса Мюнцера* и его партии. Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имуществ, однако лишь в качестве чисто военной меры. У Мюнцера эти коммунистические намеки впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы; у него впервые они формулируются с известной определенностью; начиная с него, мы встречаем их снова во всяком большом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением, совершенно так же, как в средние века борьба свободного крестьянства

против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодализма.

В то время как в первом из трех больших лагерей, в *консервативно-католическом*, собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, т. е. имперские власти, духовные и отчасти светские князья, более богатое дворянство, прелаты и городской патрициат, под знаменем *бюргерской, умеренной лютеровской реформы* собираются все владельческие элементы оппозиции, масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатить себя путем конфискации церковных имуществ и желавших использовать удобный случай для того, чтобы добиться большей независимости от империи. Наконец, крестьяне и плебеи составили вместе *революционную партию*, требования и учение которой резче всего были формулированы Мюнцером.

Лютер и Мюнцер своими доктринами, характерами и выступлениями являются полными воплощениями своих партий.

За период от 1517 до 1525 г. Лютер проделал те же превращения, которые проделали современные немецкие конституционалисты от 1846 по 1849 г. и которые проделывает всякая буржуазная партия, очутившаяся на время во главе движения и опережаемая в этом движении стоящей позади нее плебейской или пролетарской партией.

Когда в 1517 г. Лютер впервые выступил против догматов и строя католической церкви, его оппозиция не имела еще никакого определенного характера.

Не выходя за пределы требований прежней бюргерской ереси, она не исключала ни одного более радикального направления, да и не могла делать этого. В первый момент должны были быть объединены все оппозиционные элементы, должна была быть пущена в ход самая решительная революционная энергия, должна была быть противопоставлена католическому правоверию вся масса существовавших до того ересей. Таким же точно образом наши либеральные буржуа еще были в 1847 году революционерами, называли себя социалистами и коммунистами и мечтали об эмансипации рабочего класса. В этот первый период своей деятельности сильная крестьянская натура Лютера проявляла себя самым бурным образом. «Если их (т. е. римских попов) неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то, как мне кажется, нет лучшего средства покончить с ним, чем если бы короли и князья пустили в ход силу, поднялись и напали на этих вредных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда положили бы конец их игре *оружием, а не словами*. Если мы наказываем

воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то почему бы нам не напасть на этих вредных учителей гибели, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского Содома *со всевозможным оружием и не омыть наших рук в их крови?*»

Но этот первый революционный пыл не оказался продолжительным. Молния, которую метнул Лютер, нанесла свой удар. Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой, к нему примкнули более умеренные горожане и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже князей. Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми их угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов, зависимости от Рима и католической иерархии и обогатить себя путем конфискации церковных имений. Партии диференцировались и нашли своих представителей. Лютер должен был сделать выбор между ними. Он, пользовавшийся покровительством курфюрста Саксонского, уважаемый профессор Виттенбергского университета, ставший в одну ночь могущественным и знаменитым, великий человек, окруженный целой свитой зависимых креатур и льстецов, не колебался ни одной минуты. Он изменил народным элементам движения и примкнул к бюргерской, дворянской и княжеской свите. Его призывы к борьбе не на живот, а на смерть против Рима замолкли; Лютер стал теперь проповедывать *мирное развитие* и пассивное сопротивление—ср., например, «An den Adel teutscher Nation» («К немецкому дворянству») 1520 и т. д. На приглашение Гуттена явиться к нему и Зиккингену в Эренбург, центр дворянского заговора против попов и князей, Лютер ответил: «Я не хотел бы, чтобы евангелие *проповедывалось насилием и пролитием крови*. Слово победило мир, благодаря Слову сохранилась церковь. Словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет».

Этот поворот или, вернее, это более точное определение направления Лютера положило начало торгам относительно того, какие учреждения и догматы должны быть сохранены и какие реформированы, той противной дипломатии, тем уступкам, интригам и соглашениям, результатом которых явилось Аугсбургское вероисповедание, эта, в конце концов, выторгованная конституция реформированной бюргерской церкви. Это было то же барышничество, которое до отвращения точно повторилось в политической форме совсем недавно в немецких национальных собраниях, согласительных съездах, ревизионных камерах и эрфуртских парламентах. Мещанский

характер официальной реформации самым откровенным образом проявился в этих переговорах.

То обстоятельство, что Лютер, сделавшийся с этого момента официальным представителем бюргерской реформы, стал проповедником мирного прогресса, имело весьма серьезные причины. Большинство городов перешло на сторону умеренной реформы; низшее дворянство все более и более примыкало к ней, часть князей была за нее, другая — колебалась. Ее успех можно было считать обеспеченным, по крайней мере, в значительной части Германии. При непрерывном мирном развитии остальные области не смогли бы долгое время сопротивляться напору умеренной оппозиции. Всякое же насильственное потрясение должно было привести к конфликту умеренной партии с крайней, плебейской и крестьянской, партией, должно было оттолкнуть от движения князей, дворянство и многие города и могло привести только к одному из двух возможных результатов: или к победе над бюргерской партией крестьян и плебеев, или к подавлению всех прогрессивных партий католической реставрацией. Как буржуазные партии, одержав самую скромную победу, пытаются путем прогресса в рамках законности лавировать между Сциллой революции и Харибдой реставрации, тому мы имели немало примеров за последнее время.

Если, благодаря общим социальным и политическим условиям эпохи, результаты всякого изменения необходимо должны были пойти на пользу князьям и увеличить их могущество, то и бюргерская реформа должна была, по мере того как она все резче и резче отделялась от плебейских крестьянских элементов, все более и более подпадать под контроль ставших на сторону реформации князей. Сам Лютер все более и более становился их рабом, и народ ясно сознавал, что делает, когда говорил, что Лютер превратился в такого же слугу князей, как и другие, и когда встретил его в Орламюнде градом камней.

Когда вспыхнула крестьянская война, и притом в местностях, где князья и дворяне были большею частью католиками, Лютер попытался занять примирительное положение. Он решительно нападает на правительства. Они своими притеснениями вызвали восстание. Не крестьяне восстают против них, а сам бог. Но, с другой стороны, восстание также не есть божеское дело и противно Евангелию. В конце концов, он призывает обе партии к взаимным уступкам и предлагает им покончить дело миром.

Но, несмотря на эти благожелательные предложения посредничества, восстание стало быстро распространяться, охватило даже

протестантские, находившиеся под властью лютеранских князей, рыцарей и городов области и быстро переросло бюргерскую «благоразумную» реформу. В непосредственной близости от Лютера разбили свою главную квартиру наиболее решительные элементы повстанцев под предводительством Мюнцера. Еще несколько успехов, и вся Германия была бы в огне, Лютер был бы окружен и, может быть, в качестве предателя прогнан сквозь строй, и вся бюргерская реформа была бы смыта и унесена бурным разливом крестьянско-плебейской революции. Для колебаний больше не было времени. Перед лицом революции все старые раздоры были забыты; по сравнению с толпами крестьян слуги римского Содома были невинными ягнятами, кроткими сынами божиими; горожане и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединялись против «кровожадных и разбойничьих шаек крестьян». «Их нужно *бить*, *душить и колоть*, *тайно и открыто*, так же, как убивают *бешеную* собаку, — восклицает Лютер. — Поэтому, господа, спасайтесь, колите, бейте, давите их, кто как может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти быть не может». Не следует только проявлять к крестьянам ложного милосердия. Люди, которые высказывают жалость к тем, кого сам бог не жалеет, а хочет наказать и погубить, сами присоединяются к мятежникам. Впоследствии сами крестьяне будут благодарить бога, когда им придется отдавать одну корову за то, что можно будет мирно пользоваться другой; князьям же восстание покажет, каков дух у черни, управлять которою можно только силой. «Мудрец говорит: cibum, onus et virgam asino (пищу, кладь и кнут — ослу); головы крестьян набиты овсяной мякиной; они не слушаются слова и неразумны; поэтому они должны слушаться кнута и ружья, и им будет хорошо. Мы должны молиться за них, чтобы они слушались; если они не будут слушаться, то не должно быть места для милосердия. *Пусть скажут свое слово ружья*, иначе будет в тысячу раз хуже». Совершенно так же говорили наши блаженной памяти социалистические и филантропические буржуа, когда пролетариат после мартовских дней потребовал своей доли в плодах победы.

Своим переводом Библии Лютер дал в руки плебейскому движению мощное орудие. В Библии он противопоставил феодализированному христианству своей эпохи скромное христианство первых веков, распадающемуся феодальному обществу — картину общества, ничего не знавшего о многосложной, искусственной феодальной иерархии. Крестьяне всесторонне использовали это орудие против князей, дворянства и попов. Теперь Лютер обратил его против них и составил на основании Библии настоящий дифирамб установленной богом

власти, лучше которого не в состоянии был изготовить ни один блюдолиз абсолютной монархии. С помощью Библии были освящены и княжеская власть божией милостью, и пассивное повиновение, и даже крепостное право. Это было отречение не только от крестьянского восстания, но и от возмущения самого Лютера против духовной и светской власти; Лютер, таким образом, предал князьям не только народное, но и бюргерское движение.

Нужно ли нам приводить имена тех буржуа, которые совсем недавно дали нам примеры подобного же отказа от своего собственного прошлого?

Противопоставим теперь бюргерскому реформатору Лютеру плебейского революционера *Мюнцера*.

Томас Мюнцер родился *в Штольберге*, в Гарце, около 1498 г. Его отец, жертва произвола штольбергского графа, окончил свою жизнь на виселице. Уже пятнадцати лет отроду Мюнцер основал в школе в Галле тайный союз, направленный против магдебургского архиепископа и римской церкви вообще. Его глубокие познания в тогдашней теологии рано дали ему докторскую степень и место капеллана в женском монастыре в Галле. Здесь он проявляет уже величайшее презрение к догматам и обрядам, совершенно выпускает во время мессы слова о пресуществлении и ест, как рассказывает о нем Лютер, тело господне неосвященным. Главным предметом его изучения были средневековые мистики, особенно хилиастические произведения Иоахима Калабрийского. Тысячелетнее царство, Страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром, возвещаемые и изображаемые этим писателем, с наступлением реформации и всеобщим возбуждением того времени казались Мюнцеру уже близкими. Он проповедывал в окрестных деревнях с большим успехом. В 1520 году он отправился в качестве первого евангелического проповедника в Цвиккау. Здесь он столкнулся с одной из продолжавших еще существовать во многих местностях экстатических хилиастических сект, во временном смирении и уединении которых скрывалась продолжавшая расти оппозиция низших слоев общества против существующего строя и которые с усилением агитации стали выступать все более открыто и настойчиво. Это была секта анабаптистов, во главе которой стоял *Николай Шторх*. Они проповедывали приближение Страшного суда и тысячелетнего царства; у них были «видения, экстазы и пророческий дух». Вскоре они пришли в столкновение с цвиккауским советом. Мюнцер стал на их сторону, хотя он никогда не примыкал к ним безусловно, скорее сам подчинив их своему влиянию. Совет решительно выступил против анабаптистов,

и они вынуждены были покинуть город, а вместе с ними и Мюнцер. Это произошло в конце 1521 г.

Мюнцер отправился в Прагу и попытался, завязав сношения с остатками гуситского движения, устроиться здесь; но его воззвания привели лишь к тому, что он должен был бежать и из Богемии. В 1522 г. он стал проповедником в Альтштедте, в Тюрингии. Здесь он начал свою деятельность с реформы культа. Он совершенно отменил латинский язык еще до того, как Лютер осмелился сделать этот шаг, и читал не только предписанные в воскресения евангелия и апостольские послания, но и всю Библию. В то же время он организовал пропаганду и в окрестных деревнях. Народ стекался к нему со всех сторон, и вскоре Альтштедт стал центром народного движения против попов во всей Тюрингии.

Мюнцер все еще оставался прежде всего теологом; он все еще направлял свои удары почти исключительно против попов. Но он не проповедывал, как уже тогда стал делать это Лютер, необходимости спокойного обсуждения и мирного прогресса и продолжал прежние громовые проповеди Лютера, призывая саксонских князей и народ к вооруженному выступлению против римских попов. «Говорит же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч». Что же вы (саксонские князья) должны сделать им? Если вы хотите быть слугами господа, то вы должны устранить и отделить им злых, препятствующих евангелию. Христос повелел (Лука, 19, 27): «Врагов моих приведите сюда и избейте передо мною...» Бросьте пустые отговорки, будто сила божия должна сделать это без помощи вашего меча, ибо, в противном случае, он заржавеет в ножнах. Тех, кто противится божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия, подобно тому, как Езекия, Кир, Иосия, Даниил и Илия сокрушили жрецов Ваала, ибо иначе христианская церковь никогда не возродится. Следует вырвать плевелы из вертограда божия при наступлении жатвы. Господь сказал Моисею (5, 7): «Не жалейте безбожников, разбейте их алтари, развейте и сожгите идолы их, чтобы гнев мой не обрушился на вас».

Но эти обращения к князьям остались безрезультатными; между тем среди народа революционное возбуждение стало возрастать с каждым днем. Мюнцер, идеи которого становились все смелее, определеннее и резче, решительно отмежевывается от бюргерской реформации и в то же время прямо выступает в качестве политического агитатора.

Его теологическое и философское учение нападает на основные пункты не только католицизма, но и христианства вообще. Под

христианскими формами он проповедует пантеизм, обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами соприкасающийся даже с атеизмом. Он отказывается видеть в Библии исключительное и непреложное откровение. Настоящее и живое откровение, по его мнению, есть разум, откровение, которое существовало во все времена, у всех народов и существует еще до сих пор. Противопоставлять разуму Библию значит убивать дух мертвой буквой. Ибо святой дух, о котором говорит Библия, не есть нечто, существующее вне нас; святой дух и есть наш разум. Вера есть не что иное, как пробуждение разума в человеке, и потому иметь веру могли и язычники. Через эту веру, через пробудившийся разум человек достигает блаженства и становится подобным божеству. Поэтому небо не есть что-либо потустороннее; его нужно искать в этой жизни, и призвание верующего состоит в том, чтобы установить это небо, т. е. царство божие, здесь, на земле. Подобно тому как нет потустороннего неба, нет и потустороннего ада и вечного осуждения. Точно так же нет иного дьявола, кроме злых страстей и похотей человека. Христос был таким же человеком, как и мы, пророком и учителем, и его тайная вечеря есть лишь простая поминальная трапеза, во время которой едят хлеб и вино без всяких мистических добавлений.

Эти учения Мюнцер проповедывал, большею частью прикрывая их теми же христианскими словесными формами, которыми долгое время должна была прикрываться и новейшая философия. Но основная еретическая мысль всюду ясно выступает в его произведениях, и мы отчетливо видим, что он придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время. И тем не менее, современную философию отделяют от Мюнцера целых три столетия.

Его политическое учение тесно примыкало к этим революционным религиозным воззрениям и так же далеко выходило за пределы непосредственно существовавших тогда общественных и политических отношений, как и его теология — за пределы господствовавших в его эпоху представлений. И если религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, то его политическая программа была очень близка к коммунизму, и многие современные коммунистические секты не располагали еще накануне февральской революции более богатым теоретическим багажом, чем последователи Мюнцера в XVI веке. Эта программа, представлявшая из себя не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва зарождавшихся тогда среди

этих плебеев пролетарских элементов, эта программа требовала немедленного установления царства божия, предсказанного пророками тысячелетнего царства на земле, путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находившихся в противоречии с этой мнимо первобытно-христианской, а в действительности очень новой церковью. Под царством божиим Мюнцер понимал такой общественный строй, в котором уже нет ни классовых различий, ни частной собственности, ни независимой от членов общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, поскольку они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низвергнуты; все работы и имущества должны стать общими, должно быть проведено самое полное равенство. Для того, чтобы привести все это в исполнение не только во всей Германии, но и во всем христианском мире, нужно основать союз; князьям и господам нужно предложить присоединиться к нему; если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае напасть на них с оружием в руках и перебить их всех.

Мюнцер немедленно принялся за организацию этого союза. Его проповеди получили еще более резко революционный характер. Не ограничиваясь уже нападками на попов, он с тою же страстностью громил и князей, дворянство и патрициат, в самых ярких красках изображая существующее угнетение и противопоставляя ему свою фантастическую картину тесячелетнего царства социально-республиканского равенства. В то же время он выпускал один революционный памфлет за другим, рассылал во всех направлениях своих эмиссаров, а сам организовывал союз в Альтштедте и его окрестностях.

Первым плодом этой пропаганды было разрушение часовни св. Марии в Меллербахе под Альтштедтом, согласно заповеди: «Вы должны разрушить их алтари, разбить их столбы, сжечь их идолы, ибо вы священный народ» (Второзаконие, 7, 5). Саксонские князья сами явились в Альтштедт, чтобы успокоить волнения, и приказали призвать Мюнцера в замок. Здесь он произнес проповедь, подобной которой они не привыкли выслушивать от Лютера, этой «славословящей плоти из Виттенберга», как назвал его Мюнцер. Он настаивал на том, что безбожные правители, в особенности попы и монахи, трактующие евангелие как ересь, должны быть перебиты, и сослался при этом на Новый завет. Безбожники не имеют права жить, разве только из милости избранных. Если князья не истребят безбожников, то господь отнимет у них меч, так как *сила меча принадлежит всей общине*. Главными виновниками ростовщичества, воровства и разбоя являются князья и господа; они обращают в свою

собственность все твари, рыбу в воде, птиц в воздухе, растения на земле. И после этого они имеют смелость проповедывать бедным заповедь: не укради, а сами берут себе все, что найдут, обдирают и дерут шкуру с крестьянина и ремесленника; когда же последний совершит самомалейший проступок, то его отправляют на виселицу, и на все это доктор Лжец говорит: аминь. «Господа сами ответственны за то, что бедняк становится их врагом. Они не хотят устранить причины возмущения; как же может снова установиться мир? Ах, дорогие господа, как хорошо будет господь работать железным посохом среди старых горшков! Истинно говорю вам, я буду возмущать народ. Прощайте!» (Ср. *Zimmermann*, Bauernkrieg, II, стр. 75).

Мюнцер напечатал свою проповедь. В наказание за это его типограф в Альтштедте должен был, по повелению герцога Иоганна Саксонского, покинуть страну, а на все произведения самого Мюнцера была наложена цензура герцогского правительства в Веймаре. Но Мюнцер не обратил никакого внимания на это приказание. Он немедленно же напечатал в имперском городе Мюльгаузене чрезвычайно возбуждающее сочинение, в котором он призывал народ «расширить отверстие, чтобы весь мир мог увидеть и понять, что такое представляют из себя наши великие Гансы, так богохульно превратившие бога в размалеванного человечка», и которое он закончил словами: «Весь мир должен выдержать великий удар; разыгрывается нечто такое, в результате чего безбожники будут низвергнуты, а стоящие внизу будут возвышены». В виде эпиграфа «Томас Мюнцер с молотом» написал следующее: «Внимай, я вложил мои слова в твои уста, я поставил тебя сегодня выше людей и царств для того, чтобы ты искоренял, разрушал, рассеивал и разбивал и чтобы ты строил и насаждал. Воздвигнута железная стена против королей, князей и попов и против народа. Они вступят в борьбу, и победа чудесным образом приведет к гибели сильных безбожных тиранов».

Разрыв Мюнцера с Лютером и его партией назрел уже давно. Лютер был вынужден сам принять ряд церковных реформ, которые ввел Мюнцер, не спросившись его. Он следил за деятельностью Мюнцера с придирчивым недоверием умеренного реформатора к более энергичной и радикальной партии. Уже весной 1524 г. Мюнцер написал Меланхтону, этому прообразу филистерского и чахлого кабинетного ученого, о том, что он и Лютер совершенно не понимают движения. Они стремятся задушить его верой в библейскую букву, и все их учение изъедено червями. «Дорогие братья, оставьте ваши ожидания и колебания, время наступило, на дворе — лето. Не держите дружбы с безбожниками; они препятствуют тому, чтобы слово

действовало в полной силе. Не льстите вашим князьям, ибо вы погибнете вместе с ними. Вы, тонкие знатоки Писания, не гневайтесь на меня, я не могу поступить иначе».

Лютер несколько раз приглашал Мюнцера на диспут; но последний, готовый в любой момент принять бой перед народом, не имел ни малейшего желания пускаться в богословский спор перед предубежденной публикой Виттенбергского университета. Он не хотел превращать «свидетельство духа в привилегию высшей школы». Если Лютер искренен, то пусть он использует свое влияние для того, чтобы устранить преследования против типографа, напечатавшего проповедь Мюнцера, и цензурные запреты, дабы спор мог быть беспрепятственно разрешен в печати.

После издания упомянутой революционной брошюры Лютер открыто выступил против Мюнцера с доносом. В своем печатном «Письме к саксонским князьям против мятежного духа» Лютер объявил Мюнцера орудием сатаны и призвал князей вмешаться в дело и изгнать из страны виновников мятежа, так как они не ограничиваются проповедью вредных учений, но призывают к восстанию и насильственному противодействию властям.

1 августа Мюнцер должен был держать ответ перед князьями в Веймарском замке по обвинению в мятежных действиях. Имелись весьма компрометирующие его факты; напали на след его тайного союза, в объединениях рудокопов и крестьян нащупали его влияние. Ему пригрозили изгнанием. Едва успев вернуться в Альтштедт, он узнал, что герцог Георг Саксонский требует его выдачи: были перехвачены написанные его рукой союзные письма, в которых он призывал подданных Георга к вооруженному сопротивлению врагам евангелия. Если бы он не покинул города, он был бы выдан городским советом.

Между тем все более возраставшее возбуждение среди крестьян и плебеев чрезвычайно облегчило пропаганду Мюнцера. Для этой пропаганды он нашел неоценимых агентов в секте анабаптистов. Эта секта, не имея никаких определенных положительных догматов, связанная только общей оппозицией против всех господствующих классов и общим символом вторичного крещения, аскетически строгая в образе жизни, неутомимая, фанатическая и бесстрашная в своей агитации, все более и более группировалась вокруг Мюнцера. Лишенные, благодаря преследованиям, всякого определенного местожительства, ее представители бродили по всей Германии, всюду возвещая новое учение, в котором Мюнцер уяснил им их собственные потребности и желания. Многие из них были замучены пытками,

сожжены или казнены всякими другими способами; но мужество и выдержка этих эмиссаров оставались непоколебимыми, и успехи их деятельности при быстром росте народного возбуждения были чрезвычайно велики. Поэтому после своего бегства из Тюрингии Мюнцер нашел почву везде подготовленной и мог обратиться, куда хотел.

В Нюрнберге, куда первоначально направился Мюнцер, за месяц до его прибытия было в зародыше подавлено крестьянское восстание. Мюнцер начал здесь тайно агитировать; вскоре стали появляться люди, защищавшие его самые смелые положения относительно необязательности библии и недействительности таинств, считавшие Христа простым человеком и объявлявшие светскую власть безбожной. «Тут бродит сатана, дух из Альтштедта», воскликнул Лютер. Здесь, в Нюрнберге, Мюнцер напечатал свой ответ Лютеру. Он обвинял его в том, что он льстит князьям и поддерживает своей половинчатостью реакционную партию. Но, не взирая на это, народ все же станет свободным, и доктор Лютер очутится тогда в положении пойманной лисицы. Совет наложил на это сочинение запрет, и Мюнцер был вынужден покинуть Нюрнберг.

Отсюда он отправился через Швабию в Эльзас, Швейцарию и обратно в верхний Шварцвальд, где уже в течение нескольких месяцев пылало восстание, ускоренное в значительной степени его анабаптистскими эмиссарами. Эта пропагандистская поездка Мюнцера оказала, несомненно, существенное влияние на организацию народной партии, отчетливое установление ее требований и, наконец, на всеобщий взрыв восстания в апреле 1525 г. Здесь особенно ясно выступают обе стороны деятельности Мюнцера, — с одной стороны, его воздействие на народ, к которому он обращался на единственно тогда понятном ему языке религиозного пророчества, и, с другой стороны, его влияние на посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях. Если еще раньше, в Тюрингии, он собрал вокруг себя группу весьма решительных людей, вышедших не только из народа, но и из низшего духовенства, и поставил их во главе тайного союза, то теперь он становится средоточием всего революционного движения юго-западной Германии, организуя и объединяя его от Саксонии и Тюрингии через Франконию и Швабию, вплоть до Эльзаса и швейцарской границы. Среди его учеников и вождей союза мы видим целый ряд южно-германских агитаторов, большею частью революционных священников, Губмайера в Вальдсгуте, Конрада Гребеля из Цюриха, Франца Рабмана в Гриссене, Шаппелера в Меммингене, Якова Вее в Лейпгейме, доктора Мантеля в Штутгарте. Сам он оставался большею частью в Гриссене, на шафгаузен-

ской границе, объезжая отсюда Гегау, Клетгау и др. места. Кровавые преследования, которые предприняли обеспокоенные князья и господа против этой новой плебейской ереси, не мало содействовали усилению революционного духа и более прочному сплочению союза. Проагитировав таким образом в течение приблизительно пяти месяцев в верхней Германии, Мюнцер вернулся, когда приблизился момент взрыва заговора, в Тюрингию, где он хотел сам руководить восстанием и где мы с ним опять встретимся.

Мы увидим, как верно отражали характер и выступления обоих партийных вождей поведение самих партий, насколько нерешительность, страх перед принимавшим все более серьезный характер движением, трусливое угодничанье Лютера перед князьями отвечали колеблющейся и двусмысленной политике бюргерства и как воспроизводилась энергия и решимость Мюнцера среди наиболее развитой части плебеев и крестьян. Различие состоит в том, что, в то время как Лютер, выражая представления и пожелания *большинства* своего класса, благодаря этому приобрел среди него чрезвычайно дешевую популярность, Мюнцер, напротив, пошел значительно дальше непосредственных представлений и требований плебеев и крестьян и должен был создавать партию из авангарда существовавших тогда революционных элементов, партию, которая, поскольку она стояла на высоте его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь ничтожным меньшинством всей восставшей массы.

III.

Приблизительно через пятьдесят лет после подавления гуситского движения появились первые признаки зарождающегося революционного духа среди немецкого крестьянства.

В Вюрцбургском епископстве, области, уже ранее разоренной гуситскими войнами, «дурным управлением, многочисленными налогами, поборами, феодальными распрями, враждой, войной, пожарами, убийствами, тюрьмами и т. п.» и непрерывно разграблявшейся самым бесстыдным образом епископами, попами и дворянством, в 1476 г. возник первый крестьянский заговор. Молодой пастух и музыкант, *Ганс Бегайм из Никласгаузена*, называвшийся также *барабанщиком* и *Гансом Дударем*, внезапно выступил в Таубергрунде в качестве пророка. Он рассказывал, что ему явилась св. дева Мария и велела ему сжечь его барабан, перестать служить танцам и греховным страстям и призвать народ к покаянию. Пусть каждый поэтому откажется от своих грехов и суетных мирских удовольствий, снимет

с себя все украшения и драгоценности и отправится к матери божией в Никласгаузен испросить себе прощение своих грехов.

Уже здесь, у этого первого предшественника движения, мы находим тот аскетизм, который встречается во всех средневековых восстаниях с религиозной окраской и в новейшее время в начале каждого пролетарского движения. Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и наслаждений жизни, с одной стороны, выдвигает против господствующих классов принцип спартанского равенства, а, с другой, является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества не может прийти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединить себя как класс, низший слой должен начать с отказа от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые еще делают на время выносимым его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет. Этот *плебейский и пролетарский аскетизм* как по своей дикой фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от *бюргерского* аскетизма в том виде, как его проповедывала бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индепендентов и других более радикальных сект), и весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости*. Впрочем, само собою разумеется, что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развитие современных производительных сил до бесконечности расширяет материальные средства для потребления, делая тем самым ненужным спартанское равенство, а, с другой, условия жизни пролетариата, а вместе с тем и сам пролетариат, становятся все более революционными. Тогда он постепенно исчезает из массы, размениваясь среди застывающих в нем сектантов или непосредственно на буржуазное скаредничество, или на высокопарную добродетельность, которая на практике также сводится к мещанскому или ремесленническому скряжничеству. Масса пролетариата тем менее нуждается в проповеди отречения от земных благ, что у нее почти нет ничего такого, от чего она могла бы отказаться.

Покаянная проповедь Ганса встретила живейший отклик; все революционные пророки начинали с нее, и, действительно, лишь величайшее напряжение, лишь внезапный отказ от всего привычного образа жизни могли привести в движение это раздробленное, редкое, выросшее в слепом повиновении крестьянское поколение. Начались

паломничества в Никласгаузен, быстро принявшие широкие размеры; и чем многочисленнее были толпы стекавшегося сюда народа, тем смелее раскрывал свои планы молодой мятежник. Никласгаузенская божия матерь, — проповедывал он, — объявила ему, что впредь не должно быть ни императора, ни князя, ни папы, ни каких-либо других духовных или светских властей; все люди должны стать друг другу братьями, и каждый должен зарабатывать кусок хлеба трудом своих рук, и никто не должен иметь больше других. Все платежи, оброки, барщины, пошлины, подати и остальные поборы и повинности должны быть отменены навсегда, и леса, воды и пастбища должны повсеместно стать свободными.

Народ с радостью принял это новое евангелие. Слава о пророке, «посланце нашей госпожи», быстро распространилась; к нему стали стекаться толпы паломников из Оденвальда, с Майна, Кохера и Якста и даже из Баварии, Швабии и с Рейна. Рассказывали друг другу про совершенные им, будто бы, чудеса; перед ним падали на колени, к нему обращались с молитвами, как к святому; оспаривали друг у друга клочки его шапки, как будто это были реликвии или амулеты. Напрасно выступали против него попы, изображая его видения дьявольским наваждением, а его чудеса — адскими обманами. Масса верующих росла с огромной быстротой, стала образовываться революционная секта, воскресные проповеди мятежного пастуха собирали в Никласгаузене по сорок и более тысяч людей.

Несколько месяцев проповедывал Ганс перед массами. Но он не был намерен ограничиться одной только проповедью. Он находился в тайных сношениях с священником в Никласгаузене и двумя рыцарями, Кунцом фон-Тунфельдом и его сыном, которые присоединились к новому учению и должны были стать военными предводителями предполагавшегося восстания. Наконец, в воскресенье, перед днем св. Килиана, когда сила его влияния показалась ему достаточно значительной, он подал сигнал к восстанию. «А теперь, — закончил он свою проповедь, — идите по домам и взвесьте, что̀ возвестила вам пресвятая матерь божия; оставьте в ближайшую субботу жен, детей и стариков у себя дома, а сами все, мужчины, приходите опять сюда, в Никласгаузен, в день св. Маргариты, в ближайшую субботу, и приведите с собой своих братьев и друзей, сколько бы их ни было. Но приходите сюда не с посохом, а с доспехами и оружием, — со свечой в одной руке и с мечом, пикой или аллебардой в другой. И святая дева объявит вам тогда свою волю, которую вы должны будете исполнить».

Но прежде чем успели собраться массы крестьян, всадники

епископа захватили ночью мятежного пророка и доставили его в Вюрцбургский замок. В назначенный день собралось около 34 000 вооруженных крестьян, но известие об аресте Ганса подействовало на них подавляющим образом. Бо́льшая часть разбежалась; однако более посвященным удалось удержать около 16 000, и под предводительством Кунца фон-Тунфельда и его сына Михаила они двинулись к замку. Разными обещаниями епископ уговорил их уйти; но, как только они начали расходиться, на них напала конница епископа и многих взяла в плен. Двое были обезглавлены; сам же Ганс сожжен. Кунц фон-Тунфельд должен был бежать и получил прощение ценой уступки всех своих имений епископу. Паломничества в Никласгаузен в течение некоторого времени еще продолжались, но, в конце концов, также были прекращены.

После этой первой попытки в Германии снова наступила на долгое время тишина. Новые заговоры и восстания крестьян начались лишь с конца 90-х годов.

Мы не будем останавливаться на голландском крестьянском восстании 1491 и 1492 гг., которое было подавлено лишь герцогом Альбрехтом Саксонским в битве при Геемскерке, на происшедшем в то же время восстании крестьян Кемптенского аббатства в верхней Швабии и на фризском восстании, под предводительством Сиарда Айльвы, 1497 г., также подавленном Альбертом Саксонским. Эти восстания отчасти слишком удалены от арены крестьянской войны в собственном смысле слова, частью они представляют из себя борьбу до тех пор свободного крестьянства против попытки навязать им феодализм. Мы прямо перейдем к двум большим заговорам, которые подготовили крестьянскую войну: *к Союзному башмаку* и *заговору Бедного Конрада*.

Та же дороговизна, которая вызвала крестьянское восстание в Нидерландах, в 1493 г. привела в Эльзасе к образованию тайного союза крестьян и плебеев, в котором приняли участие и люди, принадлежавшие к бюргерской оппозиционной партии, и которому более или менее сочувствовала даже часть низшего дворянства. Средоточием союза была область Шлетштадта, Зульца, Дамбаха, Росгейма, Шервейлера и т. д. Заговорщики требовали разграбления и истребления евреев, ростовщические операции которых уже тогда в такой же мере, как и теперь, высасывали все соки у эльзасских крестьян, установления юбилейного года, с наступлением которого должны были утрачивать свою силу все долговые обязательства, отмены пошлин, налогов и других тягот, упразднения церковного и ротвейльского (имперского) судов, права утверждать налоги, ограничения

дохода духовенства 50 — 60 гульденами на каждое лицо, отмены тайной исповеди и выборных судов для каждой общины. Заговорщики намеревались, когда союз достаточно окрепнет, напасть на укрепления Шлетштадта, захватить монастырскую и городскую казну и отсюда организовать восстание во всем Эльзасе. На союзном знамени, которое должно было быть развернуто в момент восстания, был изображен крестьянский башмак с длинными ремнями, так называемый *Союзный башмак*, ставший символом для крестьянских заговоров ближайших двадцати лет и давший им свое имя.

Собрания заговорщиков происходили обычно ночью на пустынном Гунгерберге. Прием в союз был связан с самыми таинственными церемониями; изменникам грозили самые суровые наказания. Тем не менее заговор был раскрыт как раз в тот момент, когда должно было быть приведено в исполнение нападение на Шлетштадт, в Страстную неделю 1493 г. Власти быстро приняли самые решительные меры; многих заговорщиков бросили в тюрьму и подвергли пыткам; некоторые из них были четвертованы или обезглавлены, у других были изуродованы пальцы и руки, после чего они были изгнаны из страны. Большое количество бежало в Швейцарию.

Однако после этого первого разгрома Союзный башмак отнюдь не был уничтожен. Напротив, он продолжал существовать тайно; многочисленные рассеянные по Швейцарии и южной Германии беглецы превратились в его эмиссаров, которые, встречая везде одинаковый гнет и одинаковую склонность к восстанию, распространили Союзный башмак по всей территории современного Бадена. Стойкость и выдержка, которые, начиная с 1493 г., проявляли в конспирации верхне-немецкие крестьяне в течение тридцати лет и с которыми они преодолевали вытекавшие из их сельского, разбросанного образа жизни препятствия, мешавшие образованию более крупного и централизованного союза, и продолжали после бесчисленных разгромов, поражений и казней вождей составлять все новые и новые заговоры, пока, наконец, не представился удобный случай для массового восстания, — эта стойкость и упорство, действительно, заслуживают величайшего удивления.

В 1502 г. появились первые признаки тайного крестьянского движения в Шпейерском епископстве, которое тогда охватывало и область Брухзаля. Действительно, Союзный башмак реорганизовался здесь с значительным успехом. В союзе состояло около 7 000 человек; его центр находился в Унтергромбахе, между Брухзалем и Вейнгартеном, а разветвления простирались вниз по Рейну до Майна, а вверх — вплоть до маркграфства Баденского. Статьи его

программы требовали отмены каких бы то ни было чиншей, десятин, налогов и пошлин князьям, дворянству и попам; упразднения крепостной зависимости; конфискации монастырских и прочих церковных земель и раздела их среди народа; наконец, не должно было быть никаких других властителей, кроме императора.

Мы здесь впервые встречаем у крестьян требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой и неделимой германской империи. С этих пор оба эти требования все снова и снова регулярно выдвигаются более развитой фракцией крестьян и плебеев, пока, наконец, Томас Мюнцер не превращает *раздела* церковных имений *в их конфискацию* на предмет установления *общности имуществ*, а единую германскую *империю* в единую и неделимую *республику*.

Восстановленный Союзный башмак имел, как и старый, свое тайное место для собраний, свой обет молчания, свои приемные церемонии и свое союзное знамя с надписью: «Ничего, кроме божьей справедливости!» План действий был сходен с планом эльзасцев; предполагалось захватить врасплох Брухзаль, большинство жителей которого принадлежало к союзу, организовать здесь союзное войско и направить его в качестве перемещающегося собирательного центра в окрестные княжества.

План был выдан священником, которому сообщил о нем один из заговорщиков на исповеди. Правительства немедленно приняли меры против заговора. Сколько разветвлений имел союз, показывает тот страх, который охватил имперские сословия в Эльзасе и Швабский союз. Были стянуты войска и произведены массовые аресты. «Последний рыцарь», император Максимилиан, издал кровожадные постановления о наказании участников неслыханного предприятия крестьян. В отдельных местах дело дошло до образования отрядов и вооруженного сопротивления; но разрозненные толпы крестьян не могли долго продержаться. Некоторые заговорщики были казнены, другие бежали; все же тайна была сохранена так хорошо, что большинство, и даже вожди, смогло остаться невредимым или в своих родных местностях, или в землях соседних властителей.

После этого нового поражения опять наступило на долгое время кажущееся затишье в классовой борьбе. Но втихомолку работа продолжалась. В Швабии уже в первые годы XVI столетия возник, очевидно в связи с деятельностью рассеянных членов Союзного башмака, Бедный Конрад; в Шварцвальде Союзный башмак продолжал существовать в виде отдельных мелких кружков, пока через десять лет одному энергичному крестьянскому вождю не удалось снова связать

отдельные нити в один большой заговор. Оба заговора выступают наружу, один вскоре после другого, в тревожные 1513 и 1515 гг., на которые приходится также ряд значительных восстаний швейцарских, венгерских и славянских крестьян.

Восстановителем Союзного башмака на верхнем Рейне был бывший солдат Иосс Фриц из Унтергромбаха, бежавший после раскрытия заговора 1502 г. и во всех отношениях представлявший из себя выдающийся характер. После своего бегства он жил в разных местах между Боденским озером и Шварцвальдом и, в конце концов, поселился в Леене около Фрейбурга, где даже получил место лесничего. Следственные акты содержат чрезвычайно интересные подробности относительно того, как искусно сумел он реорганизовать союз, привлекая в него самых разнообразных людей. Дипломатическому таланту и неутомимой выдержке этого образцового заговорщика удалось втянуть в союз необычайно большое количество людей, принадлежавших к самым различным классам: рыцарей, священников, горожан, плебеев и крестьян; довольно вероятно, что он организовал даже несколько резко отграниченных друг от друга ступеней заговора. Все могущие быть полезными элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством. Кроме более посвященных эмиссаров, бродивших по всей стране переодетыми в самые разнообразные одежды, для второстепенных поручений привлечены были бродяги и нищие. Иосс состоял в непосредственных сношениях с королями нищих и через их посредство имел в своем распоряжении весь многочисленный класс бродяг. Эти короли нищих играли в заговоре значительную роль. Они представляли из себя чрезвычайно своеобразные фигуры. Один из них странствовал в сопровождении девочки с будто бы больными ногами и собирал в пользу ее милостыню. У него на шляпе было более восьми эмблем («четырнадцать помощников в нужде», св. Оттилия, св. дева и т. д.). Кроме того у него была длинная рыжая борода и толстая суковатая палка с кинжалом и колючкой. Другой просил во имя св. Валентина, продавая пряности и цитварное семя, носил длинный, стального цвета кафтан, красный берет с триентским младенцем, шпагу на боку, несколько ножей и кинжал за поясом; другие выставляли напоказ искусственно-расстравляемые раны и носили соответственные причудливые костюмы. Их было, самое меньшее, десять человек: они должны были за вознаграждение в 2 000 гульденов устроить поджоги одновременно в Эльзасе, маркграфстве Баденском и Брейсгау и явиться, по крайней мере, с 2 000 своих людей в Розен в день храмового праздника в Цаберне и, став там под начальство бывшего предводителя

ландскнехтов Георга Шнейдера, захватить город. Среди самих членов союза была устроена от станции к станции правильная служба связи, и Иосс Фриц и его главный эмиссар, Стоффель из Фрейбурга, непрерывно переезжали из одной местности в другую, производя ночные смотры новым членам. Относительно распространения союза на верхнем Рейне и в Шварцвальде следственные акты дают достаточное количество данных; они приводят множество имен членов вместе с их приметами из самых различных местностей этой области. В большинстве случаев, это—ремесленные подмастерья, далее крестьяне и трактирщики, несколько дворян и поп (так, например, священник из самого Леена) и безработные ландскнехты. Уже этот состав показывает, что под руководством Иосса Фрица Союзный башмак принял гораздо более развитой характер; плебейский элемент городов начинает играть в нем все большую роль. Разветвления союза расходились по всему Эльзасу, современному Бадену вплоть до Вюртемберга и Майна. Иногда на уединенных горах, например, на Книбисе и др., устраивали более крупные собрания, на которых обсуждались союзные дела. Съезды вождей, в которых часто принимали участие члены союза, принадлежавшие к данной местности, точно так же как и делегаты от более отдаленных районов, происходили на Гартматте у Леена; здесь же были приняты четырнадцать тезисов союзной программы: уничтожение всех властей, кроме императорской и (согласно некоторым известиям) папской; упразднение ротвейльского имперского суда, ограничение церковного суда духовными делами; отмена дальнейшей уплаты процентов, если сумма уплаченных процентов уже достигла размеров занятого капитала; установление высшей нормы процента в пять процентов; свобода охоты, рыбной ловли, выпаса и рубки леса; ограничение доходов каждого попа одной бенефицией; конфискация церковных имений и монастырских сокровищ в пользу союзной военной казны; отмена всех несправедливых налогов и пошлин; вечный мир во всем христианском мире; энергичное выступление против всех противников союза; союзная подать; захват укрепленного города Фрейбурга, который служил бы центром союза; открытие переговоров с императором, после того как будут собраны отряды союза, и с Швейцарией — в случае отказа со стороны императора, — таковы были пункты выработанной программы. Они показывают, что, с одной стороны, требования крестьян и плебеев стали принимать все более определенную и твердую форму и что, с другой, пришлось в той же степени делать уступки более нерешительным и умеренным элементам.

Восстание должно было начаться осенью 1513 г. Недоставало лишь союзного знамени, и, для того чтобы расписать его, Иосс Фриц отправился в Гейльбронн. Наряду с различными эмблемами и изображениями, на нем был воспроизведен башмак и сделана надпись: «Господи, помоги восстановлению твоей божественной справедливости». Но во время отсутствия Иосса произошла преждевременная попытка захватить Фрейбург, которая была раскрыта; некоторая неосторожность при ведении пропаганды помогла фрейбургскому совету и маркграфу Баденскому напасть на верный след, а измена двух заговорщиков завершила ряд разоблачений. Маркграф, фрейбургский совет и имперское правительство в Энзисгейме немедленно послали своих шпионов и солдат; некоторое число членов Союза башмака было арестовано, подвергнуто пытке и казнено; но и на этот раз большинству удалось бежать, в том числе и Иоссу Фрицу. Швейцарские власти преследовали беглецов на этот раз с большим ожесточением и многих даже казнили; но они так же мало, как и их соседи, смогли помешать тому, что большинство беглецов осталось по соседству с местами своего прежнего жительства и даже понемногу стало возвращаться в свои родные места. Более всего свирепствовали эльзасские власти в Энзисгейме; по их приказанию было обезглавлено, четвертовано и колесовано большое число лиц. Сам Иосс Фриц находился большею частью на швейцарском берегу Рейна, но часто перебирался в Шварцвальд, где его все же ни разу не удалось захватить.

Почему швейцарские власти объединились на этот раз с соседними правительствами для борьбы против Союзного башмака, объясняет крестьянское восстание, вспыхнувшее в следующем 1514 г. в *Берне*, *Золотурне* и *Люцерне* и приведшее к чистке аристократических правительств и патрициата. Крестьяне, кроме того, добились здесь для себя ряда прав и преимуществ. Успех местных швейцарских восстаний объясняется тем, что в Швейцарии централизация существовала еще в меньшей степени, чем в Германии. Со своими местными господами крестьяне быстро справились везде и в 1525 г., но они потерпели поражение от организованных княжеских войск, а последних в Швейцарии не существовало.

Одновременно с Союзным башмаком в Бадене и, очевидно, в непосредственной связи с ним в Вюртемберге возник второй заговор. Судя по документальным данным, он существовал уже с 1503 г., и так как название Союзный башмак стало со времени разгрома Унтергромбахского заговора слишком опасным, то он был назван Бедным Конрадом. Главным центром его была долина Ремса под

Гогенштауфенбергом. Его существование уже давно не было тайной, по крайней мере среди народа. Бесстыдное угнетение со стороны правительства герцога Ульриха и ряд голодных годов, оказавших сильнейшее влияние на взрыв движения 1513 и 1514 гг., увеличили число членов союза; самый взрыв был вызван вновь введенными налогами на вино, мясо и хлеб и налогом на капитал в размере одного пфеннига с гульдена ежегодно. Прежде всего предполагалось захватить город Шорндорф, где главари заговора сходились в доме ножовщика Каспара Прегицера.

Восстание вспыхнуло весной 1514 г. К городу подошли 3 000, а по другим сведениям 5 000 крестьян, но герцогским чиновникам удалось посредством милостивых обещаний убедить их уйти обратно; герцог Ульрих, согласившийся на отмену новых налогов, прискакал в город с восемьюдесятью всадниками, но там, благодаря этому обещанию, все уже успокоилось. Он обещал созвать ландтаг и рассмотреть на нем все жалобы. Но главари заговора хорошо понимали, что герцог Ульрих стремился лишь поддержать среди народа спокойствие, пока он не наберет и не стянет достаточного количества войск, чтобы иметь возможность нарушить свое слово и собрать налоги силой. Поэтому они обратились из дома Каспара Прегицера, «канцелярии Бедного Конрада», с воззванием о созыве союзного съезда и разослали для этой цели всюду эмиссаров. Успех первого восстания в долине Ремса сделал движение популярным среди народа; послания и эмиссары нашли всюду благоприятную почву, и на состоявшийся 28 мая в Унтертюркгейме съезд собралось большое количество делегатов со всех частей Вюртемберга. На съезде было постановлено усиленно продолжать агитацию и при первом удобном случае начать действия в долине Ремса с тем, чтобы отсюда распространить восстание далее. Когда бывший солдат Бантельганс из Деттингена и пользовавшийся большим уважением крестьянин Зингерганс из Вюртингена привлекли на сторону союза горную часть Швабии, восстание всюду уже вспыхнуло. Правда, Зингерганс был застигнут врасплох и захвачен в плен, но города Бакнанг, Виннен-ден, Маркгроннинген оказались в руках соединившихся с плебеями крестьян, и вся страна от Вейнсберга до Блаубейрена и от Блаубейрена до баденской границы находилась в состоянии открытого восстания. Ульрих должен был уступить. Созвав на 25 июня ландтаг, он в то же время обратился к ближайшим князьям и свободным городам с письмами, прося о помощи против восстания, которое является угрозой для всех князей, властей и знатных людей империи и «поразительно походит на Союзный башмак».

Между тем ландтаг, т. е. депутаты от городов и большое количество делегатов от крестьян, также требовавших себе места в ландтаге, собрался уже 18 июня в Штуттгарте. Прелаты еще не явились, рыцари же вовсе не были приглашены. Городская штуттгартская оппозиция и два находившихся вблизи, в Леонберге и долине Ремса, отряда крестьян поддерживали требования последних. Крестьянские делегаты были допущены; было постановлено сместить и подвергнуть наказанию трех ненавистных советников герцога — Лампартера, Тумба и Лорхера, образовать при герцоге совет в составе четырех рыцарей, четырех горожан и четырех крестьян, назначить герцогу определенное жалованье и конфисковать имущества монастырей и богоугодных учреждений в пользу государственной казны.

Против этих революционных постановлений герцог Ульрих выдвинул государственный переворот. 21 июня он отправился со своими рыцарями и советниками в Тюбинген, куда за ним последовали и прелаты, приказал явиться туда также и горожанам, что те и исполнили, и продолжил здесь заседания ландтага без участия крестьян. Здесь, в условиях военного террора, горожане предали своих союзников, крестьян. 8 июля был заключен Тюбингенский договор, согласно которому страна должна была взять на себя уплату около миллиона герцогских долгов, герцог был связан некоторыми обязательствами, которых он никогда не выполнил, а крестьяне должны были удовлетвориться некоторыми туманными общими словами и весьма положительным уголовным законом, карающим мятежи и союзы. О крестьянском представительстве в ландтаге, конечно, не было больше и речи. Сельское население кричало о предательстве, но, так как герцог, после того как сословия взяли на себя его долги, снова получил кредит, то он скоро собрал войска; его соседи, в особенности курфюрст Пфальцский, также прислали ему вспомогательные отряды. Благодаря этому вся страна еще в конце июля приняла Тюбингенский договор и принесла новую присягу. Лишь в долине Ремса Бедный Конрад оказал сопротивление; герцог, снова приехавший туда, чуть не был убит, и на Каппельберге образовался крестьянский лагерь. Но, когда дело затянулось, большинство повстанцев снова разбежалось из-за недостатка съестных припасов; оставшиеся же, благодаря двусмысленному договору с несколькими депутатами ландтага, также разошлись по домам. Ульрих, войско которого тем временем усилилось добровольно присланными отрядами городов, ставших, по удовлетворении своих требований, фанатическими противниками крестьян, напал, не взирая на договор, на долину Ремса, города и деревни которой подверглись разграблению.

1 600 крестьян были брошены в тюрьму, из которых 16 человек были немедленно обезглавлены, а остальные приговорены большею частью к тяжелым денежным штрафам в пользу казны Ульриха. Многие долгое время оставались в тюрьмах. Были изданы строгие законы, сурово каравшие всякую попытку восстановить союз и созыв крестьянских собраний, и швабское дворянство заключило специальный союз для подавления всякой попытки восстания. Однако главные вожди Бедного Конрада удачно скрылись в Швейцарию, откуда, по истечении нескольких лет, бо́льшая часть их вернулась поодиночке на родину.

Одновременно с вюртембергским движением появились симптомы возрождения Союзного башмака в Брейсгау и маркграфстве Баденском. В июне около Бюля была сделана попытка к восстанию; но она была немедленно подавлена маркграфом Филиппом, и предводитель восстания Гугель-Бастиан был схвачен и обезглавлен в Фрейбурге.

В том же 1514 г., весною же, в Венгрии вспыхнула всеобщая крестьянская война. Здесь шла тогда проповедь крестового похода против турок, и, по обыкновению, обещалась свобода всем крепостным и зависимым крестьянам, которые захотят примкнуть к нему. Собралось около 60 000 человек, которые были поставлены под начальство секлера Георга Дожи, уже ранее отличившегося в войнах с турками и получившего за это дворянство. Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись очень неблагосклонно к этому походу, который грозил им лишить их собственности, крепостных. Они бросились за отдельными толпами крестьян и с помощью насилия и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, ярость угнетенных крестьян прорвалась. Двое из наиболее ревностных проповедников крестового похода, Лаврентий и Варнава, своими революционными речами еще более раздули в войске ненависть против дворянства. Сам Дожа разделял негодование своих войск против предателей дворян. Крестоносное войско превратилось в революционную армию, и он стал во главе этого нового движения.

Он расположился со своими крестьянами лагерем на Ракошском поле у Будапешта. Враждебные действия начались с столкновений, происшедших с челядью дворянской партии в окрестных деревнях и будапештских предместьях. Вскоре дело дошло до вооруженных схваток и, наконец, до сицилийской вечерни для дворян: все попавшие в руки крестьян дворяне были перебиты, и все окрестные замки сожжены. Двор грозил, но угрозы его не возымели никакого

действия. Когда первый народный суд над дворянством был свершен под стенами столицы, Дожа перешел к дальнейшим операциям. Он разделил свое войско на пять колонн. Две из них были посланы в верхне-венгерские горы, чтобы поднять там всеобщее восстание и истребить дворянство. Третья, под начальством одного пештского горожанина, Амвросия Салереши, осталась на Ракошском поле для наблюдения за столицей; четвертую и пятую колонны Дожа и его брат Григорий повели на Сегедин.

Тем временем дворянство собралось в Пеште и призвало себе на помощь семиградского воеводу Яна Заполья. После того как Салевеш с городскими элементами крестьянского войска перешел на сторону врага, дворянство вместе с будапештскими горожанами разбило и уничтожило корпус, стоявший лагерем на Ракошском поле. Огромное количество пленных было казнено самым жестоким образом, остальные же отпущены по домам с отрезанными носами и ушами.

Дожа, потерпев неудачу под Сегедином, направился к Чанаду и взял его, разбив сначала дворянское войско, находившееся под начальством Стефана Батория и епископа Чаки, и отмстив кровавой расправой над пленными, в числе которых были и епископ и королевский казначей Телегди, за жестокости на Ракошском поле. В Чанаде он провозгласил республику, отмену дворянства, всеобщее равенство и верховенство народа и двинулся затем на Темешвар, куда укрылся Баторий. Но, пока он, получив подкрепление в виде нового войска под начальством Антона Госсы, в течение двух месяцев осаждал эту крепость, обе верхне-венгерские армии были разбиты дворянством в ряде сражений, и против него двинулся с семиградской армией Ян Заполья. Заполья напал на крестьян и рассеял их; Дожа был взят в плен, заживо зажарен на раскаленном троне и съеден его собственными людьми, которые лишь на этом условии получили жизнь. Рассеянные крестьяне, снова собранные Лаврентием и Госой, были разбиты еще раз, причем все, кто попал в руки врага, были посажены на кол или повешены. Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожженных деревень. Говорят, пало в боях и было перебито во время репрессий до 60 000 человек. Дворянство же позаботилось о том, чтобы на ближайшем ландтаге снова признать порабощение крестьян законом страны.

Вспыхнувшее около этого же времени крестьянское восстание в «Вендской Марке», т. е. в Каринтии, Крайне и Штирии, опиралось на заговор, близкий по своему характеру к Союзному башмаку, который в этой разоренной поборами дворянства и королевских чиновников, опустошенной набегами турок и измученной голодом

области образовался уже в 1503 г. и вызвал восстание. Словенские крестьяне этих местностей, так же, как и немецкие, уже в 1513 г. опять поднялись во имя «старых прав», и если в этом году их опять удалось успокоить, если в 1514 г., когда они собирались еще бо́льшими массами, императору Максимилиану удалось уговорить их разойтись посредством вполне определенного обещания восстановить «старые права», то весной 1515 г. произошел тем более сильный взрыв мести вечно обманываемого народа. Как и в Венгрии, крестьянские заговорщики всюду разрушали замки и монастыри и судили и обезглавливали взятых в плен дворян. В Штирии и Каринтии императорскому военачальнику Дитрихштейну вскоре удалось затушить восстание; но в Крайне оно было подавлено лишь благодаря нападению на Райн (осенью 1516 г.) и последовавшим затем бесчисленным жестокостям австрийских властей, вполне заслуживающим быть поставленными рядом с гнусностями венгерского дворянства.

Вполне понятно, что после целого ряда столь решительных поражений и массовых жестоких расправ дворянства крестьяне в Германии оставались в течение довольно долгого времени спокойными. И все же ни заговоры, ни местные восстания не прекратились окончательно. Уже в 1516 г. большинство бежавших участников Союзного башмака и Бедного Конрада возвратилось в Швабию и на верхний Рейн, и в 1517 г. Союзный башмак возродился в Шварцвальде с новой силой. Сам Иосс Фриц, все еще хранивший спрятанным у себя на груди старое знамя Союзного башмака 1513 г., снова стал разъезжать по всему Шварцвальду и развивать энергическую деятельность. Заговор организовался заново. Как и за четыре года до того, опять стали назначаться собрания на Книбисе. Но тайна не была соблюдена; правительства узнали о заговоре и приняли решительные меры. Многих схватили и казнили; наиболее деятельные и интеллигентные участники движения должны были бежать, в том числе и Иосс Фриц, захватить которого не удалось и на этот раз. Повидимому, он вскоре после этого умер в Швейцарии, так как с этого времени имя его уже нигде более не упоминается.

IV.

В то самое время, когда в Шварцвальде был подавлен четвертый заговор Союзного башмака, Лютер дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было увлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи. Тезисы тюрингского августинца оказали то же действие, как удар молнии на бочку пороха. Много-

образные, взаимно перекрещивающиеся стремления рыцарей и горожан, крестьян и плебеев, домогавшихся для себя суверенитета князей, низшего духовенства, тайных мистических сект и ученой и сатирической литературной оппозиции нашли себе в них на первое время общее выражение и сгруппировались вокруг них с поразительной быстротой. Этот сложившийся в одну ночь союз всех оппозиционных элементов, как недолговечно ни было его существование, сразу раскрыл всю огромную мощь движения и дал ему сильный толчок.

Но как раз это быстрое развитие движения должно было очень скоро развить заключенные в нем зародыши раздора, должно было, по крайней мере, создать разрыв между противоположными друг другу по всем условиям своей жизни составными элементами возбужденной массы и привести их в их нормальное, враждебное друг другу положение. Это собирание пестрой оппозиционной массы вокруг двух притягательных центров обнаружилось уже в первые годы реформации; дворянство и горожане группировались безусловно вокруг Лютера; крестьяне и плебеи, не видя еще в Лютере прямого врага, составили, как и раньше, особую революционно-оппозиционную партию. Разница заключалась лишь в том, что движение было теперь гораздо более всеобщим и глубоким, чем до Лютера, и что это обстоятельство должно было с необходимостью привести к резко выраженной противоположности и к открытой борьбе обеих партий. Эта прямая противоположность вскоре обнаружилась; Лютер так же боролся в печати и на кафедре с Мюнцером, как в большинстве случаев лютеранские или, по крайней мере, состоящие из склоняющихся к лютеранству сил войска князей, рыцарей и городов рассеивали толпы крестьян и плебеев.

Насколько расходились интересы и потребности различных принявших реформацию элементов, показывает имевшая место еще до крестьянской войны попытка дворянства добиться осуществления своих требований, направленных против князей и попов.

Выше мы уже видели, какое положение занимало немецкое дворянство в начале XVI века. Ему грозила потеря независимости и подчинение становившимся все более могущественными светским и церковным князьям. В то же время оно видело, что, по мере того как оно опускалось, падала и имперская власть и империя все более распадалась на ряд суверенных княжеств. Таким образом, для дворянства его собственная гибель должна была совпадать с гибелью немцев как нации. К этому присоединялось также и то обстоятельство, что дворянство, в особенности дворянство имперское, являлось тем

сословием, которое в силу как своей военной профессии, так и своего положения по отношению к князьям являлось главным представителем империи и имперской власти. Оно было наиболее национальным сословием, и чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленнее князья, чем более единства было в Германии, тем оно было могущественнее. Этим объясняется всеобщее недовольство рыцарства жалким политическим положением Германии, бессилием империи во внешних делах, возраставшим в той же мере, в какой императорский дом путем наследования присоединял к империи одну за другой новые провинции, интригами иностранных государств внутри Германии и заговорами немецких князей с заграничными державами против имперской власти. Таким образом, требования дворянства должны были свестись к требованию имперской реформы, жертвой которой должны были стать князья и высшее духовенство. Сводку этих требований взял на себя *Ульрих фон Гуттен*, теоретический представитель немецкого дворянства, вместе с *Францем фон-Зиккингеном*, который был его военным и политическим представителем.

Гуттен дал очень определенную и радикальную формулировку выставленной им от имени дворянства программе имперской реформы. Дело шло не о чем ином, как об устранении всех князей, секуляризации всех духовных княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе, наподобие той, которая существовала в лучшие дни блаженной памяти польской республики. Путем восстановления господства дворянства, этого по преимуществу военного класса, устранения князей, носителей политического раздробления, уничтожения могущества попов и освобождения Германии из-под духовной власти Рима Гуттен и Зиккинген надеялись снова сделать империю единой, свободной и могущественной.

Покоящаяся на крепостной зависимости дворянская демократия, в том виде как она существовала в Польше и в несколько видоизмененной форме в первые столетия образованных германцами после завоевания Римской империи королевств, представляет из себя одну из самых грубых форм общества и совершенно нормально эволюционирует далее в развитую феодальную иерархию, которая является уже значительно более высокою ступенью. Следовательно, эта чистая дворянская демократия была в Германии XVI века уже невозможна. Она была невозможна уже потому, что в Германии существовали тогда значительные и могущественные города. Однако, с другой стороны, был невозможен и союз между низшим дворянством и городами, который в Англии привел к превращению феодально-сословной мо-

нархии в монархию буржуазно-конституционную. В Германии старое дворянство сохранилось, в Англии же, благодаря войне между Алой и Белой розой, оно было истреблено, за исключением 28 семей, и его место заступило новое дворянство буржуазного происхождения и с буржуазными тенденциями. В Германии продолжала существовать крепостная зависимость, и дворянство имело *феодальные* источники дохода; в Англии она была уничтожена почти полностью, и дворянство превратилось в простых буржуазных землевладельцев *с буржуазным* источником дохода — земельной рентой. Наконец, централизация абсолютной монархии, установившаяся во Франции уже со времени Людовика XI, благодаря антагонизму между дворянством и буржуазией, и развивавшаяся все далее, в Германии была невозможна уже потому, что предпосылки, необходимые для национальной централизации, здесь не существовали вовсе или существовали в очень неразвитом состоянии.

При этих обстоятельствах, чем ближе приступал Гуттен к практическому осуществлению своего идеала, тем бо́льшие уступки должен он был делать и тем неопределеннее должны были становиться общие очертания его плана имперской реформы. То, что дворянство одно не обладало достаточными силами для выполнения этого предприятия, показала его все возраставшая слабость по отношению к князьям. Нужны были союзники, и единственно возможными союзниками были города, крестьяне и влиятельные теоретики реформаторского движения. Но города достаточно хорошо знали дворянство, чтобы не доверять ему и отказаться от всякого союза с ним. Крестьяне с полным основанием видели в эксплоатировавшем их и жестоко обращавшемся с ними дворянстве своего злейшего врага. А теоретики реформации были на стороне или горожан, или князей, или крестьян. Да и что положительного могла дать горожанам и крестьянам предлагаемая дворянством реформа империи, главной целью которой являлись усиление и подъем дворянства? При этих обстоятельствах Гуттену оставалось, лишь мало или ничего не говоря о будущих взаимоотношениях между дворянством, городами и крестьянами, возлагать в своих пропагандистских произведениях ответственность за все зло на князей, попов и зависимость от Рима и доказывать горожанам, что они в своих интересах должны держаться в предстоящей борьбе между князьями и дворянством по крайней мере нейтрально. Гуттен в своих произведениях нигде не говорит об отмене крепостной зависимости и повинностей, которые крестьяне несли в пользу дворянства.

Отношение немецкого дворянства к крестьянам было тогда

совершенно таким же, как и отношение польского дворянства к его крестьянству во время восстаний, начиная с 1830 г. Как в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличности союза всех оппозиционных партий, именно союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях был невозможен. Ни дворянство не было поставлено в необходимость отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно-настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз более всего его притесняло. Как в 1830 г. в Польше, так и в 1522 г. в Германии дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Заставить сельское население примкнуть к дворянству могли лишь полная отмена крепостного права и зависимых отношений и отказ от всех дворянских привилегий; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не чувствовало ни малейшей охоты добровольно отказываться от своих прав и преимуществ, от своего привилегированного положения и большей части источников своего дохода.

Таким образом, когда, наконец, началась борьба дворянства с князьями, оно оказалось совершенно одиноким. Можно было с самого начала предвидеть, что князья, которые в течение двух столетий отнимали у него одну позицию за другой, легко справятся с ним и на этот раз.

Перипетии самой борьбы известны. Гуттен и Зиккинген, признанный уже политическим и военным вождем средне-немецкого дворянства, образовали в 1522 г. в Ландау союз рейнского, швабского и франконского дворянства под предлогом самозащиты; частью на собственные средства, частью с помощью соседних рыцарей, Зиккинген собрал войско, организовал набор вспомогательных сил во Франконии, на нижнем Рейне, в Нидерландах и Вестфалии и в сентябре 1522 г. открыл враждебные действия объявлением войны курфюрсту архиепископу Трирскому. Но в то время как он осаждал Трир, решительное выступление князей отрезало от него отряды, которые должны были прийти к нему на помощь; ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцский двинулись на поддержку трирцам, и Зиккинген должен был бежать в свой замок Ландштуль. Несмотря на все усилия Гуттена и остальных друзей Зиккингена, находившиеся в союзе дворяне, терроризированные концентрированными и быстрыми действиями князей, оставили его на произвол судьбы; сам Зиккинген, смертельно раненый, сдал Ландштуль и тотчас

вслед затем умер. Гуттен должен был бежать в Швейцарию и умер по прошествии нескольких месяцев на острове Уфнау на Цюрихском озере.

После этого поражения и смерти обоих вождей мощь дворянства, как независимой от князей корпорации, была сломлена. Начиная с этого момента дворянство фигурирует лишь на службе и под руководством князей. Вспыхнувшая вслед за тем крестьянская война еще более заставила его прямо или косвенно встать под защиту князей. В то же время она показала, что немецкое дворянство предпочло эксплоатацию крестьян под верховной властью князей свержению князей и попов с помощью открытого союза *с эмансипированным* крестьянством.

V.

С того момента, когда объявление Лютером войны католической иерархии привело в движение все оппозиционные элементы Германии, не проходило ни одного года, когда бы крестьяне также не выступали со своими требованиями. С 1518 по 1523 гг. в Шварцвальде и верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер. В апреле этого года крестьяне аббатства Мархталь отказались выполнять барщины и повинности; в мае санкт-блазиенские крестьяне отказались нести крепостные повинности; в июне штейнгеймские и меммингенские крестьяне заявили, что не желают платить десятину и другие сборы; в июле и августе произошло восстание тургауских крестьян, которое было усмирено частью благодаря посредничеству цюрихцев, частью жестокими мерами союзного швейцарского правительства, приказавшего некоторых из них казнить. Наконец, в ландграфстве Штюлинген произошло решительное восстание, которое можно считать непосредственным *началом крестьянской войны.*

Штюлингенские крестьяне внезапно отказались от несения повинностей ландграфу, собрались в большие отряды и под предводительством *Ганса Мюллера из Бульгенбаха* отправились 24 октября 1524 г. к Вальдсгуту. Здесь они основали вместе с горожанами евангелическое братство. Горожане тем охотнее вступили в союз, что они в это время находились в ссоре с передне-австрийским правительством из-за религиозных преследований их проповедника *Бальтазара Губмайера*, одного из учеников и друзей Томаса Мюнцера. Был установлен союзный налог в размере трех крейцеров еженедельно, что составляло, принимая во внимание тогдашнюю ценность денег,

огромную ставку, и разосланы эмиссары в Эльзас, на Мозель, весь верхний Рейн, во Франконию, чтобы всюду привлечь крестьян в союз. В качестве цели союза были провозглашены уничтожение феодального господства, разрушение всех замков и монастырей и устранение всех господ, кроме императора. Союзным знаменем было *немецкое трехцветное знамя.*

Восстание быстро распространилось по всему современному баденскому Оберланду. Панический страх охватил все верхне-швабское дворянство, военные силы которого были почти целиком заняты в Италии в войне против французского короля Франциска I. Дворянству оставалось только попытаться затянуть дело посредством переговоров, а тем временем собирать деньги и набирать войска, чтобы, собравшись с силами, наказать затем крестьян за их дерзость «экзекуциями, пожарами, грабежами и убийствами». С этого момента начались то систематическое предательство, то последовательное вероломство и коварство, которые составляли характерную черту поведения дворянства и князей в течение всей крестьянской войны и которые являлись их сильнейшим оружием в борьбе с раздробленными и трудно поддающимися организации крестьянами. Швабский союз, обнимавший князей, дворянство и имперские города юго-западной Германии, выступил в качестве посредника, не гарантируя, однако, крестьянам действительных уступок. Крестьяне не успокоились. Ганс Мюллер из Бульгенбаха от 30 сентября до середины октября прошел через Шварцвальд до Ураха и Фуртвангена, довел свой отряд до 3 500 человек и занял с ним позицию при Эратингене (недалеко от Штюлингена). В распоряжении дворянства было не свыше 1 700 человек, но даже и эти силы были разбросаны. Оно было вынуждено согласиться на перемирие, которое и было действительно заключено в Эратингенском лагере. Крестьянам были обещаны полюбовное соглашение или непосредственно между сторонами, или при посредстве третейских судей и расследование их жалоб штоккахским земским судом. Как дворянские войска, так и крестьяне разошлись.

Крестьяне сговорились и формулировали свои требования в 16 статьях, утвердить которые должен был штоккахский суд. Эти требования отличались большой умеренностью. Упразднение права охоты, барщины, тяжких налогов и вообще господских привилегий, защита против произвольных арестов и пристрастных, выносящих произвольные решения судов, — большего они не требовали.

Напротив, дворянство, как только крестьяне разошлись по домам, немедленно стало вновь требовать выполнения всех спорных

повинностей, пока суд не вынесет окончательного решения. Крестьяне, естественно, стали отказываться и отсылать господ к суду. Борьба снова разгорелась; крестьяне снова начали собираться, князья и дворяне сосредоточивали свои войска. На этот раз движение распространилось дальше, за Брейсгау и далеко вглубь Вюртемберга. Дворянские войска, под начальством Георга Трухзесса фон-Вальдбурга, этого Альбы крестьянской войны, наблюдали за крестьянами, били отдельные отряды, но не осмеливались напасть на главные силы. Георг Трухзесс вступал с крестьянскими вождями в переговоры и в некоторых случаях даже заключал с ними договоры.

В конце декабря начались переговоры перед судом в Штоккахе. Крестьяне протестовали против составления суда из одних только дворян. В ответ на это им был прочитан приказ императора. Переговоры стали затягиваться; тем временем князья, дворянство и швабские союзные власти вооружились. Эрцгерцог Фердинанд, который, помимо теперешних наследственных австрийских земель, властвовал еще над Вюртембергом, баденским Шварцвальдом и южным Эльзасом, приказал применить к мятежным крестьянам самые строгие меры: ловить, пытать, избивать их без всякого милосердия, губить их всеми возможными способами, жечь и разорять их имущество, изгонять из страны их жен и детей. Мы видим, как соблюдали князья и господа перемирие и что понимали они под милостивым посредничеством и расследованием жалоб. Эрцгерцог Фердинанд, которому дом Вельзеров в Аугсбурге дал взаймы деньги, вооружался с величайшей поспешностью; Швабский союз предписал произвести в три срока поставку военных контингентов и денежных взносов.

Вспыхнувшие до этого момента восстания приходятся на время пятимесячного пребывания Томаса Мюнцера в Оберланде. Хотя нет никаких прямых доказательств его влияния на начало и ход движения, однако косвенно это влияние вполне установлено. Наиболее решительные революционеры среди крестьян являются большею частью его учениками и последователями его идей. Все современники приписывали ему «Двенадцать тезисов», как и письмо с тезисами оберландских крестьян, хотя, несомненно, что он не был автором, по крайней мере, первых. Еще во время своего возвращения в Тюрингию он выпустил решительное революционное послание к восставшим крестьянам.

Одновременно вел интриги изгнанный в 1519 г. из Вюртемберга герцог Ульрих с целью вновь завладеть своею страной, опираясь на крестьян. Факты устанавливают, что со времени своего изгнания он стремился использовать революционную партию и непрерывно

ее поддерживал. Его имя замешано в большинстве происходивших в 1520—1524 гг. местных волнений в Шварцвальде и Вюртемберге, а теперь он прямо стал готовиться к нападению на Вюртемберг из своего замка Гогентвиль. Крестьяне, однако, лишь пользовались им как орудием; он никогда не имел среди них влияния и, в еще меньшей степени, пользовался их доверием.

Так прошла зима, и ни одна из сторон не предприняла решительных действий. Князья и господа прятались, крестьянское восстание расширялось. В январе 1525 г. вся страна между Дунаем, Рейном и Лехом находилась в состоянии величайшего возбуждения; в феврале буря разразилась.

В то время как *отряд из Шварцвальда и Гегау*, находившийся под начальством Ганса Мюллера бульгенбахского, конспирировал с Ульрихом Вюртембергским и частично принял участие в его безрезультатном походе в Штуттгарт (февраль и март 1525 г.), в Риде, выше Ульма, произошло 9 февраля крестьянское восстание; крестьяне собрались в прикрытом болотами лагере при Бальтрингене, водрузили *красное знамя* и образовали под предводительством *Ульриха Шмидта бальтрингенский отряд*. Их было 10—12 тыс. человек.

25 февраля у Шуссера собрался оберальгеуский отряд, численностью в 7 000 человек, под влиянием слухов о приближении войск против появившихся и здесь недовольных. Жители Кемптена, находившиеся всю зиму в ссоре со своим архиепископом, также собрались 26 числа и присоединились к крестьянам. Города Мемминген и Кауфбейрен также примкнули, на известных условиях, к движению; но уже здесь обнаружилась двусмысленность того положения, которое заняли города в этой борьбе. 7 марта в Меммингене были приняты двенадцать меммингенских тезисов для всех оберальгеуских крестьян.

По получении вестей от альгеуцев, на Боденском озере образовался *озерный отряд*, под предводительством Эйтеля Ганса. И этот отряд быстро усилился. Главная квартира его находилась в Берматингене.

Уже в первых числах марта крестьяне восстали в нижнем Альгеу в окрестностях Оксенгаузена и Шелленберга, в Цейле и Вальдбурге, владениях Трухзесса. Этот *нижне-альгеуский отряд*, численностью в 7 000 человек, расположился лагерем в Вурцахе.

Все эти четыре отряда приняли меммингенские тезисы, которые, впрочем, были значительно умереннее гегауских и обнаруживали поразительную нерешительность во всех пунктах, касавшихся отношения вооруженных отрядов к дворянству и правительствам. Ре-

шительность там, где она проявилась, проявилась лишь в течение войны, после того как крестьяне на опыте познакомились с образом действий своих врагов.

Одновременно с этими отрядами на Дунае образовался шестой отряд. Из всей местности от Ульма до Донауверта, из долин Иллера, Рота и Бибера крестьяне собрались в Лейпгейм и расположились там лагерем. Из 15 местностей пришли все способные носить оружие мужчины, а из 117 местностей явились дополнительные отряды. Предводителем *лейпгеймского отряда* был Ульрих Шен, его проповедником — лейпгеймский пастор Яков Вее.

Таким образом, в начале марта под оружием находилось в шести лагерях от 30 до 40 000 восставших верхне-швабских крестьян. Характер этих крестьянских отрядов был весьма смешанный. Революционная, мюнцеровская партия всюду составляла меньшинство. Тем не менее она всюду являлась основным ядром и опорой крестьянских лагерей. Крестьянская масса всегда готова была итти на соглашение с господами, как только ей гарантировали уступки, которые она рассчитывала вырвать своим угрожающим поведением. Кроме того, когда дело затягивалось и начинали приближаться княжеские войска, война крестьянам быстро надоедала, и те из них, у кого было что̀ терять, расходились большею частью по домам. При этом к отрядам в большом количестве присоединился бродячий люмпен-пролетариат, который сильно мешал дисциплине, деморализировал крестьян и часто то убегал, то снова возвращался. Уже отсюда ясно, что первоначально крестьянские отряды всюду занимали оборонительное положение, деморализировались в лагерях и, независимо от тактических недочетов и редкости хороших предводителей, отнюдь не были в силах померяться с княжескими войсками.

Еще в то время, когда отряды собирались, герцог Ульрих напал с помощью набранных им войск и некоторого количества гегауских крестьян на Вюртемберг из Гогентвиля. Если бы крестьяне двинулись теперь с другой стороны на войска Трухзесса фон-Вальдбурга, то гибель Швабского союза была бы неизбежна. Но при чисто оборонительном положении крестьянских отрядов Трухзессу быстро удалось заключить с альгеускими, бальтрингенскими и озерными крестьянами перемирие, начать с ними переговоры и назначить срок для окончательного разрешения дела на 2 апреля, воскресенье Judica, т. е. пятое воскресенье великого поста. В течение этого времени он смог двинуться против герцога Ульриха, занять Штуттгарт и принудить герцога снова покинуть Вюртемберг. Затем он обратился против крестьян, но в его собственном войске произошел мятеж

ландскнехтов, которые отказались выступать против крестьян. Трухзессу удалось, однако, успокоить мятежников, и он двинулся на Ульму, где собирались новые подкрепления. При Кирхгейме под Текком он оставил наблюдательный лагерь.

Швабский союз, почувствовавший, наконец, что его руки развязаны, и собравший свои первые контингенты, сбросил с себя тогда маску и заявил, что «он решился с оружием в руках и с божией помощью положить конец всем своевольным действиям крестьян».

Между тем крестьяне строго соблюдали условия перемирия. Для переговоров в воскресенье Judica они выставили свои требования, знаменитые «*Двенадцать тезисов*». Они требовали выборности и сменяемости духовных лиц общинами, отмены малой десятины, обращения остающейся после уплаты содержания пастору части большой десятины на общественные надобности, уничтожения крепостной зависимости, права охоты и рыбной ловли, поборов, взыскивавшихся с наследников после смерти держателя, ограничения чрезмерных налогов, повинностей и барщины, возврата общинам и отдельным лицам насильственно отобранных у них лесов, пастбищ и привилегий, устранения произвола в судах и управлении. Как мы видим, умеренная соглашательская партия еще значительно преобладала среди крестьянских отрядов. Революционная партия выставила свою программу уже раньше, в *Письме с тезисами* (Artikelbrief). Обращаясь ко всем крестьянским общинам, она приглашала их вступить в «христианский союз и братство» для уничтожения всех тягот, добром ли, «что, впрочем, едва ли возможно», или силой, и грозила всем упорствующим «светским банном», т. е. изгнанием из общества и отлучением от всякого общения с членами союза. Тот же светский банн должен был быть наложен также на все замки, монастыри и церковные учреждения, если только дворяне, попы и монахи не покинут их добровольно, не переселятся в обычные дома, подобно остальным людям, и не примкнут к христианскому союзу. Итак, в этом радикальном манифесте, который, очевидно, был составлен *до* весеннего восстания 1525 г., дело идет прежде всего о революции, о полной победе над еще господствующими классами, и «светский банн» указывает лишь угнетателей и изменников, которые должны быть перебиты, замки, которые должны быть сожжены, монастыри и церковные учреждения, которые должны быть конфискованы и сокровища которых — обращены в деньги.

Однако, прежде чем крестьяне смогли предложить призванным третейским судьям свои двенадцать тезисов, до них дошла весть о нарушении договора со стороны Швабского союза и о приближении

войск. Немедленно же были приняты меры. В Гейсбейрене состоялось собрание альгеусцев, бальтрингенцев и озерных крестьян. Четыре отряда были слиты, и из них образованы четыре новых колонны; было постановлено конфисковать церковные имения, продать церковные драгоценности в пользу военной казны и сжечь замки. Таким образом, наряду с официальными двенадцатью тезисами, Письмо с тезисами стало правилом для ведения войны, и воскресенье Judica, назначенный для заключения мира день, стало датой *всеобщего восстания*.

Возраставшее всюду возбуждение, непрерывные местные столкновения крестьян с дворянством, вести о разраставшемся уже в течение шести месяцев восстании в Шварцвальде и его распространении вплоть до Дуная и Леха вполне достаточно, конечно, объясняют то обстоятельство, что крестьянские восстания, быстро следуя одно за другим, охватили две трети Германии. Но одновременность всех частичных восстаний доказывает, что во главе движения стояли люди, организовавшие его через посредство анабаптистских и других эмиссаров. Во второй половине марта беспорядки вспыхнули уже в Вюртемберге, на нижнем Неккаре, в Оденвальде, нижней и средней Франконии. Но 2 апреля Judica было повсеместно уже заранее назначено днем общего восстания, и повсеместно массовое восстание, решительный удар, произошло в первую неделю апреля. Альгеуские, гегауские и озерные крестьяне также созвали 1 апреля набатом и массовыми собраниями всех способных носить оружие мужчин в лагерь и открыли вместе с бальтрингенцами враждебные действия против замков и монастырей.

Во *Франконии*, где движение сосредоточивалось вокруг шести центров, восстание всюду вспыхнуло в первых числах апреля. Около этого времени у *Нердлингена* образовались два лагеря; с их помощью в городе одержала верх революционная партия, вождем которой был *Антон Форнер*. Эта партия провела последнего в бургомистры и добилась присоединения города к крестьянам.

В области *Анспаха* крестьяне повсеместно восстали с 1 по 7 апреля, и отсюда восстание распространилось вплоть до Баварии. В районе *Роттенбурга* крестьяне находились под оружием уже с 22 марта; в городе Роттенбурге господство патрициата было свергнуто мелкими бюргерами и плебеями 27 марта под предводительством *Стефана фон-Менцингена;* но так как здесь главным источником городских доходов были как раз крестьянские повинности, то отношение нового правительства к крестьянам было весьма колеблющимся и двусмысленным. В области *Вюрцбурга* в начале апреля

произошло всеобщее восстание крестьян и мелких городов, а в Бамбергском епископстве общее восстание принудило епископа в шестидневный срок к уступкам. Наконец, на севере, у тюрингенской границы, образовался многолюдный *бильдгаузский крестьянский лагерь*.

В *Оденвальде*, где во главе революционной партии стояли *Вендель Гиплер*, дворянин и бывший канцлер графа Гогенлоэ, и *Георг Мецлер*, трактирщик в Балленберге у Краутгейма, буря разразилась уже 26 марта. Крестьяне со всех сторон устремились к Тауберу. К ним примкнули и 2 000 из роттенбургского лагеря. Предводительство принял на себя Георг Мецлер; 4 апреля, после того как прибыли подкрепления, он двинулся к Шентальскому монастырю на Якстe, где к нему присоединились неккарцы. Последние, под руководством *Яшки Рорбаха*, трактирщика в Бекингене у Гейльбронна, провозгласили восстание в Флейме, Зонтгейме и др. местах в воскресенье Judica, в то время как Вендель Гиплер с отрядом заговорщиков захватил Эринген и вовлек в движение окрестных крестьян. В Шентале обе крестьянские колонны, объединившись в *Светлый отряд*, приняли двенадцать тезисов и организовали ряд набегов на замки и монастыри. Численность Светлого отряда доходила до 8 000 человек, и в его распоряжении были пушки и 3 000 ружей. К нему присоединился и франконский рыцарь *Флориан Гейер*, образовавший *Черный отряд*, отборный отряд, составленный главным образом из роттенбургских и эрингенских ополченцев.

Военные действия открыл вюртембергский фогт в Неккарсульме, граф Людвиг фон-Гельфенштейн. Он приказал перебить всех попавших в его руки крестьян. Светлый отряд выступил ему навстречу. Эта бойня, а также только что получившиеся вести о поражении лейпгеймского отряда, казни Якова Вее и жестокостях Трухзесса, ожесточили крестьян. Гельфенштейн, укрывшийся в Вейнсберге, подвергся здесь нападению. Флориан Гейер взял штурмом замок, а после продолжительной битвы и город; граф Людвиг и несколько рыцарей были забраны в плен. На другой день, 17 апреля, Яшка Рорбах с несколькими наиболее решительными людьми отряда судил пленных и приговорил четырнадцать человек из них, во главе с Гельфенштейном, к самой позорной смерти, которая только могла быть: их прогнали сквозь пики. Захват Вейнсберга и террористическая месть Яшки Рорбаха графу Гельфенштейну оказали должное влияние на дворянство. Графы Левенштейн примкнули к крестьянскому союзу; графы Гогенлоэ, которые присоединились к нему уже раньше, но до сих пор не оказывали ему никакой помощи, немедленно прислали требуемые оружие и порох.

Вожди начали совещаться относительно того, не следует ли пригласить Геца фон-Берлихингена в качестве предводителя, «так как он мог бы привлечь на сторону крестьян дворянство». Предложение встретило сочувствие; но Флориан Гейер, видевший в этом настроении крестьян и вождей начало реакции, отделился после этого со своим Черным отрядом от войска и на свой собственный страх прошел сначала область Неккара, а потом Вюрцбурга, всюду разрушая замки и поповские гнезда.

Остальная часть отряда двинулась сначала на Гейльбронн. В этом мощном вольном имперском городе, как и почти всюду, патрициату противостояли бюргерская и революционная оппозиция. Последняя, действуя по тайному соглашению с крестьянами, открыла уже 17 апреля, во время свалки, городские ворота Георгу Мецлеру и Яшке Рорбаху. Крестьянские вожди овладели со своими людьми городом, который был принят в братство, дал 1 200 гульденов деньгами и выставил небольшой отряд добровольцев. Разграблению подверглись лишь духовенство и владения тевтонского ордена. 22 апреля крестьяне покинули город, оставив там небольшой гарнизон. Гейльбронн должен был стать центром для различных отрядов. И, действительно, последние прислали сюда своих делегатов для обсуждения общих действий и требований крестьянства. Однако бюргерская оппозиция и соединившийся с нею со времени вторжения крестьян патрициат снова получили преобладание в городе, препятствовали всем решительным шагам и ждали лишь приближения княжеских войск, чтобы окончательно предать крестьян.

Крестьяне двинулись к Оденвальду. 24 апреля Гец фон-Берлихинген, который всего за несколько дней до того предлагал свои услуги сначала курфюрсту Пфальцскому, потом крестьянам, затем опять курфюрсту, вынужден был вступить в евангелическое братство и принять на себя главное командование над *Светлым отрядом* (в противоположность *Черному отряду* Флориана Гейера). Но в то же время он являлся пленником крестьян, которые с недоверием следили за ним и связали его советом вождей, без которых он не мог ничего предпринять. Гец и Мецлер двинулись теперь с массой крестьян через Бухен в Аморбах, где они пробыли от 30 апреля до 5 мая, подняв восстание во всей Майнцской области. Дворянство всюду было принуждено примкнуть к крестьянам, и это спасло их замки; разграблены и сожжены были лишь монастыри. Отряд, явным образом, все более деморализировался; наиболее энергичные люди ушли вместе с Флорианом Гейером или Яшкой Рорбахом, так как после занятия Гейльбронна последний также отделился, очевидно, в силу

того, что он, судья графа Гельфенштейна, не мог долее оставаться при отряде, который хотел вступить в соглашение с дворянством. Это настойчивое стремление к соглашению с дворянством уже само по себе являлось признаком деморализации. Вскоре после этого Вендель Гиплер предложил весьма практичный план реорганизации отряда: он предложил брать на службу ежедневно предлагавших свои услуги ландскнехтов и не обновлять, как это делалось до того, ежемесячно личный состав отряда, привлекая новые и отпуская старые контингенты, а оставить уже находящийся под оружием, до известной степени обученный состав. Но собрание общины отвергло оба предложения; крестьяне сделались уже заносчивыми и начали смотреть на всю войну как на грабительский набег; при этой точке зрения на войну, конкуренция ландскнехтов не могла им улыбаться, и, с другой стороны, они хотели, чтобы им была предоставлена возможность возвращаться домой, как только будут наполнены их карманы. В Аморбахе дело зашло даже так далеко, что гейльброннский советник Ганс Берлин заставил вождей и советников отряда принять «Декларацию двенадцати тезисов», акт, в котором сглажены были еще остававшиеся острые пункты двенадцати тезисов и который заставлял крестьян говорить смиренным, умоляющим языком. Но на сей раз это показалось крестьянам чрезмерным; они, подняв величайший шум, отвергли декларацию и настояли на первоначальном тексте тезисов.

Между тем в Вюрцбургском епископстве наступил решительный поворотный момент. Епископ, который при первом восстании крестьян в начале апреля укрылся в укрепленный замок Фрауенберг под Вюрцбургом и обращался ко всем, но безрезультатно, с письмами о помощи, вынужден был, наконец, временно уступить. 2 мая был открыт ландтаг, на котором участвовали и представители крестьян. Но еще прежде, чем мог получиться какой-нибудь результат, были перехвачены письма, ясно доказавшие изменнические происки епископа. Ландтаг немедленно разошелся, и начались враждебные действия между восставшими горожанами и крестьянами, с одной стороны, и людьми епископа — с другой. Сам епископ 5 мая бежал в Гейдельберг; на другой же день в Вюрцбург прибыл Флориан Гейер с Черным отрядом, а вместе с ним *Франконский тауберский отряд*, образовавшийся из мергентгеймских, роттенбургских и анспахских крестьян. 7 мая пришел и Гец фон-Берлихинген со Светлым отрядом, и началась осада Фрауенберга.

В районе Лимпурга, Эльвангена и Галля уже в конце марта и начале апреля образовался другой — гайльдорфский, или *Простой*

светлый отряд. Он действовал чрезвычайно решительно, революционизировал всю область, сжег много монастырей и замков, среди них и замок Гогенштауфен, принудил всех крестьян присоединиться к отряду и заставил всех дворян и даже лимпургских кабатчиков вступить в христианское братство. В начале мая он вторгнулся в Вюртемберг, но был вынужден уйти обратно. Немецкий мелкогосударственный партикуляризм в это время так же мало допускал совместные действия революционеров, принадлежавших к разным государствам, как в 1848 г. Поэтому гайльдорфцы, ограниченные небольшой территорией, неизбежно должны были распасться, после того как всякое сопротивление на этой территории было преодолено. Они договорились с городом Гмюндом и, оставив под оружием лишь 500 человек, разошлись.

В *Пфальце* на обоих берегах Рейна крестьянские отряды образовались к концу апреля. Они разрушили много замков и монастырей и 1 мая заняли Нейштадт на Гардте, после того как переправившиеся с другой стороны брухрайнцы еще днем ранее принудили Шпейер к заключению договора. Цабернский маршал, располагавший лишь небольшим количеством курфюрстских войск, ничего не смог предпринять против них, и поэтому курфюрст вынужден был 10 мая заключить с восставшими крестьянами договор, в котором он гарантировал им облегчение их тягот в ландтаге.

Наконец, в *Вюртемберге* восстание уже давно вспыхнуло в отдельных местностях. В Урахском нагорье крестьяне уже в феврале заключили союз против попов и господ, и в конце марта поднялись крестьяне Блаубейрена, Ураха, Мюнсинга, Балинга и Розенфельда. Гайльдорфцы вторглись на территорию Вюртемберга у Геппингена, Яшка Рорбах — у Браккенгейма, остатки разбитых лейпгеймцев — у Пфуллингена и революционизировали сельское население. Серьезные волнения начались и в других местностях. Пфуллинген должен был сдаться крестьянам уже 6 апреля. Правительство австрийского эрцгерцога находилось в чрезвычайно затруднительном положении. У него совсем не было денег и очень мало войск. Города и замки находились в самом скверном состоянии; у них не было ни гарнизонов, ни снаряжения. Даже Асперг был почти совершенно беззащитен.

Попытка правительства стянуть городские ополчения и двинуть их против крестьян немедленно привела к его поражению. 16 апреля ботварское ополчение отказалось выступить, и вместо Штуттгарта направилось в Вунненштейн у Ботвара, образовав там ядро лагеря горожан и крестьян, которое стало быстро увеличиваться. В тот же день восстание вспыхнуло в Цабергау; Маульброннский монастырь

подвергся разграблению, и был совершенно опустошен ряд других монастырей и замков. Из соседнего Брухрайна к крестьянам пришли подкрепления.

Во главе вунненштейнского отряда встал *Матерн Фейербахер*, член совета в Ботваре, один из вождей бюргерской оппозиции, настолько себя, однако, скомпрометировавший, что он должен был итти вместе с крестьянами. Тем не менее он все время оставался очень умеренным, препятствовал осуществлению по отношению к замкам «Письма с тезисами» и всюду стремился создать соглашение между крестьянами и умеренными горожанами. Он помешал соединению вюртембергцев со Светлым отрядом и позднее убедил гайльдорфцев уйти из Вюртемберга. Из-за своих бюргерских тенденций он был смещен 19 апреля, но уже на следующий день его снова назначили военачальником. Он был необходим, и когда к вюртембергцам явился Яшка Рорбах с 200 решительных людей, последнему пришлось оставить Фейербахера на его месте, ограничившись лишь внимательным надзором за его действиями.

18 апреля правительство попыталось вступить в переговоры с крестьянами в Вунненштейне. Крестьяне настаивали на том, чтобы оно приняло двенадцать тезисов, чего, конечно, уполномоченные правительства не могли сделать. Тогда отряд двинулся вперед. 20 числа он был в Лауфене, где в последний раз к нему явились представители правительства, но получили отказ. 22-го отряд, численностью в 6 000 человек, стоял в Битиггейме, угрожая Штуттгарту. В последнем большинство членов совета бежало, и во главе управления была поставлена комиссия из горожан. Среди горожан имелись те же партии, как и везде: патрициат, бюргерская оппозиция и революционные плебеи. Последние открыли 25 апреля крестьянам ворота, и Штуттгарт был немедленно занят. Здесь была окончательно установлена организация *Светлого христианского отряда*, как стали теперь называть себя вюртембергские повстанцы, и твердо урегулированы вопросы, касающиеся уплаты вознаграждения, раздела добычи и снабжения. К крестьянам примкнул небольшой отряд штуттгартцев, во главе с Теусом Гербером.

29 апреля Фейербахер выступил со всем отрядом против вторгнувшихся на вюртембергскую территорию у Шорндорфа гайльдорфцев, принял всю местность в союз и этим заставил гайльдорфцев уйти. Этим путем он помешал опасному усилению революционных элементов в своем отряде, во главе которых стоял Рорбах, усилению, которое было бы неизбежно благодаря смешению с неостанавливавшимися ни перед чем гайльдорфцами. По получении известия о при-

ближении Трухзесса, он двинулся из Шорндорфа навстречу последнему и 1 мая расположился лагерем у Кирхгейма под Текком.

Мы изобразили возникновение и развитие восстания в той части Германии, которую мы должны рассматривать как поле деятельности первой группы крестьянских отрядов. Прежде чем перейти к остальным группам (Тюрингии и Гессену, Эльзасу, Австрии и Альпам), мы должны изложить историю похода Трухзесса, в течение которого он, сначала один, потом при поддержке разных князей и городов, уничтожил эту первую группу повстанцев.

Мы расстались с Трухзессом у Ульма, куда он устремился, оставив у Кирхгейма под Текком наблюдательный отряд под начальством Дитриха Шпета. Корпус Трухзесса, численность которого, по привлечении сосредоточенных в Ульме союзных подкреплений, составляла неполных 10 000 человек, из которых 7 200 приходилось на пехоту, являлся единственным войском, которое можно было использовать для наступательной войны против крестьян. Подкрепления стягивались в Ульм чрезвычайно медленно, частью благодаря затруднительности набора в охваченных восстанием местностях, частью вследствие недостатка денег у правительств, частью потому, что немногие имевшиеся налицо войска были более чем необходимы для защиты замков и городов. Мы выше уже видели, насколько немногочисленны были военные силы, которыми располагали князья и города, не принадлежавшие к Швабскому союзу. Все зависело, таким образом, от успехов Трухзесса и его союзной армии.

Трухзесс обратился сначала против бальтрингенского отряда, который начал тем временем опустошать замки и монастыри в окрестностях Рида. Крестьяне, отступившие при приближении союзных войск в болотистое, покрытое камышом место, были путем обхода выгнаны из болот, перешли через Дунай и бросились в ущелья и леса Швабских Альп. Здесь, где конница и артиллерия, составлявшие главную силу союзной армии, были бессильны Трухзесс прекратил их преследование. Он двинулся против лейпгеймцев, которые стояли в числе 5 000 человек у Лейпгейма, 4 000 — в Миндельтале и 6 000 — у Илертиссена, подняли восстание во всей области, разрушили ряд монастырей и замков и готовились двинуться всеми тремя колоннами на Ульм. Здесь, повидимому, крестьян также охватила уже известная деморализация, уничтожившая военную стойкость отряда, ибо Яков Вее с самого начала пытался вступить с Трухзессом в переговоры. Однако последний, располагая достаточной военной силой, отказался от них и, напав 4 апреля на основное ядро отряда, разбил его наголову. Яков Вее и Ульрих Шен, а также

два других крестьянских вождя были взяты в плен и обезглавлены; Лейпгейм капитулировал, и после нескольких набегов в окрестности весь округ был покорен.

Новый мятеж ландскнехтов, вызванный их желанием грабить и получить чрезвычайное вознаграждение, опять задержал Трухзесса до 10 апреля. Затем он двинулся против *бальтрингенцев*, которые тем временем напали на его владения, Вальдбург, Цейль и Вольфег, и осадили его замки. Силы крестьян были здесь также раздроблены, и он разбил их 11 и 12 апреля в отдельных сражениях, в результате которых бальтрингенский отряд также был совершенно рассеян. Остатки его отступили под начальством попа Флориана и присоединились к *озерному отряду*. Против последнего и обратился теперь Трухзесс. Озерный отряд, произведший за это время не только ряд набегов, но заставивший примкнуть к братству и города Бухгорн (Фридрихсгафен) и Вольматинген, созвал 13 апреля в монастыре Салем большой военный совет, который решил идти навстречу Трухзессу. Немедленно всюду стали бить в набат, и в берматингенском лагере собралось 10 000 человек, к которым присоединились разбитые бальтрингенцы. 15 апреля они выдержали удачный бой с Трухзессом, который не хотел рисковать своей армией и давать решительное сражение и предпочел начать переговоры, тем более, что он узнал о приближении крестьянских отрядов из Альгеу и Гегау. Поэтому 17 апреля он заключил в Вейнгартене с озерными и бальтрингенскими крестьянами с виду довольно выгодный для них договор, на который они согласились без дальнейших размышлений. Он добился даже того, что этот договор приняли делегаты отрядов верхнего и нижнего Альгеу, и затем отступил в Вюртемберг.

Хитрость Трухзесса спасла здесь его от верной гибели. Если бы он не сумел одурачить слабых, ограниченных и в большей своей части уже деморализированных крестьян и их большею частью неспособных, трусливых и поддающихся подкупу вождей, то он был бы со своим небольшим войском окружен четырьмя колоннами, насчитывавшими вместе, по крайней мере, 25—30 тыс. человек, и совершенно раздавлен. Но неизбежная у крестьянских масс, его врагов, ограниченность позволила ему избавиться от них как раз в тот момент, когда они могли бы закончить одним ударом всю войну, по крайней мере, в Швабии и Франконии. Озерные крестьяне соблюдали договор, которым они в конце концов были, конечно, обмануты, так точно, что впоследствии подняли оружие на своих собственных союзников, гегауских крестьян; альгеуские крестьяне, вовлеченные в измену своими вождями, правда, тотчас же отказались

от договора, но Трухзессу тем временем удалось избавиться от опасности.

Гегауские крестьяне, хотя и не участвовавшие в заключении Вейнгартенского договора, дали вслед затем новое доказательство беспредельной узости кругозора, ограниченного местными интересами, и упрямого провинциализма, которые погубили всю крестьянскую войну. Когда Трухзесс после безрезультатных переговоров с ними направился в Вюртемберг, они последовали за ним, все время оставаясь у него во фланге; однако им не пришло в голову соединиться с вюртембергским Светлым христианским отрядом, и притом только на том основании, что вюртембергцы и неккарцы однажды отказали им в помощи. Поэтому, когда Трухзесс отошел достаточно далеко от их родины, они спокойно повернули назад и пошли к Фрейбургу.

Мы расстались с вюртембергцами, под начальством Матерна Фейербахера, у Кирхгейма под Текком, откуда оставленный Трухзессом наблюдательный отряд, под начальством Дитриха Шпета, отступил в Урах. После неудачной попытки взять Урах, Фейербахер повернул к Нюртингену и разослал всем соседним повстанческим отрядам письма с просьбой о помощи для решительной битвы. Действительно, значительные подкрепления пришли как из вюртембергской равнины, так и из Геу. Геуские крестьяне, примкнувшие к отступившим до западного Вюртемберга остаткам лейпгеймцев и поднявшие восстание по всей долине верхнего Неккара и в долине Нагольда вплоть до Беблингена и Леонберга, двинулись двумя сильными отрядами и 5 мая соединились с Фейербахером в Нюртингене. Трухзесс столкнулся с соединенными отрядами в Бетлингене. Их численность, артиллерия и занятая ими позиция смутили его; согласно своему обычному способу действий, он немедленно начал с крестьянами переговоры и заключил перемирие. Внушив им этим путем уверенность в своей безопасности, он *во время перемирия* 12 мая напал на них и заставил принять решительное сражение. Крестьяне долгое время оказывали упорное сопротивление, пока, наконец, Бетлинген не был сдан Трухзессу благодаря предательству горожан. Левый фланг крестьян, лишившийся вследствие этого опоры, был смят и обойден. Это решило исход сражения. Недисциплинированные крестьяне пришли в расстройство и вскоре обратились в дикое бегство; те, кто не был перебит или взят в плен союзной конницей, побросали оружие и поспешно бежали домой. Светлый христианский отряд был совершенно рассеян, а вместе с ним было подавлено и вюртембергское повстанческое движение. Теус Гербер спасся

бегством в Эслинген, Фейербахер бежал в Швейцарию, Яшка Рорбах был взят в плен, закован в цепи и притащен в Неккаргартах. Здесь, по приказанию Трухзесса, его привязали к столбу и, обложив дровами, живьем зажарили на медленном огне. Сам Трухзесс пировал тут же вместе со своими рыцарями, услаждая свои взоры этим рыцарским зрелищем.

Из Неккаргартаха Трухзесс, вторгнувшись в Крайхгау, поддержал операции Пфальцского курфюрста. Последний, успевший тем временем набрать войска, по получении известий об успехах Трухзесса, немедленно нарушил договор с крестьянами, напал 23 мая на Брухрайн, взял и сжег после упорного сопротивления Мальш, разграбил ряд деревень и занял Брухзаль. В это же время Трухзесс занял Эппинген, захватил в плен тамошнего вождя движения Антона Эйзенгута, который был, по приказанию курфюста, немедленно же казнен вместе с дюжиной других крестьянских вожаков. Брухрайн и Крайхгау были усмирены и должны были заплатить 40 000 гульденов контрибуции. Оба войска — отряд Трухзесса, сократившийся, благодаря выдержанным им боям, до 6 000 человек, и отряд курфюрста (6 500 человек)—соединились и вместе двинулись против оденвальдцев.

Известия о поражении в Бетлингене распространили всюду ужас среди повстанцев. Вольные имперские города, попавшие под тяжкую руку крестьян, вдруг снова облегченно вздохнули. Гейльбронн первый сделал шаги к примирению со Швабским союзом. Здесь находилась крестьянская канцелярия, и заседали делегаты различных отрядов, обсуждая предложения, которые должны были быть сделаны императору и империи от имени всех восставших крестьян. Эти заседания опять показали, что ни одно сословие, в том числе крестьянское, не было достаточно развито, чтобы заново преобразовать, исходя из своей точки зрения, все порядки в Германии. Немедленно выяснилось, что для этой цели необходимо привлечь дворянство и в особенности горожан. Благодаря этому руководящая роль в обсуждении этих вопросов перешла в руки *Венделя Гиплера*. Из всех вождей движения Гиплер правильнее всего понимал существующее положение вещей. Он не был ни революционером с широким кругозором, как Мюнцер, ни представителем крестьян, как Мецлер и Рорбах. Его многосторонний опыт и практическое знакомство с положением и взаимоотношениями отдельных сословий не позволяли ему стать представителем исключительно одного из участвовавших в движении сословий. Подобно тому как Мюнцер, в качестве представителя зачатков пролетариата — класса, стоявшего вне су-

ществовавшего тогда официального общественного союза, дошел до предчувствия коммунизма, совершенно так же и Вендель Гиплер, представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предвидению *современного буржуазного общества.* Правда, защищаемые им принципы и выдвигаемые им требования не представляли из себя непосредственно возможного, но они были несколько идеализированным необходимым результатом совершающегося разложения феодального общества; и крестьяне, как только они поставили пред собой задачу составить проекты законов для всей империи, неизбежно должны были стать на его точку зрения. Так, централизация, которой требовали крестьяне, приняла здесь, в Гейльбронне, более положительную форму, однако эта форма бесконечно отличалась от представлений о ней крестьян. Так, например, она получила более определенное выражение в требованиях установить единство монеты, мер и весов, отменить внутренние таможенные пошлины и т. д., словом, в ряде требований, которые гораздо более отвечали интересам горожан, чем крестьян. Так, дворянству были сделаны уступки, весьма приближавшиеся к современным выкупам и сводившиеся в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную. Словом, как только требования крестьян были сведены в проект общей «имперской» реформы, они должны были подчиниться не временным требованиям, а конечным интересам горожан.

В то время как в Гейльбронне еще обсуждалась эта имперская реформа, автор «Декларации двенадцати тезисов», Ганс Берлин, уже выехал навстречу Трухзессу, чтобы от имени патрициата и бюргеров начать переговоры относительно сдачи города. Реакционные течения в городе поддержали эту измену, и Вендель Гиплер с крестьянами должен был бежать. Гиплер отправился в Вейнсберг, где попытался собрать остатки вюртембергцев и небольшие силы гайльдорфцев. Но приближение курфюрста Пфальцского и Трухзесса заставили его уйти и отсюда, и он должен был отправиться в Вюрцбург, чтобы привести в движение Светлый отряд. Тем временем союзные и курфюрстские войска покорили всю область Неккара, заставили крестьян вновь принести присягу, сожгли много деревень, перекололи и перевешали всех попавших в их руки беглых крестьян. В отмщение за казнь Гельфенштейна Вейнсберг был сожжен до тла.

Между тем соединившиеся у Вюрцбурга крестьянские отряды осадили Фрауенберг; 15 мая, еще прежде чем была пробита брешь, они произвели храбрый, но оказавшийся безрезультатным штурм

крепости. 400 лучших воинов, принадлежавших большею частью к отряду Флориана Гейера, остались лежать во рвах мертвыми или ранеными. Два дня спустя, 17 мая, прибыл Вендель Гиплер и созвал военный совет. Он предложил оставить под Фрауенбергом только 4 000 человек, а со всеми главными силами, численность которых доходила до 20 000 человек, расположиться лагерем на глазах у Трухзесса, при Краутгейме на Якстe, куда могли бы стягиваться все подкрепления. План был превосходен: лишь держа вместе массы и опираясь на численное превосходство, можно было надеяться разбить княжеское войско, численность которого достигла теперь 13 000 человек. Но деморализация и упадок настроения у крестьян были уже слишком велики, чтобы можно было предпринять какое-либо решительное действие. Ответственность за то, что отряд остался на месте и не двинулся, падает, может быть, и на Геца фон-Берлихингена, который вскоре после этого открыто сделался предателем. Таким образом, план Гиплера никогда не был приведен в исполнение. Вместо этого отряды, как и прежде, остались раздробленными. Светлый отряд двинулся лишь 23 мая, после того как франконцы обещали возможно скорее последовать за ним. 26 числа весть о том, что маркграф открыл военные действия против крестьян, заставила возвратиться домой стоявший в Вюрцбурге анспахский отряд. Оставшаяся часть осадного войска вместе с Черным отрядом Флориана Гейера заняла позиции у Гейдингсфельда, в недалеком расстоянии от Вюрцбурга.

Светлый отряд прибыл в Краутгейм 24 мая в мало-боеспособном состоянии. Здесь многие, услыхав, что их деревни тем временем присягнули Трухзессу, под этим предлогом разошлись по домам. Отряд двинулся дальше в Неккарсульм и здесь вступил 28 мая в переговоры с Трухзессом. В то же время были разосланы гонцы к франконцам, эльзасцам и шварцвальд-гегаускому отряду с требованием немедленно прислать подкрепления. Из Неккарсульма Гец двинулся обратно к Эрингену. Отряд таял с каждым днем; во время этого перехода исчез и Гец фон-Берлихинген; он уехал к себе, вступив еще раньше, через посредство своего товарища по оружию Дитриха Шпета, в переговоры с Трухзессом относительно своего перехода к последнему. У Эрингена ложные известия относительно приближения врага привели беспомощную и упавшую духом массу в состояние панического страха; отряд разбежался в полном беспорядке, и лишь с большим трудом удалось Мецлеру и Венделю Гиплеру удержать около 2 000 человек, которых они повели обратно в Краутгейм. Тем временем подошло франконское ополчение, числом в 5 000 человек, но,

идя обходным путем, через Левенштейн на Эринген, указанным, очевидно, в предательских целях Гецом, оно разошлось со Светлым отрядом и направилось к Неккарсульму. Этот городок, занятый несколькими небольшими частями Светлого отряда, был осажден Трухзессом. Франконцы пришли ночью и увидели огни союзного лагеря; но у их вождей нехватило мужества отважиться на нападение, и они отступили обратно к Краутгейму, где, наконец, и встретили остатки Светлого отряда. Не дождавшись помощи, Неккарсульм сдался 29 мая союзным войскам; Трухзесс, приказав немедленно казнить тринадцать крестьян, двинулся навстречу Светлому отряду, сжигая, грабя и убивая все на своем пути. Всюду в долинах Неккара, Кохера и Якста его путь указывали пепелища и повешенные на деревьях крестьяне.

У Краутгейма союзное войско столкнулось с крестьянами, которые вследствие флангового движения Трухзесса должны были отступить к Кенигсгофену на р. Таубер. Здесь они, в количестве 8 000 человек и 32 пушек, заняли позицию. Трухзесс приблизился к ним под прикрытием холмов и леса и, двинув в обход колонны, напал на них 2 июня с таким численным перевесом и такой энергией, что крестьяне, несмотря на весьма упорное и продолжавшееся до наступления ночи сопротивление нескольких колонн, были совершенно разбиты и рассеяны. Как и всегда, главную роль в разгроме войска повстанцев сыграла союзная конница — «крестьянская смерть», которая, бросившись на расстроенных уже артиллерией, ружейным огнем и ударами копий крестьян, совершенно рассеяла их и затем уничтожила их поодиночке. Характер войны Трухзесса и его конницы лучше всего иллюстрируется судьбой 300 кенигсгофенских горожан, бывших в крестьянском войске. Во время битвы они все были изрублены, за исключением пятнадцати человек, и из этих пятнадцати человек впоследствии было обезглавлено еще четверо.

Покончив таким образом с оденвальдцами, неккарцами и нижнефранконцами, Трухзесс в ряде набегов, сжигая целые деревни и совершая бесчисленные казни, покорил всю окрестную местность и затем двинулся на Вюрцбург. Узнав в пути, что второй франконский отряд, под начальством Флориана Гейера и Грегора фон-Бург-Бернсгейма, стоит у Зульцдорфа, он немедленно двинулся против него.

Со времени неудачного штурма Фрауенберга Флориан Гейер был занят главным образом переговорами с князьями и городами и в особенности с городом Ротенбургом и с Казимиром, маркграфом Анспахским, относительно вступления их в крестьянское братство. Когда

было получено известие о поражении при Кенигсгофене, он внезапно удалился. С его отрядом соединился анспахский отряд, бывший под начальством Грегора фон-Бург-Бернсгейма и образовавшийся совсем недавно. Маркграф Казимир, действуя в чисто-гогенцоллернском стиле, отчасти обещаниями, отчасти угрозами военной силой, сумел не дать крестьянскому восстанию разрастись в своих владениях. Он соблюдал полнейший нейтралитет по отношению ко всем чужим отрядам, пока они не привлекали к себе анспахских подданных, и стремился направить ненависть крестьян главным образом на церковные учреждения, рассчитывая, в конце концов, обогатить себя конфискацией их имуществ. При этом он не переставал вооружаться и выжидал событий. Едва только пришло известие о сражении при Беглингене, он немедленно же открыл враждебные действия против своих мятежных крестьян, разграбил и сжег их деревни и многих из них приказал повесить и перерезать. Однако крестьяне быстро собрали свои силы и под начальством Грегора фон-Бург-Бернсгейма разбили его 29 мая при Виндсгейме. Когда они его еще преследовали, до них дошел зов о помощи попавших в тяжелое положение оденвальдцев, и они немедленно двинулись к Гейдингсфельду, а отсюда вместе с Флорианом Гейером в Вюрцбург (2 июня). Не получая никаких известий от оденвальдцев, они оставили здесь 5 000 человек и с 4 000 человек, — остальные разбежались, — последовали за другими. Чувствуя себя в безопасности, благодаря полученным ложным известиям об исходе битвы при Кенигсгофене, они были застигнуты при Зульцдорфе Трухзессом и разбиты им наголову. Как обычно, всадники и ландскнехты Трухзесса устроили страшную кровавую баню. Флориан Гейер собрал остатки своего Черного отряда, в количестве 600 человек, и пробился с ним к деревне Ингольштадт. 200 человек заняли церковь и кладбище, 400 человек — замок. Пфальцские солдаты последовали за ними по пятам, и отряд в 1 200 человек занял деревню и поджег церковь; те, кто не погиб в огне, были перебиты. Затем нападавшие пробили пушками брешь в ветхой стене замка и попытались взять его приступом. Дважды отбитые крестьянами, укрывшимися за второй внутренней стеной, они разрушили артиллерийским огнем и эту стену и в третий раз бросились на приступ, окончившийся успешно. Половина людей Флориана Гейера была изрублена; с последними двумя сотнями ему удалось спастись. Но уже на следующий день (Духов день) его убежище было открыто; пфальцские солдаты окружили лес, в котором он залег, и изрубили весь отряд. За эти два дня было взято всего навсего 17 пленных. Флориану Гейеру с несколькими смельчаками опять

удалось пробиться и бежать к гайльдорфцам, которые вновь образовали отряд в 7 000 человек. Но, явившись к ним, он застал бо́льшую часть их опять в состоянии разложения, вызванного обескураживающими известиями отовсюду. После попытки собрать в лесу рассеянных крестьян, он был 9 июня застигнут врасплох войсками при Галле и убит в бою.

Трухзесс, немедленно после победы при Кенигсгофене, подав весть о себе осажденным в Фрауенберге, двинулся на Вюрцбург. Городской совет тайно сговорился с ним, благодаря чему союзное войско смогло ночью 7 июня окружить город вместе с находившимися в нем 5 000 крестьян и на следующее утро вступить в него через открытые Советом ворота, не сделав ни одного выстрела. Благодаря этой измене вюрцбургского патрициата, последний франконский крестьянский отряд был разоружен и все вожди его были взяты в плен. Трухзесс приказал тотчас же обезглавить 81 человека. В Вюрцбург прибыли один за другим франконские князья: сам епископ Вюрцбургский, епископ Бамбергский и маркграф Бранденбург-Анспахский. Милостивые господа распределили между собой роли. Трухзесс отправился вместе с епископом Бамбергским, который тотчас же нарушил заключенный со своими крестьянами договор и отдал всю страну на растерзание ордам неистовых убийц и поджигателей из союзного войска. Маркграф Казимир занялся опустошением собственных владений. Тейнинген был сожжен; бесчисленное количество деревень было разграблено или предано огню; притом в каждом городе маркграф творил кровавый суд. В Нейштадте на Айше, по его приказанию было обезглавлено 18, в Марке Бюргель — 43 мятежника. Отсюда он отправился в Роттенбург, где патрициат уже успел произвести контр-революцию и арестовать Стефана фон-Менцингена. Роттенбургские мелкие бюргеры и плебеи должны были теперь жестоко расплатиться за свое двусмысленное поведение по отношению к крестьянам, за то, что они до последнего момента отказывали им в какой бы то ни было помощи, что в своем не способном подняться выше интересов своей колокольни эгоизме стремились подавить деревенское ремесло в пользу городских цехов и только против воли отказались от доходов, получавшихся городом от феодальных повинностей крестьян. Маркграф приказал обезглавить из них 16 человек и в первую очередь, конечно, Менцингена. Епископ Вюрцбургский также прошел свою область, грабя и опустошая все огнем и мечом. Во время своего триумфального шествия он казнил 256 мятежников и по возвращении в Вюрцбург завершил свои подвиги, приказав отрубить головы 13 вюрцбургским горожанам.

В Майнцской области наместник, епископ Вильгельм Страсбургский, восстановил спокойствие без сопротивления. Он казнил лишь четырех. Рейнгау, где также были волнения, но где все давно уже разошлись по домам, подвергся впоследствии нападению со стороны Фровена фон-Гуттена, двоюродного брата Ульриха, и было окончательно «успокоено» казнью 12 вождей заговора. В Франкфурте, где также были значительные революционные волнения, спокойствие было поддержано сначала уступчивостью Совета, позднее — навербованными войсками. В Рейнском Пфальце, после нарушения договора курфюрстом, снова собралось около 8 000 крестьян, которые опять принялись жечь монастыри и замки; однако архиепископ Трирский пришел на помощь маршалу Цабернскому и разбил их уже 23 мая при Пфедерсгейме. Ряд жестокостей (в одном только Пфедерсгейме было казнено 82 человека) и занятие Вейсенбурга 7 июня положили конец восстанию и здесь.

Из всех отрядов остались непобежденными только два: гегауштварцвальдский и альгеуский. С ними обоими вел интриги эрцгерцог Фердинанд. Подобно маркграфу Казимиру и другим князьям, пытавшимся использовать восстание для присвоения церковных земель и княжеств, эрцгерцог хотел использовать его для усиления могущества австрийского дома. Он вступил в переговоры с вождем альгеуского отряда Вальтером Бахом и предводителем гегауцев Гансом Мюллером с целью побудить крестьян высказаться за присоединение к Австрии; однако, хотя оба вождя и оказались продажными, они смогли добиться от своих отрядов лишь того, что альгеуцы заключили с эрцгерцогом перемирие и стали соблюдать по отношению к Австрии нейтралитет.

Гегауцы во время своего отступления из Вюртемберга разрушили ряд замков и стянули к себе подкрепления из земель маркграфства Баденского. 13 мая они двинулись на Фрейбург, начали 18 числа его обстрел и 23-го, после того как город капитулировал, вошли в него с развевающимися знаменами. Отсюда они двинулись на Штокках и Радольфцель и в течение долгого времени без всякого успеха вели мелкую войну с гарнизонами этих городов. Оба города, а также дворянство и другие окрестные города призвали, на основании Вейнгартенского договора, на помощь озерных крестьян, и бывшие повстанцы из Озерного отряда, в количестве 5 000 человек, двинулись против своих союзников. Насколько велика была партикуляристская узость этих крестьян! Сделать это отказались лишь 600 человек, которые хотели примкнуть к гегауцам; но их перебили. Однако гегауцы, под влиянием подкупленного Ганса Мюллера из

Бульгенбаха, уже сняли осаду и после последовавшего немедленно за этим бегства Ганса Мюллера большею частью разошлись. Оставшиеся укрепились на Гильцингенской тропе, где и были 16 июля прибывшими тем временем войсками разбиты и уничтожены. При посредничестве швейцарских городов с гегауцами был заключен договор; это не помешало, однако, тому, чтобы Ганс Мюллер, несмотря на свое предательство, был посажен в Лауфенбурге в тюрьму и затем обезглавлен. Вслед затем в Брейсгау от крестьянского союза отпал и Фрейбург, пославший против крестьян свои войска; однако и здесь, благодаря слабости княжеских военных сил, 18 сентября был заключен договор в Оффенбурге, в который был включен и Зундгау. Восемь шварцвальдских объединений и клетгауцы, которые еще не были разоружены, снова восстали вследствие тирании графа Зульцского и были разбиты в октябре. 13 ноября шварцвальдцы вынуждены были заключить договор, а 6 декабря пал Вальдсгут, последний оплот восстания на верхнем Рейне.

После ухода Трухзесса альгеуцы возобновили свои нападения на замки и монастыри, энергично мстя за опустошения, произведенные войсками Союза. Они имели против себя лишь небольшое количество войск, которые в состоянии были предпринимать против них лишь отдельные незначительные нападения, но не могли следовать за ними вглубь лесов. В Меммингене, который держался довольно нейтрально, в июне вспыхнуло движение против знати, которое было подавлено лишь благодаря тому, что поблизости случайно оказалось некоторое количество союзных войск, успевших во-время прийти на помощь патрициату. Проповеднику и вождю плебейского движения Шапеллеру удалось бежать в Санкт-Галлен. Крестьяне подступили к Меммингену и только что хотели начать пробивать брешь, как вдруг до них дошло известие о приближении Трухзесса из Вюрцбурга. 27 июня они двинулись двумя колоннами через Бабенгаузен и Обергюнцбург ему навстречу. Эрцгерцог Фердинанд еще раз попытался склонить крестьян на сторону австрийского дома. Опираясь на заключенное с ними перемирие, он потребовал, чтобы Трухзесс прекратил дальнейшее наступление против них. Однако Швабский союз приказал Трухзессу напасть на крестьян, прекратив лишь грабежи и поджоги. Трухзесс был, однако, слишком умен, чтобы отказаться от первого и самого решительного средства борьбы, даже если бы он смог наложить узду на своих ландскнехтов, которые привыкли все предавать огню и мечу от Майна до Боденского озера. Крестьяне, в количестве 23 000 человек, заняли позиции за Иллером и Луибасом. Трухзесс располагал против них 11 000 человек. Позиции и того и

другого войска были очень сильны; по условиям местности конница не могла действовать, и если ландскнехты Трухзесса превосходили крестьян организацией, военными рессурсами и дисциплиной, то альгеуцы насчитывали в своих рядах массу служивших ранее солдат и опытных начальников и имели многочисленную, обеспеченную хорошей прислугой артиллерию. 19 июля войско Союза открыло канонаду, продолжавшуюся с обеих сторон и 20-го, но без всякого результата. 21 числа к Трухзессу присоединился Георг Фрундсберг с 300 ландскнехтами. Он знал многих из крестьянских начальников, служивших под его командой во время италийских походов, и завязал с ними переговоры. Там, где ничего нельзя было сделать военными средствами, пришла на помощь измена. Вальтер Бах и ряд других начальников и артиллеристов поддались подкупу. Они подожгли все имевшиеся у крестьян запасы пороха и убедили отряд предпринять обход. Едва успев выйти из своих укрепленных позиций, крестьяне попали в засаду, устроенную Трухзессом по предварительному уговору с Бахом и другими предателями. Защита была для них тем более трудной, что изменившие им начальники покинули их под предлогом рекогносцировки и находились уже на пути в Швейцарию. Благодаря этому, две крестьянских колонны были совершенно рассеяны, третьей же, находившейся под начальством Кнопфа из Луибаса, удалось отступить в порядке. Она заняла позиции на Колленберге при Кемптене, где и была окружена Трухзессом. Не решаясь и здесь на открытое нападение, он отрезал ее от подвоза и старался деморализировать, приказав поджечь около двухсот деревень в окрестностях. Голод и вид пылающих жилищ принудили, наконец, крестьян к сдаче (25 июля). Более двадцати человек было немедленно казнено. Кнопфу из Луибаса, единственному предводителю отряда, не изменившему своему знамени, удалось бежать в Брегенц; но и здесь он был посажен в тюрьму и после продолжительного заключения повешен.

Этим закончилась крестьянская война в Швабии и Франконии.

VI.

Немедленно после первой вспышки движения в Швабии *Томас Мюнцер* опять поспешил в Тюрингию и в конце февраля или начале марта поселился в вольном имперском городе Мюльгаузене, где его партия была сильнее всего. Он держал в своих руках все нити движения; он знал, что̀ за всеобщая буря назревает в южной Германии, и решил сделать из Тюрингии центр движения для северной Герма-

нии. Он нашел чрезвычайно подготовленную почву. Сама Тюрингия, главный очаг реформационного движения, находилась в состоянии чрезвычайного возбуждения; материальная нужда угнетенных крестьян не в меньшей степени, чем широко распространившиеся революционные, религиозные и политические учения, подготовила почву для всеобщего восстания и в соседних странах — Гессене, Саксонии и области Гарца. Особенно в Мюльгаузене вся масса мелкого бюргерства примкнула к крайнему мюнцеровскому направлению и с нетерпением ждала момента, когда можно будет показать высокомерному патрициату силу своего численного превосходства. Чтобы не допустить преждевременного взрыва до наступления благоприятного момента, самому Мюнцеру пришлось выступить с успокоительными мерами; но его ученик Пфейфер, руководивший здесь движением, уже настолько себя скомпрометировал, что не смог задержать взрыва, и Мюльгаузен сделал свою революцию уже 17 марта 1525 г., еще до начала всеобщего восстания в южной Германии. Старый патрицианский совет был свергнут, и управление передано в руки вновь избранного «вечного совета», председателем которого стал Мюнцер.

Самое худшее, что может случиться с вождем крайней партии, это такое стечение обстоятельств, при котором он вынужден взять в свои руки управление в эпоху, когда движение еще не созрело для господства того класса, представителем которого он является, и для проведения мер, требуемых господством этого класса. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигла противоположность интересов различных классов, и от ступени развития материальных условий существования, условий производства и средств сношения, лежащих всегда в основе развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но и не от ступени развития классовой борьбы и лежащих в основе последней условий; он связан своими прежними учениями и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, более или менее случайного, состояния условий производства и средств сношения, а от более или менее глубокого проникновения его в общие результаты общественного и политического движения. Он неизбежным образом оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всему прежнему его поведению, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден отстаивать не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно

созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего собственного класса фразами и обещаниями, уверять его, что интересы этого чуждого класса являются его собственными интересами. Кто попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно. Нам пришлось быть свидетелями подобных случаев в совсем недавнее время. Напомним лишь о том положении, в котором очутились в последнем французском временном правительстве представители пролетариата, хотя они сами являлись представителями весьма низкой ступени развития пролетариата. Тот, кто после опыта февральского правительства — о наших благородных немецких временных правительствах и имперских регентствах мы уже и не говорим — может претендовать на официальные посты, тот или является чрезвычайно ограниченным человеком, или связан с крайней революционной партией одними лишь фразами.

Положение Мюнцера во главе мюльгаузенского «вечного совета» было, однако, еще более рискованным, чем положение любого современного революционного правителя. Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха еще не созрели для проведения в жизнь тех идей, которые он сам начал лишь смутно предчувствовать. Класс, представителем которого он являлся, не только был весьма далек от того, чтобы достигнуть состояния полного развития, которое бы позволило ему подчинить и преобразовать все общество, но едва только начал складываться. Общественный переворот, рисовавшийся ему в фантазии, имел еще так мало оснований в наличных материальных отношениях, что эти последние подготовляли общественный порядок, представлявший из себя прямую противоположность тому порядку, о котором он мечтал. При этом, однако, он оставался связанным своими прежними проповедями о христианском равенстве и евангельской общности имуществ; он должен был, по крайней мере, сделать попытку осуществить их. Были провозглашены общность всех имуществ, одинаковая для всех обязанность трудиться и уничтожение всякой власти. В действительности же Мюльгаузен остался республиканским имперским городом, с несколько демократизированной конституцией, с избираемым всеобщей подачей голосов и находящимся под контролем народного собрания сенатом и с наспех импровизированной организацией натурального обеспечения бедных. Общественный переворот, казавшийся протестантским буржуазным современникам столь ужасным, в действительности никогда не выходил за рамки слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества.

Мюнцер сам, повидимому, чувствовал огромную пропасть, отделявшую его теории от непосредственно данной действительности, пропасть, которая тем менее могла укрыться от него, чем более искажались его гениальные воззрения в грубых умах массы его сторонников. Он принялся с необычным даже для него рвением за распространение и организацию движения; он писал письма и рассылал гонцов и эмиссаров во все стороны. Его писания и проповеди дышат революционным фанатизмом, поразительным по сравнению даже с его прежними сочинениями. Наивный юношеский юмор прежних революционных памфлетов Мюнцера исчез; спокойно развивающейся речи мыслителя, которая раньше не была чужда ему, также уже нет. Мюнцер весь теперь превратился в пророка революции; он без устали раздувает ненависть к господствующим классам, разжигает самые дикие страсти и пользуется лишь теми мощными выражениями, которые вкладывал религиозный и национальный экстаз в уста ветхозаветных пророков. Тот стиль, который он должен был выработать себе, ясно показывает, на какой ступени развития находилась та аудитория, на которую он должен был действовать.

Пример Мюльгаузена и агитация Мюнцера широко распространили движение. В Тюрингии, Эйхсфельде, Гарце, саксонских герцогствах, Гессене, Фульде, верхней Франконии и Фогтланде крестьяне повсеместно стали восставать, собираться в отряды и жечь монастыри и замки. Мюнцер был более или менее признанным вождем всего движения, а Мюльгаузен оставался его центральным пунктом, между тем как в Эрфурте одержало верх чисто бюргерское движение, и господствовавшая там партия все время занимала двусмысленное положение по отношению к крестьянам.

Сначала князья в Тюрингии так же растерялись и были так же беспомощны по отношению к крестьянам, как во Франконии и Швабии. Лишь в последних числах апреля ландграфу Гессенскому удалось стянуть отряд — тому самому ландграфу Филиппу, чье благочестие так прославляют протестантские и буржуазные историки реформации и о чьем бесчестном отношении к крестьянам мы сейчас кое-что узнаем. Несколькими быстрыми походами и рядом решительных мероприятий ландграф Филипп вскоре подчинил бо́льшую часть своих владений и затем, стянув новые ополчения, двинулся в земли фульдского аббата, своего бывшего сеньера. Разбив 3 мая фульдский крестьянский отряд при Фрауенберге, он подчинил всю область и воспользовался этим случаем для того, чтобы не только сбросить с себя ленную зависимость от аббата, но и превратить фульдское аббатство в гессенский лен, имея в виду, конечно, его последующую

секуляризацию. Затем он занял Эйзенах и Лангензальцу и, соединившись с войсками Саксонского герцога, двинулся к центру восстания, Мюльгаузену. Мюнцер собрал свои боевые силы, около 8 000 человек с несколькими пушками, у Франкенгаузена. Тюрингенский отряд далеко не обладал теми боевыми качествами, которые проявила часть верхне-швабских и франконских отрядов в борьбе с Трухзессом; он был плохо вооружен и плохо дисциплинирован, насчитывал в своих рядах очень мало служивших ранее солдат и совершенно не имел вождей. Сам Мюнцер, повидимому, не обладал ни малейшими познаниями в военном деле. Тем не менее, князья нашли необходимым применить и здесь ту тактику, которая так часто содействовала победам Трухзесса, — вероломство. Завязав 16 мая переговоры, они заключили с крестьянами перемирие, но затем неожиданно напали на них еще до окончания срока последнего.

Мюнцер стоял со своими на горе, которая еще и теперь носит название Schlachtberg (Гора битвы), окружив себя стеной из повозок. Деморализация среди отряда уже заметно возрастала. Князья обещали амнистию, если отряд выдаст Мюнцера живым. Мюнцер, созвав круг, приказал обсудить предложение князей. Один рыцарь и один поп высказались за капитуляцию; Мюнцер немедленно приказал их ввести внутрь круга и обезглавить. Этот энергичный террористический акт, с восторгом встреченный решительными революционерами, снова придал некоторую стойкость отряду; но, в конце концов, бо́льшая часть его, несомненно, разошлась бы без всякого сопротивления, если бы крестьяне не заметили, что княжеские ландскнехты, окружив всю гору, приближались сомкнутыми колоннами, несмотря на перемирие. Повстанцы быстро выстроились в боевой порядок за повозками, но уже ружейные пули и ядра стали бить в наполовину беззащитных, не привыкших к военным действиям крестьян, и ландскнехты очутились у самой линии повозок. После короткого сопротивления линия повозок была прорвана, пушки крестьян захвачены, а сами они рассеяны. Они бежали в диком беспорядке, тем вернее попадая в руки обходных колонн и конницы, которые устроили для них неслыханную кровавую баню. Из восьми тысяч крестьян было убито пять тысяч; оставшиеся в живых бежали в Франкенгаузен, а на их плечах ворвалась туда и княжеская конница. Город был взят. Мюнцер, получивший рану в голову, был найден в одном доме и взят в плен. 25 мая сдался и Мюльгаузен; оставшийся там Пфейфер бежал, но был арестован на территории Эйзенаха.

Мюнцер был в присутствии князей подвергнут пытке и затем обезглавлен. На место казни он пошел с тем же мужеством, с которым

жил. Когда он был казнен, ему было, самое большее, двадцать восемь лет. Обезглавлен был и Пфейфер, а кроме того и множество других. В Фульде начал свою кровавую расправу божий человек Филипп Гессенский. Он и саксонские князья приказали отрубить головы в Эйзенахе — 24, в Лангензальце — 41, после Франкенгаузенской битвы — 300, в Мюльгаузене — свыше 100, при Гермаре — 36, при Тунгенде — 50, при Зангергаузене — 12, в Лейпциге — 8 мятежникам, не говоря уже о всякого рода изуродованиях и других более мягких наказаниях и о разграблении и сожжении ряда деревень и городов.

Мюльгаузен потерял вольности имперского города и был присоединен к саксонским землям так же, как Фульдское аббатство к ландграфству Гессенскому.

Князья направились теперь в Тюрингенский лес, где франконские крестьяне из бильдгаузенского лагеря вступили в союз с тюрингенскими крестьянами и сожгли много замков. У Мейнингена произошла битва; крестьяне были разбиты и отступили по направлению к городу. Но последний внезапно закрыл перед ними ворота и стал грозить им нападением с тыла. Приведенный в смятение этой изменой своих союзников, отряд вступил в переговоры с князьями, но разбежался еще во время их. Бильдгаузенский лагерь уже давно рассеялся; таким образом, с уничтожением этого отряда были подавлены последние остатки восстания в Саксонии, Гессене, Тюрингии и верхней Франконии.

В *Эльзасе* восстание вспыхнуло позднее, чем на правом берегу Рейна. Лишь около середины апреля поднялись крестьяне в Страсбургском епископстве; вскоре их примеру последовали и крестьяне верхнего Эльзаса и Зундгау. 18 апреля нижне-эльзасский крестьянский отряд разграбил монастырь Альторф; другие отряды образовались у Эберсгейма и Барра, а также в долинах Виллера и Урбиса. Вскоре они соединились в большой нижне-эльзасский отряд и начали занимать города и местечки и разрушать монастыри. Всюду призывали в войско третью часть способных носить оружие мужчин. Двенадцать тезисов этого отряда значительно более радикальны, чем тезисы швабско-франконских крестьян.

В то время как одна из нижне-эльзасских колонн, сосредоточившись в начале мая у Санкт-Ипполита, после неудавшейся попытки привлечь на свою сторону этот город, подчинила своей власти, по соглашению с горожанами, 10 мая Баркен, 13-го Раппольтсвейлер и 14-го Рейхенвейер, вторая колонна двинулась под начальством Эразма Гербера на Страсбург с целью захватить этот город. Попытка

эта не удалась; колонна двинулась тогда к Вогезам, разрушила монастырь Мауерсмюнстер и осадила Цаберн, сдавшийся 13 мая. Отсюда она направилась к лотарингской границе и подняла восстание в прилегающих частях герцогства, заняв вместе с тем и горные проходы. При Гербольцгейме на Сааре и Нейбурге были образованы большие лагери; при Сааргемюнде окопалось около 4 000 немецко-лотарингских крестьян. Наконец, два выдвинутых вперед отряда, кольбенский в Вогезах, у Штюрцельбрунна, и клебургский у Вейсенбурга, прикрывали фронт и правый фланг, в то время как левый фланг упирался в верхне-эльзассцев.

Последние, восстав 20 апреля, заставили войти в крестьянское братство 10 мая Зульц, 12-го — Гебвейлер, 15-го — Зеннгейм и его окрестности. Правда, австрийское правительство и окрестные имперские города немедленно заключили союз против крестьян, но были слишком слабы, чтобы оказать им серьезное сопротивление, не говоря уже о том, чтобы напасть на них. Так, к середине мая весь Эльзас, за исключением немногих городов, оказался в руках повстанцев.

Но уже приближалось войско, которое должно было сломить необузданную храбрость эльзасских крестьян. Восстановление дворянского господства явилось здесь делом *французов*. Уже 6 мая выступил в поход герцог Антон Лотарингский с армией в 30 000 человек, насчитывавшей в своих рядах цвет французского дворянства и испанские, пьемонтские, ломбардские, греческие и албанские вспомогательные войска. Столкнувшись 16 мая у Люцельштейна с 4 000 крестьян, он разбил их без всякого труда и уже 17-го числа заставил капитулировать занятый крестьянами Цаберн. Но договор о сдаче был нарушен еще во время вступления лотарингцев в город и обезоружения крестьян; ландскнехты напали на беззащитных крестьян и бо̀льшую часть из них перебили. Остальные нижне-эльзасские колонны рассеялись, и герцог Антон двинулся теперь на верхне-эльзасцев. Последние, отказавшиеся раньше прийти в Цаберн на помощь нижне-эльзасцам, подверглись теперь при Шервейлере нападению всех сил лотарингцев. Они защищались с величайшей храбростью, но при огромном численном перевесе противника — 30 000 против 7 000 — и измене нескольких рыцарей, в особенности рейхенвейерского фогта, эта храбрость ничего не могла сделать. Они были совершенно разбиты и рассеяны. Затем герцог с обычной жестокостью покорил весь Эльзас. От его нашествия не потерпел только Зундгау. Угрозой призвать сюда герцога австрийское правительство заставило своих крестьян заключить в начале июня

Энзисгеймский договор. Но оно само немедленно нарушило этот договор и приказало перевешать большое количество проповедников и вожаков движения. Это вызвало новое крестьянское восстание, закончившееся тем, что на зундгауских крестьян было распространено действие Оффенбургского договора (18 сентября).

Нам остается теперь изложить еще ход крестьянской войны в *альпийских землях Австрии*. Эти земли, точно так же как и примыкающее к ним *архиепископство Зальцбургское*, находились еще со времени движения за восстановление «*старых прав*» в непрерывной оппозиции к правительству и дворянству; реформационные учения нашли себе здесь благоприятную почву. Восстание было вызвано религиозными преследованиями и произволом, царившим в обложении.

Город *Зальцбург*, поддерживаемый крестьянами и рудокопами, уже с 1522 г. находился из-за своих городских привилегий и вопросов культа в состоянии ссоры с архиепископом. В конце 1524 г. архиепископ с наемными ландскнехтами напал на город, терроризировал его пушками замка и начал преследовать еретиков-проповедников. В то же время он ввел новые весьма обременительные налоги и этим довел раздражение всего населения до крайних пределов. Весной 1525 г., одновременно с восстанием в Швабии, Франконии и Тюрингии, крестьяне и рудокопы поднялись внезапно во всей стране, организовались в отряды под начальством *Просслера* и *Вейтмозера*, освободили город и осадили замок Зальцбург. Подобно западно-немецким крестьянам, они составили христианский союз и изложили свои требования в статьях, которых здесь было четырнадцать.

Крестьяне восстали весной 1525 г. и в *Штирии*, *Верхней Австрии*, *Каринтии* и *Крайне*, где новые незаконные налоги, пошлины и постановления также сильно задели самые кровные интересы народа. Они захватили ряд замков и разбили при Гриссе победителя движения в пользу «старых прав», старого главнокомандующего Дитрихштейна. Хотя правительству при помощи его лицемерных действий и удалось успокоить часть восставших, масса их все же не разошлась и соединилась с зальцбургцами, так что все Зальцбургское архиепископство и большая часть Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны оказались в руках крестьян и рудокопов.

В Тироле реформационные учения также нашли себе большое число сторонников: здесь деятельность эмиссаров Мюнцера имела даже больший успех, чем в остальных приальпийских землях Австрии. Эрцгерцог Фердинанд здесь также преследовал проповедников

новой веры и также нарушил новыми произвольными финансовыми мероприятиями права населения. Следствием этого было, как и повсеместно, восстание, начавшееся весной того же, 1525, года. Повстанцы, во главе которых стоял один из последователей Мюнцера, Гейсмайер, бывший единственным значительным военным талантом среди всех крестьянских вождей, захватили множество замков и весьма энергично расправлялись с попами, особенно на юге, в области Эча. Восстали также и форарльбергцы, присоединившиеся к альгеуцам.

Теснимый со всех сторон, эрцгерцог начал делать повстанцам, которых он совсем незадолго перед этим хотел истребить огнем и мечом, одну уступку за другой. Он созвал ландтаги своих наследственных земель и заключил с крестьянами перемирие до того момента, пока они не соберутся. Тем временем он стал усиленно готовиться к военным действиям, чтобы возможно скорее быть в состоянии заговорить со «злодеями» иным языком.

Перемирие соблюдалось, конечно, недолго. В герцогствах Дитрихштейн, у которого вышли все деньги, начал накладывать контрибуции. Его мадьярские и славянские войска позволяли себе, кроме того, самые бесстыдные жестокости по отношению к населению. Крестьяне Штирии снова поэтому восстали, напали в ночь со 2 на 3 июля на Дитрихштейна в Шладминге и перебили всех, кто не говорил по-немецки. Сам Дитрихштейн был взят в плен; утром 3 числа крестьяне устроили суд присяжных, который приговорил сорок чешских и кроатских дворян из числа взятых в плен к смерти. Они были немедленно обезглавлены. Это подействовало: эрцгерцог немедленно согласился удовлетворить все требования сословий пяти герцогств (Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны).

Требования ландтага были удовлетворены и в Тироле, и этим приведен к спокойствию весь север. Однако юг остался под оружием, настаивая на своих первоначальных требованиях, не будучи удовлетворен смягчившими их решениями ландтага. Эрцгерцог смог восстановить здесь порядок силой лишь в декабре. Он не преминул, конечно, казнить большое количество попавших в его руки зачинщиков и вожаков мятежа.

Против Зальцбурга в начале августа двинулось 10 000 баварцев под предводительством Георга фон-Фрундсберга. Эта внушительная военная сила, а также и раздоры, возникшие среди крестьян, побудили зальцбургцев заключить договор с архиепископом; договор, заключение которого состоялось 1 сентября, был принят также и

эрцгерцогом. Однако оба князя, успевшие тем временем в достаточной степени усилить свои войска, нарушили его очень скоро и тем привели зальцбургских крестьян к новому восстанию. Восставшие продержались всю зиму; весной к ним прибыл Гейсмайер, начавший блестящую кампанию против надвигающихся со всех сторон войск. В ряде блестящих сражений — в мае и июне 1526 г. — он разбил одних вслед за другими баварцев, австрийцев, войска Швабского союза, ландскнехтов архиепископа Зальцбургского и в течение долгого времени мешал отдельным корпусам соединиться вместе. Кроме того, он нашел еще время осадить Радштадт. Окруженный, наконец, со всех сторон превосходными силами, он вынужден был отступить; ему удалось пробиться и провести остатки своего отряда через австрийские Альпы и Венецианскую область. Венецианская республика и Швейцария дали этому неутомимому крестьянскому вождю опорные пункты для новых интриг; в течение еще года он пытался втянуть их в войну с Австрией, которая должна была дать ему возможность поднять новое крестьянское восстание. Но во время этих переговоров его настигла рука убийцы: эрцгерцог Фердинанд и Зальцбургский архиепископ не могли оставаться спокойными, пока был жив Гейсмайер; они подкупили бандита, и последнему удалось убить в 1527 г. опасного революционера.

VII.

С отступлением Гейсмайера в Венецианскую область закончился последний эпилог крестьянской войны. Крестьяне повсеместно снова вернулись под власть своих духовных, дворянских или патрицианских господ; договоры, кое-где заключенные с ними, были нарушены, существовавшие ранее тяготы были увеличены огромными контрибуциями, наложенными победителями на побежденных. Самая величественная революционная попытка немецкого народа закончилась позорнейшим поражением и привела на время к удвоению гнета. Однако подавление восстания не ухудшило надолго положения крестьянского класса. То, что могли выколачивать из крестьян из года в год дворяне, князья и попы, выколачивалось, конечно, уже до войны; немецкий крестьянин того времени имел с современным пролетарием общее то, что его доля в продуктах труда ограничивалась минимумом средств существования, необходимым для поддержания его жизни и продолжения крестьянской расы. Таким образом, в среднем, больше здесь уже нечего было взять. Правда, не малое количество более зажиточных средних крестьян разорилось, многие зависимые

крестьяне перешли в состояние крепостных, были конфискованы целые огромные площади общинных земель, значительное число крестьян вследствие разрушения их жилищ, опустошения их полей и общей анархии было обречено на бродяжничество или обратилось в городских плебеев. Но война и опустошения принадлежали к числу повседневных явлений этой эпохи, и в общем класс крестьян стоял слишком низко, чтобы вследствие повышения налогов могло получиться длительное ухудшение его положения. Последовавшие затем религиозные войны и, наконец, Тридцатилетняя война с ее многократными массовыми опустошениями и истреблением населения отразились на крестьянах гораздо тяжелее, чем крестьянская война; Тридцатилетняя война, в особенности, разрушила бóльшую часть вложенных в земледелие производительных сил и этим, а также и одновременным разрушением многих городов, низвела крестьян, плебеев и разорившихся горожан на долгое время до состояния, близкого к ирландской нищете в худшей ее форме.

Более всего пострадало от последствий крестьянской войны *духовенство*. Принадлежавшие ему монастыри и учреждения были сожжены, его драгоценности разграблены, проданы за границу или пущены в переплавку, его запасы были съедены. Оно везде меньше всех могло оказывать сопротивление, и в то же время на него тяжелее всего обрушивалась вся сила народной ненависти. Другие сословия—князья, дворяне, горожане,—втайне даже радовались бедствиям ненавистных прелатов. Крестьянская война сделала популярной секуляризацию духовных имений в пользу крестьян; светские князья и отчасти города постарались провести эту секуляризацию *в своих интересах*, и скоро владения прелатов оказались в протестантских землях в руках князей или городского патрициата. Но значительный ущерб был нанесен и господству духовных князей: светские князья сумели использовать народную ненависть и в этом направлении. Так, мы видели, что фульдский аббат из сеньера Филиппа Гессенского превратился в его вассала. Так, город Кемптен принудил своего князя-аббата продать за бесценок ряд ценных привилегий, принадлежавших ему в городе.

Значительные потери понесло также *дворянство*. Большинство принадлежавших ему замков было уничтожено, часть наиболее влиятельных родов разорилась и должна была снискивать себе пропитание на службе у князей. Война установила его бессилие по отношению к крестьянам: оно всюду было бито и вынуждено капитулировать; его спасли лишь княжеские войска. Оно все более и более теряло свое значение как зависящее непосредственно от

империи сословие и все более и более попадало в зависимость к князьям.

Города в целом также не получили от крестьянской войны никаких выгод. Господство городского патрициата почти всюду снова укрепилось, а бюргерская оппозиция на долгое время была сломлена. Таким образом, старая патрицианская рутина продолжала, сковывая со всех сторон торговлю и промышленность, влачить свое жалкое существование вплоть до наступления французской революции. Кроме того, князья возложили на города ответственность за временные успехи, которых добились в их среде в течение войны бюргерская и плебейская партии. Города, входившие уже раньше в состав княжеских территорий, были обложены тяжелыми контрибуциями, лишились своих привилегий и попали в полную зависимость от произвола и корыстолюбия князей (Франкенгаузен, Арнштадт, Шмалькальден, Вюрцбург и т. д.); вольные имперские города были присоединены к территориям князей (напр., Мюльгаузен) или, по крайней мере, были поставлены в моральную зависимость от соседних князей, как многие франконские имперские города.

При этих условиях исход крестьянской войны оказался выгодным для одних только *князей*. Уже в начале нашего изложения мы видели, что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое объединение немцев в единую *нацию*, что оно допускало лишь местную и провинциальную централизацию и что поэтому носители этой централизации в общем расщеплении, князья, составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение общественных и политических отношений. Ступень развития, на которой стояла тогдашняя Германия, была настолько низка, и в то же время это развитие было настолько неоднородно в разных провинциях, что рядом со светскими княжествами могли существовать и суверенные церковные государства, городские республики и суверенные графы и бароны; но в то же время это развитие все же шло, хотя и очень медленно и вяло, в сторону провинциальной *централизации*, т. е. подчинения всех остальных сословий власти князей. Поэтому в результате крестьянской войны могли выиграть только князья. Так в действительности оно и случилось. Они выиграли не только относительно — от ослабления своих конкурентов, — духовенства, дворянства и городов, — но и абсолютно, получив главную добычу за счет всех остальных сословий. Духовные имения были секуляризированы в их пользу; часть дворянства, наполовину или совершенно разорившаяся, постепенно должна была подчиниться их

*

верховной власти; наложенные на города и крестьянские общины контрибуции текли в их казну, которая получила, кроме того, благодаря упразднению большого количества городских привилегий, значительно более широкий простор для своих излюбленных финансовых операций.

Раздробление Германии, обострение и усиление которого было главным результатом крестьянской войны, было в то же время и причиной ее неудачи.

Мы видели, что Германия была не только раздроблена на бесчисленные, независимые, почти совершенно чуждые друг другу провинции, но и что народ в каждой из этих провинций расчленялся на множество отдельных сословий и частей последних. Кроме князей и попов, мы находим в деревне дворян и крестьян, а в городах — патрициев, бюргеров и плебеев; все это были сословия, интересы которых были совершенно чужды друг другу, если не перекрещивались и не были противоположны друг другу. Над всеми этими сложными интересами имелись, сверх того, еще интересы императора и папы. Мы видели, с каким трудом, как неполно и как, в зависимости от местных условий, неодинаково сложились, в конце концов, эти различные интересы в три большие группы; как, несмотря на эту достигнутую с таким трудом группировку, каждое сословие оказывалось в противоречии с обусловленным данными обстоятельствами направлением национального развития, создавало свое движение на свой собственный страх и, благодаря этому, попадало в коллизию не только с консервативными, но и с остальными оппозиционными сословиями и, в конце концов, должно было потерпеть поражение. Так было с дворянством в восстании Зиккингена, с крестьянами в крестьянской войне и с горожанами во всей их «мирной» реформации. Точно таким же образом в большинстве местностей Германии даже крестьяне и плебеи не смогли соединиться для общего действия и становились друг другу поперек дороги. Мы видели также, какими причинами были вызваны это раздробление классовой борьбы и обусловленные им полное поражение революционного и частичное поражение бюргерского движения.

Предшествующее изложение, я думаю, достаточно ясно показало всем, как местное и провинциальное раздробление и вытекающее из него неумение возвыситься над местными и провинциальными интересами привели все движение к гибели; как ни горожане, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными к соединенному общенациональному выступлению; как крестьяне, например, действовали в каждой провинции на свой собственный страх, постоянно отказы-

вали соседним восставшим крестьянам в помощи и потому одни за другими уничтожались в отдельных сражениях войсками, которые не равнялись даже десятой части всей массы восставших. Различные перемирия и договоры, заключенные отдельными отрядами с их противниками, составляют столько же актов измены общему делу; и оказавшаяся единственно возможной группировка отдельных отрядов не по признаку большей или меньшей общности их собственных действий, а по признаку общности специального врага, от которого они терпели поражение, ярко показывает степень взаимной отчужденности крестьян различных провинций.

Здесь также сама собою напрашивается аналогия с движением 1848 — 1850 гг. В 1848 г. интересы оппозиционных классов также вступили в столкновение друг с другом, и каждый из них действовал на свой собственный страх. Буржуазия, слишком уже развитая, чтобы дальше сносить феодально-бюрократический абсолютизм, не обладала еще достаточной силой, чтобы немедленно подчинить притязания других классов своим собственным. Пролетариат, слишком слабый, чтобы надеяться на быстрое преодоление буржуазного периода и на скорый захват власти в свои собственные руки, успел уже при абсолютизме испробовать сладость буржуазного режима и достиг вообще уже слишком высокой ступени развития, чтобы хотя на одну минуту видеть в эмансипации буржуазии свое собственное освобождение. Масса нации—мелкая буржуазия, ремесленники и крестьяне—была оставлена на произвол судьбы своей еще естественной союзницей, буржуазией, как слишком революционная, а местами и пролетариатом, как еще недостаточно передовая; раздробившись, в свою очередь, на части, она свелась на-нет и заняла оппозиционное положение к своим соседям и справа и слева. Наконец, неумение возвыситься над местными интересами у крестьян в 1525 г. не могло быть сильнее, чем у всех классов, принимавших участие в движении 1848 г. Сотни местных революций, последовавшее за ними такое же количество столь же беспрепятственно проведенных местных реакций и оставшийся в силе мелко-государственный партикуляризм являются достаточно убедительными доказательствами этого. *Кто после обеих немецких революций—революции 1525 г. и революции 1848 г.—и их результатов может еще говорить о федеративной республике, тому место лишь в сумасшедшем доме.*

Но, несмотря на все аналогии, обе революции,—революция XVI века и революция 1848—1850 гг.,—все же весьма существенно отличны друг от друга. Революция 1848 г. доказывает если не прогресс Германии, то, по крайней мере, прогресс Европы.

Кто извлек выгоду из революции 1525 г.? Князья. Кто извлек выгоду из революции 1848 г.? Крупные государи, монархи австрийский и прусский. За мелкими князьями 1525 г. стояло мелкое бюргерство, связанное с ними уплачиваемыми им налогами, а за крупными государями 1850 г., австрийским и прусским, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга, а за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат.

Революция 1525 г. была местным делом Германии. Англичане, французы, чехи, венгерцы уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы начали делать свою. Если Германия была раздроблена, то Европа была раздроблена еще в гораздо большей степени. Революция 1848 г. не была местным немецким делом, а представляла из себя часть великого европейского события. Действовавшие в течение всего хода ее причины не связаны с тесным пространством какой-нибудь одной страны или даже одной части света. Мало того, страны, бывшие ареной этой революции, менее всего повинны в ее возникновении. Они представляют из себя в большей или меньшей степени бессознательный и безвольный сырой материал, подлежащий переработке в течение движения, в котором теперь участвует весь мир, движения, которое при существующих общественных отношениях может, конечно, казаться лишь чуждой силой, хотя, в конце концов, оно есть лишь наше собственное движение. Революция 1848 — 1850 гг. не может поэтому окончиться так, как окончилась революция 1525 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЗОРЫ

I.

[Пруссия. — Австрия. — Россия. — Турция. — Англия. — Швейцария. — Франция. — Америка — Китай.]

Лондон, 31 января 1850 г.

A tout seigneur, tout honneur! [1] Начнем с *Пруссии.*

Прусский король делает все возможное, чтобы довести до кризиса данный момент безразличного соглашения, неудовлетворительного компромисса. Он дарует конституцию и после различных пререканий создает две палаты, которые и пересматривают эту конституцию. Чтобы конституция была приемлема для короны, палаты вычеркивают каждую статью, которая может быть ей неприятна, думая, что теперь король немедленно присягнет конституции. Как раз наоборот: чтобы доказать палатам свою «королевскую добросовестность», Фридрих-Вильгельм сочиняет послание, в котором он делает новые «предложения исправления конституции», предложения, принятие которых должно лишить упомянутый документ последних признаков малейших так называемых конституционных гражданских гарантий. Король надеется, что палаты отвергнут эти предложения, — ничуть не бывало. Если палаты ошиблись в короне, то зато они теперь позаботились о том, чтобы корона также ошиблась в них. Они принимают все, решительно все — пэрство и исключительный суд, ландштурм и фидеикомиссы, — чтобы не быть разогнанными, чтобы только принудить, наконец, короля к серьезной и реальной присяге. Такова месть прусского конституционного бюргера.

Королю трудно будет придумать такое оскорбление, которое показалось бы палатам слишком сильным. В конце концов он вынужден будет заявить, что «чем более священным он считает клятвенное обещание, которое ему предстоит дать, тем более он думает о тех обязанностях по отношению к любезному отечеству, которые возложены на него богом», и тем менее его «королевская

[1] [Почет сеньеру!]

добросовестность» позволяет ему присягнуть конституции, предоставляющей ему все, а стране ничего.

Господа из блаженной памяти «Соединенного ландтага», которые теперь опять сошлись в палатах, боятся быть отброшенными к их старой позиции, которую они занимали 18 марта, потому что тогда пред ними опять предстанет революция, теперь, однако, решительно не сулящая им никаких роз. К этому прибавляется еще, что в 1847 году они могли отклонить заем для предполагавшейся восточной дороги, между тем как в 1849 г. они действительно одобрили этот заем, а затем уже задним числом покорнейше просили о теоретическом праве предоставления кредитов.

В то же самое время буржуазия вне палат доставляет себе удовольствие оправдывать в судах присяжных лиц, обвиняемых в политических преступлениях, и таким образом проявлять свою оппозицию правительству. В этих процессах тогда регулярно компрометируют себя правительство, с одной стороны, и представленная обвиняемыми и аудиторией демократия — с другой. Напомним процесс «всегда конституционного» Вальдека, трирский процесс и т. д.

На вопрос старого Арндта: «Что такое отечество немца?» Фридрих-Вильгельм IV ответил: *Эрфурт.* Не так трудно было дать пародию Илиады в «Войне мышей и лягушек», но никто до сих пор еще не осмелился подумать о составлении пародии на «войну мышей и лягушек». Эрфуртскому плану удалось дать пародию самой войны мышей и лягушек в церкви Павла. В самом деле, было совершенно безразлично, действительно ли это невероятное собрание соберется в Эрфурте, или же его запретит православный царь,—так же безразлично, как и тот протест против его компетенции, для вынесения которого господин Фогт, без сомнения, войдет в соглашение с господином Венедеем. Все это измышление имеет интерес лишь для тех глубокомысленных политиков, для передовых статей которых вопрос о «великой» или «малой Германии» является столь же обильным, как и необходимым источником, и для тех прусских буржуа, которые живут в счастливой уверенности, что прусский король в Эрфурте одобрит все, именно потому, что в Берлине он все отверг.

Если франкфуртское «Национальное собрание» должно более или менее точно повториться в Эрфурте, то старый союзный сейм возродится в «Interim» (временной союзной власти) и вместе с тем должен будет свестись к самому простому своему выражению, к австро-прусской союзной комиссии. Interim уже совершил свое

вступление в Вюртемберг и в скором времени вступит в действие в Мекленбурге и в Шлезвиг-Голштинии.

В то время как Пруссия долгое время кое-как сводила свой бюджет при помощи эмиссии бумажных денег, тайных займов в прусском государственном банке и остатков государственной казны и только теперь вынуждена пойти по пути займов, *в Австрии* государственное банкротство в полном расцвете. Дефицит в 155 миллионов гульденов за первые 9 месяцев 1849 года, который должен вырасти до 210 — 220 миллионов к концу декабря, полное уничтожение государственного кредита внутри страны и за границей после с треском провалившейся попытки займа; полное истощение финансовых ресурсов внутри страны — обыкновенных налогов, контрибуций, эмиссии бумажных денег; необходимость введения в истощенной стране чрезвычайных налогов, которые, как можно заранее предвидеть, вероятно, не поступят, — вот те главные черты, в которых проявляется финансовая нужда в Австрии. Одновременно с этим все быстрее идет разложение австрийского государственного организма. Напрасно правительство противопоставляет ему лихорадочную централизацию; дезорганизация достигла уже самых окраинных частей государства; Австрия становится невыносимой для самых варварских народов, главных столпов старой Австрии, для южных славян в Далмации, Кроации и Банате, даже для «верных» пограничных австрийских солдат. Остается еще только один акт отчаяния, дающий некоторые шансы на спасение, — внешняя война; эта внешняя война, к которой Австрия неудержимо идет, должна быстро завершить ее полное разложение.

Россия также не была достаточно богата, чтобы заплатить за свою славу, за которую она к тому же должна была еще заплатить наличными деньгами. Несмотря на свои прославленные золотые рудники на Урале и на Алтае, несмотря на неисчерпаемые сокровища в подвалах Петропавловской крепости, несмотря на скупку ренты в Лондоне и Париже, являющуюся якобы результатом излишка денег, православный царь видит себя вынужденным не только под различными предлогами заимствовать 5 000 000 серебряных рублей из хранящегося в Петропавловской крепости для обеспечения бумажных денег наличного занаса и распорядиться о продаже своих рент на парижской бирже, но и обратиться к недоверчивому лондонскому Сити с просьбой о ссуде в 30 000 000 серебряных рублей.

Движения 1848 и 1849 гг. так сильно втянули Россию в европейскую политику, что она должна теперь возможно скорее проводить свои старые планы относительно *Турции*, Константинополя,

этого «ключа к ее дому», чтобы они не стали навсегда неисполнимыми. Успехи контр-революции и растущая с каждым днем сила революционных партий в западной Европе, внутреннее положение самой России и плохое состояние ее финансов принуждают ее к быстрым действиям. Мы недавно видели дипломатический пролог к этому новому восточному государственному акту; через несколько месяцев мы будем свидетелями самого акта.

Война с Турцией по необходимости явится европейской войной. Тем лучше для святой Руси, которая таким образом приобретает возможность надолго утвердиться в Германии, энергично довести там до конца контр-революцию, помочь Пруссии завоевать Невшатель и в конечном счете двинуться на центр революции, на Париж.

Англия не может остаться нейтральной в такой европейской войне. Она должна выступить против России. А Англия для России самый опасный противник. Если сухопутные армии континента становятся слабее при проникновении в Россию, распространяясь по все большей территории, если их продвижение в Россию на восток от старой польской границы угрожает им повторением 1812 года и почти полным уничтожением, то Англия имеет возможность нанести удар России в ее самое уязвимое место. Не говоря уже о том, что она может принудить шведов к обратному завоеванию Финляндии, для ее флота открыты Петербург и Одесса. Русский флот, как известно, является самым плохим в мире, и Кронштадт и Шлиссельбург так же легко взять, как Сен-Жан д'Акр и Сан-Хуан де-Улуа. А без Петербурга и Одессы Россия превращается в великана с отрубленными руками. К этому надо еще прибавить, что Россия не может обойтись без Англии даже и шести месяцев как для сбыта своего сырья, так и для покупки продуктов промышленности, что уже ясно обнаружилось во время наполеоновской континентальной блокады и что еще в гораздо большей степени имеет силу для настоящего времени. Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев очутилась бы в очень тяжелом положении. Англия же, наоборот, не только может некоторое время обходиться без русского рынка, но она может получать все русские сырые продукты на других рынках. Как мы видим, Россия, которой так боятся, вовсе не так опасна. Но немецкому бюргеру она должна казаться такой страшной, потому что она непосредственно подчиняет себе его князей и потому что он очень правильно предчувствует, что полчища русских варваров вскоре наводнят Германию и будут играть там до известной степени мессианскую роль.

Швейцария относится к Священному союзу вообще, как прусские палаты относятся к своему королю в частности. Но у Швейцарии имеется козел отпущения, которому она может вдвойне и втройне передавать удары, получаемые ею от Священного союза, вдобавок еще беззащитный козел отпущения, предоставленный ее милости или немилости, — немецкие эмигранты. Правда, часть швейцарских «радикалов» в Женеве, Ваадте, Берне протестовала против трусливой политики Союзного совета — трусливой и по отношению к Священному союзу, и по отношению к эмигрантам. Но, с другой стороны, верно также, что Союзный совет был прав, когда утверждал, что его политика «является политикой огромного большинства швейцарского народа». При этом центральное правительство проводит мелкие внутренние реформы, централизацию таможенных пошлин, монеты, почт, мер и весов, — реформы, которые обеспечивают ей одобрение мелкой буржуазии. Но она, конечно, не осмеливается еще принять решение об уничтожении волонтерской военной службы, и теперь еще каждый день жители старинных кантонов массами направляются в Комо, чтобы там поступить на неаполитанскую военную службу. Однако, несмотря на всю покорность и предупредительность по отношению к Священному союзу, Швейцарии все же фатально угрожает буря. В первом опьянении после войны против Зондербунда и после февральской революции робкие швейцарцы увлеклись некоторыми смелыми попытками. Они осмелились на ужасное дело, один раз пожелали быть независимыми; вместо гарантированной им державами конституции 1814 г. они составили себе новую, признали независимость Невшателя, вопреки договорам. За это они понесут наказание, несмотря на все реверансы, любезности и полицейские услуги. А раз Швейцария будет втянута в европейскую войну, положение ее будет далеко не из приятных. Если Швейцария нанесла оскорбление Священному союзу, то, с другой стороны, она предала и революцию.

Во *Франции*, где буржуазия сама в своих собственных интересах руководит реакцией и где республиканская форма правления предоставляет этой реакции самое свободное и самое последовательное развитие, революция подавляется самым беззастенчивым и самым насильственным способом. За короткий промежуток одного месяца следуют друг за другом восстановление налога на вино, которое прямо ведет к раззорению половины сельского населения, циркуляр д'Опуля, делающий жандармов шпионами даже по отношению к служащим, закон о школьных учителях, на основании которого начальные учителя могут произвольно быть смещены

префектами, закон о преподавании, передающий школы попам, и закон об изгнании, в котором буржуазия проявляет всю свою непримиримую жажду мести к июньским инсургентам и, за недостатком других казней, подвергает их убийственному климату Алжира. Мы не говорим уже о многочисленных высылках даже невиннейших иностранцев, которые все еще не прекращаются с 13 июня.

Целью этой священной буржуазной реакции является, конечно, восстановление монархии. Но монархическая реставрация встречает препятствие в многочисленных претендентах и в партиях, которые отстаивают их в стране. Легитимисты и орлеанисты, обе сильнейшие монархические партии, приблизительно равны; третья партия, бонапартистская, значительно слабее. Луи-Наполеон, несмотря на свои 7 миллионов голосов, не имеет даже настоящей партии, у него есть только клика. Он, который в общем руководстве реакцией всегда пользуется поддержкой большинства палаты, будет покинут ею, как только выступят его частные интересы претендента, покинут даже своими министрами, которые каждый раз уличают его во лжи и письменно принуждают его заявить на следующий день, что они пользуются его доверием. Недоразумения, возникающие каждый раз между ним и большинством, какие бы серьезные последствия они ни имели, до сих пор являются поэтому лишь комическими эпизодами, в которых президент республики каждый раз играет только роль обманутого. При этом само собою разумеется, что каждая монархическая секция на свой собственный страх конспирирует с Священным союзом. Assemblée Nationale (Национальное собрание) совершенно беззастенчиво угрожает публично народу русскими. В настоящее время уже фактически известно, что Луи-Наполеон строит козни вместе с Николаем.

Вместе с ростом реакции растут также силы революционной партии. Огромная масса сельского населения, разоренная парцелляцией, бременем налогов и даже с буржуазной точки зрения чисто фискальным характером большей части налогов, разочарованная в обещаниях Луи-Наполеона и реакционных депутатов, бросилась в объятия революционной партии и заявляет о своей приверженности к социализму, правда, пока очень грубому и буржуазному социализму. Как революционно настроены даже наиболее легитимистские департаменты, доказывают последние выборы в департаменте Гар, центре роялизма и «белого террора» в 1815 г., где теперь был выбран «красный». Мелкая буржуазия, угнетаемая крупным капиталом, который опять занимает в торговле и в политике совершенно такую же позицию, как при Луи-Филиппе, идет за сель-

ским населением. Перемена так велика, что даже предатель Марраст и газета бакалейных торговцев «Siècle» должны были высказаться за социалистов. Отношение различных классов друг к другу, иным выражением которого является взаимное отношение политических партий, опять-таки в настоящее время почти такое, какое было 22 февраля 1848 г. Только теперь речь идет о других вещах, рабочие более сознательны, и в движение втянут и завоеван для революции другой, до сих пор политически мертвый класс, класс крестьян.

В этом кроется необходимость для господствующей буржуазии попытаться возможно скорее уничтожить всеобщее избирательное право; и в этой же необходимости кроется также уверенность в скорой победе революции, даже независимо от внешних условий.

О том, какое создалось теперь напряженное состояние, можно судить по комическому законопроекту народного представителя Пради, который в 200 приблизительно параграфах делает попытку бороться с государственными переворотами и революциями посредством декрета Национального собрания. А как мало денежная аристократия доверяет здесь, как и в других крупных центрах,внешне восстановленному «порядку», можно видеть из того, что различные филиальные отделения банкирского дома Ротшильд продолжили договор между собой только на *один год*, — неслыханно короткий период в анналах крупной торговли.

В то время как континент в течение последних двух лет занимался революциями, контр-революциями и неразлучным с ними потоком красноречия, промышленная *Англия* проявила себя в совершенно другой области: в ней наблюдалось благополучие. Разразившийся in due course (в надлежащее время) осенью 1845 г. торговый кризис два раза был прерван — в начале 1846 г. решениями парламента о свободе торговли и в начале 1848 г. февральской революцией. Масса товаров, переполнявших заокеанские рынки, за этот промежуток постепенно нашла сбыт. Февральская революция кроме того устранила еще именно на этих рынках конкуренцию континентальной промышленности, между тем как английская промышленность потеряла на разоренном континентальном рынке не многим больше, чем она и без того потеряла бы при дальнейшем развитии кризиса. Февральская революция, которая временно почти совершенно остановила континентальную промышленность, помогла англичанам довольно легко пережить год кризиса, содействовала распродаже накопленных запасов на заокеанских рынках и сделала возможным новый подъем промышленности весной 1848 г. Этот подъем,

который распространился также и на часть континентальной промышленности, достиг за последние три месяца такой степени, что фабриканты уверяли, что никогда не переживали такого хорошего времени,— утверждение, которое всегда делается накануне кризиса. Фабрики завалены заказами и работают усиленным темпом, изыскиваются всякие средства для обхода десятичасового билля и приобретения новых часов труда. Новые фабрики массами строятся во всех частях промышленных округов, а старые расширяются, наличные деньги устремляются на рынок, свободный капитал хочет воспользоваться моментом всеобщей прибыли, дисконт питает спекуляцию, устремляется в производство или в торговлю сырьем, и почти все товары повышаются в цене абсолютно, и все без исключения — относительно. Одним словом, Англия счастливо переживает «благоденствие» в прекраснейшей форме, и спрашивается только, как долго продлится этот блестящий период. Во всяком случае не очень долго. Многие из величайших рынков, например Ост-Индия, уже почти переполнены. Вывоз теперь благоприятствует настоящим крупным рынкам менее, чем складам мировой торговли, из которых товары могут быть направлены на наиболее благоприятные рынки. Вскоре, при колоссальных производительных силах, которые Англия увеличила в 1843—1845 и в 1845 и 1847 годах, а особенно в 1849 году, и которые она продолжает постоянно увеличивать, остающиеся еще свободными рынки, в особенности северо- и южно-американские и австралийские, точно так же будут переполнены, и при первых известиях об этом переполнении одновременно наступит «паника» в спекуляции и в производстве — может быть, уже в конце весны, самое позднее в июле или в августе. Но этот кризис, благодаря тому, что он должен совпасть с большими коллизиями на континенте, будет иметь совершенно другие результаты, чем все предыдущие. Если до сих пор каждый кризис был сигналом к новому прогрессу, новой победе, одержанной промышленной буржуазией над землевладением и над финансовой буржуазией, то этот будет началом современной английской революции, революции, в которой Кобден возьмет на себя роль Неккера.

Мы переходим теперь к *Америке*. Самым важным фактом, происшедшим здесь, более важным, чем февральская революция, является открытие калифорнийских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем открытие самой Америки. В течение трехсот тридцати лет вся торговля Европы с Тихим океаном с трогательным долготерпением велась вокруг

мыса Доброй надежды или вокруг мыса Горна. Все предложения прорыть Панамский перешеек разбивались об ограниченное соперничество торговых народов. Прошло всего восемнадцать месяцев со времени открытия калифорнийских золотых приисков, и янки имеют уже железную дорогу, большую гужевую дорогу, канал от Мексиканского залива; уже регулярно ходят пароходы из Нью-Йорка в Чагрес, из Панамы в Сан-Франциско; торговля Великого океана концентрируется уже в Панаме, и путь вокруг мыса Горна является уже устарелым. Побережье, простирающееся на 30 градусов широты, одно из прекраснейших и плодороднейших мест в мире, до сих пор почти необитаемое, видимо превращается в цивилизованную страну, густо населенную всякими племенами и народами, от янки до китайцев, от негров до индейцев и малайцев, от креолов и метисов до европейцев. Калифорнийское золото потоками разливается по Америке и азиатскому берегу Тихого океана и втягивает непокорные варварские племена в мировую торговлю, в цивилизацию. Во второй раз уже мировая торговля получает новое направление. То, что в древности представляли Тир, Карфаген и Александрия, в средние века Генуя и Венеция, чем до сих пор были Лондон и Ливерпуль, — центрами мировой торговли, — этим становятся теперь Нью-Йорк и Сан-Франциско, Сан-Хуан де-Никарагуа и Леон, Чагрес и Панама. Средоточием мировой торговли в средние века была Италия, в новейшее время Англия. Теперь таким центром становится южная половина северо-американского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы, если они не хотят подвергнуться такому же упадку, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, должны употребить огромные усилия, чтобы Англия и Франция не пришли в такое же состояние, в каком в настоящее время находятся Венеция, Генуя и Голландия. Через несколько лет мы будем иметь постоянное пароходное сообщение между Англией и Чагресом, между Чагресом и Сан-Франциско, с одной стороны, и Сиднеем, Кантоном и Сингапуром — с другой. Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба берега Тихого океана вскоре будут так же густо населены, так же открыты для торговли, так же промышленно развиты, как теперь берег от Бостона до Нового Орлеана. И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и средние века Средиземное море, — роль большого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море. Единственным условием, при

котором европейские цивилизованные страны не впадут в такую же промышленную, коммерческую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция, которая, пока еще не поздно, сама преобразует способ производства и обмена согласно потребностям производства, вытекающим из современных производительных сил, и сделает, таким образом, возможным создание новых производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым смягчат вред, причиняемый географическим положением.

В заключение еще характерный курьез, привезенный из Китая известным немецким миссионером Гюцлаффом. Медленно, но постоянно увеличивающееся перенаселение страны давно уже сделало местные общественные условия очень тяжелыми для огромного большинства нации. Тогда явились англичане и силою завоевали себе свободу торговли в пяти гаванях. Тысячи английских и американских судов направились в Китай, и в скором времени страна была переполнена дешевыми британскими и американскими машинными фабрикатами. Китайская промышленность, основанная на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной. Непоколебимая Срединная империя пережила социальный кризис. Налоги перестали поступать, государство находилось на краю банкротства, население массами пауперизировалось, начались восстания, массовые убийства мандаринов императора и бонз Фу-Си. Страна очутилась на краю гибели и находится под угрозой насильственной революции. Но хуже того. Среди мятежной черни выступили люди, которые указывали на бедность одних, на богатство других, которые требовали иного распределения имуществ, требовали, и теперь еще требуют, полного уничтожения частной собственности. Когда господин Гюцлафф после двадцатилетнего отсутствия опять попал в среду цивилизованных людей и европейцев, он услышал разговоры о социализме и спросил, что̀ это значит. Когда ему это объяснили, он с испугом воскликнул: «Значит, я никуда не могу уйти от этого пагубного учения? Ведь именно это с некоторых пор проповедуют многие из черни в Китае!»

Пусть китайский социализм имеет такое же отношение к европейскому, как китайская философия к гегелевской. Все же отрадно, что самая древняя и самая прочная империя в мире, под воздействием тюков ситца английских буржуа, за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации.

Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до китайской стены, к вратам, которые ведут к архиконсервативной твердыне, то, как знать, не найдут ли они там надпись:

RÉPUBLIQUE CHINOISE
LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ

* * *

Желания прусской буржуазии исполнены: «человек чести» поклялся в верности конституции под тем условием, что ему «будет дана возможность править при этой конституции». И за несколько дней, протекших с февраля, буржуа в палатах уже полностью выполнили это условие. До 6 февраля они говорили: мы должны итти на уступки, чтобы только добиться утверждения конституции; когда присяга будет принесена, мы сможем действовать иначе. После 6 февраля они говорят: конституция утверждена, мы имеем все необходимые гарантии; мы можем, стало быть, делать уступки совершенно спокойно. Восемнадцать миллионов на военные приготовления, на мобилизацию 500 000 солдат против еще неизвестного врага, утверждены почти единогласно, без прений, без оппозиции; бюджет вотируется в четыре дня, все правительственные проекты проходят через палаты в мгновение ока. Как видите, у немецкой буржуазии попрежнему нет недостатка в трусости и в предлогах для этой трусости.

Прусскому королю эти благонамеренные палаты дали полную возможность убедиться в преимуществах конституционного строя перед абсолютистским, — в его преимуществах не только для управляемых, но и для правителей. Если припомнить финансовые затруднения 1842—1848 гг.,—тщетные попытки получить ссуду через Банк для развития морской торговли и через Государственный банк, отказы Ротшильда, провал займа в Соединенном ландтаге, истощение казначейства и государственных касс,—и если сравнить со всем этим финансовое раздолье 1850 г. — три бюджета с дефицитом в семнадцать миллионов, санкционированные палатами, массовый выпуск облигаций и казначейских билетов, правительство в лучших отношениях с Государственным банком, чем оно было когда-либо с Банком для развития морской торговли, и вдобавок еще тридцать четыре миллиона вотированных займов в запасе, — какой контраст!

Судя по словам военного министра, прусское правительство считает вероятным наступление событий, которые могут заставить его мобилизовать в интересах европейского «порядка и спокойствия» всю свою армию. Этим заявлением Пруссия громко и отчетливо

возвестила о своем возвращении в лоно «Священного союза». Против кого затевается новый крестовый поход, совершенно ясно. Центр анархии и крамолы, французский Вавилон, должен быть уничтожен. Будет ли нападение произведено прямо на Францию, или же ему будут предшествовать диверсии против Швейцарии и Турции, это будет в значительной мере зависеть от развития событий в Париже. Во всяком случае, прусское правительство имеет теперь возможность поднять в течение двух месяцев число своих солдат с 180 000 до 500 000; 400 000 русских стоят наготове в Польше, на Волыни и в Бессарабии; Австрия имеет под ружьем по меньшей мере 650 000 человек. Только чтобы прокормить эти огромные воинские массы, России и Австрии придется начать завоевательную войну еще в текущем году. А что касается первого направления этого похода, то о нем свидетельствует один только что опубликованный любопытный документ.

Швейцарская «Nationalzeitung» сообщает в одном из своих последних номеров меморандум, будто бы составленный австрийским генералом Шенгальсом и содержащий в себе полный план вторжения в Швейцарию.

Пруссия стягивает около 60 000 человек на Майне вблизи от железных дорог; корпус гессенцев, баварцев и вюртембержцев концентрируется частью под Ротвейлем и Тутлингеном, частью под Кемптеном и Меммингеном. Австрия выставляет 50 000 человек в Форарльберге и в направлении на Инспрук и второй корпус в Италии, между Сесто-Календе и Лекко. Тем временем с Швейцарией ведутся дипломатические переговоры. В выбранный для нападения момент пруссаки спешат по железной дороге в Леррах, небольшие отряды — в Донауэшинген; австрийцы стягиваются теснее близ Брегенца и Фельдкирха, итальянская армия близ Комо и Лекко. Однабригада остается близ Варезе и угрожает Беллинцоне. Послы вручают ультиматум и выезжают. Военные действия начинаются, причем главным предлогом служит восстановление союзной конституции 1814 г. и свободы отдельных кантонов. Самое нападение направляется концентрически на Люцерн. Пруссаки двигаются через Базель на Аар, австрийцы через Сен-Галлен и Цюрих на Лиммат. Первые занимают территорию от Золотурна до Цурцаха, последние от Цурцаха через Цюрих до Уцнаха. Одновременно отряд австрийцев в 15 000 человек двигается через Хур на Шплюген и соединяется с итальянским корпусом, после чего они вместе наступают через передне-рейнскую долину на Сен-Готар, в свою очередь соединяются здесь с прошедшим через Варезе и Беллинцону корпусом и поднимают восстание в первичных кантонах. Тем временем наступление главных армий, к которым у

Шаффгаузена подходят более мелкие отряды, и завоевание Люцерна отрезывают эти кантоны от западной Швейцарии, чем достигается отделение овец от козлищ. Одновременно Франция, обязанная по «тайному договору от 30 января» выставить 60 000 человек у Лиона и Кольмара, занимает Женеву и Юру под тем же предлогом, под каким она заняла Рим. В результате Берн попадает в безвыходное положение, и «революционное» правительство вынуждено либо тотчас же капитулировать, либо погибнуть со своими войсками от голода в бернских Альпах.

Как видите, план совсем не так плох. Он тщательно учитывает территориальные условия, он предлагает занять сначала более равнинную и плодородную северную Швейцарию и взять соединенными силами единственную серьезную позицию, которая там имеется, позицию за Ааром и Лиматом. Большое достоинство плана в том, что он предлагает отрезать швейцарскую армию от ее житницы, оставив сначала в ее руках менее доступную горную область. Он может поэтому быть приведен в исполнение еще в начале весны, и чем раньше он будет выполнен, тем труднее будет положение оттесненных в горы швейцарцев.

Опубликован ли рассматриваемый документ против воли его авторов, или же он составлен специально для того, чтобы его нашла и обнародовала какая-нибудь швейцарская газета, это в силу одних лишь внутренних соображений решить трудно. В последнем случае единственная его цель могла бы заключаться в том, чтобы заставить швейцарцев опустошить быстрой и обширной мобилизацией свою казну и сделать их более послушными «Священному союзу» и чтобы вообще сбить с толку общественное мнение насчет намерений союзников. То обстоятельство, что военные приготовления России и Пруссии и планы войны с Швейцарией выставляются сейчас так усердно напоказ, говорит как будто в пользу этого предположения. Такое же впечатление оставляет одно место в самом меморандуме, рекомендующее проводить все операции с максимальной быстротой, чтобы завоевать возможно большую территорию до вывода отрядов из страны. Однако столько же внутренних оснований можно привести и в пользу подлинности меморандума, как действительно предлагаемого плана вторжения в Швейцарию.

Одно несомненно: «Священный союз» выступит еще в этом году, либо сперва против Швейцарии или Турции, либо прямо против Франции, и в обоих случаях положение союзного совета будет одинаково печально. Кто бы ни пришел в Берн первым, «Священный союз» или революция, — союзный совет сам предрешил свою гибель своим

трусливым нейтралитетом. Контр-революция не может довольствоваться его уступками ввиду его более или менее революционного происхождения; революция не сможет потерпеть ни минуты такого предательского и трусливого правительства в сердце Европы, посреди трех стран, наиболее втянутых в движение. Поведение швейцарского союзного совета являет самый разительный и, будем надеяться, последний пример того, что представляет собою мнимая «независимость» и «самостоятельность» малых государств посреди современных больших стран.

II.

[Англия.]

Лондон, 18 апреля 1850 г.

(Из-за недостатка места наш месячный обзор не мог быть помещен в предыдущем номере [«Обозрения»]. Мы даем в этом обзоре лишь ту часть, которая относится к Англии.)

Незадолго до годичного праздника Февральской революции, когда Карлье велел срубить деревья свободы, «Punch» поместил рисунок дерева свободы, листья которого состояли из штыков, а плоды из бомб, а рядом с этим покрытым штыками французским деревом свободы в специальной песне воспевается дерево английской свободы, которое только и приносит солидные плоды: pounds, shillings and pences (фунты, шиллинги и пенсы). Но эта злая конторская острота бледнеет перед той безграничной злобой, с которой «Times», начиная с 10 марта, обрушивается на победы «анархии». Реакционная партия в Англии, как и во всех других странах, так сильно чувствует нанесенный в Париже удар, как если бы он был нанесен ей непосредственно.

Но что прежде всего угрожает «порядку» в Англии, это не опасность, идущая из Парижа; ей угрожает новое, прямое следствие порядка, плод английского дерева свободы: *торговый кризис.*

В нашем январском обзоре (№ 2) мы указывали уже на приближение кризиса. Многие обстоятельства ускорили его. Перед последним кризисом 1845 года лишние капиталы устремились в железнодорожную спекуляцию. Но перепроизводство и чрезмерная спекуляция в железнодорожном деле достигли, однако, такой высоты, что железнодорожное дело не оправилось даже во время расцвета 1848 — 1849 г. и акции самых солидных предприятий этого рода стоят еще чрезвычайно низко. Низкие цены на хлеб и виды на урожай 1850 года точно так же не давали надежд на вложение капиталов, и различные государственные бумаги подвергались слишком большому риску и не могли поэтому стать предметом слишком большой спекуляции. Таким образом, излишний капитал эпохи

расцвета не нашел для себя обычного приложения. Ему оставалось только целиком устремиться в промышленное производство и в спекуляцию колониальными товарами, а также в самое важное для промышленности сырье,— в хлопок и шерсть. При притоке в промышленность такой значительной части капитала, раньше употреблявшейся другим способом, промышленное производство, конечно, должно было необыкновенно быстро вырасти, что сопровождалось переполнением рынков; это, понятно, значительно ускорило наступление кризиса. Уже теперь обнаруживаются первые симптомы кризиса в самых значительных отраслях промышленности и в спекуляции. Уже в течение четырех недель решающая отрасль промышленности, хлопчатобумажная промышленность, находится в состоянии депрессии, и в ней страдают опять-таки самые важные отрасли, прядение и тканье обыкновенных материй. Падение цен пряжи и обыкновенных ситцев уже значительно опередило падение цен сырого хлопка. Производство сокращается; почти все без исключения фабрики работают меньшее число часов. Рассчитывали на кратковременное оживление промышленности вследствие весенних заказов с континента, но в то время как заказы для внутреннего рынка, для Ост-Индии и Китая, для Леванта по большей части отменяются, заказы с континента, которые обыкновенно могли дать работу на два месяца, почти совершенно отсутствуют. В шерстяной промышленности то там, то здесь замечаются симптомы, на основании которых можно догадываться о близком конце пока еще довольно «прочно стоящих» дел. Производство железа также страдает. Производители считают неизбежным падение цен в ближайшем будущем и посредством коалиции между собой стараются задержать слишком быстрое их падение. Таково состояние промышленности. Перейдем теперь к спекуляции. Цены на хлопок падают отчасти благодаря увеличившемуся новому подвозу, отчасти благодаря депрессии промышленности. С колониальными товарами дело обстоит так же. Подвоз увеличился, потребление же на внутреннем рынке уменьшается.

За последние два месяца в Ливерпуль прибыло 25 кораблей, нагруженных одним только чаем. Потребление колониальных товаров, находившееся даже во время расцвета на низком уровне, благодаря бедственному положению земледельческих округов, теперь испытывает особенно сильный гнет, который охватывает в настоящее время и промышленные округа. Один из самых крупных торговых домов, торгующий колониальными товарами в Ливерпуле потерпел уже крах.

Действие надвигающегося теперь торгового кризиса будет гораздо сильнее всех предыдущих. Он совпадает с сельскохозяйственным кризисом, который начался уже с повышением хлебных цен в Англии и еще усилился благодаря последним хорошим урожаям. Англия в первый раз переживает *одновременно и промышленный, и сельскохозяйственный кризис.*

Этот английский двойной кризис ускоряется, расширяется и становится более опасным благодаря предстоящим потрясениям на континенте; а революция на континенте, благодаря влиянию английского кризиса на мировой рынок, приобретает не одинаково выраженный социалистический характер. Известно, что ни одна европейская страна так непосредственно, так широко, так сильно не подвергается влиянию английских кризисов, как Германия. Причина этого очень проста: Германия составляет самый большой рынок сбыта для Англии, а главные предметы экспорта Германии, шерсть и хлеб, находят в Англии свой решающий сбыт. Эта история находит свое отражение в эпиграмме на друзей порядка, а именно, что рабочие классы устраивают революцию из-за недостаточного потребления, между тем как высшие классы банкротятся из-за излишнего производства.

Виги будут, конечно, первыми жертвами кризиса. Как и до сих пор, они выронят бразды правления, как только надвинется гроза. Но на этот раз они навсегда распрощаются с канцелярией на Downingstreet. За ними придет кратковременное торийское министерство; но почва под ним будет колебаться, против него объединятся все оппозиционные партии с промышленниками во главе. У последних нет уже такого популярного универсального средства против кризиса, каким была отмена хлебных законов. Они принуждены дойти по крайней мере до парламентской реформы. Это значит, что они возьмут политическую власть, от которой они не могут уклониться, при условиях, которые откроют пролетариату доступ в парламент, поставят его требования в порядок дня палаты общин и втянут Англию в европейскую революцию.

* * *

К этим заметкам о приближающемся торговом кризисе, написанным месяц тому назад, нам не многое остается прибавить. Наступающее обыкновенно весною временное улучшение и на этот раз наконец наступило, однако в более слабой степени, чем обыкновенно. Французская промышленность, изготовляющая преимущественно легкие летние материи, извлекла из этого особенную

пользу. Однако увеличилось также число заказов и в Манчестере, Глазго и Вест-Ридинге. Это временное оживление промышленности весною наступает, впрочем, каждый год и лишь очень слабо задерживает кризисы.

В Ост-Индии также наступило кратковременное усиление обмена. Благоприятное состояние английского курса дало возможность продавцам сбыть часть своих запасов по ценам ниже прежних, и благодаря этому состояние рынка в Бомбее немного улучшилось. Но и это временное местное улучшение торговли составляет одну из тех случайностей, которые происходят от поры до времени в начале каждого кризиса и оказывают лишь ничтожное влияние на ход его развития.

Зато из Америки только что получились известия, говорящие о совершенно угнетенном состоянии тамошнего рынка. А между тем американский рынок является решающим. Переполнением американского рынка, застоем торговли и падением цен в Америке собственно и начинается кризис, начинается прямое, быстрое и беспрепятственное влияние на Англию. Мы напомним только кризис 1837 года. Только один товар постоянно повышается в цене в Америке: государственные облигации Соединенных Штатов, единственные государственные бумаги, которые дают верное прибежище капиталу наших европейских друзей порядка. После вступления Америки в вызванное перепроизводством регрессивное движение мы должны ожидать, что в ближайшем месяце кризис будет развиваться несколько быстрее, чем до сих пор. Политические события на континенте с каждым днем все настойчивее требуют решения, и то совпадение торгового кризиса и революции, о котором неоднократно говорилось в этом обозрении, становится все более неотвратимым. Que les destins s'accomplissent! (Да свершится предначертанное!).

III.

ОТ МАЯ ДО ОКТЯБРЯ.

[Промышленный цикл 1843—1847 гг.—Революция 1848 г.—Новый расцвет промышленности: Соединенные Штаты, Германия, Франция.—Политика: Англия, Франция, Германия. — Эмиграция.—Манифест Европейского центрального комитета]

Лондон, 1 ноября 1850 г.

Политическая агитация за последние шесть месяцев существенно отличается от непосредственно предшествовавшей ей. Революционная партия везде вытеснена со сцены, победители оспаривают друг у друга плоды победы: во Франции это разные фракции буржуазии, в Германии различные князья. Спор ведется с большим шумом, открытый разрыв, решение спора вооруженной силой, повидимому, неизбежны. Но неизбежно также то, что оружие не будет пущено в ход, что нерешительность постоянно скрывается за мирными договорами, чтобы вновь готовиться к показной войне.

Но рассмотрим сначала *реальное* основание, на котором происходят эти поверхностные волнения.

Годы от 1843 до 1845 были годами промышленного и коммерческого благополучия, необходимого результата почти непрерывной депрессии промышленности в эпоху 1837 — 1842 гг. Как всегда, благополучие очень быстро развило спекуляцию. Спекуляция регулярно развивается в те периоды, когда перепроизводство находится уже в полном ходу. Она доставляет перепроизводству свои временные рынки сбыта, но именно этим она ускоряет наступление кризиса и увеличивает его силу. Самый кризис разражается сперва в области спекуляции и лишь впоследствии захватывает производство. Поэтому при поверхностном наблюдении не перепроизводство является причиной кризиса, а чрезмерная спекуляция, которая сама составляет лишь симптом перепроизводства. Позднейшее расстройство промышленности является не необходимым результатом ее предшествовавшего благополучия, а лишь отражением крушения спекуляции. Но так как мы в настоящий момент не можем дать полной истории кризиса 1843 — 1845 годов, то мы указываем только на самые значительные из *симптомов* перепроизводства.

В благополучные 1843 — 1845 гг. спекуляция направилась, главным образом, на железные дороги, где она опиралась на действительную потребность, на хлеб, в результате неурожая и болезни картофеля, на хлопок после плохого сбора его в 1846 г. и на ост-индскую и китайскую торговлю, где она следовала по пятам за завоеванием китайского рынка Англией.

Расширение английской железнодорожной системы началось еще в 1844 г., но полного развития достигло лишь в 1845 г. В одном этом году число зарегистрированных биллей на основание железнодорожных обществ достигло 1 035. В феврале 1846 г., когда от многих из этих зарегистрированных биллей уже отказались, сумма внесенных правительству денег за оставшиеся в силе проекты составляла 14 миллионов фунт. ст., а уже в 1847 г. общая сумма взысканных в Англии платежей составляла свыше 42 млн. фунтов ст., из которых 36 миллионов — за английские, а затем $5^1/_2$ млн. за заграничные железные дороги. Период расцвета этой спекуляции приходится на лето и осень 1845 г. Цены акций поднимались беспрерывно, а барыши спекулянтов скоро втянули все классы населения в этот водоворот. Герцоги и графы соперничали с купцами и фабрикантами из-за прибыльной чести заседать в правлениях различных железнодорожных линий. Члены Нижней палаты, суд, духовенство имели многочисленных представителей в этих правлениях. Кто имел хоть ничтожные сбережения, кто пользовался хоть малейшим кредитом, спекулировал на железнодорожных акциях. Число железнодорожных газет возросло от 3 до 20 и более. Некоторые большие ежедневные газеты часто зарабатывали на железнодорожных объявлениях и проспектах 14 тысяч ф. ст. в неделю. Трудно было найти достаточное число инженеров, и они получали чрезвычайно высокую плату. Типографы, литографы, переплетчики, торговцы бумагой и т. д., занятые изготовлением проспектов, планов, карт и т. д., мебельные фабриканты, поставлявшие мебель для выраставших, как грибы, контор многочисленных правлений, временных комитетов и т. д., имели блестящие заказы. На основе действительного расширения английской и континентальной железнодорожной системы и связанной с этим спекуляции началась в этот период спекуляционная вакханалия, напоминающая времена Ло и Южно-океанской компании. Проектировались сотни линий, не имевших ни малейших шансов на успех, когда сами прожектеры совершенно никогда не думали о действительном исполнении, когда вообще речь шла лишь об использовании депозитов директорами и о мошеннических прибылях при продаже акций.

В октябре 1845 г. наступила реакция, которая вскоре превратилась в настоящую панику. Уже до февраля 1846 г. (когда депозитные суммы должны были быть внесены правительству), самые несостоятельные проекты лопнули. В апреле 1846 г. это уже отразилось на континентальных акционерных рынках. В Париже, Гамбурге, Франкфурте, Амстердаме происходили принудительные продажи по чрезвычайно низко упавшим ценам, которые повлекли за собой банкротство банкиров и маклеров. Железнодорожный кризис продолжался до осени 1848 г., причем он затянулся вследствие последовательных банкротств более солидных проектов, вызванных постепенно общим давлением и общим требованием уплаты; он обострился еще из-за наступления кризиса и в других областях спекуляции, торговли и промышленности, что постепенно понизило цены более старых и более солидных акций, пока они в октябре 1848 г. не упали до самого низкого своего уровня.

В августе 1845 г. привлекла к себе общественное внимание картофельная болезнь, обнаружившаяся не только в Англии и Ирландии, но и на континенте; это был первый симптом того, что подгнили самые корни существующего общества. В то же самое время стали поступать сообщения, которые не оставляли сомнения в плохих видах на сбор хлебов. Вследствие этих двух обстоятельств хлебные цены значительно поднялись на всех европейских рынках. В Ирландии наступил полный голод, принудивший английское правительство дать ссуду в 8 млн. ф. ст. для этой страны, ровно по 1 ф. ст. на каждого ирландца. Во Франции, где бедствие усилилось еще наводнением, причинившим убыток в 4 млн. ф. ст., неурожай был особенно велик. Не менее значителен был он в Голландии и в Бельгии. За неурожаем 1845 г. последовал еще больший в 1846 г., и картофельная болезнь также появилась, хотя и не в такой сильной степени. Это создало подходящую реальную почву для хлебной спекуляции, и она тем сильнее развивалась, что хорошие урожаи 1842 — 1844 гг. почти совершенно убили ее. В период 1845 — 1847 гг. в Англию было ввезено хлеба больше, чем когда бы то ни было до тех пор. Хлебные цены продолжали расти до весны 1847 г., когда вследствие разноречивых сведений из разных стран о новом урожае, вследствие предпринятых различными правительствами мер (открытие гаваней для свободного ввоза хлеба и т. д.) наступил период колебаний, пока в мае 1847 г. цены не достигли наибольшей высоты. В этом месяце средняя цена квартера пшеницы в Англии поднялась до $102^1/_2$ шиллингов, а в некоторые дни она доходила до 115 и 124 шиллингов. Но вскоре стали получаться определенно благоприятные

сведения о погоде и хорошем урожае, цены упали, и в середине июля средняя цена составляла уже только 74 шилл. Вследствие неблагоприятной погоды, в некоторых местах опять поднялись цены, пока, наконец, в середине августа не было установлено, что урожай 1847 г. выше среднего. Теперь уже ничем нельзя было удержать падения цен. Подвоз в Англию превзошел самые пылкие ожидания, и уже 18 сентября средняя цена пала до $49^1/_2$ шилл. За шестнадцать недель средние цены уменьшились, таким образом, на 53 шилл.

Все это время не только продолжался железнодорожный кризис, но именно в тот момент, когда хлебные цены были особенно высоки, в апреле и мае 1847 г., наступило полное расстройство кредитной системы и полное расстройство денежного рынка. Хлебные спекулянты выдержали, тем не менее, падение цен до 2 августа. В этот день банк повысил минимальный дисконт до 5 процентов, а на все векселя сроком больше двух месяцев — до 6 процентов. За этим тотчас же последовал целый ряд крупных банкротств на хлебной бирже, которые начались банкротством господина Робинзона, управляющего Английским банком. В одном Лондоне обанкротилось восемь крупных хлебных фирм, пассив которых вместе составил больше $1^1/_2$ млн. ф. ст. Провинциальные хлебные рынки были совершенно парализованы; и там одно банкротство с такой же быстротой следовало за другим, особенно в Ливерпуле. Такие же банкротства происходили и на континенте, — раньше или позже, в зависимости от расстояния от Лондона. Однако с 18 сентября, когда хлебные цены стояли на самом низком уровне, можно считать хлебный кризис в Англии законченным.

Мы переходим теперь к теперешнему коммерческому кризису, к денежному кризису. В первые четыре месяца 1847 г. общее состояние торговли и промышленности казалось еще удовлетворительным, за исключением, однако, производства железа и хлопчатобумажной промышленности. Производство железа, доведенное до колоссальных размеров железнодорожной горячкой 1845 г., пострадало, конечно, особенно сильно потому, что сократился сбыт для чрезмерного количества произведенного железа. В хлопчатобумажной промышленности, главной отрасли промышленности для ост-индского и китайского рынка, уже в 1845 г. было перепроизводство для этого рынка, и поэтому здесь очень скоро наступила относительная реакция. Плохой урожай хлопка в 1846 г., рост цен как на сырье, так и на готовые товары, и вызванное этим сокращение потребления нанесли последний удар этой промышленности. В первые месяцы 1847 г. во всем Ланкашире производство значительно сократилось,

и рабочие хлопчатобумажной промышленности были уже захвачены кризисом.

15 апреля Английский банк повысил дисконт для краткосрочных векселей до 5 процентов; он ограничил общую сумму подлежащих учету векселей, даже не считаясь с характером заинтересованных фирм: он, наконец, решительно сообщил коммерсантам, получившим ссуды, что по истечении срока он не возобновит этих ссуд, как до сих пор, но потребует уплаты по ним. Через два дня, когда был опубликован его недельный баланс, оказалось, что резервный фонд банка упал до $2^1/_2$ млн. ф. ст. Банк, таким образом, принял вышеупомянутые меры, чтобы задержать отлив золота из его подвалов и опять увеличить свой наличный фонд.

Отлив золота и серебра из банка имел различные причины. Во-первых, потребление и значительно более высокие цены почти на все предметы требовали большего обращения золота и серебра, в особенности для розничной торговли. Во-вторых, постоянные платежи за железнодорожные работы, которые в одном апреле составляли 4 314 000 ф. ст., вызвали необходимость извлечения массы вкладов из банка. Часть вытребованных денег, предназначенных для заграничных дорог, уплыла прямо за границу. Чрезмерный ввоз сахара, кофе и других колониальных товаров, размеры потребления и цены которых еще больше повысились вследствие спекуляции; такое же повышение цен на хлопок вследствие спекулятивных закупок, вызванных сведениями о скудном урожае; особенно же повышение цен на хлеб вследствие повторного недорода, — привели к тому, что уплата требовалась преимущественно наличными деньгами или благородными металлами в слитках; это вызвало, таким образом, значительный отлив золота и серебра за границу. Впрочем, отлив благородных металлов из Англии продолжался, вопреки упомянутым банковским мерам, до конца августа.

Постановления банка и сведения о низком уровне резервного фонда тотчас же вызвали депрессию на денежном рынке и столь же сильную панику во всей торговле Англии, как в 1845 г. В последние недели апреля и первые четыре дня мая прекратились почти все кредитные сделки. Однако за это время не произошло никаких экстраординарных банкротств. Торговые дома могли продержаться лишь путем уплаты высоких процентов и вынужденной продажи своих запасов, государственных бумаг и т. д. по разорительным ценам. Целый ряд солидных фирм, спасшись таким образом от первого акта кризиса, тем самым положили основание своему позднейшему разорению. Эта победа над непосредственно угрожавшей

опасностью сильно содействовала росту доверия; начиная с 5 мая, депрессия на денежном рынке стала заметно уменьшаться, и к концу мая тревога улеглась.

Однако несколько месяцев спустя, в начале августа, наступили вышеупомянутые банкротства в хлебной торговле, продолжавшиеся до сентября, и не успели они закончиться, как с удвоенной силой разразился кризис в общих торговых делах, в особенности в сношениях с Вест- и Ост-Индией и островом св. Маврикия, притом одновременно на рынках Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Глазго. За сентябрь месяц в одном Лондоне обанкротилось 20 фирм, общий пассив которых составлял от 9 до 10 млн. ф. ст. «Мы переживали тогда крушение коммерческих династий в Англии, не уступающее крушению политических фирм на континенте, о котором мы так много слышали в последнее время», сказал Дизраэли 30 августа 1848 г. в Нижней палате. Банкротства ост-индских фирм продолжались беспрерывно до конца года и возобновились в первые месяцы 1848 г., когда получились известия о банкротстве соответствующих фирм в Калькутте, Бомбее, Мадрасе и на острове св. Маврикия.

Этот неслыханный в истории торговли ряд банкротств был результатом всеобщей чрезмерной спекуляции и вызванного этим чрезмерного ввоза колониальных товаров. Долгое время искусственно поддерживавшиеся на высоком уровне цены этих товаров стали падать отчасти еще перед апрельской паникой 1847 года; однако общее падение их произошло лишь после этой паники, когда потерпела крушение вся кредитная система, и одна фирма за другой должны были производить массовые вынужденные продажи. Особенно значительные размеры падение приняло начиная от июня и июля вплоть до ноября и привело к разорению даже самых старых и солидных фирм.

В сентябре банкротства ограничивались еще *чисто-торговыми домами*. 1 октября банк повысил учетный процент на краткосрочные векселя до $5^1/_2$ процентов и объявил в то же время, что впредь он не будет давать ссуд ни под какие государственные бумаги. Этого давления не могли уже выдержать *ни акционерные банки*, *ни частные банкиры*. Royal Bank of Liverpool, Liverpool Banking Company, North and South Wales Bank, Newcastle Union Joint Stock Bank и т. д. и т. д. один за другим лопнули в несколько дней. Одновременно с этим объявил себя несостоятельным целый ряд более мелких частных банков во всех провинциях Англии.

С этой общей приостановкой платежей банками, особенно характерной для октября месяца, связано значительное число банк-

ротств маклеров фондовых и товарных бирж, держателей векселей и акций пароходных, чайных, хлопчатобумажных, промышленников и торговцев железом, хлопком, шерстью, фабрикантов ситцев и т. д. в Ливерпуле, Манчестере, Ольдгеме, Галифаксе, Глазго и т. д. По Туку, эти банкротства как по своему числу, так и по общей сумме капитала не имели примера в истории английской торговли и значительно превзошли кризис 1825 г. Между 23 и 25 октября кризис достиг наибольшей высоты, и все коммерческие сделки окончательно прекратились. Тогда депутация из Сити добилась отмены банкового закона 1844 г., этого продукта остроумия покойного сэра Роберта Пиля. С отменой его немедленно прекратилось разделение банка на два совершенно независимых отделения с двумя отдельными наличными фондами. Если бы еще несколько дней продолжался старый режим, одно из отделений банка, Banking department, должно было бы обанкротиться в то самое время, когда в эмиссионном отделении, Issue department, хранилось шесть миллионов золота.

Уже в октябре сказалось влияние кризиса *на континенте*. Одновременно произошли банкротства в Брюсселе, Гамбурге, Бремене, Эльберфельде, Генуе, Ливорно, Куртрэ, С.-Петербурге, Лиссабоне и Венеции. По мере того как ослабевала сила кризиса в Англии, она увеличивалась на континенте и достигла таких пунктов, каких до сих пор не достигала. В худший период вексельный курс был благоприятен для Англии, и таким образом она до ноября постоянно привлекала к себе непрерывно растущий подвоз золота и серебра не только из России и с континента, но и из Америки. Непосредственным результатом этого было то, что, по мере оживления денежного рынка в Англии, он все больше сжимался в остальном торговом мире, и кризис там в такой же степени расширялся. Таким образом, число банкротств вне Англии увеличилось в ноябре; теперь стали наблюдаться крупные банкротства в Нью-Йорке, Роттердаме, Амстердаме, Гавре, Байонне, Антверпене, Монсе, Триесте, Мадриде и Стокгольме. В декабре разразился кризис также в Марселе и Алжире, а в Германии он стал свирепствовать с новой силой.

Мы теперь дошли до того пункта, когда вспыхнула французская февральская революция. Если мы просмотрим список банкротств, который приводит Д.-М. Эванс в своем «Commercial Crisis of 1847—1848» (London 1848), то мы увидим, что в Англии в результате этой революции *не обанкротилась ни одна крупная фирма*. Единственные банкротства, связанные с ней, произошли среди биржевых игроков вследствие внезапного обесценения всех континентальных

государственных бумаг. Подобные же банкротства биржевых маклеров произошли также, конечно, и в Амстердаме, Гамбурге и т. д. Английские консолидированные фонды упали на шесть процентов, тогда как после июльской революции они упали на три процента. Для биржевых маклеров февральская республика, таким образом, была только в два раза опаснее июльской монархии.

Паника, охватившая Париж после Февраля и распространившаяся в то же время по всему континенту, в своем развитии имела большое сходство с лондонской паникой в апреле 1847 г. Кредит внезапно исчез, и сделки почти совершенно прекратились; в Париже, Брюсселе и Амстердаме все поспешили в банки для обмена бумажных денег на золото. В общем произошло очень мало банкротств вне области торговли ценными бумагами, и эти немногие случаи едва ли можно счесть результатом февральской революции. Бо́льшая часть временного прекращения платежей парижскими банкирами отчасти была связана с торговлей ценными бумагами, отчасти же это были простые меры предосторожности, ничуть не обусловленные действительною несостоятельностью; многие из них производились с исключительной целью доставить затруднения временному правительству и вынудить у него уступки. Что касается банкротств банкиров и коммерсантов в других частях континента, то невозможно установить, насколько они являлись результатом продолжавшегося и постепенно распространявшегося торгового кризиса, насколько фирмы, дела которых давно уже пошатнулись, воспользовались условиями времени, чтобы найти благополучный выход, или же, наконец, насколько они действительно были результатом убытков, происшедших вследствие вызванной революцией паники. Во всяком случае несомненно, что торговый кризис несравненно больше содействовал революциям 1848 г., нежели, наоборот, революции—торговому кризису. Между мартом и маем Англия уже получила прямую выгоду от революции, которая привлекла к ней массу континентальных капиталов. С этого момента кризис здесь можно считать законченным. Во всех отраслях торговли наступило улучшение, и новый промышленный цикл начинается решительной тенденцией к повышению. Как мало континентальная революция мешала этому подъему промышленности и торговли в Англии, показывает тот факт, что масса обработанного здесь хлопка поднялась с 475 млн. ф. (1847) до 713 млн. ф. (1848).

Этот новый рост благосостояния заметно развивался в *Англии* в течение трех лет, в 1848, 1849 и 1850 гг. За восемь месяцев от января до августа общий вывоз Англии составлял в 1848 г. 31 633 214 ф. ст.,

в 1849 г. 39 263 322 ф. ст., в 1850 г. 43 851 568 ф. ст. К этому значительному подъему во всех отраслях промышленности, за исключением производства железа, надо прибавить еще повсеместные обильные урожаи за эти три года. Средняя цена пшеницы за годы 1848—1850 упала в Англии до 36 шилл., во Франции до 32 шилл. за квартер. Весьма характерно для этой эпохи благосостояния то, что три пути, по которым обычно шла спекуляция, оказались для нее закрытыми. Железнодорожное строительство приняло медленный характер развития обыкновенной отрасли промышленности; спекуляция хлебом вследствие ряда обильных урожаев не давала никаких выгод; государственные облигации благодаря революциям потеряли свою устойчивость, без которой невозможны никакие крупные спекулятивные сделки с ценными бумагами. Во время всякого периода благосостояния увеличивается капитал. С одной стороны, расширение производства создает новый капитал, с другой стороны, наличный капитал, во время кризиса лежавший без употребления, извлекается из состояния бездействия и выбрасывается на рынок. Этот *добавочный* капитал в 1848 — 1850 гг., при отсутствии рынков для спекуляции, должен был быть брошен в настоящую промышленность и таким образом еще быстрее увеличить производство. Насколько это явление бросается в Англии в глаза, хотя для него никто еще не нашел объяснения, доказывает наивное заявление «Economist'a» от 19 октября 1850 г.:

«Замечательно, что современное благосостояние существенно отличается от всех предыдущих периодов. Во все периоды бывало так, что какая-либо необоснованная спекуляция возбуждала неосуществимые надежды. То это была спекуляция на иностранные копи, то на гораздо большее количество железных дорог, чем можно построить в полстолетие. Даже когда эти спекуляции бывали обоснованы, они обыкновенно были рассчитаны на доход, который мог быть реализован только по истечении довольно значительного периода времени, например, благодаря усиленному производству металлов или созданию новых путей сообщения и рынков. Такие спекуляции давали немедленно прибыль. Но в настоящее время наше благосостояние основано на производстве непосредственно полезных предметов, которые вступают в сферу потребления почти немедленно после того, как попадают на рынок, дают производителю соответствующую прибыль и поощряют его к увеличению производства».

Самый блестящий пример того, насколько увеличилось промышленное производство в 1848 и 1849 гг., представляет главная отрасль

промышленности — переработка хлопка. Сбор хлопка в 1849 г. в Соединенных Штатах был обильнее всех предыдущих. Он составлял $2^3/_4$ млн. кип или 1 200 млн. ф. Расширение хлопчатобумажной промышленности настолько соответствовало этому увеличению ввоза, что в конце 1849 г. запасы оказались меньше, чем бывало прежде даже после неурожайных годов. В 1849 г. было выпрядено 775 млн. фунтов хлопка, в 1845 же году, который до сих пор был годом самого высшего благосостояния, был переработан только 721 млн. фунтов. Расширение хлопчатобумажной промышленности далее доказывается сильным повышением цен на хлопок (55 процентов) вследствие сравнительно незначительного недобора 1850 г. Не меньший прогресс наблюдается во всех остальных отраслях прядильной и ткацкой промышленности, — в производстве шелковых, шерстяных, льняных и смешанных тканей. Вывоз продуктов этих отраслей промышленности настолько повысился, особенно в 1850 г., что повел к сильному увеличению общего вывоза этого года (на 12 млн., в сравнении с 1848 г., и на 4 млн., в сравнении с 1849 г., за первые восемь месяцев) несмотря на то, что в 1850 г. вывоз хлопчатобумажных фабрикатов значительно сократился вследствие неурожая хлопка. Несмотря на значительное повышение цен на шерсть, вызванное спекуляцией уже в 1849 г. и удержавшееся еще, тем не менее, до настоящего времени, шерстяная промышленность постоянно расширяется, и ежедневно пускаются в ход новые ткацкие станки. Вывоз льняных тканей составлял в 1844 г., в год наивысшего до сих пор вывоза льняных тканей, 91 млн. ярдов стоимостью в 2 800 000 ф. ст., а в 1849 г. он достиг 107 млн. ярдов стоимостью свыше 3 000 000 ф. ст.

Дальнейшее доказательство роста английской промышленности дается постоянно усиливающимся потреблением главных колониальных товаров, особенно кофе, сахара и чая, несмотря на постоянный рост цен на них, в частности на кофе и сахар. Прямая зависимость роста потребления от расширения промышленности в данном случае тем очевиднее, что созданный благодаря огромным железнодорожным постройкам исключительный по емкости рынок с 1845 г. давно уже сократился до обыкновенных размеров и что низкие хлебные цены последних лет не допускают усиления потребления в земледельческих округах.

Огромное расширение хлопчатобумажной промышленности в 1849 г. повело в последние месяцы этого года к возобновлению попытки переполнения ост-индского и китайского рынков. Но масса старых, еще не проданных запасов на Дальнем Востоке очень скоро

положила этому предел. В то же самое время, ввиду роста потребления сырья и колониальных товаров, сделана была попытка спекуляции и на этом товаре, но и она очень скоро была прекращена внезапным усилением подвоза и напоминанием о слишком еще свежих ранах 1847 г.

Процветание промышленности усилится еще вследствие облегчения доступа к голландским колониям, предстоящего открытия новых пароходных линий на Тихом океане, к которым мы еще вернемся, и в связи с большой промышленной выставкой 1851 г. Об этой выставке было (с удивительным хладнокровием) объявлено уже в 1849 г. английской буржуазией, когда весь континент мечтал еще о революции. Она означает созыв всех вассалов этой буржуазии, от Франции до Китая, на большой экзамен, на котором они должны показать, как они использовали свое время; и даже сам всемогущий царь всея Руси принужден приказать своим подданным явиться в возможно большем числе на это великое испытание. Всемирный конгресс продуктов и производителей имеет несравненно большее значение, чем абсолютистские конгрессы в Брегенце и в Варшаве, доставляющие столько хлопот нашим континентальным демократическим филистерам, или чем европейские демократические конгрессы, постоянно вновь проектируемые различными временными правительствами in partibus для спасения мира. Эта выставка является блестящим доказательством сосредоточенной силы, с которой современная крупная промышленность всюду разрушает национальные границы и все более и более стирает различия в местных особенностях производства, общественных отношениях и характере отдельных народов. Устраивая на небольшом пространстве смотр всей массе производительных сил современной промышленности именно в такое время, когда буржуазные отношения подорваны уже со всех сторон, она выставляет вместе с тем напоказ весь накопившийся и изо дня в день накопляющийся в недрах поколебленного общества материал для построения общества нового. Мировая буржуазия этой выставкой воздвигает в современном Риме свой пантеон, где она с гордым самодовольством выставит своих богов, ею самой созданных. Она этим доказывает на практике, что «бессилие и недовольство гражданина», о котором из года в год твердят немецкие идеологи, есть только собственное бессилие этих господ понять современное движение и их собственное недовольство этим бессилием. Буржуазия здесь празднует свой величайший праздник в такой момент, когда предстоит крушение всего ее величия, крушение, которое наиболее убедительно докажет ей, как созданные

ею силы ушли из-под ее опеки. При следующей выставке буржуа, быть может, будут фигурировать уже не как владельцы этих производительных сил, а разве как их чичероне.

Подобно тому как в 1845 и 1846 гг. картофельная болезнь, так в нынешнем году плохой сбор хлопка вызывает общую тревогу у буржуазии. Эта тревога еще значительно усилилась с тех пор, как стало известно, что урожай хлопка в 1851 г. ни в коем случае не будет обильнее урожая 1850 г. Плохой сбор, который в предыдущие периоды не имел бы значения, при теперешнем расширении хлопчатобумажной промышленности имеет значение огромное и уже сильно задержал ее деятельность. Буржуазия, которая только что оправилась от удручающего открытия, что одной из основ всего ее общественного порядка, картофелю, угрожает опасность, теперь видит такую же опасность и для второй своей основы, для хлопка. Если уже незначительное уменьшение урожая в одном году и ожидание такого же уменьшения в следующем могли вызвать серьезную тревогу среди ликующих и преуспевающих, то несколько последовательных действительных недородов хлопка неизбежно должны временно отбросить цивилизованное общество назад в состояние варварства. Золотой и железный век давно уже прошли: XIX столетию с его наукой, с его мировым рынком и колоссальными производительными силами суждено было создать *хлопчатобумажный век*. Английская буржуазия вместе с тем чувствовала сильнее чем когда-либо, какую власть имеют над нею Соединенные Штаты благодаря их до сих пор еще не подорванной монополии производства хлопка. И она поставила себе задачей уничтожить эту монополию. Не только в Ост-Индии, но и в Натале и в северных частях Австралии, вообще во всех частях света, где климат и условия делают возможной культуру хлопка, она ее всеми способами поощряет. В то же самое время английская негрофильская буржуазия открыла, что «благосостояние Манчестера зависит от применения труда рабов в Техасе, Алабаме и Луизиане и что это столь же странный, сколь и тревожный факт» («Economist», 21 сентября 1850 г.). То, что самая важная отрасль английской промышленности покоится на существовании рабства в южных штатах американского союза, что восстание негров в этих странах может разрушить всю современную систему производства, — во всяком случае очень печальный факт для тех, которые несколько лет тому назад потратили 20 млн. ф. ст. на освобождение негров в своих собственных колониях. Но этот факт вместе с тем ведет к единственно возможному решению вопроса о рабстве, который недавно опять послужил темой длинных

и напряженных дебатов в американском конгрессе. Американское производство хлопка основано на рабстве. Если промышленность развилась до такой степени, что для нее стала нестерпима хлопковая монополия Соединенных Штатов, массовое производство хлопка с успехом будет развиваться в других странах, причем оно теперь почти всюду может быть обеспечено одним *трудом свободных работников*. Но раз свободный труд в других странах доставляет промышленности достаточное количество хлопка и притом по более дешевой цене, чем труд рабов в Соединенных Штатах, то вместе с американской хлопковой монополией подрывается и американское рабство, и рабы должны быть освобождены, потому что в качестве рабов они стали бесполезны. Точно так же будет уничтожен наемный труд в Европе, когда он не только не будет больше необходимой формой производства, но даже станет помехой для него.

Если начавшийся в 1848 г. новый цикл промышленного развития пойдет тем же темпом, как и цикл 1843 — 1847 гг., то кризис должен наступить в 1852 г. В виде симптома того, что вытекающая из перепроизводства чрезмерная спекуляция, предшествующая каждому кризису, не замедлит вскоре наступить, мы приводим здесь тот факт, что дисконт Английского банка уже в течение двух лет не поднимается выше двух процентов. Но если Английский банк в годы благосостояния придерживается низкого уровня процентов, то остальные банкиры должны его еще больше понизить, подобно тому как в годы кризиса, когда Английский банк значительно повышает размер процентов, они повышают его еще больше. Добавочный капитал, который, как мы видели выше, в годы благосостояния регулярно выбрасывается на рынок, по законам конкуренции уже сам значительно понижает размер платимого процента; но еще в гораздо большей степени уменьшает его сильно увеличившийся благодаря всеобщему благосостоянию кредит, уменьшая спрос на капитал. Правительство в такие эпохи получает возможность понизить размер процентов своих консолидированных долгов, а землевладелец — возобновлять свои закладные на более благоприятных условиях. Таким образом, доход капиталистов, спекулирующих на денежном рынке, уменьшается на одну треть или даже больше, в то время как доход всех других классов увеличивается, и чем дольше продолжается это состояние, тем интенсивнее приходится искать более выгодного приложения капиталов. Перепроизводство вызывает многочисленные новые проекты, и удачи некоторых из них достаточно для того, чтобы ряд капиталов был брошен в этом направлении, до тех пор пока спекуляция не станет всеобщей. Но

спекуляция, как мы видели, в данный момент имеет только два главных отводных канала: культуру хлопка и новые связи мирового рынка, которые даны развитием Калифорнии и Австралии. Мы видим, что область ее применения на этот раз примет гораздо бо́льшие размеры, чем в какой бы то ни было из прежних периодов благосостояния.

Бросим еще взгляд на положение английских земледельческих округов. Здесь общая депрессия вследствие отмены хлебных пошлин и обильных урожаев стала хронической, хотя она до известной степени уменьшается благодаря значительному увеличению потребления, сопутствующему периоду благосостояния. К этому надо прибавить, что при низких хлебных ценах земледельческие рабочие находятся всегда в относительно более благоприятном положении, хотя в Англии это улучшение имеет место в меньшей степени, чем в тех странах, где преобладает раздробление земельной собственности. Агитация протекционистов в пользу восстановления хлебных пошлин при этих условиях продолжает вестись преимущественно в земледельческих округах, хотя в более глухой и скрытой форме, чем до сих пор. Очевидно, что она не приобретет никакого значения до тех пор, пока будет продолжаться благосостояние промышленности и сравнительно сносное положение земледельческих рабочих. Но когда наступит кризис, действие которого распространится и на земледельческие округа, тогда угнетенное состояние сельского хозяйства вызовет необыкновенное возбуждение. При таких условиях промышленный и торговый кризис в первый раз совпадет с сельскохозяйственным, и во всех вопросах, в которых борются друг с другом город и деревня, фабриканты и землевладельцы, обе партии будут поддержаны двумя большими армиями: фабриканты — массой промышленных рабочих, землевладельцы — массой сельскохозяйственных рабочих.

Мы переходим теперь к *Северо-Американским Соединенным Штатам*. Кризис 1836 г., который прежде всего и с наибольшей силой разразился здесь, продолжался почти без перерыва до 1842 г., и результатом его был почти полный переворот в американской кредитной системе. На этой более солидной основе торговля Соединенных Штатов оправилась: сперва, конечно, улучшение шло очень медленно, пока, начиная с 1844 — 1845 гг., благосостояние не стало значительно увеличиваться. Как неурожай, так и революция в Европе были для Америки только источником дохода. С 1845 по 1847 г. она получила большой доход благодаря огромному вывозу хлеба и высоким ценам на хлопок в 1846 г. Кризисом 1847 г. она была

затронута очень слабо. В 1849 г. сбор хлопка был там больше, чем когда-либо до тех пор, а в 1850 г. она заработала около 20 млн. долларов вследствие неурожая хлопка, совпавшего с новым подъемом европейской хлопчатобумажной промышленности. Революция 1848 г. повлекла за собой эмиграцию в Соединенные Штаты европейского капитала, который прибыл отчасти вместе с самими иммигрантами, отчасти же был вложен в американские государственные бумаги. Это увеличение спроса на американские фонды настолько подняло их цены, что с недавнего времени в Нью-Йорке началась сильная спекуляция на них. Мы остаемся, таким образом, несмотря на все возражения буржуазной прессы, при том мнении, что единственной формой государства, к которой наши европейские капиталисты питают доверие, является *буржуазная республика*. Вообще есть только одна форма выражения буржуазного доверия к какой бы то ни было форме государства: *ее котировка на бирже*.

Благосостояние Соединенных Штатов увеличилось, однако, еще более вследствие других причин. Населенная площадь, *рынок* северо-американского союза, с поразительной быстротой расширялась по двум направлениям. Увеличение населения благодаря естественному приросту и постоянному росту иммиграции повело к заселению целых штатов и областей. Висконсин и Айова в несколько лет были сравнительно густо заселены, и все штаты верхнего Миссисипи получили значительный прирост иммигрантов. Разработка рудников Верхнего озера и рост хлебных культур во всем озерном районе содействовали новому подъему торговли и судоходства по этой крупной системе внутренних вод. Этот подъем еще больше усилится благодаря акту последней сессии Конгресса, предоставляющему большие льготы торговле с Канадой и Новой Шотландией. В то время как северо-западные штаты приобрели таким образом совершенно новое значение, Орегон был в несколько лет колонизирован, Техас и Новая Мексика аннектированы, Калифорния завоевана. Открытие калифорнийских золотых приисков является венцом американского благосостояния. Мы уже в выпуске № 2 этого «Обозрения», ранее всех прочих европейских журналов, обратили внимание на значение этого открытия и на вытекающие из него последствия для всей мировой торговли. Значение это заключается не в увеличении количества золота вследствие новооткрытых приисков, хотя это увеличение меновых средств, конечно, не может не иметь благоприятного влияния на общую торговлю. Оно заключается в том толчке, который минеральные богатства Калифорнии дали капиталам на всем мировом рынке, в оживлении, начавшемся по всему

западному побережью Америки и по восточному побережью Азии, в новом рынке сбыта, создавшемся в Калифорнии и во всех находящихся под влиянием Калифорнии странах. Один уже калифорнийский рынок является довольно значительным: год тому назад там было 100 000 жителей, теперь их уже 300 000; они почти ничего не производят кроме золота и обменивают это золото на средства существования, получаемые извне. Но калифорнийский рынок ничтожен по сравнению с постоянным расширением всех рынков на Тихом океане, по сравнению с поразительным ростом торговли в Чили и Перу, в Западной Мексике, на Сандвичевых островах и по сравнению с внезапно возникшими и развившимися сношениями Азии и Австралии с Калифорнией. Благодаря Калифорнии создалась необходимость в новых международных путях, которые в скором времени по своему значению превзойдут все остальные. Главный торговый путь к Тихому океану, который, в сущности, лишь теперь открылся и вскоре станет важнейшим морем в мире, отныне идет через Панамский перешеек. Установление путей сообщения через этот перешеек, прокладка шоссе, постройка железных дорог и каналов теперь стали самой настоятельной потребностью мировой торговли, и местами работы эти уже производятся. Железная дорога из Чагреса в Панаму строится, Американская компания измеряет речной бассейн Сан-Хуан де-Никарагуа, чтобы соединить оба океана сперва посредством трансконтинентальной дороги и затем посредством канала. Другие пути — через Дариенский перешеек, дорога через Атрато в Новой Гранаде, через перешеек Техуантепек — обсуждаются нынче в американских и английских газетах. При неожиданно обнаружившемся полном незнакомстве цивилизованного мира с почвенными условиями Центральной Америки невозможно сказать, какой путь наиболее удобен для прорытия большого канала. Судя по немногим известным данным, путь через Атрато и путь через Панаму имеют большие преимущества. В связи с устройством путей сообщения через перешеек столь же настоятельной оказалась надобность в быстром расширении океанского пароходства. Уже установлено пароходное сообщение между Соутгемптоном и Чагресом, Нью-Йорком и Чагресом, Вальпарайсо, Лимой, Панамой, Акапулько и Сан-Франциско; но этих немногих линий с их незначительным числом пароходов далеко не достаточно. Расширение пароходных сообщений между Европой и Чагресом с каждым днем становится все более необходимым, а рост сношений между Азией, Австралией и Америкой требует новых обширных пароходных линий из Панамы и Сан-Франциско в Кантон, Сингапур, Сидней, Новую Зеландию и важнейшую

станцию Тихого океана — Сандвичевы острова. Австралия и Новая Зеландия, развившиеся больше всех остальных местностей у Тихого океана как вследствие быстрого роста колонизации, так и благодаря влиянию Калифорнии, не согласятся более быть отделенными от всего цивилизованного мира парусными рейсами, продолжающимися от 4 до 6 месяцев. Все население австралийских колоний (кроме Новой Зеландии) возросло от 170 676 (1839 г.) до 333 764 в 1848 г., следовательно увеличилось за девять лет на $95^1/_2$ процентов. Англия сама не может оставить эти колонии без пароходного сообщения; правительство в настоящее время ведет переговоры насчет установления соединительной линии, примыкающей к ост-индской почтовой линии, и безразлично, будет ли она осуществлена, или нет, но потребность в пароходном сообщении с Америкой и в особенности с Калифорнией, куда в прошлом году направилось 3 500 эмигрантов из Австралии, скоро сама создаст пути для своего удовлетворения. Можно действительно утверждать, что земля становится шарообразной лишь с того момента, когда обнаружилась необходимость в таком всемирном океанском пароходстве.

Предстоящее расширение пароходных сообщений увеличится еще более вследствие упомянутого уже открытия доступа к голландским колониям и вследствие большого числа винтовых пароходов, на которых, как это все более и более обнаруживается, можно быстрее, сравнительно дешевле и лучше перевозить эмигрантов, чем на парусных кораблях. Кроме винтовых пароходов, совершающих уже рейсы из Глазго и Ливерпуля в Нью-Йорк, по этой линии пойдут новые корабли, и будет открыта новая линия между Роттердамом и Нью-Йорком. Насколько в настоящее время капитал вообще стремится найти приложение в океанском пароходстве, показывает постоянное увеличение числа конкурирующих пароходов, курсирующих между Ливерпулем и Нью-Йорком, открытие новых линий из Англии в Капскую колонию и из Нью-Йорка в Гавр, а также целый ряд подобных проектов, являющихся теперь в Нью-Йорке злобой дня.

В этом устремлении капитала к трансокеанскому пароходству и к прорытию канала через американский перешеек уже кроется причина чрезмерной спекуляции в этой области. Центром такой спекуляции по необходимости является Нью-Йорк, получающий самое большое количество калифорнийского золота. Он уже захватил в свои руки главную часть торговли с Калифорнией и вообще играет для Америки ту же роль, какую Лондон играет для Европы. Нью-Йорк уже представляет собою центр всего трансатлантического

пароходства; все пароходы Тихого океана также принадлежат нью-йоркским компаниям, и почти все новые проекты в этом деле возникают в Нью-Йорке. Спекуляция на трансокеанские пароходные линии в Нью-Йорке уже началась. Компания Никарагуа, основанная в Нью-Йорке, является также исходным пунктом спекуляции на прорытие каналов через Панамский перешеек. Очень скоро здесь разовьется чрезмерная спекуляция, и если даже английский капитал массами устремится во все эти предприятия, если даже лондонская биржа будет переполнена всякими проектами подобного рода, тем не менее Нью-Йорк на этот раз останется центром всей этой горячки и первый, как и в 1836 г., потерпит крушение. Многочисленные проекты лопнут, но, подобно тому как в 1845 г. на такой почве развилась английская железнодорожная система, так на этот раз в результате чрезмерной спекуляции вырисовываются по крайней мере контуры всемирного пароходства. Сколько бы обществ ни обанкротилось, но пароходы, которые в два раза усилят движение по Атлантическому океану, откроют для сообщения Тихий океан, свяжут Австралию, Новую Зеландию, Сингапур, Китай с Америкой и сократят продолжительность кругосветного путешествия до четырех месяцев, — эти пароходы останутся.

Преуспеяние Англии и Америки вскоре оказало влияние на европейский материк. Уже летом 1849 г. в *Германии*, в особенности в Рейнской провинции, фабрики усиленно работали, а с конца 1849 г. началось общее оживление торговли. Это возобновление благосостояния, которое наши немецкие бюргеры наивно приписывают восстановлению порядка и спокойствия, на самом деле основано исключительно на возобновлении благосостояния в Англии и увеличении спроса на продукты промышленности на американских и тропических рынках. В 1850 г. в промышленности и торговле замечается еще больший подъем; совершенно так же, как и в Англии, обнаружился внезапный излишек капитала, и началось необычайное оживление на денежном рынке; отчеты франкфуртской и лейпцигской осенних ярмарок в высшей степени утешительны для буржуа. Шлезвиг-голштинские и кургессенские беспорядки, споры об объединении и угрожающие ноты Австрии и Пруссии ни на одно мгновение не могли задержать развития этих признаков благосостояния, как иронически замечает «Economist», преисполненный чисто-лондонского сознания своего превосходства.

Такие же симптомы стали обнаруживаться во *Франции* с 1849 г., а в особенности с начала 1850 г. Парижская промышленность идет полным ходом, и хлопчатобумажные фабрики в Руане и Мюльгау-

зене также работают довольно хорошо, хотя, как и в Англии, и тут сильной помехой являются высокие цены на сырье. Развитию благосостояния во Франции к тому же особенно содействовали широкая таможенная реформа в Испании и понижение пошлин на различные предметы роскоши в Мексике. Вывоз французских товаров на оба эти рынка сильно увеличился. Рост капиталов повел во Франции к целому ряду спекуляций, предлог к которым дала эксплоатация в крупном масштабе калифорнийских золотых приисков. Возникла масса обществ, которые своими дешевыми акциями и социалистически окрашенными проспектами прямо апеллируют к кошельку мелких буржуа и рабочих, но в общем сводятся к хвастовству, свойственному только французам и китайцам. Одно из этих обществ пользуется даже прямым покровительством правительства. Ввозные пошлины составляли во Франции за первые девять месяцев 1848 г. 63 млн. фр., за 1849 г. 95 млн. фр. и за 1850 г. 93 млн. фр. Они, впрочем, в сентябре 1850 г. опять поднялись больше, чем на один миллион, в сравнении с тем же месяцем в 1849 г. Вывоз также повысился в 1849 г. и еще больше в 1850 г.

Самым убедительным доказательством вновь наступившего расцвета служит возобновление наличных платежей Французским банком по закону 6 сентября 1850 г. 15 марта 1848 г. банк получил право приостановить наличные платежи. Количество находившихся в обороте банкнот, включая и провинциальные банки, составляло тогда 373 млн. франков (14 920 000 ф. ст.), 2 ноября 1849 г. оборот этот составлял 482 млн. фр., или 19 280 000 ф. ст., что означало увеличение на 4 360 000 ф. ст., а 2 сентября 1850 г. — 496 миллионов фр., или 19 840 000 ф. ст., т. е. увеличение приблизительно на 5 млн. ф. ст. При этом обесценения банкнот не наблюдалось: наоборот, увеличение оборота бумажных денег сопровождалось все растущим накоплением золота и серебра в подвалах банка, так что летом 1850 г. наличный запас достигал приблизительно 14 млн. ф. ст., а это во Франции являлось неслыханной суммой. То обстоятельство, что банк, таким образом, оказался в состоянии повысить свой оборот и вместе с тем свой активный капитал на 123 млн. фр. или 5 млн. ф. ст., блестяще доказывает, как правильно было наше утверждение (в одном из предыдущих номеров), что финансовая аристократия не только не была разорена революцией, но что она, наоборот, еще окрепла. Еще очевиднее становится этот результат из следующего обзора французского законодательства о банках за последние годы. 10 июня 1847 г. банк получил право выпускать билеты в 200 фр. До тех пор банкноты самого низшего достоинства были в 500 фр.

Декретом от 15 марта 1848 г. билеты Французского банка были объявлены законным средством платежа, и банк был освобожден от обязательства обменивать их на наличные деньги. Его выпуск билетов был ограничен 350 млн. фр. Одновременно с этим он получил право выпустить билеты в 100 фр. Декретом от 27 апреля предписывалось слияние банков департаментских с Французским банком; другим декретом от 2 мая 1848 г. выпуск его билетов повышался до 442 млн. фр. Декретом от 22 декабря 1849 г. максимум выпуска банкнот был доведен до 525 млн. фр. Наконец, закон 6 сентября 1850 г. опять вводит обмен билетов на деньги. Эти факты, постоянное увеличение оборота, концентрация всего французского кредита в руках банка и накопление всего французского золота и серебра в его подвалах, привели господина Прудона к заключению, что банк теперь должен сбросить свою старую змеиную шкуру и превратиться в прудоновский народный банк. На самом деле Прудону не нужно было даже быть знакомым с историей ограничения банков в Англии от 1797 до 1819 г., ему надо было только бросить взгляд по ту сторону канала, чтобы видеть, что этот неслыханный для него в истории буржуазного общества факт составлял не что иное, как в высшей степени нормальное буржуазное явление, которое только теперь во Франции наступило в первый раз. Мы видим, что так называемые революционные теоретики, которые после временного правительства задавали тон в Париже, были так же невежественны относительно характера и результатов принятых мероприятий, как и сами господа из временного правительства.

Несмотря на расцвет промышленности и торговли, наступивший теперь во Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, страдает от сильной депрессии. Хорошие урожаи последних лет понизили хлебные цены во Франции еще более чем в Англии, и положение задолжавшихся крестьян, истощенных ростовщическими процентами и обремененных налогами, далеко не может считаться блестящим. Но, как достаточно показала история последних трех лет, этот класс населения решительно неспособен к революционной инициативе.

Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходимого буржуазным обществом, проходят во вторичной и третичной форме. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую бы то ни было другую страну. Но вывоз в Англию, в свою очередь, зависит от положения Англии, в особенности на

заокеанских рынках. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно больше, чем весь континент, так что размеры континентального экспорта в эти страны всегда зависят от заокеанского вывоза Англии. Если поэтому кризисы прежде всего создают революцию на континенте, то причина их все же находится в Англии. В конечностях буржуазного организма естественно должны скорее происходить насильственные катастрофы, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой степени эти революции действительно затрагивают самые основы жизненных отношений в буржуазном строе или же касаются только его политических образований.

В период всеобщего промышленного расцвета, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна лишь в такие периоды, когда *оба эти фактора, т. е. современные производительные силы и буржуазные формы производства*, вступают *в противоречие* друг с другом. Различные распри, происходящие теперь между представителями отдельных фракций континентальных «партий порядка» и одинаково компрометирующие все эти фракции, не только не дают повода к новым революциям, но, наоборот, возможны лишь потому, что основа отношений стала теперь такой прочной и, чего не знает реакция, такой *буржуазной*. Все реакционные попытки задерживать буржуазное развитие будут от нее отскакивать, так же как и нравственное негодование и все восторженные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление последнего.*

Переходим теперь к политическим событиям за последние шесть месяцев.

В Англии время расцвета промышленности каждый раз является временем благоденствия вигов, которое находит свое достойнейшее воплощение в самом маленьком человеке королевства, лорде Джоне Росселе. Министерство вносит в парламент проекты маленьких второстепенных реформ, зная, что они провалятся в Верхней палате или же оно в конце сессии само возьмет их обратно из-за недостатка времени. Недостаток времени обычно объясняется предшествовавшим избытком скуки и пустой болтовни, которую спикер обычно по возможности позже прекращает замечанием, что этот

вопрос не подлежит обсуждению парламента. Борьба между фритредерами и протекционистами в такое время превращается в пустую болтовню. Масса фритредеров слишком занята фактическим использованием свободы торговли и не имеет ни времени, ни охоты более разумно добиваться политических результатов ее; протекционисты же ограничиваются смешными иеремиадами и угрозами по поводу подъема городской промышленности. Партии только для видимости продолжают вести борьбу, чтобы постоянно напоминать о себе друг другу. Перед последней сессией промышленная буржуазия подняла страшный шум в интересах финансовой реформы. В самом парламенте она ограничилась лишь теоретическими требованиями. Накануне сессии господин Кобден в связи с русским займом повторил царю свое объявление войны и с большим сарказмом говорил о большом петербургском паупере; через шесть месяцев он уже опустился до участия в скандальном фарсе мирного конгресса, который имел лишь тот результат, что индеец из Ojibbewey, к великому негодованию находившегося на трибуне господина Гайнау, вручил господину Джаупу трубку мира и что янки Элигу Бурит отправился в Шлезвиг-Голштинию и Копенгаген, чтобы уверить соответствующие правительства в своих добрых намерениях. Как будто вся война из-за Шлезвиг-Голштинии могла когда-либо принять серьезный оборот, пока в этом принимает участие господин фон-Гагерн, а Венедей — нет!

Действительным крупным политическим вопросом закрывшейся сессии были *дебаты по поводу Греции*. Вся абсолютистская реакция континента соединилась с английскими ториями для свержения Пальмерстона. Луи-Наполеон отозвал даже из Лондона французского посла как для того, чтобы доставить удовольствие царю Николаю, так и для того, чтобы польстить французскому национальному тщеславию. Все Национальное собрание бешено аплодировало этому смелому разрыву с традиционным союзом с Англией. Эта история дала повод Пальмерстону выступить в Нижней палате борцом за гражданскую свободу всей Европы. Он получил большинство в 46 голосов, а результатом этой столь же бессильной, сколь и бессмысленной коалиции было то, что билль об иностранцах не был возобновлен.

Если Пальмерстон в своем выступлении против Греции и в своей парламентской речи против европейской реакции высказался в буржуазно-либеральном духе, то английский народ воспользовался присутствием в Лондоне господина *Гайнау* для блестящего проявления *своей* внешней политики.

Если народ преследовал на улицах Лондона военного представителя Австрии, то Пруссию в лице ее дипломатического представителя постигло соответствующее ее положению несчастие. Всем памятно, как болтливый литератор Брум, самая комическая фигура в Англии, при общем смехе всех дам удалил с галерей Верхней палаты литератора Бунзена за бестактное и навязчивое поведение. Господин Бунзен спокойно отнесся к этому унижению, как и подобает представляемой им великой державе. Он вообще не уедет из Англии, что бы с ним ни случилось. Всеми своими частными интересами он связан с Англией. Он будет продолжать пользоваться своим дипломатическим положением для спекулятивных рассуждений об англиканской религии; он воспитает своих сыновей в духе англиканской церкви и выдаст замуж своих дочерей за английских землевладельцев.

Смерть сэра Роберта *Пиля* сильно содействовала ускорению разложения старых партий. Так называемая партия пилитов, которая, начиная с 1845 г., составляла его главную опору, с тех пор совершенно распалась. После смерти почти все партии превозносили Пиля как величайшего государственного деятеля Англии. Он во всяком случае имел то преимущество пред «государственными деятелями» континента, что он не гонялся за местами. В остальном государственный ум этого выходца из буржуазии, ставшего вождем земельной аристократии, заключался в понимании того, что не только теперь, но еще долгое время будет существовать действительная аристократия, т. е. буржуазия. И в этом смысле он пользовался своей руководящею ролью среди земельной аристократии, чтобы постоянно вынуждать ее к уступкам в пользу буржуазии. Так было с католической эмансипацией и с реформой полиции, благодаря чему он увеличил политическую власть буржуазии; законами о банках 1818 и 1844 гг., которые усилили финансовую аристократию; тарифной реформой 1842 г. и законами о свободе торговли 1846 г., которыми земельная аристократия была принесена в жертву промышленной буржуазии. Второй столп аристократии, «железный герцог», герой Ватерлоо, неизменно, как разочарованный Дон-Кихот, поддерживал хлопчатобумажного рыцаря Пиля. С 1845 г. партияториев относилась к Пилю как к предателю. Власть Пиля над Нижней палатой объяснялась необыкновенной *ясностью его красноречия*. Стоит прочитать самые знаменитые его речи, чтобы увидеть, что они состоят из нагромождения общих мест, между которыми умело сгруппирована масса статистических данных. Почти все города Англии хотят поставить ему памятники за отмену хлебных пошлин.

Одна чартистская газета замечает, намекая на организованную Пилем в 1829 г. полицию: «Зачем нам все эти памятники Пилю? Каждый полицейский в Англии и в Ирландии есть живой памятник Пилю».

Последним событием, вызвавшим сенсацию в Англии, является назначение папой господина Уайзмена *вестминстерским архиепископом с титулом кардинала* и разделение Англии на тринадцать католических епископств. Этот неожиданный для англиканской церкви поступок наместника Христа является новым доказательством той иллюзии, которой предается вся реакция на континенте, что вместе с недавно одержанными на службе у буржуазии победами теперь должно само собою последовать также восстановление всего феодально-абсолютистского общественного порядка со всеми его религиозными атрибутами. Единственной опорой католицизма в Англии являются две крайние группы общества, аристократия и люмпенпролетариат. Люмпенпролетариат, состоящий из ирландцев по происхождению, принадлежит к католической церкви. Аристократия до тех пор кокетничала с католической церковью, пока наконец не вошел в моду и самый переход к католической церкви. В такое время, когда английская аристократия в своей борьбе против прогрессивной буржуазии вынуждена была все более проявлять свой феодальный характер, религиозные идеологи аристократии, ортодоксальные богословы епископальной церкви, в борьбе с богословами буржуазной диссентерской религии все более и более вынуждены были признавать выводы своего полукатолического догмата и обряда и даже все чаще совершался переход отдельных реакционных приверженцев англиканской церкви к первоначальной единоспасающей церкви. Эти незначительные явления вызвали в головах английского католического духовенства самые фантастические надежды на быстрое обращение всей Англии в католицизм. Новая папская булла, которая опять рассматривает Англию как римскую провинцию и которая должна была опять усилить тенденцию к переходу в католицизм, имела однако обратное действие. Пюсеиты, внезапно столкнувшись лицом к лицу с серьезными последствиями своих средневековых проделок, отступают с негодованием, и пюсеитский лондонский епископ тотчас же выпускает заявление, в котором он отказывается от всех своих заблуждений и объявляет непримиримую войну папской власти. — Для буржуазии вся эта комедия имеет лишь тот интерес, что она дает ей повод к новым нападкам на епископальную церковь и на ее учреждения. Следственная комиссия, которая должна дать отчет о положении

университетов, вызовет горячие дебаты в следующей сессии. Масса народа, конечно, мало интересуется кардиналом Уайзменом. Газетам же он, наоборот, при теперешней скудости новостей, дает желанный материал для длинных статей и горячей и едкой критики против Пия IX. «Times» требовал даже, чтобы правительство в наказание за его посягательства вызвало восстание в Папской области и вооружило против него господина Мадзини и итальянских эмигрантов. «Globe», орган Пальмерстона, проводит чрезвычайно остроумную параллель между папской буллой и последним манифестом Мадзини. Папа, говорит он, требует духовного главенства над Англией и назначает епископов in partibus infidelium. Здесь в Лондоне, in partibus infidelium, заседает итальянское правительство, во главе которого стоит противник папы, господин Мадзини. Главенство, которого господин Мадзини не только требует в папских владениях, но которым он действительно пользуется в настоящий момент, точно так же имеет чисто духовный характер. Папские буллы имеют чисто религиозное содержание, как и манифесты Мадзини. Они проповедуют религию, они апеллируют к вере, их лозунгом служит: *Dio ed il popolo*, бог и народ. Мы спрашиваем, есть ли какая-нибудь другая разница между претензиями обоих, кроме той, что господин Мадзини является по крайней мере представителем религии большинства народа, к которому он обращается, — потому что в Италии нет почти другой религии, кроме религии Dio ed il popolo, — папа же таким представителем не является. Мадзини, впрочем, воспользовался этим случаем, чтобы сделать еще шаг. А именно, он в компании с остальными членами итальянского Национального комитета выпустил теперь в Лондоне заем в 10 миллионов франков, одобренный римским Учредительным собранием, в виде акций в 100 франков, и именно для приобретения оружия и военного снаряжения. Нельзя отрицать, что этот заем имеет больше шансов, чем неудавшийся добровольный заем австрийского правительства в Ломбардии.

Действительно серьезный удар, который Англия в последнее время нанесла Риму и Австрии, это ее торговый договор с Сардинией. Этот договор подрывает австрийский проект итальянского таможенного союза и обеспечивает Эмден для английской торговли и значительную площадь в Верхней Италии для английской буржуазной политики.

Нынешняя организация чартистской партии также разлагается. Мелкие буржуа, находящиеся еще в партии, вместе с рабочей аристократией составляют чисто демократическую фракцию, программа

которой ограничивается народной хартией и несколькими другими мелкобуржуазными реформами. Масса рабочих, живущих в действительно пролетарских условиях, принадлежит к революционной чартистской фракции. Во главе первой стоит Фергус *О'Коннор*, во главе второй — Джулиан *Гарни* и Эрнест *Джонс*. Старый О'Коннор, ирландский сквайр, претендующий на звание потомка древних королей Мюнстера, несмотря на свое происхождение и политическое направление, является истинным представителем старой Англии. По всей своей природе он консервативен и питает весьма определенную ненависть как к промышленному прогрессу, так и к революции. Все его идеалы насквозь проникнуты патриархально-мелкобуржуазным духом. Он соединяет в себе невыразимую массу противоречий, находящих свое разрешение и гармонию в известном плоском common sense (здравом смысле) и дающих ему возможность из года в год писать свои еженедельные длиннейшие письма в «Northern Star» (Полярная звезда), причем обыкновенно каждое новое письмо находится в явном противоречии с предыдущим. Именно поэтому О'Коннор считает себя самым последовательным человеком во всех трех королевствах, в течение двадцати лет предсказывавшим все события. Его широкие плечи, его львиный голос, его замечательное искусство в боксе, благодаря которому он однажды отстоял ноттингэмский рынок от толпы более чем в двадцать тысяч человек, — все это характерно для представителя старой Англии. Ясно, что человек, подобный О'Коннору, должен быть большим препятствием в революционном движении. Но такие люди именно и полезны тем, что вместе с ними и в них исчезает масса давно укоренившихся предрассудков и что движение, когда оно, в конце концов, побеждает этих людей, раз навсегда избавляется и от предрассудков, представителями которых они являются. О'Коннор погибнет в движении, но он поэтому будет иметь такую же возможность претендовать на звание «мученика справедливого дела», как господа Ламартины и Маррасты.

Главным пунктом столкновений обеих фракций чартистов является земельный вопрос. О'Коннор и его партия хотят использовать хартию для того, чтобы посадить часть рабочих на мелкие участки земли и, в конце концов, сделать раздробление земельной собственности всеобщим явлением в Англии. Известно, как провалилась его попытка провести посредством акционерного общества эту парцелляцию в небольших размерах. Тенденция всякой буржуазной революции — раздробить крупную земельную собственность — могла долгое время казаться английским рабочим чем-то

революционным, несмотря на то, что она правильно дополняется непременным стремлением мелкой собственности к концентрации, а затем и к гибели при столкновении с крупным сельским хозяйством. В противовес этому требованию парцелляции земельной собственности революционная фракция чартистов выставляет требование конфискации всей земельной собственности, и притом не разделения ее, а превращения в национальную собственность.

Несмотря на этот раскол и выставление крайних требований, у чартистов, сохранивших воспоминание о тех обстоятельствах, при которых прошла отмена хлебных законов, осталось сознание, что при ближайшем кризисе им опять придется итти рука об руку с промышленной буржуазией, проводящей финансовые реформы, и помочь ей разбить ее врагов, получив за то от нее известные уступки. Такова будет, во всяком случае, позиция чартистов в предстоящем кризисе. Настоящее революционное движение может начаться в Англии лишь тогда, когда будет проведена хартия, подобно тому как во Франции июньские бои стали возможны лишь после того, как была отвоевана республика.

Обратимся теперь к *Франции*.

Заставив произвести новые выборы 28 апреля, народ сам свел к нулю свою победу, которую он одержал на выборах 10 марта в союзе с мелкой буржуазией. Видаль был избран в Париже и на нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта теряла свое решающее значение; окончательное решение снова откладывалось, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных; наконец, кандидатура Эжена Сю, сантиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта, реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как поклон в сторону гризеток. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой *июньскую победу*. Этот комичный кандидат был спартанский отец семейства Леклерк, героические доспехи которого пресса, однако, сорвала по кусочкам, — он понес на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля заставила возгордиться Гору и мелкую буржуазию. Гора уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену;

она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит, с помощью всеобщего избирательного права, своего Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит монтаньярское большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии убедили в том, что последние при всяких обстоятельствах придут к решению оставаться спокойными, — ответила на обе избирательные победы избирательным законом, который отменял всеобщее избирательное право.

Правительство было настолько осторожно, что не взяло этот законопроект на свою собственную ответственность. Оно сделало кажущуюся уступку большинству и предоставило выработку этого проекта главарям большинства, семнадцати бургграфам. Таким образом не правительство предлагало Национальному собранию, а большинство предлагало самому себе уничтожение всеобщего избирательного права.

8 мая проект был внесен в палату. Вся социально-демократическая пресса, как один человек, стала убеждать народ держать себя с достоинством, соблюдать calme majestueux (величественное спокойствие), оставаться пассивным и доверять своим представителям. В каждой статье этих газет можно было вычитать признание, что революция прежде всего уничтожит эту так называемую революционную прессу и что, стало быть, дело идет теперь о ее самосохранении. Мнимо-революционная пресса выдала свою тайну. Она подписала свой собственный смертный приговор.

21 мая Гора поставила на обсуждение предварительный вопрос и потребовала отклонения всего законопроекта, так как он нарушает конституцию. Партия порядка ответила на это, что конституция будет нарушена, когда это потребуется, теперь же это излишне, потому что конституция может быть истолкована в различных смыслах и лишь большинство компетентно решать, какое толкование правильно. Разнузданные и дикие нападки Тьера и Монталамбера Гора встретила с благоприятным и культурным гуманизмом. Она сослалась на почву права; партия порядка указала ей на почву, на которой вырастает право, на буржуазную собственность. Гора взмолилась: неужели действительно хотят во что бы то ни стало вызвать революцию? Партия порядка ответила: мы будем выжидать ее.

22 мая было покончено с предварительным вопросом большинством 462 голосов против 227. Те самые люди, которые так торжественно и так основательно доказывали, что Национальное собрание и каждый депутат в отдельности отрекаются от своего мандата, лишь только они делают отставку уполномочившему их народу, про-

должали спокойно сидеть на своих местах и старались теперь заставить действовать страну вместо себя, правда путем петиций, и остались неподвижными и тогда, когда 31 мая блестящим образом прошел самый закон. Они пытались отомстить за себя протестом, в котором вносили в протокол свою непричастность к изнасилованию конституции, да и этот протест они не заявили открыто, а тайком сунули в карман президенту.

Стопятидесятитысячная армия в Париже, постоянное откладывание окончательного решения, призывы к спокойствию прессы, малодушие Горы и новоизбранных депутатов, олимпийское спокойствие мелкой буржуазии, а главным образом торговый и промышленный подъем препятствовали всякой революционной попытке со стороны пролетариата.

Всеобщее избирательное право исполнило свою миссию. Большинство народа прошло его образовательную школу, которой оно только и служит в революционную эпоху. Теперь оно должно было быть устранено революцией или реакцией.

Еще больше энергии проявила Гора при следующем инциденте. Военный министр д'Опуль назвал с трибуны Собрания февральскую революцию злополучной катастрофой. Ораторам Горы, отличавшимся, как всегда, шумным выражением нравственного негодования, не было дано слово президентом Дюпэном. Жирарден предложил Горе тотчас же в полном составе выйти из залы. Результат: Гора осталась на месте, а Жирарден, как недостойный, был выброшен из ее лона.

Избирательный закон нуждался еще в одном дополнении, в новом *законе о печати*. Последний не заставил себя долго ждать. Законопроект правительства, усиленный во многих пунктах поправками партии порядка, увеличивал залоги, устанавливал особый штемпельный сбор с фельетонных романов (ответ на выбор Эжена Сю), облагал налогом все сочинения, выходящие в еженедельных и ежемесячных выпусках, до известного количества листов и, наконец, постановлял, что каждая газетная статья должна быть снабжена подписью автора. Постановления о залогах убили так называемую революционную прессу; народ смотрел на ее гибель, как на возмездие за отмену всеобщего избирательного права. Но тенденции и действие нового закона не ограничивались этой частью прессы. Пока газетная печать была анонимной, она являлась органом самого широкого и безыменного общественного мнения; она была третьей властью в государстве. Подписывание каждой статьи превращало газету в простой сборник литературных произведений более

или менее известных лиц. Каждая статья опустилась до уровня газетного объявления. До сих пор газеты обращались в качестве бумажных денег общественного мнения, теперь они превратились в более или менее сомнительные соло-векселя, доброта и ходкость которых зависела не только от кредита векселедателя, но также от кредита индоссанта. Пресса партии порядка агитировала не только в пользу отмены всеобщего избирательного права, но и за самые крайние меры против «вредной» прессы. Однако и сама эта «хорошая» пресса со своей зловещей анонимностью была не по вкусу партии порядка, в особенности ее отдельным провинциальным представителям. Она желала иметь дело только с оплачиваемыми писателями и знать их полное имя, их местожительство и приметы. Напрасно «хорошая» пресса плакалась на черную неблагодарность, которой ей платят за ее услуги. Закон прошел, и требование подписей поразило ее прежде всего. Имена республиканских публицистов были достаточно известны, но почтенные фирмы «Journal des Débats», «Assemblée Nationale», «Constitutionnel» и т. д., и т. д. со своей хваленой государственной мудростью представили очень жалкое зрелище, когда вся эта таинственная компания вдруг предстала в виде продажных penny-a-liners (по пенни за строчку) вроде Гранье-де-Кассаньяка, людей тертых, защищающих что угодно за чистоган, в виде старых тряпок вроде Капефига, называвших себя сами государственными людьми, или в виде кокетничающих щелкунов вроде г-на Лемуана из «Débats».

При обсуждении закона о печати Гора успела уже дойти до такой степени нравственного упадка, что ограничилась только аплодисментами блестящим тирадам старой луи-филипповской знаменитости, г. Виктора Гюго.

С избирательным законом и законом о печати революционная и демократическая партии сходят с официальной сцены. Немного спустя после конца сессии, перед своим отъездом домой, обе фракции Горы, социалистические демократы и демократические социалисты, выпустили два манифеста, два testimonia paupertatis (свидетельства о бедности), в которых они доказывали, что если сила и успех никогда не были на их стороне, зато они-то всегда стояли на стороне вечного права и всех прочих вечных истин.

Обратимся теперь к партии порядка. «Новая рейнская газета» писала в №3, стр. 16: «Против реставрационных вожделений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает основу своей фактической силы — республику; против реставрационных вожделений Бонапарта защищает партия порядка основу своего

совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вожделениям своих соперников общее господство буржуазии, государственную форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются, — республику... Тьер и не подозревал, какая правда кроется в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики».

Эта комедия républicains malgré eux (республиканцев поневоле), ненависть к status quo и его постоянное укрепление; постоянные стычки Бонапарта с Национальным собранием; каждый раз возобновлявшаяся для партии порядка опасность распасться на свои составные части и каждый раз новое сплочение ее фракций; попытки каждой из них превратить победу над общим врагом в поражение своих временных союзников; взаимная зависть, подвохи и травля, безустанно обнажаемые шпаги, а в результате всегда — baiser Lamourette, — вся эта неказистая комедия ошибок никогда еще не развивалась столь классически, как в течение последних шести месяцев.

Партия порядка думала, что своим законом о выборах победила Бонапарта. Передав комиссии семнадцати редакцию своего законопроекта и ответственность за него, правительство Бонапарта разве не отреклось тем самым от власти? Разве главная опора Бонапарта против Собрания заключалась не в том, что он был избранником шести миллионов? Бонапарт, с своей стороны, смотрел на избирательный закон как на уступку Собранию, которою он купил гармонию между исполнительной и законодательной властью. В награду за это низкий авантюрист потребовал увеличения своего цивильного листа на три миллиона. Разве Национальному собранию можно было вступить в конфликт с исполнительной властью в момент, когда оно объявляло в опале громадное большинство французского народа? Собрание вознегодовало; казалось, оно решилось на самые крайние меры; его комиссия отклонила предложение; бонапартистская пресса в свою очередь приняла грозную позу, указывая на ограбленный, лишенный своего избирательного права народ. Состоялось множество шумных попыток соглашения; в конце концов Собрание уступило на деле, но отомстило в принципе. Вместо постоянного принципиального увеличения цивильного листа на три миллиона в год оно вотировало Бонапарту лишь единовременное

вспомоществование в размере 2 160 000 франков. Не удовлетворившись этим, оно и эту уступку сделало лишь тогда, когда за нее высказался Шангарнье, генерал партии порядка и непрошенный покровитель Бонапарта. Таким образом, эти два миллиона были вотированы собственно не Бонапарту, а Шангарнье.

Эта de mauvaise grâce (неохотно) брошенная подачка была принята Бонапартом совершенно в духе дарителя. Бонапартистская пресса возобновила свои шумные нападки на Национальное собрание. Требование подписей со стороны сотрудников газет прежде всего было направлено против второстепенных газет, представительниц личных интересов Бонапарта; и вот, когда при обсуждении закона о печати была внесена поправка насчет подписей, главный бонапартистский орган «Pouvoir» с несдерживаемой яростью напал на Национальное собрание. Министрам пришлось отречься от этой газеты; ответственный редактор «Pouvoir» был вызван к ответу перед Национальным собранием и приговорен к высшему денежному штрафу в 5 000 фр. На следующий день «Pouvoir» напечатал еще более дерзкую статью против Собрания, а правительство в отместку возбудило преследование против нескольких легитимистских газет за нарушение конституции.

Наконец, на очередь был поставлен вопрос об отсрочке заседаний палаты. Бонапарту нужна была эта отсрочка, чтобы орудовать без всякой помехи со стороны Собрания. Партии порядка она нужна была отчасти для ее фракционных интриг, отчасти ради личных интересов отдельных депутатов. Обоим она должна была служить для укрепления и расширения реакционных побед в провинции. Собрание отложило поэтому свои заседания с 11 августа до 11 ноября. Но так как Бонапарт вовсе не скрывал, что стремится избавиться от тягостного надзора Собрания, то оно даже своему вотуму доверия придало характер недоверия к президенту. Ни один бонапартист не был допущен в постоянную комиссию из двадцати восьми человек, которая должна была стоять на страже добродетелей республики во время каникул. Вместо бонапартистов были выбраны даже несколько республиканцев из «Siècle» и «National'я»; этим выбором большинство давало знать президенту о своей приверженности к конституционной республике.

Незадолго перед отсрочкой заседаний палаты, а особенно вслед за этим казалось, что обе большие фракции партии порядка, орлеанисты и легитимисты, готовы помириться на почве слияния обеих королевских фамилий, под знаменем которых они боролись. Газеты были переполнены проектами примирения, которые обсуждались

у постели больного Луи-Филиппа в Сент-Леонарде; но смерть Луи-Филиппа внезапно упростила положение. Луи-Филипп был узурпатором, Генрих V был им ограблен, а граф Парижский, за бездетностью Генриха V, — его законный наследник. Теперь исчез всякий предлог для возражений против слияния обеих династий. Но как раз теперь обе фракции буржуазии поняли, наконец, что их разделяет не сантиментальная привязанность к той или другой королевской фамилии, а напротив, что их различные классовые интересы разъединяли обе династии. Легитимисты, отправившиеся на поклон к Генриху V в Висбаден, как их орлеанистские конкуренты — в Сент-Леонард, получив известие о смерти Луи-Филиппа, тотчас же образовали министерство in partibus infidelium, в которое вошли большей частью члены вышеупомянутой комиссии, добродетельных стражей республики; а по случаю одного конфликта в партии это министерство не замедлило выступить с самой откровенной прокламацией, во имя права божьей милостью. Орлеанисты ликовали по поводу компрометирующего скандала, который вызвал этот манифест в прессе, и нисколько не скрывали своей открытой вражды против легитимистов.

Во время каникул Национального собрания открыли свои заседания представительные собрания департаментов. Большинство их высказалось, с большими или меньшими оговорками, за пересмотр конституции, т. е. высказалось за монархическую реставрацию, не определяя ее более точно, за «*решение вопроса*», сознаваясь вместе с тем, что оно слишком некомпетентно и слишком трусливо для того, чтобы найти это решение. Бонапартистская фракция поспешила истолковать это желание пересмотра в смысле президентских полномочий Бонапарта.

Господствующий класс ни за что не мог допустить законной конституционной развязки — отставки Бонапарта в мае 1852 г., одновременно избрания нового президента всеми избирателями страны и пересмотра конституции избранной для этого палатой в течение первых месяцев нового президентства. День новых президентских выборов был бы днем встречи (rendez-vous) всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. В результате они неминуемо должны были бы прибегнуть к насилию. Если бы даже партии порядка удалось объединиться на каком-либо нейтральном кандидате, стоящем вне династических фамилий, то против него выступил бы опять тот же Бонапарт. В своей борьбе против народа партия порядка принуждена постоянно увеличивать силу исполнительной власти. Всякое

усиление исполнительной власти усиливает ее представителя—Бонапарта. Поэтому всякий шаг, который предпринимает партия порядка для усиления своего общего могущества, усиливает боевые средства Бонапарта с его династическими претензиями, увеличивает его шансы — в решительный момент силой помешать конституционной развязке. Тогда Бонапарт в своей борьбе с партией порядка не остановится перед нарушением одной из основ конституции, точно так же как партия порядка в своей борьбе с народом не остановилась перед нарушением другой основы конституции, отменив всеобщее избирательное право. По всем вероятиям он апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему избирательному праву. Одним словом, конституционная развязка ставит на карту весь политический status quo, а за колебанием status quo буржуа мерещится хаос, анархия, междоусобная война. Ему мерещится, что с первым воскресеньем мая месяца 1852 г. будут поставлены на карту все его покупки и продажи, его векселя, бракосочетания, нотариальные акты, ипотеки, земельная рента, квартирная плата, прибыль, все его контракты и источники доходов, — а такому риску он не может себя подвергнуть. За колебанием политического status quo таится опасность краха для всего буржуазного общества. Единственная возможная для буржуазии развязка есть отсрочка развязки. Она может спасти конституционную республику только путем нарушения конституции, путем продления власти президента. Это и есть последнее слово прессы партии порядка, после всех глубокомысленных и продолжительных прений о «развязке», которым она отдалась по окончании сессии генеральных советов. Таким образом, могущественная партия порядка, к стыду своему, видит себя вынужденной серьезно считаться со смешной, ординарной и ненавистной ей личностью псевдо-Бонапарта.

Эта грязная особа, в свою очередь, ошибалась насчет истинных причин того, что ей выпала роль необходимого человека. В то время как его партия была достаточно проницательна, чтобы приписывать растущее значение Бонапарта обстоятельствам, он сам верил, что обязан этим только чарующему влиянию своего имени и своим неустанным стараниям пародировать Наполеона. Его предприимчивость росла с каждым днем. На пилигримства легитимистов и орлеанистов в Висбаден и Сент-Леонард он ответил своими круговыми поездками по Франции. Бонапартисты так мало возлагали надежд на магическое действие его персоны, что посылали за ним повсюду клакеров, членов общества 10 декабря, этой организации парижского люмпенпролетариата, набивая ими железнодорожные поезда

и почтовые дилижансы. Они вкладывали в уста своей марионетке разные речи, в которых, смотря по приему, оказанному президенту в том или другом городе, в качестве девиза политики президента провозглашалось то республиканское смирение, то неизменная стойкость. Несмотря на все эти маневры, эти поездки вовсе не напоминали собой триумфальных шествий.

В уверенности, что ему удалось таким путем воодушевить в свою пользу народ, Бонапарт принимается за агитацию среди армии. Он устраивает на равнине Сатори у Версаля большие смотры войскам, на которых старается подкупить солдат чесночной колбасой, шампанским и сигарами. В то время как настоящий Наполеон умел ободрять истомленных солдат среди тягостей своих завоевательных походов внезапными проявлениями патриархальной задушевности, войска — как думал псевдо-Наполеон — благодарили его криками: Vive Napoléon, vive le saucisson! т. е. да здравствует колбаса (Wurst), да здравствует скоморох (Hanswurst)!

Эти смотры привели к открытому взрыву старый затаенный раздор между Бонапартом и его военным министром д'Опулем, с одной стороны, и Шангарнье — с другой. В лице Шангарнье партия порядка нашла действительно своего «нейтрального человека», у которого не могло быть и речи о собственных династических притязаниях. Она предназначала его в преемники Бонапарта. К тому же, благодаря своему поведению 29 января и 13 июня 1849 г., Шангарнье стал великим полководцем партии порядка, новым Александром, разрубившим своим грубым вмешательством, по мнению робкого буржуа, гордиев узел революции. На самом деле такое же ничтожество, как Бонапарт, он слишком дешевым способом сделался силой, и Национальное собрание выдвинуло его для надзора за президентом. Он сам рисовался, напр. в дебатах о жаловании президента, в роли покровителя Бонапарта и все высокомернее держал себя с ним и с министрами. Когда по случаю нового избирательного закона ожидали восстания, он запретил своим офицерам принимать какие бы то ни было приказания от военного министра или от президента. Пресса, с своей стороны, способствовала возвеличению личности Шангарнье. За отсутствием сколько-нибудь выдающихся личностей партии порядка пришлось наделить одного человека силой, которой не было у всего ее класса, и таким образом раздуть его в какого-то великана. Так возник миф о Шангарнье, «*оплоте общества*». Самоуверенное шарлатанство, таинственное важничанье, с которыми Шангарнье удостаивал носить на своих плечах весь мир, образуют в высшей степени смехотворный контраст с событиями на

саторийском смотру и после него. Эти события неопровержимо доказали, что достаточно одного росчерка пера Бонапарта, этой бесконечно малой величины, чтобы низвести фантастическое порождение буржуазного страха, великана Шангарнье, на положение заурядной посредственности и превратить его, героя-спасителя общества, в отставного генерала на пенсии.

Бонапарт несколько раньше отомстил Шангарнье, спровоцировав своего военного министра на дисциплинарные столкновения с неудобным покровителем. Последний смотр на Саторийском поле заставил, наконец, вспыхнуть старую вражду. Конституционное негодование Шангарнье не знало более никаких границ, когда кавалерийские полки дефилировали перед Бонапартом с криками: vive l'empereur! (да здравствует император!). Во избежание неприятных дебатов по поводу этого возгласа в предстоящей сессии палаты, Бонапарт удалил военного министра д'Опуля, назначив его губернатором Алжира. На его место он назначил вполне надежного старого генерала времен империи, который своей грубостью нисколько не уступал Шангарнье. Но, чтобы отставка д'Опуля не показалась уступкой Шангарнье, Бонапарт одновременно перевел генерала Неймайера, правую руку великого спасителя общества, из Парижа в Нант. Неймайер был виновником того, что на последнем смотру пехота дефилировала мимо преемника Наполеона с ледяным молчанием. Шангарнье, лично затронутый, протестовал и грозился. Напрасно! После двухнедельных переговоров в «Moniteur'е» появился декрет о переводе Неймайера в Нант, и герою порядка не оставалось ничего другого, как подчиниться дисциплине или подать в отставку.

Борьба Бонапарта с Шангарнье есть продолжение его борьбы с партией порядка. Новая сессия Национального собрания поэтому открывается 11 ноября при зловещих предзнаменованиях. Но это будет буря в стакане воды. В общем повторится старая игра. Большинство партии порядка, несмотря на вопли рыцарей принципа различных ее фракций, вынуждено будет продлить полномочия президента. В свою очередь Бонапарт, несмотря на все свои прежние протесты, усмиренный уже недостатком денег, примет это продление власти как простое полномочие из рук Национального собрания. Таким образом развязка отсрочивается, status quo сохраняется в целости; каждая из фракций партии порядка компрометирует и ослабляет, делает невозможной другую; растут и в конце концов истощаются репрессии против общего врага, массы нации, пока, наконец, сами экономические отношения снова не достигнут такой

ступени развития, когда от нового взрыва взлетят на воздух все ссорящиеся партии с их конституционной республикой.

К утешению буржуа нужно, впрочем, прибавить, что борьба между Бонапартом и партией порядка в результате разорит на бирже множество мелких капиталистов и переведет их капиталы в карманы крупных биржевых волков.

В *Германии* политические события последнего полугодия сводятся к картине того, как Пруссия надувает либералов, а Австрия надувает Пруссию.

В 1849 г. казалось, что речь идет о гегемонии Пруссии в Германии; в 1850 г. речь шла о разделении власти между Австрией и Пруссией; в 1851 г. речь идет уже лишь о той форме, в которой Пруссия подчинится Австрии и в роли кающегося грешника вернется в лоно совершенно восстановленного федерального сейма. Малая Германия, которую прусский король надеялся выторговать себе в вознаграждение за свое несчастное вступление в Берлин 22 марта 1848 г., превратилась в малую Пруссию. Пруссия должна была терпеливо примириться с унижением и исчезла из состава великих держав. Обычная предательская ограниченность ее политики разрушила даже скромную мечту о союзе. Она нарочито придала союзу либеральный характер и обманула таким образом мудрых мужей готской партии конституционными фантасмагориями, которых она никогда не принимала всерьез; и все же она сама благодаря своему промышленному развитию, своему постоянному дефициту, своему государственному долгу стала настолько буржуазной, что, несмотря на все свое сопротивление, все более и более впадала в конституционализм. Когда готские мудрецы, наконец, увидали, как позорно Пруссия обошлась с их благоразумием и достоинством, когда даже какой-нибудь Гагерн и Брюггеман с благородным негодованием отвернулись, наконец, от правительства, которое так нагло играло единством и свободой отечества, Пруссия не получила большой радости от тех птенцов, которых она вырастила у себя под крылышком, — от мелких князей. Мелкие князьки только в момент крайнего угнетения и беззащитности доверились жаждущему медиатизации прусскому орлу. Им пришлось дорого заплатить за приведение своих подданных к прежнему послушанию при помощи прусской интервенции, угроз и демонстраций, а именно ценой порабощающих их военных договоров, дорого стоящих расквартирований и весьма вероятной в близком будущем медиатизации посредством союзной конституции. Но Пруссия сама позаботилась о том, чтобы они избегли этой новой напасти. Пруссия везде привела к господству

реакции, и по мере прогресса реакции мелкие князьки отпадали от Пруссии, чтобы броситься в объятия Австрии. Если они опять могли властвовать по принятым до мартовских дней способам, то им абсолютистская Австрия была ближе, чем государство, которое столь же мало могло быть абсолютистским, сколь хотело быть либеральным. К тому же австрийская политика направлена была не к медиатизации мелких государств, а, наоборот, к их сохранению в качестве интегрирующих частей долженствующего быть восстановленным федерального сейма. Таким образом, Пруссия дожила до того, что от нее отпала Саксония, которая за несколько месяцев до этого спасена была прусскими войсками, что отпал Ганновер, что отпал Кургессен и что теперь Баден последовал за остальными, несмотря на присутствие в нем прусских гарнизонов. Что поддержка Пруссией реакции в Гамбурге, Мекленбурге, Дессау и т. д. послужила на пользу Австрии, а не ей самой, она теперь ясно видит из событий в обоих Гессенах. Так неудачливый германский император убедился, по крайней мере, что он живет в эпоху измены и что если теперь ему приходится мириться с потерей своей «правой руки, союза», то рука эта давно уже была парализована. Таким образом Австрия объединила уже под своей гегемонией всю южную Германию, и в северной Германии важнейшие государства — также противники Пруссии.

Австрия, наконец, зашла так далеко, что, опираясь на Россию, могла открыто выступить против Пруссии. Она так поступила в двух вопросах: в шлезвиг-голштинском и в кургессенском.

В *Шлезвиг-Голштинии* «меч Германии» заключил истинно-прусский сепаратный мир и предал своих союзников в руки превосходной враждебной силы. Англия, Франция и Россия решили положить конец независимости герцогств и высказали это намерение в протоколе, к которому присоединилась Австрия. В то время как Австрия и союзные с ней немецкие правительства, согласно лондонскому протоколу, в восстановленном Союзном сейме высказались за интервенцию Союза в Голштинии в пользу Дании, Пруссия стремилась продолжать свою двоедушную политику, побудить партии подчиниться еще не существующему, не выявившемуся федеральному третейскому суду, отвергнутому большею частью важнейших правительств, и всеми своими маневрами не добилась ничего, кроме того, что была заподозрена великими державами в революционных интригах и получила целый ряд угрожающих нот, которые скоро отобьют у нее охоту к «самостоятельной» внешней политике. Шлезвиг-голштинцам скоро будет возвращен их государь, и народ, который

соглашается терпеть управление господ Ревентловых и Безелеров, хотя вся армия на его стороне, доказывает, что он для своего воспитания нуждается еще в датской плетке.

Движение в *Кургессене* дает нам неподражаемый пример того, к чему может привести «восстание» в немецком мелком государстве. Добродетельное гражданское сопротивление обманщику Гассенпфлугу осуществило все, что можно было требовать от подобного зрелища: палата была единодушна, страна была единодушна, чиновники и армия были на стороне граждан; все оппозиционные элементы были удалены, призыв: князья, вон из страны! (Fürsten zum Land hinaus!) осуществился сам собою,—обманщик Гассенпфлуг исчез со всем своим министерством; все шло как по заказу, — все партии строго держались в законных рамках, эксцессов удалось избегнуть, и оппозиция, пальцем о палец не ударившая, одержала блестящую победу, о которой сообщают летописи конституционного сопротивления. И вот, когда вся власть была в руках граждан, когда их выборный комитет нигде не натолкнулся на малейшее сопротивление, именно тогда они и оказались нужны. Теперь они увидели, что вместо войск курфюрста на границе стоят чужие войска, готовые вступить и в двадцать четыре часа положить конец всем гражданским правам. Только теперь начались растерянность и позор. Если прежде они не могли пойти назад, то теперь они не могли двигаться вперед. Кургессенский отказ от уплаты налогов убедительнее, чем какое бы то ни было прежнее событие, доказывает, как все коллизии в пределах мелких государств приводят только к фарсу, результатом которого, в конце концов, является иностранная интервенция и разрешение конфликта путем устранения как князя, так и конституции. Он показывает, как смешны все те важнейшие бои, в которых мелкие мещане мелких государств с патриотической верностью защищают от неизбежного крушения каждое мелкое мартовское завоевание.

В Кургессене, в государстве Союза, которое надо было вырвать из прусских объятий, Австрия прямо выступила против своего соперника. Это именно Австрия подзадоривала курфюрста к нападению на конституцию, а затем тотчас же поставила его под защиту своего Союзного сейма. Чтобы придать силу этой защите, чтобы в этом кургессенском деле сломить сопротивление Пруссии против господства Австрии, чтобы заставить Пруссию опять вступить в Союзный сейм, австрийские и южно-германские войска теперь собираются во Франконии и в Богемии. Пруссия точно так же вооружается. Газеты пестрят сообщениями о маршах и контрмаршах

армейских корпусов. Весь этот шум не приведет ни к чему, так же как и распри французской партии порядка с Бонапартом. Ни прусский король, ни австрийский император не суверенны, суверенен лишь русский царь. Его приказу мятежная Пруссия, в конце концов, подчинится, и, не пролив ни одной капли крови, партии мирно сойдутся в Союзном сейме, причем от этого ни в какой мере не пострадают ни их взаимная мелочная зависть, ни раздоры со своими подданными, ни их неудовольствие против русского верховного владычества.

Мы переходим теперь к совершенно особой стране, к европейскому народу, к народу *эмиграции*. Мы не будем говорить об отдельных секциях эмиграции, немецкой, французской, венгерской и т. д.; ее haute politique ограничивается pure chronique scandaleuse. Но общеевропейский народ in partibus infidelium за последнее время получил временное правительство в лице *европейского Цетрального комитета*, состоящего из Джузеппе *Мадзини*, *Ледрю-Роллена*, Альберта *Дараша* (поляка) и Арнольда *Руге*, который в оправдание своего присутствия скромно пишет: член франкфуртского Национального собрания. Хотя трудно было бы указать, какой демократический собор призвал этих четырех евангелистов к исполнению их должности, нельзя, однако, отрицать, что их манифест содержит в себе символ веры огромной массы эмигрантов и в подобающей форме суммирует умственные завоевания, которыми эта масса обязана последним революциям.

Манифест начинается блестящим перечислением сил демократии. «Чего недостает демократии для победы?.. Организации... У нас есть секты, но нет церкви, есть неполные и противоречивые системы философии, но нет религии, нет коллективной веры, собирающей верующих под общим лозунгом и приводящей в гармонию их труды... День, когда мы все объединимся и двинемся вместе под предводительством лучших из нас..., будет кануном боя. В этот день мы произведем подсчет, мы будем знать, кто мы такие, мы осознаем свою силу».

Почему революция до сих пор не победила? Потому, что организация революционной власти была слабой. Таков первый декрет временного правительства эмиграции.

Этому злу теперь надо помочь организацией армии верующих и основанием религии.

«Но для этого надо преодолеть два больших препятствия: преувеличение прав индивидуальности, эгоистическую исключительность теории... Мы не должны говорить: я, мы должны научиться говорить: мы... Те, которые, следуя своему личному раздражению, отказываются от маленьких жертв, требуемых дисциплиной и организацией,

отрицают, благодаря привычкам прошлого, общую веру, которую они проповедуют... Исключительность в теории есть отрицание нашего основного догмата. Тот, кто говорит: я нашел политическую истину, и кто ставит условием признания братского сотрудничества принятие его системы, — отрицает народ, единственного прогрессивного толкователя мирового закона, только для того, чтобы утвердить свое собственное «я». Тот, кто утверждает, что изолированным трудом своего ума, как бы силен он ни был, он в настоящее время может дать окончательное решение проблем, волнующих массы, тот осуждает самого себя на ошибки вследствие самоограничения, отказываясь от одного из вечных источников истины, от коллективной интуиции действенного народа. Окончательное решение есть тайна победы... Наши системы в большинстве случаев не могут быть ничем иным, как анатомированием трупов, открытием источников болезни, анализом смерти, неспособным воспринять жизнь или осмыслить ее. Жизнь, это — народ в движении, это — массы, возвышаемые до необычайной силы взаимным соприкосновением, пророческим чувством великих дел, которые предстоит выполнить путем непроизвольных, внезапных, электрических соединений на улице; это — действие, доводящее до высшей степени напряжения все силы, надежды, самопожертвования, любви и энтузиазма, теперь спящие, и выявляющее человека в единстве его натуры, в полной силе его творческих способностей. Рукопожатие рабочего в один из таких исторических моментов, которые служат началом эпохи, больше скажет нам об организации будущего, чем холодный и бессердечный труд ума или опыта великого мертвеца последних двух тысяч лет — старого общества».

Вся эта напыщенная чепуха сводится таким образом, в конце концов, к самому обыкновенному филистерскому взгляду, что революция потерпела крушение благодаря честолюбивому соперничеству отдельных вождей и непримиримому антагонизму мнений различных учителей народа.

Борьба различных классов и классовых фракций между собой, отдельные фазы развития которой именно и составляют революцию, для наших евангелистов — только печальный результат существования расходящихся друг с другом систем, между тем как на самом деле, наоборот, существование различных систем является результатом существования классовой борьбы. Отсюда уже вытекает, что авторы манифеста отрицают существование классовой борьбы. Под предлогом борьбы против доктринеров они устраняют всякое определенное содержание, всякий определенный, партийный взгляд, отрицают за отдельными классами право формулировать свои интересы

и требования в противовес другим классам. Они предлагают им забыть противоположность интересов и помириться под знаменем пошлой и наглой расплывчатости, которая под видом примирения интересов всех партий скрывает лишь господство интересов одной партии — буржуазной. После опыта, приобретенного этими господами во Франции, Германии и Италии в течение последних двух лет, нельзя даже сказать, что то лицемерие, с которым здесь буржуазные интересы закутаны в ламартиновские фразы о братстве, бессознательно. Впрочем, насколько основательно знакомство этих господ с «системами», видно уже из того, что они воображают, будто каждая из этих систем является лишь отрывком собранной в манифесте премудрости и односторонне положила себе в основу какую-либо одну из набранных в нем фраз о свободе, равенстве и т. д. Их представления об общественных организациях переданы весьма ярко: скопище на улице, бунт, рукопожатие, — и все готово. Революция для них вообще состоит в ниспровержении существующего правительства; если эта цель достигнута, то этим «победа» уже одержана. Движение, развитие, борьба тогда прекращаются, и под эгидой господствующего тогда европейского Центрального комитета начинается золотой век европейской публики и перманентного сна. Эти господа так же ненавидят мышление, как и развитие и борьбу: «бессердечное мышление», — как будто какой-нибудь мыслитель, не исключая Гегеля и Рикардо, когда-нибудь дошел бы до того бессердечия, с каким они поливают публику этими сантиментальными слюнями. Народ не должен заботиться о завтрашнем дне и может выбросить из головы всякие мысли; когда настанет этот великий решительный день, народ от одного прикосновения будет наэлектризован, и загадка будущего чудесным образом раскроется ему. Это апеллирование к отказу от мышления есть прямая попытка обмануть именно самые угнетенные классы народа.

«Разве мы тем самым говорим (спрашивает один член европейского Центрального комитета у другого), что мы должны выступать без знамени, разве мы говорим, что хотим на своем знамени написать простое отрицание? Нас не могут заподозрить в чем-либо подобном. Представители народа, давно принимающие участие в его боях, мы далеки от того, чтобы вести его к *пустоте*».

Чтобы, наоборот, доказать обилие своих мыслей, эти господа преподносят нам истинно-лепорелловский список вечной истины и завоеваний всех предыдущих веков как современную общую почву «демократии». Этот список резюмируется в следующем назидательном pater noster (отче наш):

«Мы верим в прогрессивное развитие человеческих способностей и сил в направлении предначертанного нам нравственного закона. Мы верим в сотрудничество, как единственное верное средство достигнуть этой цели. Мы верим, что толкование нравственного закона и норм прогресса не может быть доверено отдельной касте или индивидууму, а лишь народу, просвещенному национальным воспитанием, руководимому теми лучшими из его среды, которые отмечены печатью добродетели и духа. Мы верим в святость обоих, как индивидуальности, так и общества, которые не должны ни исключать друг друга, ни бороться между собой, а вести к общей гармонии путем взаимного усовершенствования. Мы верим в свободу, без которой исчезает всякая человеческая ответственность, в равенство, без которого свобода только обман, в братство, без которого свобода и равенство являются средствами без цели, в сотрудничество, без которого братство было бы неосуществимой программой, в *семью*, *общину*, *в государство и отечество*, как прогрессивные сферы, в которых человек должен последовательно вырастать до сознания и осуществления свободы, равенства, братства и сотрудничества. Мы верим в святость труда, в *собственность*, вытекающую из него, как его признак и его плод, в обязанность общества доставлять материал для физического труда посредством кредита, а для труда умственного и морального посредством воспитания... *Говоря коротко*, *мы верим в такое состояние общества*, *при котором бог и его закон стоят во главе*, *и народ лежит в основе...*»

Итак, прогресс — сотрудничество — нравственный закон — свобода — равенство — братство — сотрудничество — семья, община, государство — святость собственности — кредит — воспитание — бог и народ — Dio e popolo. Эти фразы фигурируют во всех манифестах революций 1848 г., от французской до валашской, и именно потому они фигурируют здесь как общие основания новой революции. Ни в одной из этих революций не отсутствовала святость собственности, которая здесь канонизирована как результат труда. Насколько всякая буржуазная собственность является «плодом и признаком труда», Адам Смит знал уже гораздо лучше, чем наши революционные инициаторы спустя восемьдесят лет после него. Что касается социалистической уступки, что общество должно доставить посредством кредита каждому материал для его труда, то каждый фабрикант обыкновенно оказывает своим рабочим кредит на такое количество материала, которое они могут переработать в течение недели, и кредитная система в настоящее время настолько развита, насколько это совместимо с неприкосновенностью собственности, и

самый кредит, в конце концов, есть лишь форма буржуазной собственности.

Резюме этого евангелия представляет собою такое состояние общества, при котором бог составляет вершину, а народ или, как говорится дальше, человечество — основание. Это значит, что они верят в существующее общество, в котором, как известно, бог составляет вершину, а чернь — основание. Если лозунг Мадзини: бог и народ, Dio e popolo, может иметь смысл в Италии, где бога противопоставляют папе, а народ — князьям, то во всяком случае было бы смело выставлять этот плагиат Иоганна Ронге, самого поверхностного из подонков немецкого лжепросвещения, в качестве лозунга, долженствующего разрешить загадку века. Как легко, впрочем, в этой школе привыкают к мелким жертвам, которых требуют организация и дисциплина, как легко отказываются от черствой исключительности теорий, доказывает наш Арнольд-Винкельрид Руге, который к великой радости Лео на этот раз умеет оценить различие между божеством и человечеством.

Манифест заканчивается словами: «Речь идет о конституции европейской демократии, о создании бюджета, казначейства народа. Речь идет об организации армии инициаторов».

Руге, чтобы стать первым инициатором этого народного бюджета, обратился к demokratische Jantjes van Amsterdam (демократическим бюргерам Амстердама) и выяснил им их особое призвание платить. Голландия в опасности!

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Г.-ФР. ДАУМЕР: «РЕЛИГИЯ НОВОГО ВЕКА». [1]

«Один вообще очень свободомыслящий и отнюдь не недоступный для новых идей господин из Нюрнберга страшно ненавидел демократические махинации. Он был поклонником Ронге и повесил его портрет в своей комнате. Но когда он услышал, что Ронге перешел на сторону демократов, то он повесил портрет его в клозете. Он раз как-то сказал: о если бы мы жили под властью русского кнута, каким счастливым чувствовал бы я себя! Он умер во время смуты, и я предполагаю, что, хотя он был уже стар, но его свели в могилу только огорчения по поводу того, что творилось». (Т. II, стр. 321, 322.)

Если бы этот достойный сожаления нюрнбергский мещанин, вместо того чтобы умереть, занялся компилированием для себя идеек из «Корреспондента из Германии и для Германии», из Шиллера и Гете, из старых учебников и новых книг из библиотек для чтения, то он себя избавил бы от смерти, а господина Даумера от тяжелого труда составления двухтомного «комбинаторно-афористического основоположения». Правда, нам в этом случае не представился бы поучительный повод для ознакомления с религией нового века, а также с ее первым мучеником.

Произведение господина Даумера делится на две части: одну, «предварительную», и другую, «основную». В предварительной части верный Эккарт немецкой философии высказывает свое глубокое огорчение по поводу того, что за последние два года даже мыслящие и образованные немцы сбились с пути истинного и пожертвовали драгоценными завоеваниями мысли для чисто «внешней» революционной деятельности. Он считает теперешний момент подходящим, чтобы снова апеллировать к лучшим чувствам нации; он указывает на то, как гибельно, как легкомысленно расстаться со всем немецким образованием, благодаря которому немецкий гражданин только и значил кое-что. Он излагает все содержание немецкого образования в энергичнейших афоризмах, какие только может отыскать в

[1] *G.-Fr. Daumer,* Die Religion des neuen Weltalters. Versuch einer kombinatorisch-aphoristischen Grundlegung. Zwei Bände. Hamburg 1850.

сокровищнице своей начитанности, и благодаря этому столько же компрометирует немецкое образование, как и немецкую философию. Его антология возвышеннейших продуктов немецкого духа своей плоскостью и тривиальностью превосходит даже ординарнейшие книги для чтения, предназначающиеся для барышень из образованных сословий. Начиная с филистерских выходок Гете и Шиллера против первой французской революции, начиная с классической фразы: «опасно будить льва», и кончая новейшей литературой, первосвященник новой религии усердно гонится за каждым местом, в котором сонные немецкие косичконосцы высказывают свое недовольство отвратительным в их глазах историческим движением. Столпами, на которых воздвигается храм новой религии, являются авторитеты калибра Фридриха Раумера, Бертольда Ауэрбаха, Лохнера, Морица Каррьера, Альфреда Мейснера, Круга, Дингельштедта, Ронге, «Нюрнбергского вестника», Макса Вальдау, Штернберга, Германа Мейрера, Луизы Астон, Эккермана, Ноака, «Листков для литературного развлечения», А. Кунце, Гиллани, Т. Мундта, Сафира, Гуцкова, какой-то «урожденной Гаттерер» и т. д. Революционное движение, против которого произносится здесь столь многоголосая анафема, ограничивается для господина Даумера, с одной стороны, банальнейшей политической болтовней, процветающей в Нюрнберге с благословения «Корреспондента из Германии и для Германии, а с другой стороны, эксцессами черни, о которых господин Даумер имеет самое странное представление. Источники, из которых он черпает здесь свои сведения, достойны вышеприведенных авторитетов: на ряду с неоднократно упомянутым «Нюрнбергским корреспондентом» фигурируют «Бамбергская газета», «Мюнхенская сельская вестница», «Аугсбургская всеобщая газета» и т. д. Та самая мещанская пошлость, для которой пролетарий является всегда каким-то деморализованным, пропащим оборванцем и которая довольно потирает руки при виде парижской июньской бойни 1848 г., где было убито более трех тысяч этих «оборванцев»,— эта мещанская пошлость негодует по поводу насмешек над идиллическими союзами для защиты животных. «Ужаснейшие мучения,— восклицает господин Даумер на стр. 293 первого тома, — которым подвергаются несчастные животные в жестоких, тиранических руках человека, являются для этих варваров «пустяком», по поводу которого не следует беспокоиться!» Вся современная классовая борьба представляется господину Даумеру только в виде борьбы «грубости» против «образования». Вместо того чтобы объяснить ее из исторических условий жизни этих классов, он находит причины ее в происках нескольких

злонамеренных лиц, которые играют на низких инстинктах черни и натравливают ее на образованные сословия. «Этот демократический реформизм... возбуждает зависть, гнев, жадность низших классов общества против высших классов,— великолепное средство сделать человека благороднее и лучше и заложить основы для высшей культурной ступени». (Т. I, стр. 289.) Господин Даумер даже не знает, какую борьбу пришлось выдержать «низшим классам общества против высших» хотя бы только для того, чтобы создать нюрнбергскую «культурную ступень» и сделать возможным появление молохоедов à la Даумер.

Во второй, «основной» части содержится положительная сторона новой религии. Здесь немецкий философ дает полный простор своей досаде по поводу того, что забыта его борьба против христианства по поводу равнодушия народа к религии, этому единственному, достойному внимания философа, предмету. Чтобы восстановить в прежнем почете свою уничтоженную конкуренцией профессию, нашему философу после продолжительной ругани по адресу старой религии ничего не остается, как сочинить новую религию. Однако эта новая религия, в полном соответствии с первой частью, сводится тоже к какой-то антологии из сентенций, альбомных стихов и versus memoriales немецкого образованного филистерства. Суры нового Корана представляют собой ряд фраз, в которых морально и поэтически прикрашивается существующий в Германии порядок вещей. От того, что эти фразы лишены непосредственно религиозной формы, они все же не теряют своего тесного родства с старой религией.

«Совершенно новые мировые отношения и порядки могут возникать только благодаря новым религиям. Примерами и доказательствами того, что̀ в состоянии сделать религии, могут служить христианство и ислам. А весьма ярким и убедительным подтверждением бессилия и безрезультатности абстрактной, исключительной политики могут служить революционные движения в 1848 г.». (Т. II, стр. 313.)

В этом глубокомысленном тезисе перед нами вся пошлость и все невежество немецкого «мыслителя», который принимает жалкие немецкие, в частности баварские, «мартовские завоевания» за европейское движение 1848 и 1849 гг. и который требует, чтобы первые, еще весьма поверхностные, взрывы постепенно формирующейся и концентрирующейся великой революции дали уже «совершенно новые мировые отношения и порядки». Вся сложная социальная борьба, которая происходила за последние два года на пространстве между Парижем, Дебрецином, Берлином и Палермо и которая при-

вела пока к первым перестрелкам, сводится для мудрого господина Даумера к тому, что «в январе 1849 г. надежды конституционных союзов Эрлангена отодвинулись в неопределенную даль» (т. I, стр. 312), и к страху перед новой борьбой, способной неприятно потревожить господина Даумера в его занятиях Гафизом, Магометом и Бертольдом Ауэрбахом.

Эта же самая бесстыдная поверхностность дает возможность господину Даумеру совершенно игнорировать то, что христианству предшествовал окончательный крах античных «мировых порядков» и что христианство было просто выражением этого краха; что «совершенно новые мировые порядки» возникли не изнутри благодаря христианству, а лишь тогда, когда гунны и германцы «набросились извне на труп Римской империи»; что после германского нашествия не «новые мировые порядки» сообразовались с христианством, а, наоборот, христианство изменялось с каждой новой фазой этих мировых порядков. Пусть, впрочем, господин Даумер приведет нам хоть один пример изменения вместе с новой религией старых мировых порядков, при котором не происходило бы одновременно колоссальнейших «внешних и абстрактно-политических» конвульсий.

Ясно, что вместе с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит одновременно и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях. Но современный переворот отличается от всех предшествующих именно тем, что люди, наконец, разгадали секрет этого исторического процесса-переворота и поэтому отбросили всякую религию, вместо того чтобы снова представлять себе этот практический, «внешний» процесс в трансцендентной, небесной форме новой религии.

После кроткой этики новой мировой премудрости, которая постольку возвышается даже над учением Книгге, поскольку она говорит не только о поведении по отношению к людям, но и содержит все необходимое относительно обращения с животными, — после притч Соломоновых мы переходим к Песне песней нового Соломона.

«Природа и женщина суть истинно божественное, в отличие от человека и мужчины... Самопожертвование человеческого в пользу природного, мужского — в пользу женского, — таково подлинное, единственно истинное смирение и самоотречение, высшая, даже единственная, добродетель и благочестие». (Т. II, стр. 257.)

Мы видим здесь, как поверхностное невежество нашего спекулирующего основателя религии принимает форму вполне определенной трусости. Господин Даумер спасается от угрожающей ему истори-

ческой трагедии в мнимую природу, т. е. в тупоумную крестьянскую идиллию, и проповедует культ женщины, чтобы прикрыть свое собственное бабье самоотречение.

Впрочем, культ природы господина Даумера довольно своеобразен. Он умудрился оказаться реакционным даже по сравнению с христианством. Он пытается модернизировать древнюю дохристианскую религию природы, причем, разумеется, все дело сводится у него только к какой-то христианско-германско-патриархальной болтовне о природе, которая выражается, например, в следующих стихах:

Научи, природа-мать,
Всюду лишь тебя искать
И по твоему пути
Со смирением итти!

«Подобные вещи вышли из моды, но не к выгоде для образования, прогресса и человеческого счастья». (Т. II, стр. 157.)

Культ природы ограничивается, как мы видим, воскресными прогулками за город провинциала-горожанина, выражающего свое детское удивление по поводу того, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда (т. II, стр. 40), что назначение слез заключается в том, чтоб сохранить во влажном состоянии поверхность глаза (т. II, стр. 73), и т. д., и который в заключение со священным трепетом декламирует своим детям оду весне Клопштока. (Т. II, стр. 23 и след.) Разумеется, во всем этом нет и речи о современном естествознании, которое, — в связи с современной промышленностью, — революционизировало всю природу и которое положило конец на ряду с другими ребячествами и ребяческому отношению людей к природе. Зато мы слышим разные таинственные намеки и изумленно-филистерские догадки о пророчествах Нострадамуса, о двойном зрении шотландцев и о животном магнетизме. Остается пожелать, чтобы косное крестьянское хозяйство Баварии, та почва, на которой с одинаковым успехом процветают попы и разные Даумеры, была взрыхлена, наконец, современным сельским хозяйством и современными машинами.

О культе женщины приходится сказать то же самое, что̀ и о культе природы. Само собою разумеется, что господин Даумер не говорит ни звука о современном социальном положении женщины, что, наоборот, дело идет у него просто о женщине, как таковой. Он старается утешить женщин в их гражданском бесправии тем, что делает их объектом какого-то пустого, имеющего таинственный вид, культа фразы. Так, он их успокаивает по поводу того, что вместе с замужеством у них исчезают таланты, тем, что на их долю выпадает тогда забота о детях (т. II, стр. 237), что они обладают

способностью кормить детей грудью даже до шестидесяти лет (т. II, стр. 244), и т. д. Господин Даумер называет это «самопожертвованием мужского в пользу женского». А чтобы найти в своем отечестве необходимые для своего мужского самопожертвования идеальные женские фигуры, он вынужден обратиться к различным дамам-аристократкам прошлого столетия. Таким образом, культ женщины снова сводится к унизительным отношениям между литераторами и их многоуважаемыми покровительницами, — зри Вильгельм Мейстер.

«Образование», о падении которого господин Даумер распространяется в своих иеремиадах, это — образование той эпохи, когда Нюрнберг процветал в качестве свободного имперского города, когда играла крупную роль нюрнбергская промышленность, своеобразный ублюдок искусства и ремесла, это — образование немецкой мелкой буржуазии, гибнущее вместе с этой мелкой буржуазией. Если гибель прежних классов, например рыцарства, могла давать содержание для грандиозных трагических произведений искусства, то мещанство, естественно, не может дать ничего другого, кроме бессильных проявлений фанатической злобы и коллекции санчопансовских поговорок и изречений. Господин Даумер, это — сухое, лишенное всякого юмора продолжение Ганса Сакса. Немецкая философия, ломающая себе руки и рыдающая у одра смерти своего приемного отца — немецкого мещанства — такова трогательная картина, представляемая нам религией нового века.

Л. СИМОН ИЗ ТРИРА: «СЛОВО ПРАВА К НЕМЕЦКИМ ПРИСЯЖНЫМ В ЗАЩИТУ ВСЕХ БОРЦОВ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ». [1]

«Мы голосовали против наследственности главы государства; на следующий день при выборах мы воздержались. Но когда было закончено все дело, вышедшее из воли большинства избранного на основе всеобщего избирательного права собрания, то мы заявили о своей готовности подчиниться. Если бы мы не сделали этого, то тем самым доказали бы, что мы вообще не годимся для гражданского общества». (Стр. 43.)

Таким образом, согласно господину Л. Симону «из» Трира, уже крайние левые члены Франкфуртского собрания «не годились вообще для гражданского общества». Таким образом, господин Л. Симон «из Трира», кажется, вообще представляет себе границы гражданского общества еще более узкими, чем границы церкви св. Павла.

Впрочем, у господина Симона хватило такта раскрыть в своей исповеди от 11 апреля 1849 г. тайну как своей прежней оппозиции, так и своего позднейшего обращения.

«С мутных вод домартовской дипломатии поднялись холодные туманы. Эти туманы сгустятся в тучи, и мы будем иметь гибельную грозу, которая может прежде всего ударить в башню церкви, где мы сидим. Позаботьтесь и подумайте о громоотводе, который отвел бы от вас молнию!» Иными словами: господа, дело идет теперь о нашей шкуре!

Нищенские предложения, жалкие компромиссы, которые вносила франкфуртская левая по вопросу об императоре и после позорного возвращения депутации, ведшей переговоры с прусским королем об императорской короне, на усмотрение большинства собрания для того только, чтобы сохранить это большинство, грязные попытки соглашения, которые она предпринимала тогда во всех направлениях,—все это получает свое высшее освящение в следующих словах

---

[1] *Ludwig Simon von Trier,* Ein Wort des Rechts für alle Reichsverfassungskämpfer an die deutschen Geschwornen. Frankfurt a. M. 1849.

господина Симона: «Благодаря событиям истекшего года слово—соглашение, стало предметом очень опасных насмешек. Его нельзя больше произносить, не рискуя быть высмеянным. А между тем возможно только одно из двух: либо люди соглашаются между собой, либо же накидываются друг на друга, как дикие звери». (Стр. 43.)

Иными словами: либо партии доводят до конца свою борьбу, либо они откладывают ее при помощи какого-нибудь компромисса. Последнее, разумеется, «образованнее» и «гуманнее». Впрочем, господин Симон, благодаря вышеприведенной своей теории, открывает для себя возможность бесконечного ряда соглашений, при помощи которых он сможет остаться в любом «гражданском обществе».

Блаженной памяти имперская конституция получает свое оправдание в следующей философской дедукции: «Имперская конституция была выражением того, что было возможно без новых насильственных мер... Она была живым (!) выражением демократической монархии, т. е. принципиального противоречия. Но в мире существовало уже немало такого, что было принципиально противоречиво, и, однако, именно из фактического существования принципиальных противоречий развивается дальнейшая жизнь». (Стр. 67.)

Мы видим, что гегелевскую диалектику все еще несколько труднее применять, чем процитировать стишки Шиллера. Если имперская конституция желала бы «фактически» существовать, несмотря на свое «принципиальное противоречие», то она должна была бы, по крайней мере, высказать «принципиально» противоречие, которое существовало «фактически». «Фактически» на одной стороне были Пруссия и Австрия, был военный абсолютизм, а на другой стороне был немецкий народ, у которого обманным образом вырвали плоды его мартовского восстания, который надули в значительной мере благодаря его глупому доверию жалкому Франкфуртскому собранию и который собирался, наконец, вступить снова в борьбу с военным абсолютизмом. Это фактическое противоречие могло быть решено только при помощи фактической борьбы. Выражала ли имперская конституция это противоречие? Ни малейшим образом. Она выражала то противоречие, которое существовало в марте 1848 г., до того, как Пруссия и Австрия снова собрались с силами, до того, как оппозиция оказалась раздробленной, обезоруженной, ослабленной частичными поражениями. Она, далее, выражала лишь детское самообольщение господ из церкви св. Павла, которые воображали, что они могут еще и в марте 1849 г. предписывать законы прусскому и австрийскому правительствам и обеспечить себе на веки вечные доходные и безопасные местечки немецких имперских Барро.

Далее господин Симон поздравляет себя и других коллег с тем, что ничто не могло поколебать их в их эгоистическом ослеплении насчет имперской конституции: «Сознайтесь с позором, вы, ренегаты Готы, что мы, несмотря на все возбуждение, не поддались никакому искушению, что мы оставались верными своему слову и не изменили ни одной иоты в нашем общем творении!» (Стр. 67.)

Далее он указывает на их геройские подвиги по отношению к Вюртембергу и Пфальцу и на их штуттгартскую резолюцию от 8 июня, в которой они взяли Баден под защиту империи, хотя в действительности уже тогда империя находилась под защитой Бадена, и их резолюции доказывали только, что они решили «ни на иоту» не отказываться от своей трусости и насильственно поддерживали иллюзию, в которую они сами уже не верили.

Упрек, «будто имперская конституция являлась только маской республики», господин Симон опровергает следующим остроумным образом: «Только если борьба против *всех без исключения* правительств должна была бы быть доведена до конца..., но кто же утверждает, что борьба против всех без исключения правительств должна была бы быть доведена до конца? Кто может вычислить наперед все возможные колебания военного счастья и борьбы, и если враждующие братья (правительства и народ) после кровавой борьбы, изнеможенные, не имея сил ни на какое решение, стояли бы друг против друга и на них снизошел бы вдруг дух мира и примирения, то разве мы нанесли бы хоть малейший ущерб знамени имперской конституции, под покровом которого они могли бы протянуть друг другу братские руки для примирения? Оглянитесь вокруг себя! Положите руку на сердце! Загляните честно в свою собственную совесть, и вы ответите, вы должны будете ответить: нет, нет и еще раз нет! (Стр. 70.)

Вот тот колчан красноречия, откуда господин Симон доставал стрелы, которые метал с таким поразительным эффектом в церкви св. Павла! Но, несмотря на всю свою пошлость, этот сантиментальный пафос представляет своеобразный интерес. Он показывает, как господа франкфуртцы спокойно сидели в Штуттгарте и выжидали, пока враждующие партии не устанут от борьбы, чтобы в надлежащий момент стать между обессилевшими борцами и предложить им панацею примирения — имперскую конституцию. А что господин Симон здесь отлично понимает своих коллег, видно из того, что эти господа еще и теперь заседают в Берне у трактирщика Бенца на улице Кесслера в ожидании наступления новой борьбы, чтобы, когда партии, «обессиленные, не способные ни на какое решение, будут стоять друг против друга», вмешаться и предложить им для соглашения

имперскую конституцию, это совершеннейшее выражение бессилия и нерешительности.

«Но, несмотря на это, я говорю вам, что, как ни больно итти одинокими тропами изгнания, вдали от отчизны, вдали от родины, вдали от престарелых родителей, я не променяю ради всех земных благ своей чистой совести на угрызения совести ренегатов и бессонные ночи владык». (Стр. 71.)

Если бы только было возможно сослать в изгнание этих господ! Но разве они не уносят с собой в своих чемоданах отечество в виде франкфуртских стенографических отчетов, из которых на них несется поток подлиннейшего отечественного воздуха и избыток чудеснейшего самодовольства?

Впрочем, если господин Симон утверждает, что он вступается за борцов за имперскую конституцию, то это лишь благочестивый обман. Борцы за имперскую конституцию не нуждаются в его «правозаступничестве». Они защищались сами лучше и энергичнее. Но господин Симон должен сослаться на них, чтобы скрыть тот факт, что в интересах всячески скомпрометированных франкфуртцев, в интересах тех, кто *сделали* имперскую конституцию, и в своих собственных интересах он считает необходимым произнести некоторую oratio pro domo.

Ф. ГИЗО: «ПОЧЕМУ УДАЛАСЬ АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?»[1]

Памфлет господина Гизо имеет целью доказать, что Луи-Филипп и политика Гизо собственно не должны были обанкротиться 24 февраля 1848 г. и что лишь скверный характер французов виной тому, что июльская монархия 1830 г. потерпела позорный крах после 18-летнего мучительного существования, а не обнаружила той долговечности, которою наслаждается английская монархия с 1688 г.

Из этого памфлета видно, что даже самые умные люди ancien régime'а, даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разумения, даже разумения своих собственных прежних поступков. Вместо того чтобы понять на основании опыта февральской революции радикальное отличие исторической обстановки и взаимоотношения классов общества во французской монархии 1830 г. и в английской монархии 1688 г., господин Гизо сводит все различие их к нескольким моральным фразам, клянясь в заключение, что обанкротившаяся 24 февраля политика «только одна способна сохранить целость государств и одолеть революции».

Вопрос, на который желает ответить господин Гизо, сводится при определенной формулировке к следующему: почему в Англии буржуазное общество существовало в форме конституционной монархии дольше, чем во Франции?

Для характеристики знакомства господина Гизо с ходом буржуазного развития в Англии может послужить следующее место из его работы: «В правление Георга I и Георга II общественный дух принял другое направление: иностранная политика перестала быть главным предметом его интереса; доминирующей заботой правительства и публики стала внутренняя администрация, сохранение мира, финансовые, колониальные и торговые вопросы, развитие парламентского режима и сопровождающая его борьба». (Стр. 168.)

---

[1] *F. Guizot,* Pourquoi la révolution d'Angleterre a-t-elle réussi? Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre. Paris 1850.

Господин Гизо находит в правлении Вильгельма III только два достойных упоминания момента: сохранение равновесия между парламентом и короной и сохранение европейского равновесия путем борьбы против Людовика XIV. И вот при ганноверской династии «общественный дух» принимает внезапно «другое направление», неизвестно как и почему. Мы видим здесь, что господин Гизо переносит ординарнейшие фразы французских парламентских дебатов на английскую историю, думая этим объяснить ее. Таким же точно образом господин Гизо, будучи министром, воображал, что он поддерживает своими плечами равновесие между парламентом и короной и европейское равновесие, в то время как в действительности он лишь продавал в розницу все французское государство и все французское общество евреям-финансистам парижской биржи.

Господин Гизо не считает вовсе необходимым говорить о том, что войны против Людовика XIV были чисто торговыми войнами с целью уничтожения французской торговли и французского морского могущества, что при Вильгельме III получило свое первое освящение господство финансовой буржуазии благодаря учреждению Банка и введению государственного долга, что благодаря последовательному проведению охранительной таможенной системы был дан новый толчок развитию мануфактурной буржуазии. Для него имеет значение только политическая фразеология. Он не упоминает даже о том, что при королеве Анне господствующие партии смогли спасти себя и конституционную монархию лишь тем, что, путем государственного переворота, они удлинили срок парламентских полномочий до семи лет и таким образом почти совершенно уничтожили влияние народа на правительство.

При ганноверской династии развитие Англии подвинулось уже настолько далеко, что она сумела повести торговую войну с Францией в современной форме. Сама Англия боролась с Францией лишь в Америке и Ост-Индии, довольствуясь на материке тем, что нанимала для войны против Франции чужестранных государей, как, например, Фридриха II. И в то время как внешняя война принимает лишь иную форму, господин Гизо заявляет: «иностранная политика перестает быть главным предметом интереса», и на ее место становится «забота о сохранении мира». Относительно того, что «развитие парламентского режима и сопровождающая его борьба стали доминирующей заботой правительства и публики», сравните историю с подкупами во время министерства Вальполя, на которые, правда похожи, как две капли воды, скандалы, имевшие место при Гизо.

Для объяснения того, что английская революция была удач-

ней, чем французская, господин Гизо указывает главным образом на две причины: во-первых, на то что английская революция была насквозь религиозна и, следовательно, не порвала со всеми традициями прошлого, а во-вторых, на то, что она с самого начала выступила не в роли разрушительницы, а охранительницы, что парламент защищал от покушений короны старые существующие законы.

Что касается первого пункта, то господин Гизо забывает, что так пугающее его свободомыслие французской революции было ввезено во Францию именно из Англии. Локк был отцом его, и уже у Шефтсбери и Болинброка оно приняло ту остроумную форму, которая получила впоследствии во Франции столь блестящее развитие. И вот мы приходим к парадоксальному результату, что то самое свободомыслие, которое, по мнению господина Гизо, послужило причиной крушения французской революции, было одним из важнейших продуктов религиозной английской революции.

Что касается второго пункта, то господин Гизо совершенно забывает тот факт, что французская революция в самом своем начале была столь же консервативной и даже более консервативной, чем английская. Абсолютизм, особенно в той форме, в какой он выступил под конец во Франции, был и здесь новшеством, и против этого новшества восстали парламенты, защищая старые законы, us et coutumes (обычаи) старой сословной монархии. И в то время как первым шагом французской революции было воскрешение умерших со времени Генриха IV и Людовика XIII генеральных штатов, английская революция не может представить ни одного факта столь же классического консерватизма.

По мнению г-на Гизо, главным результатом английской революции является то, что король был лишен возможности править против воли парламента и палаты общин в парламенте. Вся революция заключается, согласно ему, в том, что вначале обе стороны, корона и парламент, переступают отмежеванные им границы, пока, наконец, при Вильгельме III они не находят правильного равновесия и не нейтрализуют друг друга. Господин Гизо считает лишним упомянуть, что подчинение королевской власти парламенту означает ее подчинение господству известного класса. Он поэтому и не считает необходимым рассмотрение того, как этот класс добился необходимого могущества, чтобы, наконец, сделать из короны свою служанку. У него во всей борьбе между Карлом I и парламентом дело идет только о чисто политических преимуществах. Мы не узнаем ровнехонько ничего о том, для чего нужны были эти преимущества парламенту и представленному в нем классу. Так же мало узнаем мы от

господина Гизо о прямых посягательствах Карла I на свободную конкуренцию, все более и более подтачивавших торговлю и промышленность Англии, или же о зависимости Карла I от парламента, становившейся благодаря его постоянной нужде в деньгах тем более тягостной, чем дольше он пытался бороться с парламентом. Поэтому вся революция объясняется у него лишь злой волей и религиозным фанатизмом нескольких смутьянов, которые не могли удовольствоваться умеренной свободой. Так же неудовлетворительно представление господина Гизо о связи религиозного движения с развитием буржуазного общества. Разумеется, и республика есть тоже дело рук нескольких честолюбцев, фанатиков и злодеев. Гизо совершенно не упоминает о том факте, что в это же самое время в Лиссабоне, Неаполе и Мессине тоже предпринимались попытки ввести республику и притом, как и в Англии, тоже из подражания примеру Голландии. Хотя господин Гизо никогда не упускает из виду французской революции, но он ни разу не приходит к тому простому выводу, что переход от абсолютной монархии к конституционной повсюду совершается лишь после жестокой борьбы и через переходное республиканское состояние и что даже и тогда старая династия оказывается несостоятельной и должна уступить место боковой узурпаторской линии. Поэтому он может рассказать нам о падении английской реставрационной монархии лишь самые банальные вещи. Он даже не указывает на ближайшие причины этого падения: на страх созданных реформацией новых крупных землевладельцев перед восстановлением католицизма, при котором они, разумеется, должны были бы вернуть все свои награбленные, принадлежавшие прежде церкви земли, благодаря чему семь десятых земельной площади переменило бы своих владельцев; на опасения, вызывавшиеся у торговой и промышленной буржуазии католицизмом, который совершенно не годился для их дел; на беззаботность, с которой Стюарты продавали, ради своей собственной выгоды и выгоды придворной знати, всю английскую промышленность вместе с торговлей французскому правительству, т. е. правительству единственной страны, которая противопоставляла тогда англичанам опасную и во многих отношениях победоносную конкуренцию, и т. д. Так как господин Гизо устраняет повсюду важнейшие моменты, то у него остается лишь крайне неудовлетворительное и банальное повествование о чисто политических событиях.

Великая загадка для господина Гизо, — которую он в состоянии объяснить только особенной рассудительностью англичан, — загадка консервативного характера английской революции, объясняется для-

тельным союзом между буржуазией и значительнейшей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение. Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев, — возникший, впрочем, уже при Генрихе VIII, — находился, в отличие от французского феодального землевладения 1789 г., не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии. Дело в том, что земельные владения этого класса представляли не феодальную, а буржуазную собственность. Эти землевладельцы, с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки, а с другой — были в состоянии дать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли. Этим объясняется общность их интересов с интересами буржуазии, этим объясняется и союз обоих классов.

Вместе с консолидацией конституционной монархии в Англии для господина Гизо прекращается английская история. Все дальнейшее ограничивается для него приятной игрой в качели между ториями и вигами, т. е. своего рода великим словесным турниром между господином Гизо и господином Тьером. В действительности же именно с консолидацией конституционной монархии начинается в Англии грандиозное развитие и переворот в буржуазном обществе.

Там, где господин Гизо видит лишь тихий покой и идиллический мир, там в действительности развертываются самые острые конфликты, самые бурные революции. Во-первых, при конституционной монархии мануфактура развилась неслыханным до того образом, чтобы уступить затем место крупной индустрии, паровой машине и гигантским фабрикам. Исчезают целые классы населения, на место которых появились новые классы, с новыми условиями существования и с новыми потребностями. Зарождается новая, более могучая буржуазия; в то время как старая буржуазия борется с французской революцией, новая завоевывает себе мировой рынок. Она становится столь всемогущей, что еще до того, как билль о реформе передал прямо в ее руки политическую власть, она заставляет своих противников издавать законы почти только в ее интересах и согласно ее потребностям. Она завоевывает себе прямое представительство в парламенте и использует его для уничтожения последних остатков реальной силы, оставшейся у землевладения. Наконец, в данный момент она занята тем, чтобы разрушить

до основания прекрасное здание английской конституции, которое повергает в такое изумление господина Гизо.

И в то время как господин Гизо поздравляет англичан с тем, что у них негодные исчадия французской общественной жизни, республиканство и социализм, не потрясли основ единоспасающей монархии, в это самое время в Англии классовые противоречия в обществе достигли такой остроты, как ни в какой другой стране; в это самое время здесь против не имеющей себе равной по богатству и производительным силам буржуазии становится столь же не имеющий себе равного по могуществу и концентрации пролетариат. Таким образом, господин Гизо поздравляет Англию, в конце концов, с тем, что в ней, под защитой конституционной монархии, образовались гораздо более многочисленные и гораздо более радикальные элементы социальной революции, чем во всех других странах мира, вместе взятых.

Там, где нити английского развития сходятся в узловом пункте, которого господин Гизо не может разрубить, — хотя бы только для видимости, — чисто политической фразой, там он прибегает к религиозной фразе, к вооруженному вмешательству божества. Так, например, дух божий нисходит внезапно на армию и мешает Кромвелю провозгласить себя королем и т. д. От своей совести Гизо спасается при помощи бога, от непосвященной публики — при помощи стиля.

Да, не только les rois s'en vont (короли уходят), но и les capacités de la bourgeoisie s'en vont (таланты буржуазии уходят).

Т. КАРЛЕЙЛЬ: «СОВРЕМЕННЫЕ ПАМФЛЕТЫ: № 1. НАШИ ДНИ, № 2. ОБРАЗЦОВЫЕ ТЮРЬМЫ».[1]

Томас Карлейль — единственный английский писатель, на которого немецкая литература оказала прямое и очень значительное влияние. Уже из одной вежливости немец не может пройти без внимания мимо его произведений.

На последнем произведении Гизо мы могли убедиться, что талантливые люди буржуазии находятся на ущербе. В лежащих перед нами двух брошюрах Карлейля мы видим упадок литературного гения, столкнувшегося с обострившейся исторической борьбой, которой он старается противопоставить свои непризнанные, непосредственные, пророческие вдохновения.

Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в эпоху, когда ее взгляды, вкусы и идеи заполонили всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии Кромвеля, памфлету о чартизме, к «Past and Present». Но во всех этих произведениях критика настоящего тесно связана с удивительно неисторическим апофеозом средневековья, встречающимся, впрочем, часто и у английских революционеров, например, у Коббета и у одной части чартистов. В то время как в прошлом он восторгается, по крайней мере, классическими эпохами определенной фазы общественного развития, настоящее приводит его в отчаяние, а будущее страшит. Там, где он признает революцию и создает ей даже апофеоз, там она концентрируется для него в одной какой-нибудь личности, в Кромвеле или Дантоне. Им он посвящает тот самый культ героев, который он проповедывал в своих «Lectures on Heroes and Hero-Worship» (Лекции о героях и культе героев) как единственное спасение от безнадежного настоящего, как новую религию.

Стиль Карлейля таков же, как и его идеи. Это — прямая,

---

[1] *Thomas Carlyle,* Latter-Day Pamphlets: № 1. The Present Time, № 2. Model Prisons. London 1850.

насильственная реакция против современно-буржуазного английского ханжеского стиля, напыщенная банальность которого, осторожная многословность и морально-сантиментальная, безысходная скука перешли на всю английскую литературу от первоначальных творцов этого стиля — образованных лондонцев. В противоположность этой литературе Карлейль стал обращаться с английским языком как с совершенно сырым материалом, который ему приходилось наново переплавить. Он разыскал устарелые обороты и слова и сочинил новые выражения по немецкому образцу, в частности по образцу Жан-Поля Рихтера. Новый стиль был часто велеречив и лишен вкуса, но нередко блестящ и всегда оригинален. И в этом отношении «Latter-Day Pamphlets» обнаруживают заметный регресс.

Впрочем, характерно, что из всей немецкой литературы наибольшее влияние на Карлейля оказал не Гегель, а литературный фармацевт Жан-Поль.

Культ гения, который Карлейль разделяет со Штраусом, в рассматриваемых брошюрах покинут гением. Остался один культ.

«Present Time» начинается с заявления, что настоящее есть дочь прошлого и мать будущего, но что, во всяком случае, оно есть новая эра.

Первым явлением этой новой эры является папа-реформатор. Пий IX, держа Евангелие в руках, желал с высоты Ватикана возвестить христианству «закон правды». «Более чем триста лет тому назад трон св. Петра получил безапелляционное судебное решение, аутентичный приказ, который зарегистрирован в канцелярии неба и который можно с тех пор прочесть в сердцах всех честных людей, — приказ убраться, исчезнуть и не морочить нам голову собой, своими иллюзиями и безбожным бредом; с тех пор он продолжает существовать на свой собственный риск и должен будет заплатить полной мерой за каждый день своего существования. Закон правды? Согласно этому закону правды папство должно было отказаться от своей гнилой гальванизированной жизни, этого позора перед богом и людьми, должно было честно умереть и дать похоронить себя. Бедный папа предпринял совершенно не то, и все же по существу это было ничем иным... Папа-реформатор? Тюрго и Неккер были нулями по сравнению с этим. Бог велик, и когда соблазну должен прийти конец, он призывает к этому верующего человека, который берется за работу с надеждой, а не с отчаянием». (Стр. 3.)

Своими манифестами о реформе папа пробудил вопросы, «чреватые вихрями, мировыми пожарами, землетрясениями, вопросы, которые все официальные люди желали, и большей частью и наде-

ялись, отложить до дня Страшного суда. Но грозная истина в том, что уже настал день Страшного суда». (Стр. 4.)

Закон правды был провозглашен. Сицилийцы «оказались первым народом, который решил применить на практике это санкционированное святым отцом правило: согласно закону правды мы не принадлежим Неаполю и этим неаполитанским чиновникам. Милостью неба и папы мы желаем освободиться от них». Этим объясняется сицилийская революция.

Французский народ, который считает себя самого «своего рода народом-мессией», «избранным воином свободы», боялся, что жалкие, бедные сицилийцы могут вырвать из его рук эту профессию (trade). Отсюда февральская революция. «Во всей Европе произошел, точно под влиянием симпатического подземного электричества, грандиозный, не поддающийся никакому контролю взрыв, и мы увидели 1848 год, один из самых странных, злополучных, поразительных и в целом унизительных годов, которые когда-либо переживал европейский мир... Повсюду короли и царствующие особы словно оцепенели от внезапного страха, когда в их ушах загремел голос целого мира: Убирайтесь, вы, слабоумные, лицемеры, шуты, а не герои! Долой, долой! И что поразительнее всего и что случилось впервые в этом году, — все короли поторопились уйти, точно они воскликнули: Мы — бедные шуты, да; вам нужны герои? Не убивайте нас, что можем мы сделать? Никто из них не обернулся и не настаивал на своей королевской власти как на праве, за которое он может умереть или рискнуть своей шкурой. Это, повторяю я, есть угнетающая особенность настоящего времени. Демократия теперь убеждается, что все короли понимают, что они попросту комедианты. Они удрали стремительно, — некоторые из них, так сказать, с отменным позором — из страха перед тюрьмой или чем-либо худшим. И народ или чернь повсюду ввела свое собственное правление, и везде теперь в порядке дня открытое бескоролевье (kinglessness), — то, что мы называем анархией, хорошо еще, если анархия плюс городовой. Таковы события, развернувшиеся в мартовские дни 1848 г., от Балтийского моря до Средиземного в Италии, Франции, Пруссии, Австрии, от одного конца Европы до другого. И таким образом в Европе не осталось ни одного короля, за исключением публичного «оратора» (harangueur), ораторствующего на пивной бочке, в передовице или собирающегося вместе с себе подобными в национальном парламенте. И почти в течение четырех месяцев вся Франция, и в известной мере вся Европа, как бы подстегиваемая своего рода горячкой, была какой-то волнующейся, словно море, чернью с господином Ламартином

в Ратуше во главе. Печальное зрелище представлял для мыслящих людей этот бедный господин Ламартин, в котором не было ничего, кроме мелодического ветра и бесконечной слюны. Действительно, прискорбное зрелище: красноречивейшее последнее воплощение реабилитированного «хаоса», способного говорить за себя и уверить при помощи гладких фраз, будто он «космос»! Но в подобных случаях остается только недолго ожидать: под давлением вещей все воздушные шары должны выпустить из себя свой газ, чтобы вскоре превратиться в свернутое тряпье». (Стр. 5—8.)

Кто же раздувал огонь этой всеобщей революции, для которой имелся, разумеется, материал? «Студенты, молодые литераторы, адвокаты, газетчики, пылкие, неопытные энтузиасты и отчаянные, поссорившиеся с правосудием desperados. Никогда еще до сих пор молодые люди, чуть ли не дети, не командовали в такой степени человеческими судьбами. Изменились времена с тех пор, как были впервые сочинены слова senior, seigneur или «старший» для обозначения, как мы это наблюдаем во всех языках, господина или начальника!.. Если вы приглядитесь, то увидите, что стариков перестали уважать и что их стали презирать, что они стали глупыми юнцами, но юнцами без грации, благородства и энергии юного существа. Это дикое состояние вещей вскоре, разумеется, разрешится само собой, как это наблюдается уже повсюду; обычные потребности повседневной жизни не могут уживаться с ним, и они должны будут быть удовлетворены, каких бы жертв это ни стоило. Вероятно, в большинстве стран вскоре будет каким-нибудь образом произведена починка старой машины, которой придадут новую форму и новую окраску; старые театральные короли снова будут допущены на известных условиях — признания конституции и национальных парламентов или тому подобного модного гарнитура, и всюду повседневная жизнь попытается начать все сначала. Но в настоящее время нет надежды, что подобные компромиссы окажутся длительными. Раскачиваемое таким пагубным образом, европейское общество должно будет пошатываясь итти вперед, двигаясь как бы под влиянием бурных водоворотов и сталкивающихся между собой морских течений, не стоя на прочном фундаменте, то беспомощно спотыкаясь, то снова с трудом подымаясь на все более короткие промежутки времени, пока, наконец, не покажется на свет новое скалистое основание и не исчезнет бурно волнующийся поток бунта и необходимости бунта». (Стр. 8 — 10.)

Такова история, которая и в этой форме мало утешительна для старого мира. Затем следует мораль ее: «Что бы ни думать о всеобщей

демократии, она неустранимый факт нашего времени». (Стр. 10.) Что̀ такое демократия? Она должна иметь определенное значение, иначе она бы не существовала. Поэтому все дело сводится к тому, чтобы определить истинное значение демократии. Если это удастся нам, мы сможем справиться с ней; в противном случае мы пропали. Февральская революция была «всеобщим банкротством обмана; таков краткий смысл ее». (Стр. 14.) В новое время царили иллюзии и иллюзорные образы (shams, delusions, phantasms), потерявшие значение названия, вместо реальных отношений и вещей, одним словом, ложь вместо истины. Задача реформы — индивидуальный и социальный разрыв с этими иллюзорными образами и призраками; нельзя отрицать необходимости того, что пора покончить со всякими sham, всяким обманом. «Конечно, иным это может показаться странным; и иному солидному англичанину из так называемых образованных классов, который с удовольствием здорового человека переваривает свой пуддинг, это может показаться чрезвычайно странным, каким-то нелепым невежественным представлением, совершенно чудаческим и пагубным. Он в течение своей жизни сросся с формами приличия, которые давно уже потеряли свое значение, с дозволенными формами поведения, с принявшими характер церемоний празднествами, — с тем, что вы в своем иконоборческом юморе называете shams; он никогда не слышал, что в них имеется что-то нехорошее, что возможен какой-нибудь успех без них. Разве хлопчатая бумага не пряла себя сама, скот разве не откармливался сам и разве колониальные товары и бакалея не прибывали комфортабельно, под ручку с shams, с востока и с запада?» (Стр. 15.)

Совершит ли демократия эту необходимую реформу, это освобождение от shams? «Совершит ли демократия, когда она будет организована при помощи всеобщего избирательного права, этот целительный всеобщий переход от иллюзии к действительности, от лжи к истине, и создаст ли она мало-по-малу благословенный мир?» (Стр. 17.) Карлейль отрицает это. Он вообще видит в демократии и всеобщем избирательном праве только эпидемию, охватившую все народы под заразительным влиянием английского суеверного представления о непогрешимости парламентского режима. Руководство государством на основе всеобщего избирательного права похоже на поведение экипажа того корабля, который заблудился, огибая мыс Горн: вместо того чтобы наблюдать за ветром и погодой и пользоваться секстантами, матросы стали решать при помощи голосования вопрос о выборе пути и объявили непогрешимым решение большинства. Ка́к каждый отдельный индивид, так и все общество должны открыть истинные

регуляторы вселенной, вечные законы природы, в связи с данной в каждый момент задачей, и поступать согласно этому. Мы последуем за тем, кто откроет нам эти вечные законы, «будет ли это русский царь или чартистский парламент, архиепископ кентерберийский или далай-лама». Но как же можем мы открыть эти вечные господние предписания? Во всяком случае, всеобщее избирательное право, дающее в руки каждому бюллетень и апеллирующее к подсчету голосов, является худшим путем к этому. Вселенная очень исключительна, и она всегда открывала свои тайны только немногим избранным, только ничтожному меньшинству благородных и мудрых. Поэтому никогда ни один народ не мог существовать на основе демократии. Может быть, назовут Грецию и Рим? Но каждый знает теперь, что они не были вовсе демократиями, что основой этих государств было рабство. Что же касается различных французских республик, то о них совершенно излишне говорить. А образцовая северо-американская республика? Об американцах до сих пор нельзя даже сказать, что это — народ, государство. Американское население живет без правительства; правят здесь анархия плюс полисмен. Это состояние вещей возможно лишь благодаря колоссальным пространствам невозделанной еще земли и благодаря принесенному из Англии уважению к дубинке полисмена. Вместе с ростом населения прекратится и это. «Создала ли Америка какую-нибудь великую человеческую душу, какую-нибудь великую мысль, какое-нибудь великое благородное дело, которому можно было бы поклоняться или которым можно было бы честно восхищаться?» (Стр. 25.) Она только удваивала каждые двадцать лет свое население — voilà tout.

Таким образом, и по сю, и по ту сторону Атлантического океана демократия оказывается навсегда невозможной. Сама вселенная есть монархия и иерархия. Царство божие не может быть уделом народа, у которого вечный, божественный долг руководства и контроля над невежественными не предоставлен благороднейшему и избранной его свите из благородных, — такой народ не соответствует вечным законам природы.

Теперь мы узнаем также секрет, происхождение и необходимость современной демократии. Он заключается просто в том, что лже-благородный (sham-noble) возвышается и освящается благодаря традиции или вновь сочиненным иллюзиям.

Но кто же должен открыть настоящий бриллиант со всей его оправой более мелких человеческих драгоценностей и жемчужин? Разумеется, не всеобщее избирательное право, ибо только благородный может отыскать благородного. И вот Карлейль заявляет,

что в Англии имеется еще масса таких благородных и «королей», и на стр. 38 приглашает их явиться к нему.

Мы видим, что «благородный» Карлейль исходит из совершенно пантеистической концепции. Весь исторический процесс обусловливается не развитием самих живых масс, которые, разумеется, зависят от определенных, но тоже, в свою очередь, исторически порожденных и изменяющихся предпосылок; он обусловливается вечным, навсегда неизменным законом природы, от которого он сегодня удаляется, к которому завтра приближается и от правильного познания которого все зависит. Это правильное познание вечного закона природы есть вечная истина, все остальное — ложь. При такой концепции все реальные классовые противоречия, столь различные в различные эпохи, сводятся к одному великому и вечному противоречию между теми, которые познали вечный закон природы и поступают согласно ему, — мудрыми и благородными, и теми, которые его ложно понимают, искажают и поступают вопреки ему, — глупцами и мошенниками. Порожденные исторически классовые различия сводятся, таким образом, к естественным различиям, которые приходится признать за часть вечного закона природы и которые должно почитать, склонившись перед благородными и мудрыми: вот и культ гения. Понимание исторического процесса развития упрощается, таким образом, до плоской банальной мудрости иллюминатов и франкмасонов прошлого столетия, до простой морали из «Волшебной флейты» и до бесконечно опошленного и выродившегося сенсимонизма. Вместе с этим подымается, разумеется, и старый вопрос: кто же, собственно, должен управлять? Вопрос этот обсуждается многословнейшим образом, с надутой поверхностностью, и, в конце концов, мы получаем на него тот ответ, что управлять должны благородные, мудрые и знающие. А отсюда без всякого труда получается тот вывод, что следует управлять много, очень много, что никогда нельзя управлять слишком много, так как ведь управление есть постоянное раскрытие и выявление перед массой значения закона природы. Но как же открыть благородных и мудрых? Обратиться для этого к сверхъестественному чуду нельзя; их надо искать. И здесь снова выступают на сцену исторические классовые различия, превращенные в чисто естественные различия. Благородный благороден, потому что он мудр, всезнающ. Его, следовательно, надо искать среди классов, которые пользуются монополией образования, — среди привилегированных классов; и эти же самые классы найдут его в своей среде и будут выносить решение по поводу его притязаний на ранг благородного и мудрого. Благодаря этому

привилегированные классы становятся сейчас же, если не прямо благородным и мудрым, то «членораздельным» классом; угнетенные классы остаются, разумеется, «немыми, нечленораздельными», и таким образом наново санкционируется классовое господство. Все возвышенное, шумное негодование превращается в несколько завуалированное признание существующего классового господства, которое только недовольно бурчит и ворчит по поводу того, что буржуа не дают своим непризнанным гениям места во главе общества и из очень практических соображений игнорируют фантазерскую болтовню этих господ. Как, впрочем, и здесь высокопарная сантиментальность превращается в свою прямую противоположность, как на практике благородный, знающий и мудрый становится пошлым, невежественным и глупым — ярче всего доказывает сам Карлейль.

Так как у него все вертится вокруг вопроса о сильном правительстве, то он ополчается с необычайным негодованием против криков об освобождении и эмансипации: «Дайте нам всем быть свободными друг от друга, — свободными, без каких бы то ни были связей или уз, за исключением чистогана; надлежащая плата за надлежащую работу, установленная путем добровольного договора и согласно закону спроса и предложения, — это, как воображают, есть истинное разрешение всех трудностей и несправедливостей, имеющих место между людьми. Разве для исправления взаимоотношений между двумя лицами нет вовсе иного метода, кроме окончательного устранения их?» (Стр. 29.)

Это окончательное уничтожение всех связей, всех отношений между людьми достигает, разумеется, своего кульминационного пункта в анархии, в законе беззаконности, в состоянии, в котором окончательно разорвана связь связей, — правительство. И к этому состоянию стремятся как в Англии, так и на материке, на последнем — даже в «солидной Германии».

Так Карлейль продолжает бушевать на протяжении целого ряда страниц, смешивая самым странным образом в одну кучу красную республику, fraternité, Луи Блана и т. д. с free trade, отменой хлебных пошлин и проч. (Ср. стр. 29 — 42.) Таким образом, Карлейль смешивает и отождествляет уничтожение традиционно сохранившихся остатков феодализма, сведение государства к минимально необходимому и максимально дешевому, полное осуществление буржуазией свободной конкуренции с устранением именно этих буржуазных отношений, с уничтожением противоречия между капиталом и наемным трудом, с победой пролетариата над буржуазией. Замечательное возвращение к «ночи абсолюта», в которой все кошки серы!

Вот оно, это глубокое знание «знающего», который не знает даже азбуки того, что̀ происходит вокруг него! Вот она, эта удивительная проницательность, которая рассчитывает с уничтожением феодализма или свободной конкуренции уничтожить все отношения между людьми! Вот оно, основательное понимание «вечного закона природы», самым серьезным образом воображающее, что если родители перестанут ходить в мерию, чтобы «соединяться» между собою узами брака, то не будет больше и детей!

После этого назидательного примера мудрости, сводящейся к чистому невежеству, Карлейль представляет нам еще доказательство того, как парящее высоко благородство превращается немедленно в неприкрытую низость, лишь только оно спускается с небес своих сентенций и фраз в мир реальных отношений.

«Во всех европейских странах, в особенности в Англии, уже образовался до известной степени класс командиров и капитанов над людьми, который можно признать зачатком новой реальной, а не воображаемой аристократии; это — капитаны индустрии, по счастью, тот класс, который особенно нужен в наше время. А с другой стороны, нет недостатка в людях, которые нуждаются в том, чтобы ими командовали; это — тот жалкий класс людей, который мы описали как эмансипированных кляч и который в качестве батраков доведен до бродяжничества и до существования впроголодь; класс этот тоже образовался во всех странах и продолжает развиваться с ужасающей быстротой, в зловещей геометрической прогрессии. Исходя из этого, можно утверждать безошибочно, что организация труда является всеобщей жизненной задачей времени». (Стр. 42 — 43.)

После того как Карлейль на первых сорока страницах неоднократно в самых бурных выражениях изливал весь свой добродетельный гнев против эгоизма, свободной конкуренции, уничтожения феодальных уз между людьми, спроса и предложения, laisser faire, прядения хлопчатой бумаги, чистогана и т. д., мы видим вдруг, что главные представители всех этих shams, промышленные буржуа, оказываются не только принадлежащими к кругу чествуемых героев и гениев, но составляют даже особенно необходимую часть этих героев, что за всеми его нападками на буржуазные отношения и идеи скрывается апофеоз буржуа как личностей. Странным кажется, однако, что Карлейль, найдя командиров и солдат армии труда, т. е. найдя некоторую определенную организацию труда, все еще считает эту организацию трудной, требующей своего разрешения проблемой. Но не следует обманываться на этот счет! Дело идет не об организации зачисленных уже в кадры, а об организации

незачисленных еще рабочих, рабочих, не имеющих вождей, и задачу этой организации Карлейль оставляет за собой. В конце своей брошюры он внезапно выступает в роли британского премьер-министра in partibus, созывает три миллиона ирландских и иных нищих, способных к работе оседлых или кочующих голяков, устраивает общее национальное собрание британских пауперов, обретающихся вне рабочих домов и внутри их, и произносит перед ними «ораторскую» речь, в которой он сначала повторяет этим голякам все, что̀ он сообщил уже раньше читателю, а затем обращается к этому избранному обществу со следующими словами:

«Вы, бродяжничающие голяки и бездельники, некоторые из вас глупы, многие — преступники, несчастные — все! Ваш вид переполняет меня изумлением и отчаянием. Вот вас здесь три миллиона. Некоторые из вас упали в пропасть прямого нищенства, и, страшно сказать, каждый падающий в нее своим весом увеличивает тяжесть цепи, которая тянет других. У края этой пропасти толпятся несчетные миллионы, умножающиеся, как мне сказали, ежедневно на 12.000 человек, и они падают, падают один за другим, а цепь становится все тяжелее, — и кто под конец сумеет устоять на ногах? Как же быть с вами?.. Другие, которые еще на ногах, борются с своей собственной нуждой, — это я могу вам сказать; но вы, вы отсутствием у себя энергии и избытком аппетита, ничтожеством сделанной работы и непомерно выпитым пивом доказали, что неспособны на это. Знайте, что кем бы ни были сыны свободы, вы во всяком случае не относитесь к ним и не можете ими быть; вы — не свободные, а буквально узники... У вас природа рабов или, если это вам больше нравится, природа кочующих бродячих слуг, не умеющих найти себе хозяина... Вы можете отныне вступить со мной в сношения, но не как славные сыны свободы, а как узники, как несчастные падшие братья, которые требуют, чтобы я командовал ими, а, если необходимо, и контролировал и подчинил их себе... Перед небом и землей и богом, творцом всех нас, я заявляю, что горестно видеть, как ваше существование поддерживается по̀том и кровью сердца ваших братьев, и что если этого нельзя изменить, то лучше смерть, чем такая жизнь... Запишитесь в мои ирландские, в мои шотландские, в мои английские полки новой эры, вы, бедные, бродячие бандиты, повинуйтесь, трудитесь, терпите, поститесь, как все мы должны были это делать... Вам нужны промышленные начальники, надсмотрщики, заведующие, господа над вашей жизнью и смертью, справедливые, как Радамант, и столь же непреклонные, как он, и они найдутся для вас, лишь только вы окажетесь в цепях военного

устава... Я скажу тогда каждому из вас: вот работа для вас; примитесь бодро за нее с солдатским мужественным послушанием и твердостью духа и подчинитесь методам, которые я диктую здесь, — получить плату будет легко... Если вы начнете упираться, если вы испугаетесь тяжелого труда, если вы не станете слушать я правил, то я попытаюсь уговорить вас, убедить вас; если это окажется тщетным, то я стану стегать вас плетью; если и это не поможет, то, под конец, я застрелю вас». (Стр. 46 — 55.)

Таким образом, новая эра, в которой господствует гений, отличается от старой эры, главным образом, тем, что плеть начинает воображать, будто она гениальна. Гений Карлейля отличается от любого тюремного Цербера или надсмотрщика над бедными лишь добродетельным негодованием и моральным сознанием, что он обдирает пауперов только для того, чтобы поднять их до своей высоты. Мы видим здесь, как высокопарный гений, в своем искупляющем мир гневе, фантастическим образом оправдывает и преувеличивает еще все гнусности буржуа. Если английская буржуазия уподобила пауперов преступникам, чтобы оттолкнуть от пауперизма, если она создала закон о бедных 1833 г., то Карлейль обвиняет пауперов в государственной измене на том основании, что пауперизм порождает пауперизм. Подобно тому как раньше у него исторически возникший правящий класс, промышленная буржуазия, был причастен гениальности в силу одного того, что правил, так теперь у него всякий угнетенный класс, чем сильнее его угнетение, тем более лишен гениальности, тем более становится жертвой ярости нашего непризнанного реформатора. Здесь это выпадает на долю пауперов. Но его нравственно-благородный гнев достигает своей вершины тогда, когда речь идет об абсолютно низких и негодных людях, о «мерзавцах», т. е. о преступниках. О них он говорит в брошюре об образцовых тюрьмах.

Эта брошюра отличается от первой еще более свирепой яростью, а это тем легче, что она направляется против официально изгнанных из теперешнего общества лиц, против находящихся под замком людей, яростью, сбросившей последние остатки стыда, который показывает еще для вида, из приличия, обыкновенный буржуа. Подобно тому как Карлейль устанавливает в первом памфлете полную иерархию благородных и разыскивает благороднейшего из благородных, так здесь он создает столь же полную иерархию мерзавцев и негодяев и старается раздобыть худшего из худших, величайшего мерзавца Англии, чтобы иметь удовольствие повесить его. Но допустим, что он его поймает и повесит; в таком случае какой-то другой

человек, являющийся теперь наихудшим, должен быть опять-таки повешен, а за ним снова другой, пока, в порядке очереди, дело дойдет до благородных, а затем до более благородных, а под конец останется только Карлейль, самый благородный, который, в качестве преследователя мерзавцев, оказывается в то же время убийцей благородных и который убил также в мерзавцах благородное; останется этот благороднейший из благородных, который внезапно превратится в самого низкого из мерзавцев и в качестве такового должен будет повесить самого себя. Только тогда были бы разрешены все вопросы о правительстве, государстве, организации труда, иерархии благородных, и был бы, наконец, осуществлен вечный закон природы.

А. ШЕНЮ: «ЗАГОВОРЩИКИ, ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА И ДР.» [1] Л. ДЕ-ЛА-ОДД: «РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В ФЕВРАЛЕ 1848 г.»[2]

Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — до революции ли, в тайных обществах или печати, после нее ли, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости. Все существующие описания никогда не рисуют этих лиц в их реальном виде, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения.

В отличие от этого оба рассматриваемых произведения убирают котурны и ореол, в которых обычно являлись до сих пор «великие мужи» февральской революции; они забираются в частную жизнь этих господ, показывая их нам в неглиже, со всеми окружавшими их подручными самого различного рода. Но, тем не менее, они крайне далеки от действительно правдивого изображения лиц и событий. Из авторов их один — известный многолетний шпион Луи-Филиппа, другой — старый профессиональный заговорщик, отношения которого к полиции тоже очень подозрительны и наблюдательность которого характеризуется уже одним тем, что он, по его словам, видел между Рейнфельденом и Базелем «ту великолепную цепь Альп, серебряные вершины которой [illegible]епляют глаз», а между Келем и Карлсруэ «рейнские Альпы, д[illegible]ские вершины которых терялись на горизонте». От подобных людей, — особенно, если они пишут в целях личного оправдания, — можно ожидать, разумеется, только более или менее карикатурной chronique scandaleuse февральской революции.

---

[1] *A. Chenu*, ex-capitaine des gardes du citoyen Caussidière. Les conspirateurs; les sociétés secrètes; la préfecture de police sous Caussidière; les corps-francs. Paris 1850.

[2] *Lucien de la Hodde*, La naissance de la République en Février 1848. Paris 1850.

Господин де-ла-Одд старается в своей брошюре изобразить себя шпионом куперовского романа. Он утверждает, что в течение восьми лет парализовал тайные общества и этим приобрел заслуги пред обществом. Но от куперовского шпиона далеко до господина де-ла-Одда, очень далеко. Господин де-ла-Одд, сотрудник «Charivari», член центрального комитета «Société des nouvelles saisons» с 1839 г., соредактор «Réforme» со времени ее основания и в то же время платный шпион префекта полиции Делессера, никем более не скомпрометирован, как Шеню. Его брошюра прямо провоцирована разоблачениями Шеню, но остерегается сказать что-нибудь о том, что говорит Шеню о самом де-ла-Одде. Таким образом, по крайней мере эта часть мемуаров Шеню совершенно подлинна.

«В одном из моих ночных путешествий, — рассказывает Шеню, — я заметил де-ла-Одда, бродившего взад и вперед по Quai Voltaire. Дождь лил как из ведра, и это обстоятельство заставило меня задуматься. Не черпает ли иным часом этот милейший де-ла-Одд также из кассы тайных фондов? Но я вспомнил его песни, его прекрасные строфы об Ирландии и Польше и в особенности его резкие статьи, которые он писал для газеты «La Réforme» (в то время, когда господин де-ла-Одд старается выставить себя умиротворителем «Réforme»). «Добрый вечер, де-ла-Одд, что ты, чорт возьми, делаешь здесь в такой час и в такую ужасную погоду?» — Я жду здесь одного бездельника, который должен мне деньги, и так как он каждый вечер проходит здесь в этот час, то он мне уплатит, или... — и он сильно ударил палкой по мостовой Quai».

Де-ла-Одд старается избавиться от него и направляется к Pont du Caroussel. Шеню уходит в противоположную сторону, но только для того, чтобы спрятаться под арками Института. Де-ла-Одд вскоре возвращается, осторожно осматривается по сторонам и продолжает прогуливаться взад и вперед.

«Спустя четверть часа я заметил карету с двумя маленькими зелеными фонарями, которую описывал мне мой экс-агент» (прежний шпион, который в тюрьме сообщил Шеню массу полицейских секретов и признаков). «Она остановилась на углу Rue des vieux Augustins. Из нее вышел человек; де-ла-Одд прямо подошел к нему, они поговорили с минуту, и я видел, как де-ла-Одд делает движение человека, который прячет деньги в карман. После этого случая я делал все, что было в моих силах, чтобы устранить де-ла-Одда из наших собраний, и прежде всего помешать Альберу попасть в ловушку, потому что он был краеугольным камнем нашего здания. Через несколько дней после этого «Réforme» не приняла статьи

господина де-ла-Одда. Это задело его литературное тщеславие. Я посоветовал ему отомстить основанием другой газеты. Он последовал этому совету и опубликовал даже вместе с Пилем (Pilhes) и Дюпоти проспект газеты «Le Peuple», и в течение этого времени мы почти совершенно избавились от него». (*Шеню*, стр. 46 — 48.)

Мы видели, что куперовский шпион превращается в политически продажного человека самого низкого сорта, который поджидает на улице первого встречного officier de paix [1] для получения своего cadeau (вознаграждения). Затем мы видим: во главе тайных обществ стоял не де-ла-Одд, как он хотел бы заставить думать, а Альбер. Это вообще следует из всего описания Шеню. Шпион «в интересах порядка» здесь вдруг превращается в оскорбленного писателя, который злится, что в «Réforme» не принимаются без дальнейших объяснений статьи сотрудника «Charivari», прекращает сношения с «Réforme», действительным партийным органом, при котором он мог оказывать полезные услуги полиции, чтобы основать новую газету, в которой он мог только удовлетворить своему литературному тщеславию. Подобно тому как проститутки стараются оправдать себя в своем грязном деле подобием известного чувства, так шпион старался оправдать себя своими литературными претензиями. Ненависть к «Réforme», которой проникнут весь его памфлет, разрешается самой банальной писательской злобой. Наконец, мы видим, что де-ла-Одд в самое важное время существования тайных обществ, перед самой февральской революцией, все более и более вытесняется из них; а этим объясняется, почему они, по его описанию, в противоположность Шеню, все больше приходят в упадок.

Мы теперь подходим к той сцене, в которой Шеню описывает разоблачение предательств де-ла-Одда после февральской революции. Партия «Réforme» собралась у Альбера в Люксембурге по приглашению Коссидьера. Явились Монье, Фобрие, Гранмениль, де-ла-Одд, Шеню и др. Коссидьер открыл собрание и сказал:

«Между нами есть предатель. Мы должны устроить тайный трибунал, чтобы судить его». Гранмениль, как самый старший из присутствующих, был избран председателем, а Тифен секретарем. «Граждане,—продолжал Коссидьер в качестве общественного обвинителя, — мы долго обвиняли честных патриотов. Мы были далеки от представления о том, какая змея проникла в нашу среду. Сегодня я открыл действительного предателя: это Люсьен де-ла-Одд»!

[Officiers de paix — название, которое Национальное собрание дало 24 чиновникам муниципального суда, созданного в 1791 году. Они исполняли приблизительно обязанности судебных приставов при мировых судьях.]

Последний, который до тех пор спокойно сидел, вскочил при этом прямом обвинении. Он сделал движение по направлению к двери. Коссидьер быстро закрыл ее, вытащил пистолет и крикнул: «Если ты двинешься с места, я разможжу тебе голову!» Де-ла-Одд горячо доказывал свою невинность. «Хорошо, — сказал Коссидьер. — Вот коллекция документов, которая содержит тысячу восемьсот донесений префекту полиции», и он роздал нам специально касающиеся каждого из нас донесения. Де-ла-Одд упорно отрицал, что эти донесения, подписанные Пьером, шли от него, пока Коссидьер не прочел напечатанного в его мемуарах письма, в котором де-ла-Одд предлагал свои услуги префекту полиции, письма, подписанного его настоящей фамилией. С этого момента несчастный больше не отрицал. Он старался оправдать себя нищетой, которая внушила ему роковую мысль броситься в объятия полиции. Коссидьер передал ему пистолет, последнее средство спасения, которое оставалось у него. Де-ла-Одд стал умолять своих судей, он взывал к их великодушию, но они были непреклонны. Бокэ, один из присутствующих, потеряв терпение, схватил пистолет и три раза подавал его де-ла-Одду со словами: «Послушай, разможжи себе сам голову, трус, трус, или я сам тебя застрелю!» Но Альбер вырвал у него из рук пистолет. «Опомнись, выстрел здесь, в Люксембурге, взбудоражит всех!» — Верно, — заметил Бокэ.— Нам надо достать яд. «Яд? — говорит Коссидьер, — я принес с собой яды всяких сортов». Он взял стакан, налил в него воды, положил туда сахару, затем всыпал туда белый порошок и предложил де-ла-Одду, который отстранился в ужасе. «Итак, вы хотите меня убить?» — Ну да, — сказал Бокэ, — выпей. — Страшно было смотреть на де-ла-Одда. Он был страшно бледен, его вьющиеся и хорошо завитые волосы стали у него дыбом. Лицо его было покрыто потом. Он умолял, он плакал. «Я не хочу умирать!» Но Бокэ неумолимо все еще держал пред ним стакан. «Послушай, выпей, — сказал Коссидьер, — ты и оглянуться не успеешь, как тебя уже не будет». — Нет, нет, я не выпью! — И в замешательстве он прибавил с зловещим жестом: «О, я отомщу за все эти пытки!»

Когда убедились, что всякий призыв к чести бесполезен, то де-ла-Одд по ходатайству Альбера был помилован и препровожден в тюрьму Консьержери. (*Шеню*, стр. 134—136.)

Мнимый куперовский шпион становится все более несчастным. Он заслуживает полного презрения, одной только своей трусостью оказывая сопротивление своим противникам. Мы упрекаем его не в том, что он не застрелился сам, а в том, что он не застре-

лил первого попавшегося из своих противников. Позже он старается спасти себя брошюрой, в которой старается изобразить всю революцию как простой обман. Правильное название этой брошюры: «*Разочарованный полицейский*». Она указывает, что истинная революция является прямой противоположностью представлениям шпиона, который, в согласии с «людьми дела», в каждой революции видит дело маленькой котерии. В то время как все движения, более или менее произвольно провоцированные котериями, остались простыми мятежами, из самого изложения де-ла-Одда следует, что, с одной стороны, *официальные республиканцы* в начале февральских дней считали еще победу республики безнадежной, а с другой стороны, что *буржуазия* должна была помочь завоеванию республики, не желая ее; что, таким образом, февральская республика необходимо была создана обстоятельствами, которые выгнали на улицу массы находящегося вне котерий пролетариата и оставили дома большинство буржуазии или привлекли их к общим действиям с пролетариатом. То, что, впрочем, сообщает де-ла-Одд, чрезвычайно скудно и сводится к самой банальной сплетне. Одна только сцена интересна — собрание официальных демократов в помещении «Réforme» 21 февраля вечером, на котором главари решительно высказались против насильственного нападения. Содержание их речей в общем доказывает, что в этот день у них было еще правильное понимание обстоятельств. Смешон только высокопарный тон и позднейшие претензии этих людей, будто они с самого начала сознательно и намеренно вызвали революцию. Самое худшее, что может о них сказать де-ла-Одд, это то, что они так долго терпели его в своей среде.

Но переходим к Шеню. Кто такой господин Шеню? Он старый конспиратор, участвовавший во всех восстаниях, начиная с 1832 г., и хорошо известный полиции. Привлеченный к воинской повинности, он тотчас же дезертировал и остался жить в Париже, не будучи узнанным, несмотря на свое прежнее участие в заговорах и в восстании 1839 г. В 1844 г. он присоединяется к своему полку, и, странным образом, несмотря на его хорошо известные прежние поступки, он дивизионным генералом освобождается от военного суда. Более того, он не должен отслужить своего срока в полку, а может вернуться в Париж. В 1847 г. он был замешан в заговоре о бомбах; он ускользнул от ареста, но, тем не менее, остается в Париже, хотя он заочно осужден на четыре года. Только обвиненный своими созаговорщиками в связи с полицией, он отправляется в Голландию, откуда возвращается 21 февраля 1848 г. После февральской революции он становится капитаном в гвардии Коссидьера. Коссидьер вскоре начинает

подозревать его в сношениях со специальной полицией (подозрение весьма вероятное) Марраста и удаляет его без большого сопротивления в Бельгию, а затем в Германию. Господин Шеню совершенно добровольно записывается сперва в бельгийский корпус волонтеров, затем в немецкий и польский. И все это в такое время, когда власть Коссиьдера уже начала колебаться. И Шеню утверждает, что совершенно подчинил его себе, что принудил его (Коссидьера) угрожающим письмом немедленно освободить его, когда он был случайно арестован. Вот то, что мы можем сказать о характере нашего автора и о заслуживаемом им доверии.

Румяна и пачули, которыми проститутки стараются прикрыть менее привлекательные физические стороны своего тела, находят свой литературный pendant в остроумии, которым де-ла-Одд приправляет свой памфлет. Наоборот, книга Шеню, по наивности и живости изложения, напоминает часто в литературном отношении Жиль-Блаза. Подобно тому как Жиль-Блаз в самых разнообразных своих приключениях остается всегда слугой и рассматривает все с точки зрения слуги, так Шеню, начиная от мятежа 1832 г. и кончая своим уходом из префектуры, остается все тем же второразрядным конспиратором, специальную ограниченность которого, впрочем, очень легко отличить от плоских размышлений приставленного к нему из Елисейского дворца литературного «мастера». Ясно, что и у Шеню не может быть речи о понимании революционного движения. Поэтому в его сочинении интересны лишь те главы, где он более или менее беспристрастно описывает то, что видел сам: заговорщиков и героя Коссидьера.

Известна склонность романских народов к заговорам и роль, которую играли заговоры в современной испанской, итальянской и французской истории. После поражений испанских и итальянских заговорщиков в начале 20-х гг., Лион и в особенности Париж стали центром революционных группировок. Известно, что до 1830 г. во главе заговоров против реставрационной монархии стояли либеральные буржуа. После июльской революции их заменила республиканская буржуазия; пролетариат, обученный уже при реставрации конспиративному делу, начал выступать на передний план по мере того, как республиканские буржуа, устрашенные безуспешностью уличных боев, стали отказываться от заговоров. «Общество времен года» (Société des saisons), с которым Барбес и Бланки устроили восстание 1839 г., было уже по своему составу исключительно пролетарским; такими же были образовавшиеся после поражения его nouvelles saisons, во главе которых стал Альбер и в которых прини-

мали участие Шеню, де-ла-Одд, Коссидьер и т. д. Заговорщики через посредство своих вожаков всегда находились в тесной связи с мелкобуржуазными элементами, представленными в «Réforme», но постоянно держались очень независимо. Разумеется, в эти заговоры никогда не входила значительная часть парижского пролетариата. Они ограничивались сравнительно небольшим, вечно колебавшимся числом членов, которые состояли отчасти из старых, постоянных заговорщиков, регулярно передававшихся каждым тайным обществом своему преемнику, а отчасти из вновь навербованных рабочих.

Из этих старых заговорщиков Шеню рисует почти исключительно тот класс, к которому он сам принадлежал, — *профессиональных заговорщиков*. Вместе с развитием пролетарских заговоров явилась потребность в разделении труда. Заговорщики разделялись на случайных заговорщиков, conspirateurs d'occasion, — т. е. рабочих, которые занимались заговорами лишь как побочным на-ряду со своими другими занятиями делом, которые только посещали сходки и всегда были готовы по приказу вожаков являться на сборный пункт, — и на профессиональных конспираторов, которые посвящали все свои силы заговору и жили этим. Они составляли промежуточный слой между рабочими и вожаками и часто даже проникали в среду последних.

Жизненное положение этого класса предопределяет весь его характер. Участие в пролетарском заговоре, разумеется, обеспечивает весьма плохо существование его членов. Поэтому они постепенно вынуждены обращаться к кассе организации. Иные из этих заговорщиков приходят в прямое столкновение с буржуазным строем, фигурируя с бóльшим или меньшим приличием перед судом исправительной полиции. Их неопределенное существование, зависящее иногда более от случая, чем от их деятельности, их беспорядочный образ жизни, основными этапами которого являются только кабачки, эти дома свидания заговорщиков, их неизбежные знакомства со всякого рода подозрительными людьми отводят им место в том кругу, который в Париже называют богемой. Эта демократическая богема пролетарского происхождения, — существует и демократическая богема буржуазного происхождения: разные демократические шалопаи и piliers d'estaminet (завсегдатаи кабачка), — либо рабочие, бросившие свою работу и поэтому разложившиеся, либо субъекты, происходящие из люмпенпролетариата и перенесшие в свое новое существование все признаки разложения этого класса. При таких обстоятельствах ясно, что почти в любом процессе о

заговоре запутано несколько repris de justice (уголовных типов).

Вся жизнь этих профессиональных заговорщиков носит резко выраженный характер богемы. Унтер-офицеры — вербовщики заговора, они переходят от одного кабатчика к другому, щупают пульс рабочих, разыскивают необходимых им людей, улещиваниями втягивают их в разговор, возлагая расходы за неизбежную при этом выпивку либо на общественную кассу, либо на нового приятеля. Кабатчик вообще их пристанодержатель. Заговорщик обыкновенно живет у него; здесь у него происходят свидания с товарищами, с членами его секции, завербовываемыми элементами; здесь, наконец, происходят тайные сходки секций и групп. В этой постоянной кабацкой атмосфере заговорщик, который и без того, как все парижские пролетарии, очень веселого характера, превращается вскоре в окончательного кутилу. Мрачный заговорщик, обнаруживающий в тайных заседаниях спартанскую строгость нравов, смягчается вдруг и превращается в знакомого со всеми завсегдатая, который понимает толк в вине и в женщинах. Это кабацкое веселье усиливается еще постоянными опасностями, которым подвергается заговорщик; его могут каждую минуту призвать на баррикады, где ему предстоит, может быть, гибель; на каждом шагу полиция ставит ему западни, грозящие ему тюрьмой или даже каторгой. Подобные опасности составляют, правда, прелесть ремесла; чем меньше обеспечена жизнь, тем более торопится заговорщик взять все от нее. В то же время привычка к опасности делает его в высшей степени равнодушным к жизни и свободе. В тюрьме он чувствует себя так же дома, как у кабатчика. Каждый день он ожидает приказа к выступлению. Отчаянная смелость, характеризующая все парижские восстания, вносится в них именно этими старыми профессиональными заговорщиками, hommes de coup de main. Они строят первые баррикады и командуют ими, они организуют сопротивление, разграбление оружейных лавок, реквизицию оружия и снаряжения в частных домах и устраивают во время восстания те безумно-дерзкие выступления, которые так часто приводят в замешательство правительственную партию. Одним словом, они — офицеры восстания.

Само собою разумеется, что эти заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы предупреждать процесс революционного развития, чтобы искусственно гнать его к кризису, чтобы делать революцию с кондачка, без всяких предпосылок революции. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и

целиком разделяют все заблуждения, всю ограниченность, все навязчивые представления прежних алхимиков. Они накидываются на открытия, которые должны творить революционные чудеса: на зажигательные бомбы, на разрушительные машины магического действия, они устраивают бунты, которые должны действовать тем чудотворнее и поразительнее, чем менее рационально они обоснованы. Занятые сочинением подобных проектов, они преследуют только одну цель — низвержение существующего правительства, и презирают глубочайшим образом более теоретическое просвещение рабочих и разъяснение им их классовых интересов. Этим объясняется их не пролетарская, а чисто плебейская зависть к habits noirs, более или менее образованным людям, которые представляют эту сторону движения, но от которых они никогда не могут стать совершенно независимыми, как от официальных представителей партии. Время от времени habits noirs должны служить им также денежным источником. Впрочем ясно, что заговорщики должны волей-неволей следовать за развитием революционной партии.

Главной характерной чертой в жизни заговорщиков является их борьба с полицией, к которой они имеют такое же отношение, как воры и проститутки. Полиция терпит заговоры, и не просто только как необходимое зло. Она терпит их как легко поддающиеся надзору центры, в которых сосредоточены самые энергичные революционные элементы общества, как лаборатории восстания, ставшего во Франции столь же необходимым средством управления, как и сама полиция, наконец, как место вербовки своих собственных политических шпионов. Подобно тому как самые полезные уголовные сыщики, Видоки и компания, набираются из класса высших и низших мошенников, воров, жуликов и лже-банкротов и часто снова возвращаются к своей старой профессии, так низшая политическая полиция рекрутируется из профессиональных заговорщиков Заговорщики находятся в постоянном контакте с полицией, они ежеминутно приходят в столкновение с нею; они охотятся за шпионами, подобно тому как шпионы охотятся за ними. Шпионство—одно из главных их занятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что профессиональные заговорщики так часто переходят в разряд оплачиваемых полицейских шпионов, чему способствуют также нищета и тюремное заключение, угрозы и посулы. Этим объясняется безграничная подозрительность, царящая в заговорах, делающая совершенно слепыми их участников и заставляющая их видеть в своих лучших людях шпионов, а в действительных шпионах своих самых надежных людей. Ясно, что эти рекрутирующиеся из заговорщиков шпионы по большей части

связываются с полицией в надежде надуть ее, что им некоторое время удается играть двойственную роль, пока они не становятся более или менее жертвой своего первого шага, и что они действительно часто надувают полицию. Попадет ли подобный заговорщик в расставленную ему полицией западню или нет, это зависит от чисто случайных обстоятельств и от более количественного, чем качественного различия в твердости характера.

Таковы заговорщики, которых Шеню изображает нам часто очень ярко и характер которых он рисует то охотно, то нехотя. Впрочем, сам он, — вплоть до своих не вполне ясных отношений с полицией Делессера и Марраста, — самый яркий образчик профессионального заговорщика.

По мере того как парижский пролетариат стал сам выдвигаться вперед в качестве партии, эти заговорщики начали терять руководящее влияние и распыляться, встретив опасную конкуренцию в тайных пролетарских обществах, поставивших себе целью не непосредственное восстание, а организацию и развитие пролетариата. Уже восстание 1839 г. носило определенно пролетарский и коммунистический характер. Но после него начались расколы, на которые так жалуются старые заговорщики, — расколы, возникшие из потребности рабочих уяснить себе свои классовые интересы и нашедшие себе выражение отчасти в старых, заговорщических, отчасти в новых, пропагандистских, организациях. Коммунистическая агитация, так энергично начатая Кабэ вскоре после 1839 г., спорные вопросы, возникшие внутри коммунистической партии, очень скоро переросли уровень понимания заговорщиков. И Шеню и де-ла-Одд признают, что к началу февральской революции коммунисты представляли сильнейшую фракцию революционного пролетариата, далеко превосходившую своим значением другие фракции. Заговорщики, чтобы не потерять своего влияния на рабочих, а вместе с тем и своего значения по отношению к habits noirs, должны были последовать за этим движением и усвоить коммунистические или социалистические идеи. Так, уже до февральской революции возник антагонизм между рабочими заговорщическими группами, представленными в лице Альбера, и сторонниками «Réforme», — антагонизм, который вскоре после этого обнаружился и во временном правительстве. Впрочем, мы не думаем смешивать Альбера с этими заговорщиками. Из обоих разбираемых нами произведений видно, что Альбер сумел занять лично независимое положение по отношению к этим своим орудиям и ни в коем случае не относится к тем людям, для которых конспирирование было профессиональным, хлебным делом.

История с бомбами в 1847 г., в которой прямое участие полиции обнаружилось откровеннее, чем во всех прежних историях, разбила, наконец, ряды самых упорных и нелепых старых заговорщиков, и в результате ее все их прежние секции влились в прямое пролетарское движение.

После февральской революции этих профессиональных заговорщиков, самых неистовых членов заговорщических секций и détenus politiques пролетарского происхождения, являющихся по большей части тоже старыми заговорщиками, мы встречаем, в качестве монтаньяров, в префектуре полиции. Но заговорщики образуют ядро всей этой компании. Нетрудно понять, что эти люди, собранные здесь вместе и вооруженные, находившиеся по большей части на короткой ноге со своими префектами и офицерами, должны были представлять довольно буйный корпус. Подобно тому как Гора Национального собрания являлась пародией на старую Гору и своим бессилием доказывала самым убедительным образом, что в настоящее время уже недостаточно старых революционных традиций 1793 г., так и монтаньяры префектуры полиции, этот сколок старых санкюлотов, доказывает, что в современной революции недостаточно уже и этой части пролетариата и что только весь пролетариат в целом может провести революцию.

Шеню изображает в весьма ярких красках санкюлотский образ жизни этой почтенной компании в префектуре. Эти юмористические сцены, — в которых, очевидно, участвовал деятельным образом и сам господин Шеню, — носят по временам довольно сумасбродный характер. Но они отлично объясняются характером старых заговорщиков с их прожиганием жизни и представляют собой необходимое и даже здоровое дополнение к оргиям буржуазии в последние годы царствования Луи-Филиппа.

Мы приводим только один пример из рассказа о их водворении в префектуре.

«Когда стало светло, я заметил, как постепенно прибывали начальники отрядов со своими людьми, но по большей части невооруженные. Я обратил на это внимание Коссидьера. «Я доставлю им оружие, — сказал он, — найди подходящее место, чтобы разместить их в префектуре». Я немедленно исполнил это поручение и послал их занять пост старых муниципальных гвардейцев, где со мной когда-то так недостойно обошлись. Вскоре я увидел, что они бегут назад. «Куда вы бежите?» спросил я их.— «Пост занят муниципальными гвардейцами, — ответил мне Девес, — они спокойно спят, и мы ищем, чем разбудить и выбросить их.—Они вооружились всем, чем попало:

ружейными шомполами, ножнами от сабель, ремнями, которые они сложили вдвое, и палками от метел. Затем мои молодцы, которые все могли в большей или меньшей мере жаловаться на наглость и грубость спящих, с поднятыми руками напали на них и в течение более получаса так проучили их, что некоторые после этого долго болели. Я прибежал на их крики о помощи, и мне только с трудом удалось открыть двери, которые монтаньяры благоразумно заперли изнутри на ключ. Стоило посмотреть теперь, как муниципальные гвардейцы полуодетыми выбегали на двор; они сразу спрыгивали с лестницы, и им пришлось познакомиться со всеми ходами и выходами префектуры, чтобы скрыться с глаз преследующих их врагов. Завладев крепостью, гарнизон которого они так вежливо сменили, наши монтаньяры победоносно украсили себя наследством осажденных и долгое время разгуливали во дворе префектуры со шпагами, в плащах и в треугольных шляпах, которых большинство из них прежде так боялось» (стр. 83—85).

Мы познакомились с монтаньярами. А теперь мы переходим к их вождю, герою эпопеи Шеню, к Коссидьеру. Шеню говорит о нем очень часто, тем более, что против него, собственно, направлена вся книга.

Главные упреки, делаемые Коссидьеру, относятся к его моральному облику. Это все истории с дутыми векселями и другими маленькими попытками раздобыть себе деньги, как они обычны у всякого влезшего в долги и любящего пожить коммивояжера в Париже. Вообще только от величины капитала зависит то, насколько близко подходят под Code pénal плутни, надувательства, спекуляции и биржевые проделки, на которых основывается вся торговля. О биржевых проделках и чисто китайском обмане, характеризующем специально французскую торговлю, можно прочесть пикантные вещи у Фурье в «Quatre mouvements», «Fausse Industrie», «Traité de l'Unité universelle» («Четыре движения», «Ложная промышленность», «Трактат о вселенском единстве») и в его посмертных сочинениях. Господин Шеню не пытается даже доказать, что Коссидьер использовал в своих частных интересах свое положение префекта полиции. Вообще любая партия может только поздравить себя, если ее победоносные противники должны ограничиться разоблачением только подобных мелочей торгово-морального порядка. Какой огромный контраст между маленькими экспериментами коммивояжера Коссидьера и грандиозными скандалами буржуазии 1847 г.! Вся критика Шеню имеет смысл лишь постольку, поскольку Коссидьер принадлежал к партии «Reforme», пытавшейся прикрыть свой недоста-

ток революционной энергии и разумения пышными фразами о республиканской добродетели и мрачной серьезностью характера.

Среди вождей февральской революции Коссидьер единственная забавная фигура. Представляя в революции тип весельчака, он был вполне подходящим вожаком старых профессиональных заговорщиков. Чувственный и остроумный, старый завсегдатай бесчисленных кафе и кабачков, живший сам и дававший жить другим, при этом по-военному отважный, скрывая под добродушным видом и свободой манер большую пронырливость, лукавую рассудительность и тонкий дар наблюдения, он обладал известным революционным тактом и революционной энергией. Коссидьер был тогда настоящим плебеем, который инстинктивно ненавидел буржуазию и обладал в высочайшей степени всеми плебейскими страстями. Едва лишь он устроился в префектуре, как стал уже конспирировать против «National'я», не забывая из-за этого кухни и погреба своего предшественника. Он тотчас же организовал себе военную силу, обеспечил за собой газету, стал устраивать клубы, распределил роли и вообще действовал в первый момент с большой уверенностью. В 24 часа он превратил префектуру в крепость, в которой он мог не страшиться своих врагов. Но все его планы остались либо простыми проектами, либо сводились на практике к голым, безрезультатным плебейским выходкам. Когда противоречия обострились, он разделил участь своей партии, которая застряла в нерешительности посредине между сторонниками «National'я» и пролетарскими революционерами типа Бланки. Его монтаньяры раскололись; старые прожигатели жизни ушли из-под его ферулы, а революционная часть перешла к Бланки. Сам Коссидьер все более и более обуржуазивается в своем официальном положении префекта и депутата; 15 мая он благоразумно воздерживается от выступления и старается весьма недостойным образом выгородить себя в палате депутатов; 23 июня он оставляет инсургентов на произвол судьбы. В награду за это он был, разумеется, удален из префектуры и вскоре за этим сослан в изгнание.

Э. ДЕ-ЖИРАРДЕН: «СОЦИАЛИЗМ И НАЛОГ».[1]

Существует двоякого рода социализм: «хороший» социализм и «дурной» социализм.

Дурной социализм, это — «война труда с капиталом». Он — вина всех ужасов террора: равного распределения земли, уничтожения семейных уз, организованного грабежа и так далее.

Хороший социализм, это — «гармония между трудом и капиталом». В его свите находятся уничтожение невежества, искоренение причин пауперизма, организация кредита, умножение богатства, реформа налогов,— одним словом, «режим, больше всего приближающийся к представлению, составленному себе человеком о царстве божием на земле».

Нужно воспользоваться хорошим социализмом, чтобы подавить дурной социализм.

«У социализма есть рычаг; этим рычагом был бюджет. Но ему нехватало точки опоры, чтобы сдвинуть мир с его оси. Точку опоры дала ему революция 24 февраля: это—всеобщее избирательное право».

Источником бюджета являются налоги. Таким образом, действие всеобщего избирательного права на бюджет сводится к его действию на налоги. Благодаря этому действию на налоги осуществляется «хороший» социализм.

«Франция не может платить больше 1 200 миллионов налогов в год. Что хотите вы предпринять, чтобы сократить расходы до этой суммы?»

«В течение тридцати пяти лет вы три раза писали, в двух хартиях и одной конституции, что все французы должны нести тяжесть государственных расходов пропорционально своему состоянию. В течение тридцати пяти лет это равенство обложения продолжает быть неправдой... Рассмотрим же французскую систему обложения».

I. Поземельный налог. Поземельный налог облагает землевладельцев *неравномерно.* «Если два соседних участка подвергнуты

---

[1] *Emile de-Girardin*, Le socialisme et l'impôt. Paris 1850.

одинаковой оценке в кадастре, то оба участка платят одинаковый налог без различия между кажущимся и действительным собственником», т. е. между обложенным ипотекой и не обложенным ею собственником.

Далее: поземельный налог *непропорционален* тем налогам, которые падают на другие виды имущества. Когда в 1790 г. Национальное собрание ввело его, оно находилось под влиянием школы физиократов, которая рассматривала землю как единственный источник чистого дохода, и поэтому переложило всю тяжесть налогов на землевладельцев. Поземельный налог, таким образом, покоится на экономическом заблуждении. При равном распределении налогов на землевладельца пало бы 20% его дохода, между тем как теперь он платит 39%.

Наконец, по своему первоначальному назначению, поземельным налогом должны были быть обложены собственники, но не фермеры или арендаторы. Вместо этого он, по господину Жирардену, часто падает на фермера и арендатора.

Здесь господин Жирарден делает экономическую ошибку. Либо фермер является действительным фермером, и в таком случае поземельный налог падает на собственника или потребителя, но никогда не на фермера; или же он, в сущности, только работник собственника, имеющий внешние признаки фермера, как в Ирландии и часто во Франции, и тогда падающие на собственника налоги всегда падают на него, как бы они ни назывались.

II. Личный налог и налог на недвижимые имущества. Целью этих налогов, также введенных в 1790 г. декретом Национального собрания, было непосредственное обложение недвижимого капитала. Масштабом величины капитала принята была квартирная плата. В действительности налог падает на землевладельца, крестьянина и промышленника, совершенно не затрагивая рантье или касаясь его лишь в самой слабой степени. Налог этот, таким образом, является полной противоположностью намерениям тех, которые его вводили. Кроме того, миллионер может жить в мансарде с двумя сломанными стульями — несправедливо и т. д.

III. Налог на окна и двери. Покушение на здоровье народа. Фискальная мера против чистоты воздуха и дневного света. «Почти половина квартир во Франции имеет или только дверь и ни одного окна, или максимум одну дверь и одно окно». Этот налог был принят 24 вандемьера VII года (14 октября 1799 г.) благодаря крайней нужде в деньгах, как переходная чрезвычайная мера, в принципе же он был отвергнут.

*

IV. Налог на патенты (промысловый налог). Налог не на доходы, а на занятие промышленностью. Наказание за труд. Там, где он должен коснуться промышленников, он обыкновенно касается потребителя. Вообще при введении этого налога в 1791 г. речь шла только об удовлетворении временной потребности в деньгах.

V. Регистрация и штемпель. Droit d'enrégistrement (налог на регистрацию) ведет свое начало с времен Франциска I и вначале не имел фискальной цели (?). В 1790 г. принудительная регистрация контрактов, касавшихся имущества, была расширена, а пошлина повышена. Налог составлен таким образом, что с покупки и продажи взимается больше, чем с дарений и наследств. Штемпель есть чисто фискальное изобретение, которое равномерно облагает неодинаковую прибыль.

VI. Налог на напитки. Это соединение всех несправедливостей, стеснение производства, самый дорогой для взыскания налог (см., впрочем, выпуск III: [«Обозрения]: 1848—1849, «Последствия 13 июня».[1]

VII. Пошлины. Бесцельное традиционное скопление противоречащих друг другу, бессмысленных, вредных для промышленности таможенных ставок. Напр., сырой хлопок обложен во Франции пошлиной в 22 фр. 50 сант. со 100 *кг*. Перейдем далее.

VIII. Octroi (городская ввозная пошлина на съестные припасы). Не имеет даже оправдания защиты национальной отрасли промышленности. Таможня внутри страны. Первоначально это был местный налог в пользу бедных, в настоящее же время он давит, главным образом, на беднейшие классы, фальсифицируя съестные припасы. Ставит национальной промышленности ровно столько преград, сколько существует городов.

Это все, что говорит Жирарден об отдельных налогах. Читатель мог уже видеть, что его критика в такой же мере поверхностна, как верна. Она сводится к трем аргументам:

1) ни один налог никогда не падает на тот класс, который он должен был бы облагать по замыслу вводивших его, а ложится тяжестью на другой класс;

2) временный налог постепенно превращается в постоянный;

3) ни один налог не бывает пропорционален имуществу, не является пропорциональным, справедливым, равномерным, разумным.

Эти общие экономические возражения против существующих налогов повторяются во всех странах. Но французская налоговая си-

---

[1] [В этом томе стр. 56].

стема имеет характерное свойство. Подобно тому как англичане являются типичными представителями публичного и частного права, так французы, которые везде к тому же, исходя из общих точек зрения, кодифицировали, упростили и порвали с традицией, являются настоящим историческим народом для системы налогов. Жирарден говорит об этом пункте:

«Во Франции господствуют почти все фискальные процедуры старого режима. Taille, подушный налог, aide, таможни, налог на соль, налог на контроль, записи (insinuation), канцелярские пошлины, табачная монополия, преувеличенная почтовая прибыль, налог на продажу пороха, лотерея, общинная или государственная барщина, постои, octroi, речная и дорожная пошлина, чрезвычайные обложения,— все это могло изменить свое название, но по существу все это продолжает существовать, и все это не стало ни более прибыльным для государственной казны, ни менее тягостным для народа. Наша финансовая система покоится на абсолютно ненаучном фундаменте. Она отражает исключительно средневековые традиции, которые в свою очередь являются наследием невежественного и грабительского римского фиска».

Тем не менее наши отцы заявляли уже в Национальном собрании первой революции: «Мы совершили революцию лишь для того, чтобы взять налоги в свои руки».

Но если это положение могло продолжать существовать при империи, при реставрации, при июльской монархии, то теперь его час пробил:

«Отмена избирательных привилегий необходимо влечет за собой отмену всякого фискального неравенства. Таким образом, совершенно не следует терять времени, чтобы приступить к финансовой реформе, чтобы насилие не заняло место науки... Налог является почти единственным *основанием*, на котором *покоится наше общество*... Мы усиленно ищем вдали социальные и политические реформы: важнейшие содержатся в налогах. Ищите и обрящете».

Что же мы находим?

«Как мы понимаем налоги, они должны быть *страховой премией*, уплачиваемой имущими, *чтобы застраховать себя от всякого риска, который мог бы им помешать в их владении имуществом и в пользовании им*... Эта премия должна быть пропорциональной и строго точной. Всякий налог, который не является гарантией против риска, ценой товара, или эквивалентом за услуги, должен быть отменен; мы допускаем только два исключения: налог на заграничные товары (douane — таможню) и налог на смерть (enregistrement —

«регистрацию»)... Таким образом, место плательщика налогов занимает застрахованный... Всякий, кто имеет интерес в том, чтобы платить, платит только соответственно своему интересу... Мы идем еще дальше и говорим: всякий налог осужден уж тем, что он носит название налога, обложения. *Всякие налоги должны быть отменены*, так как налог должен быть принудительным, страхование же имеет добровольный характер».

Не следует смешивать страховую премию с налогом на доход, она скорее является налогом на капитал, ибо страховая премия гарантирует не доход, а весь капитал. Государство поступает так же, как страховые компании, которые при страховке интересуются не доходом, а стоимостью предприятия.

«Французский национальный капитал оценивается активом в 131 миллиард, из которого надо вычесть пассив в 28 миллиардов. Когда расходный бюджет сокращается до 1 200 миллионов, то следовало бы взимать только 1% с капитала, чтобы привести государство в состояние колоссальной компании взаимного страхования».

И с этого момента — «*нет больше революций*».

«Место слова *власть* занимает слово *солидарность; общий интерес* становится связующим элементом для членов общества».

Господин Жирарден не удовлетворяется этим общим предложением, но дает нам также схему страхового полиса или записи, которую должен получить каждый гражданин государства.

Каждый год сборщик налогов дает застрахованному полис, состоящий из четырех страниц величиною с паспорт. На первой странице находится имя застрахованного с номером его имматрикуляции, вместе с схемой квитанций на премии; на второй странице находится точное личное описание застрахованного и его семьи вместе с точно удостоверенным подробным определением всего его имущества; на третьей странице — государственный бюджет вместе с общим устройством Франции; на четвертой странице — различные более или менее полезные статистические сведения. Этот полис служит паспортом, билетом для избирателя, проходным свидетельством для рабочего и т. д. Списки этих полисов в свою очередь служат государству для подготовки четырех больших книг, большой книги о населении, большой книги об имуществе, большой книги государственного долга и большой книги ипотечного долга, которые вместе содержат полную статистику всех источников доходов Франции.

Налог, таким образом, является скорее премией, которую застрахованный платит, чтобы быть допущенным к пользованию следующими преимуществами: 1) правом на общественную защиту,

бесплатную юридическую защиту, бесплатное религиозное обслуживание, бесплатное обучение, кредит под залог, пенсию от сберегательной кассы; 2) освобождением от военной службы в мирное время; 3) спасением от нищеты; 4) вознаграждением за убытки от пожара, наводнения, градобития, эпизоотий, кораблекрушения.

Мы должны еще заметить, что господин Жирарден хочет покрыть суммы для вознаграждения за убытки, которое государство должно платить застрахованным, из различных денежных штрафов и т. д., из доходов национальных имуществ и сохранившихся «регистраций» и таможенных платежей, а также государственных монополий.

Налоговая реформа, это—конек всех радикальных буржуа, это—специфический элемент всех буржуазно-экономических реформаторов. Начиная с ранних средневековых мещан и кончая современными английскими фритредерами, вся борьба вертится вокруг налогов.

Налоговая реформа имеет целью либо отмену старых налогов, мешающих развитию промышленности, и более дешевое ведение государственного хозяйства, либо более равномерное распределение их. Буржуа тем настойчивее гонится за химерическим идеалом равного распределения налогов, чем более этот идеал ускользает на практике из его рук.

Налоги могут, в лучшем случае, видоизменять во второстепенных пунктах, а не в основе, отношения распределения, основывающиеся непосредственно на буржуазном производстве, отношения между заработной платой и прибылью, между прибылью и процентом, между земельной рентой и прибылью. Все исследования и споры о налогах предполагают вечное существование этих буржуазных отношений. Даже уничтожение налогов могло бы только ускорить развитие буржуазной собственности и связанных с ней противоречий.

Налоги могут складываться благоприятно для отдельных классов, падая особенной тяжестью на другие, как это мы наблюдаем, например, при господстве финансовой аристократии. Они разоряют только промежуточные между буржуазией и пролетариатом слои общества, положение которых не позволяет им свалить бремя налогов на другой класс.

С каждым новым налогом пролетариат падает на ступеньку ниже; отмена же какого-нибудь старого налога повышает не заработную плату, а прибыль. Во время революции можно, увеличив в колоссальных размерах налоги, использовать их как орудие нападения на частную собственность, но и тогда они должны либо повести к новым революционным мероприятиям, либо в конце концов привести к старым буржуазным отношениям.

Уменьшение, более справедливое распределение и т. д. налогов,— такова банальная буржуазная реформа. Отмена налогов,— таков буржуазный социализм. Этот буржуазный социализм обращается в особенности к промышленным и торговым средним классам и крестьянам. Крупная буржуазия, для которой уже теперешний мир есть ее наилучший мир, презирает, разумеется, утопию лучшего мира.

Господин Жирарден отменяет налоги, превратив их в страховую премию. Члены общества, путем выплаты известных процентов, страхуют взаимно друг другу свое состояние от пожара, засухи, градобития, банкротства, — словом, от всех возможных рисков, угрожающих в наше время спокойствию буржуазного существования. Ежегодные взносы определяются не всеми страхующимися, а устанавливаются каждым отдельным индивидом. Сам отдельный индивид оценивает свое состояние. Благодаря этому исчезают торговые и земледельческие кризисы, массовые потери и банкротства, все колебания и перемены в буржуазном существовании, принявшие эпидемический характер со времени зарождения современной промышленности, — словом, исчезает вся поэтическая сторона буржуазного общества. В жизни осуществляется всеобщая уверенность (Sicherheit) и страхование (Versicherung). Гражданин получает письменную гарантию от государства, что он не разорится ни при каких обстоятельствах. Все теневые стороны существующего строя устранены, все его светлые стороны сохраняются в полном блеске,— одним словом, осуществлен режим, «больше всего приближающийся к представлению, составленному себе буржуа о царстве божием на земле». Вместо авторитета — солидарность, вместо принуждения — свобода, вместо государства — административная комиссия, и вот найдено колумбово яйцо: математически точный взнос каждого «страхуемого» соответственно его имуществу. Каждый «страхуемый» несет в себе полное конституционное государство, вполне разработанную двухпалатную систему. Опасение уплатить государству слишком много — буржуазная оппозиция палаты депутатов — побуждает гражданина давать слишком низкую оценку своего состояния. Интерес сохранения своего достояния — консервативный элемент палаты пэров — склоняет его к мысли давать слишком высокую оценку его. Из конституционной игры этих противоположных направлений вытекает с необходимостью истинное равновесие властей, точное и правильное указание состояния, настоящая пропорциональность взноса.

Один римлянин желал иметь стены своего дома из стекла, так чтобы каждый из его поступков был открыт взорам всех окружающих. Буржуа желает, чтобы стены не его дома, а его соседа, были из

стекла. И это желание исполняется. Например, какой-нибудь гражданин желает получить от меня известную сумму авансом или же войти со мной в компанию. Я требую у него его полис и нахожу в нем его полную и подробную исповедь о всех его гражданских отношениях, гарантированную его правильно понятым интересом и скрепленную подписью административного страхового совета. В мою дверь стучится нищий и просит милостыню. Вынь-ка полис! Гражданин должен знать, что он дает свою милостыню кому следует. Нанимают прислугу, вводят ее в свой дом и полагаются на нее случайным образом,— а теперь вынь-ка полис! «Сколь много заключается браков, в которых ни та, ни другая сторона не знают в точности, что им думать о реальности приданого или же о взаимно преувеличенных ожиданиях». Вынь-ка полис! Обмен излияниями прекрасных душ будет в грядущем ограничиваться обменом с обеих сторон полисами. Так уничтожается надувательство, составляющее в настоящее время радость и муку жизни, и осуществляется царство правды в подлинном смысле слова. Мало того. «При современных порядках суды обходятся государству в семь с половиной миллионов, при осуществлении же нашей системы правонарушения будут для него статьей дохода, а не расхода, ибо все они превращаются в штрафы и протори,— какая великолепная идея!» В этом наилучшем из миров все приносит прибыль: преступления проходят (vergehen), а правонарушения (Vergehen) приносят доход. Так как, наконец, при этой системе собственность обеспечена от всякого риска, а государство является всеобщим взаимным страхованием всех интересов, то рабочие имеют всегда занятие. «Нет больше революций!»

Коль это честным гражданам не впрок,
То кто и чем им угодить бы мог?

Буржуазное государство — не что иное, как взаимное страхование буржуазии против своих отдельных сочленов, а также против эксплоатируемого класса, страхование, которое должно становиться все дороже и, повидимому, все самостоятельнее по отношению к буржуазному обществу, потому что содержание в подчинении эксплоатируемого класса становится все труднее. Изменение названия ничуть не изменяет условий этого страхования. От кажущейся самостоятельности, которую господин Жирарден приписывает на минуту отдельным индивидам по отношению к страховому обществу, он должен сам немедленно же снова отказаться. Кто оценивает слишком низко свое состояние, тот подвергается штрафу: страховая касса покупает у него его имущество за указанную цену и обещанием

наград толкает даже на путь доносов. Мало того: кто предпочитает не страховать своего состояния, тот объявляется стоящим вне закона. Общество не может, разумеется, потерпеть того, чтобы внутри него образовался класс, восстающий против условий его существования. Принуждение, авторитет, бюрократическое вмешательство в дела, которые хочет устранить Жирарден, появляются снова в обществе. Если он отвлекся на мгновение от условий буржуазного общества, то лишь для того, чтобы вернуться к ним окольным путем.

За отменой налогов скрывается отмена государства. Отмена государства имеет смысл только у коммунистов, где оно является необходимым результатом отмены классов, с уничтожением которых падает сама собой потребность в организованной силе одного класса для держания в подчинении других классов. В буржуазных странах отмена государства означает низведение государственной власти до уровня ее в Северной Америке. В последней классовые противоречия развиты лишь несовершенным образом; классовые столкновения затушевываются каждый раз благодаря удалению пролетарского избыточного населения на запад; вмешательство государственной власти сведено на востоке к минимуму, а на западе вовсе не существует. В феодальных странах отмена государства означает отмену феодализма и установление обыкновенного буржуазного государства. В Германии за лозунгом отмены государства скрывается либо трусливое бегство от непосредственно предстоящих битв, трансцендентно-спекулятивное превращение буржуазной свободы в абсолютную независимость и самостоятельность отдельных индивидов, либо же равнодушие буржуа к любой форме государства, лишь бы буржуазные интересы не встречали препятствия для своего развития. Разумеется, берлинцы Штирнер и Фаухер не виноваты в том, что эта отмена государства «в высшем смысле» проповедуется столь глупым образом. La plus belle fille de la France ne peut donner que ce qu'elle a. (Самая прекрасная девушка Франции не может дать больше того, что у нее есть.)

Таким образом, от страхового общества господина Жирардена остается только налог на капитал, в отличие от налога на доход и вместо всех прочих налогов. Капитал у господина Жирардена не ограничивается только вложенным в производство капиталом, он охватывает также все движимое и недвижимое имущество. Вот именно этот налог на капитал он и прославляет: «Он есть колумбово яйцо, он — пирамида, стоящая на своем основании, а не на вершине, он—революция без революционеров, прогресс без регресса, движение без толчка, он есть, наконец, простая идея и истинный закон».

Из всех шарлатанских реклам, сочиненных когда-либо господином Жирарденом,— а имя им, как известно, легион,— этот проспект о налоге на капитал является, несомненно, шедевром.

Впрочем, налог на капитал, в качестве единственного налога, обладает своими преимуществами. Все политико-экономы, в частности Рикардо, доказывали выгоды единого налога. Налог на капитал, в качестве единого налога, уничтожает одним ударом весь сложный и дорогой налоговой аппарат, меньше всего затрагивает регулярный ход производства, обращения и потребления и в отличие от всех других налогов захватывает и капитал, вложенный в предметы роскоши.

Но у господина Жирардена налог на капитал не ограничивается этим; он имеет еще совершенно особенные чудотворные действия.

Капиталы одинаковой величины должны платить государству одинаковые налоги, независимо от того, приносят ли они 6%, 3% дохода или вовсе не приносят никакого дохода. В итоге получается то, что незанятые в промышленности капиталы устремятся в нее и что, следовательно, увеличится масса производительных капиталов, а занятые уже в промышленности капиталы станут работать еще интенсивнее, чтобы произвести в меньшее время большее количество продуктов. Результатом этого должно явиться падение прибыли и уровня процента. Господин Жирарден, наоборот, утверждает, что в этом случае прибыль и процент поднимутся, — настоящее экономическое чудо! Превращение непроизводительных капиталов в производительные и рост производительности капиталов вообще ускорили и усилили ход развития промышленных кризисов и привели к понижению прибыли и уровня процента. Налог на капитал может лишь ускорить этот процесс, обострить кризисы и, таким образом, усилить рост революционных элементов. «Нет больше революции!»

Вторым чудесным действием налога на капитал, по господину Жирардену, является то, что он привлекает капиталы из мало доходного сельского хозяйства в более доходную промышленность, понижает цены и что, благодаря этому, он приведет во Франции к концентрации землевладения, к крупному английскому землевладению, а вместе с этим и к установлению в ней вполне развитой английской промышленности, Но не говоря о том, что для этого необходимо было бы, чтобы во Франции оказались и прочие условия английской промышленности, господин Жирарден впадает здесь в совершенно особую ошибку. Во Франции земледелие страдает не от избытка капиталов, а от недостатка их. Английская концентрация земельной собственности и английское сельское хозяйство являются

продуктом не извлечения капиталов из земледелия, а, наоборот, привлечения промышленного капитала к обработке земли. Цена на землю в Англии значительно выше, чем во Франции; стоимость английской земельной собственности почти равна всему французскому национальному богатству, как его оценивает Жирарден. Таким образом, цена на землю во Франции должна была бы вместе с концентрацией не падать, а подниматься. Далее, концентрация земельной собственности в Англии смела целые поколения людей. Та самая концентрация, которой, несомненно, должен содействовать налог на капитал, благодаря ускорению процесса разорения крестьян должна будет во Франции погнать массы крестьян в города и сделать, таким образом, революцию лишь более неизбежной. И, наконец, если во Франции уже начался обратный процесс от парцеллирования к концентрации, то в Англии крупная земельная собственность идет гигантскими шагами навстречу раздроблению, доказывая неопровержимым образом, что, пока существует вообще буржуазный строй, земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления.

Но довольно этих чудес! Перейдем к кредиту под залог!

Кредит под залог открывается сперва только земельной собственности. Государство выпускает закладные квитанции, совершенно соответствующие банкнотам, с той только разницей, что обеспечением здесь являются не наличные деньги или золотые слитки, а земля. Государство выдает задолжавшим крестьянам эти закладные квитанции по четыре процента, чтобы удовлетворить таким образом держателей закладных; теперь вместо частного кредитора закладная на землю находится в руках государства, которое консолидирует долг, и таким образом кредитор никогда не может уже требовать его обратно. Вся ипотечная задолженность во Франции равняется 14 миллиардам. Хотя Жирарден предполагает выпустить закладных квитанций только на пять миллиардов, однако увеличение массы бумажных денег на эту сумму должно не только удешевить капитал, но и совершенно обесценить бумажные деньги. Жирарден при этом не осмеливается снабдить эти новые бумаги принудительным курсом. Чтобы избегнуть обесценения, он предлагает владельцам этих квитанций обменять их al-pari на трехпроцентные свидетельства государственного долга. В итоге вся операция сводится к следующему результату: крестьянин, который платил прежде пять процентов и один процент пошлин за переписку, возобновление и т. д. закладной, платит теперь только четыре процента, т. е. выигрывает два процента; государство платит три процента и взимает четыре процента,

т. е. выигрывает один процент; бывший владелец закладной, получавший прежде пять процентов, вынужден, под угрозой обесценения закладных квитанций, принять с благодарностью предлагаемые ему государством три процента и, следовательно, теряет два процента. Кроме того, крестьянин избавлен от необходимости уплатить свой долг, а кредитор теряет возможность взыскивать с государства следуемую ему сумму. Следовательно, вся операция сводится к прямому, едва прикрытому закладными квитанциями, ограблению владельцев закладных на два процента из пяти. Таким образом, в тот единственный раз, когда господин Жирарден собирается, не ограничиваясь налогами, изменить самые общественные отношения, он вынужден прямо посягнуть на частную собственность, он должен стать революционером и отказаться от всей своей утопии. Но и это посягательство не исходит от него. Он заимствовал его у немецких коммунистов, которые после февральской революции впервые потребовали превращения ипотечного долга в долг государству, хотя, разумеется, совершенно иным образом, чем господин Жирарден, выступивший даже против этого. Характерно, что единственный раз, когда господин Жирарден предлагает более или менее революционную меру, у него нехватает мужества выдвинуть что-либо другое, кроме паллиатива, который способен сделать процесс развития парцеллирования во Франции лишь более хроническим, способен лишь ослабить его на несколько десятилетий, чтобы в заключение снова прийти к теперешнему состоянию.

Единственно, чего не найдет читатель во всей книге Жирардена, это *рабочих*. Но буржуазный социализм всегда ведь рисует дело так, *будто общество состоит только из капиталистов*, чтобы иметь затем возможность, исходя из этой точки зрения, решать тяжбу между капиталом и наемным трудом.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ ДЛЯ «REVOLUTION» И «NOTES TO THE PEOPLE»

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.

Ф. Энгельс. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого [1851] года.

Ф. Энгельс. Статьи об Англии.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА

I.

Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз как трагедия, второй раз как фарс. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848 — 1851 гг. вместо Горы 1789 — 1795 гг., племянник вместо дяди. И та же карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание Восемнадцатого брюмера.

Люди делают свою собственную историю, но они ее не делают самопроизвольно, — им приходится действовать не при обстоятельствах, выбранных ими самими, а при обстоятельствах, не зависимых от их выбора, непосредственно их окружающих и унаследованных. Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых. Как раз тогда, когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789 — 1814 гг. драпировалась поочередно в костюм римской республики и в костюм римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные предания 1793 — 1795 годов. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

При взгляде на эти всемирно-исторические заклинания мертвых, тотчас бросается в глаза резкое различие между ними. Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — герои, равно как партии и масса старой французской революции,—в римском костюме и с римскими фразами осуществили дело своего времени, —

они освободили от феодальных уз и возвели здание современного *буржуазного* общества. Революционеры разбили феодальную землю на части и скосили выросшие на ней феодальные головы. Наполеон создал внутри Франции условия, сделавшие возможными развитие свободной конкуренции, эксплоатацию парцелированной поземельной собственности, приложение освобожденных от феодальных уз промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушил феодальные формы, поскольку буржуазное общество Франции нуждалось в соответственной, отвечающей потребностям времени обстановке на европейском континенте. Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых, — Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Уйдя с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древне-римские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов. В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда английское общество было переделано на буржуазный лад, место пророка Аввакума занял Локк.

В этих революциях заклинание мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы преувеличить значение данной задачи в фантазии, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения на практике, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы носиться с ее призраком.

В 1848—1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого républicain en gants jaunes (республиканца

в желтых перчатках), перерядившегося в костюм старого Балльи, и кончая искателем приключений, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил поступательную силу своего исторического движения, видит себя внезапно перенесенным назад, в умершую эпоху; а чтобы устранить всякие сомнения на этот счет, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся, казалось, давно достоянием антикварной учености, и старые, казалось, давно истлевшие жандармы. Нация оказывается в положении того рехнувшегося англичанина в Бедламе, который мнит себя современником древних фараонов и ежедневно горько жалуется на взваливаемые на него тяжелые работы в эфиопских золотых рудниках, в этой подземной тюрьме, где ему приходится работать при слабо горящей лампе, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика рабов с длинным бичом в руках и толпящихся у выходов варварских солдат, не понимающих ни каторжников, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту, — вздыхает рехнувшийся англичанин, — чтобы добывать золото для древних фараонов». «Чтобы платить долги фамилии Бонапарт», — вздыхает французская нация. Англичанин, находясь еще в сознании, все не мог отделаться от мании золотоделания. Французы, делая революцию, все не могли избавиться от наполеоновских воспоминаний. Это доказали выборы 10 декабря 1848 г. Среди опасностей революции они страстно мечтали о египетских горшках с мясом, и 2 декабря 1851 г. явилось желанным ответом. У них есть не только карикатура старого Наполеона, — они имеют самого старого Наполеона — в карикатурном виде, неизбежном для него в середине XIX столетия.

Социальная революция XIX столетия не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего. Она не может стать самой собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. Прежним революциям необходимы были всемирно-исторические воспоминания о прошедшем, чтобы заглушить в себе мысль о собственном содержании. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза преобладала над содержанием, здесь содержание преобладает над фразой.

Февральская революция была неожиданностью; она застигла старое общество *врасплох*, и народ провозгласил это удавшееся *нечаянное нападение* всемирно-историческим подвигом, открывающим

новую эру. 2 декабря февральскую революцию ловким фокусом эскамотирует шулер, так что, повидимому, результатом этой революции оказывается не ниспровержение монархии, а утрата либеральных уступок, отвоеванных у монархии вековой борьбой. Не *общество* отвоевало себе новое содержание, а, повидимому, *государство* только вернулось к своей древнейшей форме, к бесстыдно-простому господству меча и рясы. На coup de main (стихийный удар) февраля 1848 г. отвечает coup de tête (умышленный переворот) декабря 1851 г. Как нажито, так и прожито. Однако промежуточное время не прошло даром. В течение 1848 — 1851 гг. французское общество наверстало по сокращенной, т. е. революционной, методе уроки и опыт, которые при правильном, так сказать педантическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, чтобы сделать ее чем-либо большим, чем простым потрясением поверхности. Повидимому общество очутилось теперь позади своей исходной точки; в самом деле, ему приходится еще только создать себе революционную исходную точку, создать положение, отношения, условия, при которых современная революция единственно может принять серьезный характер.

Буржуазные революции, как, например, революция XVIII столетия, быстро несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты — один ослепительнее другого, люди и вещи как бы утопают в бриллиантовом огне, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего зенита, и обществу приходится пережить продолжительное похмелье, раньше чем оно в состоянии трезво усвоить себе результаты своего периода бурных стремлений. Напротив, революции пролетариата, каковыми являются революции XIX столетия, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к повидимому уже сделанному, чтобы еще раз начать сначала, жестоко-основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот от прикосновения к земле набрался свежих сил и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенною громадностью своих собственных целей, пока не создано положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сами обстоятельства не закричат: Hic Rhodus, hic salta! (Тут Родос, тут прыгай!)

Впрочем, всякий мало-мальски смышленый наблюдатель, даже и не следивший шаг за шагом за ходом развития февральской революции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит

неслыханное фиаско. Достаточно было послушать самодовольный победный визг, с которым господа демократы поздравляли друг друга с благодатными последствиями 2 мая 1852 г. Этот день стал в их головах манией, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства в голове хилиастов. Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении, и утратила всякое понимание настоящего из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но пока считает преждевременными. Эти герои, старающиеся теперь опровергнуть всеобщее мнение об их доказанной неспособности тем, что они обмениваются взаимными выражениями сочувствия и сплачиваются в кучу, в то время связали свои пожитки и уже совсем готовы были, со своими будущими лавровыми венками в кармане, учесть на бирже свои республики in partibus, правительственный персонал которых втихомолку, со свойственной им невзыскательностью, был уже ими предусмотрительно организован. 2-е декабря поразило их, как удар грома из ясного неба. Народы, которые в эпохи малодушного настроения охотно прислушиваются к самым громким крикунам, чтобы заглушить чувство внутренней робости, на этот раз, быть может, убедились в том, что прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Конституция, Национальное собрание, династические партии, синие и красные республиканцы, военные герои Африки, гром трибуны, молниеносные удары газет, вся литература, политические имена и ученые репутации, гражданский закон и уголовное право, Свобода, Равенство, Братство и 2-е мая 1852 г.,— все исчезло, как фантасмагория, перед магической формулой человека, которого даже враги не выставляют чародеем. Всеобщее избирательное право, казалось, на мгновение пережило всеобщую гибель как бы только для того, чтобы перед глазами всего мира собственноручно составить свое духовное завещание и объявить от имени самого народа: «Все, что существует, достойно гибели».

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации и женщине не прощается минута оплошности, когда первый встречный искатель приключений мог совершить над ними насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Остается еще объяснить, каким образом три авантюриста могут застигнуть врасплох и без сопротивления сковать 36-миллионную нацию.

Повторим в общих чертах фазисы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 г. до декабря 1851 г.

Это время распадается само собою на три главных периода:

1) *Февральский период.*

2) От 4 мая 1848 г. до 29 мая 1849 г.—*период конституирования республики*, или *Учредительного национального собрания.*

3) С 29 мая 1849 г. до 2 декабря 1851 г. — *период конституционной республики, или Законодательного национального собрания.*

Первый период, охватывающий время от 24 февраля до 4 мая 1848 г. или от падения Луи-Филиппа до открытия заседания Учредительного собрания,—*февральский период* в собственном смысле слова, — можно назвать *прологом* революции. Характер этого периода выразился официально в том, что импровизированное им правительство объявило само себя *временным.* Подобно правительству, все начатое, испробованное и высказанное в этот период выдавало себя лишь за нечто *временное.* Никто и ничто не дерзали признать за собой право на существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собою революцию: династическая оппозиция, республиканская буржуазия, демократически-республиканская мелкая буржуазия, социально-демократические рабочие, — все эти элементы временно заняли место в февральском *правительстве.*

Иначе и не могло быть. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущественных классов и свергла бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда дело дошло до действительного столкновения, когда народ бросился на баррикады, когда национальная гвардия отказалась действовать, армия не оказала никакого серьезного сопротивления и король бежал, — республика казалась естественным, само собой подразумевающимся фактом. Каждая партия истолковывала ее по-своему. Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее *социальной республикой.* В этом заключается намек на общее содержание современной революции, — содержание, находившееся в самом странном противоречии со всем тем, что возможно было осуществить сейчас же, непосредственно, с данным материалом, при достигнутой массой ступени образования, при данных обстоятельствах и отношениях. С другой стороны, притязания всех остальных элементов, помогших успеху февральской революции, были удовлетворены львиной долей, предоставленной им в правительстве. Вот почему ни в каком другом

периоде нельзя найти более пеструю смесь напыщенных фраз и действительной неуверенности и беспомощности, проникнутых высоким энтузиазмом новаторских стремлений и основательнейшего господства старой рутины, полнейшей гармонии всего общества снаружи и глубочайшего взаимного отчуждения разных общественных слоев внутри. В то время как парижский пролетариат еще сиял радостью ввиду открывшейся ему великой перспективы и предавался серьезнейшим прениям о социальных вопросах, старые общественные силы сгруппировались, сомкнулись, опомнились и нашли неожиданную опору в народной массе — в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену после падения перегородок июльской монархии.

Второй период, — от 4 мая 1848 г. до конца мая 1849 г., это — период *учреждения*, *обоснования*, *буржуазной республики*. Непосредственно после февральских дней не только династическая оппозиция была захвачена врасплох республиканцами, а республиканцы — социалистами, но и вся Франция была застигнута врасплох Парижем. Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г. Национальное собрание, продукт всенародных выборов, представляло нацию. Это собрание было живым протестом притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазного уровня. Тщетно пытался парижский пролетариат, сразу разгадавший характер этого Национального собрания, через несколько дней после открытия его заседаний, 15 мая прекратить его существование, разогнать его, разложить на отдельные атомы органическую форму, в которой ему угрожал реагирующий дух нации. День 15 мая, как известно, привел лишь к устранению с общественной арены на все время борьбы Бланки и его единомышленников, т. е. истинных вождей пролетарской партии (революционных коммунистов).

За *буржуазной монархией* Луи-Филиппа может следовать только *буржуазная республика*, т. е., если под фирмой короля господствовала незначительная часть буржуазии, то отныне будет господствовать от имени народа вся буржуазия. Требования парижского пролетариата, это — пустые утопии, которым надо положить конец. На эти заявления Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил *июньским восстанием*, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, мелкие буржуа, армия, организованный в летучую гвардию (garde mobile) люмпен-пролетариат, интеллигенция, представители либе-

ральных профессий, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя. После победы свыше трех тысяч инсургентов было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда. Со времени этого поражения пролетариат отходит на *задний план* революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда движение, повидимому, начинает усиливаться, но эти попытки становятся все слабее и все безуспешнее. Он соединяется с каждым из выше него стоящих общественных слоев, приходящих в революционное брожение, и, таким образом, разделяет поражения, последовательно претерпеваемые различными партиями. Но эти последующие удары становятся все слабее, по мере того как они распространяются на все бо́льшую поверхность общества. Более выдающиеся вожди пролетариата, ораторы и журналисты, поочередно делаются жертвою суда, и их место занимают все более и более двусмысленные личности. Отчасти пролетариат бросается на *доктринерские эксперименты, на меновые банки и рабочие ассоциации, — другими словами, он отказывается от мысли революционизировать старый мир могучими средствами этого мира в их совокупности, а стремится к своему освобождению за спиною общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования; такой путь неизбежно ведет к неудаче*. Пролетариат, повидимому, не в состоянии ни найти свою прежнюю революционную силу в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из союза с другими классами. В конце концов *все классы*, с которыми пролетариат боролся в июне, так же придавлены к земле, как и он сам. Но пролетариат, по крайней мере, падает с почетом в великой всемирно-исторической борьбе: не только Франция, — вся Европа дрожит от июньского землетрясения; следующие затем поражения высших классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии приходится прибегать к наглым преувеличениям, чтобы придать им характер событий. Притом эти поражения тем позорнее, чем больше расстояние между побежденной партией и пролетариатом.

Поражение июньских инсургентов, правда, подготовило, расчистило почву для здания буржуазной республики, но в то же время оно показало, что в Европе дело идет о чем-то другом, а не о «споре между республикой и монархией». Это поражение обнаружило, что *буржуазная республика* означает здесь неограниченное деспотическое господство одного класса над другими. Оно показало, что в странах старой цивилизации с высоким развитием классов, с современными условиями производства и с духовным самосознанием, разложившим в вековой работе все унаследованные идеи, что в таких

странах *республика* является вообще *только политической формой, революционизирующей буржуазное общество, а не охранительной формой жизни* этого общества. Последнее значение имеет республика лишь в таких странах, как, например, Северо-Американские Соединенные Штаты, где классы хотя и существуют, но еще не кристаллизовались, а беспрерывно меняются взаимно своими составными частями, где современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, пополняют относительный недостаток в человеческом труде, где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, имея перед собою задачу использования целого нового мира, не дало ни времени, ни случая свести счеты со старым духовным миром.

Все классы и партии во время июньской борьбы сплотились в *партию порядка* против рабочего класса — *партии анархии*, социализма, коммунизма. Они «спасли» общество от *«врагов общества»*. Они избрали паролем для своих войск девиз старого общества: *«Собственность, семья, религия, порядок»* и ободряли контр-революционных крестоносцев криком: «Сим победиши!» С этой минуты каждая из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских инсургентов, побивается криком: «собственность, семья, религия, порядок!», как только она пытается в интересах своего класса удержаться на революционном поле борьбы. Это понятно: общество спасают каждый раз, когда круг господствующих суживается, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами. Всякое требование, не выходящее даже за пределы простейшей буржуазной реформы, самого шаблонного либерализма, формальнейшего республиканизма, ходячего демократизма, одновременно наказывается как «покушение на общество» и клеймится именем «социализма«. А в конце концов, самих жрецов «религии и порядка» пинками сгоняют с пифийского треножника, среди ночи стаскивают с постели, запирают в арестантские кареты, заключают в тюрьму или отправляют в изгнание, их храм равняют с землей, им затыкают рот, ломают их перо, разрывают их закон,—во имя религии, собственности, семьи, порядка. Пьяные толпы солдат пристреливают стоящих на своих балконах буржуа, — фанатиков порядка,—оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома—во имя собственности, семьи, религии и порядка. В конце концов, подонки буржуазного общества образуют *священную фалангу порядка*, и герой Крапулинский вступает в Тюльерийский дворец как *«спаситель общества»*.

II.

Вернемся к прерванной нити изложения.

История *Учредительного национального собрания* со времени июньских дней, это — *история господства и разложения республиканской части буржуазии*, фракции, известной под именем трехцветных республиканцев, чистых республиканцев, политических республиканцев, формалистских республиканцев и т. д.

Эта фракция составляла при буржуазной монархии Луи-Филиппа *официальную* республиканскую *оппозицию* и, как таковая, была всеми признанной составной частью тогдашнего политического мира. Она имела своих представителей в палатах и пользовалась значительным влиянием в печати. Ее парижский орган «National» считался в своем роде столь же респектабельным, как «Journal des Débats». Этому ее положению при конституционной монархии соответствовал и ее характер. Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и отграниченной своеобразными условиями производства частью буржуазии. Это была котерия буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников республиканского образа мыслей. Ее влияние опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканскую веру известного количества мечтателей, а главное, на *французский национализм*, ненависти которого к венским договорам и к союзу с Англией она никогда не давала остыть. Этим скрытым империализмом объясняется значительная доля влияния, которым «National» пользовался в царствование Луи-Филиппа. Поэтому-то впоследствии, при республике, империализм мог выступить против «National'я» всемогущим соперником в лице Луи Бонапарта. Против финансовой аристократии «National» боролся, как и вся остальная буржуазная оппозиция. Полемика против бюджета, во Франции совершенно совпадавшая с борьбой против финансовой аристократии, доставляла слишком обильный материал для пуританских передовиц, чтобы не пользоваться ею. Промышленная буржуазия была благодарна «National'ю» за его холопскую защиту французской покровительственной системы, одобряемой им, впрочем, больше из национальных, чем из политико-экономических побуждений; вся буржуазия в целом была ему благодарна за его злостные нападки на коммунизм и социализм. В общем, партия «National'я» была *чисто республиканской*, т. е. она требовала вместо монархической—республиканскую форму буржуазного господства, а главное, для себя львиной доли в буржуазном правительстве. Об условиях этой политической перемены

она имела самые смутные представления. Зато ей было ясно, как божий день, — и на банкетах в пользу реформы к концу царствования Луи-Филиппа это явно обнаружилось, — что она непопулярна в среде демократических мелких буржуа и особенно в среде революционного пролетариата. Эти чистые республиканцы, как и подобает чистым республиканцам, были уже совсем готовы пока что удовольствоваться регентством герцогини Орлеанской, когда вспыхнула февральская революция, доставившая их известнейшим представителям место во временном правительстве. Они, разумеется, с самого начала располагали доверием буржуазии и большинством Учредительного национального собрания. *Социалистические* члены временного правительства были тотчас же исключены из Исполнительной комиссии, выбранной Национальным собранием при его открытии; а взрывом июньского восстания партия «National'я» воспользовалась для того, чтобы дать отставку и Исполнительной комиссии и, таким образом, избавиться от своих ближайших соперников, от *мелкобуржуазных*, или *демократических*, *республиканцев* (Ледрю-Роллена и пр.). Кавеньяк, генерал буржуазно-республиканской партии, подавивший июньское восстание, был облечен диктаторской властью и занял место Исполнительной комиссии. Марраст, бывший главный редактор «National'я», стал бессменным председателем Учредительного национального собрания; министерские портфели, как и все остальные важнейшие посты, достались чистым республиканцам.

Таким образом, действительность превзошла самые смелые ожидания буржуазных республиканцев, издавна считавших себя законными наследниками июльской монархии. Но они достигли господства не так, как они мечтали при Луи-Филиппе, — не путем либеральной вспышки буржуазии против трона, а путем подавленного военной силой бунта пролетариата против капитала. То, что они себе воображали *самым революционным* событием, в действительности оказалось самым *контр-революционным* событием. Плод упал к их ногам, но он упал с древа познания, а не с древа жизни.

Исключительное *господство буржуазных республиканцев* продолжалось лишь от 24 июня до 10 декабря 1848 г. Оно исчерпывается *составлением республиканской конституции и объявлением Парижа на осадном положении.*

Новая *конституция* была в сущности не более как республиканизированное издание конституционной хартии 1830 г. Высокий избирательный ценз июльской монархии, отстранявший от политической власти значительную часть самой буржуазии, был несовместим с

существованием буржуазной республики. Февральская революция немедленно провозгласила вместо этого ценза прямое всеобщее избирательное право. Буржуазные республиканцы не могли вычеркнуть это событие. Им пришлось удовольствоваться ограничивающим дополнительным пунктом, в силу которого от избирателя требовалось шестимесячное пребывание на месте выборов. Старая организация администрации муниципалитетов, правосудия, армии и т. д. осталась нетронутой; кое-какие изменения, внесенные конституцией, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий.

Неизбежный генеральный штаб свобод 1848 г. — свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, обучения, совести и т. д. — был одет в конституционный мундир, делавший эти свободы неуязвимыми. Каждая из свобод провозглашается *безусловным* правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она беспредельна, поскольку она не ограничена «*одинаковыми правами других и общественною безопасностью*» или «законами», долженствующими привести в гармонию права граждан и общественную безопасность. Например: «Граждане имеют право соединяться в союзы, собираться мирно и без оружия, подавать петиции и выражать свое мнение посредством печати или каким-нибудь иным путем. *Пользование этими правами не имеет другого предела, кроме одинаковых прав других и общественной безопасности*». (Вторая глава французской конституции, § 8.) «Преподавание свободно. Свободой преподавания должно *пользоваться* на установленных законом условиях и под верховным надзором государства». (Там же, § 9.) «Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Неприкосновенность эта может быть *нарушена* лишь при соблюдении форм, предписанных законом». (Первая глава, § 3.) И т. д., и т. д. Поэтому конституция всюду указывает на будущие *органические* законы, долженствующие подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в одинаковых правах других классов. Если буржуазия «других» совершенно лишала этих свобод или позволяла ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, то она при этом всегда руководилась единственно интересами «*общественной безопасности*», т. е. безопасности буржуазии, как то и предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию ссылаются с полным правом обе-

стороны: как друзья порядка, упразднившие все эти свободы, так и демократы, требовавшие возврата всех этих свобод. Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу— в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке. Следовательно, пока *имя* свободы окружалось почетом и лишь ставились препятствия ее действительному осуществлению, — препятствия, разумеется, на законном основании, — до тех пор конституционное существование свободы оставалось целым, неприкосновенным, как бы основательно ни было уничтожено ее земное существование.

Эта конституция, сделанная неприкосновенной таким хитроумным способом, имела, однако, подобно Ахиллесу, одно уязвимое место, только это место было не на пяте, а на голове или, лучше сказать, на двух ее головах: *Законодательном Собрании* и *президенте*. Стоит только пробежать глазами конституцию, чтобы увидеть, что лишь те параграфы безусловны, положительны, лишены противоречий, исключают всякие ложные толкования, в которых определяется отношение президента к Законодательному собранию. Тут для буржуазных республиканцев дело ведь шло о том, чтобы обеспечить самих себя. Параграфы 45 — 70 конституции так составлены, что Национальное собрание может устранить президента конституционным путем, меж тем как президент может устранить Национальное собрание лишь неконституционным путем, лишь устраняя самое конституцию. Национальное собрание вызывает, таким образом, на насильственное уничтожение самого себя. Конституция не только, по примеру хартии 1830 г., освящает разделение властей, но и доводит это разделение до невыносимого антагонизма. *Игра конституционных властей*, как Гиво называл парламентскую перебранку между законодательной и исполнительной властью, по конституции 1848 г. всегда играется va banque. С одной стороны, 750 избранных всеобщим голосованием и могущих вновь быть избранными народных представителей образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, нераздельное Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопрос о войне и мире, о торговых договорах, исключительно обладает правом амнистии и, благодаря непрерывности своих заседаний, постоянно остается на первом плане политической сцены. С другой стороны, — президент со всеми атрибутами королевской власти, уполномоченный назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, имеющий в своих руках все средства исполнительной власти, раздающий все должности и, таким образом,

распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, т. е. количества людей, материально связанных с полумиллионом чиновников и офицеров всех степеней. Он распоряжается всей вооруженной силой нации. Он пользуется привилегией помилования отдельных преступников, временного удаления национальных гвардейцев и, — с согласия государственного совета, — смещения избранных самими гражданами генеральных, кантональных и коммунальных советников. Ему же предоставлены почин и руководящая роль при заключении договоров с иностранными державами. В то время как собрание, оставаясь вечно на подмостках, подвергается вульгарной критике дневного света, президент ведет скрытую от взоров жизнь в Елисейских полях, имея притом перед глазами и в сердце 45 статью конституции, ежедневно напоминающую ему: «Frère, il faut mourir!» (Готовься, брат, к смерти!) Твоя власть кончается на четвертом году твоего президентства, во второе воскресенье прекрасного месяца мая! Тогда наступает конец твоему величию: второго представления этой пьесы не будет, и если у тебя есть долги, постарайся выплатить их из назначенных тебе конституцией 600000 франков жалования, если ты только не предпочитаешь отправиться во второе отделение Клиши во второй понедельник прекрасного месяца мая! Если конституция, таким образом, предоставляет президенту фактическую власть, она зато старается обеспечить за Национальным собранием моральную силу. Но не говоря о том, что моральную силу невозможно создать параграфами закона, конституция и в данном случае работает против самой себя, предписывая, что президент должен быть выбираем всеми французами в прямом голосовании. Голоса нации, раздробляющиеся между 750 членами Национального собрания, в этом случае сосредоточиваются на одной личности. Меж тем как каждый отдельный депутат является представителем той или другой партии, того или другого города, той или другой улицы или даже просто необходимости выбрать какого-нибудь семьсот пятидесятого депутата, без особенного внимания к его личности и к самим выборам, — президент является избранником нации, и его выборы — козырь, пускаемый в ход самодержавным народом раз в четыре года. Национальное собрание связано с нацией метафизически, президент связан с нею лично. Национальное собрание, правда, представляет в своей совокупности многообразные стороны национального духа, зато в президенте национальный дух воплощается. По сравнению с Национальным собранием президент является как бы носителем божественного права: он — правитель народной милостью.

Фетида, морская богиня, пророчила Ахиллесу раннюю смерть

Die Revolution,

Eine Zeitschrift in zwanglosen Heften.

Herausgegeben von

J. Weydemeyer.

Erstes Heft.

Der 18te Brumaire des Louis Napoleon

von

Karl Marx.

New-York.
Expedition: Deutsche Vereins-Buchhandlung von Schmidt und Helmich.
William-Street Nr. 191.
1852.

Титульный лист журнала «Die Revolution».

во цвете лет. Конституция, имеющая, подобно Ахиллесу, свое уязвимое место, подобно Ахиллесу же предчувствовала, что ей суждено преждевременно умереть. Фетиде незачем было оставлять свое море, чтобы выдать эту тайну учредителям республики, чистым республиканцам; им стоило только бросить взгляд с заоблачных высот своей идеальной республики на грешную землю, чтобы увидеть, что дерзость роялистов, бонапартистов, демократов, коммунистов и их собственная непопулярность росли с каждым днем, по мере того как они приближались к концу своих законодательных трудов. Они старались перехитрить рок конституционно-лукавым путем, посредством 111 параграфа конституции, в силу которого всякое предложение, направленное на *пересмотр конституции*, подлежит троекратным дебатам, отделенным друг от друга промежутком в целый месяц, и должно быть принято каждый раз по меньшей мере тремя четвертями голосов, причем, сверх того, необходимо участие в голосовании не менее пятисот депутатов. Но все это было лишь бессильной попыткой обеспечить за собой силу на тот, пророчески уже предвидимый ими, случай, когда они станут парламентским меньшинством, — силу, которая с каждым днем все более ускользала из их слабых рук уже теперь, когда они были парламентским большинством и имели в своем распоряжении всю правительственную власть.

Наконец, в мелодраматическом параграфе конституция вверяет себя «бдительности и патриотизму всего французского народа и каждого отдельного француза», после того как она в одном из предыдущих параграфов вверила «бдительных» и «патриотов» нежному уголовному попечению нарочно для того изобретенного ею верховного суда — «Haute Cour».

Такова была конституция 1848 г., которая 2 декабря 1851 г. была низвергнута не головой, а благодаря лишь прикосновению шляпы; правда, этой шляпой была наполеоновская треуголка.

В то время как буржуазные республиканцы в парламенте измышляли, обсуждали и голосовали эту конституцию, Кавеньяк вне парламента держал *Париж на осадном положении*. Осадное положение Парижа было акушером Учредительного собрания при его республиканских родах. Если конституция позже была убита штыками, то не надо забывать, что штыки же, обращенные против народа, охраняли ее еще в материнской утробе и что она родилась при помощи штыков. Предки «честных республиканцев» прошли со своим символом, трехцветным знаменем, по всей Европе. «Честные республиканцы», в свою очередь, сделали изобретение, само проложившее себе дорогу во все континентальные страны, но с не остывающей

любовью все снова возвращавшееся во Францию, пока оно не водворилось в половине французских департаментов. Это изобретение — *осадное положение*. Превосходное изобретение, периодически применяемое в течение революции в каждом последующем кризисе! Но казарма и бивуак, периодически взваливаемые французскому обществу на голову, чтобы сжать ему мозг и утихомирить его; сабля и мушкет, которым периодически предоставлялось судить и управлять, опекать и цензуровать, исправлять обязанности полицейского и ночного сторожа; военный ус и мундир, периодически провозглашаемые высшей мудростью и правителями общества, — как могли казарма и бивуак, сабля и мушкет, военный ус и мундир не напасть, наконец, на мысль: лучше спасти общество раз навсегда, провозглашая свой собственный режим верховным и совершенно избавляя гражданское общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и мушкет, военный ус и мундир тем скорее должны были напасть на эту мысль, что они вправе были рассчитывать в этом случае на лучшую плату за более важную услугу, меж тем как при периодическом осадном положении и временном спасении общества, по приказу той или другой буржуазной фракции, на их долю, помимо нескольких убитых и раненых и пары любезных ужимок со стороны буржуа, выпадало мало существенного. Почему же войску не попробовать, наконец, играть в осадное положение в собственных интересах и на собственный счет, осаждая вместе с тем карманы граждан? Не надо притом забывать, — заметим мимоходом, — что полковник Бернар, тот самый председатель военных комиссий, который при Кавеньяке сослал без суда 15 000 инсургентов, в эту минуту опять находится во главе действующих в Париже военных комиссий.

Если честные, чистые республиканцы, объявив Париж на осадном положении, этим самым насадили питомник, в котором впоследствии выросли преторианцы 2 декабря 1851 г., то нельзя не признать, что, вместо того чтобы утрировать национальное чувство, как они это делали при Луи-Филиппе, теперь, когда в их распоряжении оказалась вся сила нации, они пресмыкаются перед иностранными державами и, вместо того чтобы освободить Италию, дают австрийцам и неаполитанцам снова поработить ее. Избрание Луи Бонапарта в президенты 10 декабря 1848 г. положило конец диктатуре Кавеньяка и Учредительному собранию.

Параграф 44 конституции гласит: «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда-либо потерял французское гражданство». Первый президент французской республики, Луи-На-

полеон Бонапарт, не только потерял французское гражданство, не только был полицейским констэблем в Англии, — он был даже натурализованным швейцарцем.

О значении выборов 10 декабря я подробно говорил в другом месте. Здесь достаточно будет заметить, что они представляют *реакцию крестьян*, которым пришлось поплатиться за февральскую революцию, против других классов нации, — *реакцию деревни против города*. Они встретили большое сочувствие в армии, которой республиканцы «National'я» не доставили ни славы, ни прибавки к жалованью, в крупной буржуазии, приветствовавшей Бонапарта как переходную ступень к монархии, среди пролетариев и мелких буржуа, приветствовавших его как отмщение зо Кавеньяка. Ниже я подробно остановлюсь на отношении крестьян к французской революции.

Эпоха от 20 д кабря 1848 г. до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. заключает в себе историю гибели буржуазных республиканцев. Основав республику для буржуазии, прогнав с поля битвы пролетариат и на время зажав рот демократической мелкой буржуазии, они сами отстраняются массой буржуазии, справедливо завладевающей этой республикой как *своей собственностью*. Но эта буржуазная масса стояла за *монархию*. Одна часть ее, крупные землевладельцы, господствовали во время *реставрации* и были поэтому *легитимистами*. Другая часть, финансовые тузы и крупные промышленники, господствовали при июльской монархии и были поэтому *орлеанистами*. Высшие сановники армии, кафедры, церкви, суда, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе части буржуазии нашли в буржуазной республике, не носившей ни имени *Бурбонов*, ни имени *Орлеанов*, а имя *Капитала*, государственную форму, при которой они могли господствовать *сообща*. Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить буржуазных республиканцев, еще господствовавших в Национальном собрании. Насколько зверски эти чистые республиканцы злоупотребили физической силой по отношению к народу, настолько трусливо, робко, малодушно, бессильно они отказались от борьбы теперь, когда надо было отстоять свой республиканизм и свои права законодателей против исполнительной власти и роялистов. Мне незачем здесь рассказывать позорную историю их разложения. Они не погибли, а исчезли. Они навсегда сыграли свою роль. В следующем периоде они как в парламенте, так и вне его фигурируют лишь как тени прошлого — тени, словно готовые ожить, как только дело идет

опять об одном слове: «республика», каждый раз как революционный конфликт готов спуститься до самого низкого уровня. Замечу мимоходом, что газета, давшая этой партии имя «National», в следующем периоде переходит на сторону социализма.

Итак, период конституирования или основания французской республики распадается на три эпохи — от 4 мая до 24 июня 1848 г. борьба всех объединившихся в феврале классов и подклассов против пролетариата, страшное поражение пролетариата; от 25 июня до 10 декабря 1848 г. господство буржуазных республиканцев, составление конституции, осадное положение в Париже, диктатура Кавеньяка; от 20 декабря 1848 г. до конца мая 1849 г. борьба Бонапарта и партии порядка с республиканской Конституантой, поражение последней, гибель буржуазных республиканцев.

Прежде чем расстаться с этим временем, нужно бросить ретроспективный взгляд на обе силы, жившие в брачном союзе от 20 декабря 1848 г. до конца Учредительного собрания и из которых одна уничтожила другую 2 декабря 1851 г. Я говорю о Луи Бонапарте и о партии соединенных роялистов, партии порядка, партии крупной буржуазии. В самом начале своего президентства Бонапарт составил министерство из партии порядка с Одилоном Барро во главе, — nota bene, со старым вождем самой либеральной фракции парламентской буржуазии. Господин Барро поймал-таки, наконец, министерский портфель, призрак которого преследовал его с 1830 г., — более того, портфель первого министра. Но он достиг этого не так, как он мечтал при Луи-Филиппе, — не в качестве самого передового главы парламентской оппозиции, а в качестве союзника всех своих заклятых врагов, — иезуитов и легитимистов, — и притом же задачей его министерства было уложить в могилу парламент. Он ведет, наконец, невесту к венцу, но после того как она была обесчещена. Сам Бонапарт как будто совершенно стушевался. За него действовала партия порядка.

На первом же министерском совете было решено отправить экспедицию в Рим, средства для этой экспедиции вырвать у Национального собрания под ложным предлогом и обделать все за спиной Собрания. Первым делом министерства был обман Национального собрания и заговор с иностранными самодержавными монархиями против революционной Римской республики. Таким же способом и при помощи тех же приемов Бонапарт подготовлял свое предприятие 2 декабря против роялистского Законодательного собрания и его конституционной республики. Не забудем, что та же партия, которая 20 декабря 1848 г. сидела в бонапартовском министерстве, состав-

ляла большинство Законодательного собрания 2 декабря 1851 года.

В августе 1848 г. Учредительное собрание постановило разойтись не раньше, чем будет выработан и обнародован целый ряд органических законов, дополняющих конституцию. 6 декабря партия порядка устами депутата Рато предложила Собранию оставить в покое органические законы и *распустить себя*. Не только министерство с г. Одилоном Барро во главе, — все роялистские депутаты теперь повелительно говорили Собранию, что его роспуск необходим для восстановления кредита, для упрочения порядка, для того, чтобы положить конец неопределенному переходному состоянию и основать нечто прочное, окончательное; что Собрание мешает производительной деятельности нового правительства и хочет продолжать свое существование по злобе, что оно надоело стране. Это поношение законодательной власти Бонапарт намотал себе на ус, выучил наизусть и 2 декабря 1851 г. доказал парламентским роялистам, что он коечему научился у них. Он обратил против них их собственные фразы.

Министерство Барро и партия порядка пошли дальше. Они вызвали по всей Франции *петиции к Национальному собранию*, в которых его любезно просили — исчезнуть. Таким образом, они вели в огонь против Национального собрания, конституционно организованного выражения народной воли, неорганизованные народные массы. Они научили Бонапарта апеллировать против парламентских собраний к народу. 29 января 1849 г. настал, наконец, день, когда Учредительное собрание должно было решить вопрос о своем собственном роспуске. В этот день в здании его заседаний были помещены войска; генерал партии порядка Шангарнье, главнокомандующий национальной гвардии и линейных войск, делал большой смотр войскам в Париже, словно накануне сражения, а соединенны роялисты угрожали Собранию употреблением силы, если оно не сдастся добровольно. Оно сдалось, выторговав себе лишь очень кратко временную отсрочку. Что такое 29 января, если не coup d'état 2 декабря 1851 г., только сделанный роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания? Роялисты не заметили или не захотели заметить, что Бонапарт воспользовался 29 января 1849 г., чтобы заставить часть войска продефилировать перед собою у Тюльерийского дворца, что он жадно ухватился именно за этот первый открытый призыв войска против парламента, чтобы напомнить о Калигуле. Они, разумеется, видели только своего Шангарнье.

Мотив, особенно побуждавший партию порядка насильственно

сократить жизнь Учредительного собрания, заключался в дополняющих конституцию *органических* законах, — законах о преподавании, о вероисповедании и пр. Соединенным роялистам было крайне важно не допустить ставших недоверчивыми республиканцев до издания этих законов: им было крайне важно выработать эти законы самим. Однако между этими органическими законами находился также закон об ответственности президента республики. В 1851 году Законодательное собрание как раз вырабатывало такой закон, когда Бонапарт предупредил этот удар своим ударом 2 декабря. Как дорого дали бы объединенные роялисты во время своей парламентской зимней кампании 1851 г. за то, чтобы иметь готовый закон об ответственности президента, и притом закон, выработанный недоверчивым, враждебным республиканским Собранием!

После того как Учредительное собрание 29 января 1849 г. само сломало свое последнее оружие, министерство Барро и друзья порядка принялись беспощадно травить его. Они делали все возможное, чтобы унизить его, и вынудили у отчаявшегося в самом себе Собрания законы, доконавшие его в общественном мнении. У Бонапарта, занятого своей наполеоновской idée fixe, хватило дерзости публично воспользоваться этим унижением парламентской власти. Когда Национальное собрание 8 мая 1849 г. выразило порицание министерству за занятие Чивиты-Веккии генералом Удино и приказало впредь пользоваться римской экспедицией в духе ее мнимой, первоначальной цели, — Бонапарт в тот же вечер опубликовал в «Moniteur'е» письмо к Удино, где он поздравляет генерала с его геройскими подвигами и, в противоположность черствым парламентским писакам, уже принимает вид великодушного протектора армии. Роялисты посмеивались над этим: они были уверены, что они его одурачат. Наконец, когда Марраст, президент Учредительного собрания, усомнившись на минуту в безопасности Собрания, на основании конституции вызвал полковника с полком, тот отказался последовать вызову, ссылаясь на дисциплину, и отослал Марраста к Шангарнье; Шангарнье же отказал в требовании Маррасту с язвительным замечанием, что он не любит «интеллигентных штыков» (baïonnettes intelligentes). В ноябре 1851 г. соединенные роялисты, готовясь начать решительную борьбу с Бонапартом, хотели в своем пресловутом *квесторском законе* провести принцип непосредственной реквизиции войск президентом Национального собрания. Один из их генералов, Лефло, подписал законопроект. Но тщетно вотировал за него Шангарнье, тщетно Тьер превозносил осмотрительную мудрость покойного Учредительного собрания. *Военный министр Сент-Арно* отве-

тил ему так, как Шангарнье ответил Маррасту, и его ответ был покрыт аплодисментами Горы!

Так-то *партия порядка*, еще будучи лишь министерством, а не Национальным собранием, сама заклеймила *парламентский режим*. И она поднимает крик, когда переворот 2 декабря 1851 г. изгоняет этот режим из Франции!

Счастливого ему пути!

III.

29 мая 1849 г. Законодательное Собрание открыло свои заседания, 2 декабря 1851 г. оно было разогнано. Этот период обнимает время существования *конституционной, или парламентской, республики*.

Она распадается на три главных эпохи: от 29 мая до 13 июня 1849 г. борьба демократии с буржуазией, поражение мелкобуржуазной, или демократической, партии; от 13 июня 1849 г. до 31 мая 1850 г. парламентская диктатура буржуазии, т. е. объединение орлеанистов и легитимистов, или партии порядка, диктатура, завершенная отменой всеобщего избирательного права; от 31 мая 1851 г. до 2 декабря 1851 г. борьба буржуазии с Бонапартом, крушение буржуазного господства, гибель конституционной, или парламентской, республики.

В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, а господство *жирондистов* сменяется господством *якобинцев*. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что она более не в состоянии не только итти впереди революции, но и следовать за ней, — ее отстраняет и отправляет на гильотину ее, стоящий за ней, более смелый союзник. Революция двигается, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 г. Партия пролетариата является придатком мелкобуржуазной демократической партии. Последняя изменяет первой 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, со своей стороны, стоит на плечах буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами спешат опереться на плечи партии порядка. Партия порядка пожатием плеч опрокидывает буржуазных республиканцев и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит на плечах армии, когда она в одно прекрасное утро открывает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягается в сторону стремящейся вперед партии и

упирается в стремящуюся назад партию. Неудивительно, что она в этой смешной позе теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция двигается, таким образом, по нисходящей линии. Она находится в этом попятном движении прежде, чем убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть.

Период, с которым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: конституционалисты открыто конспирируют против конституции, революционеры искренно стоят за конституцию. Национальное собрание, желающее быть всесильным, вечно остается на парламентской почве; монтаньяры видят свое призвание в терпении и парируют свои поражения в настоящем предсказанием побед в будущем; роялисты, в роли patres conscripti республики, вынуждены самим положением держать любезные им враждующие между собой королевские династии за границей и поддерживать ненавистную республику во Франции; исполнительная власть, черпающая силу в своей слабости и респектабельность — во внушаемом ею презрении; республика, представляющая не что иное, как соединенный позор двух монархий, реставрации и июльской монархии, под империалистическим ярлыком; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой — не доводить борьбы до конца; разнузданная, бессодержательная агитация — во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия — во имя революции; лживые страсти, бесстрастные истины, герои без героизма, история без событий; развитие, единственной двигательной силой которого является, повидимому, календарь, утомляющее вечным повторением одних и тех же напряжений и реакций; противоречия, периодически обостряющиеся как будто только для того, чтобы притупиться и стушеваться, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и буржуазные страхи перед надвигающимся светопреставлением в то самое время, когда спасители мира предаются самым мелочным интригам и разыгрывают придворные комедии, своим laissez aller менее напоминающие Страшный суд, чем времена Фронды; официальный совокупный гений всей Франции пасует перед лукавой глупостью одного индивидуума; всеобщая воля нации, высказываясь в общем избирательном праве, регулярно ищет соответственного выражения в закоренелых врагах интересов массы и находит его, наконец, в своеволии флибустьера. Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта. Люди и события кажутся Шлемилями навыворот, — тенями, потерявшими тело. Революция

парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов. Если «красный призрак», постоянно вызываемый и заклинаемый контр-революционерами, появляется наконец, то появляется не с анархическим фригийским колпаком на голове, а в мундире в порядка, *красных шароварах.*

Мы видели, что министерство, составленное Бонапартом в день своего вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка, министерством легитимистской и орлеанистской коалиции. Это министерство Барро-Фаллу, более или менее насильственно укоротившее жизнь Учредительного собрания, пережило его и находилось еще у власти ко времени открытия заседаний Законодательного собрания. Шангарнье, генерал роялистской коалиции, все еще соединял в своих руках пост главнокомандующего первой дивизии и парижской национальной гвардии. Наконец, общие выборы обеспечили за партией порядка огромное большинство в Законодательном собрании. Здесь сошлись депутаты и пэры Луи-Филиппа со священной фалангой легитимистов, которым многочисленные избирательные записки нации открыли двери политической сцены. Бонапартистских депутатов было слишком мало для образования самостоятельной парламентской партии: они представляли лишь mauvaise queue (охвостье) партии порядка. Таким образом, партия порядка имела в своих руках правительственную, военную и законодательную, — словом, всю государственную власть, а морально ее позиция была укреплена общими выборами, выставлявшими ее господство выражением народной воли, и одновременной победой контр-революции на всем европейском континенте.

Никакая партия не начинала борьбы с бо̀льшими силами и при более благоприятных предзнаменованиях.

От потерпевших крушение *чистых республиканцев* уцелела в Законодательном собрании клика человек в 50 с африканскими генералами Кавеньяком, Ламорисьером и Бедо во главе. Большую оппозиционную партию составляла *Гора*, — так называла себя *социально-демократическая* партия. Из 750 мест Национального собрания она обладала двумястами и была, таким образом, по меньшей мере, столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности. Ее относительное меньшинство, по сравнению со всей роялистской коалицией, уравновешивалось, казалось, особенными обстоятельствами. Департаментские выборы показали, что она приобрела значительное влияние в среде сельского населения; почти все депутаты Парижа находились в ее рядах; армия, выбором трех унтер-офицеров, обнаружила свои демократические

симпатии, а вождь Горы, Ледрю-Роллен, — не в пример всем представителям партии порядка, — был возведен в парламентское дворянство избранием в пяти департаментах. Таким образом, 26 мая 1849 г. Гора — при неизбежных столкновениях между самими роялистами и между всей партией порядка и Бонапартом — имела, казалось, на своей стороне все шансы на успех. Через две недели она потеряла все, в том числе и честь.

Прежде чем продолжать изложение парламентской истории, необходимо сделать некоторые замечания, чтобы избегнуть обычных ошибок при оценке общего характера данной эпохи. На взгляд демократов, и в Учредительном, и в Законодательном собрании дело шло об одном и том же: о простой борьбе между республиканцами и роялистами. Само же движение для них резюмируется в слове «*реакция*», а реакция, это—ночь, когда все кошки серы и когда они могут беспрепятственно изрекать банальности ночного сторожа. Конечно, на первый взгляд, партия порядка кажется клубком различных роялистских фракций, которые не только интригуют друг против друга, чтобы посадить на трон собственного претендента и отстранить претендента противной стороны, но и соединяются все в общей ненависти к «республике» и в общей борьбе против нее. В противоположность этим роялистским конспираторам, Гора, со своей стороны, является защитницей «республики». Партия порядка, повидимому, вечно занята «реакцией», которая — точь-в-точь, как в Пруссии — направлена против прессы, ассоциаций и т. п. и — опять-таки, как в Пруссии — приводится в исполнение грубым полицейским вмешательством бюрократии, жандармерии и суда. Гора, с своей стороны, столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутораста лет всякая так называемая народная партия. Но при более внимательном анализе положения и партий исчезает этот обманчивый флер, скрывающий *классовую борьбу* и своеобразную физиономию этой эпохи.

Легитимисты и орлеанисты составляли, как сказано, две большие фракции партии порядка. Что же привязывало эти фракции к их претендентам и взаимно разъединяло их? Неужели только лилии и трехцветное знамя, дом Бурбонов и дом Орлеанов, различные оттенки роялизма? При Бурбонах властвовало *крупное землевладение* со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, т. е. *капитал* со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимная монархия была лишь политическим выражением прирожденной власти собст-

венников земли, а июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек. Таким образом, эти фракции были разъединены отнюдь не так называемыми принципами, а материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, — старым антагонизмом между городом и деревней, соперничеством между капиталом и поземельной собственностью. Что их, вместе с тем, связывали с той или другой династией старые воспоминания, личные опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, символы веры и принципы, этого никто не думает отрицать. На различных формах собственности, на социальных условиях существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, понятий и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивидуум, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности. Если орлеанисты и легитимисты старались уговорить себя и других, что их разделяет привязанность к двум различным династиям, то факты впоследствии доказали как раз обратное, — что противоположность их интересов делала невозможным слияние двух династий. И если в обыденной жизни различают между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и делает на самом деле, то еще более следует различать в исторической борьбе между фразами и иллюзиями партий и их действительным организмом, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной природой. Орлеанисты и легитимисты очутились в республике рядом, с одинаковыми претензиями. Если каждая сторона добивалась *реставрации собственной династии*, то это лишь значило, что каждый из *двух крупных интересов*, разделяющих *буржуазию*, — поземельная собственность и капитал, — добивался реставрации собственного главенства и подчиненного положения другого. Мы говорим о двух интересах буржуазии, потому что крупная поземельная собственность, вопреки своим феодальным замашкам и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием новейшего общественного развития. Так, английские тори долго воображали, что они пламенно любят трон, алтарь и прелести староанглийской конституции, пока не наступила критическая минута, вырвавшая у них признание, что они пламенно любят одну только *поземельную ренту*.

Объединенные роялисты интриговали друг против друга в прессе,

в Эмсе, в Клэрмонте, — вне парламента. За кулисами они снова надевали свои старинные орлеанистские и легитимистские ливреи и возобновляли свои старинные турниры. Но на политической сцене, в торжественной роли государственных деятелей, в роли большой парламентской партии, они отделываются от своих династий одними поклонами и откладывают реставрацию монархии in infinitum. Они занимаются своим настоящим делом в качестве *партии порядка*, т. е. под *социальной*, а не под *политической* фирмой, как представители буржуазного строя, а не как рыцари странствующих принцесс, как буржуазный класс по отношению к другим классам, а не как роялисты по отношению к республиканцам. И, как партия порядка, они пользовались более неограниченной и жестокой властью над другими общественными классами, чем когда-либо раньше, при реставрации или в июльской монархии; такая партия возможна была вообще только в парламентской республике, потому что только при этой государственной форме могли соединиться обе крупные половины французской буржуазии и тем самым поставить на очередь господство своего класса вместо господства одной привилегированной фракции этого класса. Если они, тем не менее, и как партия порядка поносят республику и не скрывают своего отвращения к ней, то это объясняется не только одними роялистскими воспоминаниями. Инстинкт подсказывал им, что республика, увенчавшая их политическое господство, вместе с тем подкапывает его социальную основу, так как в республике им приходится непосредственно, лицом к лицу, бороться с порабощенными классами, не имея возможности прятаться за трон или отвлекать внимание нации второстепенной борьбой друг с другом и с королевской властью. Чувство слабости заставляло их отступать перед чистыми условиями их классового господства и стремиться назад, к неполным, неразвитым, но именно поэтому менее опасным формам классового господства. Наоборот, каждый раз, когда объединенные роялисты приходят в столкновение с враждебным им всем претендентом, с Бонапартом, каждый раз, когда они опасаются покушений на свое парламентское всемогущество со стороны исполнительной власти, когда им, следовательно, приходится выдвинуть на первый план политическую правомерность своего господства, — они выступают как *республиканцы*, а не как *роялисты*, начиная от орлеаниста Тьера, напоминающего Национальному собранию, что по вопросу о республике мнения меньше всего расходятся, и кончая легитимистом Беррье, который, опоясавшись трехцветным шарфом, 2 декабря 1851 г. в роли трибуна обращается к собравшемуся перед мэрией десятого округа народу с

речью от имени республики. Правда, ему отвечает насмешливое эхо: Henri V! Henri V!

В противовес буржуазной коалиции мелкие буржуа и рабочие сплотились в так называемую *социально-демократическую* партию. После июньских дней 1848 г. мелкая буржуазия увидела себя обойденной: как ее материальным интересам, так и демократическим гарантиям, обеспечивавшим ей возможность отстаивать эти интересы, угрожала опасность со стороны контр-революции. Она сблизилась поэтому с рабочими. С другой стороны, ее парламентское представительство, *Гора*, отодвинутая на задний план во время диктатуры буржуазных республиканцев, в последнем периоде существования Учредительного собрания приобрела потерянную популярность в борьбе с Бонапартом и с роялистским министерством. Гора заключила союз с социалистическими вождями. Примирение было отпраздновано банкетами в феврале 1849 г. Союзники составили общую программу, устроили общие избирательные комитеты и выставили общих кандитатов. В этой общей программе социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии утратили свою прежнюю чисто политическую форму и получили более резкую социалистическую окраску. Так возникла *социальная демократия.* Новая *Гора*, результат этого компромисса, заключала в себе, если не считать нескольких статистов из рабочего класса и нескольких социалистических сектантов, те же элементы, что и старая Гора, только в большем количестве. Но с течением событий она изменилась вместе с представляемым ею классом. Своеобразный характер социальной демократии выражается в том, что она требует демократически-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижений этой цели, как бы революционно ни окрашивалась сама цель, — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках существования мелкой буржуазии. Было бы, однако, ограниченностью думать, будто мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она полагает, что *частные* условия ее освобождения — вместе с тем *общие* условия, при которых единственно может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Точно так же не следует думать, что все демократические представители — shopkeepers (лавочники) или

поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от лавочников, как небо от земли. Их делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между *политическими и литературными* представителями класса и классом, который они представляют.

После сказанного становится само собою ясно, что ни республика, ни так называемые права человека не были последней целью борьбы, которую Гора непрерывно вела с партией порядка. Гора боролась за республику и права человека лишь постольку, поскольку армия, которую хотят разоружить, борется за сохранение своего оружия.

Партия порядка сделала вызов Горе при самом открытии Национального собрания. Буржуазия почувствовала теперь необходимость покончить с демократической мелкой буржуазией, как она год тому назад почувствовала необходимость покончить с революционным пролетариатом. Только на этот раз положение противника было другое. Сила пролетариата была на улице, сила мелкой буржуазии — в самом Национальном собрании. Надо было, значит, выманить ее на улицу и заставить ее сломать свою парламентскую силу, пока время и обстоятельства еще не упрочили этой силы. Гора с опущенными поводьями бросилась в западню.

Приманкой, брошенной ей, послужила бомбардировка Рима французскими войсками. Эта бомбардировка нарушила пятую статью конституции, запрещающую французской республике употреблять свои военные силы против свободы другого народа. Кроме того, четвертая статья запрещает исполнительной власти объявлять войну без согласия Национального собрания, а Учредительное собрание решением от 8 мая высказалось против римской экспедиции. На этом основании Ледрю-Роллен представил 11 июня 1849 г. обвинительный акт против Бонапарта и его министров. Раздраженный булавочными уколами Тьера, он дошел до угрозы защищать конституцию всеми средствами, даже с оружием в руках. Гора поднялась, как один человек, и повторила этот призыв к оружию. 12 июня Национальное собрание отвергло обвинительный акт, и Гора оставила парламент. События 13 июня известны: прокламация части Горы, объявлявшая Бонапарта и его министров «вне конституции»; уличная процессия

демократических национальных гвардейцев, явившихся без оружия и разогнанных войсками Шангарнье, и т. д., и т. д. Часть Горы бежала за границу, другая часть была предана суду «Haute Cour» в Бурже, а остатки Горы были подвергнуты парламентским регламентом придирчивому надзору президента Национального собрания. Париж снова был объявлен на осадном положении, а демократическая часть парижской национальной гвардии была распущена. Так были уничтожены влияние Горы в парламенте и сила мелкой буржуазии в Париже.

Лион, где события 13 июня вызвали кровавое восстание рабочих, был, вместе с пятью соседними департаментами, также объявлен на осадном положении, продолжающемся до сего дня.

Огромное большинство Горы изменило своему авангарду, отказавшись подписаться под прокламацией, направленной против Бонапарта и его министров. Дезертировала и пресса; только две газеты осмелились опубликовать это пронунциаменто. Мелкие буржуа изменили своим представителям: национальные гвардейцы сидели дома или появлялись, чтобы помешать строить баррикады. Представители обманули мелких буржуа: мнимые союзники из армии нигде не показывались. Наконец, демократическая партия заразила собственной слабостью пролетариат, на силы которого она рассчитывала. Как это бывает при всех демократических подвигах, вожди могли для своего удовлетворения обвинять свой «народ» в измене, а народ мог для своего удовлетворения обвинять своих вождей в плутовстве.

Редко какое-либо дело возвещалось с бо́льшим шумом, чем предстоящий поход Горы; редко трубили с большей уверенностью и более преждевременно, чем в данном случае, о неизбежной победе демократии. Без сомнения, демократы верят в силу трубных звуков, от которых пали иерихонские стены. И каждый раз, когда они видят перед собою стены деспотизма, они стараются повторить иерихонское чудо. Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было оригинально сложить оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей, это — не более, как попытки запугать противника. И если они попадают в тупой переулок, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к исполнению своих

угроз, — они это делают наполовину, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению. Трескучая увертюра, возвещавшая борьбу, замирает на робком ворчании, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают смотреть на себя серьезно, и действие плоско обрывается.

Ни одна партия не преувеличивает своих средств больше, не оценивает положения легкомысленнее, чем демократическая партия. Если часть армии голосовала за Гору, Гора приходит к убеждению, что армия и бунтовать будет в ее пользу. Да и по какому поводу? По такому поводу, когда армия, с своей точки зрения, должна была думать, что революционеры стали на сторону римских солдат против французских. С другой стороны, воспоминания об июньских днях 1848 г. были еще слишком свежи, чтобы пролетариат не питал глубокого отвращения к национальной гвардии и чтобы вожди тайных обществ не питали глубокого недоверия к демократическим вождям. Эта рознь только тогда отошла бы на задний план, если бы на карте стояли великие общие интересы. Нарушение отвлеченного параграфа конституции не могло служить таким интересом. Разве конституция, по уверению самих демократов, не была уже нарушена много раз? Разве самые популярные газеты не клеймили всю конституцию как дело рук контр-революционеров? Но демократ, представляющий мелкую буржуазию, т. е. *промежуточный класс*, в котором притупляются интересы двух различных классов, воображает себя выше классовых противоречий вообще. Демократы признают существование привилегированного класса, но они со всей остальной нацией образуют *народ*. Они — защитники *народных прав*, их интересы — *народные интересы*. Им поэтому незачем накануне борьбы анализировать интересы и положение различных классов. Им незачем особенно осторожно взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал, — и *народ* со всеми своими неисчерпаемыми силами бросится на *угнетателей*. А если на деле их интересы оказываются никому не интересными, а их сила — бессилием, то или в этом виноваты губительные софисты, разделяющие *нераздельный народ* на различные враждебные лагери, или армия была слишком обесчеловечена, слишком ослеплена, чтобы видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, или какая-нибудь деталь в исполнении помешала всему, или же непредвиденная случайность на этот раз расстроила дело. Во всяком случае демократ выходит из позорнейшего поражения столь же незапятнанным, сколь он невинно подвергся ему, — выходит притом с новым убеждением, что он непременно победит, что не он и его партия должны оставить старую точку

зрения, а, напротив того, обстоятельства должны приспособиться к его точке зрения.

Не следует поэтому представлять себе ущербленную, сломленную и униженную новым парламентским регламентом Гору слишком уже несчастной. Если 13-е июня устранило ее вождей, то этот же день, с другой стороны, очистил место второстепенным талантам, которым новое положение льстило. Если нельзя было более сомневаться в их парламентском бессилии, то они были теперь вправе ограничивать свою деятельность взрывами нравственного негодования и трескучей декламацией. Если партия порядка выставляла их, последних официальных представителей революции, воплощением всех ужасов анархии, — они могли быть тем пошлее и скромнее на деле. А в поражении 13 июня они утешали себя глубокомысленным восклицанием: «Но пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только! Мы покажем, кто мы такие! Nous verrons!» (Посмотрим!)

Что касается бежавших за границу монтаньяров, то достаточно будет здесь заметить, что Ледрю-Роллен, который ухитрился за какие-нибудь две недели окончательно погубить могучую партию, во главе которой он стоял, счел себя после этого призванным образовать французское правительство in partibus; что его фигура в отдалении, в стороне от театра борьбы, как будто вырастала, по мере того как уровень революции понижался и официальные величины официальной Франции становились мельче; что на предстоявших в 1852 г. выборах он мог выступить как республиканский претендент, что он время от времени рассылал циркуляры к валахам и к другим народам, где он угрожал континентальным деспотам своими подвигами и подвигами своих союзников. Разве Прудон был так-таки совершенно неправ, обращаясь к этим господам со словами: «Vous n'êtes que des blagueurs!» (Вы болтуны — и больше ничего!)?

13 июня партия порядка не только сломила силу Горы, — она также *подчинила конституцию решениям большинства Национального собрания.* Она понимала республику так: в республике буржуазия господствует в парламентских формах, не будучи ограничена, как это имеет место в монархии, ни veto исполнительной власти, ни правом последней распускать парламент. Тьер называл это *парламентской республикой.* Изгнав из парламента самых популярных депутатов, буржуазия 13 июня обеспечила за собою неограниченную власть внутри парламентских стен; но не нанесла ли она этим актом самому парламенту удар, окончательно ослабивший его по отношению к исполнительной власти и к народу? Без всяких церемоний выдавая

суду многочисленных депутатов, она уничтожила свою собственную парламентскую неприкосновенность. Унизительный регламент, которому она подчинила депутатов Горы, настолько же возвышал президента республики, насколько он унижал каждого отдельного представителя народа. Заклеймив восстание в защиту установленной конституции как стремящееся к ниспровержению общества, как анархистское предприятие, она сама отрезала себе возможность апеллировать к восстанию в том случае, если исполнительная власть нарушит конституцию ей во вред. Ирония истории! 2 декабря 1851 г. партия порядка слезно, но тщетно предлагает народу в генералы конституции против Бонапарта *Удино* — того генерала, который, по поручению Бонапарта, бомбардировал Рим и тем послужил непосредственным поводом конституционного мятежа 13 июня. Другой герой 13 июня, Виейра, пожинающий лавры на трибуне Национального собрания за жестокости, которые он совершил в помещениях демократических газет во главе шайки национальных гвардейцев из финансовой аристократии, — этот самый Виейра был посвящен в заговор Бонапарта и в значительной степени способствовал тому, чтобы отрезать Национальному собранию в последние дни его существования всякую помощь со стороны национальной гвардии.

13 июня имело еще другой смысл. Гора добивалась предания Бонапарта суду. Ее поражение было, следовательно, прямой победой Бонапарта, его личным торжеством над демократическими врагами. Партия порядка одержала эту победу, — Бонапарту оставалось только расписаться в получении. Он это и сделал. 14 июня появилась на стенах Парижа прокламация, в которой президент, как бы нехотя, единственно под давлением событий, выступает из своего монашеского уединения, в тоне непризнанной добродетели жалуется на клеветы своих противников и, якобы отожествляя свою персону с делом порядка, на самом деле отожествляет дело порядка со своей персоной. К тому же инициатором римской экспедиции был Бонапарт; Национальное собрание лишь санкционировало совершившийся факт. Восстановив власть первосвященника Самуила в Ватикане, Бонапарт мог надеяться войти королем Давидом в Тюльери. Он привлек на свою сторону попов.

Мятеж 13 июня ограничился, как мы видели, мирной уличной процессией. О военных лаврах в борьбе против него не могло, значит, быть и речи. Тем не менее, в это бедное героями и событиями время партия порядка превратила это бескровное сражение во второй Аустерлиц. С трибуны и в прессе превозносили армию, эту силу порядка, в противоположность народным массам, этому бессилию

анархии, а Шангарнье превозносился как «твердыня общества», — мистификация, в которую он, в конце концов, сам уверовал. Меж тем войска, казавшиеся подозрительными, были удалены тайком из Парижа; полки, обнаружившие на выборах самые сильные демократические симпатии, были высланы из Франции в Алжир; беспокойные головы из солдат отданы в дисциплинарные батальоны; наконец, печать систематически отгорожена от казармы, а казарма — от гражданского общества.

Мы теперь дошли до решительного поворотного пункта в истории французской национальной гвардии. В 1830 г. национальная гвардия решила судьбу реставрации. При Луи-Филиппе каждый бунт кончался неудачей, если национальная гвардия действовала заодно с войском. Когда она в февральские дни 1848 г. приняла пассивное положение по отношению к Луи-Филиппу, последний счел себя погибшим. Так-то укоренилось убеждение, что революция не может победить без национальной гвардии, а армия не может победить, имея национальную гвардию *против* себя. Таково было суеверное убеждение армии во всемогуществе граждан. Июньские дни 1848 г., когда вся национальная гвардия с линейными войсками подавила восстание, упрочили это суеверие. С президентством Бонапарта значение национальной гвардии несколько упало благодаря противоконституционному соединению должности начальника национальной гвардии и начальника первой дивизии в руках Шангарнье.

Подобно тому как командование национальной гвардией стало словно атрибутом военного главнокомандующего, и сама она приняла характер лишь придатка линейных войск. Наконец, 13 июня ее доканало, — не только потому, что с этих пор ее стали периодически распускать по частям во всех концах Франции, пока от нее не остались одни обломки: демонстрация 13 июня была прежде всего демонстрацией демократической национальной гвардии. Правда, она показала армии не свое оружие, а лишь свой мундир; но именно в этом мундире заключался талисман. Армия убедилась, что этот мундир — такой же шерстяной лоскут, как и всякий другой мундир. Чары исчезли. В июньские дни 1848 г. буржуазная и мелкобуржуазная национальная гвардия соединилась с армией против пролетариата. 13 июня 1849 г. буржуазия разогнала мелкобуржуазную национальную гвардию при помощи армии. 2 декабря 1851 г. и буржуазной национальной гвардии уже не существовало: своим декретом, распускавшим ее, Бонапарт лишь констатировал совершившийся факт. Так буржуазия сама сломала свое последнее оружие против армии, лишь только мелкая буржуазия из покорного вассала

превратилась в бунтовщика. Да и вообще буржуазия должна была собственными руками разрушить все свои оборонительные орудия против самодержавия, как только она сама стала самодержавной.

Тем временем партия порядка праздновала новое завоевание власти, — власти, потерянной в 1848 г. как бы только для того, чтобы найти ее свободной от всяких пут, — поношением республики и конституции, проклятием по адресу всех будущих, настоящих и прошедших революций, в том числе и тех, которые были сделаны ее собственными вождями, и, наконец, законами, сковывавшими прессу, уничтожавшими ассоциации и возводившими осадное положение на степень органического института. Затем Национальное собрание закрыло свои заседания от половины августа до половины октября, назначив на время своего отсутствия перманентную комиссию. Во время этих каникул легитимисты интриговали с Эмсом, орлеанисты — с Клэрмонтом, Бонапарт — посредством царственных поездок, а департаментские советы на совещаниях по поводу пересмотра конституции, — события, неизменно повторявшиеся во время каникул Национального собрания. Я буду говорить об этих интригах, лишь только они станут событиями. Тут я еще замечу, что Национальное собрание поступало неполитично, исчезая на довольно долгое время со сцены и оставляя во главе республики, у всех на виду, только одну, хотя бы и жалкую, фигуру Луи Бонапарта, меж тем как партия порядка скандализировала публику своим распадением на различные роялистские фракции, отдававшиеся исключающим друг друга реставрационным вожделениям. Каждый раз, когда во время этих каникул смолкал оглушающий шум *парламента* и его тело растворялось в нации, становилось очевидным, что этой республике недоставало лишь одного, чтобы предстать в своем настоящем виде, — сделать парламентские каникулы непрерывными и заменить свой девиз: Liberté, Egalité, Fraternité, недвусмысленными словами: Infanterie, Cavalerie, Artillerie.

IV.

В половине октября 1849 г. Национальное собрание снова открыло свои заседания. 1 ноября Бонапарт, не ждано не гадано, известил Собрание об отставке министерства Барро-Фаллу и об образовании нового министерства. Никакой лакей не был прогоняем со службы более бесцеремонно, чем министры Бонапарта. Пинки, предназначенные Национальному собранию, достались предварительно Барро и К°.

Министерство Барро было составлено, как мы видели, из легитимистов и орлеанистов. Это было министерство партии порядка. Бонапарту нужно было такое министерство, чтобы распустить республиканское Учредительное собрание, снарядить экспедицию против Рима и сломить силу демократической партии. Тогда он стушевался, казалось, за спиной этого министерства, уступив правительственную власть партии порядка и надев скромную маску ответственного издателя газеты времен Луи-Филиппа, типичную маску homme de paille (подставного лица). Теперь он снял маску, которая из легкого покрывала, дававшего ему возможность скрывать свою физиономию, превратилась в железную маску, мешавшую ему показать свою собственную физиономию. Он призвал к власти министерство Барро, чтобы от имени партии порядка разогнать республиканское Национальное собрание; он дал отставку этому министерству, чтобы объявить свое собственное имя независимым от Национального собрания этой партии порядка.

В благовидных предлогах к этой отставке недостатка не было. Министерство Барро пренебрегало даже правилами приличия, обязательными по отношению к президенту республики, как к самостоятельной власти рядом с Национальным собранием. Во время парламентских каникул Бонапарт обнародовал письмо к Эдгару Нею, в котором он отрицательно отзывался о либеральной политике папы, подобно тому как, наперекор Учредительному собранию, он обнародовал письмо, восхвалявшее Удино за нападение на Римскую республику. Об этом-то письме заговорил из мнимого либерализма Виктор Гюго, когда Национальное собрание вотировало бюджет по римской экспедиции. Партия порядка похоронила мысль Гюго, будто причуды Бонапарта могут иметь какое-либо политическое значение, под презрительно удивленными восклицаниями. И никто из министров не поднял перчатки, брошенной Бонапарту. В другой раз Барро со свойственным ему пустым пафосом позволил себе с трибуны говорить с негодованием об «отвратительных кознях», имевших место, по его словам, в самых приближенных к президенту кругах. Наконец, министерство, выхлопотавшее у Национального собрания вдовье содержание для герцогини Орлеанской, наотрез отказалось предложить Собранию увеличить содержание президента. А в Бонапарте императорский претендент так тесно сросся с разорившимся авантюристом, что великая идея об его призвании восстановить империю у него всегда дополнялась другой великой идеей о призвании французского народа платить его долги.

Министерство Барро-Фаллу было первым и последним *парла-*

ментским министерством, призванным к власти Бонапартом. Его отставка явилась поэтому решающим поворотным пунктом. С его уходом партия навсегда потеряла необходимый оплот парламентского режима, главенство над исполнительной властью. А в такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. держит в постоянной и самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и отдельных существований, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидуумов, где это паразитическое тело, благодаря необычайной централизации, в такой же мере вездесуще, всеведуще, подвижно и упруго, в какой действительное общественное тело беспомощно-несамостоятельно, разрозненно-бесформенно, — в такой стране само собою ясно, что Национальное собрание с правом раздачи министерских портфелей теряет всякое действительное влияние, если оно в то же время не упрощает государственного управления, не уменьшает армии чиновников, не дает, наконец, гражданскому обществу и общественному мнению создать свои собственные, независимые от правительственной власти, органы. Но *материальные* интересы французской буржуазии теснейшим образом связаны как раз с сохранением этой огромной разветвляющейся во все стороны государственной машины. Здесь буржуазия пристраивает свое излишнее население и пополняет чиновническими окладами то, что не попадает в ее карман в форме прибыли, процентов, ренты и гонорара. С другой стороны, *политические интересы* буржуазии заставляли ее все более усиливать гнет, т. е. средства и персонал государственной власти, и в то же время вести непрерывную войну против общественного мнения и из недоверия по меньшей мере калечить, парализовать самостоятельные органы движения общества, если ей не удавалось их просто ампутировать. Таким образом, классовое положение французской буржуазии заставляло ее, с одной стороны, подрезать корни всякой, а следовательно и своей собственной, парламентской власти, а с другой стороны, делать враждебную ей исполнительную власть непреодолимой.

Новое министерство называлось министерством д'Опуля. Тем не менее это совсем не значит, что генерал д'Опуль получил сан первого министра. С отставкой Барро Бонапарт отменил этот сан, осуждавший президента республики на легальное ничтожество кон-

ституционного короля, но конституционного короля без трона и короны, без скипетра и меча, без неответственности, без наследственности, без наследственного обладания высшим государственным саном и — что всего хуже — без королевского жалованья. Министерство д'Опуля имело в своей среде только одного человека с парламентским именем, еврея Фульда, одного из самых опороченных членов финансовой аристократии. Ему достался портфель министра финансов. Взгляд на курсовые бюллетени парижской биржи показывает, что с 1 ноября 1849 г. французские фонды поднимаются и падают вместе с бонапартистскими акциями. Найдя союзника на бирже, Бонапарт одновременно забрал в свои руки и полицию, назначив Карлье парижским префектом.

Однако последствия перемены министерства могли обнаружиться лишь с течением времени. Пока что Бонапарт сделал один шаг вперед, чтобы тем очевиднее отступить назад. За его грубым посланием последовало крайне холопское заявление покорности Национальному собранию. Каждый раз, когда министры осмеливались сделать робкую попытку придать его личным причудам форму законопроектов, они, казалось нехотя, единственно вынужденные своим положением, исполняли комические поручения, в безуспешности которых они заранее были уверены. Каждый раз, когда Бонапарт за спиной министров выбалтывал свои намерения и играл своими «idées napoléoniennes» (наполеоновскими идеями), его собственные министры отрекались от него с трибуны Национального собрания. Едва становились известными его узурпаторские вожделения, как поднимался несмолкаемый злорадный смех его противников. Он принимал вид непризнанного гения, которого весь мир выставляет простофилей. Никогда не подвергался он более глубокому презрению всех классов, чем в этот период. Никогда буржуазия не господствовала более безусловно; никогда не выставляла она напоказ знаки своего господства с бо̀льшим чванством.

Мне незачем писать здесь историю ее законодательной деятельности, исчерпывающейся в этот период двумя законами: законом, восстановляющим *налог на вино*, и *законом о преподавании*, отменяющим неверие. Затрудняя французам потребление вина, буржуазия осчастливила их тем более обильным притоком воды праведной жизни. Объявляя налогом на вино неприкосновенной старую, ненавистную податную систему, буржуазия старалась законом о преподавании сохранить старое умственное состояние масс, на которое опиралась эта податная система. Удивляются, что орлеанисты, либеральные буржуа, эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической

философии, вверяют духовное руководство французами своим закоренелым врагам, иезуитам. Удивляться тут нечему: орлеанисты и легитимисты могли расходиться в вопросе о претенденте, но они понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох, что надо было дополнить и усилить средства порабощения июльской монархии средствами порабощения реставрации.

Крестьяне, обманутые во всех своих надеждах, более чем когда-либо придавленные низкими хлебными ценами, с одной стороны, и растущей тяжестью податей и ипотечного долга, с другой, — зашевелились в департаментах. Им ответили травлей школьных учителей, подчинив их духовенству, травлей мэров, подчинив их префектам, наконец системой шпионства, которой были подчинены все. В Париже и в больших городах даже реакция одевается в современный костюм и больше раздражает, чем подавляет. В деревне она пошла, низка, мелочна, утомительна, назойлива, одним словом — жандарм. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы.

Несмотря на всю страстность и декламацию, пускаемые в ход с трибуны Национального собрания против меньшинства партией порядка, ее речь оставалась односложной, как речь христианина, чье слово должно быть: да — да, нет — нет! Односложной и на трибуне, и в прессе; скучной, как загадка, решение которой известно наперед. Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, о свободе печати или о свободе торговли, о клубах или муниципальном уставе, об обеспечении свободы личности или об урегулировании государственного бюджета, — один и тот же пароль раздавался неизменно, тема всегда оставалась та же, приговор был всегда готов и неизменно гласил: *«Социализм!»* Социализмом объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом — буржуазное просвещение, социализмом — буржуазная финансовая реформа. Социализм—строить железную дорогу там, где есть уже канал, социализм же — обороняться палкой от шпаги.

Это было не только фразой, модой, партийным приемом. Буржуазия верно поняла, что оружие, выкованное ею против феодализма, обращалось против нее самой, что все созданные ею средства образования поднимали бунт против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса восставали против ее *классового господства*, угрожая ему одновременно со стороны его общественного основания и со стороны его политической вершины, следовательно, стали *«социалистическими»*. В этой угрозе и в

этом восстании она справедливо видела тайну социализма, оценивая, таким образом, его смысл и тенденцию вернее, чем так называемый социализм оценивает самого себя; этот социализм все не может понять, почему это буржуазия упорно отворачивается от него,— все равно, хнычет ли он сантиментально о страданиях человечества, провозвещает ли христианское тысячелетнее царство и всеобщую братскую любовь, болтает ли гуманистически о духе, образовании, свободе, или же измышляет доктринерскую систему примирения и благополучия всех классов. Не поняла буржуазия одного, — что, последовательно рассуждая, ее собственный *парламентский режим*, *ее политическое господство* вообще должно также быть осуждено как нечто *социалистическое*. Пока господство буржуазии не организовалось вполне, не нашло своего чистого политического выражения, — антагонизм других классов против буржуазии также не мог выступить в чистом виде, а там, где он выступал, не мог принять того опасного характера, при котором всякая борьба против государственной власти превращается в борьбу против капитала. Если буржуазия видела в каждом проявлении общественной жизни опасность для «спокойствия», — как же она могла удержать на вершине общества *режим беспокойства*, свой собственный режим, *парламентский режим*, живущий, — по выражению одного из ее ораторов, — в борьбе и борьбой? Как может парламентский режим, живущий прениями, запретить прения? В парламенте все интересы, все общественные учреждения претворяются в общие мысли, трактуются как мысли,— как же могут какие бы то ни было интересы, учреждения стать выше мышления и импонировать как символ веры? Ораторская борьба на трибуне вызывает газетную борьбу, дебатирующий клуб парламента необходимо дополняется дебатирующими клубами салонов и трактиров; депутаты, всегда апеллируя к народному мнению, дают тем самым право народному мнению высказать свое действительное мнение в петициях. Парламентский режим предоставляет все решению большинства,— как же не захотеть решать огромнейшему большинству вне парламента? Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?

Итак, осуждая как *«социализм»* то, что она раньше превозносила как *«либерализм»*, буржуазия признается, что в ее собственных интересах она должна быть избавлена от опасностей *самоуправления*, что для тавосснoвления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целости ее общественной силы должна быть сломлена ее

политическая сила; что остальные буржуа могут продолжать эксплоатировать другие классы и невозмутимо пользоваться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь под условием, чтобы буржуазия как класс, на-ряду с другими классами, была осуждена на политическое ничтожество; что для спасения ее кошелька с нее должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, висеть над ее собственной головой.

В области общегражданских интересов Национальное собрание обнаружило такую непроизводительность, что, например, прения о постройке железной дороги между Парижем и Авиньоном, начатые зимою 1850 г., не могли быть закончены к 2 декабря 1851 г. Там, где оно не угнетало, не реагировало, оно страдало неизлечимым бесплодием.

В то время как министерство Бонапарта отчасти являлось инициатором законов в духе партии порядка, отчасти усиливало гнет этих законов на практике, — Бонапарт сам гонялся за популярностью посредством детски-нелепых проектов, подчеркивал свою враждебность к Национальному собранию и указывал на таинственный клад, которому лишь обстоятельства покамест мешают открыть французскому народу свои сокровища. Сюда относится предложение повысить жалованье унтер-офицерам на четыре су в день и проект почетного заемного банка для рабочих. Денежные подарки и денежные ссуды, — такова была перспектива, которою он надеялся поймать массы на удочку.

Получать подачки и делать долги,— в этом все финансовое искусство люмпенпролетариата, высшего и низшего. Только эти пружины Бонапарт умел пускать в ход. Никогда еще претендент не спекулировал так пошло на пошлости толпы.

Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счет, ввиду усиливающейся опасности, что этот авантюрист, погоняемый вперед своими долгами и не удерживаемый своим прошлым, отважится на какую-нибудь отчаянную проделку. Натянутые отношения между партией порядка и претендентом уже приняли было грозный характер, когда неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в ее объятия. Мы говорим *о дополнительных выборах 10 марта 1850 г.* Эти выборы состоялись для замещения депутатов, которые после 13 июня были устранены из парламента посредством тюрьмы или изгнания. Париж выбрал только социально-демократических депутатов, — более того: он дал наибольшее число голосов июньскому инсургенту Дефлотту. Это была месть соединив-

шейся с пролетариатом парижской мелкой буржуазии за поражение 13 июня 1849 г. Мелкая буржуазия, оказалось, исчезла в минуту опасности с поля борьбы лишь для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах снова появиться на нем с бо̀льшими боевыми силами и с более смелым боевым лозунгом. Опасность этой избирательной победы казалась тем грознее, что армия в Париже голосовала за июньского инсургента против министра Бонапарта, Лаитта, а в департаментах — большей частью за монтаньяров, которые и здесь, хотя и не так решительно, как в Париже, снова одержали верх над противниками.

Бонапарт внезапно увидел себя опять лицом к лицу с революцией. Как 29 января 1849 г., 13 июня 1849 г., так и 10 марта 1850 г. он спрятался за спину партии порядка. Он кланялся, малодушно просил прощения, выражал готовность составить любое министерство по приказанию парламентского большинства,— более того: умолял орлеанистских и легитимистских главарей, Тьеров, Беррье, Брольи, Моле, словом так называемых бурграфов, стать самолично у государственного кормила. Партия порядка не сумела воспользоваться этой неповторимой минутой. Вместо того чтобы смело завладеть предложенной властью, она даже не заставила Бонапарта вернуть удаленное им 1 ноября министерство; она удовольствовалась тем, что унизила его своим прощением и присоединила к министерству д'Опуля г. Бароша. Этот Барош, в качестве прокурора при верховном суде в Бурже, неистовствовал против революционеров 15 мая и против демократов 13 июня, в обоих случаях по делу о покушении на Национальное собрание. Впоследствии ни один из министров Бонапарта не сделал больше Бароша для того, чтобы унизить Национальное собрание, а после 2 декабря 1851 г. мы его встречаем в очень доходной должности вице-президента сената. Он наплевал революционерам в суп, чтобы дать его съесть Бонапарту.

Социально-демократическая партия, с своей стороны, казалось, искала лишь случая, чтобы снова поставить на карту свою победу и ослабить ее значение. Видаль, один из новоизбранных парижских депутатов, был одновременно выбран и в Страсбурге. По настоянию партии, он отказался от парижского мандата в пользу страсбургского. Итак, вместо того чтобы придать своей парижской победе окончательный характер и тем вызвать партию порядка на немедленную борьбу в парламенте, вместо того чтобы вынудить противника к борьбе в минуту народного энтузиазма и благоприятного настроения армии, — демократическая партия утомляла Париж в течение марта и апреля новой избирательной агитацией, давая возбужденным

народным страстям остыть в этой новой избирательной игре, насыщая революционную энергию конституционными успехами, растрачивая ее на мелкие интриги, пустую декламацию и фиктивные движения, давая буржуазии время прийти в себя и принять свои меры, ослабляя, наконец, значение мартовских выборов сантиментальным комментарием апрельских— избранием Эжена Сю. Одним словом, она проделала над 10 марта апрельскую шутку.

Парламентское большинство поняло слабость противника. Семнадцать бургграфов партии порядка — Бонапарт предоставил ей руководство и ответственность за атаку—выработали новый избирательный закон, докладчиком которого был выбран г. Фоше, выпросивший себе эту честь. 8 мая Фоше внес закон, отменявший всеобщее избирательное право, требовавший от избирателей трехлетнего пребывания на месте выборов, причем срок пребывания рабочих на месте выборов должен был быть засвидетельствован работодателем.

Демократы, которые так волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы, — когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, — конституционно проповедывали порядок, величественное спокойствие (calme majestueux), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контр-революции, величавшей себя законом. Во время прений Гора старалась пристыдить партию порядка, противопоставляя ее революционной страстности бесстрастие честного простака, остающегося на законной почве, и поражая ее на смерть страшным упреком в революционном образе действий. Даже новоизбранные депутаты старались показать приличным и рассудительным поведением, как несправедливо было ругать их анархистами и толковать их избрание как победу революции. 31 мая прошел новый избирательный закон. Гора удовольствовалась тем, что сунула протест президенту в карман. За избирательным законом последовал закон о печати, окончательно уничтоживший революционную газетную прессу. Эта пресса заслужила свою участь. После этого разгрома самыми крайними форпостами революции остались два буржуазных органа: «National» и «Presse».

Мы видели, что демократические вожди в марте и в апреле сделали все, чтобы вовлечь парижский народ в фиктивную борьбу; что после 8 мая они делали все, чтобы удержать его от действительной борьбы. К тому же, не надо забывать, что 1850 год был временем редкого промышленного и торгового расцвета, так что парижский пролетариат имел работы вдоволь. Но избирательный закон 31 мая 1850 г. отстранил пролетариат от всякого участия в политической

власти, отрезал ему даже доступ к театру борьбы. Этот закон вернул рабочих в положение париев, которое они занимали до февральской революции. Вверяя свою судьбу, ввиду такого события, демократическим вождям, забывая о революционных интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. надолго обессилило их, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться *помимо* них. Что же касается мелкобуржуазной демократии, кричавшей 13 июня: «Пусть только посмеют коснуться всеобщего избирательного права, пусть только!», то теперь она утешалась тем, что удар, нанесенный ей контр-революционерами, — вовсе не удар, а закон 31 мая — вовсе не закон. 2 мая 1852 г. каждый француз явится перед избирательной урной с избирательной запиской в одной руке и с мечом в другой. Этим пророчеством она сама себя утешала. Наконец, армия была наказана начальством за мартовские и апрельские выборы 1850 г. так же, как за выборы 29 мая 1849 г. Но на этот раз она решительно сказала себе: «В третий раз революция меня не проведет!»

Закон 31 мая 1850 г. был coup d'état буржуазии. Все ее прежние победы над революцией носили лишь временный характер. Они делались сомнительными с того момента, когда теперешнее Национальное собрание уходило со сцены. Они зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право 10 марта резко высказалось против господства буржуазии, — буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы. Этот закон имел еще другую сторону. Для признания выборов президента республики действительными, конституция предписывала, чтобы один из кандидатов получил не меньше двух миллионов голосов. Если бы никто из кандидатов не получил этого минимума голосов, тогда Национальному собранию предоставлялось выбрать президентом одного из кандидатов, получивших наибольшее число голосов. В то время, когда Учредительное собрание составляло этот закон, в избирательных списках числилось 10 миллионов избирателей. Следовательно, по смыслу этого закона, для признания президентских выборов действительными, достаточно было пятой части всех избирательных голосов.

Закон 31 мая вычеркнул из избирательных списков, по меньшей мере, три миллиона голосов, уменьшил число избирателей до семи

миллионов, но, тем не менее, оставил в силе законный минимум двух миллионов для президентских выборов,— так что законный минимум с одной пятой повысился почти до одной трети всех избирательных голосов. Другими словами, этот закон сделал все, чтобы передать окольным путем президентские выборы из рук народа в руки Национального собрания. Таким образом, партия порядка избирательным законом 31 мая, передававшим выборы в Национальное собрание и в президенты республики в руки консервативной части общества, казалось, вдвойне укрепила свою власть.

V.

Борьба между Национальным собранием и Бонапартом вспыхнула снова, как только миновал революционный кризис и было отменено всеобщее избирательное право.

Конституция назначила Бонапарту жалованье в 600 000 фр. Едва прошло полгода его президентства, как ему удалось увеличить эту сумму вдвое. Одилон Барро добился от Учредительного собрания ежегодной прибавки в 600 000 франков на так называемые расходы по представительству. После 13 июня Бонапарт выступил с новыми денежными требованиями, на которые, однако, Барро более не откликался. Теперь, после 31 мая, Бонапарт немедленно воспользовался благоприятным моментом и через своих министров потребовал у Национального собрания ежегодного оклада в три миллиона. Долгая бродяжническая жизнь авантюриста наделила его крайне тонким чутьем к критическим моментам, когда можно было вымогать деньги у буржуа. Он действовал, как истинный шантажист. Национальное собрание, с его помощью и с его ведома, осквернило самодержавие народа. Он угрожал донести об этом преступлении народу, если Собрание не раскошелится и не купит его молчание за три миллиона в год. Оно отняло у трех миллионов французов право голоса, — он требовал за каждого политически обесцененного француза полноценный франк, ровно три миллиона франков. Он, избранник шести миллионов, требует вознаграждения за голоса, отнятые у него задним числом. Комиссия Национального собрания отослала, было, нахала ни с чем. Бонапартистская пресса стала угрожать. Да и могло ли Национальное собрание порвать с президентом в такую минуту, когда оно принципиально и окончательно порвало с массой нации? Оно отвергло ежегодный оклад, но вотировало зато единовременную прибавку в 2 160 000 франков. Уступая требованию Бонапарта и вместе с тем показывая, что уступает против воли, Собрание обнаружило двой-

ную слабость. Зачем Бонапарту нужны были эти деньги, мы увидим дальше. После этого, следовавшего непосредственно за отменой всеобщего избирательного права, неприятного эпилога, в котором Бонапарт переменил по отношению к узурпаторскому парламенту свой смиренный тон времени мартовского и апрельского кризиса на вызывающе-нахальный тон, — Национальное собрание отложило свои заседания на три месяца, от 11 августа до 11 ноября. Оно оставило после себя перманентную комиссию из 18 членов, между которыми находилось несколько умеренных республиканцев, но ни одного бонапартиста. Перманентная комиссия 1849 г. состояла исключительно из друзей порядка и бонапартистов. Это понятно: тогда партия порядка объявила себя en permanence против революции,— теперь парламентская республика объявила себя en permanence против президента. После закона 31 мая партия порядка должна была считаться лишь с этим соперником.

Когда Национальное собрание в ноябре 1850 г. снова открыло свои заседания, положение было таково, что, казалось, вместо прежних мелких стычек между парламентом и президентом неизбежно должна начаться великая, беспощадная борьба, борьба двух властей не на жизнь, а на смерть.

Как в 1849 г., так и во время парламентских каникул 1850 г. партия порядка распалась на отдельные фракции, каждая из которых занималась собственными реставрационными интригами, получившими новую пищу благодаря смерти Луи-Филиппа. Король легитимистов, Генрих V, назначил даже настоящее министерство, пребывавшее в Париже и имевшее в своей среде членов перманентной комиссии. Бонапарт был, следовательно, вправе, с своей стороны, объезжать французские департаменты и, смотря по настроению осчастливленного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои реставрационные планы и вербовать голоса в свою пользу. Во время этих поездок, прославляемых, разумеется, как триумфальные шествия большим официальным «Moniteur'ом» и маленькими частными «Moniteur'ами» Бонапарта, его всюду сопровождали члены *Общества десятого декабря*. Это общество возникло в 1849 г. Под личиной благотворительного общества оно представляло тайную организацию парижского люмпенпролетариата, распадавшуюся на руководимые бонапартистскими агентами секции, с бонапартистским генералом во главе. Рядом с прогоревшими кутилами двусмысленного происхождения и с двусмысленными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами из буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, бывшие обитатели

смирительного дома, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом вся неопределенная, разношерстная, неустойчивая масса, которую французы называют богемой; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества десятого декабря, «благотворительное общество», поскольку все его члены, подобно Банапарту, чувствовали потребность ублаготворить себя за счет трудящейся массы. Этот Бонапарт, становящийся *во главе люмпенпролетариата*, находящий единственно в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребьи, этих отбросах, этой накипи всех классов, единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков настоящий Бонапарт, Бонапарт sans phrases. Старый, тертый прожигатель жизни, он смотрит на историческую жизнь народов и все ее деяния как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где великие костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой подлости. Так в его походе против Страсбурга дрессированный швейцарский коршун играет роль наполеоновского орла, а при его вторжении в Булонь несколько лондонских лакеев в французских мундирах представляют армию. Наконец, в его Обществе десятого декабря 10 000 бездельников представляют народ, как в комедии Шекспира ткач Основа представляет льва. В такой момент, когда буржуазия сама играла чистейшую комедию с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета, когда она, наполовину одураченная, наполовину убежденная, сама уверовала в торжественность своих собственных деяний, — в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить. Лишь после того, как он справился со своим величественным противником и, в свою очередь, стал серьезно смотреть на свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, — лишь тогда он делается жертвой собственного мировоззрения, этот серьезный паяц, теперь уже не всемирную историю считающий комедией, а свою собственную комедию всемирной историей! Чем для социалистических рабочих были Национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев gardes mobiles (летучая гвардия), тем было для Бонапарта Общество десятого декабря — приноровленная к нему партийная боевая сила. В его поездках сопровождающие его члены этого общества должны были служить ему импровизированной публикой, являться выразителями народного

энтузиазма, реветь vive l'Empereur! (да здравствует император!), оскорблять и колотить республиканцев, — все это, разумеется, под покровительством полиции. На его обратном пути в Париж они должны были служить авангардом, предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Общество десятого декабря принадлежало ему, было *его* произведением, его собственной мыслью. Все другое доставляла ему сила обстоятельств, во всем другом за него действовали обстоятельства, или он довольствовался тем, что копировал действия других; но публично сыпать официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а втайне опираться на общество Шуфтерле и Шпигельбергов, на общество беспорядка, проституции и воровства, — тут Бонапарт оригинален, и история Общества десятого декабря — его собственная история.

В виде исключения однажды попали под палки «декабристов» депутаты из партии порядка. Более того. Полицейский комиссар Ион, заведывавший охраной Национального собрания, доложил перманентной комиссии, на основании показаний некоего Алэ, что секция «декабристов» постановила убить генерала Шангарнье и председателя Национального собрания Дюпена и уже назначила убийц. Можно себе представить, как перепугался г. Дюпен. Парламентское следствие об Обществе десятого декабря, т. е. разоблачение бонапартовских тайн, казалось неминуемым. И вот перед самым открытием Национального собрания Бонапарт предусмотрительно распустил свое общество, но, разумеется, только на бумаге; еще в конце 1851 г. префект полиции Карлье тщетно старался в обстоятельной докладной записке побудить его действительно разогнать «декабристов».

Обществу десятого декабря предстояло оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удалось превратить государственную армию в Общество десятого декабря. Первую попытку в этом направлении Бонапарт сделал вскоре после закрытия заседаний Национального собрания, и притом на вырванные у него же деньги. Как фаталист, он убежден, что существуют некие высшие силы, которым человек, а особенно солдат, противостоять не может. К этим силам он прежде всего относит сигары и шампанское, холодную дичь и колбасу с чесноком. Поэтому он в Елисейских палатах прежде всего угощает офицеров и унтер-офицеров сигарами и шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком. 3 октября он повторяет этот маневр с войсками на смотру в Сен-Море, а 10 октября — тот же маневр в еще большем масштабе на генеральном смотру в Сатори. Дядя вспомнил о походах Александра в Азии, племянник — о

завоевательных походах Вакха в той же стране. Александр был, правда, полубог, но ведь Вакх был настоящий бог, и притом бог-хранитель Общества десятого декабря.

После смотра 3 октября перманентная комиссия призвала к ответу военного министра д'Опуля. Он дал обещание, что подобное нарушение дисциплины не повторится больше. Известно, как Бонапарт 10 октября сдержал слово, данное д'Опулем. На обоих смотрах командовал Шангарнье в качестве главнокомандующего парижских войск. Этот Шангарнье, в одно и то же время член перманентной комиссии, начальник национальной гвардии, «спаситель» 29 января и 13 июня, «оплот общества», кандидат партии порядка в президенты, предполагаемый Монк двух монархий, до этого времени никогда не признавал себя подчиненным военному министру, до этого времени всегда открыто издевался над республикой, преследовал Бонапарта двусмысленно-высокомерным покровительством. Теперь же он стал пылко защищать дисциплину против военного министра и конституцию против Бонапарта. В то время как 10 октября часть кавалерии кричала: «Vive Napoléon! Vivent les saucissons!» (да здравствует Наполеон! да здравствуют колбасы!), Шангарнье распорядился, чтобы, по крайней мере, дефилирующая под командой его друга Неймайера пехота хранила гробовое молчание. В наказание военный министр, по наущению Бонапарта, лишил генерала Неймайера его парижского поста, под предлогом назначения его командующим 14-й и 15-й дивизиями. Неймайер отказался от перемены поста и должен был выйти в отставку. Шангарнье, с своей стороны, 2 ноября издал приказ, воспрещавший войскам всякие политические восклицания и демонстрации в строю. Елисейские газеты напали на Шангарнье, газеты партии порядка на Бонапарта, перманентная комиссия назначала тайные заседания одно за другим, на которых каждый раз вносилось предложение объявить отечество в опасности; армия, казалось, разделилась на два враждебных лагеря с двумя враждебными генеральными штабами, из которых один заседал в Елисейском дворце — квартире Бонапарта, а другой в Тюльери — квартире Шангарнье. Открытие Национального собрания должно было, повидимому, неминуемо подать сигнал к открытой борьбе. Французская публика смотрела на эти столкновения между Бонапартом и Шангарнье, как тот английский журналист, который охарактеризовал положение следующим образом: «Политические горничные Франции выметают раскаленную лаву революции старыми вениками и ведут между собой при этом перебранку».

Тем временем Бонапарт поспешил дать отставку военному ми-

нистру д'Опулю, отправить его немедленно в Алжир и назначить на его место военным министром генерала Шрамма. 12 ноября он обратился к Национальному собранию с американски-пространным посланием, загроможденным мелочами, пропитанным запахом порядка, жаждущим примирения, дышащим покорностью к конституции, трактующим решительно обо всем, только не о жгучей злобе дня. Как бы мимоходом бросает он замечание, что, согласно точному смыслу конституции, распоряжение армией принадлежит исключительно президенту. Послание кончалось следующими высокоторжественными словами:

«*Франция требует прежде всего спокойствия... Связанный единственно присягой, я буду держаться в тесных границах, предписанных мне ею*... Что касается меня, я, избранный народом и обязанный моей властью ему одному, всегда буду подчиняться его законно выраженной воле. Если вы в этом заседании решите, что должно пересмотреть конституцию, — Учредительное собрание урегулирует положение исполнительной власти. Если же нет, — народ в 1852 г. торжественно провозгласит свое решение. Но каковы бы ни были решения, таящиеся в будущем, придемте к соглашению, дабы страсть, неожиданность или насилие никогда не явились вершителями судеб великой нации... Мое внимание прежде всего обращено не на то, кто будет управлять Францией в 1852 г., а на то, чтобы употребить имеющееся в моем распоряжении время так, чтобы переходный период прошел без волнений и смятений. Я искренно открыл перед вами свое сердце. Вы ответите на мою откровенность вашим доверием, на мои благие стремления—вашим содействием, а бог позаботится об остальном».

Приличный, лицемерно-умеренный, добродетельно-банальный язык буржуазии раскрывает свой затаеннейший смысл в устах самодержца Общества десятого декабря и героя пикников Сен-Мора и Сатори.

Бурграфы партии порядка ни минуты не ошибались насчет того, какого доверия заслуживают эти сердечные излияния. Присяги им давно уже приелись,—они имели в своей среде ветеранов, виртуозов клятвопреступления, а выражение, касавшееся армии, не ускользнуло от их внимания. Они с негодованием заметили, что послание, пространно перечислявшее недавно изданные законы, обходило аффектированным молчанием самый важный из них, — избирательный закон; более того: в случае сохранения старой конституции оно предоставляло выборы президента в 1852 г. народу. Избирательный закон был свинцовой тяжестью на ногах партии

порядка, мешавшею ей двигаться, а тем более штурмовать! К тому же Бонапарт официальным роспуском Общества десятого декабря и увольнением военного министра д'Опуля собственными руками принес в жертву на алтарь отечества козлов отпущения. Он ослабил силу ожидаемого столкновения. Наконец, сама партия порядка всячески старалась обойти, смягчить, замять решительный конфликт с исполнительной властью. Из боязни потерять завоеванное в борьбе с революцией, она дала сопернику присвоить себе плоды ее завоеваний. «Франция требует прежде всего спокойствия»,—так кричала революции партия порядка с февраля 1848 г.; так же крикнуло послание Бонапарта партии порядка: «Франция требует прежде всего спокойствия». Бонапарт совершал поступки, клонившиеся к узурпации, но партия порядка чинила «беспокойство», поднимая шум из-за этих поступков и истолковывая их ипохондрически. Саторийская колбаса была нема, как рыба, если только о ней никто не говорил. «Франция требует прежде всего спокойствия»; поэтому Бонапарт требовал, чтобы ему давали спокойно делать свое дело, а парламентская партия была парализована двойным страхом — страхом снова вызвать революционное беспокойство и страхом оказаться виновницей беспокойства в глазах собственного класса, в глазах буржуазии. Так как Франция требовала прежде всего спокойствия, то партия порядка не посмела ответить на «мир» бонапартовского послания «войной». Публика, рассчитывавшая на крупные скандалы при открытии Национального собрания, была обманута в своих ожиданиях. Требование оппозиционных депутатов, чтобы перманентная комиссия представила свои протоколы относительно октябрьских событий, было отвергнуто большинством. Большинство принципиально избегало всяких щекотливых дебатов. Работы Национального собрания в ноябре и декабре 1850 г. лишены интереса.

Только к концу декабря начался ряд стычек из-за отдельных прерогатив парламента. Движение застыло на мелких дрязгах из-за прерогатив обеих властей, с тех пор как буржуазия отменой всеобщего избирательного права пока что покончила с классовой борьбой.

Один депутат, Могэн, за долги был присужден к тюремному заключению. На запрос председателя суда министр юстиции Руэр заявил, что следует без всяких церемоний издать приказ об аресте должника. Могэн был заключен в долговое отделение. Национальное собрание вознегодовало, узнав об этом нарушении неприкосновенности депутатов. Оно не только постановило немедленно освободить арестованного, но в тот же вечер через своего пристава силой вывело его из Клиши. Но, с другой стороны, чтобы доказать свою веру в

святость частной собственности, руководимое притом задней мыслью, в случае надобности, иметь под руками средство избавиться от докучливых монтаньяров, Собрание объявило арест представителей народа за долги дозволительным после предварительно испрошенного у него согласия. Оно забыло декретировать, что и президент может быть заключен в тюрьму за долги. Оно окончательно уничтожило ореол неприкосновенности своих собственных членов.

Мы знаем, что полицейский комиссар Ион, на основании показаний некоего Алэ, донес о замышляемом секцией «декабристов» убийстве Дюпена и Шангарнье. Ввиду этого квесторы на первом же заседании внесли предложение образовать особую парламентскую полицию, содержимую на средства частного бюджета Национального собрания и совершенно независимую от префекта полиции. Министр внутренних дел Барош заявил протест против этого вторжения в его ведомство. Тогда был заключен жалкий компромисс, согласно которому полицейский комиссар парламента содержался на средства парламентского бюджета, назначался и смещался парламентскими квесторами, но после предварительного соглашения с министром внутренних дел. Тем временем Алэ был предан правительством суду, а тут было легко объявить его показания мистификацией и устами прокурора выставить в смешном виде Дюпена, Шангарнье, Иона и все Национальное собрание. После этого, 29 декабря, министр Барош письменно требует от Дюпена смещения Иона. Бюро Национального собрания решает оставить Иона в должности, но Собрание, испугавшись своего насильственного образа действий в деле Могэна, привыкнув после каждого удара, нанесенного им исполнительной власти, получать от нее два удара в обмен, не санкционирует решения бюро. В награду за свое служебное усердие Ион получает отставку, и Собрание отказывается от парламентской прерогативы, необходимой по отношению к человеку, который не ночью решает, чтобы исполнять днем, а решает днем и исполняет ночью.

Мы видели, как Национальное собрание в продолжение ноября и декабря избегало борьбы с исполнительной властью по крупным поводам. В деле Могэна оно в принципе разрешает арест депутатов за долги, оставляя за собой возможность применять этот принцип только к оппозиционным депутатам, и из-за этой позорной привилегии препирается с министром юстиции. Вместо того чтобы, воспользовавшись мнимым покушением на убийство Дюпена и Шангарнье, начать следствие над Обществом десятого декабря и окончательно разоблачить Бонапарта перед лицом Франции и Европы, выставив его в настоящем свете, как главу парижского люмпенпролетариата,

Собрание низводит конфликт на степень спора с министром внутренних дел по вопросу о том, кому принадлежит право назначения и смещения полицейского комиссара. Таким образом, партия порядка в продолжение всего этого периода вынуждена своим двусмысленным положением свести свою борьбу с исполнительной властью к мелочным дрязгам из-за пределов компетенции, к каверзам, крючкотворству, спорам о размежевании и наполнить свою деятельность нелепейшими вопросами о форме. Она не осмеливается начать борьбу в такой момент, когда борьба имеет принципиальное значение, когда исполнительная власть действительно скомпрометировала себя, когда дело Национального собрания было бы национальным делом: она этим ведь подала бы нации сигнал к походу, а она ничего так не боится, как движения нации. В таких случаях она поэтому отвергает предложение Горы и переходит к очередным делам. После того как спорный вопрос в его серьезном виде сдан в архив, исполнительная власть спокойно выжидает момента, когда она снова сможет поднять его по мелкому, незначительному поводу, когда вопрос представляет, так сказать, лишь парламентский, локальный интерес. Тогда прорывается затаенная ярость партии порядка, тогда она срывает маску с президента, она объявляет республику в опасности, но тогда ее пафос кажется нелепым, повод к борьбе — лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря делается бурей в стакане воды, борьба — интригой, конфликт — скандалом. В то время как революционные классы с злорадством следят за унижением Национального собрания, так как они принимают к сердцу его парламентские прерогативы столь же близко, как Собрание — общественную свободу, буржуазия вне парламента не понимает, как это буржуазия внутри парламента может тратить время на столь мелкие дрязги, компрометировать спокойствие таким жалким соперничаньем с президентом. Она теряется в стратегии, заключающей мир, когда все ждут войны, и открывающей атаку, когда все думают, что заключен мир.

20 декабря Паскаль Дюпра интерпеллировал министра внутренних дел по поводу лотереи золотых слитков. Эта лотерея была «дочерью Елисейских полей»; Бонапарт со своими присными подарил ее миру, а префект полиции Карлье взял ее под свое официальное покровительство, несмотря на то, что французские законы запрещают всякие лотереи, за исключением лотерей с благотворительной целью. Было выпущено семь миллионов билетов, по франку штука, а чистый доход назначен якобы на отправку парижских бродяг в Калифорнию. Этой лотереей Бонапарт отчасти имел в виду выте-

снить социалистические мечты парижского пролетариата золотыми мечтами, доктринерское право на труд — соблазнительной перспективой первого выигрыша. Разумеется, парижские рабочие в блестящих калифорнийских золотых слитках не узнали неказистых франков, выуженных из их кармана. Но прежде всего лотерея была простым мошенничеством. Бродягами, желавшими открыть золотоносные рудники в Калифорнии, не покидая Парижа, были сам Бонапарт и его задолженная свита. Вотированные Национальным собранием три миллиона были уже растрачены, — так или иначе нужно было наполнить опустевшую кассу. Тщетно Бонапарт открыл было для устройства так называемых cités ouvrières (рабочих городов) национальную подписку, во главе которой он сам подписался на значительную сумму. Жестокосердые буржуа недоверчиво выжидали уплаты подписанной им суммы, и так как такой уплаты, разумеется, не последовало, то спекуляция на социалистические воздушные замки лопнула, как мыльный пузырь. Золотые слитки имели больше успеха. Бонапарт и товарищи не довольствовались тем, что положили часть чистого дохода в собственный карман: они фабриковали фальшивые лотерейные билеты, выпуская на один и тот же номер десять, пятнадцать и до двадцати билетов — финансовая операция в духе Общества десятого декабря! Тут Национальное собрание имело перед собою не фиктивного президента республики, а настоящего, живого Бонапарта. Тут оно могло поймать его на месте преступления, — преступления не против конституции, а против Уголовного уложения. Если Собрание покончило с интерпелляцией Дюпра переходом к очередным делам, то оно это сделало не только потому, что предложение Жирардена объявить себя «удовлетворенным» напомнило партии порядка об ее собственной коренной испорченности. Буржуа, а прежде всего возведенный в государственные мужи буржуа, дополняет свою практическую подлость теоретической высокопарностью. В качестве государственного мужа он, как и государственная власть, с которой ему приходится иметь дело, становится высшим существом, с которым можно бороться лишь высшим, торжественным образом.

Бонапарт, который в качестве члена богемы, в качестве царственного люмпенпролетария, имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу низкими средствами, увидел теперь,— после того как Собрание собственными руками помогло ему благополучно миновать скользкую почву военных банкетов, смотров, Общества десятого декабря и, наконец, Уголовного уложения, — что настала минута, когда он может перейти из мнимого оборонительного положения в наступательное. Его мало беспокоили происходившие

тем временем маленькие поражения министра юстиции, военного министра, морского министра, министра финансов, — поражения, в которых Национальное собрание выражало свое ворчливое неудовольствие. Он не ограничился только тем, что помешал министрам выйти в отставку и заставил признать, таким образом, подчиненное положение исполнительной власти по отношению к парламенту. Он теперь мог закончить начатое им во время вакаций Национального собрания отделение военной власти от парламента: он *сместил Шангарнье*.

Одна елисейская газета опубликовала изданный в мае будто бы по первой дивизии приказ,—приказ, исходивший, следовательно, от Шангарнье, — в котором офицерам рекомендовалось, в случае мятежа, не щадить предателей в собственных рядах, немедленно их расстреливать и не посылать войск по требованию Национального собрания. 3 января 1851 г. кабинету был сделан запрос по поводу этого приказа. Министры потребовали для разбора дела сначала три месяца, затем одну неделю, наконец только двадцать четыре часа. Собрание настаивает на немедленных объяснениях. Шангарнье поднимается и заявляет, что этот приказ никогда не существовал, прибавляя, что он всегда готов исполнять требования Национального собрания, что оно, в случае конфликта, может рассчитывать на него. Собрание покрывает это заявление нескончаемыми аплодисментами и декретирует вотум доверия Шангарнье. Отдавая себя под честное покровительство генерала, парламент отрекается от власти, декретирует свое собственное бессилие и всемогущество армии; но генерал ошибается, предоставляя в распоряжение парламента против Бонапарта силу, которую он получил от того же Бонапарта лишь в ленное пользование, и ожидая, с своей стороны, защиты от этого парламента,— от своего же нуждающегося в защите протеже. Впрочем, Шангарнье верит в таинственную силу, которую буржуазия ему приписывала с 29 января 1849 г. Он считает себя третьей властью рядом с двумя другими государственными властями. Он разделяет участь остальных героев или, лучше сказать, святых этой эпохи, величие которых состоит в пристрастно-высоком мнении, распространяемом о них их партией, и которые оказываются заурядными людьми, лишь только обстоятельства требуют от них чудес. Вообще, неверие — смертельный враг этих мнимых героев и действительных святых. Отсюда их величественно-нравственное негодование против лишенных энтузиазма остряков и насмешников.

В тот же вечер министры были приглашены в Елисейский дворец. Бонапарт настаивает на смещении Шангарнье, пять министров

отказываются дать свою подпись. «Moniteur» объявляет о министерском кризисе, а пресса партии порядка угрожает образованием парламентской армии под начальством Шангарнье. Партия порядка имела на это право на основании конституции. Ей стоило только выбрать Шангарнье президентом Национального собрания и вызвать для своей безопасности какую угодно массу войск. Она могла это сделать тем несомненнее, что Шангарнье действительно еще находился во главе армии и парижской национальной гвардии и только и ждал того, чтобы быть вызванным вместе с армией на помощь Национальному собранию. Бонапартистская пресса не посмела даже оспаривать права Национального собрания на непосредственную реквизицию войск, — юридическая щепетильность, при данных обстоятельствах не предвещавшая ничего хорошего. Что армия повиновалась бы приказаниям Национального собрания, — было весьма вероятно, если принять во внимание, что Бонапарту только через неделю удалось разыскать в Париже двух генералов, — Барагэ д'Иллье и Сен-Жана д'Анжели, — согласившихся подписать приказ об увольнении Шангарнье. Но что партия порядка нашла бы в собственных рядах и в парламенте необходимое для такого решения число голосов, — более чем сомнительно, если принять во внимание, что неделю спустя от нее отделились 286 депутатов и что Гора отвергла подобное предложение даже в декабре 1851 г., в последнюю решительную минуту. Однако теперь удалось бы еще, может быть, бургграфам подвинуть массу своей партии на героический подвиг, состоявший в том, чтобы спрятаться за лесом штыков и воспользоваться услугами армии, дезертировавшей в ее лагерь. Но вместо этого господа бургграфы вечером 6 января отправились в Елисейский дворец, надеясь дипломатическими оборотами и соображениями отговорить Бонапарта от решения сместить Шангарнье. Кого уговаривают, того признают господином положения. Бонапарт, ободренный этой попыткой бургграфов, назначает 12 января новое министерство, в котором остаются вожди старого министерства, Фульд и Барош. Сен-Жан д'Анжели делается военным министром. «Moniteur» публикует декрет о смещении Шангарнье, должности которого разделяются между Барагэ д'Иллье, получающим первую дивизию, и Перро, получающим национальную гвардию. «Оплот общества» получает отставку, и если после этого общество все еще стоит на месте, то, напротив, поднимаются курсы на бирже.

Отталкивая от себя армию, отдававшуюся в ее распоряжение в лице Шангарнье, и уступая ее, таким образом, безвозвратно президенту, партия порядка тем самым заявляет, что буржуазия потеряла

способность к господству. Парламентского министерства уже и до того не было. Теперь же, когда партия порядка потеряла власть над армией и национальной гвардией, — какая еще сила осталась у нее, чтобы одновременно отстоять узурпаторскую власть парламента над народом и конституционную власть парламента от посягательств президента? Никакой. Она могла еще разве взывать к бессильным принципам, которые она сама всегда рассматривала как общие правила, предписываемые другим, чтобы тем непринужденнее действовать самой. Отставкой Шангарнье, переходом военной власти в руки Бонапарта заканчивается первый отдел рассматриваемого нами периода, периода борьбы между партией порядка и исполнительной властью. Теперь, когда партия порядка потеряла оружие и солдат, начинается открытая война между обеими властями. Без министерства, без армии, без народа, без общественного мнения, перестав быть со времени избирательного закона 31 мая представителем самодержавной нации, без глаз, без ушей, без зубов, без всего, Национальное собрание мало-по-малу превратилось в *старо-французский парламент*, предоставляющий правительству действовать, а сам довольствующийся ворчливыми «ремонстрациями» post festum.

Партия порядка встречает новое министерство бурей негодования. Генерал Бедо напоминает о кротости перманентной комиссии в течение вакаций и об ее чересчур снисходительном отказе обнародовать свои протоколы. Тут министр внутренних дел сам настаивает на публикации этих протоколов, которые теперь, разумеется, потеряли всякий вкус, не разоблачают ни одного нового факта и не производят никакого впечатления па пресыщенную публику. По предложению Ремюза̀, Национальное собрание удаляется в свои отдельные бюро и назначает «комитет чрезвычайных мер». Париж тем менее выходит из обычной колеи, что в эту минуту торговля процветает, мануфактуры работают, хлебные цены низки, съестные припасы в изобилии, в сберегательные кассы ежедневно поступают новые вклады. «Чрезвычайные меры», к которым парламент приступил с таким треском, исчерпываются вотумом недоверия министерству 18 января, причем о генерале Шангарнье не было даже упомянуто... Партия порядка была вынуждена к такой редакции своего вотума, потому что иначе за него не голосовали бы республиканцы, которые из всех мероприятий министерства единственно одобряли как раз смещение Шангарнье, меж тем как партия порядка в сущности не могла порицать все остальные меры министерства, продиктованные последнему ею самой.

Вотум недоверия 18 января был принят 415 против 286 голо-

сов, — стало быть, лишь благодаря *коалиции* крайних легитимистов и орлеанистов с чистыми республиканцами и Горой. Это значит, что партия порядка потеряла не только министерство, не только армию, но потеряла — в своих конфликтах с Бонапартом — и свое самостоятельное парламентское большинство; что часть депутатов дезертировала из ее лагеря — из фанатической склонности к компромиссу, из страха перед борьбой, из утомления, из семейной привязанности к родным государственным окладам, из расчета на освобождающиеся министерские портфели (Одилон Барро), из пошлого эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса тому или иному личному мотиву. Бонапартистские депутаты с самого начала шли заодно с партией порядка лишь в борьбе с революцией. Глава католической партии, Монталамбер, уже тогда старался перетянуть чашку весов на сторону Бонапарта, так как он отчаялся в жизнеспособности парламентской партии. Наконец, предводители этой партии, орлеанист Тьер и легитимист Беррье, были принуждены открыто заявить себя республиканцами, признаться, что у них сердце монархическое, а голова республиканская, что парламентская республика — единственно возможная форма господства всей буржуазии. Другими словами, они были принуждены заклеймить в глазах самой буржуазии реставрационные планы, над которыми они продолжали неутомимо работать за спиной парламента, как интригу, столь же опасную, как и бессмысленную.

Вотум недоверия 18 января был ударом для министров, а не для президента, несмотря на то, что не министерство, а президент сместил Шангарнье. Не должна ли была бы партия порядка предать суду самого Бонапарта? — За его реставрационные вожделения? Они лишь дополняли ее собственные реставрационные вожделения. За его заговорщические действия на военных смотрах и в Обществе десятого декабря? Она давно похоронила эти темы под простым переходом к очередным делам. За увольнение героя 29 января и 13 июня, человека, который в мае 1850 г. угрожал, в случае бунта, поджечь Париж с четырех концов? Ее союзники из Горы и Кавеньяк не позволили ей даже поддержать павший «оплот общества» официальным выражением сочувствия. Она сама не могла оспаривать данное президенту конституцией право смещать генералов. Она выходила из себя лишь потому, что президент делал из своего конституционного права противопарламентское употребление. Но не делала ли она непрерывно из своей парламентской прерогативы противоконституционного употребления, особенно при отмене всеобщего избирательного права? Ей, следовательно, ничего другого не оставалось,

как держаться строго в парламентских границах. И только той своеобразной болезнью, которая с 1848 г. свирепствовала на всем континенте, — *парламентским кретинизмом*, который приколдовывает пораженных им к воображаемому миру и лишает их всякого смысла, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира,— только этим парламентским кретинизмом объясняется, что партия порядка, которая собственными руками уничтожила и в своей борьбе с другими классами должна была уничтожить все условия парламентской силы, все еще считала свои парламентские победы победами и думала, что попадает в президента, нанося удары его министрам. Этим она доставила президенту только случай снова унизить Национальное собрание в глазах нации. 20 января «Moniteur» сообщил, что отставка всего министерства принята. Под предлогом, что ни одна парламентская партия не имеет более большинства, — как это доказало голосование 18 января, этот плод коалиции Горы с роялистами, — а также чтобы выждать образование нового большинства, Бонапарт назначил так называемое переходное министерство, ни один член которого не принадлежал к парламенту, состоявшее сплошь из неизвестных и ничтожных личностей, — министерство из одних комми и писцов. Партия порядка могла теперь до изнеможения возиться с этими марионетками, — исполнительная власть не придавала больше никакого значения тому, чтобы иметь серьезное представительство в Национальном собрании. Бонапарт мог сосредоточить всю исполнительную власть в своих руках тем более явно, он мог эксплоатировать ее для своих целей тем свободнее, чем более его министры были простыми статистами.

Партия порядка в союзе с Горой в отместку отвергла предложение преподнести президенту дотацию в 1 800 000 франков, предложение, внесенное, по приказанию главы Общества десятого декабря, его министрами-приказчиками. На этот раз вопрос был решен большинством всего 102 голосов, — стало быть, с 18 января партия порядка потеряла еще 27 голосов: ее разложение подвигалось вперед. В то же время, чтобы не дать возникнуть никаким сомнениям насчет смысла ее коалиции с Горой, она не пожелала даже открыть дебаты по поводу подписанного 189 членами Горы предложения всеобщей политической амнистии для политических преступников. Достаточно было заявления министра внутренних дел, некоего Вессэ, что спокойствие — лишь мнимое, что развертывается сильная подпольная агитация, что всюду организуются тайные общества, что демократические газеты готовятся снова появиться на свет, что из департаментов получаются неблагоприятные вести, что женевские

эмигранты стоят во главе заговора, нити которого распространяются через Лион по всей южной Франции, что Франция находится накануне промышленного и торгового кризиса, что фабриканты города Рубэ сократили рабочее время, что арестанты в Белль-Иле взбунтовались, — достаточно было, чтобы даже какой-нибудь Вессэ вызвал красный призрак, и партия порядка отвергла без дебатов предложение, которое, в случае его принятия, непременно доставило бы Национальному собранию огромную популярность и заставило бы Бонапарта снова броситься в его объятия. Вместо того чтобы испугаться перспективы новых волнений, нарисованной исполнительной властью, партии порядка следовало бы дать больший простор классовой борьбе и таким образом удержать исполнительную власть в подчинении себе. Но она не чувствовала себя в силах справиться с этой задачей, играть с огнем.

Меж тем так называемое переходное министерство продолжало прозябать до середины апреля. Бонапарт утомлял, дурачил Национальное собрание все новыми министерскими комбинациями. То он показывал склонность образовать республиканское министерство с Ламартином и Билльо, то парламентское министерство с неизбежным Одилоном Барро, имя которого не может быть пропущено там, где необходимо иметь человека, которого легко одурачить, то легитимистское с Ватименилем и Бенуа д'Ази, то орлеанистское с Мальвиллем. Настраивая этими приемами различные фракции партии порядка друг против друга и пугая всю партию порядка перспективой республиканского министерства и неизбежно связанного с этим восстановления всеобщего избирательного права, Бонапарт в то же время внушает буржуазии убеждение в том, что его искренние старания образовать парламентское министерство разбиваются о непримиримость роялистских фракций. Буржуазия же тем громче требовала «сильного правительства», находила тем непростительнее оставлять Францию «без администрации», чем более надвигавшийся, казалось, всеобщий торговый кризис вербовал социализму сторонников в городах, а разорительно-низкие хлебные цены вербовали социализму сторонников в деревне. Застой в торговле с каждым днем усиливался, число незанятых рук видимо росло, в Париже сидело без хлеба по меньшей мере 10 000 рабочих, бесчисленное множество фабрик прекратило работу в Руане, Мюльгаузене, Лионе, Рубэ, Туркоэне, Сент-Этьенне, Эльбефе и т. д. При таких обстоятельствах Бонапарт мог осмелиться 11 апреля восстановить январское министерство, присоединив к гг. Руэру, Фульду, Барошу и пр. г. Леона Фоше, которого Учредительное собрание на одном из

последних заседаний единогласно, за исключением пяти министерских голосов, заклеймило вотумом недоверия за распространение ложных депеш. Итак, Национальное собрание одержало 18 января победу над министерством; оно вело борьбу в течение трех месяцев с Бонапартом только для того, чтобы 11 апреля Фульд и Барош могли принять в свой министерский союз, как третьего, пуританина Фоше.

В ноябре 1849 г. Бонапарт удовольствовался *непарламентским* министерством, в январе 1851 г. *внепарламентским*, а 11 апреля он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы образовать *антипарламентское* министерство, гармонически соединившее в себе вотумы недоверия обоих собраний, Учредительного и Законодательного, республиканского и роялистского. Эта градация министерств была термометром, отмечавшим постепенное уменьшение жизненной теплоты парламента. Эта теплота в конце апреля упала так низко, что Персиньи мог при личном свидании предложить Шангарнье перейти на сторону президента. Бонапарт, уверял он последнего, считает влияние Национального собрания окончательно уничтоженным, и уже имеется наготове прокламация, которая будет обнародована после твердо задуманного, но случайно опять отложенного государственного переворота. Шангарнье известил об этом смертном приговоре вождей партии порядка. Но кто же поверит тому, что укус клопа смертелен? Парламент, окончательно разбитый, весь разлагающийся, находясь при последнем издыхании, все еще не мог видеть в своем поединке с забавным шефом Общества десятого декабря что-либо иное, чем поединок с клопом. Но Бонапарт ответил партии порядка, как Агесилай царю Агису: «*Я тебе кажусь муравьем, но придет время, когда я буду львом*».

VI.

Коалиция с Горой и с чистыми республиканцами, к которой пришлось прибегнуть партии порядка в ее тщетных усилиях удержать за собою военную власть и завоевать утраченное руководство исполнительной властью, — эта коалиция неопровержимо доказала, что партия порядка лишилась самостоятельного *парламентского большинства*. Сила календаря, часовая стрелка, подала 29 мая сигнал к ее окончательному разложению. 29 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть ее пересмотру. Но пересмотр конституции — это значило не только выбирать между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анар-

хией, между парламентской республикой и Бонапартом: это значило также выбирать между Орлеаном и Бурбоном! Это яблоко раздора должно было в самом парламенте открыто раздуть огонь вражды, разделявшей партию порядка на враждебные фракции. Партия порядка представляла соединение разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции развил политическую температуру, при которой это соединение разложилось на свои первоначальные составные части.

Настроение бонапартистов в пользу пересмотра конституции объясняется просто. Они хотели прежде всего отменить статью 45-ю, воспрещавшую вторичное избрание Бонапарта, и продолжить его власть. Не менее просто было положение республиканцев. Они безусловно отвергали всякий пересмотр, видя в нем всесторонний заговор против республики. Так как они имели за себя *больше четверти голосов* Национального собрания, а, согласно конституции, необходимы были три четверти всех голосов для правомерного решения вопроса о пересмотре и о созвании Собрания для пересмотра конституции, то им стоило только сосчитать свои голоса, чтобы быть уверенными в победе. И они были уверены в победе.

В противоположность бонапартистам и республиканцам, положение партии порядка было полно неразрешимых противоречий. Если она отвергала пересмотр конституции, то подвергала опасности существующий порядок вещей, оставляя Бонапарту лишь один исход, исход насилия, и отдавая Францию в решительный момент, 2 мая 1852 г., на произвол революционной анархии, с президентом, власть которого кончилась, с парламентом, который уже давно потерял свою власть, с народом, который намеревался вернуть себе утраченную власть. Если она голосовала за пересмотр, оставаясь верной конституции, она знала, что голосовала напрасно, что ее голосование, на основании конституции, должно разбиться о veto республиканцев. Если же она, нарушая конституцию, объявляла достаточным простое большинство голосов, она могла надеяться одолеть революцию лишь под условием своего полного подчинения исполнительной власти; она отдавала во власть Бонапарта конституцию, пересмотр конституции и себя самое. Только частичный пересмотр, направленный на продление власти президента, подготовлял почву для цезаристской узурпации. Общий пересмотр, направленный на сокращение жизни республики, неизбежно приводил к столкновению династических притязаний между собою, так как условия бурбонской и орлеанистской реставрации не только были различны, но и взаимно исключали друг друга.

Парламентская республика была нечто большее, чем нейтральная почва, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты, крупная поземельная собственность и промышленность, могли хозяйничать рядом, на равных правах. Она представляла неминуемое условие их *совместного* господства, единственную государственную форму, при которой их общие классовые интересы подавляли как притязания отдельных фракций буржуазии, так и все другие классы. Как роялисты, они опять впадали в старый антагонизм, в борьбу за главенство между поземельной собственностью и деньгами, а высшим выражением этого антагонизма, его олицетворением были их короли, их династии. Этим объясняется, почему партия порядка противилась *возвращению Бурбонов*.

Орлеанист и народный представитель Кретон в 1849, 1850 и 1851 гг. периодически вносил предложение отменить декрет об изгнании королевских фамилий. Парламент столь же периодически представлял зрелище роялистского собрания, упорно отрезывающего своим изгнанным королям путь к возвращению на родину. Ричард III, убивая Генриха VI, сказал: «Он слишком хорош для этого мира, его место — на небе». Роялисты объявляли Францию слишком дурной, чтобы возвратить ей изгнанных королей. Сила обстоятельств заставила их стать республиканцами и многократно санкционировать народное решение, изгнавшее их королей из Франции.

Пересмотр конституции — а обсуждение этого вопроса стало неизбежным при данных обстоятельствах — вместе с республикой подвергал опасности и совместное господство обоих слоев буржуазии, вместе с возможностью монархии воскрешал антагонизм интересов, борьбу за главенство между обоими слоями буржуазии, поочередно занимавшими в монархии привилегированное положение. Дипломаты партии порядка надеялись уладить спор объединением обеих династий, так называемым *слиянием* роялистских партий и их королевских домов. Действительным *слиянием* реставрации и июльской монархии была парламентская республика, в которой смешались орлеанистские и легитимистские краски, в которой различные виды буржуа исчезли в буржуа вообще, в буржуа-роде. Теперь же, по плану дипломатов, орлеанист должен был стать легитимистом, а легитимист — орлеанистом. Монархия, олицетворявшая их антагонизм, должна была стать воплощением их единства; выражение их исключительных фракционных интересов должно было стать выражением их общих классовых интересов; монархия должна была выполнить то, что могла выполнить и выполнила лишь заменившая две монархии республика. Алхимики партии порядка в этом случае

ломали себе голову над открытием философского камня. Разве легитимная монархия может когда-либо стать монархией промышленных буржуа или буржуазная монархия — монархией наследственной поземельной аристократии? Разве поземельная собственность и промышленность могут мирно уживаться под *одной* короной, когда корона может увенчать только одну голову, голову старшего брата или младшего? Разве промышленность, вообще, может помириться с поземельной собственностью, пока поземельная собственность не решается сама сделаться промышленной? Умри завтра Генрих V, граф Парижский все-таки не стал бы королем легитимистов, — разве если бы он перестал быть королем орлеанистов. Однако философы слияния, которые возвышали свой голос по мере того, как вопрос о пересмотре конституции выдвигался на первый план, которые создали себе в газете «Assemblée Nationale» (Национальное собрание) официальный ежедневный орган и которых мы даже в настоящую минуту (в феврале 1852 г.) снова видим за работой, — философы слияния видели единственное препятствие в нежелании и соперничестве обеих династий. И вот попытки помирить фамилию Орлеанов с Генрихом V, начатые еще со смерти Луи-Филиппа, но, как все другие династические интриги, имевшие место лишь во время вакаций Национального собрания, в антрактах, за кулисами, представлявшие скорее сантиментальное кокетничание со старым суеверием, чем серьезное дело, — теперь стали политической драмой первостепенной важности, разыгрываемой партией порядка не на любительской сцене, как это было до сих пор, а на публичной сцене. Курьеры то и дело ездили из Парижа в Венецию, из Венеции в Клэрмонт, из Клэрмонта в Париж. Граф Шамбор издает манифест, где он «с помощью всех членов своей фамилии» объявляет не о своей, а о «национальной» реставрации. Орлеанист Сальванди бросается к ногам Генриха V. Вожаки легитимистов, Беррье, Бенуа д'Ази, Сен-Прист, отправляются в Клэрмонт, чтобы уговорить Орлеанов, но это им не удается. Сторонники слияния приходят к запоздалому убеждению, что интересы обеих фракций буржуазии, обостряясь в форме фамильных интересов, интересов двух королевских домов, не делаются от того ни менее исключительными, ни более уступчивыми. Положим, что Генрих V признал графа Парижского своим преемником, — а это единственный успех, на который сторонники слияния могли рассчитывать в лучшем случае, — дом Орлеанов не выигрывал от этого ровно ничего сверх того, что за ним во всяком случае обеспечивала бездетность Генриха V, но зато он терял все права, доставленные ему июльской революцией. Он отрекался от своих старинных притязаний,

от всех прав, отвоеванных им у старшей линии Бурбонов в почти столетней борьбе, уступал свою историческую прерогативу, прерогативу своего родословного дерева. Слияние представляло, стало быть, не что иное, как добровольное отречение дома Орлеанов, его подчинение легитимизму, покаянное обращение из политического протестантизма в политический католицизм. А что получали Орлеаны в обмен? Даже не утраченный трон, а лишь ступеньки трона, на котором они родились. Старые орлеанистские министры, Гизо, Дюшатель и пр., которые также спешили в Клэрмонт, чтобы защищать дело слияния, на самом деле являлись лишь представителями похмелья после июльской революции, отчаявшимися в буржуазной монархии и в монархии буржуа, представителями легитимистского суеверия, как последнего талисмана от анархии. Воображая себя посредниками между Орлеанами и Бурбонами, они в действительности были не более, как отпавшие орлеанисты, и такими считал их принц Жуанвилль. Напротив того, жизнеспособная, воинственная часть орлеанистов, Тьер, Баз и т. д., тем легче убедили фамилию Луи-Филиппа в том, что, — раз всякая непосредственная монархическая реставрация предполагает слияние обеих династий, а всякое такое слияние предполагает отречение дома Орлеанов от своих прав, — ей следует, в полном согласии с семейными традициями, покамест признать республику и выжидать того времени, когда события позволят превратить президентское кресло в трон. Кандидатура Жуанвилля в президенты республики была сначала распространена в виде слуха, любопытство публики было возбуждено, а несколько месяцев спустя, в сентябре, когда пересмотр конституции был отвергнут, эта кандидатура была провозглашена открыто.

Таким образом, роялистская попытка слияния орлеанистов и легитимистов не только рушилась, — она также разрушила их *парламентское слияние*, объединявшую их республиканскую форму, разложила партию порядка на ее первоначальные составные элементы. А с другой стороны, чем более росло отчуждение между Клэрмонтом и Венецией, чем более их отношения близились к разрыву и усиливалась агитация в пользу Жуанвилля, тем усерднее, серьезнее становились переговоры между Фоше, министром Бонапарта и легитимистами.

Разложение партии порядка не остановилось на ее основных элементах. Каждая из обеих больших фракций, в свою очередь, разлагалась дальше. Казалось, будто все старинные оттенки, которые некогда боролись между собою внутри каждого из обоих лагерей, как в легитимистском, так и в орлеанистском лагере, снова ожили,

подобно засохшим инфузориям, приходящим в соприкосновение с водой, — будто они снова получили приток жизненной энергии, чтобы образовать отдельные группы с самостоятельными интересами. Легитимисты переносились воображением назад, ко времени споров между Тюльерийским дворцом и Марсанским павильоном, между Виллелем и Полиньяком. Орлеанисты снова переживали золотое время турниров между Гизо, Моле, Брольи, Тьером и Одилоном Барро.

Часть партии порядка, стоявшая за пересмотр конституции, но расходившаяся во взглядах на пределы пересмотра, состояла из легитимистов под предводительством Беррье и Фаллу, с одной стороны, Ларошжаклена, с другой, и утомленных борьбой орлеанистов под предводительством Моле, Брольи, Монталамбера и Одилона Барро. Эта часть партии порядка согласилась с бонапартистскими депутатами на следующем неопределенном и многообъемлющем предложении: «Нижеподписавшиеся депутаты, с целью возвратить нации возможность полного осуществления ее верховной власти, вносят предложение подвергнуть конституцию пересмотру». Но в то же время они через своего докладчика Токвилля единогласно заявили, что Национальное собрание не имеет права внести предложение *отменить республику*, что это право принадлежит только палате, созванной для пересмотра конституции. Сверх того, конституция — заявляли они — может быть пересмотрена лишь на *«законном» основании*, т. е. при наличности предписанного конституцией большинства трех четвертей всех голосов в пользу пересмотра. После шестидневных бурных дебатов, 19 июля пересмотр, как и следовало ожидать, был отвергнут. За пересмотр голосовали 446, против него — 278 депутатов. Крайние орлеанисты, Тьер, Шангарнье и пр., голосовали заодно с республиканцами и Горой.

Таким образом, большинство парламента высказывалось против конституции, но эта конституция сама высказалась за меньшинство, объявила решение меньшинства обязательным. Но разве партия порядка и 31 мая 1850 г., и 13 июня 1849 г. не поставила парламентское большинство выше конституции? Разве вся ее прежняя политика не покоилась на подчинении параграфов конституции решениям парламентского большинства? Разве она не предоставила ветхозаветное суеверие по отношению к букве закона демократам, разве она не наказывала демократов за это суеверие? Но в этот момент пересмотр конституции означал не что иное, как продолжение президентской власти, а продолжение конституции означало не что иное, как смещение Бонапарта. Парламент высказался за Бонапарта, но

конституция высказалась против парламента. Стало быть, Бонапарт действовал в духе парламента, разрывая конституцию, и действовал в духе конституции, разгоняя парламент.

Парламент объявил конституцию, а вместе с нею свое собственное господство, «вне большинства»; своим решением он отменил конституцию, продолжил власть президента и вместе с тем заявил, что ни конституция не может умереть, ни президентская власть не может жить, пока он сам продолжает существовать. Его будущие могильщики стояли у дверей. В то время как парламент дебатировал вопрос о пересмотре конституции, Бонапарт уволил обнаружившего нерешительность генерала Барагэ д'Иллье от должности начальника первой дивизии и назначил на его место одну из своих креатур, генерала Маньяна, лионского победителя, героя декабрьских дней, который еще при Луи-Филиппе, по случаю булонской экспедиции, более или менее скомпрометировал себя в его пользу.

Своим решением относительно пересмотра конституции партия порядка показала, что она не в состоянии ни господствовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни сносить республику, ни ниспровергнуть ее, ни удержать конституцию, ни устранить ее, ни жить с президентом в мире, нп разорвать с ним. От кого ожидала она разрешения всех противоречий? От календаря, от хода событий. Она отказалась от чести управлять событиями. Этим самым она отдавала себя во власть событий, т. е. во власть той силы, которой она в своей борьбе с народом уступала один атрибут власти за другим, пока она не оказалась сама совершенно бессильной. И чтобы дать возможность главе исполнительной власти тем спокойнее обдумать план борьбы против нее, усилить свои средства к атаке, выбрать свои орудия, укрепить свою позицию, партия порядка в этот критический момент решила сойти со сцены и отложить заседания палаты на три месяца, от 10 августа до 4 ноября.

Мало того, что парламентская партия распалась на свои две большие фракции, мало того, что процесс разложения охватил каждую из этих фракций, — партия порядка в парламенте разошлась с партией порядка вне парламента. Ораторы и писатели буржуазии, ее трибуна и пресса, — словом, идеологи буржуазии и сама буржуазия, представители и представляемые, стали друг другу чужды, перестали понимать друг друга.

Провинциальные легитимисты с их ограниченным кругозором и безграничным энтузиазмом, обвиняли своих парламентских вождей, Беррье и Фаллу, в том, что они дезертировали в бонапартистский лагерь и изменили Генриху V. Их рассудок, привыкший по-

клоняться бурбонским лилиям, верил в грехопадение, но не в дипломатию.

Гораздо более роковым и решительным был разрыв торговой буржуазии с ее политиками. В то время как легитимисты упрекали своих политиков в измене принципу, торговая буржуазия, наоборот, упрекала своих политиков в верности принципам, ставшим бесполезными.

Я уже раньше заметил, что со времени вступления Фульда в министерство та часть торговой буржуазии, которая при Луи-Филиппе пользовалась львиной долей власти, *финансовая аристократия*, стала бонапартистской. Фульд не только защищал на бирже интересы Бонапарта, но и защищал перед Бонапартом интересы биржи. Настроение финансовой аристократии лучше всего характеризуется ее европейским органом, лондонским «*Экономистом*». В номере от 1 февраля 1851 г. этот журнал помещает следующую корреспонденцию из Парижа: «Теперь имеются заявления со всех сторон, что Франция прежде всего требует спокойствия. Президент заявляет об этом в своем послании к Законодательному собранию, то же самое доносится эхом с национальной ораторской трибуны, о том же твердят газеты, то же провозглашается с церковной кафедры, *то же самое доказывается чувствительностью государственных бумаг к малейшей опасности для спокойствия, их устойчивостью при каждой победе исполнительной власти*».

В номере от 29 ноября 1851 г. «Экономист» заявляет от своего имени: «*На всех европейских биржах президент теперь признан стражем порядка*». Финансовая аристократия, стало быть, осуждала парламентскую борьбу партии порядка с исполнительной властью как *нарушение порядка* и приветствовала каждую победу президента над ее, казалось бы, собственными представителями как *победу порядка*. При этом под финансовой аристократией следует понимать не только крупных банкиров, через посредство которых государство заключает займы, и спекулянтов государственными бумагами: о том, что интересы этих господ совпадают с интересами государственной власти, нечего и говорить. Все современное денежное дело, все современное банковое хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом. Часть банкового капитала по необходимости помещается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковые вклады, капиталы, распределяемые банками между купцами и промышленниками, частью составляются из дивидендов государственных кредиторов. Если во все времена устойчивость государственной власти представляла символ веры для всего денежного рынка и

жрецов этого рынка, то тем более в настоящее время, когда всякий переворот угрожает одновременно и старым государствам, и старым государственным долгам.

Промышленная буржуазия, фанатически преданная порядку, также досадовала на ссору парламентской партии порядка с исполнительной властью. Тьер, Англа, Сент-Бев и т. д. получили после голосования 18 января, вызванного отставкой Шангарнье, от своих избирателей, притом как раз из промышленных округов, публичный выговор, в котором особенно их союз с Горой бичевался как государственная измена делу порядка. Если, как мы видели, хвастливые задирания, мелочные интриги, к которым сводилась борьба партии порядка с президентом, и не заслуживали лучшего приема, то, с другой стороны, эта буржуазная партия, требующая от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки президента-авантюриста, не стоила даже тех интриг, которые пускались в ход в ее интересах. Она показала, что смотрит на борьбу за ее *общественные* интересы, за ее собственные *классовые интересы*, за ее *политическую власть* лишь как на докучливую, неприятную помеху частным делишкам.

Буржуазные тузы департаментских городов, муниципальные советы, члены коммерческих судов и т. д. почти без исключения встречали Бонапарта во время его поездок самым холопским образом, — даже в Дижоне, где он беспощадно нападал на Национальное собрание и в особенности на партию порядка.

Если торговля шла хорошо, — как это было еще в начале 1851 г., — торговая буржуазия неистовствовала против всякой парламентской борьбы, опасаясь, как бы торговля от этого не пострадала. Если торговля шла плохо, — а это стало постоянным явлением с конца февраля 1851 г., — торговая буржуазия жаловалась на парламентскую борьбу как на причину торгового застоя и требовала прекращения этой борьбы, дабы торговля снова оживилась. Дебаты по поводу пересмотра конституции происходили как раз в это плохое время. Так как тут дело шло о жизни и смерти существующего государственного порядка, то буржуазия считала себя тем более вправе требовать от своих представителей прекращения этого мучительного переходного состояния и вместе с тем сохранения существующего порядка вещей. В этом не было никакого противоречия. Под прекращением переходного состояния она понимала именно его продолжение, откладывание окончательного решения в долгий ящик. Существующий порядок вещей можно было сохранить лишь двояким путем: путем продолжения власти Бонапарта или путем его закон-

ного удаления и избрания Кавеньяка. Часть буржуазии склонялась к последнему решению, но не умела посоветовать своим представителям ничего лучшего, чем замалчивание жгучего вопроса. Она воображала, что если ее представители не будут говорить, то Бонапарт не будет действовать. Она хотела иметь парламент страусов, прячущих голову, чтобы оставаться незамеченными. Другая часть буржуазии хотела оставить Бонапарта на президентском кресле, на котором он до сих пор сидел, для того, чтобы все осталось по-старому. Она возмущалась тем, что ее парламент не желает открыто нарушить конституцию и без церемоний отречься от власти.

Департаментские генеральные советы, — это провинциальное представительство крупной буржуазии, — заседавшие во время вакаций Национального собрания, с 25 августа, почти единогласно высказались за пересмотр конституции, т. е. против парламента и за Бонапарта.

Еще недвусмысленнее, чем разрыв с ее *парламентскими представителями*, было негодование буржуазии против своих литературных представителей, против своей собственной прессы. Не только Франция, — вся Европа изумилась непомерным денежным штрафам и бесстыдно долгим срокам тюремного заключения, к каким буржуазные присяжные присуждали буржуазных журналистов за всякое нападение на узурпаторские вожделения Бонапарта, за всякую попытку защитить в печати политические права буржуазии от исполнительной власти.

Если — как я показал — *парламентская партия порядка* своими криками о необходимости спокойствия призывала к спокойствию самое себя; если она, уничтожая в борьбе с другими общественными классами собственной рукой все условия своего собственного режима, парламентского режима, объявляла политическое господство буржуазии несовместимым с безопасностью и существованием буржуазии, то *внепарламентская масса буржуазии* своим холопским отношением к президенту, поношением парламента, зверским обращением с собственной прессой вызывала Бонапарта на подавление, уничтожение ее говорящей и пишущей части, ее политиков и литераторов, ее ораторской трибуны и прессы, — и все это для того, чтобы она могла спокойно заниматься своими частными делами под защитой сильного и неограниченного правительства. Она недвусмысленно заявляла, что страстно желает избавиться от собственного политического господства, чтобы избавиться от сопряженных с господством трудов и опасностей.

И эта буржуазия, которая возмущалась уже против одной

парламентской и литературной борьбы за господство ее собственного класса, которая изменила вождям этой борьбы, — эта буржуазия смеет теперь обвинять пролетариат за то, что он не вступил в кровавую борьбу, борьбу на жизнь и на смерть, за нее, за буржуазию! Она, которая каждую минуту жертвовала своими общими классовыми, т. е. своими политическими интересами для самых узких, самых грязных частных интересов и требовала такой же жертвы от своих представителей, — она теперь вопит о том, что пролетариат пожертвовал своими идеальными политическими интересами своим материальным интересам. Она корчит из себя прекрасную душу, не понятую и в решительную минуту оставленную пролетариатом, введенным в заблуждение социалистами. И ее вопли находят отголосок во всем буржуазном мире. Я тут, разумеется, не говорю о немецких доморощенных политиках и политических олухах. Я имею в виду, например, того же «Экономиста», который еще 29 ноября 1851 г., т. е. за четыре дня до государственного переворота, объявлял Бонапарта «стражем порядка», а Тьеров и Беррье «анархистами», и который не далее как 27 декабря 1851 г., после того как Бонапарт справился с этими «анархистами», кричит об измене «невежественных, тупых, невоспитанных масс пролетариата способностям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и нравственному весу средних и высших общественных слоев». Тупая, невежественная и подлая масса, это — не кто иной, как сама буржуазная масса.

Правда, в 1851 г. Франция пережила что-то вроде маленького торгового кризиса. В конце февраля обнаружилось уменьшение вывоза по сравнению с 1850 г., в марте торговля остановилась, и стали закрываться фабрики, в апреле промышленные департаменты, повидимому, находились в таком же отчаянном положении, как после февральских дней, в мае дела все еще не поправились, еще 28 июня портфель Французского банка огромным ростом вкладов и столь же огромным упадком учетной операции свидетельствовал о застое в производстве, и только в середине октября дела стали постепенно поправляться. Французская буржуазия объясняла себе этот торговый застой чисто политическими причинами, борьбой между парламентом и исполнительной властью, непрочностью переходного политического положения, страшной перспективой 2 мая 1852 г. Я не стану отрицать, что все эти обстоятельства влияли на упадок некоторых промышленных отраслей в Париже и департаментах. Но, во всяком случае, влияние политических отношений было лишь локальное и незначительное. Это лучше всего доказывается тем, что торговля

стала поправляться как раз к половине октября, в такой именно момент, когда политическое положение ухудшилось, политический горизонт покрылся тучами и каждую минуту можно было ожидать удара грома из Елисейского дворца. Французский буржуа, «способности, знания, духовное понимание и умственные ресурсы» которого не идут дальше его носа, мог, впрочем, во все продолжение лондонской промышленной выставки наткнуться на причину своих торговых бед. В то время как во Франции закрывались фабрики, в Англии имели место торговые банкротства. Меж тем как во Франции в апреле и мае дошла до апогея промышленная паника, в Англии в апреле и мае достигла апогея торговая паника. Шерстяное производство, шелковая мануфактура страдали как во Франции, так и в Англии. Если английские хлопчатобумажные фабрики продолжали работать, они работали с меньшим барышом, нежели в 1849 и 1850 гг. Вся разница была в том, что во Франции был промышленный кризис, а в Англии торговый, что во Франции фабрики закрывались, а в Англии они расширяли свое производство при более выгодных условиях, нежели в предыдущие годы, что во Франции наиболее пострадал вывоз, в Англии — ввоз. Общая причина, которую, разумеется, не следует искать в пределах французского политического горизонта, бросалась в глаза. 1849 и 1850 гг. были временем самого высокого материального процветания и перепроизводства, результаты которого обнаружились лишь в 1851 г. Перепроизводство в начале этого года особенно усилилось ввиду предстоявшей промышленной выставки. Сверх того, надо принять во внимание следующие особенные обстоятельства: сначала недород хлопка в 1850 и 1851 гг., а потом уверенность в лучшем урожае хлопка, чем того ожидали, сначала подъем, а потом внезапное падение, — словом, колебания цен на хлопок. Сбор шелка-сырца получился, по крайней мере во Франции, ниже среднего. Наконец, шерстяная мануфактура с 1848 г. так расширилась, что производство шерсти не могло поспевать за ней, и цены на сырую шерсть поднялись несоразмерно высоко по отношению к ценам на шерстяные фабрикаты. Итак, в сыром материале трех всемирных индустрий мы имеем уже тройной материал для торгового застоя. А помимо этих особенных обстоятельств, мнимый кризис 1851 г. представлял не что иное, как остановку, которую перепроизводство и чрезмерная спекуляция делают каждый раз в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил лихорадочно пробежать последнюю часть круга и снова вернуться к своей исходной точке, *всеобщему торговому кризису*. В такие промежутки торговой истории в Англии происходят торговые банкротства, между тем как

во Франции приостанавливается сама промышленность,—отчасти потому, что она вытесняется со всех рынков конкуренцией англичан, становящейся особенно несносной как раз в такое время, отчасти потому, что она, в качестве промышленности, производящей предметы роскоши, особенно чувствительна ко всякому застою в делах. Таким образом, Франция, кроме всеобщих кризисов, переживает еще свои собственные, национальные торговые кризисы, которые, однако, гораздо больше определяются и обусловливаются всеобщим состоянием всемирного рынка, нежели французскими локальными обстоятельствами. Небезынтересно будет противопоставить предрассудку французского буржуа суждение английского. Одна из крупнейших ливерпульских фирм пишет в своем годовом торговом отчете за 1851 г.: «Редкий год более обманывал возлагавшиеся на него вначале надежды, чем истекший. Вместо единодушно ожидаемого высокого процветания, этот год оказался одним из худших за все последнее двадцатипятилетие. Это, разумеется, относится лишь к торговым, а не к промышленным классам. И однако, в начале этого года было, без сомнения, достаточно данных, чтобы ожидать противоположного: товарных запасов было мало, капиталов изобилие, дешевые съестные припасы, верные виды на богатую осень, невозмутимый мир на континенте и никаких политических или финансовых затруднений дома, — в самом деле, крылья торговли никогда не были свободнее. Чему же приписать неблагоприятный результат? Мы думаем — *избыточной торговле* как предметами ввоза, так и предметами вывоза. Если наши купцы сами не введут своей деятельности в более тесные границы, то ничто не может удержать нас в равновесии, кроме периодической паники, повторяющейся раз в три года».

Представим себе теперь французского буржуа посреди этой торговой паники с его извращенным мозгом, который все время терзают, удручают, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, известия о борьбе между парламентом и исполнительной властью, интригах орлеанистов и легитимистов, коммунистических заговорах в южной Франции, мнимых жакериях в Ньеврском и Шерском департаментах, рекламах различных кандидатов в президенты, шарлатанских рецептах газет, угрозах республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, посланиях эмигрировавших героев in partibus, предвещавших светопреставление к 2 мая 1852 г., — и тогда мы пойдем, что буржуа посреди этой неописанной шумной суматохи слияния, пересмотра конституции, продолжения конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпа-

ции и революции бешено рычит своей парламентской республике: «*Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!*»

Бонапарт понял этот крик. Его понятливость усиливалась благодаря растущему нетерпению кредиторов, которые в каждом заходе солнца, приближавшем последний день президентства Бонапарта, 2 мая 1852 года, видели протест небесного светила против своих земных векселей. Они стали настоящими астрологами. Национальное собрание лишило Бонапарта надежды на конституционное продолжение его власти; кандидатура принца Жуанвилля не позволяла дольше колебаться.

Если какое-либо событие давало о себе знать задолго до своего наступления, то таким событием был государственный переворот Бонапарта. Уже 29 января 1849 г., едва прошел месяц после его избрания, Бонапарт сделал Шангарнье предложение в этом смысле. Его собственный первый министр Одилон Барро летом 1849 г. скрыто нападал на политику государственных переворотов, а Тьер зимою 1850 г. делал то же открыто. В мае 1851 г. Персиньи еще раз попытался привлечь Шангарнье на сторону переворота, и «Messager de l'Assemblée» (вестник собрания) опубликовал разговор Персиньи с Шангарнье. Бонапартистские газеты при каждой парламентской буре угрожали государственным переворотом, и чем ближе надвигался кризис, тем смелее становился их тон. На оргиях, которые Бонапарт праздновал еженощно с фешенебельными мошенниками обоих полов, с наступлением полуночного часа, когда обильные возлияния развязывали языки и воспламеняли фантазию, государственный переворот неизменно назначался на следующее утро. Сабли вынимались из ножен, стаканы звенели, представители народа выбрасывались через окно, императорская мантия падала на плечи Бонапарта, — пока наступающее утро не разгоняло призраков и изумленный Париж не узнавал от откровенных весталок и нескромных паладинов об опасности, от которой он еще раз избавился. В сентябре и октябре слухи о государственном перевороте не умолкали ни на минуту. Тень покрывалась уже красками, как пестрый дагерротип. Во всех европейских газетах за сентябрь и октябрь можно найти сообщения буквально такого содержания: «Слухи о государственном перевороте наполняют Париж. Говорят, что столица ночью будет занята войсками, а на следующее утро появятся декреты, распускающие Национальное собрание, объявляющие Сенский департамент на осадном положении, восстанавливающие всеобщее избирательное право, апеллирующие к народу. Говорят, что Бонапарт ищет министров для применения этих незаконных декретов».

Эти сообщения всегда кончаются роковым: «*отложено*». Государственный переворот всегда был манией Бонапарта. С этой манией он вернулся во Францию. Он был настолько одержим ею, что непрерывно выдавал, выбалтывал свою тайну. Он был настолько слаб, что непрерывно же отказывался от своего плана. Парижане так освоились с тенью, привидением государственного переворота, что не хотели верить в него, когда он, наконец, появился во плоти и крови. Успех государственного переворота, стало быть, нельзя объяснить ни строгой сдержанностью главы Общества десятого декабря, ни тем, что Национальное собрание было застигнуто врасплох. Если он удался, то удался несмотря на болтливость Бонапарта и с ведома Собрания, как необходимый, неизбежный результат предшествовавшего хода событий.

10 октября Бонапарт заявил министрам о своем решении восстановить всеобщее избирательное право, 16-го министры подали в отставку, 26-го Париж узнал о составлении министерства Ториньи. В то же время префект полиции Карлье был замещен Мопа, а начальник первой дивизии Маньян стянул в столицу самые надежные полки. 4 ноября Национальное собрание возобновило свои заседания. Ему ничего больше не оставалось делать, как повторить пройденный курс по краткому и ясному конспекту и доказать, что его похоронили только потому, что оно умерло раньше.

Первой позицией, потерянной Собранием в борьбе с исполнительной властью, было министерство. Собранию пришлось торжественно расписаться в этой потере полным признанием чисто фиктивного министерства Ториньи. Перманентная комиссия встретила смехом г. Жиро, который представился ей от имени министров. Такое слабое министерство для такой сильной меры, как восстановление всеобщего избирательного права! Но все дело было именно в том, чтобы ничего не делать *посредством* парламента и делать все *вопреки* парламенту.

В первый же день своего открытия Национальное собрание получило послание Бонапарта, где он требовал восстановления всеобщего избирательного права и отмены закона 31 мая 1850 г. В тот же день его министры внесли декрет в этом смысле. Собрание отвергло немедленно предложение министров о неотложности декрета, а самый закон оно 13 ноября отвергло 355 против 348 голосов. Таким образом, оно еще раз разорвало свой мандат, еще раз подтвердило, что оно из свободно выбранного народного представительства превратилось в узурпаторский парламент класса, еще раз признало, что оно само разрезало мышцы, соединявшие парламентскую голову с туловищем нации.

Если исполнительная власть своим предложением восстановить всеобщее избирательное право апеллировала против Национального собрания к народу, то законодательная власть законом о квесторах апеллировала против народа к армии. Этим законом она имела в виду твердо установить свое право на непосредственную реквизицию войск, на составление парламентской армии. Назначая, таким образом, армию третейским судьей между собой и народом, между собой и Бонапартом, признавая армию решающей политической силой, Национальное собрание, с другой стороны, должно было подтвердить, что оно давно уже отказалось от притязания господствовать над этой силой. Рассуждая о своем праве вызывать войска, вместо того чтобы их немедленно вызвать, оно обнаружило сомнение в собственной силе. Отвергая закон о квесторах, оно открыто сознало́сь в своем бессилии. Этот закон был отвергнут против меньшинства 108 голосов: Гора решала его судьбу. Гора находилась в положении буриданова осла, с той разницей, впрочем, что ей приходилось выбирать не между двумя более или менее привлекательными связками сена, а между более или менее жестокими побоями. С одной стороны, страх перед Шангарнье, с другой — страх перед Бонапартом: признаться, не героическое положение.

18 ноября была внесена поправка к предложенному партией порядка закону о коммунальных выборах, согласно которой от коммунальных избирателей требовалось, вместо трехлетнего, всего однолетнее пребывание на месте выборов. Эта поправка была провалена большинством только одного голоса, но этот один голос, как немедленно обнаружилось, ошибочно был причислен к большинству. Распавшись на враждебные фракции, партия порядка давно уже потеряла свое самостоятельное парламентское большинство. Теперь оказалось, что в парламенте вообще не было уже большинства. Национальное собрание *утратило способность принимать решения.* Его составные атомы не были более связаны никакой силой, оно испустило последний дух, оно превратилось в труп.

Наконец, внепарламентская масса буржуазии за несколько дней до катастрофы еще раз торжественно засвидетельствовала свой разрыв с парламентской буржуазией. Тьер, который, в качестве парламентского героя, особенно сильно страдал неизлечимой болезнью парламентского кретинизма, после смерти парламента придумал вместе с государственным советом новую парламентскую интригу — закон об ответственности, имевший целью удержать президента в рамках конституции. Бонапарт, который 15 сентября, по случаю закладки новой рыночной колоннады в Париже, очаровал dames des

Halles, рыбных торговок, не хуже Мазаниелло, — правда, одна рыбная торговка по реальной силе равнялась 17 бургграфам, — который, после внесения закона о квесторах, приводил в восторг спаиваемых в Елисейском дворце поручиков, — Бонапарт теперь, 25 ноября, увлек за собой промышленную буржуазию, собравшуюся в цирке, чтобы из его рук получить медали за лондонскую промышленную выставку. Заимствую характерную часть его речи из «Journal des Débats»: «Столь неожиданные успехи дают мне право повторить, как велика была бы французская республика, если бы ей дано было заботиться о своих реальных интересах и реформировать свои учреждения, вместо того чтобы непрерывно терпеть от беспокойств, причиняемых, с одной стороны, демагогами, а с другой — монархическими галлюцинациями. (Громкие, бурные и продолжительные аплодисменты со всех сторон амфитеатра.) Монархические галлюцинации мешают всякому прогрессу и всем важным отраслям промышленности. Вместо прогресса — одна борьба. Мы видим, как люди, бывшие прежде ревностнейшими защитниками королевской власти и королевской прерогативы, действуют в духе Конвента, лишь бы ослабить власть, возникшую из всеобщего избирательного права. (Громкие и продолжительные аплодисменты.) Мы видим, как люди, больше всего потерпевшие от революции и больше всего жаловавшиеся на нее, вызывают новую революцию, и все это для того, чтобы сковать волю нации... Я вам обещаю спокойствие на будущее время...» и пр. и пр. (Браво! браво, бурное браво!) Так промышленная буржуазия холопски рукоплещет государственному перевороту 2 декабря, уничтожению парламента, гибели своего собственного господства, диктатуре Бонапарта. Грому рукоплесканий 25 ноября послужил ответом пушечный гром 4 декабря, и дом г. Салландруза, хлопавшего наиболее усердно, был расхлопан наибольшим количеством бомб.

Кромвель, при роспуске Долгого парламента, отправился сам в залу заседаний, вынул из кармана часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты долее назначенного им срока, и прогнал депутатов с весело-юмористическими насмешками над каждым в отдельности. Наполеон, мельче своего образца, все же отправился 18 брюмера в Законодательное собрание и прочел ему — правда, запинающимся голосом — смертный приговор. Второй Бонапарт, который к тому же имел в своем распоряжении исполнительную власть совершенно другого рода, чем Кромвель или Наполеон, искал себе образца не в летописях всемирной истории, а в летописях Общества десятого декабря, в летописях уголовного суда.

Он крадет у Французского банка 25 миллионов франков, покупает генерала Маньяна за один миллион, солдат — по 15 франков за штуку, с водкой в придачу, тайно, как ночной вор, сходится со своими сообщниками, приказывает ворваться в жилища самых опасных парламентских вождей, вытащить из постели и увести в тюрьму Кавеньяка, Ламорисьера, Лефло, Шангарнье, Шарраса, Тьера, База и пр., занять войсками главные пункты Парижа и парламентское здание и рано утром расклеить по всей столице шарлатанские плакаты, извещающие о роспуске Национального собрания и государственного совета, о восстановлении всеобщего избирательного права и об объявлении Сенского департамента на осадном положении. А немного спустя он помещает в «Moniteur'e» подложный документ о том, будто он действовал в согласии с группой влиятельных парламентских деятелей, составивших чрезвычайный государственный совет.

Остатки парламента, главным образом легитимисты и орлеанисты, собравшись в здании мэрии десятого округа, вотируют при многократных криках «да здравствует республика!» смещение Бонапарта, тщетно взывают к глазеющей перед зданием толпе, пока их, наконец, не уводят под конвоем африканских стрелков в казарму д'Орсэ, а оттуда, в арестантских каретах, в мазасскую, гамскую и венсеннскую тюрьмы. Таков был конец партии порядка, Законодательного собрания и февральской революции.

Прежде чем перейти к заключению, набросаем краткий, схематический конспект истории февральской революции.

I. Первый период. От 24 февраля до 4 мая 1848 г. Февральский период. Пролог. Всеобщее братание.

II. Второй период. Период конституирования республики и Учредительного национального собрания.

1) От 4 мая до 25 июня 1848 г. Борьба всех классов против пролетариата. Поражение пролетариата в июньские дни.

2) От 25 июня до 10 декабря 1848 г. Диктатура чисто буржуазных республиканцев. Выработка конституции. Объявление Парижа на осадном положении. Буржуазная диктатура устранена 10 декабря избранием Бонапарта в президенты.

3) От 20 декабря 1848 г. до 29 мая 1849 г. Борьба Учредительного собрания с Бонапартом и с соединившейся с ним партией порядка. Гибель Учредительного собрания. Падение республиканской буржуазии.

III. Третий период. Период *конституционной республики* и *Законодательного национального собрания.*

1) От 29 мая 1849 г. до 13 июня 1849 г. Борьба мелкой буржуазии с буржуазией и Бонапартом. Поражение мелкобуржуазной демократии.

2) От 13 июня 1849 г. до 31 мая 1850 г. Парламентская диктатура партии порядка. Эта партия обеспечивает за собой власть отменой всеобщего избирательного права, но теряет парламентское министерство.

3) От 31 мая 1850 г. до 2 декабря 1851 г. Борьба между парламентской буржуазией и Бонапартом.

a) От 31 мая 1850 г. до 12 января 1851 г. Парламент теряет главное начальство над армией.

b) От 12 января до 11 апреля 1851 г. Попытка парламента снова подчинить себе административную власть кончается неудачей. Партия порядка теряет самостоятельное парламентское большинство. Ее коалиция с республиканцами и Горой.

c) От 11 апреля до 9 октября 1851 г. Попытки пересмотра конституции, слияния легитимистов и орлеанистов, продления власти Бонапарта. Партия порядка разлагается на свои отдельные составные части. Окончательный разрыв буржуазного парламента и буржуазной прессы с буржуазной массой.

d) От 9 октября до 2 декабря 1851 г. Открытый разрыв между парламентом и исполнительной властью. Парламент умирает и падает, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами. Падение парламентского режима и власти буржуазии. Победа Бонапарта, империалистская пародия Реставрации.

VII.

Социальная республика явилась, как фраза, как пророчество, накануне февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови *парижского пролетариата*, но появляется в виде призрака в следующих актах драмы. На сцену выдвигается *демократическая республика*. Она исчезает 13 июня 1849 г. вместе со своими убегающими *мелкими буржуа*, но, обратившись в бегство, разражается сугубо крикливыми рекламами. *Парламентская республика* с буржуазией завладевает всей сценой, развертывается во всю ширь, но 2-е декабря 1851 г. похоронило ее при крике ужаса соединенных роялистов: «Да здравствует республика!»

Французская буржуазия противилась господству рабочего пролетариата, — она доставила власть люмпенпролетариату с шефом Общества десятого декабря во главе. Буржуазия не давала Франции

прийти в себя от страха пред будущими ужасами красной анархии,— Бонапарт дисконтировал ей это будущее, когда воодушевленная водкой армия порядка, по его приказанию, 4 декабря расстреливала стоявших у окон именитых граждан бульвара Monmartre и бульвара des Italiens. Она боготворила саблю, — сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную прессу, — ее собственная пресса уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции, — ее салоны находятся под надзором полиции. Она распустила демократическую национальную гвардию, — ее собственная национальная гвардия распущена. Она применяла осадное положение, — осадное положение применено к ней. Она заменяла суд присяжных военными комиссиями, — ее суд присяжных заменен военными комиссиями. Она отдала народную школу во власть попам, — попы властвуют над ее собственной школой. Она ссылала без суда, — ее ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества государственной силой, — государственная сила подавляет всякое движение ее общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из любви к своему денежному мешку, — ее политики и писатели устранены, но ее денежный мешок подвергается ограблению, после того как ему заткнули рот и сломали его перья. Буржуазия неутомимо кричала революции, как святой Арсений христианам: «Fuge, tace, quiesce!» (Беги, молчи, успокойся!), — Бонапарт кричит буржуазии: «Fuge, tace, quiesce», — беги, молчи, успокойся!

Французская буржуазия давно разрешила дилемму Наполеона: «Dans cinquante ans l'Europe sera républicaine ou cosaque» (через 50 лет Европа будет республиканской или казацкой страной). Она ее разрешила в своей казацкой республике. Не нужно было злых чар Цирцеи, чтобы превратить художественно-прекрасную буржуазную республику в безобразное чудовище. Эта республика утратила лишь наружную респектабельность. Теперешняя Франция заключалась в готовом виде в парламентской республике. Достаточно было одного укола штыком, чтобы оболочка лопнула и чудовище предстало взорам.

Ближайшей целью февральской революции было свержение Орлеанской династии и части буржуазии, которая при ней господствовала. Эта цель было достигнута только 2 декабря. Только теперь были конфискованы колоссальные владения Орлеанского дома, реальная основа его влияния. То, чего ждали после февральской революции, сделано было только после декабря: тюрьма, бегство, низвержение, изгнание, обезоружение, издевательство над людьми, которые с 1830 г. утомляли Францию своей славой. Но при Луи-Филиппе

господствовала только часть торговой буржуазии. Другие фракции последней образовали династическую и республиканскую оппозицию или стояли совершенно вне рамок так называемой «легальной страны». Только парламентская республика приняла в свой государственный круг все фракции торговой буржуазии. К тому же при Луи-Филиппе торговая буржуазия исключала землевладельческую. Только парламентская республика поставила их рядом, как равноправных членов, соединила браком июльскую монархию с легитимной и слила две эпохи господства собственности в одну. При Луи-Филиппе привилегированная часть буржуазии скрывала свое господство под короной; в парламентской республике господство буржуазии, после того как она объединила все свои элементы и сделала государство государством своего класса, обнажило голову. Таким образом, только революция создала форму, в которой господство класса буржуазии нашло свое наиболее всестороннее, всеобщее и последнее выражение и, следовательно, могло быть свергнуто без того, чтобы оно могло снова подняться.

Только теперь приведен был в исполнение вынесенный февральской революцией приговор над орлеанистской буржуазией, т. е. наиболее жизнеспособной фракцией французской буржуазии. Только теперь нанесен был смертельный удар ее парламенту, ее адвокатскому сословию, ее торговым судам, ее провинциальному представительству, ее нотариату, ее университетам, ее трибуне и трибуналам, ее прессе и литературе, ее административным доходам и судебным пошлинам, ее жалованьям в армии и государственной ренте, ее духу и ее телу. *Бланки* выставил роспуск буржуазной гвардии как первое требование революции, и буржуазные гвардейцы, которые в феврале предложили руку революции, чтобы мешать ей ходить, в декабре исчезли со сцены. Пантеон сам превращается снова в ординарную церковь. Вместе с последней формой буржуазного господства исчезает и очарование, которое придавало его инициаторам в XVIII столетии ореол святости.

Почему парижский пролетариат не восстал после 2 декабря?

Низвержение буржуазии было только декретировано, декрет еще не был приведен в исполнение. Всякое серьезное восстание пролетариата немедленно снова оживило бы буржуазию, примирило бы ее с армией и обеспечило бы за рабочими второе июньское поражение.

4 декабря буржуа и лавочники подстрекали пролетариат к борьбе. Вечером того же дня несколько легионов национальной гвардии обещали явиться на место борьбы с оружием и в мундирах. Дело в том, что буржуа и лавочники узнали, что Бонапарт в одном

из своих декретов от 2 декабря отменил тайное голосование и приказывал писать свое «да» или «нет» в официальных списках избирателей рядом со своим именем. Сопротивление 4 декабря напугало Бонапарта. Ночью были расклеены, по его приказанию, по всему Парижу плакаты, объявлявшие о восстановлении тайного голосования. Буржуа и лавочники подумали, что добились всего. На следующее утро остались дома именно буржуа и лавочники.

В ночь с 1 на 2 декабря Бонапарт захватил врасплох вождей парижского пролетариата, его баррикадных предводителей. Представляя армию без офицеров, не имея ни малейшей охоты, после июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г., бороться под знаменем Горы, пролетариат предоставил своему авангарду, тайным обществам, спасти инсуррекционную честь Парижа, честь, которую буржуазия оставила на произвол солдатчины до того безропотно, что Бонапарт мог впоследствии обезоружить национальную гвардию с язвительной мотивировкой: он опасается, как бы анархисты не злоупотребили ее оружием против нее самой.

«C'est le triomphe complet et définitif du socialisme!» Это — полное и окончательное торжество социализма! — так характеризовал Гизо переворот 2 декабря. Но если низвержение парламентской республики в зародыше заключает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была *победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силою фразы.* В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Она отрекается от всякой собственной воли в пользу исполнительной власти, подчиняется повелению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в противоположность законодательной выражает гетерономию нации (управление нацией) в противоположность автономии нации. Таким образом, Франция избавилась от деспотизма одного класса, повидимому, лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму индивидуума, и притом авторитету индивидуума, не имеющего никакого авторитета. Борьба, повидимому, кончилась тем, что все классы одинаково бессильно и одинаково безгласно преклонились пред ружейным прикладом.

Но революция основательна. Она пока проходит через чистилище. Она делает свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она подготовилась лишь наполовину, теперь она кончает свою подготовку. Сначала она довела до совершенства парламентскую власть, чтобы иметь возможность ее низвергнуть. Теперь, достигнув этого,

она доводит до совершенства *исполнительную власть*, придает ей самое чистое выражение, изолирует ее, делает ее своим единственным объектом, чтобы сосредоточить против нее все свои разрушительные силы. И когда она окончит эту вторую половину своей подготовительной работы, Европа вскочит с места и воскликнет с восторгом: ты славно рыл, старый крот!

Эта исполнительная власть с ее огромной бюрократической и военной организацией, с ее многосложным и искусственным государственным механизмом, с ее полумиллионной армией чиновников и полумиллионной же армией солдат, — этот чудовищный паразитический организм, словно ткань обвивающийся вокруг тела французского общества и закрывающий все его поры, возник во время абсолютной монархии, при упадке феодализма, падение которого он ускорил. Все сеньериальные привилегии поземельных собственников и городов превратились в атрибуты государственной власти; феодальные сановники — в получающих жалованье чиновников, а пестрая, как собрание образчиков, карта перекрещивающихся средневековых суверенных прав превратилась в правильный план централизованной государственной власти, где господствует такое же разделение труда, как на фабрике. Первая французская революция, имевшая своей задачей уничтожить все сепаратные, локальные, территориальные, городские и провинциальные власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией: централизацию, а вместе с тем объем, атрибуты и число прислужников правительственной власти. Наполеон довел до совершенства эту государственную машину. Легитимная и июльская монархии ничего не прибавили, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри гражданского общества создавало новые группы интересов, следовательно новые объекты государственного управления. Всякий возникающий *общий* интерес государство немедленно отрывало от общества, противопоставляло его обществу как высший *всеобщий* интерес, вырывало из сферы самодеятельности членов общества и делало предметом правительственной деятельности, — начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества сельских общин и кончая железными дорогами, национальным имуществом и университетами всей Франции. Наконец, парламентской республике пришлось в борьбе с революцией усилить, вместе с репрессивными мерами, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты совершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее. Партии, поочередно боровшиеся за власть, смотрели на это

огромное государственное здание как на главную добычу победителя.

Но при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне бюрократия была лишь средством подготовления классового господства буржуазии. Во время реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентской республике бюрократия, при всем своем стремлении к самовластию, была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство, повидимому, стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько окрепла по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества десятого декабря, пришлого авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатчиной, которую он купил водкой и колбасой, которую ему все снова приходится ублажать водкой и колбасой. Отсюда робкое отчаяние, чувство несказанного унижения, унижения, которое сдавливает грудь Франции и не дает ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя обесчещенной.

И однако государственная власть не висит в воздухе: Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель *мелких крестьян-собственников*.

Подобно тому как Бурбоны — династия крупной поземельной собственности, а Орлеаны — династия денег, Бонапарты — династия крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян Бонапарт является не тогда, когда он подчиняется буржуазному парламенту, а тогда, когда он разгоняет буржуазный парламент. Городам удалось на три года извратить смысл выборов 10 декабря и обмануть крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое истинное выражение только в перевороте 2 декабря 1851 г.

Мелкие крестьяне образуют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные взаимные отношения. Способ производства изолирует их друг от друга, а не связывает путем взаимных отношений. Этому изолированию содействуют плохие французские пути сообщения и бедность крестьян. Обрабатываемый ими клочок земли исключает всякую возможность разделения труда, применения науки, а следовательно, исключает и многостороннее развитие, разнообразие талантов и общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти не нуждается ни в ком другом; она сама непосредственно производит наибольшую часть предметов своего потребления, добывая, таким образом, жизненные средства больше в сношениях с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья;

рядом другой клочок земли, другой крестьянин и другая семья. Несколько дюжин всего этого составляет деревню, несколько дюжин деревень составляют департамент. Так большая масса французской нации образуется от простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля составляется из сложенных в мешок картофелин. Поскольку мелкое крестьянство живет в экономической обстановке, которая накладывает общую печать на его образ жизни, интересы и умственное развитие и ставит его тем самым во враждебное отношение к другим классам, — оно образует класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь локальная связь, поскольку тожество их интересов не создает между ними общей национальной связи, общей политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем явиться их господином, стоящим над ними авторитетом, неограниченною правительственною властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им дождь и вёдро. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила веру французских крестьян в человека по имени Наполеон, который возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся индивидуум, выдающий себя за этого человека, потому что он носит имя Наполеона, на основании наполеоновского кодекса, запрещающего искать настоящего отца незаконного ребенка («La recherche de la paternité est interdite»). После двадцатилетней, полной нелепых приключений, бродяжнической жизни легенда сбывается: он делается императором. Мания племянника осуществилась, потому что она совпадала с манией самого многочисленного класса французской нации.

Но тут мне могут возразить: «А крестьянские бунты в половине Франции, а облавы, устраивавшиеся армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?»

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические козни».

Дело, однако, объясняется просто. Династия Бонапартов представляет не революционного, а консервативного крестьянина, не крестьянина, рвущегося из рамок своей социальной обстановки, из рамок парцеллы, а крестьянина, желающего укрепить парцеллу, — не деревенское население, стремящееся собственными силами, на-

ряду с городами, ниспровергнуть старый порядок, а деревенское население, которое, наоборот, тупо замыкается в этом старом порядке и ожидает спасения и преимуществ для себя и своей парцеллы от призрака империи. Династия Бонапартов представляет не просвещение, а суеверие крестьянина, не его рассудок, а его предрассудок, не его будущее, а его прошедшее, не его современные Севеннские горы, а его современную Вандею.

Трехлетнее тяжелое господство парламентской республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало — правда, пока лишь поверхностно — часть французских крестьян; но каждый раз, когда они пытались сделать шаг вперед, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентской республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; это выражалось в непрерывной борьбе школьных учителей с попами: буржуазия наложила узду на школьных учителей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельное положение по отношению к правительственной деятельности: это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами: буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местах крестьяне, в период парламентской республики, восставали против собственного детища, против армии: буржуазия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта буржуазия вопит теперь о тупости массы, «низкой толпы», которую она же выдала Бонапарту! Она сама насильственно укрепила империализм крестьян, усердно охраняя положение вещей, почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда и то, что буржуазия должна одинаково бояться глупости масс, пока они остаются консервативными, и понимания масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за государственным переворотом, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же вотума от 10 декабря 1848 г. Школа, пройденная ими с 1848 г., для них не прошла даром. Но они продали свою душу темным силам истории, история их ловила на слове: большинство до того еще было опутано суеверием, что крестьянское население как раз в самых красных департаментах открыто голосовало за Бонапарта. Эти крестьяне думали, что Национальное собрание сковало Бонапарту ноги. Бонапарту теперь пришлось только разбить оковы, наложенные городами на волю деревни. Местами крестьяне носились даже с нелепой мыслью поставить рядом с Наполеоном Конвент.

После того как первая революция превратила полукрепостных

крестьян в свободных поземельных собственников, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне беспрепятственно могли пользоваться только что доставшейся им французской землей и удовлетворять свою молодую страсть к собственности. Но причина современной гибели французского крестьянина, это — именно его парцелла, раздробление поземельной собственности, форма собственности, упроченная во Франции Наполеоном, — именно те материальные условия, которые сделали французского феодального крестьянина собственником парцеллы, а Наполеона — императором. Двух поколений было достаточно, чтобы привести к неизбежному результату — к прогрессивному ухудшению земледелия и к прогрессивной задолженности земледельца. «Наполеоновская» форма собственности, бывшая в начале XIX столетия условием освобождения и обогащения сельского населения Франции, в течение этого столетия превратилась в причину его рабства и пауперизма. И эта-то форма собственности — первая из «idées napoléoniennes» (наполеоновских идей), которую придется отстаивать второму Бонапарту. Если он, подобно крестьянам, еще разделяет иллюзию, что причину крестьянского разорения следует искать не в самой парцеллированной собственности, а вне ее, во влиянии посторонних обстоятельств, — его эксперименты разобьются об отношения производства, как мыльные пузыри.

Экономическое развитие парцеллированной собственности коренным образом изменило отношение крестьян к остальным общественным классам. При Наполеоне раздробление поземельной собственности в деревне дополняло собою свободную конкуренцию и возникающую крупную индустрию городов. Даже предоставление особых преимуществ крестьянству лежало в интересах нового буржуазного строя. Этот вновь созданный класс представлял всестороннее продолжение буржуазного режима за ворота городов, его проведение в национальном масштабе. Крестьянский класс был вездесущим протестом против только что низвергнутой поземельной аристократии.

Но, пользуясь особыми преимуществами, крестьянство в первую очередь подпало под удары феодальной реставрации. Корни, пускаемые во французскую землю мелкой собственностью, лишали феодализм всяких питательных соков. Межевые знаки мелкой поземельной собственности представляли собой естественный оплот буржуазии против всякого нападения со стороны ее старых властелинов. Но в течение XIX столетия место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли

ипотеки, место аристократической поземельной собственности занял буржуазный капитал. Крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о том, удастся ли земледельцу выколотить для себя хотя бы заработную плату. Тяготеющий на французской земле ипотечный долг налагает на французское крестьянство оброк, равняющийся сумме ежегодных процентов по всему государственному долгу Англии. Мелкая собственность, порабощенная капиталом, — а ее развитие неизбежно ведет к этому порабощению, — превратила массу французской нации в троглодитов. 16 миллионов крестьян (в том числе женщины и дети) живут в пещерах, бо́льшая часть которых имеет всего одно окошко, другая часть — всего два, а в самом лучшем случае всего — три окошка. А окна в доме — то же, что пять чувств для головы. Буржуазный строй, который в начале настоящего столетия поставил государство стражем при нововозникшей парцелле и удобрял ее лаврами, стал вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала. Кодекс Наполеона представляет теперь не более, как кодекс взыскания долгов, наложения запрета и продажи с молотка. Сверх официально насчитываемых четырех миллионов (в том числе дети и т. д.) пауперов, бродяг, преступников и проституток, во Франции существует пять миллионов душ, находящихся на краю хозяйственного разорения и либо живущих в самой деревне, либо непрерывно перекочевывающих со своими лохмотьями и детьми из деревни в город и из города в деревню. Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капитала, — как это было при Наполеоне, — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный строй. Но *сильное и неограниченное правительство* — и это вторая «наполеоновская идея», которую взялся осуществить второй Наполеон — призвано силой защищать этот «материальный» строй. И действительно, во всех прокламациях Бонапарта против бунтующих крестьян этот «ordre matériel» служит ему лозунгом.

Кроме ипотечного долга капиталисту, на парцелле тяготеет еще *подать*. Подати, это — источник жизни бюрократии, армии, попов и двора, — словом, всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство и высокий налог — тожественные понятия. Парцеллированная поземельная собственность по своей природе представляет подходящее основание для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Нивелируя отношения и людей по всей стране, эта форма

собственности делает возможным равномерное воздействие на однообразную массу по всем направлениям из одного высшего центра. Уничтожая аристократические промежуточные ступени между народной массой и государственной властью, она вызывает всестороннее непосредственное вмешательство государственной власти и ее непосредственных органов. Создавая, наконец, незанятое излишнее население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню,—она заставляет увеличивать число государственных должностей. При Наполеоне этот многочисленный правительственный персонал был не только непосредственно производителен: в форме публичных работ и т. д. он при помощи принудительных средств государства создавал для вновь созданного крестьянства все то, что буржуазия не в состоянии была доставить путем частной промышленности. Государственные налоги были необходимым принудительным средством, чтобы поддерживать обмен между городом и деревней. Иначе мелкий земельный собственник в своей крестьянской автаркии оборвал бы, как в Норвегии, как в некоторых частях Швейцарии, всякую связь с городами. Наполеон с процентами возвращал налагаемый им высокий налог благодаря новым рынкам, которые он открывал штыками, благодаря ограблению континента. Наполеоновский налог был стимулом для трудолюбия крестьянина, меж тем как теперь он лишает его последних ресурсов, довершает его беззащитность против пауперизма. А многочисленная, нарядная и упитанная бюрократия, это — «наполеоновская идея», наиболее близкая сердцу второго Бонапарта. Да и как могло быть иначе, когда Бонапарт вынужден создать, рядом с естественными классами общества, искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос о насущном хлебе? Вот почему одна из его первых финансовых операций заключалась в возвышении пониженных было чиновничьих окладов до прежней нормы и в создании новых синекур.

Другая «наполеоновская идея», это — господство *попов* как орудия правительства. Но если нововозникшая парцелла, находясь в гармонии с обществом, в зависимости от сил природы и в покорных отношениях к защищавшей ее верховной власти, естественно была религиозна,—то кругом задолженная, разорвавшая с обществом и властью, преодолевшая свою собственную ограниченность парцелла естественно становится нерелигиозной. Небо было очень приятной придачей к только что приобретенному клочку земли, тем более что оно делает погоду; но небо становится надругательством, лишь

только его навязывают как суррогат парцеллы. Тогда поп является не более, как помазанной ищейкой земной полиции, — тоже «наполеоновская идея» полиции, которая при втором Бонапарте, в отличие от наполеоновского времени, имеет своим призванием не надзор за врагами крестьянского режима в городах, а за врагами Бонапарта в деревнях. Экспедиция против Рима в следующий раз будет предпринята в самой Франции, только в противоположном смысле, чем это думает господин Монталамбер.

Наконец, кульминационный пункт «наполеоновских идей», это — преобладающее значение *армии*. Армия была point d'honneur (вопросом чести) мелких крестьян-собственников: она их самих делала героями, защищала от внешних врагов их новую собственность, возвеличивала только что приобретенное ими равноправие в среде нации, грабила и революционизировала мир. Мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, продолженная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности. Но враги, от которых французскому крестьянину приходится теперь защищать свою собственность, это — не казаки, а судебные пристава и сборщики податей. Парцелла лежит уже не в так называемом отечестве, а в ипотечной книге. Сама армия уже не цвет крестьянской молодежи, а болотный цветок крестьянской голытьбы. Она большею частью состоит из подставных рекрутов, подобно тому как второй Бонапарт сам — лишь подставное лицо, заступающее место Наполеона. Геройские подвиги она совершает теперь во время облав на крестьян, при исполнении жандармских обязанностей; и если внутренние противоречия системы шефа Общества десятого декабря погонят его за пределы Франции, — армия, после нескольких бандитских проделок, пожнет не лавры, а колотушки.

Дело ясно: все «наполеоновские идеи», это — *идеи неразвитой, дышащей молодостью парцеллы;* для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинации ее предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками. Но пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции и выработать в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом. С растущим расстройством мелкой поземельной собственности рушится покоющееся на ней государственное здание. Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, может подняться лишь на развалинах военно-бюрократического правительственного механизма, выкованного в борьбе с феодализмом.

Разрушение государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низкая и грубая централизация, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом. Отчаявшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свой земельный участок, рухнет и все построенное на крестьянском землевладении государственное здание, и *пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь.*

Положение французских крестьян разрешает загадку *общих выборов 20 и 21 декабря*, возведших Бонапарта на гору Синай не для того, чтобы получить, а для того, чтобы дать законы. В те роковые дни французский народ, несомненно, совершил смертный грех по отношению к демократии, которая изо дня в день взывает на коленях: «Святое всеобщее избирательное право, молись за нас!» Верующие во всеобщее избирательное право не хотят, разумеется, отказаться от той чудодейственной силы, которой они столь многим обязаны, которая Бонапарта II превратила в Наполеона, Савла в Павла, Симона в Петра. Дух народа глаголет им из глубины избирательных урн, как бог пророка Езекиила мертвым костям: «Haec dicit dominus deus ossibus suis: Ecce ego intromittam in vos spiritum et vivetis». («Так рек господь бог своим костям: я вдуну в вас дух, и вы будете жить»).

Буржуазия теперь, очевидно, не имела другого выбора, как голосовать за Бонапарта. Когда пуристы на Констанцском соборе жаловались на порочную жизнь пап и вопили о необходимости исправления нравов, кардинал Пьер д'Алльи прогремел в ответ: «Один только чорт может еще спасти католическую церковь, а вы требуете ангелов!» Так и французская буржуазия кричала после государственного переворота: один только шеф Общества десятого декабря может еще спасти буржуазное общество! Одно только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, прелюбодеяние — семью, беспорядок — порядок.

Бонапарт, в качестве исполнительной власти, ставшей самостоятельною силою, считает себя призванным обеспечить «буржуазный порядок». Сила же этого порядка — в среднем классе. Он чувствует себя поэтому представителем среднего класса и издает соответственные декреты. Но, с другой стороны, он стал чем-то лишь потому, что сокрушил и ежедневно снова сокрушает политическую силу среднего класса. Он чувствует себя поэтому противником политической и литературной силы среднего класса. Но, охраняя его материальную силу, он тем самым снова вызывает к жизни его полити-

ческую силу. Итак, нужно лелеять причину и устранять следствие всюду, где оно обнаруживается. Но без маленьких смешений причины со следствием дело обойтись не может, так как и причина, и следствие, находясь во взаимодействии, утрачивают свои отличительные признаки: следуют новые декреты, стирающие пограничную черту. В то же время Бонапарт чувствует себя представителем крестьян и народа вообще против буржуазии, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества: новые декреты, превосходящие правительственную мудрость «истинных социалистов». Но прежде всего Бонапарт чувствует себя шефом Общества десятого декабря, представителем люмпенпролетариата, к которому принадлежат он сам, его приближенные, его правительство и армия и которому прежде всего хочется жить в свое удовольствие и тянуть калифорнийские выигрыши из казенного сундука; и он оправдывает свое звание шефа Общества десятого декабря посредством декретов, без декретов и вопреки декретам.

Эта, полная противоречий, миссия Бонапарта объясняет противоречивые действия его правительства, которое, двигаясь ощупью, старается то привлечь, то унизить сегодня тот, завтра другой класс и возбуждает против себя все классы одинаково, — правительства, практическая неуверенность которого представляет высоко-комический контраст с повелительным, категорическим стилем правительственных указов, рабски скопированных с указов дяди.

Промышленность и торговля, т. е. дела среднего класса, должны при сильном правительстве процветать, как оранжерейные растения: среднему классу дается бесчисленное множество железнодорожных концессий. Но бонапартистский люмпенпролетариат должен обогащаться: его посвящают в тайну предстоящих концессий, чтобы дать ему возможность выгодно спекулировать ими на бирже. Нет капиталов для железных дорог: банку предписывается ссужать деньги под залог железнодорожных акций. Но банк в то же время должен быть эксплоатируем Бонапартом лично, — банк, стало быть, надо обласкать: с банка снимается обязанность публиковать еженедельный отчет, — львиный договор между банком и правительством. Народу нужно дать работу: предпринимаются государственные постройки. Но государственные постройки увеличивают податную тяжесть народа: подати понижаются за счет доходов рантье, — конверсия пятипроцентной ренты в четырех с половиной-процентную. Но средний класс после этого должен получить новую милость: налог на вино удваивается для покупающего вино в розницу народа и уменьшается вдвое для пьющего оптом среднего класса. Существующие

рабочие ассоциации распускаются, но зато правительство обещает чудесные ассоциации в будущем. Нужно помочь крестьянам: учреждаются ипотечные банки, усиливающие задолженность крестьян и концентрацию поземельной собственности. Но этими банками нужно воспользоваться для того, чтобы выжать деньги из конфискованных имений Орлеанов. Ни один капиталист не соглашается, однако, на последнее условие, которого нет в декрете, — и ипотечный банк остается лишь декретом, и т. д., и т. д.

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во время Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, — и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы купить потом Францию на французские деньги, так как, в качестве шефа Общества десятого декабря, ему приходится покупать все, что он хочет иметь на своей стороне. И учреждением купли-продажи становятся все государственные учреждения: сенат, государственный совет, Законодательное собрание, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, государственные постройки, железные дороги, генеральный штаб национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанов. Предметом купли делается всякое место в армии и правительственной машине. Но самое важное в этой политике, берущей у Франции, чтобы ей дать, это — проценты, перепадающие во время оборота в карман шефа и членов Общества десятого декабря. Острое словцо графини Л., метрессы г. де-Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle» (это первый полет орла)[1], применимо к каждому полету этого *орла*, похожего больше на *ворона*. Он и его приверженцы ежедневно напоминают себе слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно хватить еще на долгие годы: «Tu fai conto sopra i beni, bisogna primo far il conto sopra gli anni». (Ты считаешь свои богатства; тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы). Чтобы не просчитаться в годах, они считают на минуты. Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии проти-

[1] [Vol значит полет и воровство.]

скивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился,—шумная, подозрительная, хищническая богема, влезающая в обшитые галунами сюртуки со смешной важностью сановников Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое Общества десятого декабря, если принять во внимание, что Верон-Кревель — его моралист, а Гранье де-Кассаньяк — его мыслитель. Гизо, во время своего министерства пользуясь в одной темной газетке этим Гранье как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: «C'est le roi des drôles» (это—король дураков). Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с Регентством или Людовиком XV. Ибо, как выразилась мадам Жирарден, «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления hommes entretenus (мужчин на содержании у женщин).

Гонимый противоречивыми требованиями своего положения, находясь притом в положении фокусника, принужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заместителю Наполеона, другими словами, совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, — Бонапарт переворачивает вверх дном все буржуазное хозяйство, прикасается ко всему, что казалось неприкосновенным революции 1848 г., одних приучает относиться терпеливо к революции, а других делает охотниками до революции, производит чистую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной. Культ трирского священного хитона он пародирует в Париже в культе наполеоновской императорской мантии. Но когда императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона упадет с высоты Вандомской колонны.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПАССИВНОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ В ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО [1851] ГОДА

I.

Со второго декабря прошлого года все внимание, на которое только способны иностранные или, по меньшей мере, континентальные политики, было поглощено счастливым и беззастенчивым игроком Луи-Наполеоном Бонапартом. «Что он предпринимает? Собирается ли он воевать и с кем? Собирается ли он вторгнуться в Англию?»

Эти вопросы ставились всюду, где велось обсуждение континентальных дел.

И действительно, есть что-то поражающее в том явлении, что относительно неизвестный авантюрист становится случайно во главе исполнительной власти великой республики, овладевает в промежуток времени между закатом солнца и его восходом всеми значительными постами столицы, загоняет парламент как барана в стойло, в два дня подавляет восстание в метрополии, в две недели усмиряет волнения в провинции, навязывает себя в позорных выборах всему народу и устанавливает одним мановением конституцию, вручающую ему всю власть в государстве. Подобная вещь еще не случалась, и такого позора не породил ни один народ, с тех пор как преторианские легионы гибнущего Рима выставили империю на торги и продали ее тому, кто предлагал высшую цену. И печать среднего класса, начиная от «Times'a» до «Weekly Despatch», с декабрьских дней не упускала ни одного случая излить свое благородное негодование на военного деспота, предательски уничтожившего свободу своей страны, душителя печати и т. п.

Однако, отдавая должное Луи-Наполеону, мы не думаем, чтобы органу рабочего класса подобало присоединиться к этому хору громкозвучных хулителей, в котором все газеты биржевых дельцов, хлопчатобумажных лордов и земельных аристократов стараются перекричать друг друга. Этим джентльменам не мешало бы напомнить настоящее положение вопроса. *Они* имеют все основания вопить, так как все, что Луи-Наполеон забрал у других, он забрал не у рабочего класса, но именно у тех классов, чьи интересы в Англии представлены вышеуказанной группой печати. Это не значит, что

Луи-Наполеон с таким же удовольствием не ограбил бы рабочий класс в отношении всего, чего бы он мог пожелать, но дело в том, что в декабре прошлого года у французского рабочего класса нечего было грабить, так как все, что стоило у него забрать, уже было забрано в продолжение трех с половиною лет парламентским правительством среднего класса, которое стояло у власти после великого поражения в июне 1848 г. Действительно, что можно было забрать у рабочих накануне 2 декабря? Избирательное право? — Они были лишены его избирательным законом в мае 1850 года. Право собраний? — Оно давно было ограничено «надежными» и «благонамеренными» общественными классами. Свобода печати? — Подлинная пролетарская печать была утоплена в крови восставших в великом июньском бою, и тень ее, пережившая ее на время, давно исчезла под давлением запретительных законов, которые пересматривались и совершенствовались каждой последующей сессией Национального собрания. Их оружие? — Были использованы все предлоги, чтобы обеспечить исключение из Национальной гвардии всех рабочих и ограничить право на ношение оружия более состоятельными классами общества.

Таким образом, к моменту последнего переворота рабочему классу почти или совсем нечего было терять в области политических привилегий. Зато, с другой стороны, средний класс и класс капиталистов располагали в это время полной политической властью. Им принадлежала печать, право собраний, право ношения оружия, избирательное право, парламент. Легитимисты и орлеанисты, владельцы земель и владельцы акций, после тридцатилетней борьбы нашли нейтральную почву в республиканской форме управления. И для них было очень тяжело лишиться всего этого за короткий промежуток времени в несколько часов и вернуться к состоянию политического ничтожества, к которому сами они привели рабочих. Вот та причина, вследствие которой английская «респектабельная» печать пришла в такую ярость по поводу беззаконных действий Луи-Наполеона. До тех пор, пока действия эти были направлены исполнительной властью или парламентом против рабочего класса, они казались вполне правильными, но как только подобная политика распространилась на «лучший сорт людей», на «интеллектуальный цвет нации», это оказалось совсем другим делом, и каждому любящему свободу следовало возвысить свой голос в защиту «основ».

Итак, 2 декабря борьба велась главным образом между средним классом и Луи-Наполеоном, представителем армии. Что Луи-На-

полеон понимал это, видно из приказов, отданных по армии во время боя 4 декабря, стрелять главным образом по «хорошо одетым людям». Славная борьба на бульварах достаточно известна, и ряд залпов по закрытым окнам и безоружным буржуа оказался достаточным для того чтобы подавить в парижском среднем классе всякое сопротивление.

С другой стороны, рабочий класс, хотя его и нельзя было больше лишить никаких непосредственных политических привилегий, не был вовсе незаинтересован в этом вопросе. Ему сверх всего пришлось упустить великий шанс в мае 1852 г., когда все власти в государстве должны были потерять свои полномочия и когда в первый раз с июня 1848 г. он мог надеяться на получение широкой арены для борьбы; стремясь к политическому верховенству, он не мог допустить такой резкой перемены правительства, не пытаясь встать между борющимися сторонами, возвышаясь над ними и подчиняя их своей воле, как закону страны. Поэтому он не мог бы упустить случая показать двум враждующим силам, что на поле битвы имеется еще третья сила, которая, если и является в настоящий момент изгнанной за пределы театра официальных и парламентских состязаний, все же готова вступить в бой, как только сцена перейдет в ее сферу действий — на *улицу*. Однако не следует забывать, что даже в этом случае пролетарская партия работает в весьма невыгодных условиях. Если она восстанет против узурпатора, не окажется ли, что она благородно защищает и подготовляет реставрацию и диктатуру того парламента, который показал себя самым беспощадным ее врагом? И если она выскажется за революционное правительство, не напугает ли она — как это действительно имело место в провинции — средний класс настолько, чтобы побудить его войти в союз с Луи-Наполеоном и армией? Кроме того, следует помнить, что подлинная мощь, цвет революционного рабочего класса был или убит во время июньского восстания, или выслан и заключен в тюрьмы по бесчисленным *разнообразным* предлогам после июньских событий. И наконец, существовал такой фактор, который сам по себе обеспечивал Наполеону нейтралитет громадного большинства рабочего класса: промышленность была в превосходном состоянии, и англичанам достаточно хорошо известно, что при отсутствии безработицы и при хорошей оплате труда нельзя вызвать волнений, тем более революции.

В Англии теперь принято говорить, что французы превратились в старых баб, так как иначе они не стерпели бы подобного обращения. Я охотно соглашаюсь с тем, что как народ французы в

настоящий момент заслуживают таких украшающих эпитетов. Но нам всем известно, что французы в своих мнениях и поступках в большей степени поддаются влиянию успеха, чем какой-либо другой цивилизованный народ. Как только события в стране развиваются в определенном направлении, они без сопротивления следуют за событиями, пока последние не разовьются до своих крайних последствий. Июньское поражение 1848 года дало контр-революционный толчок Франции и, через ее посредство, всему континенту. Настоящее образование империи Наполеона является только венцом длинного ряда контр-революционных побед, заполнивших последние три года: следует ожидать, что, вступив однажды на путь, ведущий вниз, Франция будет падать, пока не достигнет дна. Насколько она близка ко дну, сказать нелегко; но то, что она стремительно опускается, видно каждому. И если характер истории Франции не будет опровергнут последующими действиями французского народа, то мы можем спокойно ожидать, что чем глубже унижение, тем внезапнее и яростнее будет подъем. События в наше время следуют одно за другим в невероятном темпе, и то, для чего прежде народу нужно было целое столетие, в настоящее время легко совершается в несколько лет. Старая империя продержалась четыре года; императорскому орлу чрезвычайно повезет, если возрождение, в гораздо более жалком масштабе этого представления, продержится столько же месяцев. А затем?

II.

Хотя на первый взгляд может показаться, что в настоящий момент Луи-Наполеон во Франции управляет как неограниченный самодержец, что единственная сила, существующая на-ряду с его силой, это — дворцовые интриги, которые осаждают его со всех сторон и борются друг с другом с целью войти в милость и получить нераздельное влияние на французского автократа, — в действительности положение вещей совсем другое. Весь секрет успеха Луи-Наполеона заключается в том, что благодаря традиции, связанной с его именем, он был поставлен в такое положение, что был в состоянии, хотя бы и временно, сохранить *равновесие борющихся классов французского общества*. Но несомненно, что в связи с осадным положением, введенным военным деспотизмом, который в настоящее время господствует во Франции, борьба различных классов общества разгорается сильнее, чем когда-либо. Борьба, развивавшаяся в последние четыре года при участии пороха и выстрелов, теперь приняла новую форму. Подобно тому как затяжная война истощает и

утомляет самую могущественную нацию, так и открытая кровавая война прошлого года утомила и истощила *военную* силу различных классов. Но война классов независимо от того, происходят ли или нет действительные военные действия, не всегда нуждается в баррикадах и штыках для своего ведения; классовая война будет продолжаться, пока существуют различные классы с противоположными интересами и различным социальным положением; а мы еще не слышали, чтобы во Франции со времени оскорбительного пришествия шута-Наполеона исчезли среди ее жителей крупные землевладельцы, сельскохозяйственные рабочие или половники (métayers), крупные ростовщики и мелкие земельные собственники, заложившие свои земли, капиталисты и рабочие.

Положение различных классов во Франции таково: февральская революция навсегда свергла власть крупных банкиров и биржевых дельцов; после их падения каждый класс городского населения по очереди играл короткое время руководящую роль. Прежде всего— рабочий класс в течение первых дней революционного возбуждения; затем мелкие лавочники-республиканцы при — Ледрю-Роллене; затем республиканская фракция буржуазии при — Кавеньяке; наконец, объединенная, роялистски настроенная буржуазия—при покойном Национальном собрании. Ни один из этих классов не в состоянии был удержать власть, которую он на время получил в свои руки. А когда позже вновь обнаружился раскол между легитимистски настроенными роялистами, или представителями землевладельческих интересов, и роялистами-орлеанистами, или представителями денежных интересов, казалось неизбежным, что власть, ускользая из их рук, перейдет в руки рабочего класса, от которого можно было ждать, что он использует ее в своих интересах. Но был другой сильный класс во Франции, сильный не крупной индивидуальной собственностью своих членов, но своей численностью и своими потребностями. Этот класс, — мелкие собственники-землевладельцы, заложившие свои земли, — который составляет, в конце концов, $^3/_5$ французской нации, не обнаруживал сам активности и с трудом подвергался воздействию извне, как всякое сельское население; он придерживался своих старых традиций, относился с недоверием к апостолам всех партий, приходивших из городов, и, вспоминая, что ему жилось весело во времена императора, когда он был свободен от долгов и сравнительно богат, он передал с помощью всеобщего избирательного права исполнительную власть в руки его племянника. Активная агитация демократическо-социалистической партии и еще больше разочарование, которое вызвали меры, принятые по отношению

к ней Луи-Наполеоном, привели вскоре к тому, что передовая часть этого крестьянского класса перешла в ряды красной партии; но вся масса в целом осталась верна своим традициям и утверждала, что если Луи-Наполеон не тот Мессия, которого в нем видели, то в этом виновато Национальное собрание, которое ему мешало. Но кроме этой массы крестьянства Луи-Наполеон, будучи сам высокопоставленным плутом и окруженный цветом элегантных плутов, нашел поддержку в наиболее деградированной и распущенной части городского населения. Вот этот-то элемент был объединен и составил оплаченную организацию, Общество десятого декабря. Итак, опираясь на крестьянство при голосовании, на городскую чернь для шумных демонстраций, на армию, всегда готовую свергнуть правительство парламентских говорунов, претендующих выражать волю рабочего класса, он мог спокойно ждать того момента, когда споры в парламенте, состоящем из представителей буржуазии, откроют ему путь к более или менее абсолютной власти над теми классами, которые после четырех лет кровавой борьбы доказали достаточно убедительно, что не в состоянии держать прочно власть. Этот момент настал наконец 2 декабря.

Итак, царствование Луи-Наполеона не приостановило классовой борьбы. Оно только на короткое время устранило кровавые взрывы, которые указывают время от времени на усилия того или иного класса захватить или удержать политическую власть. Ни один из этих классов не был достаточно сильным для новых боев, даже имея шансы на успех. Подлинное разделение классов благоприятствовало в данное время проектам Наполеона. Он уничтожил буржуазный парламент и разбил политическую мощь буржуазии; разве не должен был пролетариат радоваться этому? И в самом деле, разве можно было ожидать от пролетариата, что он будет бороться за Собрание, которое было его смертельным врагом? Но в это же самое время узурпация Луи-Наполеона угрожала тому, за что боролись все классы, и тому, что являлось последней выгодной позицией рабочего класса, — республике; но как только рабочие стали на защиту республики, так буржуазия присоединилась к тому человеку, который только что уничтожил ее, а теперь пытался бороться с рабочим классом, врагом всего общества. Так было в Париже, так было в провинции, — и армия легко одержала победу над борющимися и враждующими классами; и после победы миллионы крестьян, настроенных в пользу империи, явились с своими голосами и установили при помощи официальных подделок правление Луи-Наполеона, выражающее якобы единодушную волю Франции.

to power with Austria; and should they happen to get wounded, they bind their wounds with poor broken hearts. "Play off the one against the other!" Me! It is the one who ever plays off two against the other! against them both. Heed them not. Let them fall out or fall in. Our business is with ourselves alone; and when we have strengthened our own order, by union and organization, both our foes will sink to nothingness before us.

Continental Notes.

THE growing importance of Continental affairs now begins to demand special attention from every democratic journal. We therefore open some pages of the "Notes" to this absorbing subject. In so doing, we shall not record our own opinions merely—though citizens of the world; we might be too prone to envisage the great questions of the age from an English point of view. We have, therefore, and we say so with pride, secured the co-operation of three of the most illustrious pens of continental democracy.

It is but too common to insert letters under the head of "Our Foreign Correspondent," the "Foreign Correspondent," all the while, *being the English Editor himself!* We beg to assure our readers that such is not the case in this instance. The names of our continental coadjutors are reserved, for the moment, from prudential reasons—but, we hope and trust, the time is not far distant when they may be published to the world.

We commence this new feature of the "Notes," with a letter showing the real causes of French proletarian quiescence—and we have been honored with a paper analysing in one masterly sketch, the whole workings, bearings, and position of democracy in the revolutionary lands of Europe from '92 to '52. This paper will give an insight into the movements of Hungary, France, Italy and Germany, (the last especially,) invaluable to every thinking democrat. We have the entire document, written expressly for this journal. It will occupy a place in four consecutive numbers—and, though we say it, ought to be in the library of every politician.

CHAPTER 1 will contain a brief and rapid outline of the character of the Hungarian movement, contrasted with that of France, drawing an impressive lesson from the two.

CHAPTER 2 will go through the workings of the French revolution—and the groundwork of that of Germany.

CHAPTERS 3 and 4 will present a complete history of the Austrian revolution, from its origin to its end,—forming one of the most historical pictures of modern times ever presented to the British reader. This is no vain praise—we invite the public to judge of the truth.

I.—THE CONTINENTAL CORRESPONDENT OF THE "NOTES."

REAL CAUSES WHY THE FRENCH PROLETARIANS REMAINED COMPARATIVELY INACTIVE IN DECEMBER LAST.

Ever since the 2nd of December last, the whole interest that foreign, or at least continental politics may excite, is taken up by that lucky and reckless gambler, Louis Napoleon Bonaparte. "What is he doing? Will he go to war, and with whom? Will he invade England?" These questions are sure to be put whenever continental affairs are spoken of.

And certainly there is something startling in the fact of a comparatively unknown adventurer, placed by chance at the head of the executive power of a great republic, seizing, between sunset and sunrise, upon all the important posts of the capital, driving the parliament like chaff to the winds, suppressing metropolitan insurrection in two days, provincial revolts in two weeks, forcing himself, in a sham election, down the throat of the whole people, and establishing, in the same breath, a constitution which confers upon him all the power of the State. Such a thing has not occurred, such a shame has not been borne by any nation since the prætorian legions of declining Rome put up the empire to auction and sold it to the highest bidder. And the middle-class press of this country, from the "Times" down to the "Weekly Dispatch," has never since the days of December, allowed any occasion to pass without venting its virtuous indignation upon the military despot, the treacherous destroyer of his country's liberties, the extinguisher of the press, and soforth.

Now, with every due contempt for Louis Napoleon, we do not think it would become an organ of the working class to join in this chorus of high-sounding vituperation in which the respective papers of the stockjobbers, the cotton-lords, and the landed aristocracy strive to out-blackguard each other. Those gentlemen might as well be remembered of the real state of the question. They have every reason to cry out, for whatever Louis Napoleon took from others, he took it not from the working-classes, but from those very classes whose interests in England, the aforesaid portion of the press represents. Not that Louis Napoleon

Факсимиле страницы «Notes to the People» со статьей Энгельса.

Но именно теперь классовая борьба и классовые интересы лежат в основе всех наиболее важных мероприятий Луи-Наполеона, как мы это увидим из дальнейшего.

III.

Мы повторяем: Луи-Наполеон пришел к власти потому, что открытая война, которая велась в течение последних четырех лет между разными классами французского общества, утомила их, расшатала их боевые силы, и потому еще, что при подобных обстоятельствах, по крайней мере на время, борьба эта может вестись только на мирной и легальной почве, путем соперничества, профессиональных организаций и различных средств мирной борьбы, помощью которых осуществляется оппозиция классов в Англии свыше столетия. При подобных обстоятельствах, в интересах, так сказать, всех борющихся классов существование так называемого *сильного* правительства, могущего подавлять и уничтожать все мелкие местные и рассеянные вспышки, которые, не приводя ни к каким результатам, нарушают развитие борьбы в ее новом облике, задерживая процесс накопления сил для нового правильного боя. Это обстоятельство некоторым образом может объяснить неоспоримое общее признание настоящего правительства во Франции. Сколько времени пройдет, пока рабочий класс и буржуазия наберутся сил и достаточной самоуверенности, чтобы выступить и открыто потребовать каждый для себя диктатуры над Францией, — никто, конечно, сказать не может; но при темпе современной жизни каждый из этих классов может выступить неожиданно, и таким образом борьба класса против класса на улице может быть возобновлена значительно раньше, чем это станет вероятным, судя по относительной или абсолютной силе партий. Ибо если революционная Франция, т. е. партия рабочего класса, должна будет ждать повторения того же соотношения сил, какое было в феврале 1848 г., то ей придется решиться занять пассивное положение на десять лет, на что она, разумеется, не пойдет, и в то же время правительство, подобное правительству Луи-Наполеона, поставлено в необходимость, как мы это еще время от времени увидим, вовлекать себя и Францию в такие затруднения, которые в конце концов должны будут разрешиться крупной революционной вспышкой. Мы не будем говорить о возможности войны или других событиях, которые могут произойти или не произойти; мы только упомянем одно событие, наступление которого так же неотвратимо, как неотвратим завтра утром восход солнца; это общая торговая

и промышленная депрессия. Упадок производства и плохой урожай 1846 и 1847 гг. привели к революции 1848 г.; и мы имеем десять шансов против одного, что в 1853 г. кризис производства во всем мире будет более глубок и последствия его будут устранены с большим трудом, чем когда-либо раньше. И найдется ли здесь кто-либо, кто думает, что корабль, которым правит Луи-Наполеон, достаточно прочен, чтобы противостоять бурям, которые неизбежно разразятся над ним?

Но обратимся к положению, в котором очутился мнимый орел в вечер своей победы. Его поддерживали армия, духовенство и крестьянство. Его попытке противодействовали средние классы (включая крупных земельных собственников) и социалисты, или революционные рабочие. Очутившись во главе правительства, ему не только пришлось поддержать те партии, что привели его к власти, но и привлечь на свою сторону или, по крайней мере насколько возможно, примирить с новым порядком вещей тех, кто до сих пор ему противодействовал. Что касается армии и духовенства, правительственных чиновников и членов той тайной группы охотников за постами, которыми он давно уже окружил себя, то непосредственный подкуп, наличные деньги, открытый грабеж общественных денег были единственным, что требовалось, и мы видели, как быстро Луи-Наполеон расправился с казной или находил для своих друзей удобные местечки, которые предоставляли им прекрасные случаи обогатиться. Посмотрите на де-Морни, который поступил на службу нищим, раздавленным под тяжестью долгов, и который, четыре недели спустя, разгуливал с уплаченными долгами и с тем, что̀ в окрестностях Бельгрэв-Сквера называлось бы приятной независимостью! Но иметь дело с крестьянством, с крупными земельными собственниками, с интересами, связанными с фондами и монетой, с промышленностью, коммерческим флотом и торговлей, и, наконец, с наиболее грозным вопросом нашего века, с вопросом труда, — это было совсем другое дело. Несмотря на все меры, принятые правительством, чтобы наложить на всех молчание, все же интересы различных классов оставались столь же противоположными, как всегда, хотя больше уже не существовало ни печати, ни парламента, ни трибуны, с которой можно было бы заявить об этих неприятных фактах; таким образом, все, что̀ бы правительство ни пыталось делать для одного класса, неизбежно нарушало интересы другого. Что̀ бы Луи-Наполеон ни предпринимал, его всюду встречал вопрос «кто оплачивает счет», вопрос, который сверг больше правительств, чем все другие вопросы, — вопросы о милиции, реформах и т. п., — вместе взятые. И хотя

Луи-Наполеон заставил своего предшественника, Луи-Филиппа, оплатить добрую часть этих счетов, все же осталось еще много подлежащих оплате.

В дальнейшем мы дадим обзор положения различных классов французского общества и укажем, какие имеются средства в распоряжении настоящего правительства для улучшения этого положения. В то же время мы рассмотрим, какие попытки были предприняты этим правительством и будут предприняты позже с этой целью, и таким образом соберем материалы, из которых можно будет вывести правильное заключение относительно положения и видов на будущее человека, который делает все от него зависящее, чтобы дискредитировать имя Наполеона.

СТАТЬИ ОБ АНГЛИИ

I.

Манчестер, 23 января 1852 г.

Английским вигам решительно не везет. Не успел еще Пальмерстон получить отставку за то, что он «оставил Англию без всяких союзников, без всяких друзей на континенте Европы», не успел еще улечься скандал, вызванный этой отставкой, как вся печать призывает к оружию и по этому случаю рассказывает о плохом управлении в военном и морском министерстве скандальные истории, которых *вполне* достаточно, чтобы погубить не только одно министерство.

Уже начиная с 1846 г. различные военные авторитеты обращали внимание страны на возможность вторжения в Англию в случае войны с Францией. Однако опасность такой войны в то время была слишком далека, и дон-кихотская манера выступления этих первых алармистов тогда вызывала только смех. В особенности генерал Гед создал себе в то время не особенно завидную славу своими постоянными воззваниями к нации об усилении национальных средств обороны. При этом, конечно, не следует забывать, что старый Веллингтон также считал существующие укрепления берегов далеко недостаточными.

Государственный переворот Луи-Наполеона неожиданно придал, однако, этим дебатам совершенно новое значение. Джон Булль тотчас же сообразил, что французская военная диктатура, пародия консулата, по всей вероятности, втянет Францию в войну и что она при этих обстоятельствах попытается получить реванш за Ватерлоо. Последние военные подвиги английских военных сил были не особенно блестящи; в капской земле кафры беспрестанно одерживали победы, и даже попытка высадки англичан на Невольничьем берегу очень успешно была отражена одними только неграми, несмотря на европейскую тактику и пушки. Что сталось бы с английскими войсками, если бы им пришлось столкнуться с гораздо более опасными «африканцами» из алжирской школы? И кто может поручиться за то, что такой беззастенчивый авантюрист, как Луи Бонапарт, в одно прекрасное утро не появится у берегов Англии с десятью-двенадцатью

кораблями войск и с дюжиной линейных кораблей и не предпримет похода на Лондон без скучных формальностей объявления войны?

Дело во всяком случае было серьезно. Правительство немедленно издало приказ о сооружении новых батарей у входа в большие гавани на южном и юго-восточном берегу. Но и публика серьезно отнеслась к этому делу, и притом в такой форме, которая может оказаться чрезвычайно неприятной для правительства. По наведенным прежде всего справкам о состоянии сил, которыми располагает Англия, оказывается, что в данный момент, если даже почти совершенно оставить Ирландию без обороны, для защиты Великобритании имеется не больше 25 000 войска и 36 орудий; что же касается флота, то в настоящее время в гаванях нет *ни одного* значительного, готового к отплытию *корабля*, чтобы помешать высадке. Оказывается, что экипировка британских солдат стесняет их подвижность и абсолютно непрактична, как это доказала уже война с кафрами; их оружие решительно не может сравниться с оружием других европейских армий: ни один солдат в Англии не имеет ружья, которое бы хоть в отдаленной степени соответствовало прусскому игольчатому ружью или винтовке французских стрелков и егерей. В интендантстве флота были обнаружены колоссальные скандалы и небрежность, и все это было еще невероятно преувеличено алармистами и разными искателями мест.

Это дело прежде всего затрагивает лишь английских аристократов, рантье и буржуа, которые в первую очередь пострадали бы от вторжения французов и какого-нибудь завоевания. Но не надо забывать, что независимое развитие Англии, медленное, но значительное обострение развивающегося здесь полного антагонизма между буржуазией и пролетариатом имеет огромное значение для всего развития Европы. Если даже это своеобразное методическое развитие Англии временами и мешало победному шествию революции на континенте, как в 1848 г. и еще ранее в 1793 г.,—по существу в нем гораздо больше революционного содержания, чем во всех этих *преходящих* континентальных вспышках вместе взятых. В то время как Великая французская революция потерпела неудачу в завоевании Европы, Англия посредством паровой машины революционизировала общество, завоевала мировой рынок, все более и более вытесняла со сцены все исторически отжившие классы и подготовляла почву для великой решительной борьбы между промышленными капиталистами и промышленными рабочими. Для всего европейского развития имело величайшее значение то обстоятельство, что Наполеону не удалось перебросить из Булони в Фолькстон армию в 150 000 человек и с по-

мощью ветеранов республиканской армии завоевать Англию. Во время реставрации, когда континент был предоставлен на милость или немилость так метко изображенных Беранже мирмидонян легитимности, в Англии, в старой реакционной партииториев, благодаря уже очень буржуазному министерству Каннинга, произошел первый большой спор, и началось постепенное подкапывание английской конституции сперва Каннингом, а затем Пилем, которое беспрерывно продолжалось с тех пор и в самом непродолжительном времени должно привести к полному крушению всего гнилого здания. Это подкапывание под старые английские учреждения и лежащее в основе его постоянное революционизирование английского общества крупной промышленностью спокойно продолжает развиваться, независимо от того, побеждает ли временно на континенте революция или контрреволюция; и оно, хотя и медленно, но зато верно, идет вперед и никогда не слабеет. Поражение чартистов 10 апреля 1848 г. было исключительно поражением и решительным устранением иностранного политического влияния. Но сильными двигателями английского развития являются не политические потрясения на континенте, а мировые торговые кризисы, прямые материальные удары, угрожающие существованию каждого в отдельности. И теперь, когда промышленная буржуазия окончательно устраняет от политической власти все традиционные классы, обнаруживаются бесспорные симптомы приближения решительного боя между ней и промышленным пролетариатом; теперь препятствие этому развитию — хотя бы и временное покорение Англии алчными преторианцами 2 декабря — имело бы самые печальные последствия для всего европейского движения. Только в Англии промышленность приняла такие размеры, что в ней концентрируются интересы всей нации, условия жизни всех классов. Но промышленность, с одной стороны, охватывает всю промышленную буржуазию, с другой стороны — весь промышленный пролетариат, и вокруг этих противостоящих друг другу классов все более и более группируются все другие составные части нации. Поэтому здесь, где речь идет лишь о том, кто будет господствовать, промышленные ли *капиталисты*, или промышленные *рабочие*, здесь именно, или нигде, имеется та почва, на которой классовая борьба в ее современной форме может принять решительный характер и где промышленный пролетариат, с одной стороны, обладает силой для завоевания политической власти, с другой стороны, находит материальные средства, производительные силы, дающие ему возможность произвести полную общественную революцию и в конечном счете устранить классовые противоречия. И, конечно, пролетарские партии во всей

Европе в высшей степени заинтересованы в том, чтобы это развитие английских условий, это обострение противоположности интересов промышленных классов и окончательная победа угнетенных классов над господствующими не была уничтожена иностранным завоеванием, чтобы ее энергичный характер не был ослаблен и решительный бой не был отложен на неопределенное время.

Но каково же положение вещей?

Прежде всего, такой страной, как Великобритания, насчитывающей без Ирландии 22 миллиона жителей, а вместе с Ирландией 29 миллионов жителей, нельзя завладеть посредством простого нападения. Алармисты приводят пример Карфагена, флот и армии которого были разбросаны в самых отдаленных владениях и который дважды подвергся нападению римлян. Но, не говоря уже о совершенно изменившихся условиях ведения войны, африканская высадка римлян во время второй Пунической войны стала возможна лишь после того, как был уничтожен цвет карфагенской армии в Испании и в Италии, а пунический флот вытеснен из Средиземного моря; нападение было не нападением, а очень солидной военной операцией, которая была вполне естественным завершением продолжительной и благоприятной для Рима войны. Третью же Пуническую войну едва ли можно назвать войной; это было простое угнетение слабейшего противника в десять раз сильнейшим противником. Это было чем-то вроде конфискации Венеции Наполеоном. Но теперь ни Франция не находится в таком положении, в каком она была в 1797 г., ни Англия не похожа на пришедшую в упадок Венецию.

Наполеон считал необходимым иметь по крайней мере 150 000 человек для покорения Англии. Хотя Англия в то время располагала гораздо бо́льшим числом солдат, чем в настоящее время, но зато в ней было гораздо меньше жителей, и у нее не было таких промышленных ресурсов. А в настоящее время нужно, по крайней мере, еще столько же человек, чтобы завоевать Англию; как бы ничтожна ни была сила, которою в данный момент располагают англичане, беглого взгляда на карту достаточно, чтобы видеть, что высадившаяся в Англии армия должна продвинуться до Тиса, Тайна или даже Твида. Если она остановится на более близком пункте, то все ресурсы промышленных округов останутся в руках защищающихся жителей, и ей придется занять против этих последних оборонительную линию, чрезвычайно неудобную с военной точки зрения и слишком для данных сил растянутую. Местность, находящаяся к югу от вышеупомянутых рек, т. е. собственно Англия, насчитывает 16 миллионов жителей, и для обеспечения связи, для осады и занятия береговых

крепостей и для подавления неизбежного национального восстания потребуется такое количество войска, что его останется слишком мало для операций на границе Шотландии. А трудно допустить, чтобы, при самом лучшем командовании, для покорении Англии, для подавления внутреннего восстания и регулярной войны в Шотландии и Ирландии можно было обойтись меньшим количеством войска, чем 150 000 человек.

Итак, надо стянуть посредством нового набора и умелого концентрирования 150 000 человек в каком-нибудь пункте северного побережья Франции; для этого потребуется, по крайней мере, один-два месяца. За это время Англия может частью перевести флот из Тахо и пароходы из других близлежащих гаваней, отчасти мобилизовав стоящие в гаванях разоруженные корабли, и таким образом сконцентрировать в канале довольно значительную морскую силу, а еще через месяц могут прибыть все пароходы и часть парусных судов из атлантических гаваней и из Мальты и Гибралтара. Следовательно, нападающая армия должна была бы высадиться, если и не сразу, то, по крайней мере, большими партиями, так как рано или поздно должно было бы во всяком случае наступить прекращение сообщения с Францией. Следовало бы сразу высадить по меньшей мере 50 000 человек, а, следовательно, всю армию в три приема. При этом военные корабли никак нельзя было бы использовать для перевозки войск или разве лишь в самом ограниченном количестве, так как им пришлось бы отражать нападение английского флота. А у Франции в ее гаванях у пролива нет перевозочных средств, чтобы в течение шести недель перевезти 50 000 человек с необходимой артиллерией и боевыми припасами, даже если она погрузит их на нейтральные суда. Каждый день промедления экспедиции является новым преимуществом для Англии, которой нужно только время для концентрации своего флота и для обучения своих рекрутов.

Но если, при наличии английского флота, нельзя высадить 150 000-ную армию более чем в три приема, то, принимая во внимание английскую сухопутную силу, никакой серьезный военный деятель не рискнет высадиться в Англии меньше чем с 50 000 человек сразу. Мы видели, что при благоприятном для вторжения случае у англичан остается один-два месяца для подготовки; надо плохо их знать, чтобы предположить, что за это время они не организуют сухопутную армию, которая без труда сбросит в море авангард в 50 000 человек, прежде чем к нему подоспеет помощь. Надо принять во внимание, что посадка на корабли возможна только между Шербургом и

Булонью, а высадка только между островом Уайтом и Дувром, т. е. на побережье, которое нигде не отстоит дальше добрых четырех дней перехода от Лондона. Надо принять во внимание, что посадка и высадка зависят от ветра и приливов, что английский флот в канале окажет сопротивление и что поэтому между первой и второй высадкой должно пройти, может быть, восемь-десять дней, во всяком случае не меньше четырех дней, так как масса войска должна быть перевезена на парусных судах и их надо собирать на всем побережье от Шербурга до Булони, так как невозможно экспромтом создать «булонский лагерь». При таких условиях едва ли французы рискнут что-нибудь предпринять, пока не будет возможно сразу перебросить 70 000 — 80 000 человек, а для этого надо еще создать перевозочные средства, для чего опять-таки необходимо время. Но так как средства обороны Англии, из-за которых откладывается экспедиция, с каждой неделей растут быстрее, чем перевозочные средства и орудия морской войны неприятеля, то положение нападающей стороны становится все более неблагоприятным; она скоро может очутиться в таком положении, что ничего не сможет предпринять до тех пор, пока не будет в состоянии сразу перевезти 150 000 человек, но и эти последние встретят тогда такое сопротивление, что без посылки вслед за ними резерва в 100 000 человек они могут рассчитывать на верное и окончательное уничтожение.

Одним словом, покорение Англии не может осуществиться посредством внезапного нападения. Если бы весь континент объединился для этого, то понадобился бы целый год только для создания и доставки перевозочных средств, — больше, чем нужно Англии, чтобы привести в состояние обороны свои берега, чтобы сконцентрировать флот, который мог бы померяться со всем континентальным объединенным флотом и сделал бы невозможным объединение.

Национальное чувство англичан именно в этот момент сильнее, чем когда-либо с 1815 г., и серьезная опасность вторжения придала бы ему еще совершенно другое направление. В этом отношении великобританское население вовсе не так чуждо воинственного духа, как его изображают; буржуазия, мелкое мещанство и пролетариат больших городов, конечно, гораздо менее умеют обращаться с огнестрельным оружием и поэтому менее приспособлены к гражданской войне, чем соответствующие классы на континенте. Но население в целом проникнуто сильным воинственным духом и содержит очень пригодные военные элементы. Нигде нет столько охотников и браконьеров, т. е. наполовину подготовленной легкой инфантерии и карабинеров, и 40 000—50 000 механиков и рабочих в машинном производстве лучше

подготовлены для артиллерийских оружейных мастерских и для инженерной службы, чем такое же количество отборных людей в любом континентальном государстве. Самая местность, почти до самой границы Шотландии, почти совершенно не приспособлена для войны в большом масштабе; она носит чрезвычайно пересеченный характер и точно создана для мелкой войны. И если до сих пор партизанская война сопровождалась успехом только в сравнительно малонаселенных странах, то именно Англия, в случае серьезного нападения, могла бы служить доказательством того, что в очень густо населенных странах, например в почти не прерывающемся лабиринте домов Ланкашира и западного Иоркшира, она может иметь еще более значительные результаты.

Что же касается нападения с целью разграбления богатых портовых городов, разрушения магазинов и т. д., то в данный момент оно вполне возможно в Англии. Об укреплениях едва ли даже стоит говорить. Пока в Спитхеде нет кораблей, можно совершенно спокойно ехать морем до входа в Соутгемптон и высадить достаточное число людей, чтобы получить в Соутгемптоне какую-угодно контрибуцию. Вульвич может, пожалуй, сейчас же быть занят и разрушен, хотя для этого требуется еще кое-что. Ливерпуль защищен только ничтожной батареей из 18 железных морских орудий без насечки и прицела, которые обслуживаются восемью или десятью артиллеристами. Но, за исключением Брайтона, все значительные английские приморские города расположены у глубоких морских заливов или довольно высоко по течению рек и имеют естественные укрепления, состоящие из песчаных мелей и скал, с которыми знакомы только местные лоцманы. Кто хочет пробраться без лоцмана через эти узкие каналы, через которые большие корабли обыкновенно могут пройти только во время прилива, тот рискует потерять там больше, чем вывезти оттуда, и подобные экспедиции, при некотором сопротивлении и при самом незначительном непредусмотренном препятствии, могут окончиться так же печально, как датская экспедиция в Эккернфёрде [1] в 1848 г. Наоборот, внезапная высадка 10 000—20 000 человек с пароходов в какой-нибудь сельской местности и короткая, но несомненно обещающая мало положительных результатов грабительская экспедиция в сельскую местность во всяком случае может быть легко выполнена; в настоящее время ей абсолютно невозможно помешать.

[1] [Эккернфёрде — город в Шлезвиг-Голштинии, расположен в Эккернфёрдской бухте; одна из лучших гаваней балтийского побережья Шлезвига. В 1848 г. здесь произошел бой между береговыми немецкими батареями и датской эскадрой, закончившийся поражением датчан.]

Но все эти опасения сами собою отпадают, как только флот Тахо, северо-американская эскадра и часть пароходов, занимающихся преследованием невольничьих кораблей между Бразилией и Африкой, будут отозваны обратно в Англию и в то же самое время будут приведены в боевую готовность стоящие разоруженными в военных гаванях корабли. Этого достаточно, чтобы сделать нападения невозможными и заставить так долго откладывать всякие серьезные попытки вторжения, что Англия будет иметь время принять дальнейшие необходимые меры.

При этом тревога будет иметь те хорошие последствия, что прекратится та смешная политика, благодаря которой Англия содержит в Средиземном море 800, в Атлантическом океане 1 000, в Тихом и Индийском океанах по 300 пловучих орудий, в то время как дома ни один корабль не защищает берегов, — политика ведения бесконечных и бесславных войн с неграми и кафрами в то время, когда войска гораздо более необходимы на родине. Неуклюжая, тяжелая и во всех отношениях устарелая экипировка и вооружение армии, безграничная беззаботность и халатность в военном и морском управлении, колоссальный непотизм, взяточничество и хищения в этих министерствах будут более или менее устранены. Промышленная буржуазия перестанет, наконец, играть в комедию конгрессов и обществ мира, комедию, которая подвергла ее заслуженным насмешкам и причинила столько вреда политическому прогрессу, а вместе с ним и всему развитию Англии. А если все-таки дело дойдет до войны, то по иронии всемирной истории очень легко может случиться, что господа Кобден и Брайт в их двоякой роли членов общества мира и министров в ближайшем будущем должны будут повести жестокую борьбу со всем континентом.

II.

Манчестер, 30 января 1852 г.

В следующий вторник, 3 февраля, открывается сессия парламента. Из трех главных вопросов, которые составят предмет первых дебатов, мы вкратце говорили уже о двух: об отставке Пальмерстона и о средствах обороны в случае войны с Францией. Остается еще третий вопрос, наиболее важный для развития Англии: об *избирательной реформе*.

Билль о реформе, который Россель уже в самом начале должен предложить, даст нам случай подробнее заняться вопросом об избирательной реформе в Англии. В данный момент, когда дело сводится только к сообщению и разъяснению некоторых слухов по поводу этого билля, можно ограничиться замечанием, что во всем этом вопросе прежде всего речь идет исключительно о том, в какой мере реакционные или устойчивые классы, т. е., следовательно, земельная аристократия, рантье, биржевые спекулянты, землевладельцы в колониях, судовладельцы и часть купцов и банкиров, сохранят свою власть и какую часть ее они должны будут уступить промышленной буржуазии, стоящей во главе всех прогрессивных и революционных классов. О пролетариате здесь пока нет речи.

«Daily News», лондонский орган промышленной буржуазии и хороший источник в подобных вопросах, сообщает некоторые сведения о новом билле реформы министерства вигов. По этому сообщению, предполагаемые реформы коснутся трех сторон существовавшей до сих пор английской избирательной системы.

До сих пор, чтобы быть допущенным, каждый член парламента должен был обладать земельной собственностью по меньшей мере в 300 фунтов стерлингов. Это условие, являвшееся во многих случаях стеснительным, почти всегда обходили посредством фиктивных покупок и фиктивных контрактов. По отношению к промышленной буржуазии оно давно потеряло силу; теперь оно совершенно отпадает. Отмена этого условия является одним из «шести пунктов» пролетарской народной хартии, и интересно видеть, как один из этих шести пунктов уже официально признается.

До сих пор избирательное право было организовано следующим образом. По старому английскому обычаю графства посылали одну часть депутатов, а города — другую часть. Тот, кто хотел голосовать в графстве, должен был или обладать полной независимой земельной собственностью (freehold property), приносящею 2 фунта стерлингов ежегодного дохода, или арендовать земельную собственность, приносящую 50 фунтов стерлингов ежегодного дохода. В городах же, наоборот, избирателем мог быть всякий, кто снимал дом и платил за него десять фунтов стерлингов и соответственно этой сумме уплачивал налог в пользу бедных. В то время как в тех городах, которые посылали депутатов, масса мелких торговцев и ремесленников, т. е. вся мелкая буржуазия, пользовалась избирательным правом,— в выборах огромное большинство составляли в графствах tenants at will (держатели по воле лорда), т. е. те арендаторы, которым землевладелец мог каждый год отказать в аренде, которые поэтому целиком зависели от земельных собственников. В прошлом году господин Локк Кинг внес предложение распространить и на графства существовавшее в городах требование об уплате 10 фунтов стерлингов арендной платы для нанимателей и собрал за это предложение значительное большинство палаты против министров, когда в ней присутствовало незначительное число членов. Как говорят, теперь Россель предполагает понизить требуемый размер арендной платы для графств до 10 фунтов стерлингов, а для городов до 5 фунтов стерлингов. Такая мера может иметь огромное влияние. В крупных городах лучше оплачиваемая часть пролетариата тогда тотчас же получит избирательное право, и это сделает весьма вероятным избрание в некоторых больших городах чартистских представителей, а в средних и маленьких городах приобретет массу голосов и мест в парламенте промышленная буржуазия. В графствах же все мелкие и средние буржуа не особенно сильно представленных провинциальных городов сразу получат избирательное право; в большинстве случаев они составят огромное большинство и благодаря своей массе и сравнительной независимости по отношению к властвующим теперь в графствах нескольким дворянским фамилиям смогут положить конец существующему до сих пор избирательному террору этих магнатов. Эти провинциальные мелкие буржуа и теперь уже все более подчиняются влиянию промышленной буржуазии и подчинят ей, таким образом, значительную часть графств.

Избирательные округа до сих пор были в высшей степени различны по величине и по значению; число представителей совершенно не соответствовало ни количеству народонаселения, ни числу

избирателей. Сто или двести избирателей в одном месте посылали столько же представителей, сколько от шести до одиннадцати тысяч избирателей в другом месте. Особенно велико было это различие в городах; и именно маленькие города с небольшим числом избирателей являлись центрами самых скандальных подкупов (например Сент-Албанс) или абсолютной избирательной диктатуры того или другого крупного землевладельца. И вот по отчету «Daily News» восемь самых маленьких избирательных округов будут лишены своих представителей, а другие маленькие города, избирающие членов парламента, будут так объединены с другими соседними провинциальными городами, которые до сих пор были представлены только в графствах, что число избирателей значительно увеличится. Это — подражание существующей в Шотландии еще со времени соединения с Англией (1701 г.) системе групп городов. Что от такой меры, как бы ни была она робка, промышленная буржуазия также должна ожидать усиления своей политической власти, доказывается уже тем особенным значением, которое она с давних пор придавала уравнению избирательных округов по сравнению со всеми другими вопросами парламентской реформы. Кроме того, — говорит отчет, — Лондон и Ланкашир, т. е. два главных центра промышленной буржуазии, получат усиленное представительство в парламенте.

Если Россель действительно имеет в виду предложить этот билль, то, на основании предыдущего опыта, это в самом деле очень много для маленького лорда. Очевидно, что лавры Пиля не дают ему покоя и что он решил хоть один раз быть «смелым». Эта смелость сопровождается, конечно, нерешительностью и деликатными сомнениями английского вига, и при теперешнем состоянии общественного мнения в Англии она никому не покажется смелой, кроме него самого и его коллег — вигов. Но после опасений, колебаний, обдумывания, после постоянного нащупывания почвы, которым был занят маленький лорд со времени закрытия последней сессии, можно было ожидать от него меньшего, чем вышеприведенные предложения, при условии, если он до вторника не раздумает еще.

Нечего и говорить, что промышленная буржуазия требует гораздо большего. Она требует household suffrage, — т. е. избирательного права для всякого, кто занимает дом или часть дома, на основании чего он платит коммунальные налоги, — тайного голосования и полного пересмотра распределения избирательных округов, что давало бы одинаковому числу избирателей и одинаковому богатству одинаковое представительство. Она будет сильно и долго торговаться с министерством и выторговывать у него всякие возможные

уступки, прежде чем продать ему свою поддержку. Наши английские промышленники — хорошие купцы и, наверное, продадут свои голоса по самой высокой цене.

Впрочем, и теперь уже видно, как даже вышеупомянутый министерский минимум избирательной реформы не может иметь другого результата, кроме усиления власти того класса, который теперь уже фактически господствует в Англии и быстрыми шагами приближается к политическому признанию его владычества: промышленной буржуазии. Пролетариат, самостоятельная борьба которого за его собственные интересы против промышленной буржуазии начнется лишь с того дня, когда будет установлено политическое преобладание этого класса, — пролетариат во всяком случае извлечет некоторую пользу из этой избирательной реформы. Но величина этой пользы зависит только от того, будут ли происходить дебаты и окончательное утверждение избирательной реформы *до* наступления торгового кризиса или же тогда, когда он уже наступит, так как пролетариат активно выступает на первый план только в великие решающие моменты, как судьба в древней трагедии.

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ФРАКЦИЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Готфрид Кинкель.

Ф. Энгельс. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 году.

ГОТФРИД КИНКЕЛЬ.

Дряблость немецкой так называемой революционной партии столь велика, что вещи, которые вызвали бы в Англии и во Франции бурю негодования, в Германии не только не возбуждают удивления, но даже встречают всеобщее одобрение. Господин Вальдек на суде присяжных ссылается на обстоятельные свидетельские показания в подтверждение того, что он всегда был лойяльным конституционалистом, и тем не менее с триумфом доставляется домой берлинскими демократами. Господин Грюн в Трире глупейшим образом отрекается от революции, а народ, повернувшись в судебном зале спиной к осужденным пролетариям, восторженно приветствует этого оправданного промышленника.

Новый пример того, что̀ возможно в Германии, дает защитительная речь Готфрида Кинкеля, которую он произнес 4 августа 1849 г. перед военным судом в Раштате и которая была опубликована 6 и 7 апреля этого года в «Berliner Abendpost».

Мы знаем заранее, что вызовем всеобщее негодование сантиментальных обманщиков и демократических декламаторов разоблачением перед нашей партией речи «плененного» Кинкеля. Это нам совершенно безразлично. Нашей задачей является беспощадная критика, притом в значительно большей мере обращенная против так называемых «друзей», чем открытых врагов; поступая так, мы охотно отказываемся от дешевой демократической популярности. Нашим нападением мы нисколько не ухудшаем положения господина Кинкеля; мы подводим его под амнистию, подтверждая его признание, что он не является тем человеком, которым его считают, заявляя, что он достоин не только амнистии, но и приглашения на прусскую государственную службу. К тому же речь его уже опубликована. Мы обращаем внимание нашей партии на всю речь целиком, здесь же приводим только наиболее ударные ее места.

«Равным образом я никогда не занимал командных должностей, почему я и не могу нести ответственности за действия других. Я отбрасываю от себя и от своих поступков всю ту грязь, которая, я знаю это, в конце концов, к сожалению, легла на эту революцию».

Так как господин Кинкель поступил в безансонский отряд в качестве рядового и так как этими словами он бросает подозрение на всех вообще командиров, то не было ли его долгом высказаться в пользу, по крайней мере, своего непосредственного начальника, Виллиха?

«Я никогда не служил в армии, — следовательно, и *не мог нарушить присягу; по этой же причине я не мог употребить против моего отечества те воинские познания, которые я приобрел на службе у моего отечества*».

Разве это не прямой донос на взятых в плен бывших прусских солдат, на Янсена и Бернигау, которые вскоре после этого и были расстреляны; разве это не было полным оправданием смертного приговора уже расстрелянного Дорту?

Точно так же предает военному суду господин Кинкель и свою партию, разглагольствуя о планах уступки Франции левого берега Рейна и объявляя себя чистым от этих преступных проектов. Господин Кинкель отлично знает, что о присоединении Рейнской провинции к Франции говорили только в том смысле, что эта провинция в момент решительной схватки между революцией и контр-революцией определенно должна стать на сторону революции, кто бы ее ни представлял,—французы или китайцы. Он не преминул также сослаться на свой мягкий характер, который позволил ему, в отличие от диких революционеров, если и не как члену партии, то как человеку, быть в хороших отношениях с Арндтом и другими консерваторами.

«Мое преступление состояло только в том, что еще летом я хотел того же самого, чего в марте хотели вы все, хотел весь немецкий народ!»

Он выдает себя за чистого сторонника имперской конституции, который ни к чему больше не стремится, кроме как к этой конституции. Примем его заявление к сведению.

В своей речи господин Кинкель касается и той своей статьи, которую он написал по поводу погрома, произведенного в Майнце прусскими солдатами; он сказал при этом: «Что мне за это сделали? Во время моего отсутствия из дому меня дважды вызывали в суд, и, так как я не мог явиться и защитить себя, я был приговорен, как мне недавно передавали, *к лишению политических прав на 5 лет*. Это для меня, человека, который уже однажды имел честь быть депутатом, — *исключительно жестокое наказание*» (!).

«Как часто мне приходилось слышать, что я «плохой пруссак»; упрек этот меня задевал... Ну что же! Партия моя в настоящий

момент проиграла в моем отечестве свою игру. Если теперь прусская монархия сумеет повести смелую и решительную политику, если *его королевскому высочеству*, *нашему наследнику*, *принцу прусскому*, посчастливится объединить Германию мечом, — так как иначе это сделать невозможно,— сделать ее великой и уважаемой перед лицом наших соседей, действительно и надолго обеспечить ей внутреннюю свободу, оживить торговлю и оборот, равномерно распределить по всей Германии то военное бремя, которое теперь так тяжело лежит на плечах Пруссии, и прежде всего дать кусок хлеба беднякам моего народа, представителем которого я себя сознаю, — удастся все это сделать вашей партии — я буду с вами! Честь и величие моего отечества дороже мне моих государственных идеалов; я умею ценить французских республиканцев 1793 г.» (Фуше и Талейрана?): «они добровольно склонились перед величием Наполеона ради Франции; если все это случится и народ мой еще раз окажет мне честь и изберет меня своим депутатом, — *я буду тем первым народным избранником, который с радостью в сердце воскликнет: «Да здравствует германская империя! Да здравствует империя Гогенцоллернов!»* Если иметь такие воззрения значит быть плохим пруссаком, то в таком случае я и не желаю быть хорошим пруссаком».

«Господа, *подумайте также немного о покинутых жене и ребенке* перед вынесением приговора человеку, который сегодня, благодаря превратности человеческой истории, *в глубоком несчастьи* стоит перед вами».

Эту речь господин Кинкель произнес в то время, когда двадцать шесть его товарищей были уже осуждены военными судами и расстреляны. Это были люди, которые умели смотреть в глаза смерти смелее, чем Кинкель в глаза своих судей. Во всяком случае он был прав, выставляя себя совершенно безобидным человеком. Только недоразумением можно объяснить его нахождение в рядах партии; поэтому прусское правительство проявило бы совершенно бессмысленную жестокость, продолжая держать его в тюрьме.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ПРОТИВ ФРАНЦИИ В 1852 г.

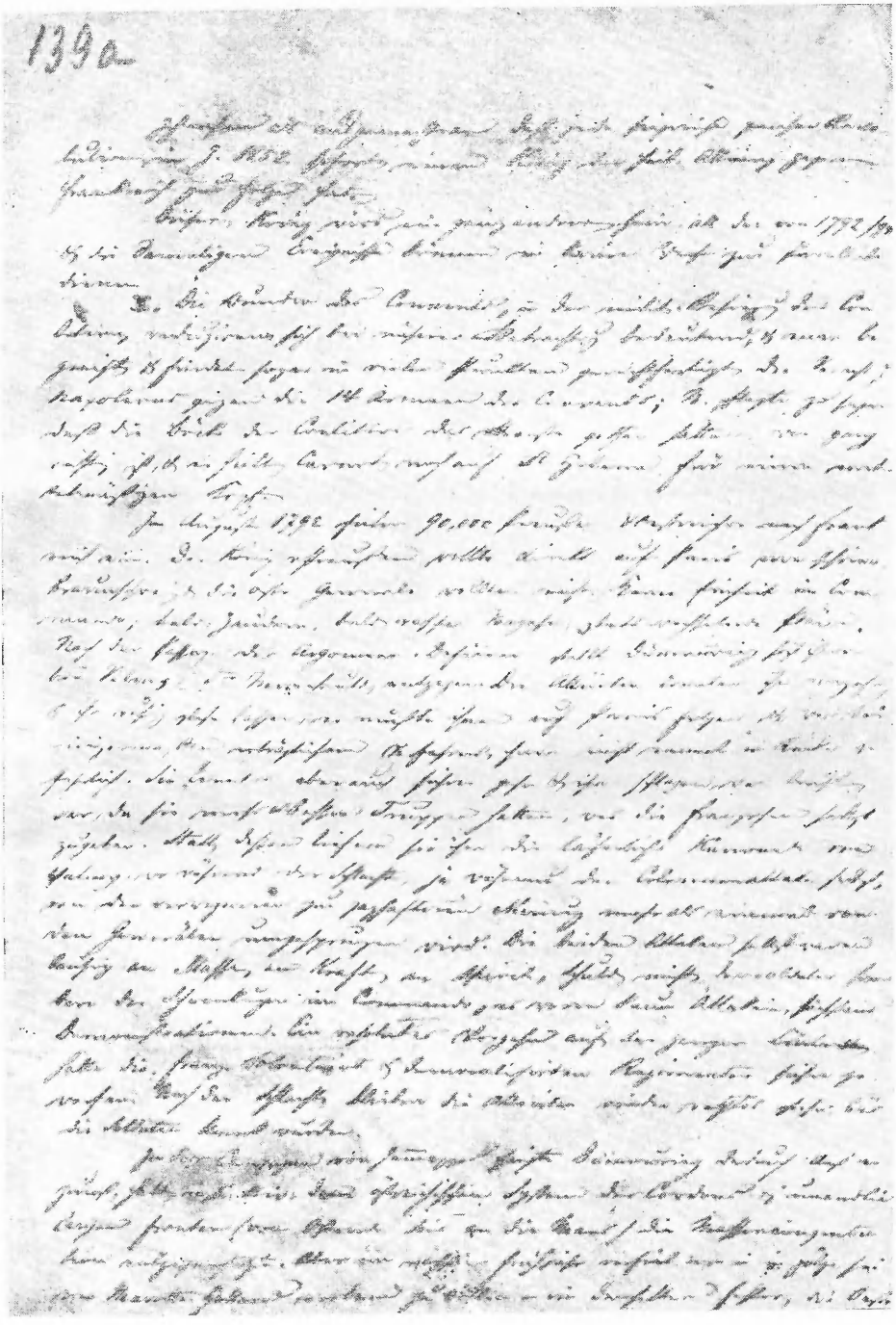
Я считаю безусловно предрешенным, что победоносная революция в Париже в 1852 г. вызовет немедленно войну Священного союза против Франции.

Война эта будет совсем непохожа на войну 1792 — 1794 гг., и события той эпохи отнюдь не могут служить основанием для проведения параллели.

I.

Чудеса, совершенные Конвентом в деле военного разгрома коалиции, при более близком рассмотрении оказываются значительно менее замечательными, чем обычно полагают: можно понять и оправдать презрение Наполеона к четырнадцати армиям Конвента. Наполеон неоднократно утверждал, что главной причиной поражения коалиции были ее собственные промахи, — и это безусловно верно. Еще на св. Елене он продолжал считать Карно весьма посредственной головой.

В августе 1792 г. во Францию вторглись 90 тысяч пруссаков и австрийцев. Король прусский был намерен итти прямо на Париж, герцог Брауншвейгский и австрийские генералы не соглашались. Единство командования отсутствовало; нерешительность сменялась быстрым движением вперед, планы все время менялись. После прохода через теснины Аргоннского леса, Дюмурье преградил коалиционной армии дорогу при Вальми и Сен-Менегульде. Союзники свободно могли бы обойти его и предоставить ему стоять на месте, вследствие чего он должен был бы двигаться за ними по направлению к Парижу и при сколько-нибудь правильном образе действий не был бы опасен союзной армии даже с тылу. Но, несомненно, они могли бы спокойно двинуться ему навстречу и легко разбить его, так как в их распоряжении войск было больше и притом, — как признают сами французы, — войск лучшего качества. Вместо этого они ограничились смехотворной канонадой у Вальми, где во время



Факсимиле начала рукописи Энгельса «Возможности и предпосылки войны Священного Союза против Франции в 1852 г.».

боя, даже в момент самой атаки колонн, союзные генералы несколько раз меняли тактику, переходя то с решительной на более робкую, то наоборот. Обе атаки имели жалкий характер по количеству войска, по силе и по энергии, в чем виноваты были отнюдь не солдаты, а нерешительность командования. Это были скорее простые демонстрации, чем атаки. Решительный натиск по всей линии несомненно опрокинул бы французских волонтеров и деморализованные полки. После боя союзники опять беспомощно остались стоять на месте, пока среди солдат не начали развиваться заболевания.

При Жемаппе Дюмурье одержал победу благодаря тому, что он тут впервые, полуинстинктивно противопоставил австрийской системе кордонов и бесконечно длинных фронтов (от Остенде до Мааса) концентрацию крупных масс. Но уже следующей весной он сам впал в ту же ошибку, — в результате своей фантастической идеи завоевания Голландии,—в то время как австрийцы наступали концентрированно. Результатом этого был проигрыш сражения при Неервиндене и потеря Бельгии. При Неервиндене, — и особенно в более мелких стычках этой кампании, — выяснилось, что французские волонтеры, — эти прославленные герои, поскольку они не находились беспрерывно на глазах у Дюмурье, — дрались отнюдь не лучше, чем южно-немецкое народное ополчение 1849 г.

Затем Дюмурье изменил, восстала Вандея, армия была рассеяна и деморализована, и если бы 130 тысяч австрийцев и англичан двинулись решительно на Париж,—революция была бы раздавлена, и Париж был бы завоеван, точно так же как это могло произойти и в предыдущем году, если бы не было наделано таких глупостей. Вместо этого почтенные вожди коалиции обложили крепости и устремили все свои силы на то, чтобы педантично, с огромной тратой стратегических усилий, выигрывать по мелочам одно за другим незначительные преимущества, на что у них ушло полных шесть месяцев.

Французская армия, сохранившая порядок после измены Лафайетта, насчитывала 120 тысяч человек. 1792 год дал около 60 тысяч волонтеров. В марте 1793 года был произведен новый набор в 300 000 чел. В августе, к моменту объявления levée en masse (поголовного ополчения) французская армия должна была, таким образом, состоять по меньшей мере из 300 000 — 350 000 человек. Levée en masse должно было добавить к этому числу около 700 000 чел. Если принять во внимание все возможные потери, французы должны были в начале 1794 г. выставить против коалиции примерно 750 000 чел., т. е. значительно больше, чем сама коалиция могла двинуть против Франции.

С апреля по октябрь 1793 г. французов непрерывно били, но удары эти не имели решительных результатов благодаря системе затяжек, практиковавшейся коалицией. Начиная с октября, кампания велась с переменным успехом, на зиму она была прервана; весной 1794 г. войска, полученные путем levée en masse, вступили в боевую линию вполне готовыми к действию; в результате — победы на всех направлениях в мае, пока, наконец, в июне победа при Флёрюсе не решила судьбы революции.

Конвент и предшествовавшее ему министерство 10-го августа имели, таким образом, достаточно времени, чтобы организовать сопротивление. С 10 августа 1792 года по март 1793 ничего, однако, не было сделано; волонтеров можно и не принимать в расчет. В марте 1793 г. был произведен вышеупомянутый набор 300 000 человек; с этого момента и до следующего марта Конвент имел целый год времени и полную свободу для вооружения, в течение же 10 месяцев, т. е. с момента падения жирондистов, революционная партия имела руки совершенно развязанные. Чтобы создать в стране, имеющей 25 000 000 жителей, — и в том числе полностью нормальный контингент, способный носить оружие, т. е. 1 000 000 солдат, — армию в 750 тысяч (3 процента населения) активных бойцов против внешнего врага при наличии целого года времени, не требовалось никакого колдовства, как ни новы были такие пропорции для тогдашнего времени.

Все внутренние восстания, за исключением Вандеи, я считаю в военном отношении не имеющими абсолютно никакого значения. За исключением Лионского и Тулонского, они были ликвидированы без выстрела в шесть недель. Лион был взят рекрутами, а Тулон — ловким маневром и решительным штурмом Наполеона, а также благодаря ошибкам его защитников.

В числе 750 тысяч человек, выступивших в 1794 году в поход против коалиции, по меньшей мере 100 тысяч были солдатами еще при монархии и 150 тысяч, — отчасти из волонтеров, отчасти из набранных при первой 300-тысячной конскрипции,—уже успели провести в непрерывных сражениях от 12 до 18 месяцев и, следовательно, привыкнуть к войне. Из 500 тысяч солдат последнего набора, по крайней мере, половина принимала участие в сражениях сентября, октября и ноября 1793 года, а самые молодые должны были пробыть под ружьем не меньше трех месяцев, прежде чем быть направленными в бой. В своем труде об испанском походе Наполеон исчисляет время, потребное для предварительного обучения (école de bataillon), в 3-4 недели. Если не считать штабных

и армейских офицеров, которые, в среднем, на стороне коалиции стояли несомненно на более высокой ступени, то надо принять во внимание следующее: французской армии 1794 года было предоставлено достаточное время для организации; система ведения войны у союзников, не использовавшая результатов боев, имела то свойство, что она могла лишь деморализовать испытанную и приспособленную к наступательной тактике армию, — армию же противника, молодую и ограничивающуюся обороной, она могла лишь лучше дисциплинировать и приучить к войне. Вот почему французскую армию 1794 года отнюдь нельзя рассматривать как некую грубую шумную толпу добровольцев, «одушевленную идеей умереть за республику», а как very fair army (весьма приличную армию), несомненно равную вражеской. Французские генералы 1794 г. несомненно стояли значительно выше неприятельских, хотя и они наделали немало ошибок; но гильотина обеспечивала единство командования и согласованность операций, если не считать немногих исключительных случаев, когда сами представители Конвента делали глупости по собственной инициативе. Le noble Saint-Juste en fit plusieurs. (Несколько из них были совершены благородным С.-Жюстом).

Несколько замечаний о тактике массовых движений.

1) Неоформленная идея о ней возникла впервые вследствие удачи маневра при Жемаппе, который был произведен скорее по инстинкту, чем по сознательному военному расчету. Почвой, на которой она возникла, было неорганизованное состояние французской армии, которая нуждалась в явном численном перевесе для того, чтобы чувствовать уверенность в собственных силах; количество должно было заменить отсутствующую дисциплину. Роль Карно во введении этой тактики отнюдь не ясна.

2) Принцип массовых движений остался совершенно неразработанным и не был применен, например, в 1794 году при Туркоэне и Флёрюсе (когда французы, в том числе сам Карно, наделали величайшие ошибки); лишь Наполеон в 1796 г. своим шестидневным Пьемонтским походом, в котором ему вполне удалось уничтожить по частям значительно превосходившие его силы, ясно показал, в чем смысл этой тактики, точного представления о котором до того времени не было вовсе.

3) Что касается самого Карно, то этот парень вызывает во мне все бо́льшие сомнения; я, понятно, не могу составить себе окончательного суждения, так как в моем распоряжении не имеется его депеш к генералам, но, судя по всем имеющимся материалам,

главнейшая его заслуга, повидимому, заключается лишь в беспредельном невежестве и неспособности его предшественников Паша и Бушотта, а также в полном незнакомстве всего остального состава Комитета общественного спасения (Comité de salut public) с военным делом. Dans le royaume des aveugles le borgne est roi. (В царстве слепых и кривой — царь).

Карно, старый офицер инженерных войск, бывший сам представителем Конвента при северной армии, имел представление о том, в каких материалах нуждается крепость или армия и, в частности, чего нехватает французам. Кроме того, он естественно отдавал себе известный отчет и в том, каким образом можно мобилизовать военные ресурсы страны, подобной Франции; а так как при наличии необученных рекрутских масс вообще производится в большом размере waste (расточение средств) и несколько большая или меньшая непроизводительная трата ресурсов не имеет значения, поскольку достигается главная цель — быстрая мобилизация этих ресурсов, то нет надобности приписывать Карно выдающийся гений, чтобы объяснить полученные им результаты. Заслуги Карно pour sa part (падающие на его долю) в приписываемом ему изобретении массовой тактики кажутся мне весьма сомнительными в особенности на основании разработанных им широких планов на 1793—1794 гг., которые были построены как раз на противоположном военном принципе; он предполагал *разделить* французские армии, вместо того чтобы их концентрировать, и проектировал такого рода операции против флангов неприятеля, которые должны были привести к *сосредоточению этого последнего*. Не соответствует упомянутой репутации и дальнейшая карьера Карно — во время Консульства и в дальнейшем: мужественная защита им Антверпена (оборона крепости является, в общем, наиболее подходящей почвой, чтобы отличиться, для посредственного, методичного, но наделенного известной выдержкой офицера; к тому же осада Антверпена в 1814 г. не продолжалась и трех месяцев); наконец, его попытка навязать Наполеону методы 1793 года в 1815 г., когда ему противостояла централизованная армия коалиции в 1 200 000 солдат, действовавшая по совсем другой военной системе; и вообще его филистерские замашки, — все это не говорит в пользу гениальности Карно. А затем, когда в истории было видано, чтобы честный человек умудрился удержаться наверху, несмотря на термидор, фрюктидор, брюмер, что, однако, удалось Карно.

Подводя итоги, необходимо признать, что Конвент был спасен единственно и исключительно потому, что коалиция была неоргани-

зована и тем самым ему была предоставлена годичная передышка. Он был спасен теми же самыми причинами, которые спасли старого Фрица в Семилетнюю войну; так же спасся и Веллингтон в 1809 г. в Испании, где французы, и по количеству, и по качеству своих войск, втрое по крайней мере превосходили всех своих противников, вместе взятых, но парализовали свою колоссальную силу тем, что маршалы, в отсутствие Наполеона, всевозможными способами подставляли друг другу ножку...

II.

В настоящее время коалиция давно освободилась от слабостей 1793 года; она великолепно централизовала свои силы, что, впрочем, было сделано уже в 1813 году. Русская кампания 1812 года поставила Россию в центре всего Священного союза по отношению к войне на континенте. Именно русские войска составили основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались Пруссия, Австрия и остальные. Они остались центральным ядром вплоть до вступления в Париж. Александр был фактическим главнокомандующим всех армий (вернее, русский генеральный штаб, стоявший за спиной Александра). Но с 1848 года Священный союз стал покоиться на еще более солидном основании.

Ход развития контр-революции в 1849—1851 гг. поставил весь континент, за исключением Франции, в такое же отношение к России, в каком находились Рейнский союз и Италия к Наполеону. Это — форменная вассальная зависимость. Николай, — вернее Паскевич, — неизбежный диктатор Священного союза en cas de guerre (в случае войны), точно так же, как Нессельроде, является им уже en temps de paix (в мирное время.)

Далее, что касается современного военного искусства, то оно доведено до высшего совершенства Наполеоном. До наступления известных обстоятельств, о которых речь ниже, стратегам не остается ничего иного, как следовать примеру Наполеона, поскольку это допускает обстановка. Но современная военная наука распространена по всему миру. В Пруссии она известна каждому младшему лейтенанту уже ко времени сдачи экзамена на портупей-юнкера, по крайней мере в той ее части, которую можно зазубрить. Что же касается австрийцев, то венгерская кампания дала им возможность узнать на опыте, а, следовательно, отстранить своих плохих, специфически австрийских генералов — всяких Виндишгрецов, Вельденов, Гецов и других старых баб. Напротив, — так как мы не пишем больше в «Н[овой] р[ейнской] г[азете] — мы можем уже не питать

никаких иллюзий: Радецкий провел обе свои кампании в Италии великолепно, а вторую прямо-таки образцово. Чьей помощью он при этом пользовался, — вопрос совершенно второстепенный; достаточно того, что у старика оказалось достаточно здравого смысла, чтобы усвоить себе чужие гениальные идеи. Оборонительную позицию 1848 г. между четырьмя крепостями,—Пескьерой, Мантуей, Леньяго и Вероной, — отличавшуюся прекрасным прикрытием всех четырех сторон четыреугольника, а равно и оборону Радецким этой позиции до получения помощи, среди восставшей страны, следовало бы признать образцом военного искусства; заслуга его несколько уменьшается лишь тем, что отвратительное командование, бессмыслица и постоянные колебания итальянских генералов, интриги Карла-Альберта и поддержка из вражеского лагеря со стороны реакционных аристократов и попов значительно облегчили ему возможность продержаться. Не следует также забывать и того, что он находился в самой плодородной стране мира и поэтому был свободен от всяких забот о пропитании своей армии.

Кампания 1849 года является *совершенно беспримерной в истории австрийцев.* Пьемонтцы, вместо того чтобы сосредоточенными силами преградить дорогу к Турину у Новары и Мортары (линия в 3 мили длины), что было бы лучше всего, или наступать с этой линии двумя или тремя колоннами на Милан, заняли позицию от Сесты до Пиаченцы; длина этой линии составляет 20 миль, численность же пьемонтцев составляла 70 тысяч, т. е. только 3 500 человек на немецкую милю. Расстояние от одного фланга до другого составляло 3—4 хороших перехода. Это было жалкое концентрическое наступление против Милана, причем повсюду их силы были недостаточны. Радецкий, заметив, что итальянцы следуют старой австрийской системе 1792 года, повел свои операции против них точно так же, как это сделал бы Наполеон. Пьемонтский фронт был разрезан на две части рекою По, что составляло грубейшую ошибку. Радецкий прорывает фронт у самого По, отрезает, таким образом, две южных дивизии от трех северных, вклинивая между ними кулак в 60 тысяч человек; затем быстро бросается всей своей массой на три северные дивизии (сосредоточившие едва 35 тысяч человек), отбрасывает их в Альпы и отрезает друг от друга и от Турина оба корпуса Пьемонтской армии. Этот маневр, кончивший кампанию в три дня, почти буквально скопированный с маневра Наполеона в 1809 году у Абенсберга и Зекмюля (гениальнейший из всех наполеоновских маневров), во всяком случае доказывает, что австрийцы уже отнюдь не придерживаются более своего старого обычая парадировать «мед-

ленно вперед». В этом походе решающее значение имела как раз быстрота движения. Предательство аристократов и Раморино облегчило австрийцам их задачу, особенно тем, что оно доставляло точные сведения о расположении и планах итальянцев. Такое же значение имело гнусное поведение Савойской бригады при Новаре, которая не сражалась, а занялась грабежом. Но, с точки зрения военного искусства, успех достаточно объясняется нелепым расположением пьемонтцев и маневром Радецкого. Оба эти факта должны были привести к такому же результату, независимо от всех второстепенных обстоятельств.

Наконец, русские, по самой природе их армии, вынуждаются к следованию страгетической системе, весьма близкой к современной. Их армия в главной своей части состоит из больших масс полуварварской и поэтому тяжелой на подъем пехоты и многочисленной, также полуварварской, легкой иррегулярной кавалерии (казаков). В решительных сражениях, в крупных боях русские никогда не действовали иначе, как крупными массами. Суворов понимал необходимость этого уже при штурмах Измаила и Очакова. Подвижность, отсутствующая у этой армии, отчасти возмещается иррегулярной кавалерией, которая маневрирует вокруг нее со всех сторон и маскирует, таким образом, все ее движения. Но как раз тяжелая масса русской армии и делает ее весьма пригодной для того, чтобы образовать собою ядро и главную опору, позвоночник коалиционной армии, операции которой всегда являются несколько замедленными по сравнению с действиями армии национальной. Эту роль русские великолепно выполнили в 1813 и 1814 гг., и трудно назвать за эти годы диспозицию сражения, в которой не бросалась бы в глаза густота русских колонн, значительно превосходящих своей глубиною и плотностью все другие войска.

После 1812 года французов вряд ли можно рассматривать как преимущественных носителей наполеоновских традиций. Эти традиции усвоены в большей или меньшей степени всеми крупными европейскими армиями. Пример Наполеона, в большинстве случаев уже в последние годы империи, произвел целую революцию в каждой из этих армий. Всеми ими принята в стратегии и тактике наполеоновская система, поскольку она являлась совместимой с характером данной армии. В этом сказалось также нивелирующее влияние буржуазной эпохи; старые национальные особенности находятся в процессе исчезновения также и в армиях: французская, австрийская и прусская армии, а в значительной степени даже и английская, представляют собою теперь машины, более или менее одинаково

приспособленные для наполеоновских маневров. Этим отнюдь не исключаются весьма различные их качества в прочих отношениях, например в рукопашном бою и т. п. Но из всех европейских армий (крупных) только полуварварская русская способна к самостоятельной тактике и стратегии, именно потому, что лишь она одна еще не созрела для вполне развитой современной системы.

Что касается французов, то они на время даже утеряли нить наполеоновской традиции большой войны благодаря малой войне, которую они вели в Алжире. Еще подлежит выяснению, компенсируется ли отрицательное влияние этой войны с разбойниками на дисциплину теми преимуществами, которые создаются благодаря приучению армии к боевой работе; а также ведет ли она к тому, чтобы приучить людей к тяготам похода, или же, наоборот, изматывает их силы вследствие переутомления; наконец, не теряют ли в ней командующие генералы глаза, нужного в условиях большой войны? Несомненен тот факт, что французская кавалерия портится в Алжире. Она теряет свою силу, отучается от удара сомкнутым строем и приучается к системе действий врассыпную, в которой, однако, ее всегда будут превосходить казаки, венгры и поляки. Из генералов Удино скомпрометировал себя у стен Рима, и один лишь Кавеньяк отличился в июньских боях; но все это отнюдь еще не grandes épreuves (крупные испытания).

Таким образом шансы, в смысле превосходства в стратегии и тактике, надо полагать, по меньшей мере одинаковы на стороне коалиции, как и на стороне революции.

III.

Но возникает вопрос, не создаст ли новая революция, которая приведет к господству совершенно новый класс, подобно прежней, новые средства и новую систему ведения войны, по сравнению с которой наполеоновская система окажется такой же устаревшей и бессильной, какими оказались методы Семилетней войны пред лицом первой революции?

Современная система ведения войны является естественным продуктом французской революции; предпосылка ее заключается в социальной и политической эмансипации *буржуазии и мелкого крестьянства*. Буржуазия дает деньги, крестьяне ставят солдат; эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий; связанный же с нынешней ступенью общественного разви-

тия уровень богатства и образованности, в свою очередь, необходим для того, чтобы обеспечить современные армии необходимым количеством оружия, боевых припасов, пищевых продуктов и т. д., чтобы создать необходимый кадр образованных офицеров, а также соответствующую новым военным требованиям степень развития самих солдат.

Я беру современную военную систему в том совершенном виде, до которого ее довел Наполеон. Ее двумя pivots (осями) являются: массовые размеры средств нападения, в виде людей, лошадей и орудий, с одной стороны, и подвижность этого наступательного аппарата — с другой. Подвижность является необходимым следствием громадной численности. Современные армии не могут, подобно маленьким отрядам Семилетней войны, в продолжение месяцев маршировать туда и сюда на территории в каких-нибудь 20 миль. Они не в состоянии возить с собою все необходимое количество пищевых продуктов в походных магазинах. Они вынуждены нападать на занимаемую ими местность, подобно туче саранчи производить фуражировку во всех направлениях так далеко, как только может захватить кавалерия, и должны переходить на другое место, когда все съедено. Магазинные запасы удовлетворяют своему назначению уже в том случае, если содержат достаточное количество материалов для непредвиденных случаев. Они ежеминутно опустошаются и снова наполняются, они должны уметь следовать за быстрыми передвижениями армии и поэтому лишь в редких случаях могут иметь достаточное количество запасов для покрытия потребностей армии хотя бы в течение одного месяца. Современная военная система не может быть поэтому выдержана в течение долгого промежутка времени в бедной, полуварварской, слабо населенной стране. Это была основная причина, по которой французы потерпели крушение, медленное в Испании и быстрое в России. Но, в свою очередь, и испанцы были разорены французским нашествием: их страна была в сильнейшей степени истощена. Россия же не может применить своей собственной тяжеловесной системы войны большими массами в течение долгого времени, — даже в Польше. На ее же собственной территории, пока она лишена железных дорог, эта система и вовсе неприменима. Если бы России пришлось вести оборонительную кампанию на Днепре или на Двине, то страна была бы разорена.

Необходимая, таким образом, подвижность армии требует также известного уровня развития солдата, который во многих случаях должен уметь сам себе помочь. Сюда относится сильное развитие

патрульной, фуражировочной и аванпостной службы и т. д.; бо́льшая активность, требуемая от отдельного солдата; частое повторение случаев, когда солдату приходится действовать в одиночку и основываться на своем собственном разумении; наконец, большое значение, которое приобрели стрелковые бои, результаты которых зависят от интеллигентности, глазомера (coup d'oeil) и энергии каждого отдельного солдата, — все это предполагает со стороны унтер-офицера и рядового высший уровень развития, чем это было в армии старого Фрица. Варварская или полуварварская нация не обладает, однако, таким развитием культурности в массах, чтобы оно позволило ей, с одной стороны, дисциплинировать и механически обучить, а с другой стороны, развить и сохранить глазомер для малой войны у тех 500—600 тысяч человек, которые без всякого подбора, путем набора пополняют современную армию. Если у варваров — например, у казаков — такой глазомер имеется налицо по их полуразбойничьей природе, то, с другой стороны, они неспособны к регулярной военной службе; в свою очередь, русские пехотинцы из крепостных являются непригодным материалом для правильного стрелкового боя.

Этот средний уровень развития, предполагаемый современной военной системой со стороны каждого солдата, имеется налицо лишь в самых передовых странах: в Англии, где солдат, хотя бы он был по происхождению самым заскорузлым крестьянином, проходит цивилизующую школу городов; во Франции, где армия составляется из эмансипированных мелких крестьян и тертой городской черни (remplaçants — наемных заместителей, желающих освободиться от воинской повинности); в северной Германии, в которой феодализм также либо совершенно уничтожен, либо принял более или менее буржуазные формы и в которой значительная часть контингента армии поставляется городами; наконец, имеются признаки того, что подобный уровень развития, как это сказалось в последних войнах, имеется, по крайней мере, в той части австрийской армии, которая рекрутируется в наименее феодальных областях. За исключением Англии, основой армии является всюду мелкое земельное хозяйство, и армия является тем приспособленнее для современной военной системы, чем в большей степени мелкий крестьянин по своему положению приближается к свободному собственнику.

Но не только подвижность отдельного солдата, а и движения самих масс предполагают уровень цивилизации, соответствующий буржуазной эпохе. Неповоротливость дореволюционных армий является точным отражением феодального строя; уже одно громадное

количество офицерских экипажей затрудняло всякое движение. Армии подвигались вперед с медленностью, подобной вообще всякому движению того времени. Расцветшая бюрократия абсолютных монархий внесла в дело заведывания военными материалами некоторый порядок, но в то же время ее связи с haute finance (крупными финансистами) привели к колоссальному развитию злоупотреблений; с другой стороны, польза, приносимая военному делу бюрократией, вдвойне уравновешивалась тем вредом, который она же приносила благодаря присущему ей духу схематизма и педантизма. Сошлемся на «высочайшее» свидетельство самого старого Фрица. Россия еще и посейчас страдает от всех этих недостатков. Русская армия, повсюду обираемая и надуваемая, форменно голодает, и солдаты падают во время похода, как мухи. Лишь буржуазное государство может удовлетворительно поставить питание своих войск и поэтому рассчитывать на их достаточную подвижность.

Таким образом, подвижность является во всех отношениях качеством, свойственным именно буржуазным армиям. В то же время она является не только необходимым дополнением массового характера армий, но даже иногда может заменить последний (напр., Пьемонтская кампания Наполеона в 1796 г.).

Но и массовый характер, в свою очередь, также является специфической особенностью современной цивилизованной армии, как и ее подвижность. При всех разнообразных методах пополнения армии — рекрутском наборе, прусском ополчении, швейцарской милиции, французской levée en masse — как показывает опыт последних 60 лет, ни в одной народной войне, при режиме буржуазии и свободного мелкого крестьянства, не было призвано под знамена более 7% всего населения, следовательно, могло быть выставлено в поле примерно 5%. Во Франции, принимая население осенью 1793 г., примерно, в 25 миллионов, по этому расчету должно было быть всего 1 750 000 солдат, в том числе 1 250 000 активных бойцов. Принимая в расчет армии у границы, под Тулоном и в Вандее (принимая в последней во внимание обе борющиеся стороны), можно считать, что последняя цифра фактически имелась налицо. В Пруссии, насчитывающей сейчас 16 000 000 жителей, 7% составили бы 1 120 000, человек, а 5% — 800 000 человек. Между тем вся совокупность прусских военных сил, считая и линейные войска, и ландвер, составляет, однако, едва 600 000 человек. Этот пример показывает, как много составляет для нации уже даже 5%.

Посмотрим дальше. Если Франция и Пруссия могут сравнительно легко призвать к оружию 5% населения, а в крайнем случае даже

7%, то Австрия, при крайнем напряжении, может выставить лишь 5%, а Россия едва лишь 3%. Для Австрии, принимая ее население в 35 000 000, 5% составили бы 1 750 000 человек. В 1849 г. Австрии пришлось напрячь все свои силы. Она вывела в поле около 550 000 человек. Венгерцы, силы которых в нотах Кошута были увеличены вдвое, имели, вероятно, 350 000 человек. Примем во внимание еще 50 000 ломбардцев, которые либо уклонились от набора, либо воевали в рядах пьемонтской армии, и мы получим в сумме 950 000 чел., т. е. неполных $2^2/_3$% всего населения. При этом еще хорватские окраины, находившиеся в исключительных условиях, поставили по меньшей мере 15% своего населения. Россия, по самому скромному исчислению, имеет 72 000 000 жителей и должна была бы, при норме в 5%, выставить армию в 3 600 000 человек. В действительности же, ей никогда не удавалось собрать более полутора миллионов, считая регулярные и иррегулярные войска; из этого числа она могла выставить непосредственно против врага, вторгшегося в ее собственные пределы, максимум 1 миллион человек. Иными словами, вся совокупность ее военных сил никогда не превышала $2^1/_2$%, а активные войска — $1^1/_{18}$ или 1, 39%. Это объясняется весьма просто редким населением, которое раскинуто на огромных пространствах, отсутствием путей сообщения и ничтожностью национального производства.

На-ряду с подвижностью, масса средств нападения также является необходимым результатом более высокой ступени цивилизации; в частности, современная пропорция вооруженных сил к общему количеству населения несовместима с теми стадиями общественного развития, которые предшествуют буржуазно-свободному строю.

Итак, современный способ ведения войны предполагает предварительную эмансипацию буржуазии и крестьянства, или, иначе говоря, он является *военным выражением* этой эмансипации.

Эмансипация пролетариата, в свою очередь, будет иметь свое отражение и создаст свой особый и совершенно новый военный метод. Cela est clair (это ясно). Можно уже сейчас до известной степени предугадать, в чем будут заключаться материальные основы этой новой системы ведения войны.

Но в такой же точно мере, как завоевание политической власти современным неопределившимся и отчасти плетущимся в хвосте других классов французским и германским пролетариатом само по себе было бы еще весьма далеко от действительной эмансипации рабочего класса, которая заключается в уничтожении всех классовых

противоречий, точно так же способ ведения войны, первоначально примененный ожидаемой революцией, будет весьма далек от того способа, который будет применять действительно освободившийся пролетариат.

Действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление всех средств производства во Франции и в Германии предполагают, во-первых, участие Англии в этом процессе, а, во-вторых, по крайней мере удвоение средств производства, имеющихся сейчас в Германии и Франции. Как раз это последнее предполагает создание нового способа ведения войны. Колоссальные нововведения Наполеона в военной науке не могут быть преодолены посредством чуда; новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой методы, созданные революцией и Наполеоном, явились неизбежным результатом тех новых отношений, которые даны были революцией. И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, — и в военном деле задача состоит не в уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, в поднятии и того, и другого на высшую ступень.

Предпосылкой наполеоновского способа ведения войны был рост производительных сил; предпосылкой каждого нового усовершенствования в военном деле также будут новые производительные силы. Железные дороги и электрический телеграф уже сейчас дадут талантливому генералу или военному министру повод для совершенно новых комбинаций в европейской войне. Постепенный рост производительных сил, а вместе с ним и населения, в свою очередь, открывает возможность собирать более значительные воинские массы. Если во Франции население вместо 25 миллионов составляет 36 миллионов, то 5% этого числа составит уже не 1 250 000, а 1 800 000 человек. В обоих упомянутых отношениях могущество цивилизованных стран по сравнению с варварскими относительно возросло. Именно, первые располагают развитыми сетями железных дорог, и население их растет вдвое более быстрым темпом, чем, скажем, в России. Все эти соображения доказывают, кстати сказать, насколько невозможным является *длительное* подчинение Западной Европы России и насколько менее возможным становится оно с каждым днем.

Сила нового способа ведения войны, возникающего с уничтожением классов, не будет заключаться, однако, в том, что 5% населения,

которыми располагает нация, с ростом населения будут составлять все более значительные абсолютные цифры. Наоборот, она определится тем, что государство будет в состоянии призвать к оружию уже не 5 или 7%, а от 12 до 16% всего населения, т. е. от половины до двух третей взрослого мужского населения, — примерно, всех здоровых мужчин от 18 до 30 или даже до 40 лет. Но если, с одной стороны, Россия не может поднять своей военной силы с 2, 3% до 5%, не произведя предварительно полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и, особенно, в своем производстве, то, в свою очередь, и Германия с Францией не могут увеличить находящегося в их распоряжении контингента с 5% до 12%, без предварительного революционизирования своего производства, которое должно быть более чем удвоено. Лишь в том случае, если средняя производительность труда каждого рабочего увеличится вдвое, благодаря применению машин и т. п., можно будет лишить национальный труд удвоенного числа рабочих сил, и то лишь на короткое время: уже нынешние 5% военного состава никогда не удерживались ни одной страной в рядах в течение продолжительного срока.

Если соответствующие условия будут иметься налицо, т. е. национальное производство будет в достаточной мере усилено и централизовано, если — что безусловно необходимо — будут уничтожены классы..., то пределы возможного набора будут определяться исключительно численностью населения, способного носить оружие; иными словами, в случае крайности, можно будет в короткое время вооружить 15 — 20% населения и двинуть в поле от 12 до 15%. Но наличность таких колоссальных масс предполагает, в свою очередь, и значительно большую подвижность, чем та, которой обладают современные армии. Без усовершенствования железнодорожной сети такие массы не смогут быть ни сосредоточены, ни снабжены продовольствием и снаряжением, ни перебрасываемы с места на место. А без применения телеграфа совершенно невозможно будет управление ими. А ввиду того, что при таких массах стратег и тактик (командующий на поле сражения) не могут быть ни в коем случае соединены в одном лице, окажется необходимым разделение труда. Стратегические операции, т. е. координация действий различных корпусов, должны будут направляться из одного центрального пункта при помощи телеграфных линий; руководителями же тактических действий останутся отдельные генералы. Ясно, что при таких условиях войны смогут и должны будут приходить к развязке в еще более короткое время, чем это имело место при Наполеоне. Должны бу-

дут, — потому что этого потребует колоссальная стоимость войны, и смогут,—потому, что всякий удар, наносимый такими массами, по необходимости, будет иметь решающее значение.

По своей массе и стратегической подвижности эти армии будут обладать, следовательно, неслыханно страшной силой; но точно так же у таких солдат должна будет стоять на гораздо более высокой ступени и тактическая подвижность при несении патрульной службы, в стрелковых цепях, на поле сражения. Воины должны будут стать сильнее, ловче и интеллигентнее, чем те, которых может дать современное общество. К сожалению, однако, все это могло бы быть осуществлено на деле лишь через очень много лет и в такое время, когда подобные массовые войны уже вообще не смогут иметь места, вследствие отсутствия равного противника.

В первый же период пролетарской революции, к тому же, отсутствуют и основные предпосылки для подобной войны; еще в меньшей степени они будут иметься налицо в 1852 г.

Процент населения, приходящийся во Франции на долю пролетарита, возрос с 1789 г. едва ли больше, чем вдвое. Степень вооруженности пролетариата и напряжение его сил во время революции — по крайней мере, между 1792 и 1794 гг. — были, по крайней мере, так же велики, как они могут быть и в ближайшее время; но уже в ту эпоху выяснилось, что во время революционных войн, сопровождаемых жестокими внутренними конвульсиями, масса пролетариата должна быть применена для внутренних задач. То же самое будет иметь место и теперь и, вероятно, даже в большей степени, чем прежде, так как шансы для немедленного возникновения гражданских войн, при первых движениях враждебной коалиции, в высшей степени возросли. Поэтому пролетариат сможет уделить лишь незначительный контингент в действующую у границ армию. Главным источником для пополнения последней останутся городская чернь и крестьяне. Иными словами, это значит, что революция вынуждена будет вести войну теми средствами и теми же методами, какими она вообще ведется в наше время.

Лишь доктринер может задаваться вопросом, нельзя ли при этих средствах, т. е. при активной армии в 4—5% населения, изыскать новые комбинации и изобрести новые сокрушающие методы использования этих сил. Как производительность ткацкого станка не может быть учетверена без замены ручной движущей силы силой пара, т. е. без создания нового орудия производства, имеющего лишь весьма мало общего со старым ручным станком, так же мало и в военном искусстве можно достигнуть новых результатов со

старыми средствами. Лишь создание новых, значительно более мощных средств сделает возможным достижение новых, более грандиозных результатов.

Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных сил, либо первый находит правильный способ применения новых сил, изобретенных до него. В промежутке времени между Тюренном и старым Фрицем произошла революция в пехотном деле, вызванная заменой пики штыком и фитильного запала кремневым замком; заслуга Фридриха Великого в военном искусстве заключалась лишь в том, что он в пределах тогдашних военных методов впервые пересоздал и усовершенствовал старую тактику, применительно к новым видам оружия. Подобно этому бессмертная заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых было возможно лишь благодаря революции; к тому же эту стратегию и тактику он довел до такой степени совершенства, что современные генералы, в общем и целом, отнюдь не в состоянии превзойти его, а лишь пытаются подражать ему в своих самых блестящих и удачных операциях.

Общий вывод отсюда тот, что революция будет воевать современными военными средствами и при помощи современного военного искусства против современных же военных средств и современного военного искусства. Шансы на наличие военных талантов будут у коалиции по меньшей мере так же велики, как и у Франции: ce seront alors les gros bataillons qui l'emporteront. (Победу принесут более сильные батальоны.)

IV.

Посмотрим теперь, какие «батальоны» смогут быть выведены сторонами на поле сражения и как они могут быть применены.

1) *Россия.* Русская армия по мирному положению состоит номинально из 1 100 000 солдат, фактически же примерно — из 750 000. После 1848 года русское правительство неуклонно стремилось к тому, чтобы довести фактическую численность военного времени до 1 500 000 человек. Николай и Паскевич, по мере возможности, всюду лично контролировали положение. Поэтому надо считать, что Россия довела свою армию теперь по меньшей мере до полного мирного состава в 1 100 000 человек; из этого числа следует исключить максимум:

для Кавказа	100 000 чел.
» внутренней части России	150 000 »
» польских губерний	150 000 »
на больных, отряды особого назначения и т. д. . .	150 000 »
Всего	550 000 чел.

Остаются свободными 550 000 человек, которые могут быть употреблены для военных действий вне страны, иными словами, немногим больше, чем Россия в действительности послала за границу в 1813 г.

2) *Пруссия.* Великолепная армия военного времени, в случае призыва под знамена ландвера первой и второй очереди, сверхочередных и вообще всего, что возможно, состояла бы, по меньшей мере, из 650 000 человек, но в данный момент правительство смогло бы мобилизовать максимум 550 000 человек. Положим в основу расчета даже только 500 000 человек. Из этого числа придется выделить для гарнизонов и т. п. лишь немногим больше численности второочередного ландвера (150 000 человек): постепенные призывы *сверхочередных* и контингента будущего года, — о чем позаботится Николай, — а также непрерывное прохождение русских войск обеспечат повсеместные достаточные резервы на случай возможных внутренних восстаний. Кроме того, прусские войска будут иметь меньший процент больных, так как им придется сосредоточиваться в собственной стране и совершить менее значительный поход до Рейна, чем русским. Однако, так же, как и относительно русских, я отбрасываю половину и считаю свободной лишь другую половину, т. е. 250 000 человек.

3) *Австрия.* Состоящих под ружьем и в отпуску, но могущих вернуться в армию так же быстро, как ландвер в Пруссии, имеется по меньшей мере 600 000 человек. Здесь я также скидываю половину, так как, по крайней мере, для двух третей монархии двигающиеся сзади русские войска будут служить внутренними резервами, впредь до образования новых австрийских резервов, и будут парализовать возможные очаги восстания. Для действий против врага останутся свободными 300 000 человек.

4) *Германский союз.* Так как эти господа живут вблизи Рейна и вся коалиционная армия будет проходить через их земли, то они почти совсем не нуждаются в собственных гарнизонах против своего же населения; тем более, что после первых же успехов коалиции в борьбе с Францией резервные армии расположатся поперек всей Германии, с севера на юг. Поэтому Союз выставит, по крайней мере, 120 000 человек.

5) Итальянские правительства, Данию, Бельгию, Голландию, Швецию и проч. я принимаю пока в расчет в цифре 80 000 человек.

Итак, вся совокупность коалиционных войск составляет по приведенному расчету 1 300 000 человек, либо стоящих уже сейчас под ружьем, либо могущих быть призванными немедленно. Все мои предположения намеренно преуменьшены. Уже скидка моя на больных так велика, что из одних выздоровевших и т. п. можно, через два месяца после начала операций, составить новую армию в 350 000 человек, вблизи французской границы. Но так как в настоящее время ни одно благоразумное правительство, начиная войну, не упускает случая произвести немедленно по выступлении действующей армии новые наборы в возможно более крупных размерах, которые посылаются вслед за первой армией, то численность этой второй армии должна быть значительно больше.

Войска первой армии (1 300 000 человек) могут быть окончательно сосредоточены в течение, примерно, двух месяцев по следующему плану. Пруссаки и австрийцы могут вполне мобилизовать за два месяца вышеупомянутые контингенты, в чем не может быть сомнения после мобилизаций прошлого ноября; что же касается России, то тремя пунктами окончательного сосредоточения ее войск будут Берлин, Бреславль и Краков или Вена (см. ниже). От Петербурга до Берлина приблизительно 45 переходов, от Берлина до Рейна — 16, всего 61 переход, считая по 5 германских миль в день. От Москвы до Бреславля 48 переходов, от Бреславля до Майнца 20, всего 68 переходов. От Киева до Вены — 40, от Вены до Базеля — 22, всего 62 перехода. Если присчитать к этому дневки, безусловно необходимые для русских войск при вышеуказанных интенсивных переходах, то все же ясно, что даже войска, расположенные в Москве, Петербурге и Киеве, смогут быть свободно доставлены к Рейну в течение *трех* месяцев; при этом я даже исхожу из предположения, что войска передвигаются исключительно пешком, не пользуясь железными дорогами и подводами. Но эти последние средства передвижения могут быть пущены в ход в Германии почти повсюду, в России и Польше по крайней мере местами; пользование ими сократило бы переброску войск, в общем, безусловно на 15 — 20 дней. Но главные массы русских войск уже сейчас сконцентрированы в польских губерниях, поскольку же политические условия сделают вероятным возникновение кризиса, туда будет направлено еще большее количество вооруженных сил. Таким образом, исходными точками движения русских будут не Петербург, Москва и Киев, а Рига, Вильно, Минск, Дубно и Каменец, благодаря чему

расстояние сократится приблизительно на 60 миль, т. е. на 12 переходов и четыре дневки. При этом значительная часть пехоты — особенно расположенная в более отдаленных пунктах квартирования — сможет быть в течение каждого третьего дня (дня отдыха) перевезена в среднем на 5 миль; таким образом, для этой части армии и дни отдыха могут быть причислены к дням марша. Артиллерийский материал, амуниция и продовольствие смогут при этих условиях свободно использовать железные дороги. Артиллерийские лошади и прислуга могли бы передвигаться пешком или переездами и, таким образом, были бы доставлены на место во всяком случае скорее, чем в прежние времена.

Из всего сказанного для меня следует вывод, что ничто не препятствует сосредоточению коалиционной армии на Рейне, через два месяца после взрыва революции, в следующем порядке:

Первая армия.

1. Первая линия на Рейне и в Пьемонте:	
Пруссаки и австрийцы	750 000
Русские	300 000
	1 050 000
2. Вторая линия, резервы, на 10 переходов сзади, — русские	250 000
Всего	1 300 000

Вторая армия.

1. Резервы второстепенных членов коалиции, новые наборы пруссаков, австрийцев и т. п.	200 000	
2. Русские резервы, находящиеся в пути, на 20 переходов позади	150 000	350 000
Общая численность обеих армий		1 650 000

В сущности говоря, при современных условиях требуется не больше пяти — шести недель, чтобы перебросить к Рейну 300 000 русских, и за то же время пруссаки, австрийцы и мелкие союзники смогут придвинуть к Рейну вышеуказанные контингенты; но, считаясь с непредвиденными препятствиями, которые возникают при всякой коалиции, я беру целых два месяца. Расположение союзных войск в момент высадки Наполеона после Эльбы, в смысле легкости их передвижения во Францию, было едва ли столь же благоприятно, как нынешнее; тем не менее, русские были уже около Рейна в то время, когда Наполеон сражался с англичанами и пруссаками при Ватерлоо.

Спрашивается, какие же ресурсы может противопоставить коалиции *Франция*?

1) Линейные войска составляют приблизительно 450 000 человек, из которых 50 000 не могут быть выведены из Алжира; из остальных 400 000 человек следует скинуть больных, необходимый минимум для гарнизона крепостей, небольшие отряды в сомнительных пунктах внутри страны; всего свободных — максимум 250 000 человек.

2) Излюбленное средство нынешних «красных» состоит в обратном призыве отслуживших срок солдат; оно может быть с успехом проведено только по отношению к шести возрастным классам, т. е. к бывшим солдатам в возрасте от 27 до 32 лет. Каждый возрастный класс должен по набору давать 80 000 человек. Подлежат исключению жертвы алжирской войны и тамошнего климата, обычная норма смертности за 12 лет, сделавшиеся неспособными к военной службе, эмигранты, наконец, уклоняющиеся тем или иным способом от вторичного вступления в ряды войск, что очень облегчается условиями времени, когда административный аппарат приходит и без того в расстройство. Все это уменьшает общее количество вновь вступающих в войска рекрутов этих шести возрастных классов с 480 000 до 300 000 максимум. Из этого числа, в свою очередь, следует вычесть 150 000 человек на пополнение крепостных гарнизонов, которое будет производиться преимущественно за счет этого класса, как состоящего из более пожилых и, в большинстве случаев, женатых людей. Остающиеся, таким образом, 150 000 человек при сколько-нибудь умелых мероприятиях легко могут быть мобилизованы в два месяца.

3) Ополчение, добровольцы, волонтеры, levée en masse и прочие категории этого второстепенного пушечного мяса. Из этой группы, за исключением 10 000 gardes mobiles [1], которые еще нужно собрать, ни один человек не превосходит в умении владеть оружием любого немецкого гражданского ополченца. Правда, французы обучаются военному ремеслу быстрее, но два месяца, все же, слишком короткий срок. Если Наполеону удавалось заставить своих рекрутов пройти батальонную школу в четыре недели, то это возможно было лишь благодаря отличнейшим кадрам; первым же следствием ближайшей революции будет дезорганизация самих линейных кадров. К тому же наши французские революционеры, как известно, большие приверженцы традиций, и их паролем несомненно будет: «Levée en masse! Deux millions d'hommes aux frontières!» (Всенародное ополчение!

[1] [Подвижная гвардия — ополчение, набранное во время революции 1848 г. из безработных.]

Два миллиона солдат на границу!) «Два миллиона человек» были бы прекрасной вещью, если бы можно было ожидать со стороны коалиции повторения глупостей 1792 — 1793 гг. и если бы оказалось достаточно времени, чтобы постепенно обучить эти 2 000 000 человек. Но об этом не может быть и речи. Наоборот, следует рассчитывать на то, что в течение двух месяцев на границе будет стоять 1 000 000 активных неприятельских солдат, и задача будет заключаться в том, чтобы выступить против этого миллиона с шансами на успех.

Если французы снова прибегнут к традиционному повторению образцов 1793 года, то они предпримут эксперимент с 2 000 000, а это значит, что они размахнутся настолько широко, что реальный результат, при краткости срока, будет равен нулю. Обучение и формирование 1 500 000 человек в восемь недель, притом без кадров, на практике сведется к бессмысленному расходованию всех ресурсов и к тому, что армия не будет усилена хотя бы даже одним порядочным батальоном.

Другое дело, если у них будет порядочный военный министр, удовлетворительно знакомый с революционными войнами и методами быстрого формирования армии, и если на его пути не будут стоять глупые препятствия, проистекающие из невежества и стремления к популярности. Такой человек будет держаться в своих заданиях в пределах возможного и сможет сделать многое.

Ему придется остановиться приблизительно на следующем плане.

Вооруженные силы состоят, в главном, из двух основных частей: 1) пролетарской гвардии в городах и крестьянской в сельских местностях, поскольку последние благонадежны, — для внутренней службы и 2) регулярной армии — против вторжения. Крепости обслуживаются преимущественно пролетарской и крестьянской гвардией. Из армии для этого выделяются лишь минимально необходимые отряды. Для защиты Парижа, Страсбурга, Лиона, Меца, Лилля, Валансьенна — важнейших крепостей, являющихся в то же время крупными городами, будет почти достаточно их собственной гвардии и небольших крестьянских отрядов из окрестностей; из линейных войск понадобится для этих крепостей очень немного. Свободный от внутренней службы контингент пролетарской гвардии, состоящий из незанятых рабочих, должен быть сосредоточен в учебном лагере и подготовляться, под руководством неспособных к походной службе старых офицеров и унтер-офицеров, к пополнению убыли в рядах действующей армии. Такой лагерь может быть устроен вблизи

Орлеана: он тогда одновременно будет служить угрозой против легитимистских округов.

Современное количество французских линейных войск должно быть утроено, т. е. с 400 000 человек оно должно быть доведено до 1 200 000 человек. Достигнуть этого можно следующим образом. Каждый батальон превращается в полк, причем происходит неизбежное повышение по службе офицеров и унтер-офицеров, что будет содействовать уважению к Республике с их стороны не в меньшей степени, чем гильотина и военный суд. Неизбежное увеличение кадров должно при этом происходить по возможности постепенно. Необходимо будет привлечь на свою сторону максимально возможное количество офицеров. Последнее весьма важно при невозможности создать посредством волшебства новых офицеров в двухмесячный срок. На средних и низших командных ступенях французской армии имеется еще достаточная доля национального чувства для того, чтобы эта категория офицеров, под влиянием известных повышений, энергичного руководства со стороны военного департамента и при наличии шансов на военный успех, могла оказаться вполне пригодной на первое время; несколько примерных наказаний бунтовщиков и дезертиров окажут в этом смысле благоприятное действие. Воспитанники военных училищ и служащие ведомства государственных сооружений (Ponts et chaussées) могут дать прекрасных артиллерийских и инженерных офицеров; после нескольких же сражений обнаружат себя столь распространенные среди французов второстепенные военные таланты, пригодные для командования ротой после того, как побывали хотя один раз в огне.

Что же касается солдат, то необходимое количество составится:

из нынешних линейных войск	400 000
из призванных запасных	300 000
Остается добрать и обучить	500 000

итого 1 200 000 человек, а если сбросить 100 000 на больных, — 1 100 000 человек. Из этого числа может быть назначено для активных действий:

из линейных	250 000
» запасных	150 000
» новобранцев	400 000
	800 000

На деле видно будет, что можно предпринять с такой армией. Обучение 400 — 500 тысяч новобранцев для службы в линейных войсках и доведение их до такого уровня, чтобы их можно было слить

со старослужащими солдатами и запасными в общие полки и батальоны, может быть в течение двух месяцев достигнуто без чрезвычайных затруднений, если приступить к делу быстро, на следующее утро после революции (le lendemain de la révolution). Все эти подкрепления пойдут на усиление пехоты и артиллерии: за 2 месяца можно обучить пехотинца или канонира, способного к элементарному обслуживанию оружия, но отнюдь не кавалериста. Поэтому численный прирост кавалерии будет весьма невелик.

Весь этот план мобилизации предполагает обязательно наличие хорошего военного министра, такого, который сумел бы правильно оценить политическую обстановку, обладал бы познаниями в стратегии, тактике и в деталях отдельных родов оружия, а также достаточной степенью энергии, быстроты и решительности (decisiveness). Другое необходимое условие, — это, чтобы ослы, которые будут состоять в правительстве вместе с ним, предоставили ему полную свободу действий. Но вот вопрос: где возьмет «красная» партия во Франции такого парня? Все шансы говорят, напротив, за то, что мы увидим обычную картину: какой-нибудь невежда, который, в качестве bon démocrate (доброго демократа), сам себя считает и считается другими пригодным для занятия любого поста, попытается разыграть Карно; он декретирует поголовный набор, разрушит все существующее; весьма скоро его предприимчивость исчерпается, и он предоставит все дело рутине второстепенных чиновников старого режима; неприятельские армии будут подпущены к стенам Парижа. Для того же, чтобы справиться с европейской коалицией в наше время, недостаточно быть Пашем или Бушоттом и даже Карно, а надо быть равным Наполеону или же иметь перед собою исключительно глупых врагов или исключительно много счастья.

Не надо забывать, что при сделанном выше исчислении военных сил коалиции все время принимались во внимание минимальные числа для общего количества войск и, наоборот, максимальные для всяких скидок; таким образом, при сколько-нибудь удовлетворительном руководстве, численный состав войск, находящихся в распоряжении неприятеля, окажется больше, а время, необходимое для его сосредоточения, меньше, чем было указано. Для Франции же мои предположения построены по обратному принципу: я принял максимальный срок, находящийся в распоряжении французов, максимальную цифру контингента, который они смогут сформировать, и сделал минимальные скидки. Таким образом, общее количество войск в распоряжении революции исчислено мною в самых больших цифрах, какие только возможны. Иными словами, все

эти исчисления дают картину *самого благоприятного случая* для революции, если не считать непредвиденных обстоятельств и грубых промахов со стороны коалиции.

К тому же в вышеизложенных предположениях я исходил из того, что революция и нашествие неприятеля не вызовут немедленной вспышки гражданской войны внутри страны. В настоящее время, т. е. через 60 лет после последней гражданской войны во Франции, невозможно сказать с уверенностью, окажется ли легитимистский фанатизм способным на нечто большее, чем на эфемерную вспышку бунта. Ясно, однако же, что по мере продвижения коалиции вперед, будут возрастать шансы восстаний, подобных лионскому и тулонскому в 1793 году, восстаний, в которых объединятся на время все политически побежденные классы и партии. Однако, допустим и в этом отношении наиболее благоприятную комбинацию для революции, при которой революционная пролетарская и крестьянская гвардия окажется в состоянии успешно провести разоружение возставших департаментов и классов.

О благоприятствующих революции шансах, которые явились бы благодаря возможным восстаниям в Германии, Италии и т. д., мы скажем ниже.

V.

Теперь перейдем к реальной обстановке возможной войны.

Если поставить одну ножку циркуля на карте на месте Парижа и провести окружность радиусом, равным расстоянию от Парижа до Страсбурга, то она пересечет на юге французскую границу между Греноблем и Шамбери у Пон-дю-Бовуазена. Далее она пойдет вдоль границы к северу через Женеву, Юрский хребет, Базель, Страсбург и Гагенау; затем она будет следовать по течению Рейна до его устья, отдаляясь от него в отдельных местах, но не более как на два дневных перехода. Если бы Рейн был границей Франции, то на всем протяжении этой границы, к северу от того пункта, где она прикрывается Альпами, и до самого Северного моря, Париж был бы примерно на одинаковом расстоянии от любой ее точки. Военная система Франции, имеющая центром Париж, вполне соответствовала бы тогда географическим условиям. При этом предположении получалась бы простая дуга от Шамбери до Роттердама, на которой все точки единственной открытой границы Франции, притом ближайшей к ее столице, были бы расположены от Парижа в одинаковом расстоянии, составляющем примерно 70 немецких миль, или 40 переходов. В то же время эта граница была бы защищена широкой

рекой. В этом заключается реальная военная основа того утверждения, что Рейн является естественной границей Франции.

Но та же своеобразная конфигурация течения Рейна делает его исходной точкой для всех концентрических операций, направленных против Парижа: для того, чтобы несколько различных армий могли одновременно достигнуть Парижа и одновременно угрожать ему с разных сторон, они должны одновременно выступить из равно отстоящих от Парижа пунктов. Операции же всякой коалиционной контр-революционной армии против Франции по необходимости должны иметь концентрический характер, несмотря на то, что такие операции представляют большую опасность в случае, когда пункты концентрации лежат в сфере воздействия неприятельских армий, а тем более, совпадают с операционной базой последнего. Причины необходимости этой схемы операций следующие: 1) взятие Парижа означает завоевание всей Франции; 2) ни один пункт границы, лежащий в сфере операций французских армий, не может быть оставлен открытым, ибо, в противном случае, французы могли бы послать отряды в тыл коалиционной армии и вызвать восстание на собственной территории неприятеля; 3) те воинские массы, которые всякая коалиция должна бросить против Франции, нуждаются в нескольких операционных линиях для подвоза продовольствия.

Итак, граница, защищать которую придется обеим армиям, простирается от Шамбери до Роттердама. Испанскую границу можно пока не принимать во внимание. Итальянская граница от Вара до Изеры прикрыта Альпами и, кроме того, идет в направлении, удаляющемся от Парижа, составляя касательную к вышеупомянутой круговой линии. Эта граница может приобрести значение только в следующих случаях: 1) если укрепленные перевалы Савойских Альп, особенно Мон-Сенис, попадут в руки французов; 2) если признано будет нужным сделать диверсию на побережьи, для чего должны иметься особые основания; 3) если французские армии, обеспечив безопасность границы во всех других направлениях, захотят перейти здесь в наступление по примеру Наполеона в 1796 году. По отношению же ко всем другим возможным случаям этот участок границы находится далеко в стороне.

Итак, активные операции как для коалиции, так и для Франции ограничиваются протяжением линии от Шамбери (или Изеры) до Северного моря и той территорией, которая расположена между этой линией и Парижем. И как раз эта часть Франции по строению поверхности как бы специально создана для обороны, так как

расположение гор и рек отличается самым благоприятным характером с военной точки зрения.

От Роны до Мозеля граница прикрыта длинной, лишь с трудом и в немногих пунктах проходимой цепью гор — Юрой; к ней примыкают Вогезы, продолжением последних служат Гохвальд и Идарвальд; обе горные цепи тянутся параллельно границе, Вогезы же, кроме того, прикрыты Рейном. Между Мозелем и Маасом дорогу на Париж преграждают Арденны, по ту сторону Мааса — Аргонны. Открытой остается лишь область от Самбры до моря, но тут положение всякой продвигающейся армии становится с каждым шагом все опаснее, так как она рискует, при сколько-нибудь умелых операциях со стороны сильной французской армии, быть отрезанной от Бельгии и сброшенной в море. К тому же вся линия от Роны до Северного моря усеяна крепостями, некоторые из которых, как, напр., Страсбург, господствуют над целыми провинциями.

От места смычки Юры и Вогезов тянется в юго-западном направлении, вплоть до Оверни, цепь гор, которая представляет собою водораздел между Северным морем и океаном, с одной стороны, и Средиземным морем—с другой. От нее на юг течет Сона, а на север, параллельно друг другу, Мозель, Маас, Марна, Сена и Ионна. Между каждыми двумя последующими из вышеназванных рек, а также между Ионной и Луарой тянутся, в свою очередь, длинные горные цепи, отделяющие долины рек друг от друга и прорезанные лишь немногими дорогами. Вся эта горная страна, правда, доступна в большей части для передвижения всех родов войск, но весьма неплодородна. Большая армия не может удержаться тут в течение долгого времени. Если неприятельская армия перейдет через эти горы и даже столь же неплодородные возвышенности Шампани, лежащие между бассейном Мааса и бассейном Сены, то она вступает в область Сены. Здесь то и сказываются в полной мере необычайные военные преимущества местоположения Парижа.

Бассейн Сены, от ее верховьев вплоть до устья Уазы, образуется из ряда рек с дугообразным течением, направленным к северо-западу, почти параллельно друг другу: Ионны, Сены, Марны, Уазы и Эна; каждая из этих рек имеет притоки, текущие в том же направлении. Все эти дугообразные долины соединяются на небольшом друг от друга расстоянии, а в центре этих соединительных точек лежит Париж. Главные пути к Парижу от всех сухопутных границ между Средиземным морем и Шельдой идут вдоль указанных речных долин и вместе с ними концентрически соединяются под Парижем. Армия, защищающая Париж, может поэтому всегда сосредоточиваться в более

короткое время и перебрасываться от одного угрожаемого пункта к другому легче, чем нападающая армия, по той простой причине, что из двух концентрических кругов — внутренний имеет меньшую периферию. Блестящее использование этого преимущества, неутомимое продвижение по периферии внутреннего круга позволило Наполеону во время его замечательной кампании 1814 года в течение двух месяцев связывать в бассейне Сены при помощи горсти солдат все военные силы коалиции.

[*Статья не окончена.*]

К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ

Первое обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов.

Второе обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов.

Ф. Энгельс. Процесс коммунистов в Кельне.

К. Маркс. Разоблачения о кельнском процессе коммунистов.

К. Маркс. Рыцарь благородного сознания.

ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ.

Центральный комитет — Союзу.

Братья!

В оба революционные года, 1848—1849, Союз выдержал двоякое испытание: во-первых, члены его везде принимали активное участие в движении; в печати, на баррикадах, на полях сражения—везде они были в первых рядах единственного истинно-революционного класса, пролетариата. Союз выдержал испытание также и потому, что его понимание движения, как оно было изложено в циркулярах конгрессов и центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказалось единственно правильным; что высказанные в тех документах ожидания вполне оправдались, а понимание современных общественных отношений, раньше лишь тайно распространявшееся Союзом, теперь стало общим достоянием народов и публично проповедуется на площадях. Но в то же самое время прежняя крепкая организация Союза стала слабее. Значительная часть членов, принимавших непосредственное участие в революционном движении, находила, что время тайных обществ уже прошло и что можно ограничиться одной открытой деятельностью. Связь отдельных округов и общин с Центральным комитетом ослабела, и постепенно она совершенно порвалась. В то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, таким образом, все более расширяла свою организацию в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору; в лучшем случае она сохранила в отдельных местностях свою организацию для специальных целей и в общем движении подпала, таким образом, целиком под власть и руководство мелкобуржуазных демократов. Такому положению следует положить конец, следует восстановить самостоятельность рабочих. Центральный комитет понял эту необходимость и уже зимой 1848—1849 г. послал в Германию эмиссара, Иосифа Молля, для реорганизации Союза. Миссия Молля не оказала, однако, прочного влияния, отчасти потому, что немецкие рабочие в то время не приобрели еще достаточного опыта, отчасти же потому, что она прервана была майским

восстанием. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и пал 19 июля в сражении при Мурге. В его лице Союз потерял одного из своих старейших, активнейших и надежнейших членов, который участвовал во всех конгрессах и центральных комитетах и уже прежде с большим успехом выполнял целый ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий в Германии и во Франции почти все члены Центрального комитета в июле опять собрались в Лондоне, пополнили свой состав новыми революционными силами и с обновленной энергией принялись за реорганизацию Союза.

Реорганизация может быть произведена только при помощи эмиссара, и Центральный комитет считает чрезвычайно важным, чтобы поездка эмиссара предпринята была именно в тот момент, когда предстоит новая революция, когда рабочая партия должна выступать возможно более организованно, едино и самостоятельно, если она не хочет опять подвергнуться эксплоатации буржуазии, не хочет тащиться на буксире за ней, как это было в 1848 г.

Братья! уже в 1848 г. мы говорили вам, что немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тогда обратят свою только-что приобретенную власть против рабочих. Вы видели, как это исполнилось. И в самом деле именно буржуа тотчас после мартовского движения 1848 г. захватили власть и воспользовались ею для того, чтобы отбросить опять в их прежнее угнетенное положение рабочих, их союзников в борьбе. Если буржуазия не могла этого провести, не вступив в союз с устраненной в марте феодальной партией, не уступив даже, в конце концов, снова господства этой феодальной абсолютистской партии, то она все же выговорила себе условия, которые, ввиду финансовых затруднений правительства, на долгое время предоставили бы ей господство и гарантировали бы все ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтобы революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не нужно было бы прибегать к насильственным мерам и вызвать этим ненависть народа, так как все эти меры были уже приняты феодальной контрреволюцией. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Наоборот, близка революция, которая ускорит это развитие, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Вавилон.

И роль, которую немецкие либеральные буржуа играли в 1848 г. по отношению к народу, эту предательскую роль в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, которые

теперь в оппозиции занимают такое же положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 г. Эта демократическая партия, которая для рабочих гораздо опаснее прежней либеральной партии, состоит из трех элементов.

I. Из самых прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное уничтожение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предлагавшими отказ от платежа налогов.

II. Из конституционно-демократических мелких буржуа, которые в предшествующем движении ставили себе главной целью создание более или менее демократического союзного государства в том виде, в каком его отстаивали их представители, левые Франкфуртского собрания, а затем позднее Штуттгартский парламент и они сами во время кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является немецкая федеративная республика наподобие швейцарской, которые теперь называют себя красными и социал-демократами, потому что они питают благочестивое желание уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа — крупным. Представители этой фракции были членами демократических конгрессов и комитетов, руководителями демократических союзов, редакторами демократических газет.

Все эти фракции теперь после своего поражения называют себя республиканцами или красными, подобно тому как во Франции теперь республиканские мелкие буржуа называют себя социалистами. Там, где, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., они находят еще возможным отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Понятно, впрочем, что изменение названия этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим, а лишь доказывает, что она должна выступать против объединившейся с абсолютизмом буржуазии и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазная демократическая партия в Германии очень сильна, она обнимает не только огромное большинство буржуазного населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров; в своих рядах она насчитывает крестьян и сельский пролетариат до тех пор, пока он не нашел еще поддержки в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: рабочая партия идет вместе с мелкобуржуазной демократией против той фракции, к низвержению которой она

стремится; она выступает против нее во всех тех случаях, когда она сама хочет упрочиться.

Демократические мелкие буржуа совершенно не желают преобразования всего общества в интересах революционных пролетариев; они стремятся к такому изменению общественных порядков, при котором существующее общество стало бы для них по возможности более сносным и удобным. Они поэтому прежде всего требуют сокращения государственных расходов посредством ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и буржуа. Затем они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий, посредством устройства государственных кредитных учреждений и введения законов против ростовщичества, которые дали бы возможность им и крестьянам получать на выгодных условиях ссуды от государства, а не от капиталистов. Далее они требуют введения буржуазных имущественных отношений в деревне посредством полного уничтожения феодализма. Чтобы провести все это, они нуждаются в демократическом конституционном или республиканском образе правления, который дал бы им и их союзникам-крестьянам большинство, и в демократическом общинном управлении, которое передало бы в их руки непосредственный контроль над общинной собственностью и целый ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Для противодействия господству и быстрому росту капитала, необходимо отчасти ограничить право наследования, отчасти же передать возможно большее количество работ в руки государства. Что же касается рабочих, то прежде всего несомненно, что они попрежнему должны остаться наемными рабочими; демократические мелкие буржуа требуют только лучшего вознаграждения для рабочих и обеспечения их существования и надеются достигнуть этого отчасти предоставлением рабочим работ от государства, отчасти же мерами благотворительности; одним словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу, временно улучшив их положение. Приведенные здесь требования мелкобуржуазной демократии не отстаиваются всеми ее фракциями одновременно: в своей совокупности они являются определенной целью лишь для немногих представителей ее. Чем дальше заходят отдельные лица или фракции в своих требованиях, тем большее число их становится их собственными требованиями; те немногие, которые в вышеизложенных требованиях видят свою собственную программу, могут подумать, что это максимум того, чего вообще можно требовать от революции. Но требования эти ни в коем

случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы революция была перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти и пока объединение пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что прекратится конкуренция пролетариев в этих странах, и пока, по крайней мере, самые главные производительные силы не будут концентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в период дальнейшего развития революции на один момент получит преобладающее влияние в Германии мелкобуржуазная демократия. Поэтому возникает вопрос: какова будет позиция пролетариата, и в особенности Союза, по отношению к ней:

1) при существовании теперешних условий, когда мелкобуржуазные демократы также подвергаются угнетению?

2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес?

3) по окончании этой борьбы, когда они получат перевес над низвергнутыми классами и пролетариатом?

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду чувствуют гнет, они вообще проповедуют пролетариату единение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая включила бы все оттенки демократической партии, т. е. они стремятся к вовлечению рабочих в такую партийную организацию, где преобладают общие социал-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где ради столь дорогого мира определенные требования пролетариата не могут быть выставлены. Такое объединение было бы выгодно исключительно им и безусловно принесло бы вред пролетариату. Пролетариат потерял бы свою, с таким трудом приобретенную, самостоятельную позицию и опять был бы низведен до роли придатка официальной буржуазной демократии. Поэтому следует самым решительным образом отказаться от подобного объединения. Вместо того чтобы опять участвовать в хоре, одобрительно рукоплещущем буржуазным демократам, рабочие, и прежде всего

Союз, должны работать в том направлении, чтобы на ряду с официальными демократами создать самостоятельную, тайную и открытую, организацию рабочей партии и сделать каждую общину центром и ядром рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата обсуждаются независимо от буржуазных влияний. Как несерьезно буржуазные демократы относятся к такому союзу с пролетариатом, в котором последний обладал бы одинаковой с ними властью и равными правами, видно на примере бреславльских демократов; в своем органе «Neue Oderzeitung» они яростно преследуют самостоятельно организованных рабочих, которых они называют социалистами. Нет надобности создавать какие-нибудь особенные объединения на случай борьбы с общим врагом. Когда приходится непосредственно бороться против такого общего врага, тогда на данный момент интересы обеих партий совпадают, и, как и до сих пор, так и впредь, сам собой возникает такой союз, рассчитанный только на данный момент. Само собою разумеется, что и в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, рабочие добьются победы своим мужеством, своей решительностью и своим самопожертвованием. В этой борьбе мелкие буржуа в массе, как и до сих пор, будут по возможности медлить, проявлять нерешительность и пассивность, а потом, когда победа будет одержана, они постараются воспользоваться плодами ее для себя: будут призывать рабочих к спокойствию и к возвращению к работе, будут предупреждать так называемые эксцессы и будут стремиться лишить пролетариев плодов их победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но в их власти затруднить им выступление против вооруженного пролетариата и диктовать им такие условия, при которых господство буржуазных демократов заранее будет носить в себе зародыш их гибели, при которых значительно облегчено будет их вытеснение при господстве пролетариата. Рабочие должны прежде всего во время конфликта и непосредственно после борьбы, насколько возможно, противодействовать буржуазным призывам к успокоению и принудить буржуазных демократов к исполнению их теперешних террористских фраз. Они должны действовать в таком направлении, чтобы сейчас же после победы не было опять подавлено революционное возбуждение. Они, наоборот, должны возможно дольше поддерживать его. Они не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против проявления народной мести по отношению к ненавистным лицам или общественным зданиям, с которыми связаны ненавистные воспоминания, а, наоборот, должны не только терпеть эти вы-

ступления, но и взять в свои руки руководство ими. Во время борьбы и после борьбы рабочие должны рядом с требованиями буржуазных демократов при каждом случае выставлять свои собственные требования. Они должны требовать гарантий для рабочих, как только буржуазные демократы будут готовиться взять власть в свои руки. В случае необходимости они должны вынудить эти гарантии и вообще заботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это самое верное средство скомпрометировать их. Они должны всеми средствами, спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству, по возможности, сдерживать опьянение победой, восторг по поводу нового положения, которое наступает после всякой победоносной уличной борьбы. Рядом с новыми официальными правительствами они должны создавать свои собственные революционные рабочие правительства, в форме ли правлений общин, общинных советов, или в форме рабочих клубов или рабочих комитетов, так чтобы буржуазные демократические правительства не только немедленно утратили опору среди рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под угрозой и под контролем такой власти, за которой стоит вся рабочая масса. Одним словом, с первого момента победы недоверие должно быть направлено уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу только для себя.

2. Но чтобы иметь возможность энергично и грозно выступать против этой партии, которая начнет предавать рабочих с первого же часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно, нужно противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но где этого нельзя провести, рабочие должны пытаться организоваться самостоятельно в виде пролетарской гвардии с ими самими выбранным начальником и собственным, ими же самими выбранным, генеральным штабом; эта гвардия должна поступить в распоряжение не государственной власти, а избранных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают для государства, они должны добиться своего вооружения и организации в особый корпус с собственным выбранным ими начальником или как часть пролетарской гвардии. Они ни под каким предлогом не должны сдавать оружия и амуниции, они должны в случае надобности с оружием в руках выступать против всякой попытки разоружения. Уничтожение влияния буржуазных демократов

на рабочих, немедленная самостоятельная и вооруженная организация рабочих и проведение возможно тяжелых и компрометирующих условий для временного и неизбежного господства буржуазной демократии, — вот те главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и по окончании предстоящего восстания.

3. Как только положение новых правительств до некоторой степени упрочится, тотчас же начнется их борьба против рабочих. Чтобы быть в состоянии энергично выступить здесь против демократических мелких буржуа, рабочие прежде всего должны быть самостоятельно организованы и централизованы в клубы. После свержения существующих правительств Центральный комитет, как только это станет возможным, немедленно будет перенесен в Германию, немедленно созовет конгресс и внесет на его рассмотрение необходимые предложения относительно централизации рабочих клубов под руководством правления, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация, по крайней мере, провинциального объединения рабочих клубов составляет одно из важнейших условий для усиления и развития рабочей партии. Ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительства. Здесь пролетариату придется позаботиться:

I. Чтобы никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров под каким бы то ни было предлогом не послужили поводом для устранения известного числа рабочих.

II. Чтобы везде рядом с буржуазными демократическими кандидатами были выставлены рабочие кандидаты, которые, по возможности, должны состоять из членов Союза; для избрания их должны быть использованы все средства. Даже там, где нет никаких шансов на их проведение, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проявить свою революционную позицию и свою партийную точку зрения. Они не должны прислушиваться к фразам демократов о том, напр., что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы, в конце концов, сводятся к тому, что пролетариат оказывается обманутым. Успехи, которых должна достигнуть пролетарская партия благодаря такому независимому выступлению, бесконечно важнее того вреда, который принесет присутствие нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала решительно и террористически выступит против реакции, то влияние последней на выборах заранее будет уничтожено.

Уничтожение феодализма будет первым пунктом, по которому буржуазные демократы вступят в конфликт с рабочими. Мелкие буржуа, как и во время первой французской революции, отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. они сохранят сельский пролетариат и захотят создать мелкобуржуазный класс крестьян, который пройдет тот же самый круговорот обнищания и задолженности, в котором находится еще и теперь французский крестьянин.

В своих собственных интересах и в интересах сельского пролетариата рабочие должны выступить против этого плана. Они должны требовать, чтобы конфискованное имущество осталось собственностью государства и было превращено в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциациями сельского пролетариата, который притом пользуется всеми преимуществами крупного земледелия. Принцип общественной собственности этим самым приобретает прочный фундамент среди шатающихся буржуазных отношений собственности. Подобно тому как демократы вступают в союз с крестьянами, рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом. Демократы впредь либо будут прямо стремиться к учреждению федеративной республики, либо, если нельзя будет миновать единой и нераздельной германской республики, они будут, по крайней мере, стараться парализовать центральное правительство предоставлением возможно большей самостоятельности и независимости отдельным общинам и провинциям. Рабочие не только должны выступать против этого плана и стремиться к единой и нераздельной Германской республике, но и в ней самой содействовать самой решительной централизации власти в руках государства. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где предстоит еще устранить столько остатков средневековья, где надо еще сломить так много местного и провинциального эгоизма, ни при каких условиях нельзя допустить, чтобы каждая деревня, каждый город, каждая провинция ставила новое препятствие революционной деятельности, которая со всей силой может развернуться только в центре и распространяться оттуда. Нельзя допустить, чтобы возродилось теперешнее положение, когда немцам приходится отстаивать отдельно в каждом городе, в каждой провинции каждый шаг вперед. Еще менее можно допустить увековечение общинной собственности, являющейся по сравнению с современной частной собственностью более отсталой формой, везде разлагающейся и переходящей в частную собственность и влекущей за собой постоянные тяжбы между богатыми и

бедными общинами; недопустимо также, чтобы существующее рядом с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его придирками к рабочим было увековечено посредством так называемого свободного устройства общин. Проведение самой строгой централизации является в настоящее время в Германии задачей действительно революционной партии, подобно тому как это было во Франции в 1793 г. [1]

Мы уже видели, как в ближайшем движении демократы придут к власти, как они будут вынуждены предложить более или менее социалистические меры. Нас могут спросить: какие меры должны предложить рабочие в противовес им? Рабочие, конечно, не могут еще в начале движения предложить никаких коммунистических мер. Но они могут:

1. Принудить демократов вторгаться, по возможности, во все стороны существующего общественного строя, нарушать его нормальный ход и скомпрометировать самих себя; а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не как революционеры, а лишь как сторонники реформ, и превратить эти требования в нападения на частную собственность. Так, напр., если мелкие буржуа предложат выкупить железные дороги и фабрики, то рабочие должны

---

[1] Надо заметить в настоящее время, что это место основано на недоразумении. Тогда считалось установленным — благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории — что французский централизованный аппарат управления был введен Великой революцией и что Конвент пользовался им как необходимым и решающим оружием в борьбе с роялистской и федералистической реакцией и с внешними врагами. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что в продолжение всей революции вплоть до 18 брюмера все управление департаментов, округов и общин состояло из властей, избиравшихся самим населением, которое пользовалось полной свободой в пределах общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, именно и являлось самым сильным рычагом революции и в такой мере, что Наполеон тотчас же после своего государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить его сохранившимся еще до настоящего времени хозяйничанием префектов, которое, таким образом, с самого начала было настоящим орудием реакции. Но в такой же мере, как местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической и национальной централизации, в такой же мере оно не связано необходимо с тем ограниченным кантональным и коммунальным эгоизмом, который нас так отталкивает в Швейцарии и который 1849 г. все южногерманские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии. [*Примечание Энгельса к цюрихскому изданию 1885 г.*]

требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были просто и безвозмездно конфискованы государством. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать введения прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренные прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на таком налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Требования рабочих должны, таким образом, везде сообразоваться с уступками и мероприятиями демократов.

Если немецкие рабочие не могут достигнуть власти и проведения своих классовых интересов, не пройдя продолжительного пути революционного развития, то у них на этот раз будет, по крайней мере, уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадет с победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но сами они для своей конечной победы должны сделать больше всего тем, что они выяснят себе свои классовые интересы, займут свою самостоятельную партийную позицию, как только это окажется возможным, и ни на одну минуту не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должна быть перманентная революция.

Лондон, март 1850 г.

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ.

Центральный комитет — Союзу.

Братья!

В нашем последнем циркуляре, переданном вам эмиссаром Союза, мы говорили о позиции рабочей партии и, в частности, Союза как в данный момент, так и на случай революции.

Главною целью этого письма является отчет о состоянии Союза.

Поражения, понесенные революционной партией прошлым летом, на некоторое время почти совершенно уничтожили организацию Союза. Самые деятельные члены Союза, принимавшие участие в различных движениях, были рассеяны, связи были порваны, адреса оказались негодными, переписка по этой причине и вследствие опасности вскрытия писем стала на некоторое время невозможной. Центральный комитет, таким образом, примерно до конца прошлого года был обречен на полную бездеятельность.

По мере того как, мало-по-малу, стало ослабевать первое последствие понесенных потерь, везде во всей Германии возникла потребность в сильной тайной организации революционной партии. Эта потребность, вызвавшая в Центральном комитете решение послать эмиссара в Германию и в Швейцарию, привела, с другой стороны, к попытке создания нового тайного объединения в Швейцарии, а также к попытке кельнской общины самостоятельно организовать союз в Германии.

В Швейцарии в начале этого года некоторые, более или менее известные по различным движениям, эмигранты составили организацию, ставившую себе целью в надлежащий момент содействовать низвержению правительств и иметь наготове людей, которые могли бы взять на себя руководство движением и даже составить правительство. Эта организация не имела определенного партийного характера, входившие в ее состав пестрые элементы делали это невозможным. Члены состояли из людей, принадлежавших ко всем фракциям различных движений, начиная с несомненных коммунистов и даже

бывших членов Союза и кончая самыми трусливыми мелкобуржуазными демократами и бывшими членами пфальцского правительства.

Эта организация давала находившимся тогда в Швейцарии столь многочисленным баденско-пфальцским искателям мест и другим мелким честолюбцам желанную возможность выдвинуться.

Инструкции, которые эта организация посылала своим агентам и которые имеются в руках Центрального комитета, по своему характеру не могли внушить большого доверия. Отсутствие определенной партийной точки зрения, попытка объединить все наличные оппозиционные элементы в один мнимый союз, все это — только очень плохо прикрывалось массой частных вопросов о промышленных, крестьянских, политических и военных отношениях, существовавших в различных местностях. Силы этой организации точно так же были очень ничтожны. Согласно имеющемуся у нас полному списку членов, все общество в Швейцарии в период его наибольшего расцвета едва насчитывало 30 членов. Характерно, что среди них почти не было рабочих. Организация с самого начала представляла армию, состоявшую из одних унтер-офицеров и офицеров, но без солдат. Среди них были А. Фриз и Грейнер из Пфальца, Кернер из Эльберфельда, Зигель и т. д.

В Германию они послали двух агентов. Первый, Брун из Гольштейна, обманным путем добился того, что побудил отдельных членов Союза и общины временно присоединиться к новой организации, в которой они видели возродившийся Союз. Он в одно и то же время делал сообщения о Союзе швейцарскому Центральному комитету в Цюрихе, а о швейцарском объединении — нам. Не довольствуясь такой двуличной ролью, он, находясь еще в переписке с нами, писал во Франкфурт упомянутым уже лицам, привлеченным к швейцарскому объединению, возводил на нас явную клевету и рекомендовал им не вступать ни в какие сношения с Лондоном. Он за это был немедленно исключен из Союза. Франкфуртская история была улажена эмиссаром Союза. Во всем остальном деятельность Бруна в пользу швейцарского Центрального комитета не имела никакого успеха. Второй агент, студент Шурц из Бонна, ничего не сделал, потому что, как он писал в Цюрих, «все пригодные силы он нашел уже в руках Союза». Затем он внезапно оставил Цюрих и теперь слоняется по Брюсселю и Парижу, где находится под наблюдением Союза. Центральный комитет в этом новом объединении мог видеть тем меньшую опасность для Союза, что в его Центральном комитете находился вполне надежный член Союза, которому поручено было следить за планами и мероприятиями этих людей, поскольку они направлены против Союза,

и сообщать о них. Кроме того Центральный комитет послал эмиссара в Швейцарию, чтобы вместе с вышеупомянутым членом Союза привлечь в него все пригодные силы и вообще организовать союз в Швейцарии. Приведенные сообщения основаны на совершенно достоверных документах.

Другая попытка подобного же рода уже прежде была сделана Струве, Зигелем и другими лицами, объединившимися тогда в Женеве. Эти люди не постеснялись выдавать свою попытку объединения за самый Союз и злоупотреблять для этой цели именами членов Союза. Они, конечно, никого не обманули этой ложью. Их попытка была настолько безрезультатной во всех отношениях, что немногие оставшиеся в Швейцарии члены этого никогда не осуществившегося объединения в конце концов принуждены были присоединиться к упомянутой выше организации. Но чем слабее была эта котерия, тем больше блистала она такими громкими титулами, как Центральный комитет европейской демократии и т. д. И здесь, в Лондоне, Струве, в союзе с некоторыми другими обманутыми в своих надеждах великими людьми, также продолжал свои попытки. Во все части Германии были разосланы манифесты и предложения присоединиться к «Центральному бюро всей немецкой эмиграции» и к «Центральному комитету европейской демократии», но и на этот раз они не имели ни малейшего успеха.

Так называемые связи этой котерии с французскими и другими не-немецкими революционерами в сущности вовсе не существуют. Вся их деятельность сводится к нескольким мелким интригам между здешними немецкими эмигрантами, прямо не затрагивающим Союза, не представляющим никакой опасности и легко поддающимся контролю.

Все подобные попытки либо ставят себе такую же цель, как и Союз, т. е. революционную организацию рабочей партии; в таком случае они, устраивая расколы, уничтожают централизацию и силу партии и поэтому являются положительно вредными сепаратистами. Или же они могут иметь целью вновь использовать рабочую партию для таких задач, которые ей чужды или прямо враждебны. Рабочая партия может при известных условиях очень хорошо использовать для своих целей другие партии и партийные фракции, но она не должна подчиняться никакой другой партии. Но при всяких обстоятельствах следует держать на почтительном расстоянии тех людей, которые в последнем движении составляли правительство и воспользовались своим положением, чтобы предать движение и подавить рабочую партию тогда, когда она хотела выступить самостоятельно.

О положении Союза можно сообщить следующее.

I. Бельгия.

Организация Союза среди бельгийских рабочих, конечно, перестала существовать в том виде, какой она имела в 1846 и 1847 гг., с тех пор, как главные члены ее в 1848 г. были арестованы и приговорены к смертной казни, замененной им затем пожизненным заключением в каторжной тюрьме. Вообще Союз в Бельгии со времени февральской революции и со времени изгнания большей части членов немецкого рабочего союза из Брюсселя много потерял в своей силе. Благодаря существующим полицейским условиям, он не имел возможности снова подняться. Однако в Брюсселе все время сохранялась община, существующая еще и в настоящее время и работающая по мере своих сил.

II. Германия.

В этом циркуляре Центральный комитет хотел представить специальный отчет о положении Союза в Германии. Однако отчет этот не может быть дан в настоящий момент, так как прусская полиция именно теперь выслеживает широкие связи среди революционной партии. Этот циркуляр, который верным путем будет доставлен в Германию, но при своем распространении внутри Германии может кое-где попасть в руки полиции, должен поэтому быть так составлен, чтобы своим содержанием не дать ей оружия против Союза. Поэтому Центральный комитет на этот раз ограничивается следующим:

Главными центрами Союза в Германии являются Кельн, Франкфурт-на-Майне, Ганау, Майнц, Висбаден, Гамбург, Шверин, Берлин, Бреславль, Лигниц, Глогау, Лейпциг, Нюрнберг, Мюнхен, Бамберг, Вюрцбург, Штуттгарт, Баден.

Руководящими органами признаны:

Гамбург для Шлезвиг-Гольштинии; Шверин для Мекленбурга; Бреславль для Силезии; Лейпциг для Саксонии и Берлина; Нюрнберг для Баварии; Кельн для Рейнской провинции и Вестфалии.

Геттингенские, штуттгартские и брюссельские общины временно остаются в непосредственной связи с Центральным комитетом до тех пор, пока им не удастся настолько расширить свое влияние, чтобы образовать новые руководящие органы.

Положение союза в Бадене выяснится лишь после получения отчета от посланного туда и в Швейцарию эмиссара.

Там, где, как в Шлезвиг-Голштинии и Мекленбурге, существуют

крестьянские и батрацкие союзы, членам Союза удалось приобрести прямое влияние на них и отчасти взять целиком их в свои руки. Саксонские, франконские, гессенские и нассауские рабочие и батрацкие союзы по большей части также находятся под руководством Союза. Наиболее влиятельные члены рабочих братств также принадлежат к Союзу. Центральный комитет обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что это влияние Союза на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие и др. организации имеет огромное значение, и его везде следует добиваться. Он предлагает руководящим органам и ведущим с ними непосредственные сношения общинам в ближайших своих письмах сообщать, что сделано ими в этом отношении.

Эмиссар, посланный в Германию, получивший за свою деятельность вотум признательности от Центрального комитета, везде принимал в Союз только самых надежных людей и предоставил им, как большим знатокам местных условий, дело расширения Союза. От местных условий будет зависеть, будут ли приняты в Союз все решительные революционные элементы. Там, где это невозможно, должен быть из людей, пригодных и надежных в революционном отношении, но еще не понявших коммунистических следствий теперешнего движения, составлен второй класс членов Союза. Этот второй класс, которому следует изображать объединение имеющим чисто местный или областной характер, должен постоянно оставаться под руководством действительных членов Союза и его комитетов. При помощи этих более широких объединений может быть прочно организовано влияние главным образом на крестьянские союзы и гимнастические общества. Детали организации должны быть предоставлены руководящим органам, от которых Центральный комитет ждет в ближайшем будущем отчетов по этому вопросу.

Одна община внесла в Центральный комитет предложение о немедленном созыве Союзного конгресса в самой Германии. Общины и округа могут сами понять, что при существующих условиях вообще нельзя рекомендовать даже провинциальных конгрессов руководящих округов, всеобщий же союзный конгресс в настоящее время совершенно невозможен. Однако Центральный комитет созовет союзный конгресс в подходящем месте, как только это окажется возможным. Эмиссар руководящего органа Кельна недавно посетил Рейнскую Пруссию и Вестфалию. Отчет о результатах этой поездки еще не получился в Кельне. Мы предлагаем всем руководящим органам, по возможности, послать в свои округа эмиссаров и возможно скорее сообщить о результатах этих объездов. В заключение мы считаем

нужным сообщить, что в Шлезвиг-Голштинии завязаны сношения с армией. Мы ждем более подробного отчета о том влиянии, которое может здесь иметь Союз.

III. Швейцария.

Мы ждем еще отчета эмиссара. Поэтому более подробные сведения могут быть лишь в следующем циркуляре.

IV. Франция.

Сношения с немецкими рабочими в Безансоне и в остальных местах Юры вновь будут завязаны через Швейцарию. В Париже член Союза Эвербек, стоявший до сих пор во главе тамошних общин, заявил о своем выходе из Союза ввиду того, что он считает свою литературную деятельность более важной. Связи с Парижем поэтому временно прерваны, и их возобновление должно вестись с тем большей осторожностью, что парижане приняли массу совершенно неподходящих людей, которые прежде находились даже в прямой вражде к Союзу.

V. Англия.

Лондонский округ является самым сильным во всем Союзе. Он отличался тем, что в течение многих лет почти исключительно собирал средства, в особенности на поездки эмиссаров. В последнее время он еще усилился приемом новых элементов и постоянно руководит здешним немецким рабочим обществом, а также радикальной фракцией проживающих здесь немецких эмигрантов.

Через нескольких специально для этого делегированных членов Центральный комитет связан с настоящей революционной партией французов, англичан и венгерцев.

Из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем которой состоит Бланки. Делегаты тайных бланкистских обществ находятся в постоянной и официальной связи с делегатами Союза, и которым они поручили важные подготовительные работы для ближайшей французской революции.

Вожди революционной чартистской партии также находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Они предоставляют к нашим услугам свою печать. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и более примиренчески настроенной фракцией, руководимой О'Коннором, был значительно ускорен делегатами Союза.

Центральный комитет связан также с самой прогрессивной партией венгерской эмиграции. Эта партия важна тем, что в ее состав входят выдающиеся военные, которые во время революции будут в распоряжении Союза.

Центральный комитет предлагает руководящим органам возможно скорее распространить настоящее письмо между своими членами и немедленно представить ему отчеты. Он призывает всех членов Союза к самой усиленной деятельности именно теперь, когда отношения так натянуты, что в недалеком будущем предстоит взрыв новой революции.

Июнь 1850 г.

ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ В КЕЛЬНЕ.

Лондон, 1 декабря 1852 г.

Вы уже получили через европейскую печать ряд отчетов о процессе-монстр коммунистов в Кельне и об его исходе. Но так как ни один из этих отчетов не дает хотя бы приблизительно верного изложения фактов и так как эти факты проливают яркий свет на политические приемы, с помощью которых континент Европы держится в рабстве, я считаю необходимым вернуться к этому процессу.

На-ряду с другими партиями на континенте и коммунистическая, или пролетарская, партия с отменою права союзов и собраний лишилась возможности создать себе легальную организацию. Помимо того, ее вожди подверглись изгнанию из своих стран. Но никакая политическая партия не может существовать без организации, и если либеральная и демократическая мелкая буржуазия могли, так или иначе, пользоваться для целей организации преимуществами своего общественного положения и издавна установившимися при повседневном общении связями, то для пролетариата, не обладающего таким общественным положением и денежными средствами, не оставалось иного пути, кроме тайных обществ. Вот почему как во Франции, так и в Германии возникло множество тайных обществ, которые полиция с 1849 г. раскрывала одно за другим и подвергала преследованию как заговоры. Но если многие из них действительно были заговорами, организованными с целью низвержения существующих правительств, — а при известных обстоятельствах одни только трусы не составляют заговоров, точно так же, как и при других обстоятельствах их затевают одни лишь безумцы, — то были и другие общества, которые преследовали более широкие и более возвышенные цели и которые знали, что низвержение того или другого из существующих правительств есть только преходящая стадия в предстоящей великой борьбе, и объединились для того, чтобы подготовить партию, ядро которой они составляли, к последнему и решительному бою, который раньше или позже навсегда сокрушит в Европе господство не одних «тиранов», «деспотов» и «узурпаторов», но и гораздо более могучей и страшной власти — власти капитала над трудом.

Такой характер носила организация передовой коммунистической партии в Германии. В согласии с принципами «Коммунистического манифеста» (опубликованного в 1848 г.) и другими принципами, изложенными в наших статьях «Революция и контр-революция в Германии», напечатанных в «New-York Daily Tribune», эта партия никогда не воображала, будто в ее власти произвести в любое время и по собственному усмотрению революцию, которая осуществит ее идеи. Она изучала причины, вызвавшие революционные движения 1848 г., и причины, обусловившие их неудачи. Признавая социальный антагонизм классов основой всякой политической борьбы, она занималась изучением условий, при которых один класс общества может и должен быть призван представлять совокупность интересов народа и таким образом политически править им.

История показала коммунистической партии, как, после земельной аристократии средних веков, выдвинулась денежная мощь первых капиталистов, захвативших государственную власть; как социальное влияние и политическое господство перешло от этой части капиталистов к промышленным капиталистам, мощь которых не переставала расти со времени введения пара, и как в настоящее время претендуют, в свою очередь, на господство еще два класса — мелкая буржуазия и класс промышленных рабочих. Практический революционный опыт 1848—1849 гг. подтвердил теоретические соображения, которые вели к заключению, что сперва к власти должна прийти демократия мелкой буржуазии, прежде чем коммунистический рабочий класс сможет рассчитывать прочно утвердиться у власти и разрушить систему наемного труда, которая держит его под игом буржуазии. Таким образом, тайная организация коммунистов не могла ставить себе прямой целью низвержение существующих германских правительств. Она была образована для низвержения не этих правительств, а инсуррекционного правительства, которое должно рано или поздно сменить их. Отдельные члены ее могли бы принять и, конечно, приняли бы активное участие в революционном движении против нынешнего положения. Но подготовка такого движения иначе, как путем тайной пропаганды среди рабочих масс коммунистических взглядов, не могла быть задачей Коммунистического союза. Это основное положение Союза было так хорошо усвоено большинством его членов, что когда некоторые честолюбцы попытались превратить его в заговор с целью вызвать импровизированную революцию, их тотчас же удалили из Союза.

Никакой закон на земле не признал бы такое общество заговором, тайным союзом, ставящим себе целью государственную измену.

Если оно было заговором, то не против существующего правительства, а против его вероятных преемников. И прусское правительство знало это. Вот почему все одиннадцать обвиняемых оставались в одиночном заключении восемнадцать месяцев, и в течение этого времени власти занимались самыми удивительными судебными проделками. Представьте себе, что после восьмимесячного заключения обвиняемые были оставлены в заключении еще на ряд месяцев, «по неимению против них улик для предъявления какого-либо обвинения»! И когда, наконец, они предстали пред присяжными заседателями, нельзя было доказать, чтобы хоть одно открытое действие их носило характер государственного преступления. Тем не менее они были осуждены, и вы сейчас увидите, каким образом это было сделано.

Один из эмиссаров Союза был арестован в мае 1851 г., и на основании найденных при нем документов последовали другие аресты. Тотчас же прусскому полицейскому чиновнику Штиберу было предписано проследить в Лондоне разветвления мнимого заговора. Ему удалось раздобыть кое-какие бумаги, имевшие отношение к вышеупомянутым отщепенцам, которые после своего исключения из Союза действительно затеяли заговор в Париже и Лондоне. Эти бумаги были получены путем двойного преступления. Некоего Рейтера подкупили взломать письменный стол секретаря отделившегося союза и похитить оттуда бумаги. Но это было еще безделицей. Эта покража повела к открытию и осуждению участников так называемого франко-германского заговора в Париже, но не дала никаких улик против большого Коммунистического союза. Заметим мимоходом, что парижским заговором руководило несколько честолюбивых глупцов и политических chevaliers d'industrie (мошенников) в Лондоне и один парижский полицейский шпион, ранее осужденный за подложный вексель. Одураченные ими жертвы своими исступленными призывами и кровожадными речами обнаруживали свое крайнее политическое ничтожество.

Итак, прусской полиции пришлось поискать новых «разоблачений». В прусском посольстве в Лондоне было устроено настоящее отделение тайной полиции. Полицейский агент, по имени Грейф, занимался своей гнусной профессией под маской атташе посольства,— уловка, на которую до сих пор не решались даже австрийцы и которая могла бы быть достаточным основанием, чтобы объявить все прусские посольства вне охраны международного права. Под началом Грейфа работал некий Флёри, коммерсант лондонского Сити, человек довольно состоятельный и с хорошими связями, одна из тех «низких тварей», которые творят грязные дела по врожденной наклонности

к гнусностям. Другим агентом Грейфа был конторщик, по имени Гирш, шпионское звание которого, впрочем, было разоблачено вскоре после прибытия его в Лондон. Он втерся в круг некоторых германских эмигрантов-коммунистов, и они, чтобы разобраться в нем, одно время его принимали. Скоро сношения господина Гирша с полицией были разоблачены, и он перестал появляться. Но и лишившись всякой возможности раздобывать сведения, за которые ему платили, Гирш не оставался в бездействии. В своем кенсингтонском уединении, никогда не встречаясь ни с одним коммунистом, он еженедельно фабриковал отчеты о мнимых заседаниях мнимого центрального комитета — того самого заговора, который прусская полиция никак не могла накрыть. Содержание этих отчетов было самое нелепое: ни одного неискаженного имени, ни одной правильно написанной фамилии; ни одному лицу он не влагал в уста таких слов, какие оно с некоторым правдоподобием могло говорить. Его начальник Флёри помогал ему в этих подлогах, и ничто не доказывает, что «атташе» Грейф был к ним непричастен. Как это ни невероятно, прусское правительство принимало все эти вздорные измышления за евангельскую истину, и вы можете себе представить, какое замешательство они вызвали, когда они были разоблачены перед присяжными заседателями. Когда начался суд, господин Штибер, упомянутый уже полицейский чиновник, выступил в качестве свидетеля, подтвердил под присягой все эти нелепости и не без некоторого самодовольства утверждал, что у него имеется в Лондоне тайный агент, находящийся в самой интимной близости с людьми, которых считали заправилами этого странного заговора. Тайный агент Штибера был, действительно, «тайным»: целых восемь месяцев он прятался в Кенсингтоне, боясь встретиться с кем-либо из людей, о самых интимных мыслях, словах и деяниях которых он якобы еженедельно доносил.

У Гирша и Флёри было, впрочем, в запасе еще одно изобретение. С помощью своих сфабрикованных отчетов они состряпали «подлинный журнал протоколов» заседаний верховного тайного комитета, за существование которого ручалась прусская полиция, и господин Штибер, найдя, что эти протоколы чудесно согласуются с уже полученными от тех же лиц отчетами, тотчас же предъявил их присяжным заседателям и утверждал под присягой, что после тщательного рассмотрения он вполне убедился в подлинности журнала протоколов. И тогда узнали бо́льшую часть нелепых измышлений Гирша. Можете себе представить изумление мнимых членов «тайного комитета», когда они услышали о себе вещи, каких раньше и не подозревали! Одни из Вильгельмов были перекрещены в Людвигов или Карлов;

другие произносили речи в Лондоне как раз в то время, когда они находились на другом конце Англии; третьи читали письма, которых никогда не получали; товарищеские вечеринки по средам превратились в регулярные собрания по четвергам; рабочий, который еле умел писать, фигурировал в роли одного из секретарей, составлявших протоколы, и подписывался таковым. И все говорили языком, быть может, очень обычным в прусском полицейском участке, но совершенно невероятным в собрании, большинство в котором составляли писатели с очень известными на их родине именами. В довершение всего была подделана расписка в получении мнимым секретарем измышленного центрального комитета денежной суммы за этот «журнал протоколов». Но самое существование этого секретаря было мистификацией, проделанной над несчастным Гиршем каким-то лукавым коммунистом.

Эта грубая подделка была слишком скандальна, чтобы не произвести действия, прямо противоположного ожидавшемуся от нее. Хотя лондонские друзья обвиняемых были лишены всякой возможности раскрыть факты перед присяжными заседателями, хотя посланные ими защитникам письма не были доставлены почтой, хотя документы и аффидавиты (показания под присягой), которые им, вопреки всем препятствиям, все же удалось доставить адвокатам, не были допущены как доказательства, — все же общее негодование было так велико, что прокуратура и сам Штибер, клятвенно ручавшийся за подлинность «журнала протоколов», были принуждены признать его подложным.

Подлог этот был, однако, не единственным, какой пустила в ход полиция. На суде обнаружилось еще два или три факта подобного же рода. В похищенных Рейтером документах были сделаны полицией вставки, искажавшие их смысл. Один документ бессмысленно-яростного содержания был написан почерком, подделанным под почерк д-ра Маркса, и утверждалось, будто он был написан им, пока, наконец, прокурор не был вынужден признать подлог. Но после изобличения одной полицейской гнусности выдвигалось пять-шесть новых, которые не могли тут же быть разоблачены, так как защитников старались захватить врасплох, доказательства надо было получать из Лондона, а всякая переписка защитников с лондонскими эмигрантами-коммунистами трактовалась на суде, как соучастие в мнимом заговоре!

Что Грейф и Флёри были такими, какими они изображены здесь, — признал в своем показании сам господин Штибер. Что же касается Гирша, то он признался пред одним лондонским судьей,

что подделал «журнал протоколов» по приказанию и при содействии Флёри, после чего бежал из Англии во избежание уголовного преследования.

Заклейменное на суде такими разоблачениями правительство попало в трудное положение. Правда, состав присяжных был такой, какого еще не бывало в Рейнской области: шесть дворян и два правительственных чиновника. Люди эти не были расположены кропотливо разбираться в груде спутанных показаний, сыпавшихся на них в продолжение шести недель, в течение которых им неустанно звонили в уши, что обвиняемые — главари страшного заговора, составленного для низвержения всего для них священного — собственности, семьи, религии, порядка, правительства и закона! И все же, если бы правительство не внушило в то же время привилегированным классам, что оправдательный приговор в этом процессе послужит сигналом к отмене суда присяжных и будет принят за политическую демонстрацию, за доказательство готовности либерально-буржуазной оппозиции вступить в союз даже с самыми крайними революционерами, — приговор был бы оправдательный. Но благодаря этой угрозе и применению нового прусского кодекса, которому дана была сила обратного действия, правительству удалось добиться того, что оправдано было только четверо обвиняемых, остальные же семь, как вы, без сомнения, уже знаете и уже сообщили об этом своим читателям, были осуждены и приговорены к тюремному заключению на сроки от 3 до 6 лет.

Enthüllungen

über den

Kommunisten-Prozeß

zu Köln.

Basel,
Buchdruckerei von Chr. Krüsi.
1853.

Титульный лист «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов». (Базельское издание.)

РАЗОБЛАЧЕНИЯ О КЕЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ.

I. Предварительные замечания.

Нотъюнг был арестован 10 мая 1851 г. в Лейпциге; вскоре после этого были арестованы Бюргерс, Резер, Даниэльс, Беккер и др. 4 октября 1852 г. арестованные предстали перед кельнским судом присяжных по обвинению в «государственной измене и заговоре» против прусского государства. Предварительное заключение — одиночная тюрьма — продолжалось, таким образом, около $1^1/_2$ лет.

При аресте Нотъюнга и Бюргерса найдены были «Манифест Коммунистической партии», статуты Союза коммунистов (коммунистического пропагандистского общества), два обращения Центрального комитета этого Союза, наконец, несколько адресов и печатных произведений. После того как об аресте Нотъюнга было известно уже в продолжение восьми дней, начались обыски и аресты в Кельне. Если бы, таким образом, еще и можно было кое-что найти, то теперь это без сомнения уже исчезло. И действительно улов дал только несколько не имевших никакого значения писем. Спустя $1^1/_2$ года, когда арестованные предстали наконец пред судом присяжных, к обвинительному материалу bona fide не прибавилось ни одного документа. Тем не менее, все ведомства прусского государства, по уверениям министерства юстиции (представленного фон-Зеккендорфом и Зедтом) проявили самую напряженную и самую разностороннюю деятельность. Чем же они собственно были так заняты? Nous verrons! (Увидим!)

Необыкновенная продолжительность предварительного заключения мотивировалась самым мудреным образом. Сперва говорилось о том, что саксонское правительство не желает выдать Бюргерса и Нотъюнга Пруссии. Кельнский суд тщетно требовал выдачи у министерства в Берлине, а министерство в Берлине тщетно добивалось этого у саксонских властей. Между тем саксонское правительство дало себя уговорить. Бюргерс и Нотъюнг были выданы. Наконец в октябре 1851 г. дело настолько подвинулось вперед, что акты были переданы обвинительному сенату кельнского апелляционного суда.

Обвинительный сенат нашел, «что нет никаких объективных данных для обвинения, что поэтому надо опять начать следствие сначала». Служебное рвение судов между тем было подогрето только-что изданным дисциплинарным законом, который давал право прусскому правительству устранять каждого неугодного ему судейского чиновника. На этот раз дело было приостановлено за отсутствием данных. В следующую трехмесячную сессию суда присяжных оно должно было быть отложено, так как имелось слишком много данных. Количество документов, как уверяли, так велико, что обвинитель не успел в них разобраться. Мало-по-малу он разобрался в них, обвинительный акт вручен был обвиняемым и разбирательство дела назначено на 28 июля. Но в это время заболел директор полиции Шульц, главное правительственное маховое колесо процесса. Из-за болезни Шульца обвиняемым пришлось просидеть еще три месяца. К счастью, Шульц умер, общество выражало нетерпение, и правительству пришлось поднять занавес.

За все это время дирекция кельнской полиции, президиум полиции в Берлине, министерства юстиции и внутренних дел постоянно вмешивались в судебное следствие, точно так же как позднее их достойный представитель Штибер в качестве свидетеля постоянно вмешивался в публичное судебное разбирательство в Кельне. Правительству удалось подобрать неслыханный в летописях Рейнской провинции состав присяжных. Рядом с членами высшей буржуазии (Герштадт, Лейден, Иест) городской патрициат (фон-Бианка из Совета), дикие помещики (Геблинг фон-Ланценауер, барон Фюрстенберг и т. д.), два прусских правительственных советника, среди них королевский камергер (фон-Мюнх-Беллинггаузен), наконец один прусский профессор (Крейслер). В этом жюри, таким образом, представлены были все господствующие в Германии классы, и только они.

Казалось, что при таком жюри прусское правительство могло пойти по прямому пути и создать простой тенденциозный процесс. Признанные Бюргерсом, Нотъюнгом и др. подлинными отобранные у них самих документы, правда, не свидетельствовали ни о каком заговоре; они вообще не доказывали никаких действий, предусмотренных code pénal (уголовным кодексом); но они сами неопровержимо доказывали враждебное отношение обвиняемых к существующему правительству и к существующему обществу. Но то, чего не предусмотрел разум законодателя, то могла наверстать совесть присяжных. Разве это не было хитростью со стороны обвиняемых так обставить свою вражду к существующему обществу, что она не нарушала ни одного параграфа книги законов? Разве болезнь перестает

быть заразной от того, что она не значится в номенклатуре санитарно-полицейского устава? Если бы прусское правительство ограничилось тем, что на основании действительно имеющегося материала доказывало бы вредность обвиняемых, а присяжные ограничились бы тем, что сделали бы их безвредными, признав их виновными, кто мог бы нападать на присяжных и на правительство? Никто, кроме близорукого мечтателя, который думает, что прусское правительство и господствующие в Пруссии классы достаточно сильны, чтобы предоставить своим врагам свободное поле деятельности до тех пор, пока они держатся в границах дискуссии и пропаганды.

Но между тем прусское правительство само отрезало себе путь от этой широкой дороги политических процессов. Необычайным затягиванием процесса, прямым вмешательством министерства в ведение следствия, таинственными ссылками на неведомые ужасы, хвастливыми заявлениями о заговоре, охватывающем всю Европу, ужасно грубым обращением с арестованными процесс был раздут в procès monstre, к нему было привлечено внимание европейской прессы, а подозрительное любопытство публики достигло высшей степени напряжения. Прусское правительство поставило себя в такое положение, что обвинение ради приличия должно было представить доказательства, а жюри приличия ради должно было требовать доказательств. Жюри само стояло перед другим жюри, — перед жюри общественного мнения.

Чтобы исправить первую ошибку, правительство должно было совершить вторую ошибку. Полиция, которая во время следствия выполняла обязанности следователя, во время судебного разбирательства должна была выступить в качестве свидетеля. Рядом с обыкновенным обвинителем правительство должно было поставить еще необычного, рядом с прокуратурой полицию, рядом с Зедтом и Зеккендорфом — Штибера с его Вермутом, с его Фогелем, Грейфом и Гольдгеймом. Вмешательство в суд третьей государственной власти стало неизбежным, чтобы чудодейственными силами полиции постоянно доставлять юридическому обвинению факты, за тенью которых оно тщетно гонялось. Суд так хорошо понял это положение, что председатель, судья и прокурор с похвальнейшей покорностью попеременно уступали свою роль полицей-советнику и свидетелю Штиберу и постоянно прятались за его спиной. Прежде чем перейти к освещению этих полицейских откровений, на которых покоятся «объективные данные», которых обвинительный сенат не мог найти, мы должны сделать еще одно предварительное замечание.

Из бумаг, отобранных у обвиняемых, а также из их собственных

показаний обнаружилось, что существовало германское коммунистическое общество, центральный комитет которого первоначально находился в Лондоне. 15 сентября 1850 г. этот центральный комитет раскололся. Большинство — обвинительный акт называет его *партией Маркса* — перенесло местопребывание центрального комитета в Кельн. Меньшинство — исключенное позднее кельнцами из Союза — организовалось в самостоятельный центральный комитет в Лондоне и основало здесь и на континенте отдельный Союз. Обвинительный акт называет это меньшинство и его приверженцев партией *Виллих-Шаппера*.

Зедт-Зеккендорф утверждают, что чисто личные раздоры вызвали раскол лондонского центрального комитета. Уже задолго до Зедта-Зеккендорфа «рыцарственный Виллих» пустил в лондонскую эмиграцию гнуснейшие сплетни о причинах раскола. В лице Арнольда Руге, этой пятой спицы в государственной колеснице центрально-европейской демократии, и других подобных людей Виллих, нашел готовые пути в германскую и американскую печать. Демократия поняла, как легко ей будет одержать победу над коммунистами, если она возведет «рыцарственного Виллиха» в роль представителя коммунистов. «Рыцарственный Виллих», в свою очередь, понял, что партия Маркса не могла разоблачить причины раскола, не выдав тайного общества в Германии и не передав специально кельнского центрального комитета отеческому попечению прусской полиции. Теперь этих обстоятельств уже нет, и поэтому мы приводим некоторые места из последнего протокола лондонского центрального комитета 15 сентября 1850 г.

В мотивировке своего предложения о расколе Маркс, между прочим, говорил буквально следующее: «На место критических воззрений меньшинство ставит догматические, на место материалистических — идеалистические. Движущей силой революции для него становится *просто воля* вместо действительных отношений. Между тем как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, не только для того чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». Вы говорите наоборот: «Мы должны сейчас же достигнуть господства, или нам не остается ничего делать». В то время как мы специально указываем германским рабочим на неразвитое состояние германского пролетариата, вы самым грубым образом льстите его национальному чувству и сословным предрассудкам германских ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ*

в что-то святое, так вы проделываете это со словом *пролетариат*. Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции и т. д., и т. д.»

Господин Шаппер в своем ответе сказал буквально следующее: «Я высказал взгляд, подвергшийся здесь нападению, потому что я вообще являюсь в этом деле энтузиастом. Дело идет о том, мы ли начнем рубить головы, или нам будут рубить головы». (Шаппер даже обещал, что через год, т. е. 15 сентября 1851 г., он будет казнен). «Во Франции рабочие придут к этому, а затем и мы в Германии. Если бы дело было не так, то я, конечно, ушел бы на покой, и тогда я мог бы занять другое материальное положение. Если мы до этого дойдем, то мы можем принять такие меры, которые обеспечат господство пролетариата. Я являюсь фанатическим сторонником этого взгляда, но центральный комитет хотел противоположного и т. д., и т. д.».

Как мы видим, не в силу личных причин раскололся центральный комитет. Но было бы также неверно говорить о принципиальных разногласиях. Партия Шаппер-Виллиха никогда не претендовала на честь иметь собственные идеи. Ей принадлежит лишь своеобразное непонимание чужих идей, которые она по своему устанавливает как символ веры и усваивает себе как фразу. Не менее ошибочно было бы назвать партию Виллих-Шаппера «партией действия», если только под действием не понимать безделья, прикрытого кабацкой шумихой, вымышленными конспирациями и бессодержательными, показными связями.

II. Архив Дитца.

Найденный у обвиняемых «Манифест Коммунистической партии», напечатанный до февральской революции и уже несколько лет имевшийся в продаже, не мог ни по своей форме, ни по своему назначению быть программой «заговора». В захваченных *обращениях* Центрального комитета речь шла исключительно об отношениях коммунистов к будущему правительству демократии; следовательно, воззвания не имели в виду правительство Фридриха-Вильгельма IV. Наконец, статуты были статутами тайного общества пропаганды, но в code pénal не содержится никаких наказаний для тайных обществ. В качестве конечной цели этой пропаганды выставляется разрушение существующего строя, но прусское государство уже раз погибло и может погибнуть еще десять раз и погибнуть окончательно, причем существующее общество от этого нисколько не изменится. Коммунисты могут содействовать процессу разложения буржуазного

общества и тем не менее предоставить буржуазному обществу разложение прусского государства. Если бы кто-нибудь поставил себе прямой целью ниспровержение прусского государства и средством для достижения этой цели считал бы разрушение общества, он уподобился бы тому сумасшедшему инженеру, который для очистки дороги от навозной кучи решил бы взорвать землю.

Но если конечной целью Союза является *ниспровержение общества*, то его средством непременно должна быть *политическая революция*, а это предполагает уже ниспровержение прусского государства, подобно тому как землетрясение предполагает разрушение курятника. Однако обвиняемые исходили из того преступного взгляда, что современное прусское правительство падет и без них. Они поэтому не организовали Союза для ниспровержения теперешнего прусского правительства и не были виновны ни в какой «государственной измене».

Обвиняли ли когда-нибудь первых христиан в том, что они ставят себе целью свержение первого встречного захолустного римского префекта? Прусские государственные философы, начиная от Лейбница до Гегеля, работали над низвержением бога, но если я низвергаю бога, то я низвергаю и короля божьей милостью. Преследовали ли их, однако, за покушение на дом Гогенцоллернов?

Можно было таким образом вертеть и переворачивать дело сколько угодно, найденный corpus delicti исчезал, как призрак при дневном свете, перед лицом гласности. Обвинительный сенат так и остался при жалобе, что *«нет объективного состава преступления»*, а партия Маркса была довольно злонамеренна и за все $1^1/_2$ года, в продолжение которых велось следствие, *ничего не прибавила к имеющимся уликам*.

Этому горю надо было помочь. И партия Виллих-Шаппера сделала это вместе с полицией. Посмотрим, как господин Штибер, акушер этой партии, втянул ее в кельнский процесс (см. показания Штибера в заседании 18 октября 1852 г.).

Когда весной 1851 г. Штибер находился в Лондоне якобы для того, чтобы оградить посетителей промышленной выставки от ищеек и воров (Stiebern und Diebern), президиум берлинской полиции прислал ему копии найденных у *Нотъюнга* бумаг, и «мое внимание, — клянется Штибер, — было обращено *именно* на архив заговора, который, согласно *найденным у Нотъюнга бумагам, должен находиться у некоего Освальда Дитца в Лондоне и содержит всю корреспонденцию членов Союза*».

Архив заговора? Вся корреспонденция членов Союза? Но Дитц был секретарем виллих-шапперовского центрального комитета. Если

следовательно, у него находился архив заговора, то это был архив виллих-шапперовского заговора. Если у Дитца находилась корреспонденция Союза, то это могла быть только корреспонденция враждебного кельнским обвиняемым отколовшегося Союза. Однако из рассмотрения найденных у Нотъюнга документов следует еще большее, а именно, что в них нет никаких указаний на Освальда Дитца как хранителя архива. И как мог Нотъюнг в Лейпциге знать то, что было неизвестно самой партии *Маркса* в Лондоне.

Штибер не мог прямо сказать: Обратите же внимание, господа присяжные! Я сделал неслыханные открытия в Лондоне. К сожалению, они относятся к заговору, с которым кельнские обвиняемые не имеют ничего общего и по поводу которого кельнским присяжным нечего судить; но они дали повод продержать обвиняемых $1^1/_2$ года в одиночном заключении. Так Штибер не мог говорить. Необходимо было вмешательство Нотъюнга, чтобы поставить в видимую связь с кельнским процессом сделанные в Лондоне разоблачения и добытые путем слежки документы.

Штибер клянется, что какой-то человек предложил ему купить за наличные деньги архив у Освальда Дитца. В действительности дело состояло просто в следующем. Некий Рейтер, прусский шпион, который никогда не принадлежал к коммунистическому обществу, жил в одном доме с Дитцем, в отсутствие последнего взломал его письменный стол и украл его бумаги. Весьма вероятно, что господин Штибер заплатил ему за эту кражу, но если бы этот маневр стал известен во время его пребывания в Лондоне, то это едва ли оградило бы Штибера от путешествия на Вандименову Землю.

5 августа 1851 г. Штибер получил в Берлине из Лондона «в прочном клеенчатом пакете» архив Дитца, а именно кучу документов в «шестьдесят штук». Так утверждает Штибер; вместе с тем он клянется, что в этом пакете, который он получил *пятого* августа 1851 г., среди других писем находились письма руководящего берлинского коллектива от *двадцатого* августа 1851 г. Если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что Штибер совершает клятвопреступление, уверяя, что он 5 августа 1851 г. получил письма от 20 августа 1851 г., то он мог бы с полным правом ответить, что королевский прусский советник имеет такое же право совершать хронологические чудеса, как и евангелист Матфей.

En passant! Из перечисления украденных у партии Виллих-Шаппера документов и из дат этих документов следует, что эта партия, хотя и получила предостережение в виде учиненной Рейтером кражи со взломом, все еще умудрялась позволять выкрадывать

у себя документы, которые попадали в руки берлинской полиции.

Когда Штибер оказался обладателем завернутого в прочную клеенку клада, у него стало очень хорошо на душе. «Все нити,—клянется он,—были для меня ясны». Но что же скрывал в себе клад по отношению к партии Маркса и кельнским обвиняемым? По признанию самого Штибера, ничего, решительно ничего, кроме «подлинного заявления нескольких членов центрального комитета, очевидно, составлявших ядро партии Маркса, помеченного 17 сентября 1850 г. в Лондоне, по поводу их выхода из Коммунистического союза вследствие известного раскола, происшедшего 15 сентября 1850 г.» Так говорит сам Штибер, но даже в этом невинном показании он не в состоянии был просто сообщить факт. Он принужден возвести его в высшую степень, чтобы придать ему полицейскую важность. Подлинное заявление не содержит в себе ничего, кроме состоящего из трех строчек заявления членов группы большинства прежнего центрального комитета и их друзей, что они выходят из *вполне легального Рабочего союза* на Great Windmill Street, но не из *«Коммунистического союза»*.

Штибер мог бы сберечь своему корреспонденту расходы на клеенку, а своему начальству расходы на пересылку. Ему стоило только просмотреть некоторые немецкие газеты за сентябрь 1850 г., и он нашел бы там напечатанным черным по белому заявление «ядра партии Маркса», в котором оно одновременно со своим выходом из комитета эмигрантов сообщает также и о своем выходе из Рабочего союза на Great Windmill Street.

Ближайшим результатом штиберовских розысков было, следовательно, неслыханное открытие, что «ядро партии Маркса» выступило 17 сентября 1850 г. из открытого Союза на Great Windmill Street. «Для него были ясны все нити кельнского заговора». Но публика ему не доверяла.

III. Заговор Шерваля.

Но Штибер сумел, однако, использовать украденное сокровище. Полученные им 5 августа 1851 г. документы повели к открытию так называемого «немецко-французского заговора в Париже». Среди них было шесть отчетов посланного Виллих-Шаппером в Париж эмиссара *Адольфа Майера* и пять отчетов руководящей парижской группы Центральному комитету Виллих-Шаппера. (Свидетельское показание Штибера в заседании 18 октября.) Штибер предпринимает увеселительную дипломатическую поездку в Париж и там лично знакомится с великим Карлье, который только-что доказал в скандальном

деле о лотерее золотых слитков, что хотя он большой враг коммунистов, но зато еще гораздо больший друг чужой собственности.

«Вследствие этого я в сентябре 1851 г. поехал в Париж. В лице тогдашнего префекта полиции Карлье я нашел самую любезную поддержку... Раскрытые в лондонских письмах при помощи французских полицейских агентов нити были быстро и верно разысканы. Удалось установить квартиры отдельных главарей заговора и выследить все их движения, а именно все их собрания и всю их корреспонденцию. Там были обнаружены очень печальные вещи... Я должен был уступить требованиям префекта Карлье, и в ночь с 4 на 5 сентября были приняты меры». (Показание Штибера от 18 октября.)

В сентябре Штибер уехал из Берлина. Предположим, что это было 1 сентября. В лучшем случае он вечером 2 сентября прибыл в Париж. В ночь на 4-е принялись за дело. Таким образом, для переговоров с Карлье и для принятия необходимых мер оставалось всего 36 часов. В течение этих 36 часов были не только «установлены» квартиры отдельных главарей: *все* их движения, *все* их собрания, *вся* их корреспонденция были подвергнуты «наблюдению», конечно только после того, как были «установлены» их квартиры. Прибытие Штибера вызывает не только чудодейственную быстроту и уверенность французских полицейских агентов, оно делает конспирирующих главарей до того «предупредительными», что в 24 часа они делают столько движений, устраивают столько собраний, пишут столько писем, что уже на следующий вечер против них можно принять решительные меры.

Но мало того, что 3-го были установлены квартиры отдельных главарей и выслежены все их движения, собрания и переписка; «французские полицейские агенты, под присягой показывает Штибер, находят случай присутствовать на собраниях заговорщиков и узнать их решения относительно их действий в будущей революции». Но едва только полицейские агенты выслеживают собрание, как они посредством слежки уже находят случай присутствовать на нем, а едва только они попадают на какое-нибудь собрание, оно превращается в несколько собраний, а едва только состоялось одно-два собрания, как дело уже доходит до постановлений относительно действий в будущей революции, — и все это в тот же самый день! В тот самый день, когда Штибер знакомится с Карлье, полицейский персонал Карлье узнает квартиры отдельных главарей, последние знакомятся с полицейским персоналом Карлье, приглашают лиц этого персонала в тот же день на свои заседания, ради них устраивают в тот же день целый ряд собраний и не могут расстаться

с ними, не приняв в спешном порядке постановлений о действиях в ближайшей революции.

Как бы ни был предупредителен Карлье, — а никто не может усомниться в его готовности за три месяца до государственного переворота раскрыть коммунистический заговор, — Штибер приписывает ему больше, чем он может дать. Штибер требует полицейских чудес, он не только требует их, он также верит в них; он не только верит в них, но он и клянется ими.

«Приступив к делу, к принятию мер, я сперва лично вместе с французским комиссаром арестовал опасного Шерваля, главного вожака французских коммунистов. Он оказал сильное сопротивление, и с ним завязалась упорная борьба». Так гласит показание Штибера 18 октября.

«Шерваль совершил в Париже покушение на меня, и притом в моей собственной квартире, в которую он тайком пробрался ночью. В возникшей между нами борьбе на помощь мне пришла моя жена, которая была при этом ранена». Таково другое показание Штибера от 27 октября.

В ночь с 4-го на 5-е Штибер принимает меры против Шерваля, между ними завязывается кулачная борьба, в которой Шерваль оказывает сопротивление. В ночь с 3-го на 4-е Шерваль является к Штиберу, и между ними завязывается кулачная борьба, в которой Штибер оказывает сопротивление. Но ведь 3-го между заговорщиками и полицейскими еще господствовала та entente cordiale, благодаря которой так много могло быть сделано в один день. Теперь же оказывается, что 3-го числа Штибер не только раскрыл замыслы заговорщиков, но что заговорщики уже 3-го раскрыли также замыслы Штибера. В то время, когда полицейские агенты Карлье разыскивали квартиры заговорщиков, заговорщики открыли квартиру Штибера. В то время как Штибер занимал по отношению к заговорщикам «наблюдательную» позицию, они по отношению к нему играли активную роль. В то время, когда ему грезится их заговор против правительства, они устраивают покушение на его персону.

В своем показании от 18 октября Штибер продолжает: «В этой борьбе (когда Штиберу принадлежала наступательная роль) я заметил, что Шерваль пытался вложить в рот бумагу и проглотить ее. Только с трудом удалось спасти половину этой бумаги, другую половину он уже проглотил».

Бумага, следовательно, была уже у Шерваля во рту между зубами, так как только одна половина была спасена, другая была уже

съедена. Штибер и его пособник, в лице ли полицейского комиссара или еще кого-нибудь, мог спасти другую половину, только засунув руку в пасть «опасного Шерваля». Лучшим способом защитить себя от подобного нападения было *кусание*, и действительно, как сообщают парижские газеты, Шерваль укусил госпожу Штибер. Но при этой сцене присутствовала не жена Штибера, а полицейский комиссар. Штибер же, напротив, заявляет, что при покушении, произведенном на него Шервалем в его собственной квартире, была ранена госпожа Штибер, которая пришла ему на помощь. Если сопоставить показания Штибера с сообщениями парижских газет, то получится впечатление, что Шерваль в ночь с 3-го на 4-е укусил госпожу Штибер, чтобы спасти бумаги, которые господин Штибер вырвал у него изо рта в ночь с 4-го на 5-е. Штибер может нам ответить, что Париж — город чудес и что уже Ларошфуко говорил, что во Франции все возможно.

Если мы на один момент оставим веру в чудеса, то окажется, что первые чудеса произошли потому, что Штибер втиснул в *один* день 3 сентября целый ряд действий, разделенных между собой довольно продолжительным промежутком времени, — а последние чудеса получились оттого, что различные происшествия, которые произошли в одну ночь и в одном месте, он отнес к двум различным ночам и к двум различным местам. Противопоставим его сказкам из «Тысячи и одной ночи» действительное положение дел. Но прежде приведем еще один удивительный факт, хотя он и не представляет чуда. Штибер вырвал половину проглоченной Шервалем бумаги. Что заключалось в этой спасенной половине? Все, чего искал Штибер. «Эта бумага, — под присягой показывает он, — содержит чрезвычайно важные инструкции для эмиссара Гипериха в Страсбурге с его полным адресом». Перейдем теперь к действительному положению дела.

5 августа Штибер получил упакованный в крепкую клеенку архив Дитца, как мы знаем от него самого. 8 или 9 августа в Париже появился некий Шмидт. Шмидт, повидимому, неизбежное имя для всех путешествующих инкогнито прусских полицейских агентов. В 1845 — 1846 гг. Штибер путешествовал под именем Шмидта по силезским горам, его лондонский агент *Флёри* в 1851 году отправляется в Париж под фамилией Шмидта. Он разыскивает здесь отдельных главарей виллих-шапперовского заговора и, прежде всего, находит Шерваля. Он рассказывает, будто бежал из Кельна и спас союзную кассу с 500 талеров. Он удостоверил свою личность мандатами из Дрездена и других городов и повел речь о реорганиза-

ции Союза, объединении различных партий, так как расколы якобы основаны на чисто личных разногласиях, — полиция тогда уже проповедывала единство и объединение, — и обещал употребить упомянутые выше 500 талеров, чтобы опять привести Союз в цветущее состояние. Мало-по-малу Шмидт знакомится с отдельными главарями виллих-шапперовских союзных общин в Париже. Он не только узнает их адреса, но посещает их, следит за их корреспонденцией, следит за их движениями, проникает на их собрания, подстрекает их как agent provocateur (агент-провокатор); Шерваль, в частности, тем больше важничает, чем больше Шмидт восхваляет его как великого незнакомца Союза, как «главного вожака», который только до сих пор не сознавал своего значения, что бывало уже со многими великими людьми. Однажды вечером, когда Шмидт вместе с Шервалем отправился на заседание Союза, Шерваль прочел свое знаменитое письмо к Гипериху, прежде чем отослать его. Таким образом Шмидт узнал о существовании Гипериха. «Как только Гипперих вернется в Страсбург, — заметил Шмидт, — мы пошлем ему перевод на те 500 талеров, которые находятся в Страсбурге. Вот вам адрес того человека, у которого хранятся деньги, вы же дайте мне адрес Гипериха, который мы пошлем как удостоверение личности тому человеку, к которому Гипперих явится». Таким образом Шмидт получил адрес Гипериха. В тот самый вечер, когда Шерваль послал Гипериху письмо, через четверть часа Гипперих был арестован по телеграфному предписанию, у него был произведен обыск, и найдено было знаменитое письмо. Гипперих был *арестован раньше Шерваля*.

Вскоре после этого Шмидт сообщил Шервалю, что в Париж прибыл полицейский сыщик по имени Штибер и что он, Шмидт, не только узнал его квартиру, но и слышал от гарсона кафе, расположенного напротив, что Штибер вел переговоры о том, чтобы арестовать его, Шмидта. Шерваль именно тот человек, сказал он, который может заставить жалкого прусского полицейского помнить о себе. «Он будет брошен в Сену», — ответил Шерваль. Оба условились на следующий день проникнуть в квартиру Штибера, под каким-нибудь предлогом констатировать его присутствие и установить его приметы. На следующий вечер оба наши героя действительно предприняли эту экспедицию. По дороге Шмидт заметил, что будет лучше, если Шерваль один войдет в дом, он же останется на страже перед домом. «Ты спросишь у швейцара, дома ли Штибер, — продолжал он, — и скажешь Штиберу, когда он впустит тебя, что ты хотел бы видеть господина Шперлинга и спросить его, привез ли он ожидаемый из

Кельна вексель. Кстати, вот еще что: твоя белая шляпа бросается в глаза, она имеет слишком демократический вид. Так вот, надень мою черную!» Они обменялись шляпами. Шмидт остался караулить, Шерваль же позвонил и очутился в квартире Штибера. Швейцар сказал, что Штибера нет дома, и Шерваль хотел уже уйти, но сверху послышался женский голос: «Да, Штибер дома». Шерваль пошел по тому направлению, откуда послышался голос, и очутился перед субъектом в зеленых очках, который назвал себя Штибером. Шерваль произносит условленную фразу насчет Шперлинга и векселя. «Так нельзя, — живо перебивает его Штибер, — вы приходите в дом, спрашиваете меня, вам указывают квартиру, вы поднимаетесь и затем хотите уходить и т. д. Это кажется мне в высшей степени подозрительным». Шерваль отвечает грубо, Штибер звонит, и моментально появляются несколько молодцов, которые окружают Шерваля; Штибер хватается за карман его сюртука, из которого торчало письмо. Это была не инструкция Шерваля Гипериху, а письмо Гипериха к Шервалю. Шерваль пытается съесть письмо, но Штибер лезет к нему в рот. Шерваль кусается, толкается, наносит удары. Штибер хочет спасти одну половину, его дражайшая половина другую половину письма и за свое служебное усердие получает поранение. На шум, вызванный этой сценой, сбегаются жильцы из разных квартир. Тем временем один из штиберовских молодцов бросил через перила лестницы золотые часы, и в то время как Шерваль кричит: «mouchard!» (шпион), Штибер и компания кричат: «au voleur!» (держи вора!). Швейцар приносит золотые часы, и крик: «au voleur!» становится всеобщим. Шерваля арестуют, и у дверей он застает не своего друга Шмидта, а 4—5 солдат, которые схватывают его.

Перед этими фактами исчезают все чудеса, в которых клялся Штибер. Его агент Флёри действовал больше трех недель; он не только раскрыл все нити заговора, но и содействовал его составлению. Штиберу оставалось только приехать из Берлина и воскликнуть: veni, vidi, vici! Он может преподнести в подарок Карлье готовый заговор. Карлье нужна только «готовность» принять решительные меры. Госпоже Штибер незачем 3-го подвергаться укусам со стороны Шерваля, потому что господин Штибер 4-го залезает ему в рот. Адресу Гипериха и настоящей инструкции незачем было вылезать целыми из пасти «опасного Шерваля», после того как они наполовину были съедены, подобно Ионе, вылезшему из чрева кита. Единственное, что остается удивительным, это—вера в чудеса, проявленная присяжными, которым Штибер осмелился с серьезным видом

рассказывать свои сказки. Настоящие ограниченные умы рабов!

«Шерваль, — клянется Штибер (заседание от 18 октября), — убедившись, что я все знаю, когда я, к величайшему его изумлению, представил ему в тюрьме подлинные его сообщения, которые он посылал в Лондон, чистосердечно во всем сознался».

То, что̀ Штибер сперва предъявил Шервалю, ни в коем случае не было его подлинными сообщениями в Лондон. Их Штибер лишь впоследствии выписал из Берлина вместе с другими документами из архива Дитца. То, что он сперва предъявил ему, было только-что полученное Шервалем циркулярное письмо, подписанное Освальдом Дитцем, и несколько последних писем Виллиха. Каким образом попали они к Штиберу? В то время когда Шерваль кусался и дрался со Штибером и его супругой, бравый Шмидт-Флёри кинулся к мадам Шерваль, англичанке, — Флёри, как немецко-английский купец, говорит, конечно, по-английски, — и сказал ей, что ее муж арестован, что опасность велика; он предложил ей выдать ему бумаги Шерваля, которые могут еще больше скомпрометировать его, сказав ей, что Шерваль поручил ему передать их третьему лицу. В доказательство того, что он действительный посланец, он показал белую шляпу, которую он взял у Шерваля за ее слишком демократический вид. Флёри получил письма у госпожи Шерваль, а Штибер получил их от Флёри.

Во всяком случае теперь у него была более благоприятная операционная база, чем прежде в Лондоне. Бумаги Дитца он мог украсть, признания же Шерваля он мог выдумать. И вот он заставляет своего Шерваля следующим образом (заседание от 18 октября) «распространяться о связях с Германией»: «Он долгое время проживал в прирейнских областях и в 1848 г., в частности, был в Кельне. Там он познакомился с Марксом и был принят последним в Союз, который он затем усиленно пропагандировал в Париже, пользуясь найденными им там элементами».

В 1846 г. Шерваль был принят Шаппером, а по предложению Шаппера вошел в Союз в Лондоне, в то время как Маркс находился в Брюсселе и не был даже членом Союза. Шерваль, таким образом, не мог быть принят Марксом в 1848 г. в тот же самый союз в Кельне.

Когда вспыхнула мартовская революция, Шерваль поехал на несколько недель в прирейнскую Пруссию, но оттуда вернулся обратно в Лондон, где он проживал безвыездно от конца весны 1848 г. до лета 1850 г. Он, следовательно, не мог в то же самое время «усиленно пропагандировать Союз в Париже»; или, может быть, Штибер, совершающий хронологические чудеса, также в со-

стоянии совершать и *пространственные* чудеса и даже наделять третьих лиц свойствами вездесущности.

Маркс только после своего изгнания из Парижа, в сентябре 1849 г., когда он вступил в Лондоне в Рабочий союз на Great Windmill Street, среди сотни других рабочих познакомился также с Шервалем. Он не мог, следовательно, познакомиться с ним в 1848 г. в Кельне.

Шерваль первоначально по всем пунктам сказал Штиберу правду. Штибер старался принудить его давать ложные показания. Достиг ли он своей цели? За это говорят только собственные показания Штибера, что составляет, следовательно, минус. Штиберу, конечно, было выгодно поставить Шерваля в вымышленную связь с Марксом, чтобы, таким образом, искусственно связать кельнских обвиняемых с парижским заговором.

Как только Штибер почувствовал себя вынужденным вдаваться en détail (в подробности) относительно связей и корреспонденции Шерваля и компании с Германией, он остерегается даже упомянуть о Кельне, но зато он самодовольно распространяется о Гекке в Брауншвейге, Лаубе в Берлине, Рейнингере в Майнце, Титце в Гамбурге и т. д., и т. д., — одним словом, о партии Виллих-Шаппера. Эта партия, говорит Штибер, «имела в своих руках архив Союза». Посредством некоторого перемещения он из их рук перешел в его руки. В этом архиве он не нашел *ни одной* строчки, которую Шерваль направил бы *до раскола* лондонского центрального комитета, до 15 сентября 1850 г., в Лондон или лично Марксу.

Через Шмидта-Флёри он обманным образом получил от госпожи Шерваль бумаги ее мужа. Но он опять-таки не нашел ни строчки, которую Шерваль получил бы от Маркса. Чтобы помочь этому горю, Штибер диктует Шервалю, что «у него с Марксом были натянутые отношения, потому что последний, несмотря на то что центральный комитет находился в Кельне, требовал *еще*, чтобы корреспонденция велась с ним». Если Штибер не нашел переписки между Марксом и Шервалем *ранее* 15 сентября 1850 г., то это происходит оттого, что *после* 15 сентября 1850 г. Шерваль прервал всякую корреспонденцию с Марксом. Pends toi, Figaro, tu n'aurais pas inventé cela! (Повесься, Фигаро, ты бы этого не выдумал!)

Акты против обвиняемых, которые прусское правительство набрало за время полуторагодичного следствия отчасти через самого Штибера, отвергали всякую связь подсудимых с парижской общиной и с немецко-французским заговором.

Обращение лондонского центрального комитета от июня 1850 г.

показало, что парижская община была распущена до раскола центрального комитета. Шесть из имеющихся в архиве Дитца писем доказывали, что после перенесения центрального комитета в Кельн парижские общины были вновь организованы эмиссаром партии Виллих-Шаппера, А. Майером. Находящиеся в том же архиве письма руководящей группы в Париже доказывали, что он находился во враждебных отношениях с кельнским центральным комитетом. Наконец, французский обвинительный акт доказывал, что все, что инкриминировалось Шервалю и товарищам, произошло только в 1851 г. Зедт (заседание 8 ноября) видит себя вынужденным сделать довольно рискованное предположение, что, несмотря на разоблачения Штибера, все же возможно, что партия Маркса когда-нибудь, каким-нибудь образом была замешана в каком-нибудь заговоре в Париже, но что ни об этом заговоре, ни об этом времени ничего не известно, кроме именно того, что Зедт, по поручению начальника, считает это возможным. Можно судить о тупоумии немецкой прессы, которая рассказывает сказки о глубокомыслии Зедта!

De longue main (давно) прусская полиция пыталась изобразить публике Маркса, а через Маркса — кельнских обвиняемых, замешанными в немецко-французском заговоре. Во время разбора дела Шерваля полицейский шпион Бекман послал в «Кельнскую газету» от 25 февраля 1852 г. следующую заметку из Парижа: «Несколько обвиняемых бежали, среди них некий А. Майер, являющийся агентом *Маркса и компании*». «Кельнская газета» после этого поместила заявление Маркса, что «А. Майер — один из самых близких друзей господина Шаппера и бывшего прусского лейтенанта Виллиха и что он, Маркс, очень далек от него». Теперь сам Штибер заявляет в своем показании 18 октября 1852 г.: «Исключенные 15 сентября 1850 г. в Лондоне члены центрального комитета марксовой партии послали А. Майера во Францию и т. д., и т. д.», и он даже сообщает переписку А. Майера с Шаппер-Виллихом.

Член партии Маркса, *Конрад Шрамм*, был в сентябре месяце 1851 г. арестован в кафе вместе с 50—60 другими присутствовавшими там посетителями в связи с преследованием иностранцев в Париже; его продержали под арестом почти два месяца по обвинению в участии в заговоре, руководимом ирландцем Шервалем. 16 октября в бюро полицейской префектуры его посетил один немец, который повел с ним следующий разговор: «Я—прусский правительственный чиновник. Вы знаете, что во всех частях Германии, особенно в Кельне, произведены были многочисленные аресты вследствие раскрытия коммунистического общества. Одного упоминания имени в

письме достаточно, чтобы вызвать арест соответствующего лица. Правительство до известной степени находится в затруднительном положении, благодаря массе арестованных, относительно которых оно не знает, имеют ли они что-нибудь общее с этим делом или нет. *Нам известно, что вы не принимали участия* в complot franco-allemand (франко-немецком заговоре), *что, напротив, вы хорошо знакомы с Марксом и Энгельсом и, без сомнения, осведомлены о всех деталях немецкого коммунистического объединения.* Вы чрезвычайно обязали бы нас, если бы могли дать нам необходимые сведения об этом и захотели подробно указать тех лиц, которые виновны или невиновны. Этим вы могли бы содействовать освобождению большого числа людей. Если вы хотите, то мы можем составить акт по поводу вашего заявления. Вам нечего опасаться такого заявления» и т. д. Шрамм, конечно, указал на дверь этому кроткому прусскому правительственному чиновнику и выразил протест французскому министерству против подобных посещений. В конце октября он был выслан из Франции.

О том, что Шрамм принадлежал к партии Маркса, прусская полиция знала из найденного у Дитца заявления о выходе из общества. Что партия Маркса не находилась ни в какой связи с заговором Шерваля, прусская полиция сама признала в разговоре со Шраммом. Если бы и можно было указать на связь партии Маркса с заговором Шерваля, то она не могла иметь место в Кельне, это могло быть только в Париже, где одновременно с Шервалем сидел в тюрьме член этой партии. Но прусское правительство больше всего боялось очной ставки между Шервалем и Шраммом, так как она уничтожила бы все результаты, которые давал ему парижский процесс. При освобождении Шрамма французский следователь вынес решение, что кельнский процесс не находится ни в какой связи с парижским заговором.

Но Штибер делает последнюю попытку: «Что касается вышеупомянутого главаря французских коммунистов, Шерваля, то долгое время безуспешно старались разузнать, кто, собственно, такой этот Шерваль. Наконец из конфиденциального заявления, сделанного самим Марксом полицейскому агенту, выяснилось, что это — человек, который в 1845 г. бежал из аахенской тюрьмы, где он содержался за подделку векселей и которого Маркс в 1848 г. во время тогдашних беспорядков принял в Союз, эмиссаром которого он поехал в Париж».

Так же как Маркс не мог сообщить spiritus familiaris полицейскому агенту Штибера, что он в 1848 г. принял Шерваля в Союз в

Кельне, в который Шаппер принял его уже в 1846 г. в Лондоне, так же как он не мог заставить его жить в Лондоне и в то же самое время вести пропаганду в Париже, точно так же он не мог сообщить alter ego Штибера, полицейскому агенту, как таковому, что Шерваль в 1845 г. сидел в Аахене в тюрьме за подделку векселей еще до показания Штибера, так как он узнал об этом именно из показания Штибера. Подобного рода hysteron proteron (перестановки) позволительны разве какому-нибудь Штиберу. Античный мир оставил после себя *умирающего гладиатора*, прусское государство оставляет своего *клянущегося Штибера*.[1]

Итак, долго, очень долго напрасно пытались узнать, кто собственно такой Шерваль. Вечером 2 сентября Штибер прибыл в Париж. Вечером 4-го Шерваль был арестован, вечером 5-го он был приведен из своей камеры в тускло освещенный зал. Штибер был там, но рядом со Штибером находился еще французский полицейский чиновник, эльзасец, говорящий на ломаном немецком языке, но прекрасно его понимающий, обладающий полицейской памятью; самоуверенный и подобострастный берлинский советник полиции показался ему не особенно приятным товарищем. Итак, в присутствии этого французского чиновника произошел следующий разговор: *Штибер* по-немецки: «Послушайте, господин Шерваль, мы прекрасно знаем, какую цену имеет ваша французская фамилия и ирландский паспорт. Мы вас знаем, вы уроженец прирейнской Пруссии, вас зовут К., и от вас зависит избавить себя от последствий, и именно тем, что вы дадите нам совершенно откровенные показания» и т. д. Шерваль ответил отрицательно. *Штибер*: «Такие-то и такие-то лица, которые подделывали векселя и бежали из прусских тюрем, французскими властями были выданы Пруссии, и поэтому я еще раз повторяю вам, подумайте, здесь дело идет о 12 годах одиночного заключения». *Французский полицейский чиновник:* «Мы дадим этому человеку время, пусть он подумает в своей камере». Шерваля отвели обратно в его камеру.

Штибер, конечно, должен был действовать осторожно, он не мог рассказывать публике, что он пытался вынудить у Шерваля ложные признания, пугая его призраком выдачи и двенадцатилетнего одиночного заключения.

Однако Штибер все еще не знал, кто, собственно, был Шерваль. Перед присяжными он все еще называет его Шервалем, а не К. Более того. Он уже не знает, где, собственно, находится Шерваль. В за-

[1] [Непереводимая игра слов: по-немецки Stieber значит также — ищейка, сыщик.]

седании 23 октября, он все же предполагает, что тот находится в Париже. В заседании 27 октября прижатый к стене вопросом адвоката Шнейдера II: «не находится ли неоднократно упоминавшийся Шерваль в настоящее время в Лондоне?», Штибер ответил, что не может дать по этому поводу никаких сведений, а может лишь передать слух, что Шерваль скрылся из Парижа.

Прусское правительство постигла его обычная судьба: оно было одурачено. Французское правительство разрешило ему таскать из огня жареные каштаны немецко-французского заговора, но ему не разрешили их есть. Шерваль сумел приобрести расположение французского правительства, и оно дало ему возможность, через несколько дней по окончании заседаний парижского суда присяжных, вместе с Гипперихом бежать в Лондон. Прусское правительство думало, что в лице Шерваля оно приобрело себе орудие для кельнского процесса, но оно только завербовало лишнего агента для французского правительства.

За день до мнимого бегства Шерваля к нему явился прусский faquin (проходимец) в черном фраке, манжетах, с черными усами, с коротко остриженными редкими светлыми волосами, — одним словом, красивый парень, который потом назван был ему полицейским лейтенантом Грейфом и сам затем представлялся как Грейф. Доступ к нему Грейф получил по пропуску, полученному им непосредственно от министра полиции в обход префекта полиции. Министру полиции улыбалась мысль провести дорогих пруссаков.

Грейф: «Я — прусский чиновник, присланный сюда, чтобы вступить с вами в переговоры, вы никогда не выйдете отсюда без нас. Я делаю вам предложение. Потребуйте в заявлении на имя французского правительства, чтобы вас выдали Пруссии; согласие на это нам заранее обещано. Вы нам там нужны в качестве свидетеля для кельнского процесса. Когда вы исполните свой долг и дело будет кончено, мы под честное слово освободим вас».

Шерваль: «Я и без вас выйду».

Грейф с уверенностью: «Это невозможно!»

Грейф вызвал также Гипериха и предложил ему поехать на пять дней в Ганновер в качестве коммунистического эмиссара. И это предложение также не имело успеха. На следующий день Шерваль и Гипперих бежали. Французские власти ухмылялись, депеша об этом происшествии была отправлена в Берлин, но Штибер еще 23 октября показывал, что Шерваль сидит в Париже; даже 27 октября он не мог дать определенных сведений и только по слухам знал, что Шерваль исчез из «Парижа». Между тем полицейский лейтенант Грейф

во время кельнского процесса три раза посетил Шерваля, между прочим чтобы получить у него адрес Нетте в Париже, у которого хотели купить свидетельское показание против кельнцев. Но это дело не выгорело.

У Штибера были свои основания держать втайне свои отношения с Шервалем. Поэтому К. все еще остается Шервалем, пруссак остался ирландцем, и Штибер и посейчас еще не знает, где Шерваль и кто, собственно, такой Шерваль.[1]

В переписке Шерваля с Гипперихом тройка Зеккендорф-Зедт-Штибер приобрела наконец то, что ей было нужно:

Живодера Карла Мора
Образцом себе я взял.

Чтобы вдолбить тупоголовым присяжным, представлявшим 300 самых крупных плательщиков налогов, письмо Шерваля к Гипперихе, его удостоили чести быть прочитанным три раза. За этой невинной цыганской болтовней, всякий знающий человек узнал бы того шута, который старается казаться очень страшным самому себе и другим.

Далее, Шерваль вместе с товарищами разделял общие надежды демократии на чудодейственное влияние 1 мая 1852 г.; они решили 2 мая принять участие в революционной игре. Шмидт-Флёри постарался придать этой idée fixe форму плана. Таким образом, Шерваль и К° попали в юридическую категорию заговора. Они являлись доказательством, что заговор кельнских обвиняемых не был составлен против прусского правительства, но во всяком случае был составлен партией Шерваля против Франции.

---

[1] Даже в Черной книге Штибер еще не знает, кто, собственно, такой Шерваль Во второй части на стр. 38 под № 111 под фамилией Шерваль сказано: «См. Кремер», а под № 116 Кремер: «согласно № 111, развил под фамилией Шерваль очень большую деятельность в интересах Союза коммунистов. У него была также союзная кличка Франк. Под именем Шерваля был приговорен парижским судом присяжных в феврале 1853 г. (следовало бы сказать 1852 г.) к 8 годам тюрьмы, но вскоре бежал и отправился в Лондон». Таким неосведомленным оказался Штибер во второй части, в которой зарегистрированы в алфавитном порядке и под номерами подозрительные лица. Он уже забыл, что в первой части на стр. 81 у него вырвалось следующее признание: «Шерваль, сын рейнского чиновника Иосифа Кремера, который(кто же? отец или сын?) использовал свое ремесло литографа для подделки векселей и был арестован за это, но в 1844 г. бежал из кельнской тюрьмы (наверное, из аахенской!) сначала в Англию, а впоследствии в Париж». Сравните это с приведенными выше показаниями Штибера присяжным. Полиция абсолютно не может говорить правду.

Прусское правительство пыталось сфабриковать при посредстве Шмидта-Флёри мнимую связь между парижским заговором и кельнскими обвиняемыми, и Штибер должен был под присягой подтвердить эту связь. Штибер-Грейф-Флёри — эта троица играет главную роль в заговоре Шерваля. Потом мы опять увидим ее за работой.

Мы резюмируем:

А. — республиканец, Б. также называет себя республиканцем. А. и Б. находятся во враждебных отношениях. Б. по поручению полиции строит адскую машину. После этого А. привлекается к суду. Если адскую машину строил не А., а Б. то вина заключается в том, что А. и Б. находятся во враждебных отношениях. Чтобы уличить А., — Б. вызывается свидетелем против него. Таков был конец заговора Шерваля.

Легко понять, что эта логика публично провалилась. «Фактические» разоблачения Штибера расплылись в зловонной атмосфере, в силе осталась жалоба Обвинительного сената на то, что «нет никаких объективных данных». Потребовались новые полицейские чудеса.

IV. Подлинная книга протоколов.

В заседании 23 октября председатель заявил, что «советник полиции Штибер сказал ему, что имеет дать еще новые важные показания», и с этой целью он опять вызывает этого свидетеля. Штибер выскакивает и устраивает mise en scène.

До сих пор Штибер характеризовал деятельность партии Виллих-Шаппера, или, короче, партии Шерваля, ее деятельность до и после ареста кельнских обвиняемых. О деятельности самих обвиняемых ни *до* их ареста, ни *после* него Штибер ничего не говорил. Заговор Шерваля произошел *после* ареста данных обвиняемых, и Штибер теперь заявляет: «В своих прежних показаниях я до сих пор характеризовал положение дел в Союзе коммунистов и деятельность его членов только *до ареста* данных обвиняемых». Он, таким образом, признает, что заговор Шерваля не имеет никакого отношения «к положению дел Союза коммунистов и к деятельности его членов». Он признает полную ничтожность всех прежних своих показаний. Он настолько доволен своими показаниями 18 октября, что он считает излишним продолжать отожествлять Шерваля с партией Маркса. «Прежде всего, — говорит он, — существует еще фракция Виллиха, из которой до сих пор схвачен только Шерваль в Париже и т. д.». Ага! Значит, главарь Шерваль является вождем виллиховской фракции.

Но Штибер сейчас собирается сделать *самые важные* сообщения, не только *самые новые*, но и *самые важные*. Самые новые и самые важные! Но эти важнейшие сообщения потеряли бы свое значение, если бы не было подчеркнуто ничтожное значение прежних показаний. До сих пор, собственно, я ничего не сообщил, говорит Штибер, и только теперь я начинаю. Обратите внимание! До сих пор я делал сообщения о враждебной обвиняемым партии Шерваля, что, собственно говоря, сюда не относится. Теперь я буду говорить о партии Маркса, о *которой только и идет речь в этом процессе*. Так просто Штибер не решался говорить. И поэтому он говорит: «До сих пор я характеризовал Союз коммунистов *до* ареста обвиняемых, теперь я охарактеризую его *после* ареста обвиняемых». С совершенно своеобразной виртуозностью он сумел даже чисто реторической фразе придать характер ложного показания под присягой.

После ареста кельнских обвиняемых Маркс образовал новый центральный комитет. «Это явствует из показания полицейского агента, которого покойный директор полиции Шульц сумел ввести инкогнито в лондонский Союз и устроить его в непосредственной близости к Марксу». Этот новый центральный комитет вел книгу протоколов, и эта *«подлинная книга протоколов»* теперь попала в руки Штибера. Подлинная книга протоколов подтверждает ужасные происки в Рейнских провинциях, в Кельне, даже в самой зале суда. В ней содержится доказательство продолжающейся переписки обвиняемых из тюрьмы с Марксом. Одним словом: архив Дитца был Ветхим заветом, подлинная же книга протоколов есть Новый завет. Ветхий завет был упакован в прочную клеенку, Новый же завет переплетен в ярко красный сафьян. Красный сафьян является во всяком случае demonstratio ad oculos (очевидным доказательством), но мир в настоящее время является еще менее верующим, чем во времена Фомы; он не верит даже тому, что̀ он видит. Кто теперь верит еще заветам, Ветхому или Новому, с тех пор как открыта религия мормонов? Но и это предусмотрел Штибер, который не совсем чужд мормонской религии.

«Мне, конечно, могут возразить, — говорит мормон Штибер, — что все это только традиции презренных полицейских агентов, но,— клянется Штибер, — у меня имеются положительные доказательства правдивости и достоверности сделанных ими сообщений».

Поймите только. Доказательства правдивости и доказательства достоверности! да еще положительные доказательства! *Положительные* доказательства! А какие это доказательства?

Штибер давно знал, что между Марксом и сидящими в арестном

доме обвиняемыми ведется тайная переписка, но он не мог выследить переписку. «Но в *прошлое воскресенье* ко мне явился экстренный *курьер из Лондона*, сообщивший мне, что, наконец, удалось узнать тайный адрес, по которому велась эта переписка; это адрес здешнего купца Д. Котеса на Старом рынке. Этот же курьер привез мне также подлинную книгу протоколов лондонского центрального комитета, которую удалось получить за деньги у одного из членов Союза». Теперь Штибер завязывает сношения с директором полиции Гейгером и с дирекцией почты. «Были приняты необходимые меры предосторожности, и уже *через два дня* вечерняя почта доставила из Лондона письмо, адресованное Котесу. *По настоянию обер-прокурора* письмо было конфисковано и распечатано. В нем была найдена инструкция адвокату Шнейдеру II на 7 страницах, писанная рукою Маркса. Там же находилось указание, как вести защиту... На оборотной стороне письма находилось большое латинское *B*. С письма снята была копия, часть письма, которую легко было отделить, была оставлена вместе с *подлинным конвертом*. Затем оно было запечатано в новый конверт и передано полицейскому чиновнику по иностранным делам, которому дано было поручение явиться к Котесу и отрекомендоваться ему эмиссаром Маркса» и т. д. Затем Штибер описывает мерзкую полицейско-лакейскую комедию о том, как полицейский чиновник по иностранным делам разыгрывал роль эмиссара Маркса и т. д. 18 октября Котес был арестован и через 24 часа заявил, что буква *B* на внутреннем конверте письма означала Бермбах. 19 октября был арестован Бермбах, и у него произведен был обыск. 21 октября Котес и Бермбах опять были освобождены.

Штибер дал это показание в субботу 23 октября. «В *прошлое воскресенье*, следовательно в воскресенье 17 октября, приехал экстренный курьер с адресом Котеса и с подлинной книгой протоколов; через два дня после курьера, т. е. 19 октября, получилось письмо, адресованное Котесу. Но Котес был арестован уже 18 октября по поводу письма, которое передал ему полицейский чиновник по иностранным делам 17 октября. Письмо к Котесу получилось, таким образом, на два дня раньше курьера с адресом Котеса, или же Котес был арестован 18 октября за письмо, которое он получил только 19 октября. Не является ли это хронологическим чудом?

Позднее, запуганный адвокатурой, Штибер заявляет, что курьер с адресом Котеса и подлинной книгой протоколов прибыл 10 октября. Почему именно 10 октября? Потому, что 10 октября также приходится в воскресенье и 23 октября уже точно так же было «прошлым»

воскресеньем, что поэтому можно было сохранить первоначальную редакцию относительно прошлого воскресенья и с этой стороны можно было замаскировать лжесвидетельство. Но в таком случае письмо получилось не через два дня, а через неделю после курьера. Тогда ложное показание относится к письму, а не к курьеру. Со штиберовскими присягами происходит то же самое, что с лютеровским крестьянином. Если ему помогают взобраться на лошадь с одной стороны, то он падает с нее с другой стороны.

Наконец, в заседании 3 ноября полицейский лейтенант Гольдгейм из Берлина заявляет, что полицейский лейтенант Грейф из Лондона передал Штиберу книгу протоколов, в его и директора полиции Вермута присутствии, 11 октября, следовательно уже в понедельник. Таким образом Гольдгейм обвиняет Штибера в двойной ложной присяге.

Маркс сдал на почту письмо к Котесу, как видно по почтовому штемпелю на конверте, в четверг 14 октября. Письмо должно было, таким образом, получиться в пятницу вечером, 15 октября. Курьер, который за два дня до получения письма привез подлинную книгу протоколов и адрес Котеса, должен был прибыть в среду 13 октября. Но он не мог прибыть ни 17 октября, ни 10-го, ни 11-го.

Грейф в качестве курьера привез во всяком случае Штиберу из Лондона подлинную книгу протоколов. Что это была за книга, Штибер знал так же хорошо, как и его соратник Грейф. Поэтому он медлил представить ее суду, так как здесь речь шла уже не о показаниях за тюремными решетками Мазаса. Но тут получилось письмо Маркса. Это было очень на-руку Штиберу. Котес только адресат, так как самое письмо написано не Котесу, а латинскому «*B*», находящемуся на оборотной стороне внутреннего запечатанного конверта. «Котес» фактически только адрес. Но предположим, что это *конспиративный* адрес. Предположим далее, что это тот конспиративный адрес, по которому Маркс переписывался с кельнскими обвиняемыми. Допустим, наконец, что наши лондонские агенты послали через того же самого курьера в одно и то же время и подлинную книгу протоколов, и этот конспиративный адрес, но что письмо получилось через два дня после приезда курьера с адресом и книгой протоколов. Мы, таким образом, одним ударом убиваем двух зайцев. Во-первых, мы доказываем существование тайной переписки с Марксом, во-вторых, мы доказываем подлинность книги протоколов. Неподложность подлинной книги протоколов доказывается правильностью адреса, точность адреса доказывается письмом. Надежность и правдивость наших агентов доказывается адресом и

письмом, неподложность подлинной книги протоколов доказывается надежностью и правдивостью наших агентов. Quod erat demonstrandum (что и требовалось доказать). Затем следует веселая комедия с полицейским чиновником по иностранным делам; затем таинственные аресты,—публика, присяжные и сами подсудимые будут как громом поражены.

Но почему же Штибер не заставил своего *экстренного* курьера прибыть 13 октября, что было бы очень легко? Потому что иначе он не был бы экстренным, потому что хронология, как мы видели, была его слабым местом, а обыкновенный календарь ниже достоинства прусского советника полиции. Притом же он сохранил подлинный конверт письма; кто же, таким образом, мог бы разобраться в деле?

Но в своем показании Штибер, однако, заранее скомпрометировал себя тем, что умолчал об одном факте. Если его агенты знали адрес Котеса, то они знали также и того человека, который скрывался за таинственным *B*. на оборотной стороне внутреннего письма. Штибер был так мало посвящен в тайны латинского *B*., что он 17 октября велел обыскать в тюрьме Беккера, чтобы найти у него письмо Маркса. Только из показания Котеса он узнал, что *B*. обозначало Бермбаха.

Но каким образом попало письмо Маркса в руки прусского правительства? Очень просто. Прусское правительство регулярно вскрывает доверенные его почте письма, и во время кельнского процесса оно делало это с особенной настойчивостью. Аахен и Франкфурт-на-Майне многое могут об этом рассказать. И совершенно случайно одно письмо может ускользнуть, а другое попасть в их руки.

Вместе с подлинным специальным курьером отпала также подлинная книга протоколов. Но Штибер, конечно, об этом еще не подозревал в заседании 23 октября, когда он торжествующе рассказал содержание Нового завета, красной книги. Ближайшим результатом его показаний был вторичный арест Бермбаха, который в качестве свидетеля присутствовал на судебных заседаниях.

Но почему был вторично арестован Бермбах? Из-за найденных у него документов? Нет, потому что после произведенного у него обыска он опять был освобожден. Он был арестован через 24 часа после ареста Котеса. Если бы, следовательно, у него были компрометирующие его документы, то они, наверное, исчезли бы. Почему же был арестован свидетель Бермбах, между тем как свидетели Генце, Гетцель, Штейнгенс, которые, как было констатировано, либо знали о Союзе, либо принимали в нем участие, спокойно сидели на скамье свидетелей?

Бермбах получил письмо от Маркса, содержавшее только критику обвинения и ничего больше. Штибер признал этот факт, так как письмо лежало перед присяжными. Он только следующим образом изложил этот факт в своей полицейски-гиперболической форме: «Сам Маркс оказывает из Лондона постоянное влияние на настоящий процесс». И присяжные спрашивали себя самих, как Гизо спрашивал своих избирателей: «Est-ce que vous vous sentez corrompus?» (Признаете ли вы себя подкупленными?) Итак, почему же был арестован Бермбах? Прусское правительство с самого начала следствия *принципиально и систематически* старалось лишить подсудимых средств защиты. Адвокатам, в прямом противоречии с законом, запрещены были сношения с подсудимыми даже после вручения им обвинительного акта, как они заявили об этом в публичном заседании. Штибер, по собственному признанию, уже с 5 августа 1851 г. обладал архивом Дитца. Архив Дитца не был присоединен к обвинительному акту. Только 18 октября 1852 г. в публичном заседании он был оглашен, и притом он был оглашен лишь в той форме, в какой это заблагорассудилось Штиберу. Присяжные, обвиняемые, публика были застигнуты врасплох, обмануты, адвокаты были безоружны перед полицейским сюрпризом.

И особенно после предъявления подлинной книги протоколов! Прусское правительство страшно боялось разоблачений. А Бермбах получил от Маркса защитительный материал. Можно было предвидеть, что он получит разъяснения относительно книги протоколов. Его арестом было прокламировано новое преступление, переписка с Марксом, и преступление это каралось тюремным заключением. Это должно было удержать всякого прусского гражданина от предоставления своего адреса. A bon entendeur — demi-mot (понимающему достаточно полуслова). Бермбах был *заключен* только для того, чтобы исключить материалы защиты. И Бермбах просидел пять недель. Если бы его освободили тотчас же по окончании процесса, то прусские суды открыто заявили бы о своем безвольном рабском подчинении прусской полиции. Бермбах сидел ad majorem gloriam (для вящшей славы) прусских судей.

Штибер клянется, что «Маркс после ареста кельнских подсудимых собрал обломки своей партии в Лондоне и составил новый центральный комитет приблизительно из восемнадцати человек» и т. д.

Эти обломки никогда не разваливались, а, наоборот, были настолько связаны, что с сентября 1850 года они постоянно соста-

Enthüllungen

über den

Kommunisten-Prozeß

zu

Köln.

1853.

Титульный лист «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов». (Бостонское издание.)

вляли private society. Одним приказом Штибер заставляет их исчезнуть, чтобы после ареста кельнских подсудимых другим приказом призвать их к жизни, и притом в виде нового центрального комитета.

В понедельник, 25 октября, «Кельнская газета» с отчетом о показании Штибера от 23 октября получилась в Лондоне.

Партия Маркса не составила нового центрального комитета и не вела протоколов своих собраний. Она тотчас же сообразила, что главным фабрикантом Нового завета является *Вильгельм Гирш из Гамбурга*.

В начале декабря 1851 г. Гирш появился в «Обществе Маркса» в качестве коммунистического эмигранта. Но письма из Гамбурга сообщили, что он шпион. Однако было решено некоторое время терпеть его в Обществе, иметь за ним наблюдение и добыть данные относительно его виновности или невиновности. На собрании от 15 января 1852 г. было зачитано письмо из Кельна одного друга Маркса, который сообщал о новом затягивании процесса и затруднительности свиданий с арестованными даже для родственников. По этому поводу упоминается жена доктора Даниэльса. Бросилось в глаза, что после этого заседания Гирша нигде не было видно. 2 февраля 1852 г. Маркс получил из Кельна сообщение о том, что у г-жи Даниэльс был произведен обыск по полицейскому доносу, будто письмо г-жи Даниэльс к Марксу было прочитано в лондонском коммунистическом обществе и что Марксу будто было поручено ответить г-же Даниэльс, что Маркс был занят реорганизацией Союза в Германии и т. д. Этот донос составляет буквальный текст первой страницы подлинной книги протоколов. Маркс тотчас же ответил, что так как г-жа Даниэльс никогда ему не писала, то он не мог читать ее письма к нему. Весь донос является выдумкой некоего Гирша, беспутного молодого человека, который за наличные деньги готов сочинить для прусской полиции сколько ей угодно небылиц.

Начиная с 15 января Гирш исчез из собраний: теперь он был окончательно исключен из Общества. Кроме того, решено было переменить помещение общества и день собраний. До сих пор собирались на Farringdon, Street, City, у J. W. Masters, Markethouse, по *четвергам*. Теперь день собраний был перенесен на *среду*, а помещение в Rose and Crown Tavern, Crown Street, Soho. Гирш, которого «директор полиции сумел инкогнито поставить в непосредственную близость с Марксом», несмотря на эту «близость» в продолжение восьми месяцев не знал ни помещения Общества, ни дня собраний. Он и после февраля, как и до этого времени, продолжал фабриковать

свою *«подлинную книгу протоколов»* по четвергам и помечать четвергами. Просматривая «Кельнскую газету», мы находим: протокол 15 января (четверг), то же 29 января (четверг), 4 марта (четверг), и 13 мая (четверг), и 20 мая (четверг), и 22 июля (четверг), и 23 сентября (четверг), и 30 сентября (четверг).

Хозяин Rose and Crown Tavern показал магистрату Marlborough Street, что «Общество д-ра Маркса» с февраля 1852 г. собирается у него каждую среду. Либкнехт и Рингс, названные Гиршем секретарями его подлинной книги протоколов, засвидетельствовали свои подписи в том же самом магистрате. Наконец, были добыты протоколы, которые Гирш вел в рабочем союзе Штехана, так что можно было сравнить его почерк с почерком подлинной книги протоколов.

Таким образом была доказана подложность подлинной книги протоколов, без всякой необходимости вдаваться в критику ее содержания, которое уничтожает себя своими собственными противоречиями.

Вся трудность заключалась в доставке документов адвокатам. Прусская почта была лишь аванпостом, расставленным от границ прусского государства до Кельна, чтобы отрезать защитников от подвоза оружия.

Пришлось прибегнуть к обходным путям, и первые документы, высланные 25 октября, могли получиться в Кельне только 30 октября.

Поэтому адвокатам пришлось сперва ограничиваться только тем скудным защитительным материалом, который они могли найти в Кельне. Первый удар был нанесен Штиберу с той стороны, с которой он его совершенно не ожидал. Юстиции советник Мюллер, отец жены доктора Даниэльса, уважаемый юрист, известный своим консервативным направлением гражданин, заявил в «Кельнской газете» от 26 октября, что его дочь никогда не состояла в переписке с Марксом и что подлинная книга Штибера представляет «мистификацию». Отправленное 3 февраля 1852 г. в Кельн письмо, в котором Маркс называет Гирша шпионом и фабрикантом ложных полицейских сведений, было случайно найдено и доставлено защитникам. В заявлении партии Маркса о своем выходе из Союза на Great Windmill, находившемся в архиве Дитца, оказался подлинный почерк В. Либкнехта. Наконец адвокат Шнейдер II получил от секретаря кельнского попечительства о бедных Бирнбаума подлинные письма Либкнехта и от частного секретаря Шмица—подлинные письма Рингса. В секретариате суда адвокаты сравнили книгу протоколов отчасти

с почерком Либкнехта в заявлении о его выходе, отчасти с письмами Рингса и Либкнехта.

Штибер, обеспокоенный уже заявлением советника юстиции Мюллера, получил также сведения о той беде, которую предвещало расследование документов. Чтобы предотвратить этот грозный удар, он опять выступает в заседании 27 октября и заявляет: ему казалось очень подозрительным, что встречающаяся в книге подпись Либкнехта сильно отличается от другой его подписи, находящейся в документах. Он поэтому стал наводить более подробные справки и узнал, что лицо, подписавшее данные протоколы, это — *Г.* Либкнехт, между тем как перед фамилией Либкнехта в документах стоит буква В. Штибер уклонился от ответа на вопрос адвоката Шнейдера II о том, кто сказал ему о существовании также *Г.* Либкнехта. Тогда Шнейдер II спрашивает его о личностях Рингса и Ульмера, которые в книге протоколов фигурируют в качестве секретарей рядом с Либкнехтом. Штибер чувствует здесь новую ловушку. Три раза он делает вид, что не слышит вопроса, старается скрыть свое замешательство и собраться с духом, три раза повторяя, как он получил книгу протоколов. Наконец, он, запинаясь, говорит, что Рингс и Ульмер, вероятно, не настоящие имена, а лишь *«союзные клички»*. Постоянно повторяющееся в книге протоколов указание на госпожу Даниэльс, как корреспондентку Маркса, Штибер объясняет тем, что, может быть, нужно *читать* супругу д-ра Даниэльса, а *подразумевать* под этим нотариального кандидата Бермбаха. Адвокат Ф. Гонтгейм спрашивает его о Гирше. Штибер клянется, «что *не знает* также и этого Гирша. Но что это не прусский агент, как говорят о нем, следует из того, что со стороны Пруссии за этим самым Гиршем было установлено наблюдение». По знаку Штибера Гольдгейм бормочет, «что в октябре 1851 г. он был послан в Гамбург, чтобы изловить Гирша». Мы увидим, как этот самый Гольдгейм на следующий день был послан в Лондон, чтобы поймать того же самого Гирша. Итак, тот же самый Штибер, который утверждал, что купил за наличные деньги у эмигрантов архив Дитца и подлинную книгу протоколов, тот же самый Штибер теперь утверждает, что Гирш не может быть прусским агентом, потому что он эмигрант! Смотря по тому, как ему удобнее, он фигурирует эмигрантом, чтобы получить от Штибера либо гарантию абсолютной продажности, либо абсолютной неподкупности. Но разве Флёри, которого сам Штибер в заседании 3 ноября называет полицейским агентом, разве этот самый Флёри не является политическим эмигрантом?

После брешей, пробитых в его подлинной книге протоколов,

Штибер 27 октября с классическим бесстыдством заявляет, что «*более чем когда-либо твердо убежден в подлинности книги протоколов*».

В заседании 29 октября эксперт сравнивает переданные Бирнбаумом и Шмицем письма Либкнехта и Рингса с книгой протоколов и заявляет, что подписи в книге протоколов *поддельные*.

В обвинительной речи обер-прокурор Зеккендорф заявляет: «Приведенные в книге протоколов данные согласуются с добытыми из другого источника данными. Но министерство юстиции абсолютно не в состоянии доказать подлинность книги». Книга эта подлинная, но доказательства ее подлинности отсутствуют. Новый завет! Затем Зеккендорф продолжает: «Но защита сама доказала, что в книге содержится, во всяком случае, много верного, так как в ней содержатся сведения о деятельности упомянутого там Рингса, о которой до сих пор никто ничего не знал». Если до сих пор никто ничего не знал о деятельности Рингса, то книга протоколов не дает о ней сведений. Показания о деятельности Рингса, таким образом, не могли подтвердить *содержания* книги протоколов, а по отношению к ее форме они доказали, что подпись одного члена партии Маркса *на самом деле* не настоящая, а поддельная. Они, таким образом, доказали, по Зеккендорфу, что «в книге содержится по крайней мере много истинного»,— а именно *истинная подделка*. Обер-прокуратура (Зедт-Зеккендорф) и почтовое управление вместе со Штибером вскрыли письмо к Котесу. Они поэтому знали день прибытия письма, они знали, таким образом, что Штибер дал ложную присягу, когда он сперва отметил прибытие курьера 17-м, затем 10-м октября, получение же письма отметил сперва 19-м, а затем 12-м. Они были его сообщниками.

В заседании 27 октября Штибер напрасно пытался сохранить присутствие духа. Каждый день он боялся получения из Лондона обвинительных документов. Штибер плохо себя чувствовал, и воплощенное в нем государство также плохо себя чувствовало. Разоблачения перед обществом достигли опасных размеров. Поэтому полицейский лейтенант Гольдгейм был послан 28 октября в Лондон для спасения отечества. Что делал Гольдгейм в Лондоне? Он пытался при содействии Грейфа и Флёри побудить Гирша приехать в Кельн и под именем *Г*. Либкнехта подтвердить подлинность книги протоколов. Гиршу предложена была постоянная государственная пенсия, но у Гирша был такой же полицейский инстинкт, как и у Гольдгейма. Гирш знал, что он не прокурор, не полицейский лейтенант, не советник полиции и поэтому не имеет привилегии клятвопреступления. Гирш предчувствовал, что его принесут в жертву, если дело не

удастся. И Гирш не захотел быть козлом отпущения. Поэтому Гирш категорически отказался. Но за христианско-германским прусским правительством сохранилась слава, что оно старалось подкупить ложного свидетеля в уголовном процессе, где дело шло о головах его обвиняемых граждан.

Гольдгейм вернулся, таким образом, в Кельн, не выполнив своей задачи.

В заседании 3 ноября по окончании обвинительной речи, перед началом защиты, будучи прижат к стене, Штибер опять вмешивается:

«Он клянется, что производил дальнейшие расследования о книге протоколов. Он послал полицейского лейтенанта Гольдгейма из Кельна в Лондон и поручил ему произвести расследование. Гольдгейм уехал 28 октября, а вернулся 2 ноября. «Гольдгейм находится здесь». По знаку господина является Гольдгейм и клянется, что, «прибыв в Лондон, он прежде всего обратился к полицейскому лейтенанту Грейфу, который проводил его к агенту полиции Флёри в части города Кенсингтон, как к тому агенту, который передал книгу Грейфу. Флёри подтвердил это ему, свидетелю Гольдгейму, и утверждал, что он действительно получил ее от члена партии Маркса по имени *Г.* Либкнехт. Флёри определенно признал расписку *Г.* Либкнехта о получении денег за книгу. Свидетель не мог найти в Лондоне этого самого Либкнехта, потому что последний, по утверждению Флёри, боялся публично показываться. Он, свидетель, в Лондоне убедился, что, за исключением некоторых ошибок, содержание книги *совершенно точно*. Ему подтвердили это заслуживающие доверия агенты, присутствовавшие на заседаниях Маркса, но книга эта является не подлинной книгой протоколов, а лишь *книгой заметок* о том, что происходило на заседаниях у Маркса. Есть только два пути для объяснения не вполне еще установленного способа происхождения книги. Или, как определенно утверждает полицейский агент, она действительно получена от Либкнехта, который, чтобы скрыть свое предательство, избегал писать своей рукой, или же агент Флёри получил заметки к книге от двух других друзей Маркса, от эмигрантов Дронке и Имандта, и изложил эти заметки в форме подлинной книги протоколов, чтобы придать бóльшую цену своему товару. Агентом полиции Грейфом официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри...» Свидетель Гольдгейм уверяет, «что он в Лондоне убедился, что все, что раньше сообщалось о тайных заседаниях у Маркса, о связях между Лондоном и Кельном, о тайной переписке и т. д., вполне соответствует действительности. Для доказательства того, как хорошо прусские агенты полиции в

Лондоне и теперь еще осведомлены, свидетель Гольдгейм говорит, что 27 октября происходило совершенно конспиративное собрание у Маркса, на котором обсуждались шаги, которые следует предпринять против книги протоколов и особенно против столь неприятного для лондонской партии советника полиции Штибера. Соответствующие решения и документы совершенно секретно были посланы защитнику Шнейдеру II. Среди посланных Шнейдеру II бумаг находится также частное письмо, которое Штибер сам писал в 1848 г. Марксу в Кельн и которое Маркс держал в большом секрете, потому что он надеялся этим скомпрометировать свидетеля Штибера».

Свидетель Штибер вскакивает и заявляет, что он тогда писал Марксу о наглой клевете, угрожал ему судом и т. д. «Никто, кроме него и Маркса, не может об этом знать, и это, конечно, лучшее доказательство точности идущих из Лондона сообщений».

Итак, по Гольдгейму, подлинная книга протоколов, за исключением неверных частей, является «*безусловно настоящей*». В ее подлинности его убедило главным образом то обстоятельство, что подлинная книга протоколов является не подлинной книгой протоколов, а лишь книгой *заметок*. А Штибер? Он не был удивлен, у него свалилась гора с плеч. В последнюю минуту, едва только прозвучало последнее слово обвинения и речь защиты еще не началась, Штибер через своего Гольдгейма быстро превращает подлинную книгу протоколов в книгу заметок. Если двое полицейских уличают друг друга во лжи, то не значит ли это, что они оба служат истине? При содействии Гольдгейма Штибер прикрыл свое отступление.

Гольдгейм клянется, что «по приезде в Лондон он прежде всего обратился к лейтенанту полиции Грейфу, что последний повел его к полицейскому агенту Флёри в части города Кенсингтон». Кто же не поклялся бы, что бедный Гольдгейм вместе с полицейским лейтенантом Грейфом не выбились совершенно из сил, пока добрались до Флёри в отдаленной части города Кенсингтон. Но полицейский лейтенант Грейф живет в доме полицейского агента Флёри, именно в верхнем этаже дома Флёри, так что на самом деле не Грейф водил Гольдгейма к Флёри, а, наоборот, Флёри водил Гольдгейма к Грейфу.

«Полицейский агент Флёри в части города Кенсингтон»! Какая точность! Можете вы еще сомневаться в правдивости прусского правительства, которое выдает с головой своих собственных шпионов с указанием их имени и квартиры? Если книга протоколов подложна, то обратитесь только к «полицейскому агенту Флёри в Кенсингтоне». Конечно! К частному секретарю Пьеру в 13 округе. Если хотят точно указать человека, то его называют не только по фамилии,

но и по имени. Не Флёри, а Шарль Флёри. Указывают профессию, которой открыто занимается данное лицо, а не его тайное занятие. *Купец Шарль Флёри*, а не полицейский агент Флёри. А когда хотят указать его квартиру, то указывают не только часть Лондона, составляющую, собственно, целый город, но часть города, улицу и номер дома. Напр., не полицейский агент Флёри в Кенсингтоне, а *купец Шарль Флёри* 17, Victoria Road, Kensington.

Но «*полицейский агент Грейф*», это, по крайней мере, сказано прямо. Но если полицейский агент Грейф в Лондоне причисляется к посольству и из лейтенанта превращается в attaché, то это такая привязанность (attachement), которая не касается судов. Влечение сердца есть голос судьбы.

Итак, полицейский лейтенант Гольдгейм утверждает, что полицейский агент Флёри утверждает, что он получил книгу от человека, утверждающего, что он действительно *Г.* Либкнехт, которому Флёри даже выдал расписку. Гольдгейм только не мог «поймать» в Лондоне этого Г. Либкнехта. Гольдгейм мог, таким образом, спокойно оставаться в Кельне, потому что утверждение советника полиции Штибера не становится убедительнее от того, что оно является только утверждением полицейского лейтенанта Гольдгейма, подтверждаемым лейтенантом полиции Грейфом, которому полицейский лейтенант Флёри, в свою очередь, оказывает услугу, подтверждая его утверждение.

Не смущаясь своим малоутешительным лондонским опытом, Гольдгейм со свойственной ему большой убежденностью, которая должна заменить ему способность рассуждать, «*совершенно*» убежден, что «*все*» то, что клятвенно утверждал Штибер о партии Маркса, ее связях с Кельном и т. д., «*все вполне* соответствует истине». Ну, а теперь, когда подчиненный ему чиновник Гольдгейм выдал ему testimonium paupertatis (свидетельство в несостоятельности), разве теперь советник полиции Штибер все еще не накрыт? Одного результата Штибер добился своей манерой клясться: он перевернул вверх ногами прусскую иерархию. Вы не верите советнику полиции? Хорошо. Он скомпрометировал себя. Но вы в таком случае поверите полицейскому лейтенанту. Вы не верите полицейскому лейтенанту? Еще лучше. В таком случае вам не остается ничего другого, как поверить, по крайней мере, полицейскому агенту, alias muchardus vulgaris (вульгарному шпиону тож). Такую странную путаницу понятий создает *клянущийся Штибер*.

После того как Гольдгейм доставил доказательство, что в Лондоне он констатировал, что подлинная книга протоколов не

существует, а относительно существования Г. Либкнехта установил, что в Лондоне нельзя было его «поймать», после того как именно поэтому он убедился, что «все» показания Штибера о партии Маркса «*вполне* соответствует *действительности*», он все же, наконец, кроме отрицательных аргументов, в которых, однако, по Зеккендорфу заключается «много верного», должен представить и положительный аргумент относительно того, «как хорошо еще в настоящее время осведомлены прусские агенты в Лондоне». В виде образчика он приводит сообщение, что 27 октября «у Маркса происходило совершенно секретное собрание». На этом совершенно секретном собрании «обсуждались меры против книги протоколов и очень неприятного советника полиции Штибера. Соответствующие декреты и решения были совершенно секретно отправлены адвокату Шнейдеру II».

Хотя прусские агенты присутствовали на этом собрании, способ отправки этих писем остался для них настолько секретным, что почта не могла задержать их, несмотря на все усилия. Стоит только послушать, как под ветхими сводами меланхолично стрекочет сверчок: «Соответствующие письма и документы совершенно секретно были отосланы адвокату Шнейдеру II». Совершенно секретно для секретных агентов Гольдгейма.

Но мнимые решения относительно книги протоколов не могли быть приняты 27 октября на совершенно секретном заседании у Маркса, потому что Маркс уже 25 октября отослал главные данные о подложности книги протоколов, правда, не Шнейдеру II, а господину фон-Гонтгейму.

Что вообще в Кельн были посланы документы, это подсказывала полиции не только ее нечистая совесть. 29 октября Гольдгейм прибыл в Лондон. 30 октября он прочел в «Morning Advertiser», в «Spectator», в «Examiner», в «Leader», в «People's Paper» заявление, подписанное Энгельсом, Фрейлигратом, Марксом и Вольфом, в котором последние обращают внимание английской публики на разоблачения, которые будут сделаны защитой относительно forgery, perjury, falsification of documents (подлогов, лжесвидетельств, подделки документов), — одним словом, относительно всех гнусностей прусской полиции. Партия Маркса держала отсылку документов «в таком секрете», что она открыто доводила об этом до сведения английской публики, правда, только 30 октября, после приезда Гольдгейма в Лондон и получения документов в Кельне.

Однако и 27 октября были отправлены документы в Кельн. Откуда узнала об этом всеведущая прусская полиция?

Прусская полиция действовала не так секретно, как партия

Маркса. Напротив, она за несколько недель до этого совершенно открыто поставила двух своих шпионов перед домом Маркса, которые с улицы наблюдали за ним du soir jusqu'au matin et du matin jusqu'au soir (с вечера до утра и с утра до вечера) и преследовали его по пятам. 27 октября Маркс дал засвидетельствовать в совершенно гласном полицейском суде на Marlborough Street в присутствии репортеров английской ежедневной прессы совершенно тайные документы, содержавшие подлинные рукописи Либкнехта и Рингса и показания хозяина Crown Tavern о дне собраний. Прусские ангелы-хранители следовали за ним от его квартиры на Marlborough Street и обратно от Marlborough Street до его квартиры и от его квартиры на почту. Они исчезли лишь тогда, когда Маркс совершенно секретно направился к полицейскому судье участка, чтобы добиться от него приказа об аресте своих двух «последователей».

Впрочем, у прусского правительства был еще и другой путь. Дело в том, что Маркс послал прямо по почте в Кельн засвидетельствованные 27 октября и помеченные 27-м октября документы, чтобы оградить *совершенно секретно* отосланный *второй экземпляр* от когтей прусского орла. Кельнская почта и полиция знали, таким образом, что Марксом посланы документы, помеченные 27-м октября, и Гольдгейму незачем было ездить в Лондон, чтобы открыть этот секрет.

Гольдгейм чувствует, что он, наконец, должен «точно» [«namentlich»] указать, что́ «именно» [«namentlich»] решено было на совершенно секретном заседании 27 октября послать Шнейдеру II, и он *называет* письмо Штибера к Марксу. Но, к сожалению, Маркс послал это письмо не 27-го, а 25 октября, и не Шнейдеру II, а господину фон-Гонтгейму. Но откуда знала полиция, что Маркс вообще сохранил еще письмо Штибера и пошлет его защите? Но пусть это скажет сам Штибер.

Забегая вперед, Штибер надеется удержать Шнейдера II от прочтения столь «неприятного ему письма». Если Гольдгейм скажет, что Шнейдер II обладает моим письмом, рассуждает Штибер, да к тому же еще полученным благодаря «преступной связи с Марксом», то Шнейдер II скроет это письмо, чтобы доказать, что агенты Гольдгейма неправильно осведомлены и что сам он не находится в преступной связи с Марксом. Штибер поэтому выступает, неправильно передает содержание письма и заканчивает поразительным заявлением, что «никто кроме него и Маркса не может этого знать, и это во всяком случае *лучшее доказательство* того, насколько *заслуживают доверия* полученные из Лондона сообщения».

Штибер обладает особенным способом скрывать неприятные ему секреты. Когда он не говорит, то все должны молчать. Поэтому кроме него и одной пожилой дамы «*никто не может знать*», что он некогда жил возле Веймара в качестве homme entretenu (состоящего на содержании). Но если у Штибера было полное основание стремиться, чтобы никто, кроме Маркса, не знал о письме, то у Маркса были все основания сообщить об этом письме всем, кроме Штибера. Теперь известны *лучшие доказательства* достоверности полученных из Лондона сообщений. Каковы же худшие доказательства Штибера?

Но Штибер опять дает заведомо ложное показание под присягою, когда он говорит: «Никто, кроме меня и Маркса, не может этого знать». Он ведь знал, что не Маркс, а другой редактор «Рейнской газеты» ответил на его письмо. Это во всяком случае было уже «третье лицо, кроме него и Маркса». Мы приводим здесь это письмо, чтобы и другие знали о нем:

В № 77 «Новой рейнской газеты» помещена корреспонденция из Франкфурта-на-Майне от 21 декабря, в которой содержится наглая ложь, будто я отправился в качестве полицейского шпиона во Франкфурт, чтобы под видом человека демократического образа мыслей установить убийц князя Лихновского и генерала Ауэрсвальда. 21-го я действительно был во Франкфурте, оставался там всего один день и должен был там урегулировать частное дело здешней госпожи фон-Швельцер, как вы можете видеть из прилагаемого при сем удостоверения; я давно вернулся в Берлин, где я давно уже возобновил свою адвокатскую деятельность. Впрочем, я отсылаю вас к помещенному уже по этому делу официальному опровержению в № 338 «Frankfurter Oberpostamtszeitung» от 21 декабря и в № 248 здешней «Nationalzeitung». Я полагаю, что могу ожидать от вашей любви к истине, что вы тотчас же поместите прилагаемое опровержение в вашей газете и назовете мне автора ложного сообщения, как это обязательно для вас по закону, так как я абсолютно не могу оставить безнаказанной подобную клевету; в противном случае я, к крайнему моему сожалению, принужден буду сам предпринять известные шаги против уважаемой редакции.

Я думаю, что демократия никому не обязана больше, чем именно *мне*. Это я вырвал многие сотни обвиненных демократов из сетей уголовной юстиции. Именно я бесстрашно и решительно выступал против властей и продолжаю это и теперь, когда здесь господствовало осадное положение и когда трусливые и жалкие людишки (так называемые демократы) давно бежали с поля сражения. Если демократические органы так относятся ко мне, то это мало поощряет к дальнейшим усилиям.

Самое лучшее в данном случае, это — неумелость демократических органов. Слух о том, что я поехал в качестве полицейского агента во Франкфурт, был сперва пущен здешней «Новой прусской газетой», этим опороченным органом реакции, чтобы подорвать мою мешавшую ей адвокатскую деятельность. Другие берлинские газеты давно опровергли это. Но демократические газеты так бестактны, что повторяют подобную бессмысленную ложь. Если бы я хотел

поехать в качестве шпиона во Франкфурт, то об этом, конечно, раньше не писали бы во всех газетах; и почему Пруссия послала бы полицейского чиновника во Франкфурт, где довольно знающих дело чиновников? Демократия всегда отличалась глупостью; ее же противники победили благодаря хитрости.

Точно так же наглая ложь, будто я много лет тому назад был в Силезии полицейским шпионом. Я был тогда официальным полицейским чиновником и, как таковой, исполнял свой долг. Обо мне распространяли наглую ложь. Пусть кто-нибудь выступит и докажет, что я старался приобресть его доверие. Лгать и утверждать может всякий. Я жду поэтому от вас, которого я считаю честным и порядочным человеком, немедленного и удовлетворительного ответа. Демократические газеты скомпрометировали себя массой лжи, не преследуйте и вы такой же цели.

Преданный вам

Берлин,
26 декабря 1848 г.

Штибер,
доктор права и т. д.

Откуда же Штибер знал, что 27 октября письмо его было Марксом послано Шнейдеру II? Но оно было послано не 27-го, а 25 октября, и не Шнейдеру II, а господину фон-Гонтгейму. Шнейдер, следовательно, только знал, что письмо это еще существует, и он предполагал, что Маркс сообщит его кому-нибудь из защитников. Откуда это предположение? Когда «Кельнская газета», с показанием Штибера от 18 октября, получилась в Лондоне, Маркс написал в «Кельнскую газету», в «Berliner Nationalzeitung» и в «Frankfurter Journal» заявление, помеченное 21-м октября, в конце которого он угрожал Штиберу сохранившимся письмом его. Чтобы сохранить письмо «в строгой тайне», сам Маркс объявляет о нем в газетах. Он потерпел неудачу благодаря трусости немецкой ежедневной печати, но прусская почта была, таким образом, осведомлена, а вместе с прусской почтой и Штибер.

Что же, таким образом, привез Гольдгейм из Лондона?

То, что Гирш не приносил ложной присяги, что *Г*. Либкнехт ведет «неуловимое» существование и что подлинная книга протоколов не является подлинной книгой протоколов, что всеведущие лондонские агенты знают все, что партия Маркса опубликовала в лондонской печати. Чтобы спасти честь прусских агентов, Гольдгейм приписывает им скудные заметки, добытые обычным штиберовским способом, посредством вскрытия и утайки писем.

В заседании 4 ноября, после того как Шнейдер II уничтожил Штибера и его книгу протоколов, уличил его в клятвопреступлении и фальсификации, Штибер в последний раз выступает и дает волю своему возмущению. Даже господина Вермута, с негодованием восклицает он, даже господина Вермута, директора полиции Вермута, смеют обвинять в клятвопреступлении. Штибер, следовательно,

опять вернулся к ортодоксальной иерархической лестнице, к восходящей линии. Прежде он двигался по гетеродоксальной, по нисходящей линии. Если не хотят верить ему, советнику полиции, то можно поверить его лейтенанту полиции; если не лейтенанту полиции, то его полицейскому агенту; если не агенту Флёри, то все же субагенту Гиршу. Теперь же наоборот. Он, *советник юстиции*, может, пожалуй, дать ложную присягу; но Вермут, директор полиции? Невероятно! В своей досаде он со все возрастающей горечью хвалит Вермута, преподносит публике чистого Вермута,[1] расхваливает Вермута как человека, Вермута как адвоката, Вермута как отца семейства, Вермута как директора полиции, Вермута for ever (навсегда).

Даже теперь в публичном заседании Штибер все еще старается держать обвиняемых au secret (в секрете) и воздвигнуть барьер между защитой и материалами защиты. Он обвиняет Шнейдера II в «преступной связи» с Марксом. В его лице Шнейдер делает покушение на высшие прусские власти. Даже старшина присяжных заседателей Гебель, сам Гебель чувствует на себе давление Штибера. Он не может не дать обрушиться нескольким ударам розги на спину Штибера, хотя и делает это с подобострастным сервилизмом. Но Штибер со своей стороны прав. Вместе с ним пригвождены к позорному столбу, с подлинной книгой протоколов в руках, не только он, но и прокуратура, суд, почта, правительство, президиум полиции в Берлине, министерства, прусское посольство в Лондоне,— одним словом, прусское государство.

Господин Штибер получает теперь разрешение напечатать ответ «Новой рейнской газеты» на его письмо.

Но вернемся еще раз вместе с Гольдгеймом в Лондон.

Так как Штибер все еще не знает, где находится Шерваль и кто, собственно, такой Шерваль, то, согласно показанию Гольдгейма (заседание 3 ноября), происхождение книги протоколов все еще не выяснено. Для объяснения его Гольдгейм приводит две гипотезы.

«Есть только два пути объяснения не вполне еще выясненного происхождения книги,— говорит он.— Или она, как уверяет агент, действительно была получена от Либкнехта, который, чтобы скрыть свое предательство, старался не писать своей рукой».

В. Либкнехт, как известно, принадлежит к партии Маркса. Но находящаяся в книге протоколов подпись Либкнехта, как известно, не принадлежит *В*. Либкнехту. Штибер поэтому клянется в заседании

[1] [Непереводимая игра слов: Wermut значит «полынная водка».]

27 октября, что подпись эта принадлежит не этому В. Либкнехту, а другому Либкнехту, некоему *Г.* Либкнехту. Он узнал о существовании этого двойника, но не может указать источника своих сведений. Гольдгейм клянется, что «Флёри утверждает, что он получил книгу действительно от члена партии Маркса, по имени *Г.* Либкнехт». Гольдгейм, далее, клянется, что «он не мог поймать этого *Г.* Либкнехта в Лондоне». Какие же *признаки своего существования* подавал до сих пор открытый Штибером *Г.* Либкнехт миру вообще и полицейскому агенту Гольдгейму в частности? Никакого признака существования, кроме его *почерка* в подлинной книге протоколов; но теперь Гольдгейм говорит: «Либкнехт избегал писать что-нибудь собственной рукой».

До сих пор *Г.* Либкнехт существовал только как почерк. Но теперь от Либкнехта ничего не остается, не остается даже почерка, даже точки над и. Но откуда Гольдгейм знает, что *Г.* Либкнехт, о существовании которого он знает только по почерку в книге протоколов, обладает почерком, отличающимся от почерка, имеющегося в книге протоколов, до сих пор остается тайной самого Гольдгейма. Если у Штибера есть свои чудеса, то почему же не может быть своих чудес также и у Гольдгейма?

Гольдгейм забывает, что его начальник Штибер уже клятвенно подтвердил существование *Г.* Либкнехта и что он сам только что подтвердил его под присягой. Но в тот же самый момент, когда он клянется, что *Г.* Либкнехт существует, он вспоминает, что существование *Г.* Либкнехта — выдуманная Штибером по нужде увертка, необходимая ложь, а нужда не знает законов. Он вспоминает, что есть только один настоящий Либкнехт, *В.* Либкнехт, но что если *В.* Либкнехт является настоящим, то подпись в книге протоколов поддельна. Он не смеет сознаться, что субагент Флёри вместе с поддельной книгой протоколов сфабриковал и поддельную подпись. Поэтому он делает предположение, что «Либкнехт избегал давать свою подпись». Сделаем и мы в свою очередь предположение: Гольдгейм однажды подделал банковые билеты. Он был привлечен к суду, было доказано, что подпись на билете не есть подпись директора банка. Простите, пожалуйста, господа, скажет Гольдгейм, простите. Банковый билет настоящий. Он написан самим директором банка. Если его фамилия подписана не им самим, а подделана другим, то какое это имеет отношение к делу? «Он избегал давать свою подпись».

Или, продолжает Гольдгейм, если гипотеза с Либкнехтом неверна: «Или агент Флёри получил заметки к книге от двух других друзей Маркса, от эмигрантов Имандта и Дронке, и придал этим

заметкам форму подлинной книги протоколов, чтобы придать бо́льшую цену своему товару. Ведь лейтенантом полиции Грейфом официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри».

Или? Каким это образом «или»? Если книга, подобная подлинной книге протоколов, подписана тремя лицами, Либкнехтом, Ульмером и Рингсом, то никто не сделает из этого вывода, что «она сделана Либкнехтом»—или же Дронке и Имандтом, а всякий скажет, что она сделана Либкнехтом, или Рингсом и Ульмером. Неужели несчастный Гольдгейм, который уже однажды возвысился до разделительного суждения,—или, или,—неужели он опять скажет: «Рингс и Ульмер старались не давать своей подписи?» Даже Гольдгейм считает неизбежным новый оборот.

Если подлинная книга протоколов исходит не от Либкнехта, как утверждает агент Флёри, в таком случае ее составил сам Флёри, но заметки для этого он получил от Дронке и Имандта, относительно которых официально установлено лейтенантом полиции Грейфом, что они часто встречались с Флёри.

«Чтобы придать своему товару бо́льшую цену», говорит Гольдгейм, Флёри придает этим заметкам форму подлинной книги протоколов. Он не только совершает подлог, но он подделывает подписи, и все это для того, «чтобы придать своему товару бо́льшую цену». Такой добросовестный человек, как этот прусский агент, который из корыстолюбия фабрикует подложные протоколы, подделывает подписи, во всяком случае неспособен фабриковать и *подложные заметки*. Так заключает Гольдгейм.

Дронке и Имандт только в апреле 1852 года приехали в Лондон, после того как они были высланы швейцарскими властями. Но одна треть подлинной книги протоколов состоит из протоколов за месяцы январь, февраль и март 1852 года. Одну треть подлинной книги протоколов Флёри во всяком случае составил *без* Дронке и Имандта, хотя Гольдгейм и клянется, что либо Либкнехт составил книгу протоколов, либо это сделал Флёри, но на основании заметок Дронке и Имандта. Гольдгейм клянется в этом, а Гольдгейм хотя и не Брут, но все же Гольдгейм.

Но остается еще возможность, что Дронке и Имандт доставляли Флёри заметки, начиная с апреля, ибо, клянется Гольдгейм, «полицейским агентом Грейфом официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри».

Обратимся к этим встречам.

Как уже было сказано выше, Флёри был известен в Лондоне

не как прусский агент полиции, а как купец из Сити, да еще как купец-демократ. Он был уроженцем Альтенбурга и прибыл в Лондон в качестве политического эмигранта, женился впоследствии на англичанке из почтенной и состоятельной семьи и вел, видимо, уединенный образ жизни со своей женой и своим тестем, старым промышленником-*квакером*. 8 или 9 октября у Имандта завязались «близкие отношения» с Флёри, он стал давать ему уроки. Но согласно исправленному показанию Штибера подлинная книга протоколов получилась в Кельне 10-го, согласно заключительному показанию Гольдгейма 11 октября. Следовательно, у Флёри, уже не только имелась подлинная книга протоколов в красном сафьяновом переплете, когда совершенно до тех пор неизвестный ему Имандт дал ему первый урок французского языка, но она была уже передана экстренному курьеру, который отвез ее в Кельн. Вот каким образом Флёри сочинил свою книгу протоколов по заметкам Имандта. Дронке же Флёри видел только *один раз* случайно у Имандта, а именно только 30 октября, когда подлинная книга протоколов вернулась уже к своему первоначальному небытию.

Таким образом, христианско-германское правительство не ограничивается взламыванием письменных столов, кражей чужих документов, вымогательством ложных показаний, фабрикацией подложных документов, лжеприсягами, подкупом для получения ложных показаний — и все это, чтобы добиться осуждения кельнских обвиняемых. Оно старается набросить позорящую тень на лондонских друзей обвиняемых, чтобы только выгородить своего Гирша, относительно которого Штибер клялся, что он его не знает, а Гольдгейм,— что он не шпион.

В пятницу 5 ноября в Лондоне получилась «Кельнская газета» с отчетом о заседании суда присяжных 3 ноября с показаниями Гольдгейма. Тотчас же были наведены справки о Грейфе, и в тот же день было установлено, что он живет у Флёри. Одновременно с этим Дронке и Имандт с «Кельнской газетой» отправились к Флёри. Они заставили его прочитать показание Гольдгейма. Он побледнел, постарался овладеть собой, сделал удивленный вид и заявил, что он готов дать английскому судье показания против Гольдгейма. Но прежде он должен еще поговорить со своим адвокатом. Они назначают ему свидание на следующий день после обеда в субботу 6 ноября. Флёри обещает принести на это свидание свое официально засвидетельствованное показание. Он, конечно, не явился. Поэтому Имандт и Дронке в субботу вечером отправились к нему на квартиру, где нашли следующую записку, предназначавшуюся для Имандта:

«При помощи адвоката все сделано, дальнейшее откладывается до тех пор, пока будет выяснена личность. Адвокат еще сегодня отправил эту вещь. Мое присутствие в Сити необходимо было по делам. Зайдите ко мне завтра, я буду дома после обеда все время до 5 часов. *Фл.*»

На другой стороне записки была приписка: «Я только-что вернулся домой и должен был выйти с господином Вернером и моей женой, в чем вы завтра *сможете убедиться*. Напишите мне, в какое время вы придете».

Имандт оставил следующий ответ: «Я чрезвычайно удивлен тем, что не застал вас теперь дома, так как вы не пришли также и на назначенное на после обеда свидание. Я должен вам сознаться, что у меня уже составилось известное мнение о вас, благодаря обстоятельствам. Если вы заинтересованы в том, чтобы я изменил свое мнение о вас, то вы придете ко мне завтра утром, так как я не могу поручиться вам за то, что в английских газетах не будут говорить о том, что вы состоите прусским шпионом. Имандт».

Флёри не явился и в воскресенье утром. Дронке и Имандт отправились поэтому опять к нему в воскресенье вечером, чтобы, сделав вид, что их доверие к нему поколебалось лишь в первый момент, получить от него объяснения. После всяких промедлений и колебаний он, наконец, дал объяснение. Флёри особенно колебался, когда ему было сказано, что он должен подписать не только свою фамилию, но и имя.

Заявление его состояло буквально в следующем:

В редакцию «Кельнской газеты».

Нижеподписавшийся сим заявляет, что он знаком с господином Имандтом приблизительно один месяц, в продолжение которого последний давал ему уроки французского языка, что господина Дронке он в первый раз видел в субботу 30 октября с. г.

Что никто из них обоих не делал ему никаких сообщений, имеющих отношение к фигурирующей в кельнском процессе книге протоколов.

Что он не знаком с человеком, носящим фамилию Либкнехт, и ни в какой связи с таковым не состоял.

Шарль Флёри.

Лондон, 8 ноября 1852 г., Кенсингтон.

Дронке и Имандт были, конечно, убеждены, что Флёри пошлет распоряжение «Кельнской газете» не принимать никаких заявлений за его подписью. И поэтому они послали его заявление не в «Кельнскую газету», а адвокату Шнейдеру II, который, однако, получил его в такой поздней стадии процесса, что уже не мог им воспользоваться.

Флёри, хотя и не Fleur de Marie полицейских проституток, но все же он цветок, который будет иметь цветы, хотя бы только fleurs de lys.[1]

Дело с книгой протоколов не выгорело.

В субботу, 6 ноября, В. Гирш из Гамбурга показал под присягой у судьи с Bow Street в Лондоне, *что он сам под руководством Грейфа и Флёри сфабриковал фигурирующую в кельнском процессе коммунистов подлинную книгу протоколов.*

Итак, сперва подлинная книга протоколов партии Маркса, затем книга заметок шпиона Флёри, наконец, фабрикация прусской полиции, простая полицейская фабрикация, полицейская фабрикация sans phrase.

В тот же самый день, когда Гирш выдал английскому судье на Bow Street тайну подлинной книги протоколов, другой представитель прусского государства в Кенсингтоне в доме Флёри был занят тем, что упаковывал в прочный клеенчатый пакет на этот раз не краденые документы, не фабрикованные документы и вообще не документы, а свои собственные пожитки. Это был не кто иной, как Фогель Грейф,[2] памятный по Парижу, чрезвычайный курьер в Кельн, начальник прусских полицейских агентов в Лондоне, официальный дирижер мистификации, прикомандированный к прусскому посольству полицейский лейтенант. Грейф получил приказ от прусского правительства немедленно оставить Лондон. Нельзя было терять времени.

Подобно тому как в конце оперного спектакля находящиеся на заднем плане и скрытые до сих пор кулисами, расположенные амфитеатром декорации вдруг вспыхивают в свете бенгальского огня и ослепительным блеском поражают взоры, так в конце этой прусской полицейской трагикомедии открылись скрытые в амфитеатре мастерские, в которых фабриковалась подлинная книга протоколов. На нижней ступеньке находился несчастный, работающий сдельно шпион Гирш; на второй ступени — занимающий буржуазное положение шпион и агент-провокатор, купец из Сити Флёри; на третьей ступени — дипломатический полицейский лейтенант Грейф и на самой высшей ступени — само прусское посольство, к которому он был прикомандирован. В продолжение 6—8 месяцев Гирш фабриковал регулярно, день за днем, свою подлинную книгу протоколов в рабочем кабинете и под надзором Флёри. Но этажом выше Флёри жил

[1] [На французском народном языке fleurs de lys называются выжженные на клейменных преступниках буквы T. F. (travaux forcés — каторжные работы.]

[2] [Игра слов: Greif по-немецки значит гриф, Vogel Greif — птица гриф.]

прусский полицейский лейтенант Грейф, который следил за ним и инструктировал его. Но Грейф сам регулярно проводил часть дня в помещении прусского посольства, где опять-таки за ним следили и инспирировали его. Прусское посольство было, следовательно, той теплицей, в которой выросла подлинная книга протоколов. Грейф должен был поэтому исчезнуть. Он исчез 6 ноября 1852 г.

Дальше нельзя уже было держаться за подлинную книгу протоколов, хотя бы как за книгу заметок. Прокурор Зедт похоронил ее в своей реплике на защитительные речи адвокатов.

Таким образом, дело опять вернулось к тому положению, из которого исходил орган обвинения при апелляционном суде, когда он предписал начать новое расследование ввиду *«отсутствия объективного состава преступления»*.

V. Сопроводительное письмо к «Красному катехизису».

Инспектор полиции Юнкерман из Эльберфельда в заседании 27 октября дает следующее показание: он конфисковал пакет с экземплярами «Красного катехизиса», адресованный кельнеру одной из эльберфельдских гостиниц. На пакете находился дюссельдорфский почтовый штепмель. Там же находилось также сопроводительное письмо без подписи; личность отправителя не установлена. «Сопроводительное письмо, повидимому, *написано рукой Маркса*», как замечает прокуратура.

В заседании 28 октября эксперт (???) Ренар находит, что сопроводительное письмо написано почерком Маркса. Приводим содержание этого сопроводительного письма:

Граждане!

Так как вы пользуетесь полным нашим доверием, то мы при сем препровождаем вам 50 экземпляров «Красного», который вы в субботу 5 июня, в 11 часов вечера, должны подсунуть под двери испытанных революционных граждан, лучше всего рабочих. Мы определенно надеемся на вашу гражданскую доблесть и ждем поэтому от вас исполнения этого предписания. Революция ближе, чем можно было бы думать. Да здравствует революция!

Привет и братство!

Революционный комитет.

Берлин, май 1852 г.

Свидетель Юнкерман прибавляет еще, что «пакеты эти были посланы свидетелю Кианелле».

Во время предварительного заключения кельнских подсудимых президент берлинской полиции Гинкельдей, как главнокомандующий, руководил маневрами. Лавры Мопа не дают ему покоя.

В судебных заседаниях фигурируют два директора полиции, один живой и один мертвый, один советник полиции,— но зато этим одним является Штибер,— два полицейских лейтенанта, из которых один постоянно ездит из Лондона в Кельн, другой из Кельна в Лондон, масса полицейских агентов и субагентов, с именами и анонимные, с измененными именами, псевдонимами, хвостатые и бесхвостые, и, наконец, еще инспектор полиции.

Как только в Лондоне получилась «Кельнская газета» с отчетом о свидетельских показаниях 27 и 28 октября, Маркс отправился в магистратуру Marlborough Street, переписал приведенный в газете текст сопроводительного письма и дал засвидетельствовать эту копию. Кроме того, он, вместо присяги, сделал следующее заявление:

1) что он не писал данного сопроводительного письма;

2) что о существовании последнего он узнал только из «Кельнской газеты»;

3) что он *никогда не видал* так называемого «Красного катехизиса»;

4) что он никогда и ни в какой форме не содействовал распространению его.

Надо кстати заметить, что подобное заявление (déclaration), сделанное в присутствии магистрата, если оно окажется ложным, в Англии влечет за собой все последствия клятвопреступления.

Вышеупомянутый документ был послан Шнейдеру II, но появился в то же самое время также в лондонском «Morning Advertiser», так как за время процесса можно было убедиться, что прусская почта имеет довольно оригинальное представление о соблюдении почтовой тайны, полагая, что обязанность ее заключается в сохранении доверенных ей писем втайне от адресатов. Обер-прокуратура высказывалась против приобщения к делу этого документа. хотя бы только для *сличения* почерков. Обер-прокуратура прекрасно знала, что даже при беглом взгляде на подлинное сопроводительное письмо, а затем на официально засвидетельствованную копию с него, сделанную Марксом, обман и умышленное подражание почерку Маркса не могли ускользнуть от проницательных взоров присяжных. И поэтому в интересах нравственной репутации прусского государства она протестовала против всякого сравнения.

Шнейдер II заметил, что «адресат Кианелла, который охотно давал полиции сведения о предполагаемых отправителях и *прямо предложил ей свои услуги в качестве шпиона*, даже и в самой отдаленной степени не имел в виду Маркса».

Тот, кто когда-нибудь читал хоть одну строчку Маркса, никогда

не мог бы приписать ему авторство мелодраматического сопроводительного письма. Сон в летнюю ночь 5 июня, доходящая до нахальства наглядная операция подсовывания «Красного» под двери революционных филистеров,—это скорее подходило какому-нибудь Кинкелю, а «гражданская доблесть» и «уверенность», с которой «рассчитывали» на военное «исполнение» данного «предписания», могло указывать на воображение Виллиха. Но как могли бы Кинкель-Виллих писать свои революционные рецепты почерком Маркса?

Если нужна гипотеза относительно «не совсем выясненного происхождения» этого сопроводительного письма, написанного поддельным почерком, то она может состоять в следующем. Полиция нашла в Крефельде 50 «Красных» с высокопарным сопроводительным письмом. Она велела в Берлине или Кельне, qu'importe! (не все ли равно!), переложить его на марксовские ноты. С какой целью? «Чтобы придать своему товару бо́льшую цену».

Но даже обер-прокуратура не решилась в своей речи, достойной речей против Катилины, ссылаться на это сопроводительное письмо. Она отбросила его. Оно, таким образом, не способствовало установлению недостающих «объективных данных».

VI. Фракция Виллих-Шаппера.

Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия на континенте лишилась всего, чем она в виде исключения обладала в течение этой короткой эпохи свободы печати, свободы слова и права ассоциаций, т. е. легальных средств партийной организации. Буржуазно-либеральная и мелкобуржуазно-демократическая партии, несмотря на реакцию, находили в социальном положении представляемых ими классов условия, необходимые для объединения в той или другой форме и для отстаивания их более или менее общих интересов. Для пролетарской партии после 1849 г., как и до 1848 г., оставался только *один путь*—путь *тайных союзов*. Поэтому, начиная с 1849 г., на континенте возникает целый ряд тайных пролетарских объединений; полиция их раскрывает, суды преследуют, тюрьмы разбивают; но благодаря внешним условиям они постоянно вновь возрождаются.

Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспровержение существующей государственной власти. Это имело свое оправдание во Франции, где пролетариат был побежден буржуазией и нападение на существующее правительство прямо совпадало с нападением на буржуазию. Другая часть тайных обществ

ставила себе целью образование партии пролетариата, не интересуясь существующими правительствами. Это было необходимо в таких странах, как Германия, где буржуазия и пролетариат находились под гнетом своих полуфеодальных правительств и где, следовательно, победоносное нападение на существующие правительства должно было не сломить власть буржуазии или так называемых средних сословий, а, наоборот, сперва содействовать их господству. Не подлежит сомнению, что и здесь члены пролетарской партии опять приняли бы участие в революции против status quo, но подготовка этой революции, агитация за нее, конспирация и устройство заговоров не входили в их задачу. Они могли предоставить эту подготовку общим условиям и непосредственно заинтересованным классам. Они должны были предоставить им ее, если не хотели отказаться от своей собственной партийной позиции и от исторических задач, которые сами собой вытекали из общих условий существования пролетариата. Для них современные правительства были только эфемерными явлениями, а status quo не представлял из себя ничего прочного; поэтому считаться с ним можно было предоставить мелочно-ограниченной демократии.

Союз коммунистов не являлся поэтому обществом заговорщиков, а был лишь обществом, которое тайно проводило организацию пролетарской партии, потому что германский пролетариат официально был лишен огня и воды (igni et aqua), лишен свободы печати, слова и ассоциаций. Если такое общество конспирирует, то это происходит лишь в таком же смысле, в каком пар и электричество конспирируют против status quo.

Само собою разумеется, что такое тайное общество, которое ставит себе целью образование не правительственной, а *оппозиционной партии будущего*, могло представлять мало привлекательного для людей, которые, с одной стороны, под напыщенными театральными фразами конспирации скрывали свое собственное ничтожество, а, с другой стороны, в день ближайшей революции могли удовлетворить свое мелкое честолюбие, но прежде всего хотели в данный момент напускать на себя важность, пожинать лавры демагогии и встречать одобрение демократических базарных крикунов.

От Союза коммунистов отделилась поэтому фракция, или, если угодно, была отделена фракция, которая требовала, если не действительных заговоров, то хотя бы *видимости* заговоров, и поэтому стремилась к союзу с демократическими героями дня — фракция Виллих-Шаппера. Характерно для этой фракции, что Виллих вместе и рядом с Кинкелем в качестве entrepreneur'а

(предпринимателя) фигурирует в афере с немецко-американским революционным займом.

Отношение этой партии к большинству Союза коммунистов, к которому принадлежали кельнские подсудимые, только что было указано; Бюргерс и Резер определенно и исчерпывающим образом изложили это в заседаниях кельнского суда присяжных.

Перед окончанием нашего изложения необходимо остановиться на поведении фракции Виллих-Шаппера во время кельнского процесса.

Как уже было замечено выше, даты похищенных Штибером у фракции документов показывают, что и после рейтеровской кражи документы ее все еще попадали в руки полиции. Фракция и посейчас еще не дала объяснения этого явления.

Шаппер лучше всех был знаком с прошлым Шерваля. Он знал, что Шерваль был принят в Союз в 1846 г. им, а не Марксом в 1848 г. Своим молчанием он подтверждает ложь Штибера.

Фракция знала, что входящий в ее состав Гаке был автором угрожающего письма к свидетелю Гаупту, а между тем она оставляет всю тяжесть подозрения на партии обвиняемых.

Моисей Гесс, член фракции, автор «*Красного катехизиса*», этой несчастной пародии «Манифеста Коммунистической партии», Моисей Гесс, который не только сам пишет свои статьи, но и сам распространяет их, ведь в точности знал, кому он отправлял партии своего «Красного». Ведь он же знал, что Маркс ни на один экземпляр не уменьшил его богатства «Красным». Моисей спокойно оставляет тяготеть на подсудимых подозрение в том, будто их партия распространяла в Рейнской провинции его «Красный» вместе с мелодраматическим сопроводительным письмом.

Но фракция играет на-руку прусской полиции не только своим молчанием, но и речами. Там, где она выступает во время судебного разбирательства, она оказывается не на скамье подсудимых, а выступает в качестве *свидетеля короны*.

Генце, друг и благодетель Виллиха, признавший, что он знал о существовании Союза, проводит несколько недель у Виллиха в Лондоне, а затем едет в Кельн, чтобы дать ложное показание против Беккера, против которого имеется гораздо меньше улик, чем против него самого, будто Беккер в 1848 г. был членом Союза.

Гетцель, как видно из архива Дитца, состоящий членом фракции, поддерживающий ее деньгами, привлеченный уже однажды за принадлежность к Союзу к суду присяжных в Берлине, является свидетелем против подсудимых. Он дает ложные показания, ставя

вызванное исключительными условиями вооружение берлинского пролетариата в эпоху революции в вымышленную связь со статутами Союза.

Штейнгенс, изобличенный собственными своими письмами (см. заседание 18 октября) в том, что он состоял главным агентом фракции, в Брюсселе, появляется в Кельне не в качестве подсудимого, а в качестве свидетеля.

Незадолго до открытия заседаний кельнского суда присяжных Виллих и Кинкель послали одного портновского подмастерья эмиссаром в Германию. Кинкель, правда, не состоял членом фракции, но Виллих был одним из заправил германско-американского революционного займа.

Кинкелю уже тогда угрожала наступившая впоследствии опасность, что лондонские поручители устранят его и Виллиха от заведывания суммами, полученными посредством займа, и переправят деньги обратно в Америку, несмотря на негодование его и Виллиха. Именно тогда Кинкелю понадобилась для видимости миссия в Германию и корреспонденция с Германией, отчасти, чтобы показать, что там вообще еще существует поприще для его революционной деятельности и для американских долларов, отчасти же для того, чтобы найти оправдание для тех огромных расходов на корреспонденцию, пересылку и т. п., которые Кинкель и его друг Виллих ставили в счет (см. литографированный циркуляр графа О. Рейхенбаха). Кинкель знал, что у него нет никаких связей в Германии ни с буржуазными либералами, ни с мелкобуржуазными демократами. Поэтому он принял X за Y, эмиссара фракции за эмиссара германско-американского революционного союза. У этого эмиссара не было никакой другой задачи, кроме активной агитации среди рабочих против партии кельнских подсудимых. Надо сознаться, что момент был очень удачно выбран, чтобы еще до окончания процесса дать повод к возобновлению следствия. Прусская полиция была вполне осведомлена относительно личности, дня отъезда и маршрута эмиссара. Откуда? Это мы сейчас увидим. На тайных собраниях, которые он устраивал в Магдебурге, присутствовали шпионы, которые сообщали о происходивших там дебатах. Друзья кельнцев в Германии и в Лондоне трепетали.

Выше мы уже говорили, что 6 ноября Гирш признал в магистратуре на Bow Street, что подлинная книга протоколов была сфабрикована им под руководством Грейфа и Флёри. Виллих побудил его к этому шагу. Виллих и хозяин гостиницы Шертнер провожали его в магистратуру. Показание Гирша было изготовлено в трех

экземплярах, которые были отправлены по почте в Кельн по различным адресам.

Было чрезвычайно важно арестовать Гирша немедленно после того, как он вышел из здания суда. На основании данного там и официально засвидетельствованного показания процесс, проигранный в Кельне, мог быть выигран в Лондоне, если и не в пользу обвиняемых, то против правительства. Но Виллих сделал, наоборот, все, чтобы такой шаг оказался невозможным. Он хранит самое глубокое молчание не только по отношению к непосредственно заинтересованной партии Маркса, но и по отношению к своим собственным единомышленникам, даже по отношению к Шапперу. Только Шертнер был посвящен в его тайну. Шертнер заявил, что он и Виллих проводили Гирша до парохода. Гирш должен был, согласно намерениям Виллиха, дать в Кельне показания против самого себя.

Виллих сообщает Гиршу о пути, по которому будут отправлены документы, Гирш сообщает об этом прусскому посольству, прусское посольство — почте. Документы не приходят к месту назначения, они исчезают. Несколько дней спустя исчезнувший Гирш опять выплывает в Лондоне и заявляет на публичном демократическом собрании, что Виллих является его соучастником.

На сделанный ему по этому поводу запрос Виллих ответил, что с начала августа 1852 г. он опять находится в сношениях с Гиршем, который уже в 1851 г. по его предложению был, как шпион, исключен из союза на Great Windmill. Гирш выдал ему Флёри как прусского шпиона и сообщал ему для сведения все получающиеся на имя Флёри письма и все отправляемые им письма. Он, Виллих, пользовался этим средством, чтобы следить за прусской полицией.

Виллих, как известно, уже около года состоял в близких дружеских сношениях с Флёри и получал от него поддержку. Но если Виллих с августа 1852 г. знал, что тот состоит прусским шпионом, и был осведомлен о его действиях, то как могло случиться, что он ничего не знал о подлинной книге протоколов?

Как могло случиться, что он вмешался в дело лишь после того, как прусское правительство само *признало* Флёри шпионом?

Как могло случиться, что он вмешивается таким образом, что в лучшем случае помогает своему союзнику Гиршу уехать из Англии и спасает из рук партии Маркса официально засвидетельствованные доказательства виновности Флёри?

Что он продолжал получать поддержку от Флёри, который хвастался полученной от него распиской (reçu) на 15 фунтов стерлингов?

Что он вместе с Флери продолжает орудовать в аферах германско-американского революционного займа?

Что он указал Флёри помещение и место собраний своего собственного тайного общества, так что прусские агенты могли из соседней комнаты вести протокол дебатов?

Что он сообщил Флёри о маршруте вышеназванного эмиссара, портновского подмастерья и даже получил деньги для этой поездки?

Что, наконец, он рассказывает Флёри, что он дал инструкции живущему у него Генце, какие давать показания кельнским присяжным *против* Беккера? [1] Надо сознаться, que tout cela n'est pas bien clair (что все это не совсем ясно).

VII. Приговор.

По мере того как раскрывались полицейские тайны, общественное мнение стало высказываться в пользу обвиняемых. Когда обнаружился обман с подлинной книгой протоколов, все стали ожидать оправдания. «Кельнская газета» считала себя вынужденной подчиниться общественному мнению и высказаться против правительства. На столбцах ее, которые до сих пор были открыты только для полицейских инсинуаций, стали появляться мелкие заметки, благоприятные обвиняемым и заподозривающие Штибера. Прусское правительство само считало это дело проигранным. Его корреспонденты в «Times» и в «Morning Chronicle» вдруг начали подготовлять заграничное общественное мнение к неблагоприятному исходу. Как бы ни были зловредны и чудовищны учения обвиняемых, как бы ни были гнусны найденные у них документы, все же не имеется фактических доказательств существования заговора, и осуждение едва ли поэтому вероятно. С такой лицемерной покорностью писал берлинский корреспондент «Times», это сервильное эхо тех опасений, которые циркулировали в высших кругах в Берлине. Тем сильнее было ликование византийского двора и его евнухов, когда телеграф принес из Кельна в Берлин вердикт суда присяжных: «виновны».

---

[1] По поводу отношений Виллиха и Беккера: «Виллих пишет мне забавнейшие письма, я не отвечаю, но это не мешает ему опять развивать мне свои новые революционные планы. Он предназначил меня для революционизирования кельнского гарнизона!!! Мы недавно от смеха надорвали себе все животики. Своими глупостями он втянет еще очень многих в беду, так как одно такое письмо могло бы на три года обеспечить содержание сотне судей над демагогами. Если бы я подготовил революцию в Кельне, он не *отказался бы* взять на себя руководство дальнейшими операциями. Это уж слишком любезно!» [*Из письма Беккера к Марксу от 27 января 1851 г.*].

С разоблачением книги протоколов процесс вступил в новую стадию. Теперь присяжные не могли уже признать обвиняемых виновными или невиновными; теперь они должны были или признать виновными обвиняемых, или правительство. Оправдать обвиняемых значило осудить правительство.

В своей реплике на защитительные речи адвокатов прокурор Зедт отказался от книги протоколов. Он не желает воспользоваться документом, на котором лежит такое пятно, он сам считает ее «фальсифицированной», это — «злополучная» книга, она причинила много бесполезной потери времени, в дело она ничего не внесла; Штибер из похвального служебного усердия поддался мистификации и т. д.

Но прокуратура сама в своем обвинении утверждала, что в книге содержится «много верного». Она не только не объявила ее фальсифицированной, но сожалела, что не может доказать ее подлинности. Вместе с клятвенно заверенной Штибером подлинностью книги протоколов отпала также клятвенно подтвержденная Штибером подлинность показаний Шерваля в Париже, на которую Зедт еще раз ссылается в своей реплике; отпали все те факты, которые могли состряпать при самой напряженной деятельности в течение $1^1/_2$ лет все власти прусского государства. Судебное разбирательство, назначенное на 28 июля, было отложено на три месяца. Почему? Из-за болезни директора полиции Шульца. А кто такой был Шульц? Тот, который первый открыл подлинную книгу протоколов. Но вернемся немного назад. В январе и феврале 1852 г. произведены были обыски у жены доктора Даниэльса. На каком основании? На основании *первых страниц* подлинной книги протоколов, которую Флёри переслал Шульцу, Шульц — дирекции полиции в Кельне, а дирекция полиции в Кельне передала ее судебному следователю; это и побудило судебного следователя произвести обыск в квартире жены доктора Даниэльса.

Несмотря на заговор Шерваля, обвинительная власть в октябре 1851 г. не добыла еще недостающих фактических данных и поэтому по приказу министерства начала новое расследование. Кто вел следствие? Директор полиции Шульц. Шульц, таким образом, должен был найти фактические данные. Что же Шульц нашел? Подлинную книгу протоколов. Весь новый материал, который он доставил, ограничился отдельными листами книги протоколов, которые Штибер впоследствии дополнил и дал переплести вместе. Понадобилось двенадцать месяцев одиночного заключения для обвиняемых, чтобы дать необходимое время для рождения и роста подлинной книги протоколов. Пустяки! заявляет Зедт; уже в том, что защитнику и

обвиняемым понадобилась целая неделя, чтобы очистить авгиеву конюшню, над заполнением которой в течение $1^1/_2$ лет трудились все власти прусского государства, а обвиняемые $1^1/_2$ года сидели в тюрьме, он находит доказательство их вины. Подлинная книга протоколов не является частным случаем. Это тот узел, в котором сошлись все нити правительственной деятельности, посольства и полиции, министерства и магистратуры, прокуратуры и дирекции почты, Лондона, Берлина и Кельна. Подлинная книга протоколов имела такое большое значение для дела, что она была выдумана, чтобы вообще создать дело. Курьеры, депеши, похищение корреспонденции, аресты, ложные присяги, чтобы сохранить подлинную книгу протоколов, фальсификации, чтобы создать ее, попытки подкупа, чтобы оправдать ее. Разоблачение тайны подлинной книги протоколов явилось разоблачением тайны этого процесса-монстр.

Первоначально понадобилось чудодейственное вмешательство полиции, чтобы скрыть чисто тенденциозный характер процесса. «Предстоящие разоблачения докажут вам, господа присяжные заседатели, что этот процесс не является тенденциозным процессом» — этими словами Зедт открыл прения. Теперь же он обращает внимание на тенденциозный характер, чтобы заставить забыть разоблачения полиции. После полуторагодичного предварительного следствия присяжным понадобились объективные данные, чтобы оправдать себя в глазах общественного мнения. После пятинедельной полицейской комедии им понадобилась «*чистая* тенденция», чтобы выбраться из фактической грязи. Поэтому Зедт не ограничивается одним только материалом, который привел обвинительную власть к заключению, «что нет объективных данных». Он идет дальше. Он старается доказать, что закон о заговорах вообще не требует данных и что, следовательно, категория заговора есть только предлог, чтобы в законной форме сжигать политических еретиков. Посредством применения к подсудимым нового прусского уложения о наказаниях, принятого после их ареста, попытка его обещала больший успех. Раболепная судебная палата могла допустить его обратное действие под тем предлогом, что это уложение содержит более мягкие наказания.

Но если процесс являлся чисто тенденциозным процессом, то для чего нужно было полуторагодичное предварительное следствие? Из тенденции.

Но раз дело идет, таким образом, только о тенденции, то должны ли мы теперь вести принципиальные дискуссии о тенденции с Зедт Штибер-Зеккендорфами-Гебелями, с прусским правительством,

с тремя стами крупнейших плательщиков налогов кельнского правительственного округа, с королевским камергером фон-Мюнх-Беллинггаузеном и с бароном фон-Фюрстенбергом? Pas si bête. (Нет, мы не так глупы.)

Зедт признается (заседание 8 ноября), «что когда несколько месяцев тому назад обер-прокурор дал ему поручение представлять вместе с ним в этом процессе прокуратуру и когда он вследствие этого стал читать акты, у него впервые явилась мысль ближе познакомиться с социализмом и коммунизмом. Поэтому он чувствовал тем бо́льшую потребность поделиться результатами своих исследований с присяжными, что он полагал, что должен исходить из предположения, что, может быть, многие из них, подобно ему, слишком мало занимались этими вопросами».

И Зедт поэтому покупает себе известное руководство Штейна.

«И то, что он сегодня изучил, то он завтра уже преподносит другим».

Но с прокуратурой случилось особенное несчастие. Она искала объективных данных против Маркса, а нашла объективные данные против Шерваля. Она искала коммунизм, который пропагандировали подсудимые, а нашла коммунизм, против которого они вели борьбу. В руководстве Штейна, правда, имеются различные виды коммунизма, нет только того вида, которого ищет Зедт. Штейн еще не зарегистрировал немецкого критического коммунизма. Правда, в руках Зедта имеется «Манифест Коммунистической партии», который обвиняемые признают манифестом своей партии. А в этом «Манифесте» есть одна глава, содержащая критику всей прежней социалистической и коммунистической литературы, следовательно всей отмеченной Штейном премудрости. Из этой главы выясняется различие между обвиняемым коммунистическим направлением и всеми прежними направлениями коммунизма, следовательно специфическое содержание и *специфическая тенденция* учения, против которого выступает Зедт. Никакой Штейн не поможет при этом камне преткновения.[1] Здесь надо было понимать, хотя бы только для того, чтобы обвинять. Как же выпутывается оставленный Штейном Зедт? «Манифест состоит из *трех отделов*, — утверждает он. — В первом отделе содержится историческое развитие общественного положения различных граждан (!) с точки зрения коммунизма» (very fine — замечательно тонко). «...Во втором отделе мы находим развитие отношения коммунистов к пролетариям... Наконец последний отдел

[1] [Здесь непереводимая игра слов: Stein значит камень.]

трактует о позиции коммунистов в различных странах»... (Заседание 6 ноября).

Манифест, правда, состоит из четырех отделов, а не из трех, но чего не знаешь, о том и не думаешь. Зедт поэтому утверждает, что он состоит из трех отделов, а не из четырех. Не существующий для него отдел есть именно тот злополучный отдел, который содержит критику запротоколированного Штейном коммунизма, следовательно содержит *специфическую тенденцию* коммунизма, привлеченного к суду. Бедный Зедт! Вначале ему недоставало *данных*, теперь ему недостает *тенденции*.

Но, милый друг, всякая теория суха. «Так называемый социальный вопрос, — замечает Зедт, — и его решение в последнее время занимали призванных и непризванных». Зедт во всяком случае принадлежит к числу призванных, так как обер-прокурор Зеккендорф три месяца тому назад официально «призвал» его к изучению социализма и коммунизма. Зедты всех времен и всех стран всегда единодушно признавали Галилея «непризванным» к изучению движений небесных светил, а инквизитора, который обвинил его в ереси, призванным. E pur si muove! (а все-таки она движется!)[1]

В лице подсудимых перед судом, представляющим господствующие классы, предстал безоружный революционный пролетариат; подсудимые были уже, следовательно, заранее осуждены, потому что они стояли перед этим судом. Что могло на один момент поколебать буржуазную совесть присяжных, как оно поколебало общественное мнение, это — разоблачение правительственной интриги, это — продажность прусского правительства, которая раскрылась пред их глазами. Но если прусское правительство применяет к подсудимым такие гнусные и рискованные меры, — сказали себе присяжные, — если оно, так сказать, поставило на карту свою европейскую репутацию, в таком случае обвиняемые должны быть ужасно опасны, как бы ни была мала их партия, и учение их во всяком случае должно представлять большую силу. Правительство нарушило все законы уголовного кодекса, чтобы защитить нас от этого преступного чудовища. Запачкаем же и мы в свою очередь немного наш крохотный point d'honneur (нашу крохотную честь), чтобы спасти честь правительства.

Рейнское дворянство и рейнская буржуазия, высказавшись за

[1] Зедт был не только «призван». Он и в дальнейшем был «призван» в награду за его заслуги в этом процессе и был назначен генерал-прокурором Рейнской провинции и как таковой получал пенсию и затем, причастившись святых тайн, тихо скончался.

виновность, присоединили и свой голос к общему хору французской буржуазии после 2 декабря: «Только кража может спасти собственность, только клятвопреступление может спасти религию, только разврат может спасти семью, только беспорядок — порядок!»

Весь государственный аппарат Франции проституировался. И все же ни одно учреждение не было так глубоко проституировано, как французские суды и присяжные. Превзойдем же французских присяжных и судей,— решили присяжные и судебная палата в Кельне. В процессе Шерваля, сейчас же после государственного переворота, парижские присяжные оправдали Нетте, против которого было гораздо больше данных, чем против *любого* из обвиняемых. Превзойдем же присяжных государственного переворота 2 декабря. Осудим же, хотя бы и запоздало, Нетте в лице Резера, Бюргерса и т. д.

Так навсегда была разрушена вера в суд присяжных, существовавшая еще в Прирейнской Пруссии. Стало ясно, что суд присяжных есть сословный суд привилегированных классов, учрежденный для того, чтобы заполнить пробелы закона широтой буржуазной совести.

Иена!.. вот последнее слово для правительства, которое нуждается в таких средствах для поддержания своего существования, и для общества, которое нуждается в таком правительстве для своей защиты. Это — последнее слово кельнского процесса коммунистов: *Иена!*

РЫЦАРЬ БЛАГОРОДНОГО СОЗНАНИЯ.

Участник малой войны (см. *Деккер*, Теория малой войны) не обязан быть благородным человеком, но он должен обладать *благородным* сознанием. По Гегелю, благородное сознание неизбежно превращается в *низменное* сознание. Процесс этого превращения я иллюстрирую на примере господина Виллиха, совмещающего в своем лице одновременно Петра Пустынника и Вальтера Голяка. Я ограничусь рыцарем della Ventura; стоящих же за ним его рыцарей del dente я предоставляю их участи.

Чтоб заранее было ясно, что благородное сознание привыкло выражать истину в «высшем» смысле с помощью лжи в «обыкновенном смысле», господин Виллих начинает свой ответ на мои «Разоблачения» следующими словами: «Д-р Карл Маркс поместил в «Neu-England-Zeitung» и в «Criminal-Zeitung» отчет о кельнском процессе коммунистов». Я никогда не давал в «Criminal-Zeitung» отчета о кельнском процессе коммунистов. Известно, что я дал для «Neu-England-Zeitung» «Разоблачения», а господин Виллих в «Criminal-Zeitung» поместил признания Гирша.

На стр. 11 [509] «Разоблачений» говорится следующее: «Из перечисления украденных у партии Виллих-Шаппера документов и издат этих документов следует, что эта партия — хотя и получила предупреждение в виде учиненной Рейтером кражи со взломом — все еще умудрялась позволять выкрадывать у себя документы, которые попадали в руки прусской полиции». На стр. 64 [550] место это приводится в резюме.

«Господин Маркс,—отвечает господин Виллих,—отлично знает, что сами эти документы по большей части подложны, отчасти сочинены».

По большей части подложны; значит *не совсем* подложны. *Отчасти* сочинены; значит, *не все* сочинены. Таким образом, господин Виллих сознается, что после совершенного Рейтером воровства, как и до него, документы, принадлежащие его фракции, как-то попадали в руки полиции. Но именно это я и утверждаю.

Благородство господина Виллиха заключается в том, чтобы за *верными фактами* выискивать, вынюхивать *ложное сознание*. «Господин Маркс *знает*». Откуда знает господин Виллих, что господин Маркс знает? О некоторых из разбираемых документов я знаю, что они подлинные. Но ни об одном из них я не знаю, чтобы во время судебного процесса он был признан подделанным или сочиненным. Но я *должен был бы* знать «больше», так как «некий Блюм, близко стоявший к Виллиху, был информатором Маркса». Итак, Блюм процветал в непосредственной близости к Виллиху. Но тем дальше был он от меня. Все, что я знаю о Блюме, — с которым я никогда не говорил, даже намеками [durch die Blume sprechen], — это то, что он русский от рождения и сапожник по профессии, что он фигурирует также в качестве Мориссона, клянется виллиховскими пилюлями Мориссона и теперь находится, вероятно, в Австралии. О деятельности виллих-кинкелевских миссионеров я получил сведения из Магдебурга, а не в Лондоне. Поэтому благородное сознание могло бы избавить себя от болезненной, во всяком случае, операции публично опорочить, опираясь на простое подозрение, одно из своих духовных детищ.[1]

Сперва благородное сознание лживо приписывает мне какого-то сочиненного им информатора; затем так же лживо оно отрицает приводимое мной реальное письмо. Оно цитирует: «На стр. 69 [553] «Разоблачений», примечание из мистифицирующего письма *Беккера*».

Господин Виллих слишком благороден, чтоб допустить, что человек столь «высокого духа и характера», как Беккер, способен был несправедливо отозваться о высоком духе и характере такого человека, как Виллих. Поэтому он превращает письмо Беккера в мистификацию, а меня в фальшивомонетчика. Из благородства, разумеется. Но мистифицирующее письмо все еще находится в руках адвоката Шнейдера II. Я послал его защите в Кельн во время разбирательства дела, ибо оно исключало какую бы то ни было причастность Беккера к дурацким затеям Виллиха. Письмо написано Беккером, а штемпеля кельнской и лондонской почты указывают даты получения и отсылки его.

«Но раньше госпожа Кинкель написала мне» (Виллиху) «более подробное, вносящее поправки, письмо; Беккер в Кельне взялся переслать его. Он сообщил мне, что письмо послано, но я ни-

---

[1] Г-н Блюм находится не в Австралии, а в Филадельфии, и фигурировал при основании «Американского рабочего союза» в его комитете как агент Виллиха. — *Прим. издателя брошюры.*

когда не видел его. *Удержали ли* его у себя *господин Маркс*, Беккер или почта?»

Не почта, доказывал Виллих. Может быть, Беккер? Но пока последний был на свободе, Виллих и не думал обращаться к нему за разъяснениями. Следовательно, остается «господин Маркс». По смиренному господину Виллиху выходит, что я опубликовываю письма, которых мне *не* писал Беккер, и утаиваю те, которые он передал мне для отсылки. Но, к сожалению, Беккер имел любезность *никогда* не поручать мне комиссии по отсылке писем, безразлично госпожи ли Иоганны, или господина Иоганна Готфрида. Ни тюремное начальство, ни черный кабинет не могут помешать тому, чтобы запросить у Беккера разъяснений по такому невинному вопросу. Господин Виллих сочиняет эту грязную инсинуацию, движимый чистым побуждением поощрить добродетель и изобразить, как сродство душ между добрыми, между Кинкелями и Виллихами, одерживает победу над искусством злых сеять вражду. «Партийная позиция внутри пролетариата между партией Маркса и партией Виллих-Шаппера, по данному *господином Марксом*, *а не мной* названию».

Благородное сознание должно доказать собственную скромность чужой заносчивостью. Поэтому оно превращает «*название, данное кельнским обвинительным актом*» (см. стр. 6 [506] «Разоблачений») в «*название господина Маркса*». Из скромности же оно превращает партийную принадлежность внутри отдельного тайного немецкого общества, о котором я говорю (см. loc. cit.), в «партийную принадлежность внутри пролетариата».

«Когда осенью 1850 г. Техов приехал в Лондон, Маркс *поручил* Дронке написать ему (Марксу), будто Техов высказал обо мне *презрительные замечания;* письмо это было прочитано вслух. Техов приехал; мы, как мужчины, откровенно поговорили друг с другом: сделанные в письме сообщения оказались сочиненными!!»

Когда Техов приехал в Лондон, я *поручил* Дронке написать мне, получил письмо, прочел его вслух, и *затем* Техов приехал. В ложной consecutio temporum отражается замешательство благородного сознания, ищущего ложной причинной связи между мной, письмом Дронке и приездом Техова. В письме Дронке, которое, впрочем, было адресовано Энгельсу, а не мне, инкриминируемое место гласит буквально следующее: «Сегодня я несколько изменил настроение у Техова, хотя при этом я впервые вступил в резкий спор с ним и с Шили», — *Шили находится в данный момент в Лондоне*, — «и он несколько раз заявил, что нападки на Зигеля являются личной причудой Виллиха, у которого, между прочим, он отрицает *какой бы*

то ни было военный талант». Таким образом, Дронке говорит не вообще о презрительных замечаниях Техова, но о презрительных замечаниях по поводу военного таланта господина Виллиха. Поэтому, если Техов назвал что-нибудь *сочиненным*, то не приведенное в письме Дронке сообщение, а сообщение благородного сознания о сообщениях Дронке. В Лондоне Техов не изменил своего, высказанного в Швейцарии, мнения о военном таланте господина Виллиха, хотя, может быть, изменил в других отношениях свои представления об этом лже-аскете. Таким образом, мое отношение к письму Дронке и приезду Техова ограничивается лишь тем, что я прочел вслух письмо Дронке: в качестве председателя Центрального комитета я обязан был читать вслух все письма. Так, между прочим, было прочитано одно письмо Карла Бруна, в котором этот последний тоже насмехается над военным талантом Виллиха. Господин Виллих был тогда убежден, что я *поручил* Бруну написать это письмо. Но так как Брун, в отличие от Техова, не уехал в Австралию, то господин Виллих предусмотрительно вычеркивает «этот образчик моей тактики». Так, мне пришлось прочесть вслух одно письмо, в котором Ротаккер пишет: «Я готов войти в любую другую общину, но *только не в эту* (именно *виллиховскую*)». Он рассказывает, как он, благодаря простой оппозиции виллиховским взглядам на «странные вооружения Пруссии», навлек на себя то, что один из сателлитов Виллиха «потребовал его немедленного исключения из Союза, а другой настаивал на назначении комиссии для разбора того, как сей Ротаккер попал в Союз, ибо это *подозрительно*». Господин Виллих был убежден, что я *поручил* Ротаккеру написать это письмо. Но так как Ротаккер занимается не золотоискательством в Мельбурне, а издает газету в Цинциннати, то господин Виллих нашел опять-таки удобным утаить от мира этот новый «образчик моей тактики».

Благородное сознание, по природе своей, повсюду готово наслаждаться собой и повсюду считает себя всеми признанным. Поэтому, если оно наталкивается на несогласие с его благосклонным мнением о себе, если Техов, например, отрицает у него военный талант, а Ротаккер — политические способности, или если Беккер считает его просто «глупцом», то подобные противоестественные факты приходится прагматически объяснять тактическим противоречием между Ариманом — Марксом и Энгельсом, и Ормуздом — Виллихом, в соответствии с чем благородное сознание предается низменнейшему занятию, пытаясь высидеть, вывести, выдумать тайны этой мнимой тактики. Мы видим, говорит Гегель, как это сознание вместо того, чтоб заниматься высшим, занимается низменнейшим, именно самим собой.

«Таковы, — восклицает торжествующий господин Виллих, — некоторые образчики тактики господина Маркса».

«Первое противоречие между Марксом-Энгельсом и мной обнаружилось тогда, когда со стороны некоторых, находившихся в Лондоне, более или менее влиятельных революционеров было получено нами приглашение на одно собрание. Я хотел пойти на него; я требовал укрепления нашего партийного положения и организации, но в то же время настаивал, чтобы не была вынесена *наружу внутренняя склока эмиграции*. Я остался в меньшинстве; приглашение было отклонено, и *с этого дня датирует грязная склока* в лондонской эмиграции, следствия которой *имеются налицо* еще и поныне, хотя теперь они потеряли всякое значение в глазах общественного мнения».

Господин Виллих, как «партизан» во время войны, находит и во время мира соответствующим своей миссии переходить от одной партии к другой; вполне верно, что он со своими благородными коалиционными поползновениями остался в меньшинстве. Это признание звучит тем наивней, что впоследствии он старался распространить слух, будто эмиграция исключила нас из своей цеховой организации. Здесь он признает, что мы исключили из своей среды эмигрантский цех. Так обстоит дело с фактами. А вот и искажение, то бишь, объяснение (Verklärung) их. Благородное сознание должно стремиться доказать, что только Ариман помешал ему в его благородной работе предохранить эмиграцию от всех обрушившихся на нее напастей. Для этой цели оно должно снова прибегнуть ко лжи с чисто евангелистским искажением мирской хронологии (см. *Бруно Бауэр*, Синоптики). Ариман—Маркс-Энгельс заявили о своем выходе из рабочего кружка на Great Windmill Street и о своем расхождении с Виллихом в заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 г. С этого дня они устранились от всяких публичных организаций, демонстраций и манифестаций. Итак, с 15 сентября 1850 г.; 14 июля 1851 г. именитые представители всех фракций были приглашены к гражданину Фиклеру, 20 июля 1851 г. был основан «Агитационный союз», а 27 июля 1851 г. — немецкий «Эмигрантский клуб». С *этого* дня, когда исполнились тайные пожелания благородного сознания, датирует грязная склока «лондонской эмиграции», с этого дня началась по обеим сторонам океана борьба между «эмиграцией» и «агитацией», великая война мышей и лягушек.

Кто даст звучанье этой скромной лире,
Кто даст мне вдохновенных слов поток,
Чтоб описать невиданное в мире —
Неистовых богатырей наскок?

*

Все прежние бои — цветы на пире
В сравненьи с тем, что петь судил мне рок:
Ведь все, в ком жив чудесный дух отваги,
Скрестили в этой славной битве шпаги.

(Боярдо, «Влюбленный Роланд», песня 27.)

Значение этой «грязной склоки» в глазах «общественного мнения» никогда не существовало, оно существовало только в собственном мнении воюющих между собою мышей и лягушек. Но «следствия еще имеются налицо». Однако и наличие господина Виллиха в Америке есть тоже следствие. Перекочевавшие из Америки в Европу, в виде займа, деньги вернулись обратно из Европы в Америку в виде поехавшего туда Виллиха. Одним из его первых деяний там было образование одного тайного comittee в..., чтобы гарантировать святой Грааль, демократические деньги, Готфриду Бульонскому и Петру Пустыннику против Арнольда Винкельрида-Руге и Меланхтона-Ронге.

Хотя «благородные» были предоставлены самим себе и, по выражению Эдуарда Мейена, *все*, «вплоть до Бухера», были объединены, но процесс разложения не только главного войска, но и каждого отдельного отряда, пошел так быстро, что агитационный союз вскоре свелся к неполному семизвездию, а эмиграционный клуб, несмотря на связывающую силу благородного сознания, к триединству Виллиха, Кинкеля и трактирщика Шертнера. Даже триединое регентство над займом — такой притягательной силой обладало благородное сознание — свелось к чему-то, что нельзя даже назвать дуализмом, именно к Кинкель-Виллиху. Господин Рейхенбах был слишком почтенным человеком, чтобы долго оставаться третьим в подобном союзе. Он имел возможность на практике познакомиться с «личным характером» благородного сознания.

Между образчиками тактики Маркса, приводимыми благородным сознанием, находятся и его отношения к Энгельсу. Я приведу здесь одно письмо самого Энгельса.

Манчестер, 23 ноября 1853 г.

В романе, опубликованном господином Августом Виллихом в нью-иоркской «Criminal-Zeitung» (№№ от 26 октября и 4 ноября) в целях самооправдания, имею честь фигурировать и я. В связи с этим я вынужден сказать несколько слов по этому делу, поскольку оно затрагивает меня.

Что у друга Виллиха, который смешивает чистое безделье с *чистой* деятельностью и поэтому занимается исключительно другом-Виллихом, великолепная память на все, что касается его особы, что он вел своего рода реестрик всех замечаний относительно себя, даже если они были сказаны за кружкой пива,— это давно не было тайной ни для кого, кто имел счастье наслаждаться знаком-

ством с ним, но друг-Виллих всегда умел отлично использовать свою память и свой реестрик. Какое-нибудь маленькое изменение, какие-нибудь на вид неумышленные пропуски всегда делали из него — когда речь заходила о подобных безделицах — героя драматического происшествия, средоточие какой-нибудь группы, какой-нибудь живой картины. Как в целом виллиховского романа, так и в частностях его борьба всегда и везде вращается вокруг незапятнанного, чистого, а потому ненавидимого Виллиха. В каждом отдельном эпизоде мы видим в заключение, как наш бравый Виллих произносит речь, а нечестивые противники его сокрушены, сломлены, раздавлены, погружены в сознание своего ничтожества. Et cependant on vous connaît, o chevaliers sans peur et sans reproche! (А между тем вас знают, о рыцари без страха и упрека!)

Таким образом, в виллиховском романе эпоха страданий, во время которой благородный муж столько натерпелся от Маркса, Энгельса и прочих безбожников, является в то же время эпохой триумфа, где он каждый раз победоносно расправляется со своими противниками, причем каждый новый триумф превосходит все предыдущие. Друг-Виллих изображает себя, с одной стороны, в виде страждущего Христа, который взял на себя грехи Маркса, Энгельса и К°, а с другой — в виде Христа, который пришел в мир, чтобы судить живых и мертвых. Другу-Виллиху было дано совместить *одновременно*, в одном лице, две столь противоречивые роли. Кто способен представлять одновременно эти фазы, тому, действительно, нужно верить.

Нам, давно уже отлично знавшим эти самодовольные фантазии, которыми пожилой холостяк заполнял свои бессонные ночи, нам кажется странным, что все эти идиосинкразии обнаруживаются еще и ныне в той же неизменной форме, что̀ и в 1850 г. Но перейдем к частностям.

Друг-Виллих, который превращает господ Штибера и К° в агентов какой-то немецкой «Центральной союзной полиции, не существующей уже со времени древней эпопеи с демагогами, и который рассказывает кучу столь же чудесных «фактов», утверждает с обычной своей точностью, что я написал «брошюру» о баденской кампании 1849 г. Друг-Виллих, изучивший с редкой основательностью ту часть моей работы, где говорится о нем, отлично знает, что я никогда не выпускал подобной «брошюры». Я написал ряд статей о кампании за имперскую конституцию в «Neue Rheinische Zeitung, Hamburg und New-York 1850», в одной из которых я описывал свои наблюдения во время пфальцско-баденской кампании. В этой статье фигурирует, конечно, и друг-Виллих, и, как он говорит, в статье этой дана «очень высокая оценка» его, что̀ вызвало у него тотчас же конфликт с его обычной скромностью, ибо он стал, благодаря ей, как бы «конкурентом других, столь многочисленных великих государственных деятелей, диктаторов и полководцев».

В чем же заключается эта высокая моя «оценка», которая так радует теперь благородное сердце Виллиха? В том, что я «оценил» господина Виллиха как очень недурного, при сложившихся обстоятельствах, батальонного командира, который за двадцать лет, что он был прусским лейтенантом, усвоил себе необходимые для этого сведения; который обнаружил способность для ведения малой и, в частности, партизанской войны и который, наконец, обладал тем преимуществом, что, в качестве начальника добровольческого отряда из 600—700 человек, он был вполне на месте, между тем как большинство обер-офицеров в ту кампанию состояло из субъектов, не обладавших никаким военным образованием или же обладавших образованием, совершенно не соответствовавшим занимаемым ими

постам. Сказать, что господин Виллих мог лучше командовать 700 людьми, чем первый встречный студент, унтер-офицер, школьный учитель или сапожник, это является, конечно, «очень высокой оценкой» для прусского лейтенанта, имевшего для этого 20 лет подготовки! Dans le royaume des aveugles le borgne est roi. (В стране слепых кривой — король). Само собою разумеется, что, занимая подчиненное место, он нес меньше ответственности и, следовательно, мог сделать меньше промахов, чем «его конкуренты», дивизионные генералы или другие высшие начальники. Кто знает, не оказался ли бы и Зигель, бывший совсем не на месте в качестве «полководца», недурным батальонным командиром?

А эта горестная жалоба скромного Виллиха — который пока-что, при содействии некоторых американских газет, за выслугу лет успел быть произведенным в генералы, вероятно, по моей вине — а эта жалоба, что моя «оценка» грозит ему опасностью стать генералом in partibus, да что генералом, — полководцем, *государственным деятелем, наконец, даже диктатором*. Друг-Виллих составил себе, должно быть, очень своеобразные представления о тех блестящих наградах, которые хранит in petto Коммунистическая партия для примкнувшего к ней недурного командира батальона добровольцев.

В приведенной статье я говорил о Виллихе только как о военном человеке, ибо только как таковой он мог интересовать публику, ставши *«государственным деятелем»* лишь после того. Если бы я имел злобу против него — ту злобу, которою, по его мнению, охвачены я и мои друзья — если бы для меня представляло интерес дать личную характеристику его, то какие можно было бы рассказать эпизоды! Если бы я ограничился только комической стороной, мог ли бы я пропустить историю с яблоней, под которой он и его безансонцы торжественно поклялись скорее умереть с песней на устах, чем еще раз покинуть немецкую землю? Как мог бы я не рассказать комедии на границе, когда друг-Виллих стал действовать так, точно это должно было быть приведено в исполнение; когда ко мне подошли несколько простодушных людей, вполне серьезно убеждая меня отклонить бравого Виллиха от его намерения; когда, наконец, Виллих поставил всему отряду вопрос, не предпочитает ли он, скорее, умереть на немецкой земле, чем отправиться в изгнание; когда после долгого общего молчания, один единственный, презирающий смерть, безансонец воскликнул: «остаться здесь!» и когда, в конце концов, вся компания, с величайшим удовольствием, перешла с оружием и багажом на территорию Швейцарии? Что за занятный эпизод представила бы позднейшая история с багажом, которая не лишена интереса в данный момент, когда сам Виллих вызывает полмира высказаться по поводу его «характера». Впрочем, кто желает узнать больше подробностей об этом и о других приключениях, может обратиться к кому-нибудь из его 300 спартанцев, не сумевших найти тогда Фермопил. Они всегда были готовы рассказывать за спиной Виллиха о страшнейших скандалах. У меня тому масса свидетелей.

Об истории с моей «храбростью» я не скажу ни слова. К своему удивлению, я нашел тогда в Бадене, что храбрость, это — одно из ординарнейших свойств, так что не стоит о нем распространяться, но что простая, сырая храбрость стоит не большего, чем простая *добрая воля*, и поэтому часто случается, что каждый в отдельности — герой и храбрец, а весь батальон в целом удирает, как один человек. Пример этого представляет экспедиция виллиховского отряда в Карлсдорф, подробно изложенная в моем рассказе о кампании за имперскую конституцию.

Виллих утверждает, что в связи с этим в ночь на новый, 1850, год он прочел

мне победоносную моральную проповедь. Так как я не привык вести дневник того, как я перехожу из одного года в другой, то я ничего не могу сказать об этой дате. Во всяком случае Виллих никогда не произносил этой проповеди в таком виде, в каком он теперь излагает ее в печати.

В эмигрантском комитете, — уверяет великий человек, — я вместе с несколькими другими лицами вел себя «недостойно» по отношению к нему. Shocking! Но где же были победоносные моральные аргументы тогда, когда Виллих, эта гроза нечестивых, вдруг оказался бессильным против простого «недостойного поведения?» Вряд ли можно требовать от меня, чтоб я серьезно занимался подобными глупостями.

В заседании Центрального комитета, где между Шраммом и Виллихом дело дошло до вызова, я будто бы вместе с Шраммом преступно «покинул комнату» незадолго до этой сцены и, следовательно, подготовил всю сцену.

Прежде «натравливал» Шрамма Маркс, теперь, для перемены, в этой роли являюсь я. Действительно, дуэль между старым, опытным в обращении с пистолетом, прусским лейтенантом и коммерсантом, который, может быть, никогда не держал пистолета в руке, была самым подходящим средством, чтобы «убрать с дороги» лейтенанта. Несмотря на это, друг-Виллих повсюду рассказывал — устно и письменно — будто мы хотели заставить застрелить его.

Весьма возможно — я не веду дневника тех случаев, когда известная нужда заставляет меня покидать комнату — что я одновременно с Шраммом оставил комнату; но это невероятно, так как я из находящихся у меня протоколов заседания тогдашнего Центрального комитета усматриваю, что в тот вечер я и Шрамм поочереди вели протокол. Шрамм просто взбесился из-за бесстыдного выступления Виллиха и, к величайшему изумлению всех нас, вызвал его на дуэль. За несколько минут до того сам Шрамм, вероятно, не догадывался, что дело дойдет до этого. Никогда поступок не был так непредумышлен, как этот вызов. Виллих и здесь рассказывает, будто он сказал речь: «Ты, Шрамм, покинешь комнату!» В действительности Виллих обратился к Центральному комитету с требованием удалить Шрамма. Центральный комитет не счел нужным удовлетворить его желание, Шрамм удалился только по личной просьбе Маркса, желавшего избежать дальнейшего скандала. На моей стороне находится книга протоколов, на стороне господина Виллиха — его личный характер.

Фридрих Энгельс.

Господин Виллих рассказывает далее, как он рассказал о «недостойном поведении» эмигрантского Комитета в Рабочем союзе и внес по этому поводу предложение. Когда, повествует благородное сознание, «когда негодование против Маркса и его клики достигло высшей степени, *я подал голос* за рассмотрение вопроса в *Центральном комитете. Это* и произошло».

Что произошло? Голосование Виллиха или же рассмотрение в Центральном комитете? Какое великодушие! Его повелительный голос спасает его врагов от достигшего высшей степени негодования народа. Господин Виллих забывает только то обстоятельство, что Центральный комитет, это — *тайный* комитет *тайного* общества,

Рабочий же союз, это — *открытое* экзотерическое общество. Он забывает, что вопрос о рассмотрении дела в Центральном комитете не мог поэтому подвергаться голосованию в Рабочем союзе и что сцена милосердного самаритянина, в качестве героя которой он фигурирует, не могла иметь места. Друг-Шаппер поможет ему освежить свою память.

От вполне легального Рабочего союза господин Виллих ведет нас в тайный Центральный комитет, в Антверпен, к дуэли, его дуэли с Шраммом:

«Шрамм приехал в Остенде, в сопровождении одного *бывшего русского офицера*, который во время венгерской революции перешел, *по его словам*, на сторону венгров и после дуэли *бесследно исчез*».

Этот «бывший русский офицер» не кто иной, как *Генрих Людвиг Мисковский*.

«This is, — читаем мы в свидетельстве, выданном *бывшему русскому офицеру*, — this is to testify, that the bearer Henri Lewis Miskowsky, a Polish gentleman, has served during the late Hungarian war 1848—1849 as officer in the 46th bataillon of the Hungarian Honveds, and that he behaved as such praiseworthy and gallantly. London, Nov. 12, 1853. L. Kossuth, late governor of Hungary». [1]

Изолгавшееся благородное сознание! Но цель *благородна*. Противоположность между добром и злом должна быть изображена в своем контрасте, как живая картина. Что за художественная группа! На одной стороне наш благородный рыцарь, окруженный «Теховым, который теперь находится в Австралии, Видилем, французским гусарским ротмистром, который находился тогда в изгнании, а теперь сидит в тюрьме в Алжире, и Бартелеми, известным, по французским газетам, как один из решительнейших революционеров». Коротко говоря, Виллих собственной персоной, окруженный цветом двух революций — на одной стороне; на другой стороне — Шрамм, этот воплощенный порок, имеющий за себя одного «бывшего русского офицера», который участвовал в венгерской революции не в действительности, но лишь «по его словам» и который после дуэли «бесследно исчезает», т. е., в конце концов, является самим чортом. Наш рыцарь художественно изображает, как добродетель остановилась в «первом отеле» Остенде, где жил тогда один «прусский принц»,

[1] [«Сим удостоверяется, что предъявитель сего, Генрих-Людвиг Мисковкий, польский дворянин, служил в течение первой венгерской войны 1848 — 1849 гг. как офицер в 46-м батальоне венгерских гонведов и что он вел себя достойно и храбро. Лондон, 12 ноября 1853 г. Л. Кошут, бывший правитель Венгрии».]

между тем как порок вместе с русским офицером «поселился в частном доме». Впрочем, русский офицер не совсем исчез после дуэли, так как, по дальнейшему рассказу господина Виллиха, «Шрамм с русским офицером остался на курорте». Но русский офицер не исчез вовсе из мира, как на это надеется наш благородный рыцарь. Это доказывается нижеследующим разъяснением.

Лондон, 28 ноября 1853 г.

В «Criminal-Zeitung» от 28 октября помещена статья господина Виллиха, в которой он, между прочим, описывает свою дуэль с Шраммом в Антверпене в 1850 г. Я должен выразить сожаление, что описание это не во всех пунктах соответствует истине. Там сказано: «Была устроена дуэль и т. д. Шрамм приехал в сопровождении одного бывшего русского офицера, который исчез и т. д.». Это неправда. Я никогда не служил в России; подобно мне, можно было бы назвать *русскими* всех других *польских* офицеров, участвовавших в освободительной войне Венгрии. Я служил в Венгрии с начала войны, с 1848 г., до конца ее при Виллагоше в 1849 г. Я также не исчез бесследно. После промаха Шрамма, который выстрелил в Виллиха, выдвинувшись на полшага вперед, после того как Виллих выстрелил со своего места в Шрамма и его пуля слегка оцарапала голову Шрамма, я остался при последнем, ибо у нас не было доктора (дуэль организовал господин Виллих); я обмыл ему рану и перевязал ее, не обращая внимания на семь человек, которые недалеко от нас косили сено, наблюдали всю картину дуэли и могли оказаться опасными для меня. Виллих и его спутники удалились самым поспешным образом, а Шрамм и я остались спокойно на месте, следя за ними. Вскоре они скрылись с наших глаз. Я должен еще заметить, что Виллих со своими спутниками оказались уже на месте дуэли, когда мы туда прибыли, что они отмерили расстояние для поединка, причем Виллих занял позицию, оставлявшую его в тени. Я обратил на это внимание Шрамма, но он сказал: «пусть будет так». Шрамм держался мужественно, бесстрашно, с полным равнодушием. Что он *вынужден* был остаться в Бельгии, это не осталось неизвестным вышеназванным лицам. В дальнейшие подробности этой столь своеобразной по своей форме дуэли я не желаю вдаваться.

Генрих-Людвиг Мисковский.

Механизм благородного сознания теперь вскрыт. Сочинив какого-то русского офицера, он заставляет его затем бесследно исчезнуть; на место этого офицера должен теперь появиться на арене борьбы я, как Самуил, хотя и в бестелесном виде.

«На следующий день, рано утром (после прибытия господина Виллиха в Остенде), он (знакомый французский гражданин) показал нам «Précurseur de Bruxelles», в котором была помещена следующая корреспонденция: «*В Брайтон прибыло много немецких эмигрантов*. Нам пишут из этого города: Ледрю-Роллен и французские эмигранты из Лондона собираются на-днях устроить конгресс в Остенде вместе с бельгийскими демократами». Кто может претендовать на эту честь? Кто может назвать эту идею своей собственной?

Она не могла быть ни от какого француза, для этого она была слишком à propos. Эта честь принадлежит безраздельно господину Марксу, *ибо если* один из его друзей и *мог* взять на себя заботу о нем, то ведь голова является изобретателем идей, а не рука».

Знакомый французский гражданин показывает господину Виллиху и К° «Précurseur de Bruxelles». Он *показывает* им то, что не существует. Существует «Précurseur d'Anvers». Систематическое искажение и измышления в области топографии и хронологии составляют существенную функцию благородного сознания. Идеальное время и идеальное пространство являются соответствующими рамками для его идеальных произведений.

Чтоб доказать, что эта идея, именно статья в «Précurseur de Bruxelles» «была» «от» Маркса, господин Виллих уверяет: «она не могла быть ни от какого француза». Эта идея не могла *быть от!* «Для этого она слишком à propos». Mon Dieu, как это возможно, чтоб идея, которую сам господин Виллих может выразить лишь на французский лад, не была от француза? Но как вообще здесь очутился француз, о благородное сознание! Что за дело французу до Виллиха, Шрамма, бывшего русского офицера и «Précurseur de Bruxelles?»

Рупор мыслей благородного сознания начинает не во-время говорить громко и выдает, что оно сочло à propos выбросить один необходимый промежуточный член. Вставим его обратно.

До того, как Шрамм вызвал на дуэль господина Виллиха, француз Бартелеми условился с французом Сонжоном насчет дуэли меж ними, которая должна была происходить в Бельгии. Бартелеми выбрал себе, в качестве секундантов, Виллиха и Видиля. Сонжон уехал из Бельгии. В промежутке произошел инцидент с Шраммом. Обе дуэли должны были произойти в один день. Сонжон *не* явился на место поединка. Бартелеми, по возвращении в Лондон, утверждал *публично*, что статья в «Précurseur d'Anvers» — дело рук Сонжона.

Благородное сознание долго колебалось, прежде чем оно перенесло идею с Бартелеми на себя и с Сонжона на меня. Первоначально, как рассказывал мне и Энгельсу сам Техов после своего возвращения в Лондон, он был твердо убежден, что я, через посредство Шрамма, намерен уничтожить все благородное на свете, и он протрубил об этом по всему миру. По более зрелом размышлении, он решил, что мне с моей дьявольской тактикой вряд ли пришло бы в голову убрать господина Виллиха с помощью дуэли с Шраммом. Поэтому он ухватился за идею, которая «была от одного француза».

Тезис: «Эта честь принадлежит безраздельно господину Марксу». *Доказательство:* «Ибо если один из его друзей и мог взять на себя

заботу о нем (идея, разумеется, у нашего рыцаря среднего рода, а не женского; кроме того: взять на себя заботу об идее), то ведь голова является изобретателем идеи, а не рука». «Ибо если»! Великое «ибо если»! Чтоб доказать, что Маркс *выдумал* «его» (идею), господин Виллих предполагает, что один друг Маркса взял на себя *заботу* или, вернее, *мог* взять на себя заботу о «нем». Quod erat demonstrandum.

«*Если*, говорит благородное сознание, установлено, что Семере, друг Маркса, предал венгерскую корону австрийскому правительству, то это *было бы* замечательным доказательством и т. д.».

Установлено, положим, как раз обратное. Но это не относится к делу. *Если* бы Семере совершил предательство, то это *было бы* для господина Виллиха «замечательным» доказательством, что Маркс взял на себя заботу о статье в «Précurseur de Bruxelles». Но *если* даже первая посылка *не* установлена, то все же установлено заключение и установлено, что если Семере предал корону святого Стефана, то Маркс предал самого святого Стефана.

После того как русский офицер бесследно исчез, снова появляется господин Виллих, и притом в Рабочем союзе в Лондоне, где «рабочие единодушно осудили господина Маркса» и «на следующий день после выхода оттуда исключили его единодушно из Союза на общем собрании лондонского округа». Но *раньше* «Маркс с большинством Центрального комитета принял решение перенести его из Лондона» и, несмотря на протесты Шаппера, образовать свой собственный кружок. По уставу тайного общества, большинство имело право перенести Центральный комитет в Кельн и провизорно исключить весь виллиховский кружок, который *не имел права принимать* решения относительно него. Изумительно, что благородное сознание с его любовью к маленьким драматическим сценам, в которых господин Виллих играет большую риторическую роль, на этот раз оставило неиспользованной самую катастрофу, сцену разрыва. Искушение было велико, но, к сожалению, существуют сухие протоколы, показывающие, что торжествующий Христос целые часы сидел в замешательстве, молча выслушивая обвинения злого духа, затем вдруг удрал, оставив на съедение друга-Шаппера, и обрел снова дар речи лишь в «кругу» верующих. En passant. В то время как господин Виллих расписывает в Америке все великолепие «связанного с ним уважением и доверием Рабочего союза», даже господин Шаппер счел необходимым, пока что, выйти из союза господина Виллиха.

Благородное сознание покидает на один момент сферу столь привычного ему «тактического» процесса для теории. Но это только

кажется так. В действительности же оно продолжает давать «образчики тактики господина Маркса». На стр. 8 [507] «Разоблачений» мы читаем: «Партия Шаппер-Виллиха (господин Виллих цитирует: Виллих-Шаппера) никогда не претендовала на честь иметь собственные идеи. Ей принадлежит лишь своеобразное непонимание чужих идей». Чтоб раскрыть перед публикой свой запас *собственных* идей, господин Виллих сообщает, в качестве своего новейшего открытия и в качестве опровержения взглядов Энгельса и моих, *«какие институты»* «заведет» мелкая буржуазия, когда она достигнет власти. В одном, составленном Энгельсом и мной, циркулярном обращении, захваченном саксонской полицией у Бюргерса, которое появилось в распространеннейших немецких газетах и образует основу кельнского обвинительного акта, находится довольно подробный анализ благочестивых пожеланий немецкой мелкой буржуазии. Отсюда взят текст проповеди Виллиха. Пусть читатель сравнит оригинал и копию. Как гуманно со стороны добродетели, что она занимается списыванием у порока, хотя и со «своеобразным непониманием»! За ухудшенный стиль имеется возмещение в виде улучшенного намерения.

На стр. 54 [542] «Разоблачений» мы читаем, что Союз коммунистов, с моей точки зрения, «ставит себе целью образование не *правительственной*, а *оппозиционной партии будущего*». Господин Виллих при своем благородстве отбрасывает первую половину: «не правительственной», цепляясь за вторую: «оппозиционной партии будущего». Разорвав таким остроумным образом пополам это предложение, он доказывает, что истинная партия революции, это — партия *людей, гоняющихся за местами*.

Другая «собственная» идея господина Виллиха заключается в том, что практическое противоречие между благородным сознанием и его противниками может быть выражено и теоретически, как «разделение человечества на две породы», Виллихов и Анти-Виллихов, на породу благородных и породу неблагородных. О породе благородных мы узнаем, что их отличительный признак заключается в том, «что они познают друг друга». Быть скучным — такова привилегия благородного сознания, когда оно перестает потешать своими образчиками тактики.

Мы видели, как благородное сознание излыгает или прилыгает факты или приписывает смехотворным гипотезам достоинства серьезных тезисов, — все это для того, чтоб объявить всякое противоречие себе *фактически* чем-то неблагородным, низким. Мы видели, как поэтому вся его деятельность сводится исключительно к разыскиванию низостей. Оборотной стороной этой деятельности является то,

что оно превращает даже свои фактические недоразумения с миром — как бы они ни казались компрометирующими — в фактические доказательства своего благородства. Для чистого все чисто, и противник, судящий благородство по делам его, доказывает этим лишь то, что он нечистый. Поэтому благородному сознанию нечего *оправдываться*, ему остается только выражать свое моральное негодование и удивление противником, который принуждает его оправдываться. Поэтому тот эпизод, в котором господин Виллих якобы оправдывается, с таким же успехом мог бы не иметь места, как в этом убедится каждый, кто сравнит мои «Разоблачения», «признания» Гирша и ответ Виллиха. Я поэтому покажу лишь на некоторых примерах, каковы *мужи* благородного сознания.

Господин Виллих был скомпрометирован не столько моими «Разоблачениями», сколько признаниями Гирша, хотя первоначальной целью их было прославить его как избавителя от собственных врагов. Он поэтому тщательно избегает касаться признаний Гирша. Он избегает даже упоминания их. Гирш, как известно, — орудие прусской полиции против партии, к которой я принадлежу. Этому факту господин Виллих противопоставляет предположение, что Гирш *собственно* предназначался мной для того, чтобы «взорвать» партию Виллиха.

«Очень скоро он (Гирш) стал интриговать вместе с некоторыми сторонниками Маркса,—именно некиим Лохнером,—чтобы взорвать союз. *Вследствие этого* за ним стали наблюдать. Он был застигнут и т. д. По моему предложению его исключили; Лохнер вступился за него и был тоже исключен... Гирш стал *теперь* интриговать против О. Дитца... интрига была немедленно же раскрыта».

Что Гирш, по предложению господина Виллиха, был исключен, как шпион, из Рабочего союза на Great Windmill Street, об этом я сам говорю в «Разоблачениях», стр. 67 [551]. Это исключение не имело никакого значения в моих глазах, так как я узнал, что—как это подтверждает теперь сам Виллих — причиной его послужили не доказанные факты, а подозрения о каких-то фантастических интригах Гирша со мной. Я знал, что Гирш в этом преступлении неповинен. Что касается Лохнера, то он требовал доказательств вины Гирша. Господин Виллих ответил, что неизвестно, на какие средства живет Гирш. А на какие средства живет господин Виллих? — спросил Лохнер. За это «недостойное» замечание Лохнер был привлечен к *суду чести* и, так как, несмотря на уговоры, он не хотел покаяться в этом грехе, то был «исключен». После того как Гирш был исключен, а за ним последовал Лохнер, Гирш стал интриговать *теперь*,

против О. Дитца с одним очень подозрительным бывшим полицейским, который донес нам о Дитце».

Штехан, вырвавшись из одной ганноверской тюрьмы, прибыл в Англию, вступил в виллиховский Рабочий союз и оговорил О. Дитца. Штехан не был ни «подозрительным», ни «бывшим саксонским полицейским». К обвинению О. Дитца его побудило то обстоятельство, что следователь показал ему в Ганновере ряд его писем, отправленных в Лондон Дитцу, секретарю виллиховского комитета. Почти одновременно со Штеханом стали действовать Лохнер, Эккариус II, как раз выпущенный из ганноверской тюрьмы и высланный, Гимпель, которого разыскивали по делу об участии в шлезвиг-голштинских событиях, и Гирш, который в 1848 г. сидел из-за одного революционного стихотворения в Гамбурге, а теперь уверял, будто его снова ищут. Они вместе с Штеханом составили своего рода оппозицию и совершили грех против святого духа, борясь с вероучением господина Виллиха на публичных дискуссиях Союза. Все они обратили внимание на то, что ответом на обвинение Штеханом Дитца явилось исключение Гирша Виллихом. Вскоре все они вышли из Рабочего союза и образовали одно время вместе с Штеханом особый кружок. Со мной они вступили в сношения лишь *после* своего выхода из кружка господина Виллиха. Благородное сознание обнаруживает свою лживость тем, что извращает хронологический порядок и выпускает совершенно Штехана, это необходимое, но неудобное промежуточное звено.

Я говорю на стр. 66 [550] «Разоблачений»: «Незадолго до кельнского процесса Кинкель и Виллих послали в качестве эмиссара в Германию одного портновского подмастерья» и т. д. «Почему, — восклицает с негодованием благородное сознание, — почему господин Маркс подчеркивает *портновского подмастерья?*» Я не подчеркиваю портновского подмастерья, как, например, наш герой подчеркивает в случае с Пипером, «домашним учителем у Ротшильда», хотя Пипер, благодаря кельнскому процессу коммунистов, потерял свое место у Ротшильда, став, вместо этого, членом редакции органа английских чартистов. Я называю портновского подмастерья портновским подмастерьем. Почему? Ибо я должен был умолчать о его имени и в то же время показать господину Кинкель-Виллиху, что я вполне осведомлен о личностях их эмиссаров. Рыцарь благородного сознания обвиняет меня поэтому в оскорблении величеств всех портновских подмастерьев и старается заполучить их голоса пиндаровской одой в честь портновских подмастерьев. Щадя добрую репутацию портновских подмастерьев, он великодушно умалчивает о том, что

Эккариус — на которого он указывает как на одного из исключенных козлищ — портновский подмастерье, что нисколько не помешало до сих пор Эккариусу быть одним из величайших мыслителей немецкого пролетариата и завоевать себе своими английскими статьями в «Red Republican», «Notes to the People» и в «People's Paper» авторитет даже среди чартистов. Вот каким способом господин Виллих *опровергает* мои разоблачения относительно деятельности посланного им и Кинкелем в Германию портновского подмастерья.

Теперь перейдем к истории с *Генце*. Благородное сознание пытается выпадом против меня прикрыть свою собственную позицию. «Между прочим он» (Генце) «*ссудил Марксу 300 талеров*».

В мае 1849 г. я изложил господину Ремпелю финансовые затруднения «Новой рейнской газеты», возраставшие вместе с ростом числа подписчиков, ибо расходы приходилось выплачивать наличными, а приходы поступали лишь задним числом; кроме того, сильная нехватка получилась благодаря уходу почти всех акционеров, вызванному статьями в пользу парижских июньских инсургентов и против франкфуртских парламентариев, берлинских соглашателей и мартовцев (Märzvereinler). Господин Ремпель направил меня к Генце, который авансировал «Новой рейнской газете», за моим письменным поручительством, 300 талеров. Генце, которого самого искала тогда полиция, счел необходимым покинуть Гамм и отправился со мною в Кельн, где я получил известие о своей высылке из пределов Пруссии. Занятые мною у Генце 300 талеров, полученные мною с прусской почты 1 500 талеров подписных денег, принадлежавшая мне скоропечатная машина и пр. пошли все на уплату долгов «Новой рейнской газеты» наборщикам, печатникам, бумагопродавцам, конторщикам, корреспондентам, редакторскому персоналу и т. д. Никто не знает этого лучше, чем господин Генце, так как сам он ссудил моей жене дорожную сумку для упаковки ее серебряных вещей, отправленных в Франкфуртский ломбард, чтобы получить таким образом средства для наших личных нужд. Бухгалтерские книги «Новой рейнской газеты» лежат в Кельне у купца Стефана Наута, и я разрешаю благородному сознанию получить там официально заверенное извлечение из этих книг.

После этого отклонения в сторону вернемся к делу.

«Разоблачения» не видят ничего загадочного в том, что господин Виллих был другом Генце и получал от него денежную помощь. Они находят загадочным (стр. 65[550]), что Генце, у которого был обыск на дому и были захвачены бумаги, который был уличен в том, что дал в Берлине пристанище Шиммельпфеннигу во время одной тайной

миссии, и который «сознался» в соучастии в Союзе, — они находят загадочным, что этот самый Генце в момент, когда кельнский процесс близился к концу, когда внимание прусской полиции было напряжено до последней степени и за каждым сколько-нибудь подозрительным немцем в Германии и Англии следили строжайшим образом, получил официальное разрешение поехать в Лондон и там спокойно встречаться с Виллихом, а потом вернулся в Кельн, чтобы выступить против Беккера с «ложными показаниями». Особая, определенная эпоха придает сношениям господина Генце и Виллиха особый, определенный характер, и упомянутые обстоятельства должны были казаться странными самому господину Виллиху, хотя он и не знал, что Генце сносился по телеграфу из Лондона с прусской полицией. Дело идет об определенной эпохе. Господин Виллих правильно чувствует это и заявляет поэтому на свой благородный манер: «он» (Генце) «приехал до процесса в Лондон» (это утверждаю и я) «не ко мне, но на *промышленную выставку*». У благородного сознания своя собственная промышленная выставка, как и свой собственный «Précurseur de Bruxelles». Реальная лондонская промышленная выставка была закрыта в октябре 1851 г.; у господина Виллиха Генце едет *на нее* в августе *1852* г. Это обстоятельство могут подтвердить Шили, Гейзе и пр. поручители кинкель-виллиховского займа, к которым господин Генце приходил поодиночке на поклон, чтобы заручиться их голосами для перевода американских денег из Лондона в Берлин.

Когда господин Генце жил у господина Виллиха, то он уже давно был приглашен свидетелем на кельнский процесс, но не со стороны защиты, а со стороны обвинения. Как только мы узнали, что господин Виллих научил Генце выступать на суде в Кельне *против* Беккера, «этого человека высокого духа и характера» (стр. 68 [553] «Разоблачений»), то тотчас же защитнику Беккера, адвокату Шнейдеру II, было сделано соответствующее сообщение; письмо прибыло как раз в тот день, когда Генце давал свои показания, которые совпали с нашим *предсказанием*. Беккер и Шнейдер *поэтому* запросили его публично о его отношениях к господину Виллиху. Письмо находится в актах защиты в Кельне, отчет о допросе Генце— в «Кельнской газете».

Я не рассуждаю таким образом: «*Если* установлено, что господин Генце сделал то-то и то-то, то это *было бы* убийственным подтверждением деятельности господина Виллиха; *ибо если* друг-Генце и взял на себя заботу о нем, то изобретателем идеи является голова, а не рука». Такого сорта диалектику я предоставляю благородному сознанию.

Но вернемся к настоящей области господина Виллиха: «для полной оценки (проводимой Марксом) *тактики вот еще несколько образчиков*».

В эпоху пассивного сопротивления в Гессене, набора ландвера в Пруссии и показного конфликта между Пруссией и Австрией, благородное сознание готовилось как раз поднять военный бунт в Германии путем посылки «краткого проекта некоторым лицам в Пруссии для образования комиссий по ландверу» и путем *готовности* господина Виллиха «*самому* отправиться в Пруссию»... «Именно господин Маркс, который узнал об этом от одного из своих, сообщил другим лицам о моем *намерении поехать* и впоследствии хвалился тем, что мистифицировал меня *подложными письмами из Германии*».

Indeed! Беккер прислал мне с забавными комментариями сумасшедшие письма Виллиха, над которыми он публично потешался в Кельне. Я не был настолько жесток, чтобы помешать моему другу наслаждаться этим чтением. Шрамм и Пипер забавлялись тем, что мистифицировали господина Виллиха, но не «*из Германии*», а через посредство *лондонской городской почты*. Наш благородный рыцарь поостережется предъявить почтовые штемпеля. Он утверждает, что «получил *одно* письмо с подделанной подписью, которое признал фальшивым». Это невозможно. Все эти письма были написаны одной и той же рукой. Поэтому, хотя господин Виллих «хвалится» тем, что он открыл несуществующую поддельную подпись и из кучи вполне однородных писем признал *одно* фальшивым, но он был слишком благороден, чтоб распознать мистификацию на основании производимого в азиатском стиле прославления его собственной особы, грубо комического одобрения его навязчивых идей и романтического преувеличения его собственных притязаний. Если господин Виллих и собирался серьезно ехать, то поездке этой помешало не мое «сообщение третьим лицам», а сообщение самому господину Виллиху. Последнее полученное им письмо должно было сорвать и без того прозрачный покров. Побуждаемый своим тщеславием, он и до сих пор признает разочаровавшее его письмо *фальшивым*, а дурачившие его письма — подлинными. Не воображает ли благородное сознание, что так как оно добродетельно, то на свете могут еще, пожалуй, существовать sect и cakes (вино и пирожные), но не должно быть юмора? Со стороны нашего благородного рыцаря было неблагородно не дать публике наслаждаться чтением этих писем.

«Что касается указываемой Марксом переписки с Беккером, то все сказанное насчет этого *ложь*».

Что касается этой фальсифицированной переписки, *намерения* господина Виллиха отправиться собственной персоной в Пруссию и моего сообщения третьим лицам, то я счел целесообразным послать копию статьи из «Criminal-Zeitung» бывшему лейтенанту Стеффену. Стеффен был свидетелем со стороны Беккера, передавшего ему на хранение все свои бумаги. Преследуемый полицией, он покинул Кельн и живет теперь в Честере в качестве учителя, так как он принадлежит к неблагородной породе людей, вынужденных даже в изгнании *зарабатывать* себе на жизнь. Благородное сознание, в соответствии со своим этическим существом, живет не на капитал, которого оно не имеет, и не на свой заработок, ибо оно ничего не зарабатывает, оно живет манной общественного мнения, *уважением* других людей. Поэтому оно и сражается за него, как за свой единственный капитал.

Стеффен пишет мне:

Честер, 22 ноября 1853 г.

Виллих очень зол, что вы привели отрывки из одного письма Беккера. Он называет письмо и приведенные из него места *вымышленными*. Этому вздорному утверждению я противопоставляю факты, показывающие мнение Беккера о Виллихе. Однажды вечером Беккер, смеясь от души, передал мне два письма и предложил мне прочесть их, если я в дурном настроении; содержание их меня тем более позабавит, что я, благодаря своей прежней профессии, могу обсудить их с военной точки зрения. Действительно, перечитывая эти письма, написанные Августом Виллихом Беккеру, я нашел весьма комические и замечательные *парольные распоряжения* (пользуясь соответственным королевско-прусским выражением), в которых великий фельдмаршал и социальный Мессия отдавал из Англии распоряжение занять Кельн, конфисковать частную собственность, установить искусственно организованную военную диктатуру, ввести военно-социальный кодекс, запретить все газеты, кроме *одной*, которая должна была ежедневно опубликовывать распоряжения о надлежащем образе мыслей и действий, и кучу других подробностей. Виллих по своей доброте обещал, что *если* в Кельне и прусской Рейнской провинции будет сделана эта часть работы, то он прибудет *сам*, чтобы отделить козлищ от агнцев и судить живых и мертвых. Виллих утверждает, что его «краткий проект был бы легко осуществим, *если бы* несколько лиц взяли на себя инициативу этого», и «что он имел бы *серьезнейшие* следствия» (для кого?). Я, для собственного поучения, хотел бы знать, какие глубокомысленные «офицеры ландвера» «заявили впоследствии об этом» господину Виллиху, и также, где находились эти господа, *якобы* верившие в «серьезнейшие следствия краткого проекта» во время стягивания прусского ландвера, в Англии или Пруссии, где дитя должно было быть произведено на свет. Со стороны Виллиха было очень мило, что он послал «некоторым» лицам указания даты рождения и описания младенца; но, кажется, ни одно из этих лиц не выразило охоты быть крестным отцом, кроме Беккера, «этого человека высокого ума и характера». Виллих однажды прислал сюда одного адъютанта по имени... Этот господин оказал мне честь пригласить меня и был твердо убежден, что он заранее может судить лучше

о всей ситуации, чем человек изо дня в день следивший за событиями. Он поэтому должен был стать очень невысокого мнения обо мне, когда я ему сообщил, что офицеры прусской армии отнюдь не сочтут счастием служить под его и Виллиха началом и вовсе не склонны citissimo принять виллиховскую республику. Еще больше он рассердился, когда не нашлось ни одного настолько глупого человека, чтобы принять его требование офицерам высказаться сейчас же за то, что он назвал демократией; он размножил эту дребедень в каком-то другом месте, разослал ее куче офицеров, и таким-то образом и случилось, что «Зритель» в «Крестовой газете» мог проституировать целомудренную тайну этого хитрого способа превратить прусских офицеров в республиканцев.

Виллих заявляет, что он абсолютно не верит, будто люди с «характером и духом Беккера», могли смеяться над его проектом. Он поэтому называет заявление об этом факте вздорной неправдой. Если б он прочел отчет о кельнском процессе, — а основания для этого он ведь имел, — то он нашел бы, что Беккер и я *публично* назвали его проект так, как это указано в опубликованном вами письме. Если бы Виллих захотел получить правильное представление о тогдашней военной обстановке, которую он рисовал себе по наитию фантазии, то я мог бы ему в этом помочь.

Я жалею, что из прежних товарищей Виллиха не одни только Вейдемейер и Техов отказываются восхищаться его военным гением и практическим пониманием вещей.

В. Стеффен.

А теперь, в заключение — «образчик тактики Маркса».

Господин Виллих приводит фантастическое описание одного происходившего в феврале 1852 г. банкета, устроенного Луи Бланом в виде контр-демонстрации против банкета Ледрю-Роллена и против влияния Бланки. «Господин Маркс, разумеется, не был приглашен». Разумеется, нет. За два шиллинга каждый мог «пригласиться», и Луи Блан несколько дней спустя спрашивал Маркса с большим удивлением, почему он не пришел. «Вслед за тем» (за чем, за банкетом?) «в Германии среди рабочих была распространена прокламация, где приводился *непроизнесенный Бланки тост* вместе с осмеивающим празднество введением, в котором Шаппер и Виллих были названы обманщиками народа».

«Непроизнесенный Бланки тост» входит существенным образом в историю благородного сознания, которое, преисполненное веры в *высший* смысл своих слов, заявляет обыкновенно решительно: «*я никогда не лгу!*»

Несколько дней спустя после банкета парижская газета «Patrie» напечатала тост, присланный Бланки по желанию устроителей торжества в Белль-Иле, в котором Бланки в свойственной ему чеканной форме заклеймил все временное правительство 1848 г. и, в частности, отца банкета, господина Луи Блана. «Patrie» притворилась удивленной, что этот тост был утаен во время банкета. Луи Блан

*

тотчас же заявил в лондонском «Times», что Бланки — отвратительный интриган и что он никогда не присылал устроителям торжества подобного тоста. Господа Луи Блан, Ландольф, Бартелеми, Видиль, Шаппер и *сам Виллих* заявили в «Patrie» от имени комитета по устройству торжества, что они *никогда* не получали указываемого тоста. Но «Patrie», прежде чем опубликовать это заявление, запросила Антуана, шурина Бланки, передавшего ей для напечатания тост. Вместе с заявлением вышеприведенных господ и *под* ним она поместила ответ Антуана, гласивший, что он послал тост Бартелеми и имеет от него расписку о получении его. Господин Бартелеми заявил «вслед за тем», что он, действительно, получил тост, но, сочтя его неподходящим к случаю, отложил в сторону, не сообщая об этом комитету. Но, к сожалению, уже до того один из подписавшихся, экс-капитан Видиль, написал в «Patrie», что воинское чувство чести и инстинкт правды заставляют его сознаться, что он сам, Луи Блан, Виллих и все прочие солгали в своем первом заявлении. Комитет состоял не из названных шести лиц, а из 13 членов. Все они ознакомились с тостом Бланки, который разбирался в присутствии их и после долгих дебатов был положен под сукно большинством 7 против 6. Он находится среди шести, голосовавших за прочтение тоста.

Можно себе представить ликование «Patrie», когда после письма Видиля она получила заявление господина Бартелеми. Она его опубликовала со следующим предисловием: «В самом деле, мы себя часто спрашивали — и на вопрос этот не легко ответить — что преобладает у демагогов: тщеславие или глупость. Полученное из Лондона четвертое письмо только увеличивает наше затруднительное положение. Вот целый ряд — мы не знаем, сколько — господ, до того терзаемых зудом писать и видеть свое имя напечатанным в *реакционных* газетах, что их не останавливает даже безграничный стыд самоунижения и самооплевания. Что им до смеха и до негодования публики, зато «Journal des Débats», «Assemblée Nationale», Patrie» напечатают их стилистические упражнения: чтобы добиться этого счастья, ничто не кажется слишком дорогим космополитической демократии... Во имя литературного сострадания мы помещаем поэтому нижеследующее письмо гражданина Бартелеми: оно — новое и, мы надеемся, последнее доказательство подлинности пресловутого тоста Бланки, который они вначале все отрицали и из-за установления которого они теперь вцепились друг другу в волосы».

Такова история тоста Бланки. Société des proscrits démocrates

socialistes порвало, в результате «непроизнесенного тоста Бланки», свое соглашение с кружком Виллиха.

В Société des proscrits démocrates socialistes, параллельно с расколом в немецком Рабочем союзе и в Союзе коммунистов, произошло свое разделение. Часть членов его, подозрительных по своему тяготению к *буржуазной* демократии, к *ледрю-ролленизму*, заявила о своем выходе и была потом исключена. Должно ли благородное сознание заявить *этому* Союзу то, что̀ он теперь заявляет буржуазным демократам, а именно, что Маркс и Энгельс помешали обняться с буржуазной демократией, остаться «объединенными узами симпатии со *всеми* спутниками по революции»; должно ли было оно сказать, что «при разделении *никакой* роли не играли различия взглядов на развитие революции»? Нет, благородное сознание заявило *обратное*, что разделение произошло в обоих союзах в силу *одних и тех же* принципиальных разногласий, что Энгельс и Маркс и др. представляли *буржуазный элемент* в немецком союзе, как Мадье и К° — во французском. Наш благородный рыцарь боялся даже, что одно соприкосновение с этими буржуазными элементами может повредить «истинному благочестию» и поэтому внес, в молчаливом величии, предложение о запрещении буржуазному элементу показываться в обществе proscrits «даже в качестве *посетителей*».

Вздор! Ложь!—восклицает благородное сознание своими характерными односложными словами. Мои «образчики тактики»! Voyons!

[1] Présidence du citoyen Adam. Séance de 30 sept. 1850.

Trois délégués de la société démocratique de Windmill-Street sont introduits. Ils donnent connaissance de leur mission qui consiste dans la communication d'une lettre dont il est fait lecture (в этом письме излагаются мнимые причины раскола). Le citoyen Adam fait remarquer l'analogie qui existe entre les événements qui viennent de s'accomplir dans les deux sociétés: de chaque côté l'élément bourgeois et le parti prolétaire ont fait scission dans les circonstances identiques etc. etc. Le citoyen Willich demande que les membres démissionnaires

[1] [Председательство гражданина Адама. Заседание 30 сентября 1850 г.

Три делегата демократического общества с Windmill Street вводятся в собрание. Они сообщают, что имеют поручение передать письмо, которое оглашается (в этом письме излагаются мнимые причины раскола). Гражданин Адам указывает на аналогию, которая существует между событиями, разыгравшимися в обоих обществах. Произошел раскол между буржуазным и пролетарским элементами в одинаковых условиях и т. д. Гражданин Виллих требует, чтобы подавшие в отставку члены (он затем поправляется и говорит: изгнанные) немецкого общества не могли быть приняты во французское общество даже как гости.

(Извлечение из оригинала протоколов общества).

Архивист общества демократически-социалистических эмигрантов.

Ж. Кледа.

(он затем, как указывает протокол, поправляется и говорит: expulsés) de la société allemande ne puissent être reçus même comme visiteurs dans la société française».

(Extraits conformes au texte original des procès verbaux.)

L'archiviste de la société des proscrits démocrates socialistes.

J. Clédat.

Этим заканчивается сладкозвучная, удивительная, высокопарная, неслыханная, правдивая и полная приключений история всемирно известного *рыцаря благородного сознания.*

An honest mind and plain, he must speak truth;
And they will take it so; if not, he's plain.
This kind of knaves I know.

(Кто прям и честен, тот всегда правдив;
Поверят, хорошо; а нет, — все ж прям он.
Таких плутов я знаю.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЗЫВ К ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ НЕМЕЦКИМ БЕЖЕНЦАМ.

С тех пор как в Германии среди ужасов военной расправы снова воцарились «порядок и спокойствие»; с тех пор как на дымящихся развалинах городов и под смертоносный рев пушек восстановлена «неприкосновенность имущества и личности»; с тех пор как военные суды едва успевают отправлять одного мятежника за другим с простреленной головой в могилу; с тех пор как тюрьмы уже не в состоянии вместить всех «государственных изменников» и единственным оставшимся правом является право военно-полевой юстиции, — с тех пор тысячи и тысячи немцев скитаются без крова на чужбине. С каждым днем умножаются ряды, а вместе с ними и бедствия изгнанников; гонимые с места на место, они не знают утром, где им удастся найти приют вечером, не знают вечером, как достанут себе кусок хлеба завтра утром. Бесчисленное множество эмигрантов наполняет города Швейцарии, Франции и Англии. Со всех концов Германии стекаются несчастные. Кто сражался на венских баррикадах против черно-желтой лиги и дрался с бандами Елачича; кто бежал из Пруссии от сабельного режима Врангеля; кто в Дрездене с ружьем в руках защищал имперскую конституцию или воевал в Бадене, под знаменами республиканской армии, с объединившимися в крестовый поход князьями, — будь то либерал или демократ, республиканец или социалист, — все они, сторонники самых различных политических теорий и взглядов, объединены теперь общим изгнанием и общими бедствиями. Половина нации в лохмотьях обивает пороги иностранцев. И на холодной мостовой блестящей мировой столицы, на улицах Лондона, тоже скитаются наши беженцы и земляки. Каждое судно, пересекшее канал, привозит из-за моря новые толпы беглецов; на всех перекрестках Лондона раздаются жалобы изгнанников на нашем родном языке. Это бедствие глубоко поразило многих немецких друзей свободы, проживающих в Лондоне. 18 сентября текущего года Просветительное общество немецких рабочих и прибывшие беженцы созвали общее собрание для организации комитета помощи нуждающимся демократам. Избраны следующие лица: *Карл Маркс*, бывший редактор «Новой рейнской газеты»; *Карл Блинд*

бывший посланник баденско-пфальцского правительства в Париже; *Антон Фюстер*, бывший член австрийского рейхстага в Вене; *Генрих Бауэр*, сапожный мастер в Лондоне, и *Карл Пфендер*, живописец там же. Этот комитет будет ежемесячно делать отчетные доклады как на общем собрании, так и преимущественно на страницах немецких газет. Во избежание всяких недоразумений постановлено, что *ни один член комитета не имеет права на получение пособия из комитетской кассы*. Если кто-нибудь из членов комитета перейдет в разряд нуждающихся, он в ту же минуту перестанет быть членом комитета. Мы просим вас, друзья и братья, сделать все, что в ваших силах. Если вы хотите, чтобы повергнутая в прах и закованная в цепи свобода снова воспрянула, и если вы сочувствуете страданиям ваших лучших борцов, то вы откликнитесь на наш призыв без дальнейших увещаний. Все пожертвования просим присылать по следующему адресу: Генриху Бауэру, сапожному мастеру, Лондон, 64, Deanstreet, Soho». На посылке делать надпись: «Для комитета беженцев».

Комитет помощи немецким политическим беженцам:

Антон Фюстер, Карл Маркс, Карл Блинд,
Генрих Бауэр, Карл Пфендер.

Лондон, 20 сентября 1849 г.

ВОЗЗВАНИЕ.

Лондон, 14 марта.

Здешний комитет германских беженцев выпустил, по случаю опубликования им отчетного доклада, следующее воззвание, которое, надо надеяться, будет перепечатано всеми демократическими газетами Германии:

«Вследствие непрекращающихся высылок из Швейцарии и из Франции число здешних беженцев, нуждающихся в помощи, чрезвычайно возросло. Почти ежедневно прибывают сюда новые беженцы и большей частью в таком состоянии, что требуется не только снабжать их скудным регулярным пособием, но и безотлагательно расходовать средства на обеспечение их необходимой одеждой. При таких обстоятельствах на нижеподписавшийся комитет ложится тем большее бремя, что попытки других кругов собрать средства для поддержки здешних беженцев имели, повидимому, мало успеха, так что все прибывающие сюда беженцы обращаются главным образом к нам. Благодаря стараниям здешних немецких рабочих и самих беженцев удалось для некоторых из них приискать занятия. Но очень многие специальности, которые открыты для беженцев в других местах, недоступны для них здесь по разным причинам и в особенности из-за свирепствующей в перенаселенном Лондоне конкуренции. К тому же приток новых беженцев настолько велик, что список получающих пособие возрастает с каждой неделей.

Хотя при расходовании имеющихся в распоряжении комитета средств соблюдалась строжайшая экономия, и регулярное пособие сведено к минимальным размерам, допускаемым здешними высокими ценами на предметы первой необходимости, все же фонды комитета тают при таких условиях очень быстро. Мы опасаемся даже, что вскоре мы окажемся не в состоянии спасти здешних безработных беженцев от всех тягостей бездомного существования и крайней нищеты.

Мы апеллируем поэтому снова к денежным средствам самой германской партии. Мы напоминаем ей, что в той же мере, в какой численность, а следовательно и нужда беженцев убывает в

Швейцарии и Франции, она возрастает в Лондоне, и мы надеемся, что людям, которые подняли оружие за свободу и честь немецкого народа, не придется, в конце концов, просить милостыню на улицах Лондона.

Все пожертвования просим посылать по адресу: Г-ну Генриху Бауэру, Лондон, 64, Deanstreet, Soho.

Социал-демократический комитет немецких беженцев:

Карл Маркс, Фр. Энгельс, Г. Бауэр,
А. Виллих, Карл Пфендер.

Лондон, начало марта 1850 г.

ПРУССКИЕ ШПИОНЫ В ЛОНДОНЕ.

64, Deanstreet, Soho, 14 июня 1850 г.

Милостивый государь!

За последнее время мы, нижеподписавшиеся германские беженцы, проживающие в Англии, имели случай убедиться в удивительном внимании к нам со стороны английского правительства. Мы уже привыкли встречаться время от времени с тем или иным темным служащим прусского посольства, «официально не зарегистрированным в этой должности», мы привыкли к бешеным тирадам и отчаянным предложениям этих провокаторов и умеем обращаться с ними. Внимание к нам со стороны прусского посольства нас не удивляет, — мы гордимся, что заслужили его; но нас удивляет то сердечное соглашение, которое, повидимому, установилось на наш счет между прусскими шпионами и английскими осведомителями.

В самом деле, милостивый государь, мы никогда бы не думали, что в этой стране существует столько полицейских шпионов, со сколькими мы имели удовольствие познакомиться в короткий недельный срок. Мало того, что у дверей домов, в которых мы живем, постоянно сторожат какие-то личности более чем сомнительного вида, прехладнокровно отмечающие у себя приход и уход всякого нашего посетителя, — мы не можем сделать ни шагу, чтобы они всюду не следовали за нами по пятам. Садимся ли мы в омнибус или входим в кафе, хоть один из этих неизвестных друзей уже непременно тут как тут. Мы не знаем, состоят ли господа, занимающиеся этим приятным делом, «на службе ее величества»; но мы знаем твердо, что у большинства из них весьма малопочтенный вид.

Спрашивается, какую пользу могут принести кому бы то ни было скудные сведения, которые наскребет у наших дверей кучка жалких шпионов, этих низкопробнейших проституток мужского пола, набранных, повидимому, среди самых неквалифицированных осведомителей и получающих плату сдельно? Неужели же доставляемая ими информация — исключительно, разумеется, надежная — стоит того, чтобы пожертвовать ради нее старинным преимуществом англичан, гордящихся тем, что в их стране не может быть места шпионской

системе, от которой не свободна ни одна из континентальных стран?

Впрочем, мы прекрасно знаем, в чем тут дело. Прусское правительство воспользовалось недавним покушением на жизнь Фридриха-Вильгельма IV, чтобы снова открыть кампанию против своих политических врагов в Пруссии и вне Пруссии. Из-за того, что какой-то заведомо сумасшедший субъект стрелял в прусского короля, английское правительство должно применить против нас билль об иностранцах, хотя мы решительно не понимаем, в каком отношении мы могли бы помешать «сохранению мира и спокойствия в королевстве».

Лет восемь тому назад, когда мы выступали в Пруссии против существующего образа правления, правительственные чиновники и печать заявили: «Если этим господам не нравятся прусские порядки, они могут уехать за границу». Мы уехали за границу, имея на то достаточные основания. Но и за границей мы всюду сталкивались с Пруссией; во Франции, в Бельгии, в Швейцарии мы чувствовали на себе руку прусского посла. Если теперь нам придется, благодаря его настояниям, покинуть последнее убежище, оставшееся для нас в Европе, Пруссия будет в праве считать себя могущественнейшей державой в мире.

Англия была до сих пор единственным препятствием на пути Священного союза, воссоздающегося ныне под руководством России; и Священный союз, в который Пруссия входит составною частью, ни о чем так не мечтает, как о вовлечении руссофобской Англии на путь внутренней политики в более или менее русском стиле. Что, в самом деле, подумает Европа о дипломатических нотах и парламентских выступлениях английского правительства, если комментарием к ним явится применение билля об иностранцах, вызванное только мстительными настояниями реакционных иностранных правительств?

Прусское правительство утверждает, что выстрел в прусского короля был результатом широко разветвленного революционного заговора, центр которого скрывается в Лондоне. В соответствии с этим оно, во-первых, уничтожает свободу печати у себя в стране, а во-вторых, требует у английского правительства высылки мнимых главарей мнимого заговора.

Если принять во внимание характер и личные качества ныне живущего прусского короля и его брата, наследника престола, то кто более заинтересован в скорейшем воцарении последнего — революционная партия или ультра-роялисты?

Позвольте нам заявить еще, что недели за две до покушения в Берлине к нам явились лица, которых мы имеем все основания считать агентами не то прусского правительства, не то ультра-роялистов, и

почти открыто предложили нам участвовать в заговорах по организации цареубийств в Берлине и в других местах. Нет надобности прибавлять, что мы не поддались на удочку этих провокаторов.

Позвольте нам заявить, что после этой попытки другие личности такого же сорта опять пробовали поймать нас и вели с нами подобные же разговоры.

Позвольте нам заявить, что стрелявший в короля сержант Зефелоге был не революционером, а ультра-роялистом. Он принадлежал к секции № 2 ультра-роялистского общества «Treubund». Он зарегистрирован в списке его членов под № 133. Некоторое время он получал от этого общества денежное пособие; его бумаги хранились в квартире одного ультра-роялистского майора, служащего в военном министерстве.

Если когда-нибудь это дело дойдет до суда, в чем мы сомневаемся, публика ясно увидит, действовали ли тут подстрекатели и кто такие они были.

Ультра-роялистская «Новая прусская газета» первая поспешила заклеймить лондонских эмигрантов как действительных виновников покушения. Она даже назвала по имени одного из нижеподписавшихся, который в течение двух недель до покушения находился, по ее словам, в Берлине, хотя десятки свидетелей могут подтвердить, что он ни на минуту не отлучался из Лондона. Мы обратились к прусскому послу, г. Бунзену, с письменной просьбой прислать нам соответствующие номера названной газеты. Однако, несмотря на все внимание, каким дарит нас этот джентльмен, он не удовлетворил нашу просьбу, как мы были в праве ожидать от его столь изысканной вежливости.

Мы считаем, милостивый государь, что при таких обстоятельствах нам остается только предать все дело огласке. Мы считаем, что англичан должно интересовать все, что хоть сколько-нибудь угрожает старинной репутации Англии как надежнейшего убежища для изгнанников всех партий и всех стран.

Мы остаемся, милостивый государь, вашими покорнейшими слугами.

Редакторы «Новой рейнской газеты» в Кельне

Карл Маркс, Фр. Энгельс.

Полковник повстанческой армии в Бадене

Авг. Виллих.

НЕМЕЦКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЛОНДОНЕ.

В последнее время денежные пожертвования в пользу здешних беженцев настолько оскудели, что положение этих беженцев сделалось исключительно тяжелым. Те из них, которые до сих пор не смогли пристроиться по своей специальности, *спят уже почти целую неделю на улицах и в парках и буквально голодают.* Различные круги отказываются от присылки денег под предлогом разногласий между комитетами и партийно-пристрастного распределения пожертвований среди беженцев. Гг. Струве, Бобцин и др. содействовали такому настроению, заявив, что нижеподписавшийся комитет поддерживает только «коммунистов». Мы еще раз заявляем, что помощь оказывалась нами *всякому*, кто мог удостоверить, что он действительно нуждается. Мы можем доказать это с помощью наших счетов и расписок, которые мы в любую минуту готовы представить на просмотр жертвователям или их уполномоченным. Один из нижеподписавшихся, Виллих, обратился на пленарном заседании комитета, в присутствии гг. Струве, Бобцина и др., к получающим пособие беженцам с вопросом, кто из них был запрошен, коммунист ли он. *Ни один не мог сказать этого о себе.*

Мы заявляем, что вышеприведенное утверждение гг. Струве, Бобцина и др. есть *ложь* и *клевета*. Предлог, под которым различные круги отказывались поддерживать лондонских беженцев, таким образом, отпадает.

Социал-демократический комитет беженцев:

К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Бауэр,
А. Виллих, К. Пфендер.

Лондон, 14 июня 1850 г.

Письма и пожертвования адресовать на имя К. Пфендера, 21, Kingstreet, Soho, Лондон.

В РЕДАКЦИЮ «ВЕЗЕРСКОЙ ГАЗЕТЫ».

В номере вашей газеты от 22 июня текущего года помещена корреспонденция из Лондона, в которой имеется следующее место:

«Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Август Виллих... опубликовали в «Spectator'е» письмо о том, что шпионы прусского посольства следят за каждым их шагом и т. д... Их длинную жалобу «*Spectator*» сопровождает следующим комментарием: «Люди этой категории (т. е. политические эмигранты) заблуждаются в подобных обстоятельствах очень часто, причем их заблуждение проистекает из двух источников: из тщеславия, заставляющего их воображать, что они гораздо важнее, чем это есть на самом деле, и, во-вторых, из сознания собственной вины. Подозрения, высказанные эмигрантами против свободомыслящего и гостеприимного английского правительства, нельзя назвать иначе, как *нахальством*».

Не требуется особенно близкого знакомства с тоном и общепринятым стилем английской периодической печати, чтобы тотчас же разглядеть, что ни одна английская газета, а уж тем более тонко образованный и умный «Spectator», не могла бы выступить с такой грубо-прусской по содержанию и форме тирадой. Весь вышеприведенный «комментарий» «Spectator'а» представляет собою *бессовестный вымысел корреспондента*. В «Spectator'е» не только нет *ничего подобного*, но редакция этого органа поместила в том самом номере, в котором напечатано наше заявление, следующее примечание:

«Помещаемое ниже письмо содержит в себе тяжкое обвинение по адресу нашего правительства. Мы знаем об этом деле только то, что выясняется из самого письма, но обвинение, публично высказанное в такой пространной форме и с такими правдоподобными подробностями, не должно быть оставлено без внимания. Обвинение гласит, что прусским полицейским ищейкам в Лондоне оказывается поддержка сверху в целях применения билля об иностранцах против немецких эмигрантов» («Spectator», 15 июня, стр. 354).

Для чего понадобился вашему господину корреспонденту этот подлог, явствует из похвал, которыми он осыпает в том же письме

господина Бунзена. Впрочем, весь этот маневр вполне делает честь прусскому плутовству.

Мы рассчитываем, что вы напечатаете это наше заявление в ближайшем номере вашей газеты и дадите таким образом возможность вашему корреспонденту единолично пользоваться славой автора столь гениальной выдумки.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс.

Лондон, 2 июля 1850 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Бременская «Tageschronik» от 17 января текущего года напечатала корреспонденцию из Лондона от 13 января, содержащую в себе целый ворох безграмотных глупостей, лживых и плохо переваренных сплетен, тяжеловесных инсинуаций и морального высокомерия по адресу «Новой рейнской газеты» и нижеподписавшихся.

«Выдающиеся» и «решительные люди» калибра этого лондонского корреспондента всегда отвечают на критику, которая им не по зубам, известным обезьяньим способом: они забрасывают противника своими собственными испражнениями. Каждый по способностям!

Ловко сочиненные им басенки о «Новой рейнской газете» мы охотно дарим нашему «решительному и выдающемуся» мужу. Что же касается его благожелательных инсинуаций по поводу нашего выхода из союза «Great Windmill», то мы заявляем:

До и после своего выхода из союза Энгельс и Маркс никогда не имели никакого отношения к заведыванию его кассой. В заведывании кассой беженцев они принимали участие и вышли из союза лишь после того, как их ведение кассовой отчетности было проверено и признано правильным. Домысел корреспондента, что их выход из союза был вызван желанием уклониться от уплаты месячного взноса в 9 пенсов, вполне достоин мелкого проходимца! С тою же целью один из них будто бы переехал в Манчестер, а другой задумал отправиться за море. Какие чистые жемчужины ни таятся только в глубине душ, охваченных нравственным негодованием!

Нашим партийным единомышленникам в Германии известны действительные мотивы нашего выхода из названного союза и нашего разрыва с его руководителями. Эти мотивы одобряются и разделяются ими, но огласить их мы не можем. При существующем в Германии положении даже ловкий полицейский провокатор не смог бы выманить у нас дальнейшие объяснения, а уж тем более неуклюжий, как медведь, корреспондент бременской «Tageschronik».

В заключение отметим только, что человек, снабжающий бременскую «Tageschronik» из Лондона своим собственным навозом, это тот самый померанский мыслитель, к которому «Новая рейнская газета»

всегда относилась со своего рода художественным пристрастием, которого мы в другом месте охарактеризовали на основании его сочинений как «сточную яму всех словесных нечистот и всех противоречий немецкой демократии», — словом, что наш бременский приятель не кто иной, как «Арнольд Винкельрид-Руге», пятая спица в колеснице европейской центральной демократии. Теперь понятно, почему «Новая рейнская газета» оказалась таким исчадием ада.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс.

Лондон, 27 января 1851 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В одной глубокомысленной корреспонденции «Аугсбургской всеобщей газеты» из Кельна, от 27 сентября, устанавливается несуразная связь между мною, баронессой фон-Бек и кельнскими арестами. Корреспондент сообщает, что я будто бы доверил баронессе фон-Бек некоторые политические тайны, которые впоследствии как-то дошли до правительства. Я видел баронессу фон-Бек только два раза и оба раза при свидетелях. Во время этих свиданий речь шла *исключительно* о сделанных мне литературных предложениях, которые я должен был отклонить, потому что они исходили из совершенно ошибочного представления, будто я поддерживаю какие-нибудь связи с немецкими газетами. В дальнейшем я больше ничего не слыхал о баронессе фон-Бек, пока не узнал о ее внезапной смерти. Что же касается немецких беженцев, ежедневно встречавшихся с госпожей фон-Бек, то я всегда так же мало считал их своими друзьями, как кельнского корреспондента «Аугсбургской всеобщей газеты» или тех «великих» немецких деятелей, которые сделали себе в Лондоне профессиональное занятие из своего положения эмигрантов. Отвечать на все ядовито-глупые, несуразно-лживые сплетни немецких газет, либо прямо исходящие из Лондона, либо инспирируемые оттуда, я никогда не считал нужным. И если на этот раз я делаю исключение, то только потому, что кельнский корреспондент «Аугсбургской всеобщей газеты» пытается *объяснить* аресты в Кельне, Дрездене и т. д. моей мнимо излишней откровенностью с баронессой фон-Бек.

Карл Маркс.

Лондон, 4 октября 1851 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ И ПИСЬМА В СВЯЗИ С КЕЛЬНСКИМ ПРОЦЕССОМ.

I.

Автор корреспонденции из Парижа от 25 февраля, помещенной в № 51 «Кельнской газеты», пишет по поводу немецко-французского заговора следующее: «Некоторые обвиняемые, бежавшие за границу, в том числе некий А. Мейер, характеризуемый как *агент Маркса и К°...*» Лживость этой характеристики, которая наделяет меня не только «компаньоном», но и «агентом», явствует из следующих данных. А. Мейер, один из ближайших друзей г. К. Шаппера и бывшего прусского лейтенанта Виллиха, был счетоводом в руководимом ими комитете беженцев. Об отъезде этого совершенно чуждого мне субъекта из Лондона я узнал только из письма одного моего женевского друга, который сообщил мне, что некий А. Мейер обрушивается на меня с самыми нелепыми нареканиями. Из французских газет я узнал, наконец, что этот А. Мейер — «политическая фигура».

Карл Маркс.

Лондон, 5 марта 1852 г.

II.

Издателю «Volkszeitung».

Милостивый государь!

Нижеподписавшиеся обращают ваше внимание на позицию, занятую всей прусской печатью, включая даже такие реакционные органы, как «Новая прусская газета», в связи с происходящим в Кельне процессом коммунистов, и на ту похвальную сдержанность, которую они проявляют в настоящий момент, когда суд не успел выслушать и третью часть всех свидетелей, когда еще ни один из документов обвинения не проверен и еще ни слова не произнесено защитой. Между тем как эти газеты в худшем случае изображают кельнских узников и их нижеподписавшихся лондонских друзей, в согласии с государственным обвинителем, как «опасных заговорщиков, целиком ответственных за всю историю Европы последних

четырех лет и за все революционные волнения 1848 и 1849 гг.», — в Лондоне нашлись два органа печати, «Times» и «Daily News», не постеснявшиеся заклеймить кельнских узников и авторов настоящего письма как «шайку праздношатающихся», мошенников и т. д. Нижеподписавшиеся обращаются к английскому обществу с такой же просьбой, с какой защитники обвиняемых обратились к немецкому обществу, — подождать со своим суждением до окончания судебного процесса. Если бы они выступили с дальнейшими объяснениями теперь же, это дало бы прусскому правительству возможность воспрепятствовать разоблачению такой вакханалии полицейских плутней, вероломства, подделки и подтасовки документов, краж и т. д., которая не имеет прецедентов даже в летописях прусской политической юстиции. Когда все это выяснится в ходе судебного разбирательства, общественное мнение Англии сумеет по достоинству оценить анонимных писак из «Times» и «Daily News», выступающих в роли единомышленников самых подлых и низких правительственных шпионов.

С братским приветом

Ф. Энгельс, Ф. Фрейлиграт, К. Маркс.

Лондон, 28 октября 1852 г.

III.

Издателю «Morning Advertiser».

Милостивый государь!

Прошу вас принять мою искреннюю благодарность за ваше великодушное выступление в пользу моих друзей, кельнских узников. Предоставляя защитникам обвиняемых разоблачать все бессовестные действия агентов прусской полиции, не унимающихся даже во время хода самого процесса, я хочу уведомить вас о последней проделке, к которой они прибегли, чтобы доказать наличие преступного общения между мною и кельнскими узниками. Согласно сообщению «Кельнской газеты» от 29 октября, полицейский советник г. Штибер вылез еще с одним документом — со смехотворным письмом, которое будто бы написано моей рукой и в котором я будто бы предлагаю одному из моих мнимых агентов «рассовать по квартирам заведомых демократов в Крефельде тридцать экземпляров «Красного катехизиса», выбрав для выполнения этого задания полночь на 5 июня 1852 г.»

В интересах моих обвиняемых друзей я настоящим заявляю:

1) что упомянутое письмо никогда мною не было написано; 2) что я узнал о его существовании только из «Кельнской газеты»

от 29 текущего месяца; 3) что я никогда не видел так называемого «Красного катехизиса»; 4) что я не давал никаких инструкций о распространении этого «Катехизиса» каким бы то ни было способом. Это заявление, сделанное мною также в магистратуре на Марльборострите и имеющее поэтому силу показания, данного под присягой, я послал по почте в Кельн. Поместив его в вашей газете, вы премного меня обяжете, тем более, что это было бы наилучшим способом помешать прусской полиции перехватить посланный мною документ.

Ваш покорный слуга

д-р *Карл Маркс*.

Лондон, 28, Deanstreet, Soho
30 октября 1852 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

Аввакум (конец VII века до нашей эры) — один из так называемых «малых» пророков еврейского народа — 324.
Агесилай II (401 — 358 до нашей эры) — спартанский царь, знаменитый полководец — 382.
Агис II (427 — 401 до нашей эры) — спартанский царь — 382.
Адам — французский бланкист — 581.
Айльва, Сиард — предводитель фризского восстания в 1497 г. — 146.
Александр I (1777 — 1825) — император всероссийский (1801 — 1825) — 456.
Александр Великий — царь македонский (336 — 323 до нашей эры), знаменитый полководец — 250, 369.
Алльи де, Пьер (1350 — 1425) — кардинал, французский богослов, участник Констанцского собора — 412.
Альба, Фердинанд, герцог (1507 — 1582) — подавитель нидерландской революции 1566 — 1568 гг. — 163.
Альбер — см. Мартен, Александр.
Альбрехт V (1490 — 1545) — архиепископ магдебургский и курфюрст майнцский, с 1518 г. — кардинал — 136.
Альбрехт Мужественный (1443—1500) — герцог саксонский, сын курфюрста Фридриха Кроткого, подавил крестьянское восстание в Голландии в 1491 г. и восстание фризов в 1497 г. — 146.
Алэ — полицейский агент — 369, 373.
Англа, Жан-Габриель (1782 — 1864) — французский политический деятель и депутат эпохи июльской монархии, второй республики и империи — 390.
Анна (1664 — 1714) — английская королева (1702 — 1714) — 276.
Антон Добрый, герцог лотарингский (1508 — 1544) — противник реформации, в 1525 г. разбил крестьян в Эльзасе у Цаберна — 190.
Антуан — шурин Бланки — 580.
Ариман — древне-иранское божество зла — 562, 563.
Арндт, Эрнст-Мориц (1769 — 1860) — немецкий поэт и писатель, один из главных идеологов войны за освобождение, профессор в Бонне, член Национального собрания 1848 г. — 202, 426.
Арнольд Брешианский (род. ок. 1110 — 1155) — итальянский средневековый реформатор, участник борьбы между городской демократией и папой в Риме, казнен как еретик — 129.
Арсений (354 — 450) — христианский святой — 401.
Астон, Луиза (1814 — 1871) — немецкая писательница и поэтесса, революционерка — 266.
Ауэрбах, Бертольд (1812 — 1882) — немецкий писатель, автор известных рассказов из жизни крестьян Шварцвальда — 266, 268.
Ауэрсвальд, Ганс-Адольф (1792—1848) — прусский генерал, член крайней правой Национального собрания, убит во время сентябрьского восстания во Франкфурте — 538.
Ахиллес — герой древне-греческого сказания о Троянской войне — 335, 336, 337.

Б.

Баденский маркграф — см. Христофор I.
Баз, Жан-Давид (1800 — 1881) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист, депутат в эпоху второй империи и третьей республики — 386, 399.
Балльи, Жан-Сильвен (1736 — 1793) — писатель, астроном и политический деятель, мэр Парижа до ноября 1791 г. — 325.
Бамбергский епископ — см. Вейганд Редвиц.
Бантельганс (Бантель Ганс) — зажиточный гражданин из Деттингена, член союза «Бедный Конрад», агитатор в Швабии в 1514 г. — 152.
Барагэ д'Иллье, Ахилл (1795 — 1878) — французский генерал, депутат Учредительного и Законодательного собра-

ний после 1848 г., лидер партии порядка — 63, 377, 388.
Барбес, Арман (1809 — 1870) — французский революционер 30-х и 40-х годов — 44, 84, 298.
Барош, Пьер-Жюль (1802 — 1870) — член палаты депутатов, прокурор верховного суда в Бурже, член Учредительного собрания 1848 г., сторонник Луи-Наполеона, министр внутренних дел в кабинете д'Опуля, министр иностранных дел в кабинете Фоше — 84, 363, 373, 377, 381, 382.
Барро, Одилон (1791 — 1873) — вождь династической оппозиции при Луи-Филиппе, премьер-министр первого министерства при Луи-Наполеоне — 8, 29, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 49, 57, 58, 63, 66, 67, 272, 340, 341, 342, 345, 356, 357, 358, 366, 379, 381, 387, 395.
Бартелеми (приблиз. 1820 — 1855) — французский революционер, повешен в 1855 г. в Лондоне — 568, 570, 580.
Бастиа, Фредерик (1801 — 1850) — французский экономист — 4.
Бастид, Жюль (1800 — 1879) — французский публицист, руководитель буржуазно-республиканской газеты «National» (1836 — 1847), министр иностранных дел в 1848 г. — 32.
Баторий, Стефан (ум. в 1535 г.) — граф темезский, с 1519 г. палатин венгерский — 155.
Бауэр, Бруно (1807 — 1882) — немецкий теолог, левый гегельянец — 563.
Бауэр, Генрих — сапожник, член Союза коммунистов — 586, 588, 592.
Бах, Вальтер, из Ау, — военачальник альгеуского крестьянского отряда в 1525 г.; предал крестьян — 182, 184.
Бегайм, Ганс (Ганс Дударь) (ум. в 1476 г.) — пастух, народный проповедник в Никласгаузене, был сожжен — 143, 144, 145, 146.
Бедо, Мари-Альфонс (1804 — 1863) — генерал и политический деятель — 345, 378.
Безелер, Вильгельм-Гартвиг (1806 — 1884) — шлезвиг-гольштинский государственный деятель, в 1848 г. президент временного правительства герцогств, в 1849 г. вице-президент Национального собрания — 257.
Бек, Вильгельмина (ум. в 1851 г.) — авантюристка, выдававшая себя за баронессу и политического агента Кошута, агент английской полиции — 597.
Беккер, Герман (Красный) (1820 — 1885) — один из главных обвиняемых кельнского процесса коммунистов, позже национал-либерал — 503, 527, 550, 553, 560, 561, 576, 577, 578, 579.
Бекман — шпион прусской полиции в Париже, был долгое время парижским корреспондентом «Кельнской газеты» — 518.
Бенуа д'Ази, Дени (1796 — 1880) — финансист и политический деятель, сторонник Бурбонов — 381, 385.
Бенц — трактирщик в Берне — 273.
Беранже, Пьер-Жан (1780 — 1857) — французский поэт, создатель политической песни — 433.
Берлин, Ганс — гейльброннский советник, от имени патрициата и бюргеров вел переговоры с Трухзессом о сдаче Гейльбронна — 170, 177.
Берлихинген, Гец, фон (1480 — 1562) — немецкий рыцарь, предводитель оденвальдского отряда крестьян в 1525 г. — 169, 170, 178, 179.
Бермбах, Адольф (1822 — 1875) — кельнский юрист, в молодости коммунист — 525, 527, 528, 531.
Бернар — французский полковник, председатель военной комиссии, разбиравшей дела июньских инсургентов 1848 г. — 338.
Бернигау (ум. в 1849 г.) — из Кельна, бывший лейтенант, участник баденпфальцского восстания 1849 г., расстрелян — 446.
Беррье, Пьер-Антуан (1790 — 1868) — французский судебный и политический деятель, легитимист — 67, 348, 363, 379, 385, 387, 392.
Билльо, Огюст-Адольф (1805 — 1863) — адвокат, член Учредительного собрания, сторонник Луи-Наполеона — 381.
Бирнбаум, Вильгельм — секретарь Кельнского попечительства о бедных — 530, 532.
Блан, Луи (1811 — 1882) — французский журналист и историк, политический деятель, социалист, с конца июня 1848 г. до 1870 г. жил в эмиграции — 9, 11, 14, 19, 21, 22, 29, 41, 53, 83, 288, 323, 579, 580.
Бланки, Луи-Огюст (1805 — 1881) — французский революционер, коммунист — 21, 44, 81, 83, 84, 298, 305, 329, 402, 495.
Блинд, Карл (1826 — 1907) — немецкий демократ, участник баденского восстания, с 60-х годов — сторонник Бисмарка — 585, 586.
Блинк, фон — присяжный заседатель на кельнском процессе коммунистов — 504.
Блуэ и Ру — типография в Париже — 62.

Блюм — эмигрант в Америке, приверженец Виллиха — 560.
Бобцин, Фридрих-Генрих-Карл (род. в 1826 году) — часовщик из Шверина, член демократического клуба в Брюсселе, участник революции 1848 года в Пфальце и Бадене, эмигрант в Лондоне — 592.
Боккачио, Джованни (1313 — 1375) — итальянский писатель, автор «Декамерона» — 129.
Бокэ — учитель, деятель тайных обществ эпохи июльской монархии — 296.
Болингброк, Генри-Сент-Джон, виконт (1678 — 1751) — английский государственный деятель и писатель — 277.
Болл, Джон (ум. в 1381 г.) — один из вождей крестьянского восстания в Англии в 1381 г. — 129, 130.
Бомарше, Пьер-Огюстен (1732—1799)— французский писатель-сатирик — 44.
Бонапарт — см. Наполеон III.
Бонапарт II — см. Наполеон III.
Бонапарт, Жозеф-Шарль-Поль, принц (1822 — 1891) — сын бывшего короля Вестфалии Жерома Бонапарта, кузен Наполеона III — 67.
Бонапарты, династия, основанная Наполеоном I — 325, 405, 406, 407.
Боярдо, Маттео-Мариа, граф Скандиано (1434 — 1494) — итальянский поэт, автор поэмы «Orlando innamorato» — 564.
Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский политический деятель, фритредер — 71, 96, 438.
Бранденбург-Анспахский, маркграф — см. Казимир.
Брауншвейгский герцог, Карл II (1735—1807) — главнокомандующий первой коалиции против революционной Франции — 448.
Бреа, Жан - Баптист - Фидель (1790 — 1848) — французский генерал, убит во время июньского восстания — 53.
Брольи, Ахилл-Шарль, герцог (1785 — 1870) — французский политический деятель, орлеанист — 363, 387.
Брум, Генри-Петер, барон (1778 — 1868) — английский государственный деятель и писатель — 241.
Брун, Карл, фон (род. в 1803 г.) — из Гольштинии, бывший унтер-офицер артиллерии; с 1839 г. член Союза отверженных, позже член Союза коммунистов; активный участник баденского и франкфуртского восстаний 1848 г.; впоследствии принадлежал к Всеобщему германскому рабочему союзу; редактор «Nordstern» («Северной звезды»); был другом И.-Ф. Беккера — 491, 562.
Брут, Децим Юний и Брут, Марк Юний — близкие друзья Цезаря, принявшие участие в заговоре на его жизнь — 324.
Брюггеман, Карл-Генрих (1810—1887)— немецкий либеральный экономист и публицист, редактор «Kölnische Zeitung» — 255.
Буагильбер, Пьер (1646 — 1714) — французский экономист, предшественник физиократов — 73.
Бунзен, Христиан-Карл-Иозиас (1791 — 1860) — немецкий политический деятель и писатель, прусский посол в Лондоне — 241, 591, 594.
Бурбоны — династия французских королей, основанная Генрихом IV (1589 — 1610) — 50, 67, 73, 339, 346, 383, 384, 386, 408.
Бург-Бернсгейм, Грегор, фон — предводитель анспахского отряда крестьян в 1525 г. — 179, 180.
Бурит, Элигу (1810 — 1879) — американский публицист пацифистского направления, организатор конгрессов мира — 240.
Бухер, Лотар (1817 — 1892) — немецкий политический деятель, член франкфуртского Национального собрания, радикал, эмигрант в Лондоне, с 1864 г. сотрудник Бисмарка — 564.
Бушотт, Жак - Баптист - Ноель (1754 — 1840) — военный министр в 1793 г., один из организаторов революционной армии — 452, 471.
Бюжо, Тома - Робер, герцог (1784 — 1849) — маршал, виновник резни на улице Транснонэн при подавлении восстания 14 апреля 1834 г. — 39.
Бюргерс, Генрих (1820 — 1878) — немецкий коммунист 40-х годов, обвиняемый в кельнском процессе коммунистов, впоследствии прогрессист — 503, 504, 550, 558, 572.

В.

Вакх (или Дионис) — древне-греческий бог — 369, 370.
Вальдау, Макс — см. Гауеншильд, Рихард-Георг.
Вальдек, Бенедикт (1802 — 1870) — немецкий политический деятель, член прусского Национального собрания 1848 г., демократ; в мае 1849 г. был арестован и предан суду по обвинению в государственной измене, но присяжными оправдан; позднее один из вождей партии прогрессистов — 202, 445.

Вальполь, Спенсер - Гораций (1806 — 1899) — английский государственный деятель, консерватор — 276.
Вальтер, Голяк (ум. в 1096 г.) — французский рыцарь, прозванный так за свою бедность, предводитель пестрой, беспорядочной толпы крестоносцев, выступившей еще в 1095 г. из Лотарингии для освобождения Иерусалима — 559.
Варнава — венгерский священник, проповедник крестового похода против турок, участник венгерской крестьянской войны 1514 г. — 154.
Васко-да-Гама (1469 — 1524) — португальский путешественник, первый обогнул Африку — 116.
Ватимениль, Антуан (1789 — 1860) — французский государственный деятель эпохи реставрации — 381.
Вее, Яков (казнен в 1525 г.) — пастор из Лейпгейма, последователь Томаса Мюнцера, проповедник лейпгеймского крестьянского отряда в 1525 г. — 142, 165, 168, 173.
Вейганд Редвиц — епископ Бамбергский (1522 — 1556), противник реформации — 181.
Вейдемейер, Иосиф (1818 — 1866) — немецкий революционер, публицист, эмигрант в Америке; состоял членом Союза коммунистов, друг Маркса — 579.
Веллингтон, Артур - Уэлсли, герцог (1769 — 1852) — английский полководец и государственный деятель — 241, 431, 453.
Вельден, Франц-Людвиг (1782—1853) — австрийский генерал — 453.
Вельзеры — аугсбургская купеческая фамилия, владевшая крупной торгово-промышленной фирмой в XV — XVI веках — 163.
Венедей, Якоб (1805 — 1871) — немецкий радикальный публицист и политический деятель, позднее умеренный либерал — 202, 240.
Вермут — директор полиции в Ганновере, вместе с Штибером составил книгу «Коммунистические заговоры XIX столетия» — 505, 526, 539, 540.
Вернер — 544.
Верон, Луи (1789 — 1867) — французский публицист, основатель газеты «Constitutionnel» — 415.
Вессэ, Клод (1799 — 1864) — французский политический деятель, министр внутренних дел перед переворотом 1851 г. — 380, 381.
Вейтмозер, Эразм — предводитель отряда рудокопов из Рауриса Гаштейна, Китцбюля и других городов в 1525 г. — 191.
Вивьен, Александр - Франсуа (1799 — 1854) — французский политический деятель, министр юстиции с 1840 г. по 1848 г. и министр общественных работ с сентября 1848 г. по 2 декабря 1851 г. — 34.
Видаль, Франсуа (1814 — 1872) — французский экономист, политический деятель, социалист, сторонник Луи Блана — 83, 84, 91, 363.
Видиль, Жюль — французский социалист, бланкист, эмигрант—8, 570, 580.
Видок, Франсуа-Эжен (1775 — 1857) — авантюрист, бывший каторжник, глава полиции Парижа (1809 — 1827 и 1832) — 301.
Виейра — полковник, начальник генерального штаба французской Национальной гвардии, участник заговора Луи Бонапарта против республики — 354.
Виклеф, Джон (1320 — 1384) — английский религиозный реформатор — 129, 130.
Виллель, Жозеф, граф (1773 — 1850) — политический деятель эпохи реставрации, крайний роялист, министр-президент в 1822 — 1827 гг. — 387.
Виллих, Август (1810 — 1878) — бывший капитан артиллерии, член Союза коммунистов, командир вольного отряда баден-пфальцской революционной армии, эмигрант, генерал в американской гражданской войне — 446, 506, 507, 508, 509, 510 ,516, 517, 518, 523, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 578, 579, 580, 581, 588, 591, 592, 593, 598.
Вильгельм III (1650 — 1702) — английский король после революции 1688 г. — 276, 277.
Вильгельм Страсбургский, епископ — см. Гонштейн, Вильгельм, граф, фон.
Виндишгрец, Альфред - Кандид - Фердинанд, князь (1787 — 1862) — австрийский генерал, подавил пражское восстание 1848 г. — 453,
Винкельрид, Арнольд — швейцарец из Унтервальдена; по преданию, он в битве 9 июля 1386 г. при Земпахе, благодаря своему геройскому самопожертвованию, доставил швейцарцам победу над австрийцами; здесь подразумевается Руге — 564.
Вобан, Себастиан (1633 — 1707) — военный инженер и маршал, автор книги «La dîme royale» — 73.

Вольф, Вильгельм (1809 — 1864) — немецкий революционер, член Союза коммунистов, ближайший друг Маркса и Энгельса — 536.
Вольтер, Франсуа-Мари (1694 — 1778) — французский писатель и философ — 65.
Врангель, Фридрих-Генрих-Эрнст, граф, фон (1784—1877)—прусский генерал-фельдмаршал, участник походов 1807 и 1813 гг., предводитель королевских войск в Берлине в 1849 г. — 585.
Вюрцбургский, епископ — см. Тюнген, Конрад.

Г.

Гагерн, Генрих-Вильгельм-Август, фон (1799 — 1880) — немецкий государственный деятель, президент Национального собрания в 1848 г., представитель правого центра — 240, 255.
Гайнау, Юлий-Якоб (1786 — 1853) — австрийский фельдмаршал, воевал в Италии, подавлял народное восстание в Бреши и в 1848 г. в Венгрии, был встречен взрывом негодования при посещении одной из лондонских фабрик — 65, 240, 241.
Гаке, Иоганн-Карл (род. ок. 1822 г.) — портной из Брауншвейга, член Союза коммунистов, принадлежал к фракции Виллиха-Шаппера — 550.
Галилей, Александр (1564 — 1642) — великий итальянский физик и астроном — 557.
Гарни, Джордж-Джулиан (1817 — 1897) — один из лидеров чартизма, основатель «Демократической ассоциации» — 244.
Гассенпфлуг, Ганс-Даниэль (1793 — 1862) — немецкий государственный деятель, сторонник абсолютизма, министр юстиции и внутренних дел в Кургессене — 257.
Гаттерер, Магдалина-Филиппина — см. Энгельгард, Магдалина-Филиппина.
Гауеншильд, Рихард-Георг (1825 — 1855) — немецкий поэт, известный под псевдонимом Макс Вальдау — 266.
Гаупт, Герман-Вильгельм (род. в 1833 г.) — сын купца; принадлежал к Союзу коммунистов; в 1851 г. был арестован в связи с кельнским процессом, под влиянием семьи стал предателем; должен был выступать на процессе в качестве свидетеля, но до суда скрылся в Бразилию — 550.
Гафиз, Мохаммед Шемс-Эддин (ок. 1300 — 1389) — персидский поэт — 268.
Гебель — старшина присяжных заседателей на кельнском процессе коммунистов — 540, 555.
Гегель, Георг-Фридрих-Вильгельм (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ — 138, 260, 282, 323, 508, 559, 562.
Гед, Френсис Бонд (1793 — 1875) — английский офицер, путешественник и колониальный администратор — 431.
Гейгер, Вильгельм-Арнольд — директор полиции в Кельне — 525.
Гейер, Флориан (ум. в 1525 г.)—вождь франконских крестьян во время крестьянской войны 1525 г., командовал так называемым «Черным отрядом» — 168, 169, 170, 178, 179, 180.
Гейзе, Генрих—демократ, в мартовскую революцию издавал «Осу» в Касселе, эмигрант, умер в Ливерпуле 40 лет от роду — 576.
Гейсмайер, Михаил (убит в 1528 г.) — секретарь тирольского епископа, глава повстанцев 1525 г. в Тироле, последователь Мюнцера, после поражения крестьян бежал в Швейцарию — 192, 193.
Гекк — 517.
Гельвеций, Клод-Адриан (1715 — 1771) — философ-материалист, один из виднейших представителей французской просветительной философии—55.
Гельфенштейн, Людвиг, фон, граф (казнен в 1525 г.)—вюртембергский фогт в Неккарсульме — 168, 170, 177.
Генрих IV (1553 — 1610) — французский король с 1589 г., основатель династии Бурбонов — 277.
Генрих V — см. Шамбор.
Генрих VI (1421 — 1471) — король Англии (1422 — 1471) — 384.
Генрих VIII (1491 — 1547) — король Англии (1509 — 1547) — 279.
Генце — свидетель на кельнском процессе коммунистов, сторонник Виллиха — 527, 550, 553, 575, 576.
Георг I (1660 — 1727) — английский король — 275.
Георг II (1683 — 1760) — английский король — 275.
Георг Богатый, или Бородатый (1471 — 1539) — герцог Саксонский с 1500 г., сын Альбрехта Смелого, противник реформации — 141, 188.
Гербер, Теус — глава штутгартской группы, примкнувшей к Светлому христианскому отряду крестьян в 1525 г.; после поражения бежал в Эслинген — 172, 175.
Гербер, Эразм — один из предводителей нижне-эльвасских крестьян в 1525 г. — 189.

Герштадт — банкир, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504.
Гесс, Моисей (1812 — 1872) — немецкий социалист, представитель так называемого «истинного социализма» — 550.
Гессенский ландграф — см. Филипп I Великодушный.
Гете, Иоганн-Вольфганг (1749 — 1832) — великий немецкий поэт — 265, 266.
Гетцель, Карл-Иосиф-Август (род. в 1815 г.) — сапожник, член Союза коммунистов, принадлежал к фракции Виллиха, свидетель на кельнском процессе — 527, 550.
Гец, Христиан (1783 — 1849) — австрийский генерал — 453.
Гиз (1614 — 1664) — герцог лотарингский (Генрих II), один из деятелей эпохи Фронды — 414.
Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787 — 1874) — французский историк и государственный деятель эпохи июльской монархии — 4, 7, 8, 25, 32, 39, 45, 63, 68, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 324, 335, 386, 387, 403, 415, 528.
Гиллани, Фридрих-Вильгельм (1807 — 1876) — немецкий писатель, рационалист — 266.
Гимпель, Иоганн-Генрих — сигарочник и столяр из Глюкштадта, эмигрант в Лондоне — 574.
Гинар, Огюст-Жозеф (1799 — 1874) — французский революционер, буржуазный республиканец, участник тайных обществ эпохи июльской монархии, член Учредительного собрания 1848 г., монтаньяр — 84.
Гинкельдей — президент берлинской полиции — 546.
Гиплер, Вендель — дворянин, канцлер графа Гогенлоэ, глава революционной партии в Оденвальде, представитель прогрессивных элементов в крестьянской войне 1525 г. — 168, 170, 176, 177, 178.
Гипперих, Иосиф — портной, член парижской секции Союза коммунистов — 513, 514, 515, 521, 522.
Гирш, Вильгельм из Гамбурга — провокатор — 500, 501, 529, 530, 531, 532, 533, 539, 540, 543, 545, 551, 552, 559, 573, 574.
Гогенлоэ — графский владетельный род; Альберт и Леопольд жили в эпоху Крестьянской войны — 168.
Гогенцоллерны — с 1701 по 1871 г. прусская королевская, а с 1871 по 1918 г. германская императорская династия — 508.
Гольдгейм — прусский полицейский чиновник в Лондоне — 505, 526, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 539 540, 541, 542, 543.
Гонтгейм, фон — адвокат в Кельне, защитник кельнских коммунистов — 531, 536, 537, 539.
Гонштейн, Вильгельм, граф, фон — ландграф эльзасский, наместник майнцской области, епископ страсбургский с 1506 по 1541 г. (Вильгельм III) — 182.
Госса, Антон (ум. в 1514 г.) — предводитель венгерской крестьянской армии в 1514 г. — 155.
Готфрид Бульонский (ок. 1060 — 1100), герцог Нижней Лотарингии, один из вождей первого Крестового похода — 564.
Грайффеклау, Рихард, фон (1467 — 1531) — курфюрст и архиепископ трирский — 160, 182.
Гракхи, братья Тиберий (162 — 133 до нашей эры) и Гай (153 — 121 до нашей эры) — вожди мелкого крестьянства в аграрно-революционном движении в древнем Риме — 324.
Гранден, Виктор (1797 — 1849) — фабрикант из Эльбефа, член палаты депутатов с 1839 по 1848 г., член Учредительного и Законодательного собраний — 4.
Гранье де-Кассаньяк — см. Кассаньяк.
Гранмениль, Сила-Рене-Пьер — врач, журналист, деятель тайных обществ эпохи июльской монархии — 295.
Гребель, Конрад — южно-германский агитатор из Цюриха, последователь Томаса Мюнцера — 142.
Грей, Генри-Джемс (1802 — 1894) — английский государственный деятель, либерал — 108.
Грейнер, Теодор-Людвиг из Пфальца — юрист, участник баден-пфальцского восстания 1849 г., эмигрант — 491.
Грейф (он же Шульц) — прусский полицейский агент — 499, 500, 505, 521, 523, 526, 532, 533, 534, 535, 542, 543, 545, 546, 551.
Грюн, Карл (1817 — 1887) — немецкий публицист, представитель так называемого «истинного социализма»; в 1848 г. был избран в прусское Национальное собрание, где примкнул к крайней левой; в 1849 г. был заключен в тюрьму за сочувствие пфальцскому восстанию, впоследствии демократ — 445.
Губмайер, Бальтазар (1480 — 1528) — школьный учитель, затем приходский священник в Вальдсгуте, ученик и

друг Т. Мюнцера. Был сожжен в Вене — 142, 161.
Гугель-Бастиан (казнен в 1514 г.) — предводитель восстания в маркграфстве Баденском в Ортенау у Бюля; в 1514 г. обезглавлен в Фрейбурге — 154.
Гудшо, Мишель (1797 — 1862) — политический деятель, министр финансов в 1848 г. — 29.
Гус, Ян (ок. 1373 — 1415) — чешский проповедник и реформатор, обвинен в ереси и сожжен на костре — 129.
Гуттен, Ульрих, фон (1488 — 1523) — немецкий гуманист, поэт, один из вождей немецкого рыцарства во время восстания 1522 г. — 133, 158, 159, 160, 161, 182.
Гуттен, Фровен, фон — маршалк, затем обер-гофмейстер курфюрста Альбрехта Майнцского, двоюродный брат Ульриха фон-Гуттена, сторонник Зиккингена во время восстания 1522 г., участник подавления крестьянского движения в 1525 г. — 182.
Гуцков, Карл (1811 — 1878) — немецкий писатель, один из представителей Молодой Германии — 266.
Гюго, Виктор (1802 — 1895) — знаменитый французский поэт и романист — 66, 248, 357.
Гюцлафф, Карл (1803 — 1851) — немецкий миссионер и синолог — 210.

Д.

Давид — царь израильский (конец XI — первые четверти X века до нашей эры) — 354.
Даниэльс, Амалия (1820 — 1895) — жена д-ра Даниэльса — 529, 530, 531, 554.
Даниэльс, Роланд (1819 — 1855) — врач, один из обвиняемых кельнского процесса — 503.
Дантон, Жорж (1759 — 1794) — известный деятель Великой французской революции — 281, 323.
Дараш, Альберт (1808 — 1852) — польский революционер — 258.
Дзумер, Георг-Фридрих (1800 — 1875) — немецкий поэт и писатель-философ — 265, 266, 267, 268, 269, 270.
Девес — деятель тайных обществ эпохи июльской монархии — 303.
Деккер, Карл, фон (1780 — 1844) — военный писатель — 559.
Деламарр, Теодор-Казимир (1796 — 1870) — французский публицист и политический деятель, купивший в 1844 г. газету «La Patrie», бонапартист — 89.
Делессер, Авраам-Габриель-Мариус (1786 — 1858) — префект полиции в Париже — 294, 302.
Демосфен (ок. 384 — 322 до нашей эры) — афинский государственный деятель и писатель, блестящий оратор — 67.
Демулен, Камилль (1760 — 1794) — журналист и политический деятель эпохи Великой французской революции — 323.
Дефлотт, Поль-Луи (1817 — 1860) — фурьерист, один из наиболее влиятельных ораторов клуба Бланки, участник движения 15 мая и июньского восстания 1848 г. — 83, 84, 90, 91, 362.
Джауп, Генрих-Карл (1781 — 1860) — гессен-дармштадский государственный деятель в 1848 г., член предпарламента и глава либерального гессенского министерства, в 1850 г. вышел в отставку — 240.
Джонс, Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — английский поэт и один из вождей чартизма — 244.
Дизраэли, Бенджамен, лорд Биконсфильд (1804 — 1881) — английский государственный деятель, консерватор — 224.
Дингельштедт, Франц (1814 — 1881) — немецкий политический лирик и драматург — 266.
Дитрихштейн, Зигмунд (казнен в 1525 г. — правитель Штирии, императорский военачальник в Штирии, Каринтии и Верхней Австрии, казнен крестьянами — 156, 191, 192.
Дитц, Освальд — архитектор в Висбадене, член Центрального комитета Союза коммунистов, после раскола принадлежал к фракции Виллиха-Шаппера, секретарь Немецкого рабочего союза в Лондоне — 507, 508, 509, 513, 515, 516, 518, 519, 524, 528, 530, 531, 550, 573, 574.
Дожа, Георг (1474 — 1514) — мелкопоместный дворянин, вождь крестьянского восстания в Венгрии 1514 г. — 154, 155.
Дожа, Григорий (казнен в 1514 г.) — брат предыдущего, участник венгерского крестьянского восстания 1514 г. — 155.
Дон-Кихот — герой романа Сервантеса — 241.
Дорту, Людвиг-Макс из Потсдама (умер в 1849 г.) — прусский унтер-офицер, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., расстрелян — 446

Дронке, Эрнст (1812 — 1891) — социалистический писатель, один из редакторов «Новой рейнской газеты», эмигрант — 533, 541, 542, 543, 544, 561, 562.
Дюклерк, Шарль-Теодор-Эжен (1812 — 1888) — французский журналист и политический деятель, член редакции газеты «National» (1840 — 1846), министр финансов с мая по июнь 1848 года — 47.
Дюмурье, Шарль - Франсуа (1739 — 1823) — французский генерал во время Великой французской революции, в 1793 г. перешел на сторону австрийцев — 448, 449.
Дюпен, Андрэ - Мари (1783 — 1865) — французский адвокат и политический деятель, председатель палаты депутатов в 1832 — 1840 гг. и в 1851 г. — 247, 369, 373.
Дюпон де-л'Эр, Жак-Шарль (1767 — 1855) — французский государственный деятель, министр юстиции с июля по октябрь 1830 г., член временного правительства и временный председатель совета министров в 1848 г. — 8.
Дюпоти, Мишель-Огюст (1797 — 1864) — французский публицист, основатель ряда газет, в том числе и «Journal du Peuple», осужден за моральное соучастие в покушении Кениссе (1841) — 295.
Дюпра, Пьер-Паскаль (1815 — 1885) — политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний, противник Луи-Наполеона — 374, 375.
Дюфор, Арман (1798 — 1881) — французский политический деятель, министр эпохи июльской монархии, второй и третьей республик — 34, 37, 71.
Дюшатель, Шарль, граф Таннеги (1803 — 1867) — французский политический деятель, министр в эпоху июльской монархии — 386.

Е.

Езекиил — иудейский пророк времен вавилонского пленения — 412.
Елачич, Иосиф (1801 — 1859) — бан Хорватии и реакционный австрийский генерал, сыгравший крупную роль в подавлении революции 1848 г. — 585.

Ж.

Жан-Поль — см. Рихтер, Жан-Поль.
«Железный герцог» — см. Веллингтон, Артур, герцог.
Жиль Блаз — персонаж романа Лесажа (1715 — 1745) «Histoire de Gil Blas de Santillane» — 298.
Жирарден, Эмиль, де (1802 — 1881) — французский публицист, основатель газеты «La Presse» — 247, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 375.
Жирарден, Дельфина (урожд. Гэ) (1804 — 1855) — французская писательница — 415.
Жиро, Шарль (1802 — 1882) — историк-юрист и политический деятель, министр народного просвещения в 1851 г. — 396.
Жуанвилль, принц (1818 — 1900) — третий сын Луи-Филиппа, после революции 1848 г. эмигрировал — 386, 395.

З.

Зальцбургский, архиепископ—см. Ланг, Матвей, архиепископ Зальцбургский.
Заполья, Ян (1487 — 1540) — семиградский воевода, руководил подавлением восстания 1514 г. в Венгрии, в 1526 г. провозглашен королем Венгрии — 155.
Зедт — прокурор в кельнском процессе коммунистов — 503, 505, 506, 518, 522, 532, 546, 544, 555, 556, 557.
Зеккендорф, фон — прокурор в кельнском процессе коммунистов — 503, 505, 506, 522, 532, 536, 555, 557.
Зефелоге — сержант, который стрелял в в прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в 1850 г., ультра-роялист — 591.
Зигель, Франц (1824 — 1902) — баденский революционер, главнокомандующий баденской революционной армии, участник гражданской войны в Америке — 491, 492, 561, 566.
Зиккинген, Франц, фон (1481 — 1523) — немецкий рыцарь, военный и политический вождь рыцарского восстания в Германии в 1522 г. — 133, 158, 160, 196.
Зингерганс (Зингер Ганс) — крестьянин из Вюртенгена, агент союза «Бедный Конрад» в Швабии в 1514 г. — 152.
Зульц, Рудольф, фон, граф — советник инсбрукского правительства, наследственный верховный судья в ротвейльском суде, наместник верхней Австрии — 183.
Зульцский, граф — см. Зульц, Рудольф, фон, граф.

И.

Иест, Карл — торговец, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504.
Имандт, Петр, из Крефельда — учитель иностранных языков, член Союза коммунистов, эмигрант — 533, 541, 542, 543, 544.
Иоахим Калабрийский (1132 — 1202)— итальянский мистик — 136.
Иоганн (1468 — 1532) — герцог Саксонский, сын курфюрста Эрнста — 140.
Ион — полицейский комиссар французского Национального собрания — 369, 373.
Иосс, Фриц, из Унтергромбаха (ум. ок. 1517 г.) — реорганизатор союза «Башмака» в Шварцвальде — 149, 150, 151, 156.

К.

Кабе, Этьенн (1788 — 1856) — французский коммунист - утопист, автор «Путешествия в Икарию» — 21, 302.
Кавеньяк, Луи-Эжен (1802 — 1857) — французский генерал, член Национального собрания 1848 г., подавил июньское восстание парижского пролетариата — 24, 25, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 41, 43, 47, 48, 49, 54, 59, 333, 337, 338, 339, 340, 345, 379, 391, 399, 423, 456.
Казимир (1481 — 1527) — анспахский маркграф — 179, 180, 181, 182.
Калигула, Кай — римский император (37 — 41) — 341.
Каннинг, Джордж (1770 — 1827) — английский государственный деятель, министр иностранных дел и премьер-министр — 433.
Кант, Иммануил (1724 — 1804) — знаменитый немецкий философ — 68.
Капфиг, Жан-Рэмон (1802 — 1872) — французский публицист и историк монархического направления — 248.
Карл I (1600 — 1649) — английский король (1625 — 1649) — 277, 278.
Карл X (1756 — 1836) — французский король (1824 — 1830) — 84.
Карл-Альберт (1798 — 1849) — король сардинский (1831 — 1849) — 49, 457.
Карлейль, Томас (1795 — 1881) — английский писатель и философ — 281, 282, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292.
Карлье, Пьер (1799 — 1858) — полицейский чиновник, префект полиции в Париже в эпоху президентства Луи - Наполеона, бонапартист — 78, 215, 359, 369, 374, 396, 510, 511, 512, 515.
Карно, Лазар-Ипполит (1801 — 1888), французский политический деятель, в 1848 г. министр народного просвещения во временном правительстве — 83, 84, 91.
Карно, Лазар-Николя-Маргери (1753— 1823) — математик, военный инженер, член Конвента, организатор революционных армий — 448, 451, 452, 471.
Каррьер, Мориц (1817 — 1895) — немецкий философ и эстетик, гегельянец — 266.
Кассаньяк, Гранье де, Адольф (1806 — 1880) — французский публицист, историк и романист, орлеанист, после февральской революции — бонапартист — 248, 415.
Катилина, Люций Сергий (ок. 108 — 62 г. до нашей эры) — революционер древнего Рима, организатор заговора— 548.
Кернер из Эльберфельда — учитель рисования, один из организаторов майского восстания 1849 г. в Эльберфельде — 488.
Кианелла — свидетель в кельнском процессе коммунистов, полицейский осведомитель — 546, 547.
Кинг, Питер - Джон - Локк (1811 — 1885) — английский политический деятель, член парламента, либерал — 440.
Кинкель, Иоганна (урожденная Мокель) (1810 — 1858) — жена Готфрида Кинкеля, писательница — 560, 561.
Кинкель, Иоганн - Готфрид (1815 — 1882) — немецкий поэт, демократ, участник баденского восстания 1849 г., с 1850 г. эмигрант — 445, 446, 447, 548, 549, 551, 561, 564, 574, 575.
Клопшток, Фридрих - Готлиб (1724 — 1803) — известный немецкий поэт — 269.
Книгге, Адольф, барон, фон (1752 — 1796) — немецкий писатель, известный своей книгой об обхождении с людьми всех сословий и положений — 268.
Кнопф из Луибаса — см. Шмидт, Георг.
Коббет, Вильям (1766 — 1835) — английский политический деятель и писатель радикального направления — 281.
Кобден, Ричард (1804 — 1865) — английский экономист, фритредер, основатель Лиги против хлебных законов.— 71, 208, 240, 438.

*

Констан, Бенжамен (1767 — 1830) — французский публицист и политический деятель, видный теоретик либерализма — 324.
Коссидьер, Марк (1809 — 1861) — французский социалист, префект полиции в Париже в 1848 г. — 14, 29, 53, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 303, 304, 305, 323.
Котес, Д. — кельнский купец — 525, 526, 527, 532.
Кошут, Людвиг (1802 — 1894) — знаменитый венгерский революционер — 460, 568.
Крапулинский, — действующее лицо в юмористическом стихотворении Гейне «Два рыцаря»; его именем Маркс называл Луи-Наполеона — 331.
Кревель — герой романа Бальзака «Кузина Бетта» — 415.
Крейслер — прусский профессор, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504.
Кремье, Исаак-Моисей, называемый Адольфом (1796 — 1880) — французский адвокат и политический деятель, член палаты депутатов (1842 — 1848), член временного правительства, член Учредительного и Законодательного собраний, в 1870 г. член правительства национальной обороны — 8, 47.
Кремер — см. Шерваль.
Кретон, Никола (1794 — 1864) — французский адвокат и политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний, орлеанист — 72, 384.
Кромвель, Оливер (1599 — 1658) — глава партии индепендентов в эпоху Великой английской революции, с 1653 г. — фактический диктатор, «лорд-протектор» Англии, Шотландии и Ирландии — 280, 281, 324, 398.
Круг фон-Нидда, Фридрих (1776 — 1843) — немецкий поэт — 266.
Кузен, Виктор (1792 — 1867) — французский философ, основатель эклектической школы, политический деятель, министр народного просвещения в 1840 г. — 324.
Кунце, А. — 266.
Кюбьер, Амедэ (1786 — 1853) — французский генерал, прославившийся под Ватерлоо — 72.

Л.

Л. — графиня — 414.
Лаврентий — см. Месарош, Лаврентий де-Медьер.
Лаитт, Дюко де, Жак-Эрнест (1789 — 1878) — генерал, сторонник Луи-Наполеона, министр иностранных дел (ноябрь 1849 — январь 1851), член Законодательного собрания — 83, 363.
Лакросс, Бертран - Теобальд - Жозеф (1796 — 1865) — французский политический деятель, министр общественных работ в первом кабинете Луи-Наполеона — 59.
Ламартин, Альфонс, де (1790 — 1869) — французский поэт-романтик и политический деятель, в 1848 г. глава временного правительства — 9, 13, 21, 24, 244, 283, 284, 381.
Ламорисьер, Жюшо де, Кристоф-Леон (1806 — 1865) — генерал, член Учредительного и Законодательного собраний, буржуазный (чистый) республиканец—345, 399.
Лампартер, Грегориус (1463 — 1523) — советник герцога Ульриха Вюртембергского, позже канцлер — 153.
Ланг, Матвей (ум. в 1540 г.) — архиепископ зальцбургский, позже кардинал — 192, 193.
Ландольф — французский социалист, эмигрант в Лондоне — 580.
Ланценауер, Геблинг, фон — помещик, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504.
Ларошжаклен, дю-Вержье, Анри-Огюст-Жорж, маркиз (1805 — 1867) — легитимист, член Учредительного и Законодательного собраний, сенатор при Наполеоне III — 10, 387.
Ларошфуко, Франсуа, герцог (1613 — 1680) — французский писатель-моралист и политический деятель времен Фронды — 513.
Лаубе, Самуил (Вениамин) — портной из Лиссы, член Союза коммунистов, принадлежал к фракции Виллиха-Шаппера — 517.
Лафайетт, Мари-Жозеф, маркиз (1757 — 1834) — генерал, участник американской войны за независимость и Великой французской революции — 449.
Лафитт, Жак (1767 — 1844) — французский банкир, министр финансов и председатель совета министров (1830—1831) при Луи-Филиппе — 4.
Левенштейны, графы фон-Вертгейм — владетели графства Л. в королевстве Вюртембергском — 169.
Ледрю - Роллен, Александр - Огюст (1808 — 1874) — французский публицист и политический деятель, вождь мелкобуржуазной демократии, член временного правительства и Исполнительной комиссии, после 13 июня 1849 г.

эмигрировал в Англию — 8, 17, 20, 21, 27, 29, 37, 44, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 72, 84, 246, 258, 333, 346, 350, 353, 423, 569, 579.
Лейбниц, Готфрид-Вильгельм (1646 — 1716) — знаменитый немецкий философ-рационалист и ученый — 508.
Лейден, Космос - Дамиан — владелец большой винной торговли в Кельне, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504.
Леклерк, Франсуа (1796 — 1875) — слесарь, член Учредительного собрания 1848 г. — 245.
Лемуан, Джон-Эмиль (1815 — 1892) — французский публицист, английский корреспондент газеты «Journal des Débats», впоследствии главный редактор — 248.
Лео, Генрих (1799 — 1878) — известный немецкий историк и публицист-консерватор, противник гегельянства — 262.
Лерминье, Жан - Луи - Эжен (1803 — 1857) — французский публицист, профессор сравнительного права в «Collège de France» — 45.
Лефло, Адольф-Шарль (1804 — 1887)— генерал, дипломат, член Учредительного и Законодательного собраний, противник Луи - Наполеона — 342, 399.
Либкнехт, Вильгельм (1826 — 1900) — известный немецкий социал-демократ, участник баденских восстаний 1848 и 1849 гг., член Союза коммунистов, эмигрант в 1848 — 1862 гг. — 530, 531, 532, 533, 535, 536, 537, 539, 540, 541, 542, 544.
Лихновский, Феликс, князь (1814 — 1848) — член франкфуртского Национального собрания 1848 г., легитимист, был убит во время франкфуртского восстания в сентябре 1848 г. — 538.
Локк, Джон (1632 — 1704) — английский философ,— 277, 324.
Лорхер — советник герцога Ульриха Вюртембергского, смещен по требованию штутгартского ландтага в 1514 г.— 153.
Лохнер, Георг — столяр, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 573, 574.
Лохнер, Георг-Вольфганг-Карл (1798 — 1882) — учитель, филолог, архиварий г. Нюренберга — 266.
Луи-Бонапарт — см. Наполеон III.
Луи-Филипп (1773 — 1850) — король французов (1830 — 1848) — 4, 5, 6, 8, 24, 32, 34, 37, 38, 63, 66, 69, 70, 71, 72, 206, 251, 275, 293, 303, 328, 329, 332, 333, 338, 340, 345, 355, 357, 367, 385, 386, 388, 389, 401, 402, 405, 426.
Людвиг V (1478 — 1544) — курфюрст пфальцский (1508 — 1544), ревностный приверженец католицизма, участник похода против Франца Зиккингена и подавления крестьянского восстания 1525 г. — 153, 160, 169, 176, 177.
Людовик XI (род. в 1423 г.) — король Франции (1461 — 1483) — 117, 159.
Людовик XIII (род. в 1601 г.) — король Франции (1610 — 1643) — 277.
Людовик XIV (1638 — 1715) — король Франции (с 1643 г.) — 73, 276, 406.
Людовик XV (1710 — 1774) — король Франции (с 1715 г.) — 415.
Людовик XVIII (Станислав-Ксаверий) (1755 — 1824) — король Франции (с 1814 г.) — 324.
Лютер, Мартин (1483 — 1546) — вождь реформации в Германии — 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 156, 157, 161, 323.

М.

Магдебургский, архиепископ — см. Альбрехт V.
Магомет (571 — 632) — основатель мусульманской религии — 268.
Мадзини, Джузеппе (1805 — 1872) — знаменитый итальянский революционер — 243, 258, 262.
Мадье — французский текстильщик, механик, знакомый Энгельса — 581.
Майер, Адольф — член Союза коммунистов, принадлежал к фракции Виллиха-Шаппера — 507, 515.
Максимилиан I (1493 — 1519) — германский император — 148, 156.
Макэр, Робер — персонаж комедий Бенжамэна Антье и Фредерика Лемэтра «Auberge des Adrets» и «Robert Macaire» — 6.
Мальвилль, Франсуа - Жан - Леон, де (1803 — 1879) — член палаты депутатов при Луи-Филиппе, член Учредительного собрания 1848 г., орлеанист, министр внутренних дел с 20 по 30 декабря 1848 г. — 381.
Мантель, Иоганн (1468 — 1530) — теолог, проповедник в Штутгарте, последователь Томаса Мюнцера — 142.
Маньян, Бернар-Пьер (1791 — 1855) — генерал, участвовал в подавлении восстания в Лионе в 1849 г., командовал парижской армией при подавлении

движения 2 — 4 декабря 1851 г. 388, 396, 399.
Мари, Александр де (1795 — 1870) — французский политический деятель, член временного правительства в 1848 г., министр общественных работ, организатор Национальных мастерских — 19.
Мария — мать Христа (по христианской мифологии) — 143.
Маркс, Карл (1818 — 1883) — 501, 506, 508, 509, 510, 516, 517, 518, 519, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 545, 546, 547, 548, 550, 552, 553, 556, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 567, 570, 571, 572, 573, 574, 577, 579, 581, 585, 586, 588, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600.
Марраст, Арман (1801 — 1852) — французский публицист и политический деятель, редактор газеты «National», член временного правительства в 1848 г. — 21, 28, 31, 33, 34, 47, 54, 207, 244, 298, 302, 324, 333, 342, 343.
Мартен, Александр (он же Альбер) (1815 — 1859) — участник тайных обществ в эпоху июльской монархии, член временного правительства 1848 г. — 9, 11, 22, 294, 295, 296, 298, 302.
Марш — рабочий, активный участник французской февральской революции — 10.
Мастерс, Дж.-В. — У него на Farrington Street в Markethouse собирались члены Союза коммунистов до 15 января 1852 г. — 529.
Матфей — апостол-евангелист — 599.
Матье, Филипп-Антуан (1808 — 1865) — политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний, изгнан после переворота 2 декабря 1851 г. — 45.
Мейен, Эдуард (1812 — 1870) — левогегельянский публицист, редактор «Атенеума» вместе с Риделем — 564.
Мейер, Адольф (род. ок. 1820 г.) — эмиссар Союза коммунистов во Франции, Швейцарии, ближайший друг Шаппера и Виллиха, член комитета эмигрантов в Лондоне — 598.
Мейрер, Герман (род. в 1813 г.) — немецкий писатель, высланный из Германии в 1852 г., жил в Швейцарии, позднее во Франции — 266.
Мейснер, Альфред (1822 — 1885) — немецкий социальный поэт и писатель — 266.
Мейстер, Вильгельм — герой романов Гете «Wilhelm Meisters Lehrjahre» и «Wilhelm Meisters Wanderjahre» — 270.
Меланхтон, Филипп (1497 — 1560) — в молодости гуманист, позже немецкий реформатор, ближайший сотрудник Лютера — 140, 564.
Менцинген, Стефан, фон (казнен в 1525 г.) — дворянин, сторонник реформации, в 1525 г. предводитель мелких бюргеров и плебеев, свергнувших господство патрициата в Ротенбурге — 167, 181.
Месарош, Лаврентий де-Медьер — священник в Цегледе, предводитель крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. — 154.
Мецлер, Георг — трактирщик в Балленберге у Крайтгейма, глава революционной партии в Оденвальде в 1525 г. — 168, 169, 176, 178.
Мидас—легендарный фригийский царь— 39.
Мисковский, Генрих - Людвиг (ум. в 1854 г) — польский офицер, в течение венгерской войны 1848 — 1849 гг. служил в батальоне венгерских гонведов, эмигрант — 568, 569.
Могэн, Франсуа (1785 — 1854) — адвокат и политический деятель, член палаты депутатов реставрации и июльской монархии, представитель либеральной оппозиции, член Учредительного и Законодательного собраний — 372, 373.
Моле, Луи-Матье, граф (1780 — 1855) — политический деятель эпохи Наполеона I, реставрации и июльской монархии, несколько раз был министром, член Законодательного и Учредительного собраний — 63, 64, 363, 387.
Молль, Иосиф (ум. в 1849 г.) — рабочий, член Союза коммунистов, убит во время баденского восстания—479, 480.
Монк, Джордж (1608 — 1670) — генерал эпохи Великой английской революции, командующий революционной армией, участник реставрации Стюартов — 45, 370.
Монталамбер,Шарль-Форб, граф (1810— 1870) — публицист и политический деятель, глава ультрамонтанов, член Учредительного и Законодательного собраний и Законодательного корпуса — 72, 73, 246, 379, 387, 411.
Монье де-ла-Сизеранн, Анри (1797 — 1878) — французский писатель и политический деятель, член палаты депутатов с 1837 г. по 1848 г. и член Законодательного корпуса с 1852 по 1863 г. — 295.

Мопа де-Шарлемань, Эмиль (1817 — 1838) — бонапартист, префект парижской полиции, участник переворота 2 декабря 1851 г. — 396, 546.
Морни, Шарль-Огюст, де, граф (1811 — 1865) — французский государственный деятель, единоутробный брат Луи-Наполеона, участник переворота 2 декабря — 414, 426.
Моррисон — изобретатель слабительных пилюль — 560.
Мундт, Теодор (1808 — 1861) — немецкий писатель и издатель многих журналов в 30-х и 40-х годах; принадлежал к «Молодой Германии»; с 1842 г. приват-доцент Берлинского университета — 266.
Мюллер, Ганс (из Бульгенбаха) (казнен в 1525 г.) — участник походов против Франциска I, предводитель шварцвальденских крестьян в 1525 г. — 161, 162. 164, 182, 183.
Мюллер, Франц-Иосиф—советник юстиции, тесть д-ра Даниэльса — 530, 531.
Мюнх-Беллингхаузен, Франц-Теодор, фон — прусский правительственный советник, королевский камергер, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504, 556.
Мюнцер, Томас (1490 — 1525) — вождь и идеолог анабаптистов, проповедник коммунистических идей, один из главных руководителей крестьянского восстания 1525 г. — 125, 129, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 148, 157, 161, 163, 176, 184, 185, 186, 187, 188, 191, 192.

Н.

Наполеон I (1769 — 1821) — император французов (1804 — 1815) — 5, 37, 38. 39, 73, 78, 252, 253, 254, 323, 324, 325, 368, 398, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 415, 432, 447, 448, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 460, 462, 464, 465, 467, 470, 471, 474, 476, 478, 488.
Наполеон II — см. Наполеон III.
Наполеон III (Бонапарт, Луи-Наполеон) (1808 — 1873) — сын брата Наполеона I Луи, император французов — 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 52, 53, 56, 57, 58, 65, 66, 67, 68, 72, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 84, 89, 206, 240, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 258, 332, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 345, 346, 348, 349, 350, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 431, 434.
Наут, Стефан-Адольф — купец в Кельне, администратор «Новой рейнской газеты» — 575.
Неистовый Орландо — герой поэмы Ариосто (1474 — 1533) — 42.
Ней, Эдгар (1812 — 1882) — сын наполеоновского маршала, адъютант президента Луи-Наполеона — 66, 357.
Неймайер, Максимилиан-Жорж-Жозеф (1789 — 1866) — французский генерал, командир первой дивизии и начальник штаба Шангарнье — 254, 370.
Неккер, Жак (1732 — 1804) — министр Людовика XVI, инициатор созыва Генеральных Штатов 1789 г. — 208, 282.
Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780 — 1862) — министр иностранных дел при Николае I — 453.
Нетте, Людвиг-Генрих (род. в 1831 г.) — портной из Ганновера, член Союза коммунистов, был привлечен в качестве подсудимого по делу о так называемом «немецко-французском заговоре» — 522, 558.
Николай I (1796 — 1855) — русский император — 206, 240, 453, 464, 465.
Ноак, Людвиг (1819 — 1885) — немецкий теолог и философ — 266.
Нострадамус (подл. фамилия Мишель) (1505 — 1566) — французский врач, астролог и предсказатель — 269.
Нотъюнг, Петр (1821 — 1880) — портной, обвиняемый в кельнском процессе коммунистов—503, 504, 508, 509.

О.

Одд, Люсьен, де ла (1808 — 1865) — французский публицист, член тайных обществ при реставрации и июльской монархии, тайный агент полиции — 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 302.
О'Коннор, Фергус-Эдуард (1794 — 1855) — один из лидеров чартизма — 244, 496.
д'Опуль, Альфонс-Анри-Бофор, маркиз (1789 — 1865) — генерал, участник наполеоновских войн, член Законодательного собрания, военный министр в эпоху президентства Луи-Наполеона — 67, 77, 82, 205, 247,

253, 254, 358, 359, 363, 370, 372.
«Орландо» — герой поэмы итальянского поэта Боярдо (XV век) — 564.
Орлеанская, герцогиня, Елена-Луиза-Елизавета Шверин - Мекленбургская (1814 — 1858) — жена герцога Фердинанда Орлеанского, старшего сына короля Луи-Филиппа — 66, 333, 357.
Орлеанский, герцог — см. Луи-Филипп.
Орлеаны — младшая ветвь французской королевской династии Бурбонов — 51, 67, 339, 346, 383, 385, 386, 405, 414.
Ормузд — высшее божество древних иранцев — 562.
Орфей — древне-греческий легендарный поэт и основатель религиозных мистерий — 54.
Основа, Николай — ткач, персонаж пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» — 368.
Оссе, де, Шарль - Лемерсье де-Лонпре, барон (1778 — 1854) — французский политический деятель, военный и морской министр в кабинете Полиньяка — 84.
Остлер, Ричард (1789 — 1861) — английский политический деятель, социальный реформист — 102, 104, 109.

П.

Пальмерстон, Генри - Джон - Темпль — лорд (1784 — 1865) — английский государственный деятель, премьер-министр (1855 — 1858 и 1859 — 1865) — 240, 243, 431, 439.
Паньерр, Лоран-Антуан (1805 — 1854)— французский политический деятель, публицист, издатель и книжный торговец, член Учредительного собрания, сторонник Кавеньяка — 47.
Парижский, граф, Луи - Филипп - Альбер (1838 — 1894) — внук короля Луи-Филиппа — 251, 385.
Пармантье, Мари - Никола - Филипп-Огюст — адвокат, обвинявшийся в подкупе министра общественных работ Тьера для получения концессии на разработку залежей каменной соли — 72.
Паскевич, Иван Федорович, князь Варшавский, граф Эриванский (1782—1856) — русский генерал-фельдмаршал, усмиритель польского восстания 1831 г. и венгерской революции 1849 г. — 453, 464.
Пасси, Ипполит - Филибер (1793 — 1880) — французский политический деятель, министр финансов в 1839—1840 гг. и с декабря 1848 г. по октябрь 1849 г. — 66, 71, 72.
Паш, Жан - Никола (1746 — 1823) — французский политический деятель, член Конвента, военный министр (с октября 1792 г. по январь 1793 г.), мэр Парижа — 452, 471.
Перро, Бенжамен-Пьер (1796 — 1865) — генерал, командир национальной гвардии департамента Сены — 377.
Персиньи, Жан-Жильбер-Виктор-Фиален, граф (1808 — 1872), политический деятель, бонапартист, участник страсбургской и булонской авантюр Луи-Наполеона, участник переворота 2 декабря — 382, 395.
Петр (он же Симон) — апостол — 282, 412.
Петр Амьенский, Пустынник (умер в 1115 г.) — монах, проповедывавший первый Крестовый поход — 559, 564.
Пий IX (граф Джованни Мастан Феррати, род. в 1792 г.) — папа (1846 — 1878) — 243, 282.
Пиль, Виктор - Апполинарий - Фердинанд (1817 — 1882) — французский политический деятель и журналист, при июльской монархии член демократической оппозиции и сотрудник «Réforme», член Законодательного собрания в 1849 — 1850 гг., участник движения 13 июня 1849 г. — 295.
Пиль, Роберт (1788 — 1850) — английский государственный деятель, премьер-министр (1841 — 1846) — 225, 241, 242, 433, 441.
Пипер, Фридрих-Людвиг-Вильгельм из Ганновера (род. ок. 1827 г.) — филолог, член Союза коммунистов в Лондоне, приятель Маркса и Энгельса — 574, 577.
Платон (429 — 347) — знаменитый греческий философ-идеалист — 34.
Полиньяк, Жюль-Огюст (1780 — 1847)— французский государственный деятель, министр - президент Карла X — 387.
Прадие, Пьер (1816 — 1892) (у Маркса — Pradit) — французский политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний, автор брошюр в защиту республики против Луи-Наполеона — 207.
Прегицер, Каспар — слесарь в Шорндорфе, у которого собирались главари союза «Бедный Конрад» в 1513 — 1514 гг. — 152.
Просслер, Каспар — предводитель крестьян и рудокопов в Зальцбурге в эпоху крестьянской войны 1525 г. — 191.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809 — 1865) — известный французский публицист и экономист — 238, 353.
Публикола, Публий Валерий — легендарный политический деятель царского периода древне-римской истории — 324.
Пфальцский, курфюрст — см. Людвиг V.
Пфейфер, Генрих (казнен в 1525 г.) — сын мюльгаузенской лавочницы, монах, позже радикальный проповедник, ученик Томаса Мюнцера, руководитель восстания в Мюльгаузене в 1525 г. — 185, 188, 189.
Пфендер, Карл (ум. в 1876 г.) — живописец, член Союза коммунистов — 586, 588, 592.

Р.

Рабман, Франц — южно-германский агитатор в 1525 г. в Гриссене, ученик Томаса Мюнцера — 142.
Радамант — в греческой мифологии подземный судья душ умерших — 290.
Радецкий, Иосиф (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, главнокомандующий австрийских войск в Италии — 454, 455.
Раморино, Джироламо (1792 — 1849) — итальянский генерал, участник путчей Мадзини, расстрелянный в 1849 г. — 455.
Распайль, Франсуа - Венсан (1794 — 1878) — знаменитый французский естествоиспытатель, врач, политический деятель и публицист, член Учредительного собрания 1848 г. — 9, 21, 31, 37, 44.
Рато, Жан-Пьер-Ламотт (1800 — 1887) — адвокат и политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний в 1848 г. — 42, 45, 46, 341.
Раумер, Фридрих, фон (1781 — 1873) — немецкий историк — 266.
Ревентлов, Фридрих-Карл, граф, фон (1797 — 1874) — шлезвиг - гольштинский государственный деятель, в 1848 г. член временного правительства — 257.
Резер, Петер-Гергард (род. ок 1816 г.) — ремесленник, член Кельнского рабочего союза и Кельнского союза коммунистов; обвиняемый в кельнском процессе — 503, 550, 558.
Рейнингер, Иоганн - Георг — портной, с 1843 г. жил в Париже, член Союза коммунистов, председатель немецкого рабочего союза в Париже; эмиссар фракции Виллиха-Шаппера; в 1851 г. был арестован в Майнце и предан суду, освобожден в 1853 г. — 517.
Рейтер — полицейский чиновник и шпион прусского посольства в Лондоне — 499, 501, 509, 559.
Рейхенбах, Оскар, граф (1815 — 1893) — бреславльский демократ, эмигрант, приверженец Кинкеля — 551, 564.
Ремпель, Рудольф — купец в Билефельде, демократ — 575.
Ремюза, Шарль-Франсуа-Мари, граф (1797 — 1875) — писатель и политический деятель, министр иностранных дел в эпоху третьей республики — 378.
Ренар — эксперт на кельнском процессе коммунистов — 546.
Россель, Джон, лорд (1792 — 1878) — английский государственный деятель, премьер-министр (1846 — 1852, 1865 — 1866) — 239, 439, 440, 441.
Рикардо, Давид (1772 — 1823) — знаменитый английский экономист — 260.
Рингс — коммунист, эмигрант в Лондоне — 530, 531, 532, 537, 542.
Рихтер, Жан - Поль (1763 — 1825) — немецкий писатель — 282.
Ричард III (1452 — 1485) — английский король йоркской династии — 384.
Робеспьер, Максимилиан (1758 — 1794) — знаменитый вождь якобинцев — 323.
Робинзон, В. Р. — глава торговой фирмы (W. R. Robinson and C°, Corn Trade) в Лондоне и директор Лондонского банка — 222.
Ройэ-Коллар, Пьер (1763 — 1845) — философ и политический деятель, один из вождей либеральной партии в эпоху реставрации — 324.
Ронге, Иоганн (Меланхтон) (1813 — 1887) — немецкий католический богослов, основатель «христианско-католической» церкви, демократ, эмигрант — 262, 265, 266, 564.
Рорбах, Яшка («Яклейн») (казнен в 1525 г.) — трактирщик в Бенкингене у Гейльбронна, предводитель крестьян Неккарталя, энергичный организатор крестьянских повстанческих отрядов — 168, 169, 171, 172, 176.
Роттакер — эмигрант в Америке — 562.
Ротшильд — банкирский дом, основанный Амшелем Ротшильдом (1743 — 1812 г.) — 6, 7, 207, 211, 574.
Руге, Арнольд (Винкельрид) (1802 — 1880) — немецкий писатель и радикальный политик, левый гегельянец — 258, 262, 506, 564.
Руэр, Эжен (1814 — 1884) — французский адвокат и политический деятель, министр юстиции при второй республике и при второй империи — 372, 381.

С.

Садлер, Майкел-Томас (1780 — 1835) — английский политический деятель, социальный реформист — 102, 109.
Сакс, Ганс (1494 — 1576) — известный немецкий поэт XVI века, нюрнбергский ремесленник, сторонник Лютера — 270.
Саксонский, курфюрст—см. Фридрих III Мудрый.
Салерешн (Шабереш, Самбереш), Амвросий—пештский горожанин, участник крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. — 155.
Салландруз, Шарль-Жан (1808—1867)—фабрикант, член Учредительного собрания — 398.
Сальванди, Нарцисс - Ахилл, граф (1795 — 1856) — французский историк и политический деятель, был несколько раз министром народного просвещения при июльской монархии 385.
Самуил — библейский судья и пророк — 354, 569.
Сафир, Мориц (1795 — 1858) — австрийский поэт и сатирик — 266.
Себастиани, Орас - Франсуа - Бастиан, граф (1772 — 1851) — маршал Франции, министр иностранных дел во время июльской монархии — 25.
Сегюр д'Агессо, Раймонд - Поль, граф (1802 — 1889) — адвокат, администратор и политический деятель, легитимист, потом республиканец, позднее бонапартист — 84.
Семере, Бартоломей (1812 — 1869) — венгерский писатель и политический деятель, участник венгерской революции 1848 — 1849 гг., эмигрант — 571.
Сент-Арно, Жак-Леруа, де (1796 — 1854) — генерал, военный министр с октября 1851 г., один из деятельных участников переворота 2 декабря—342.
Сент-Бев, Анри (1819 — 1855) — фабрикант и землевладелец, член Учредительного и Законодательного собраний, сторонник свободы торговли, противник Луи-Наполеона — 390.
Сен-Жан д'Анжели, Реньо (1794 — 1870) — генерал, военный министр в 1851 г. — 377.
Сен-Жюст, Луи-Антуан (1767 — 1794) — деятель Великой французской революции, друг Робеспьера, член Конвента и Комитета общественного спасения — 323, 451.
Сен-Прист де-Гинар, граф, Эммануил-Луи (1805 — 1851) — писатель, дипломат, член Законодательного собрания, легитимист — 385.
Симон, Людвиг (1810—1882) — адвокат из Трира, демократический политический деятель, член франкфуртского Национального собрания — 271, 272, 273, 274
Симон, он же Петр — евангельский апостол — 412.
Смит, Адам (1723 — 1790) — известный английский экономист и философ — 261.
Собрие, Мари-Жозеф (1825 — 1854) — деятель тайных обществ в эпоху июльской монархии, основатель журнала «La Commune de Paris» (1848) — 295.
Соломон (970 — 938 до нашей эры) — израильский царь — 268.
Сонжон — 570.
Стефан Святой (997 — 1038) — первый король Венгрии — 571.
Стеффен, В. — бывший лейтенант, коммунист, друг Маркса и Энгельса — 578, 579.
Стоффель — организатор союза «Башмака» в Фрейбурге в 1517 г., эмиссар Иосса Фрица — 150.
Струве, Густав (1805 — 1870) — немецкий радикальный писатель и политик, один из вождей баденской революции 1848 г., эмигрант — 492, 592.
Стюарты — английская королевская династия (1603 — 1714) — 278.
Суворов, Александр Васильевич (1730 — 1800) — русский полководец — 455.
Сулук (1787 — 1867) — негр, президент республики Гаити, провозгласивший себя императором Гаити в 1849 г., а в 1850 г. короновавшийся под именем Фаустина I; был свергнут в 1859 г. — 39, 78, 82, 415.
Сэй, Жан - Батист (1767 — 1832) — французский экономист — 324.
Сю, Эжен (1804 — 1857) — французский романист и социалист, член Законодательного собрания — 79, 245, 246, 247, 364.

Т.

Тайлер, Уот (убит в 1381 г.) — вождь крестьянского восстания в Англии 1381 г. — 130.
Талейран, Перигор - Шарль - Морис (1754 — 1838) — французский дипломат и министр — 447.
Телегди, Стефан (убит в 1514 г.) — семиградский воевода, королевский советник, позже королевский казначей Венгрии, убит во время крестьянского восстания — 155.

Тест, Жан-Батист (1780 — 1852) — французский политический деятель, министр июльской монархии — 72.
Техов, Густав-Адольф (род. ок. 1812 — ум. в 1893) — бывший прусский офицер, участник мартовской революции в Берлине, начальник штаба баденской революционной армии, эмигрант — 561, 562, 568, 570, 579.
Титц, Фридрих-Вильгельм (род. ок. 1825 г.) — портной, в 1851 г. был арестован в Гамбурге по обвинению в коммунистической пропаганде — 517.
Тифен, Жан-Лоран — деятель тайных обществ эпохи июльской монархии и реставрации — 295.
Токвилль, Алексис-Шарль (1805 — 1859) — публицист, историк и государственный деятель — 387.
Торньи, Пьер-Франсуа-Леллион (1798 — 1869) — в 1834 г. следователь по делу апрельского восстания в Лионе; министр внутренних дел перед 2 декабря 1851 г — 396.
Тортони — старинное кафэ в Париже, место встреч литераторов и политических деятелей — 90.
Трела, Улисс (1795 — 1879) — врач, журналист, политический деятель, член Учредительного собрания в 1848 г. — 22.
Трирский, курфюрст и архиепископ — см. Грайффентлау, фон, Рихард.
Трухзесс, фон-Вальдбург, Георг (1489—1531) — главнокомандующий войск швабского союза, действовавших против крестьян в 1525 г. — 163, 165, 166, 168, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 188.
Тумб фон-Нейбург, Конрад (1465 — 1525) — вассал и интимный советник герцога Ульриха Вюртембергского — 153.
Тунфельд, Кунц, фон — немецкий рыцарь, последователь Ганса Бегайма, военный предводитель заговора 1476 г. в Вюрцбургском епископстве в Никласгаузене — 145, 146.
Тунфельд, Михаил, фон — сын предыдущего, принимал участие в заговоре 1476 г. — 145, 146.
Туссэн-Лувертюр, Франсуа-Доминик (1746 — 1803) — вождь восставших против испанского владычества негров Сан-Доминго (1791), перешедший потом на службу к французам— 39.
Тьер, Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский политический деятель и историк, орлеанист, палач Парижской Коммуны, президент республики (1871 — 1873) — 63, 66, 68, 79, 246, 249, 279, 342, 348, 350, 353, 363, 379, 386, 387, 388, 390, 392, 395, 397, 399.
Тюнген, Конрад — епископ вюрцбургский с 1519 по 1540 г. — 170, 181.
Тюрго, Андре-Робер-Жак, барон (1721—1781) — французский экономист и государственный деятель, министр финансов при Людовике XVI — 282.
Тюренн, Анри, виконт де-ля-Тур д'Овернь (1611 — 1675) — маршал Франции, завоеватель Фландрии и Пфальца — 464.

У.

Уайзмен (Wiseman), Никола-Патрик-Этьен (1802 — 1865) — английский католический архиепископ, кардинал — 242, 243.
Удино, Шарль-Никола (1791 — 1863)— французский генерал, политический деятель и писатель, орлеанист; 2 декабря 1851 г. был назначен командующим войсками для борьбы с Наполеоном—49, 56, 57, 342, 354, 357, 456.
Ульмер, Иоганн — рабочий, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 531, 542.
Ульрих (1487 — 1550) — герцог вюртембергский с 1498 г. — 152, 153, 154, 163, 164, 165.

Ф.

Фаллу, Фредерик-Пьер, граф (1811 — 1886) — писатель и политический деятель, легитимист и клерикал, министр народного просвещения — 39, 48, 58, 87, 345, 356, 357, 387, 388.
Фаухер, Юлий (1820 — 1878) — немецкий экономист, фритредер, до революции 1848 г. принадлежал к кругу Бруно Бауэра, был приверженцем анархических идей Штирнера — 314.
Фейербахер, Матерн — член совета в Ботваре, глава вунненштейнского крестьянского отряда в 1525 г., вождь бюргерской оппозиции в Вюртемберге, боролся против крайних революционных элементов; после поражения крестьян бежал в Швейцарию — 172, 175, 176.
Фердинанд I (1503 — 1564) — австрийский эрцгерцог, с 1531 г. римский король, с 1558 г. германский император — 163, 182, 183, 191, 193.
Фетида — древне-греческая морская богиня, мать героя Троянской войны Ахиллеса — 336, 337.

Фиклер, Иосиф (1808 — 1865) — член баденского революционного правительства 1849 г., эмигрант — 563.
Филипп I Великодушный (1504 — 1567) — ландграф Гессенский — 160, 187, 189, 194.
Филипп (1479 — 1533) — маркграф баденский — 154.
Флёри (Шмидт), Шарль-Фридрих-Август (правильно Краузе) (род. в 1824 г.) — прусский шпион и полицейский агент — 499, 500, 502, 513, 544, 515, 516, 517, 521, 523, 531, 533, 534, 535, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 551, 552, 553, 554.
Флокон, Фердинанд (1800 — 1866) — французский радикальный публицист, член временного правительства в 1848 г. — 8.
Флориан — пастор из Айхштетта, предводитель вурцбахского крестьянского отряда в 1525 г. — 174.
Фогель — полицейский чиновник — 505.
Фогт, Карл (1817 — 1895) — член Франкфуртского парламента, естествоиспытатель-материалист, состоял на службе у Наполеона III — 202.
Фома — евангельский апостол — 524.
Форнер, Антон — бургомистр Нерлингена, глава революционной партии 1525 г. — 167.
Фоше, Леон (1803 — 1854) — французский экономист, политический деятель, министр внутренних дел в эпоху президентства Луи-Наполеона — 4, 39, 44, 364, 381, 382, 386.
Франциск I (1494 — 1547) — король Франции (1515 — 1547) — 162, 308.
Фрейлиграт, Фердинанд (1810 — 1876) — немецкий поэт, член Союза коммунистов, друг Маркса — 536, 599.
Фридрих II Великий (1712 — 1786) — король Пруссии — 276, 453, 458, 459, 464.
Фридрих III Мудрый (1463 — 1525) — курфюрст Саксонский с 1486 г. — 133.
Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — король Пруссии — 201, 202, 507.
Фриз, А. (Петр) из Пфальца — юрист, участник баденского восстания 1849 г., эмигрант — 488.
Фриц, старый — см. Фридрих II Великий — 453, 458, 459, 464.
Фрундсберг, Георг, фон (1492 — 1526) — командир немецких ландскнехтов — 184, 192.
Фуа, Фернанд (1815 — 1870) (у Маркса — Фуа, Ж.) — пэр Франции во время июльской монархии — 90.
Фукье-Тенвилль, Антуан-Кентон (1746 — 1795) — деятель Великой французской революции, прокурор Революционного трибунала — 49.
Фульд, Ахилл (1800 — 1867) — французский банкир, финансист и политический деятель — 17, 31, 42, 68, 69, 71, 72, 89, 359, 377, 381, 382, 389.
Фурье, Шарль-Мари (1772 — 1837) — французский утопический социалист — 304.
Фуше, Жозеф, герцог Отранский (1759 — 1820) — французский политический деятель, министр полиции (1799 — 1815) — 78, 447.
Фюрстенберг, барон, фон — помещик, присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 504, 556.
Фюстер, Антон — теолог, профессор и проповедник Венского университета, член австрийского ландтага 1848 г. — эмигрант в Лондоне, позже в Америке — 586.

Х.

Христос — 138, 142, 242, 327, 565, 571.
Христофор I (1473 — 1527) — маркграф баденский из рода швабских феодалов Гохбергов — 151.

Ц.

Цабернский, маршал — 182.
Цезарь, Кай-Юлий (100 — 44 до нашей эры), — знаменитый римский писатель, полководец, диктатор — 324.
Цербер — мифологический трехглавый пес подземного царства — 291.
Цирцея — волшебница древне-греческих мифов, превращавшая своими чарами людей в зверей — 401.

Ч.

Чаки, Николай — цонадский епископ, убит во время крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. — 155.

Ш.

Шамбор, граф, Анри-Шарль д'Артуа, герцог Бордосский (1820 — 1883) — внук Людовика XVIII, претендент на французский трон под именем Генриха V, последний отпрыск старшей линии Бурбонов — 251, 349, 367, 385, 388.
Шангарнье Никола-Эме (1793—1877) — французский генерал и политический деятель, орлеанист. Участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г. в Париже — 39, 45, 46, 55, 60, 64,

250, 253, 254, 341, 342, 343, 345, 350, 355, 369, 370, 373, 376, 377, 378, 379, 382, 387, 390, 395, 397, 399.
Шаппелер, Христофор (1472 — 1551) — теолог-реформатор, последователь Томаса Мюнцера, вождь плебейского движения 1525 г. в Меммингене — 142, 183.
Шаппер, Карл (1813 — 1870) — член Союза справедливых, позже член Союза коммунистов, участник майского восстания 1839 г. в Париже и февральской революции 1848 г.; с 1850 г. эмигрировал в Лондон — 506, 507, 508, 509, 510, 516, 517, 518, 519, 523, 548, 549, 550, 552, 559, 561, 568, 571, 572, 579, 580, 598.
Шаррас, Жан-Баптист-Адольф (1810 — 1865) — французский государственный и военный деятель; помощник Кавеньяка при подавлении июньского восстания 1848 г.; после 2 декабря 1851 г. эмигрант — 399.
Швельцер, г-жа фон — 538.
Шекспир, Вильям (1564 — 1616) — великий английский драматург — 368.
Шен, Ульрих (казнен в 1525 г.) — предводитель лейплеймского крестьянского отряда в 1525 г. — 165, 173.
Шенгальс, Карл (1788 — 1857) — австрийский генерал — 212.
Шеню, Адольф (род. в 1816 г.) — член тайных обществ при июльской монархии, агент полиции — 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 302, 303, 304.
Шерваль-Кремер, Франк — шпион — 510, 512, 513, 515, 514, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 540, 550, 554, 558.
Шерваль — жена шпиона Шерваля, англичанка — 517, 518.
Шертнер, Август, из Ганау — участник баденского восстания, эмигрировал в Лондон, устроил гостиницу, где собирались политические эмигранты — 551, 552, 564.
Шефтсбери, Купер Антони-Эшли, лорд (1671 — 1713) — английский писатель, моралист — 277.
Шефтсбери, Антони Купер-Эшли, лорд (1801 — 1885) — английский филантроп и государственный деятель — 96, 102, 104, 109.
Шиллер, Иоганн - Фридрих (1759 — 1805) — великий немецкий поэт — 265, 266, 272.
Шили, Виктор (ум. в 1875 г.) — адвокат из Трира, офицер, участник баденского восстания, с 1849 г. эмигрант, впоследствии член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — 561, 576.
Шиммельпфениг, Александр (1824 — 1865) — прусский офицер, участник баденского восстания, член Союза коммунистов, участник гражданской войны в Америке — 575.
Шлемиль — герой произведения Шамиссо (1781 — 1838) «Петер Шлемиль» — 344.
Шмидт — см. Флёри.
Шмидт, Георг (Кнопф) (казнен в 1525 г.) — сын крестьянского депутата из Лунбаса, маляр, предводитель крестьян у Кемптена, после поражения бежал в Брегенц — 184.
Шмидт, Ульрих, из Зульмингена — предводитель бальтрингенского отряда крестьян в 1525 г. — 164.
Шмиц — частный секретарь Шнейдера II — 530, 532.
Шнейдер, Георг — предводитель ландскнехтов, из Цаберна, член союза «Башмака» в 1517 г. — 150.
Шнейдер II, Карл — адвокат из Кельна, демократ, защитник кельнских коммунистов — 521, 525, 530, 531, 534, 536, 537, 539, 540, 544, 547, 560, 576.
Шпет, Дитрих, из Цвифальтена (ум. в 1536 г.) — крупный феодальный землевладелец, вюртембергский военный деятель, участник подавления восстания в 1525 г. — 173, 175, 178.
Шпигельберг — персонаж в трагедии Шиллера «Разбойники» — 369.
Шрамм, Жан - Поль (1789 — 1864) — французский генерал, военный министр (октябрь 1850 — январь 1851) — 371.
Шрамм, Конрад (1822 — 1858) — член Союза коммунистов, издатель «Нового рейнского обозрения», друг Маркса и Энгельса — 518, 519, 567, 568, 569, 570, 577.
Штейн, Лоренц (1815 — 1890) — немецкий юрист и экономист, автор книг о французском социализме и коммунизме, прусский шпион — 556, 557.
Штейнгенс, Зуитберт - Генрих - Герман (род. в 1819 г.) — маляр, член Союза коммунистов, свидетель в кельнском процессе — 527, 551.
Штернберг, Александр, барон фон-Унгерн-Штернберг (1806 — 1868) — немецкий романист, родом из Эстляндии, с 1848 г. реакционер — 266.
Штехан, Готлиб-Людвиг — столяр из Генновера, член Союза отверженных, позже принадлежал к Союзу коммунистов, с 1851 г. эмигрант в Лондоне — 350, 574.

Штибер, Вильгельм (1818 — 1882) — чиновник прусской политической полиции — 499, 500, 501, 503, 505, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 543, 547, 550, 553, 554, 555, 565, 599.

Штибер, г-жа — жена полицейского комиссара Штибера — 513, 515.

Штирнер, Макс (псевдоним Каспара Шмидта) (1806 — 1856) — немецкий философ и теоретик индивидуалистического анархизма — 314.

Штольберг, Бото, граф, фон (1467 — 1538) — имперский советник, гофмейстер монастырей Магдебурга и Гальберштадта и советник кардинала Альбрехта — 136.

Штольбергский, граф — см. Штольберг, Бото, граф, фон.

Шторх, Николай (ум. в 1525 г.) — ткач из Цвиккау, глава тамошней секты анабаптистов — 136.

Штраус, Давид-Фридрих (1808—1874) — немецкий теолог, левый гегельянец, автор книги «Жизнь Иисуса» — 282.

Шульц (ум. в 1852 г.) — директор полиции в Кельне — 504, 524, 554.

Шурц, Карл (1829 — 1906) — участник баденско - пфальцского восстания 1849 г., в 1852 г. устроил побег Кинкеля из тюрьмы; эмигрировал в Америку, где стал видным государственным деятелем — 491.

Шуфтерле — персонаж в трагедии Шиллера «Разбойники» — 369.

Э.

Эванс, Давид Морьер (1819 — 1874) — английский писатель-экономист—225.

Эвербек, Август-Герман, д-р (1816 — 1860) — немецкий революционер, писатель, эмигрант в Париже, член Союза коммунистов — 495.

Эйзенгут, Антон (казнен в 1525 г.) — священник, вождь крестьянского восстания в Эпингене — 176.

Эйтель, Ганс, из Берматингена — крестьянин, предводитель «Озерного отряда» во время крестьянской войны 1525 г. — 164.

Эккариус, Георг (1818 — 1889) — портной, член Союза коммунистов, генеральный секретарь I Интернационала — 575.

Эккариус II, Иоганн-Фридрих — портной, брат Георга Эккариуса — 574.

Эккарт «Верный» — герой древне-немецкого сказания — 265.

Эккермая, Якоб - Кристоф - Рудольф (1754 — 1837) — немецкий теолог — 266.

Энгельгард, Магдалина - Филиппина, урожд. Гаттерер (1756 — 1831), немецкая поэтесса — 266.

Энгельс, Фридрих (1820 — 1895) — 488, 519, 536, 561, 562, 563, 564, 565, 567, 570, 572, 581, 588, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 599.

Эшли, Антони Купер — см. Шефтсбери.

Ю.

Юнкерман — инспектор полиции из Эльберфельда — 546.

Я.

Янсен, Иоганн, из Кельна (ум. в 1849 г.) — участник баденско-пфальцского восстания, расстрелян в Раштатте 19 октября 1849 г. — 446.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Предисловие редактора VII

К. МАРКС.

1848—1849. [Классовая борьба во Франции.] 1

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Hefte 1, 2, 3.)

I. Июньское поражение 1848 г. 4

II. 13 июня 1849 г. 27

III. Последствия 13 июня 1849 г. 56

К. МАРКС.

Луи-Наполеон и Фульд 87

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Десятичасовой рабочий день 93

Вопрос о десятичасовом рабочем дне 95

(«The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature», 1850, vol I.)

Английский билль о десятичасовом рабочем дне 101

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Крестьянская война в Германии 113

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 5 — 6.)

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.

Международные обзоры 199

I 201

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 2.)

II 215

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)

III От мая до октября 219

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 5—6.)

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.

Критика и рецензии 263

Г.-Фр. Даумер: «Религия нового века» 265

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 2.)

Л. Симон из Трира: «Слово права к немецким присяжным в защиту всех борцов за имперскую конституцию 271

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 2.)

Ф. Гизо: «Почему удалась английская революция?» 275

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 2.)

Т. Карлейль: «Современные памфлеты. № 1. Наши дни; № 2. Образцовые тюрьмы» 281

(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)

стр.

А. Шеню: «Заговорщики, тайные общества и др.» — Л. де-ла-Одд: «Рождение республики в феврале 1848 г.» 293
(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)
Э. де-Жирарден: «Социализм и налог» 306
(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.

Статьи для «Revolution» и «Notes to the People» 319
Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *(К. Маркс.)* 321
(«Die Revolution», New-York, 1852, Heft 1.)
Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого [1851] года. *(Ф. Энгельс.)* . 417
(«Notes to the People», 1852, vol II.)
Статьи об Англии. *(Ф. Энгельс.)* 429
(Из рукописного наследства.)
I 431
II 439

К истории борьбы фракций в демократической эмиграции 443
Готфрид Кинкель *(Маркс - Энгельс)* 445
(«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», 1850, Heft 4.)
Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. *(Ф. Энгельс.)* 448
(Из рукописного наследства.)

К истории Союза коммунистов 477
Первое обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов . 479
Второе обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов . 490
Процесс коммунистов в Кельне. *(Ф. Энгельс.)* 497
(«New-York Daily Tribune», 1852, Febr. 27 — Oct. 2.)
Разоблачения о кельнском процессе коммунистов. *(К. Маркс.)* 503
(1853, Basel; 1853, Boston.)
I. Предварительные замечания 503
II. Архив Дитца 507
III. Заговор Шерваля 510
IV. Подлинная книга протоколов 523
V. Сопроводительное письмо к «Красному катехизису» . . 546
VI. Фракция Виллих-Шаппера 548
VII. Приговор 553
Рыцарь благородного сознания. *(К. Маркс.)* 559
(1853, London.)

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Призыв к оказанию помощи немецким беженцам 585
(«Demokratische Zeitung», 1849, № 220.)
Воззвание 587
(«Die Hornisse», 1850, № 67.)
Прусские шпионы в Лондоне 589
(«Spectator», 1850, номер от 15 июня.)
Немецкие беженцы в Лондоне 592
(«Die Hornisse», 1850, № 146.)
В редакцию «Везерской газеты» 593
(«Die Weserzeitung», 1850, № 314.)
Заявление (27 января 1851 г.) 595
(Место опубликования неизвестно.)
Заявление (4 октября 1851 г.) 597
(«Kölnische Zeitung», 1851, № 242.)

стр.

Заявление и письма в связи с кельнским процессом 598

I . . . . . .

(«Kölnische Zeitung», 1852, № 57.)

II 598

(«People's Paper», 1852, № 26.)

III 599

(«People's Paper», 1852, № 27.)

Указатель имен 603

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

1. Факсимиле договора коммунистов с бланкистами . . . . XXXII — XXXIII
2. Обложка «Обозрения Новой рейнской газеты». . . . . 96 — 97
3. Титульный лист журнала «Die Revolution» . . . . . 336 — 337
4. Факсимиле страницы «Notes to the People» со статьей Энгельса . 424 — 425
5. Факсимиле начала рукописи Энгельса «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.» 448 — 449
6. Титульный лист базельского издания «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» . . . . . 502 — 503
7. Титульный лист бостонского издания «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» . . . . . 528 — 529

Государственное издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

И, 1. Гиз № 33679/м.
Ленинградский Областлит № 46316.
43¹/₈ л. Тираж 30000.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ

От редакции. — **Статьи и исследования.** Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. К. Маркс о капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами. — **Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс — Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс — Ламплё. — Два письма Энгельса к болгарам. — **Из истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. — Его же. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гурвич. Из воспоминаний. Мой перевод „Капитала." — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** — Fichteапа в Кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижской Коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ

Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. „Бакунин: Государственность и анархия". — **Письма и документы.** П. Лафарг. Письма к Николаю — ону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** Труды английских экономистов XVII в. (1582—1708). — Сочинения А. Клоотса в Кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в Кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — **Письма и документы.** Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — **Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института.** Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

К 60-летию первого тома „Капитала". Ф. Энгельс. Четыре рецензии на „Капитал" Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе в школе Маркса. — **Статьи и исследования.** М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — **Материалы и сообщения.** Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — **Критика и рецензии. — Письмо в редакцию — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по просвещению. — Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. — Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ

Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову. — **К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова.** Г. В. Плеханов. Два слова читателям-рабочим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии. — М. М. Ковалевский о книге Бельтова. — **Материалы и сообщения.** Письма М. А. Бакунина к Кассиловскому. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе. — **Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги — 4 руб.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ШЕСТАЯ

Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком. — **Статьи и исследования.** Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — **Материалы и сообщения.** Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу. — П. Аксельрод. Группа „Освобождение труда" (Неопубликованные главы из второго тома „Воспоминаний"). — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал за 1923 — 1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ

К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как экономист. — Ц. Фридлянд. Н. Г. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — **Материалы и сообщения.** И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская („Елизавета Дмитриева"). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина (Письма к В. Ф. Лугинину и к И. Демонтовичу). — Письмо Жорж Занд к М. А. Бакунину. — **Критика, обзоры и рецензии.** Д. Рязанов. Ответ на „открытое письмо" Б. Полонского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии, помещенных в „Вестнике Коммунистической академии" за 1922 — 1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция рукописей из литературного наследства Ф.-Домелы Ньювенгуйса. — „Парижская коммуна 1871 г.". Стр. 271. Ц. 2 р.

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ

Статьи и исследования. Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев. — Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Флеровского К. Марксу. — **Материалы и сообщения.** Две статьи Г. В. Плеханова из болгарского „Социалиста". — Анонимная брошюра М. А. Бакунина „Положение в России". — Письма М. А. Бакунина к брату Александру и к Н. И. Тургеневу. — **Критика, обзоры и рецензии.** А. Реуэль. Обзор статей по теоретической политической экономии в журнале „Под знаменем марксизма" за 1922—1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция писем Л. Фейербаха. — Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 250. Ц. 2 р.

КНИГА ПЕРВАЯ (ОДИННАДЦАТАЯ)

К двухсотпятидесятилетию со дня смерти Гоббса. И. Луппол. Томас Гоббс. — И. Рубин. Экономические взгляды Томаса Гоббса. — **Статьи и исследования.** Ф. Шиллер. Энгельс и литература. — Х. Кабакчиев. Дмитрий Николаевич Благоев. — **К истории „Капитала" в России.** А. Реуэль. Полемика вокруг „Капитала" Карла Маркса в России 1870-х годов. — О. Маркова. Отклики на „Капитал" в России 1870-х годов. — **К истории марксизма в России.** — Г. Плеханов. Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность. — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1929 г. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги — 4 руб.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

Круг задач „Архива" определяется задачами самого Института Маркса и Энгельса. Это — изучение генезиса, развития и распространения идей научного социализма, иными словами — истории марксизма, его теории и практики. В исполнение этих задач „Архив" печатает исследования и документы по истории международного рабочего движения, генетике и истории марксизма, диалектического материализма, публикует рукописи Маркса и Энгельса, а также материалы к их биографии, обзоры современной литературы о Марксе и Энгельсе и о марксизме.

КНИГА I. М. 1930. Изд. 3-е. Стр. 497. Ц. 4 р.

Содержание: От редакции. — **Отдел I. Статьи и исследования:** А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта. — Э. Цобель. К истории Союза коммунистов. Кельнская община Союза до мартовской революции. — Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала. — **Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.** К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловие редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к „Немецкой идеологии". Фейербах (Идеалистическая и материалистическая точки зрения). — Д. Рязанов. Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции". — **Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса.** В. Засулич и К. Маркс. — Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** А. Удальцов. К теории классов у Маркса и Энгельса. — А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства. — Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме. — Ник. Карев. Маркс и Гегель. — И. Луппол и Гр. Баммель. Кант или Маркс. — Г. Тымянский. Исторический материализм. — И. Рубин. Политическая экономия. — Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М. — Л. 1925. Стр. XXXII + 504. Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова. **Приложение:** Вариант введения к „Анти-Дюрингу". Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен. — **Приложение:** Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914—1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М. — Л. 1927. Стр. 521. Ц. 5 р.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте. — Е. Тарле. Лионское рабочее восстание. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** Д. Рязанов. От „Рейнской газеты" до „Святого семейства" (вступительная статья). — К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — К. Маркс. Подготовительные работы для „Святого семейства". — Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга). — **Отдел III. Материалы и сообщения.** К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне. — Р. Постгейт. Документы Первого Интернационала. — Е. Косминский. Книга протоколов Генерального совета Первого Интернационала. (1866—1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта. — Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts". — Письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. — А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии. — Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. — Г. Лукач. Новая биография М. Гесса. — В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма. **Рецензии.** Г. Баммель. Демокрит и Платон. — А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе. — И. Рубин. Из новой литературы о марксовой теории денег. — С. Лурье. Социализм в древности. — Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса. — Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской Коммуне.

КНИГА IV. М. 1929. Стр. 514. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. В. Максимовский. Вико и его теория общественных круговоротов. — И. Рубин. К истории текста первой главы „Капитала" К. Маркса. — В. Волгин. Социологические взгляды Фурье. — М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана. — Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из „Немецкой идеологии". (С пред. Д. Рязанова). — Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала". (С предисл. Д. Рязанова.) — К. Маркс. Выписки из Макиавелли. Со вступительной статьей В. Максимовского. — **Отдел III. Материалы и сообщения.** Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. — Ф. Потемкин. Промышленная революция во Франции по новейшим работам. — Е. Косминский. Энгельс и Бюре. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Рубин. Новый „Анти-Маркс". — **Рецензии.** Исторический материализм. Политическая экономия. История социализма и рабочего движения. — Письма в редакцию.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА